ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2015. № 401. Декабрь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- HISTORY
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2015. № 401. December

Томский государственный университет
2015

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **В.И. Голиков**, канд. ист. наук, доц.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук., доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **V. Golikov**, PhD in History, Associate Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr.of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 401 Декабрь 2015

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793;
электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 401 December 2015

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Антонова Т.Г. Метафорическое моделирование социального конфликта в медиадискурсе: пространственные метафоры 5
Баранова А.В. Периодизация русских переводов прозы Томаса Гарди: к постановке проблемы переводческой рецепции прозы Гарди в России 13
Воронец М.В. Выбор глагола в условиях конкуренции видов 21
Галькова А.В. Словесный портрет в мемуарно-автобиографической прозе М.В. Добужинского 26
Гнюсова И.Ф. Образ священнослужителя в прозе А.П. Чехова в контексте русской и английской традиции (Н.С. Лесков и Дж. Элиот) 34
Канадзава Томоо. О.П. Козодавлев и «Собеседник любителей российского слова» 43
Кухтенкова А.А. Актуализация текстовых рематических доминант в изображениях статальных состояний (на материале языка романов Г.И. Газданова) 49
Миклашевский А.А. Влияние факторов пола и возраста на процессы вербального vs образного кодирования информации: экспериментальное исследование 55
Огудов С.А. Диегезис и гротеск: киноадаптация «Шинели» Ю.Н. Тынянова 63
Пономарева А.А. Усвоение и разработка заимствованных сюжетов в беллетристике (Роман Жорж Санд «Жак» и русская повесть 1850-х гг.) 69

ИСТОРИЯ

Абсеметов М.О. Казахстан в судьбе академика Л.С. Штерн 79
Белгородская Л.В. Идеологема «герой Великой Отечественной войны» в современной англо-американской энциклопедистике 84
Беликова О.Б. Об архиве ученого и общественного деятеля А.В. Адрианова (1854–1920) в Томском государственном университете 87
Емельянов Е.П. «Докладчик впал в другую крайность». Н.В. Устюгов на совещании Башкирской комиссии Института истории АН СССР 4–7 февраля 1946 г. 92
Емельянова А.В. Мемуары о частной школе в отечественной историографии XIX – начала XX в. 97
Кудряшев В.Н. К.Н. Леонтьев в русском национальном дискурсе второй половины XIX в. 100
Лекаренко О.Г. Проблема разделения ядерной ответственности в НАТО в годы президентства Л. Джонсона 108
Литвинова О.Г. Технология строительства Обь-Енисейской соединительной водной системы: первый этап (1882–1886 гг.) 117
Луков Е.В. Межрегиональное взаимодействие как механизм адаптации оборонно-промышленного комплекса Сибири к рыночной экономике в переходный период 1990-х гг.: на примере деятельности ассоциации «Сибирское соглашение» 127
Ляпкова А.А. Формирование военных полков из раскольников, возвращенных из Польши в Россию в 1763–1764 гг. 134

CONTENTS

PHILOLOGY

Antonova T.G. Metaphorical modelling of social conflict in media discourse: orientational metaphors 5
Baranova A.V. Periods of Thomas Hardy's fiction translation in Russia: towards translation reception of Hardy's fiction in Russia 13
Voronets M.V. Verb choice in aspectual competition 21
Galkova A.V. The verbal portrait in the memoirs of M.V. Dobuzhinskiy 26
Gnyusova I.F. The character of the clergyman in A.P. Chekhov's prose in the context of Russian and English literature tradition (N.S. Leskov and George Eliot) 34
Kanazawa T. O.P. Kozodavlev and the journal *Sobesednik lyubiteley rossiyskogo slova* 43
Kukhtenkova A.A. Actualization of textual comment dominants in the expression of static states (in the language of the novels by G.I. Gazdanov) 49
Miklashevsky A.A. The influence of age and sex on verbal vs visual processing of information: an experimental study 55
Ogudov S.A. Diegesis and grotesque: the film adaptation of *The Overcoat* by Yu.N. Tynyanov 63
Ponomareva A.A. Adoption and development of borrowed plots in fiction (the novel *Jacques* by G. Sand and the Russian narrative story of the 1850s) 69

HISTORY

Absemetov M.O. Kazakhstan in the fate of Academician L.S. Shtern 79
Belgorodskaya L.V. The ideologeme "Hero of the Great Patriotic War" in contemporary Anglo-American encyclopedias 84
Belikova O.B. On the archive of scientist and public figure A.V. Adrianov (1854–1920) in Tomsk State University 87
Emelyanov E.P. "The orator fell into the other extreme". N.V. Ustyugov at the meeting of the Bashkir Committee of the USSR AS Institute of History, 4–7 February 1946 92
Emelyanova A.V. Memoirs of a private school in the Russian historiography of the 19th – early 20th centuries 97
Kudriashev V.N. K.N. Leontiev in the Russian national discourse of the second half of the 19th century 100
Lekarenko O.G. The problem of sharing nuclear responsibility in NATO during the presidency of Lyndon Johnson 108
Litvinova O.G. The technology of the Ob-Yenisei Waterway construction: the first stage of 1882–1886 117
Lukov E.V. Interregional cooperation as a mechanism of adaptation of Siberia's military-industrial complex to the market economy during the transition period of the 1990s: the case of the Siberian Accord association 127
Lyapkova A.A. Formation of military regiments from old believers that returned from Poland to Russia in 1763–1764 134

Мажинский С.В. Центральное правительство Китая и автономный район Внутренняя Монголия в 1966–1969 гг.: от диалога к политической борьбе 139
Пономарёва С.А. Научная деятельность Г.И. Спасского в Томской губернии (1804–1808 гг.) 145
Рагозин Д.В. Дипломатическая борьба по проблеме освобождения Бирмы от японских захватчиков (1942–1943 гг.) 151
Симонова М.В. Степан Тимофеевич Разин – государственный преступник или народный герой? 160
Усольцева О.В. Практика проектирования и преобразования сельского расселения Томской области в 1970-е гг. 165
Фефелова О.А. Высшие иерархи Русской православной церкви – выпускники Киевской академии в Сибири в XVIII – первой половине XIX в. 175
Филькина А.В., Филькин К.Н. История движения «Харе Кришна» в США и Великобритании через призму концепции Вебера–Трельча 181
Черемных О.А. Городское водоснабжение Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 190
Чуркин М.К., Токмурзаев Б.С. Перспективы аграрного освоения территорий степного края в колонизационных планах российской власти во второй половине XIX – начале XX вв. 196
Шерстюков С.А. Джихад «made in Germany»: Первая мировая война и споры об исламе 207

Mazhinskiy S.V. Chinese government and the Inner Mongolia Autonomous Region during 1966–1969: from dialogue to political struggle 139
Ponomareva S.A. Scientific activity of G.I. Spassky in Tomsk Province (1804–1808) 145
Ragozin D.V. Diplomatic struggle on the issue of the liberation of Burma from the Japanese invaders (1942–1943) 151
Simonova M.V. Stepan Timofeevich Razin: a state criminal or a national hero? 160
Usoltseva O.V. The practice of designing and transformation of rural population distribution of Tomsk Oblast in the 1970s 165
Fefelova O.A. The highest hierarchs of the Russian Orthodox Church: graduates of the Kiev Academy in Siberia in the 18th and in the first half of the 19th centuries 175
Filkina A.V., Filkin K.N. The history of the Hare Krishna Movement in the USA and Great Britain in terms of the Weber–Troeltsch conception 181
Cheremnykh O.A. Urban water supply in Western Siberia during the Great Patriotic War 190
Churkin M.K., Tokmurzaev B.S. Prospects of the agrarian territory development of the steppe region in the colonization plans of the Russian power in the second half of the 19th – early 20th centuries 196
Sherstyukov S.A. Jihad “made in Germany”: the First World War and the controversy about Islam 207

ПРАВО

Желева О.В. Недопустимость злоупотребления правом как одна из обязанностей обвиняемого 216
Лозинский И.В. Совершенствование уголовного законодательства Российской Федерации, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности: криминализация или декриминализация? 222
Лукьянова А.А. К вопросу о регламентации института личности в уголовном процессе 228
Прозументов Л.М. Уголовное законодательство России XIX – первой половины XX в. об организованных преступных группах 233
Суздальцева Т.И. Субъекты права на компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок 239
Татаринов С.А. К вопрос о юридической силе постановлений Конституционного Суда Российской Федерации и актов судов общей и арбитражной юрисдикции 244
Черноусова А.В. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение имущества по уголовному уложению 1903 г. 249

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 254

LAW

Zheleva O.V. Inadmissibility of abuse of right as one of the defendant’s obligations 216
Lozinsky I.V. The development of criminal legislation of the RF for the protection of social relations in the sphere of economic activity: criminalization or decriminalization? 222
Lukyanova A.A. On the regulation of the institute a person in the criminal proceeding 228
Prozumentov L.M. Russia’s criminal legislation of the 19th – first half of the 20th centuries on organized criminal groups 233
Suzdaltseva T.I. Holders of the right to compensation for violation of the right to a fair trial within a reasonable time or the right to execute a judicial act within a reasonable time 239
Tatarinov S.A. On the problem of the legal effect of judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation and decisions of courts of general and arbitral jurisdiction 244
Chernousova A.V. Criminal liability for destruction or damage of property according to the Criminal Code of 1903 249

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 254

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 5–12. DOI: 10.17223/15617793/401/1

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81

Т.Г. Антонова

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА В МЕДИАДИСКУРСЕ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МЕТАФОРЫ

Рассматривается метафорическое моделирование социального конфликта в медиадискурсе. Выявляются типы концептуальных метафор пространственной ориентации, задействованных в моделировании конфликта. Определяются моделируемые структурные компоненты конфликта. Исследуются смысловые, в том числе оценочные, эффекты метафорического моделирования. Анализируется влияние описанных моделей на формирование образа конфликта в медиадискурсе. Материалом для исследования послужили новостные и аналитические тексты СМИ, посвящённые конфликту в Греции.

Ключевые слова: пространственные метафоры; концептуальная метафора; структурные компоненты конфликта; социальный конфликт; метафорическая модель; метафорическая номинация; интерпретационный потенциал метафоры.

Физический опыт человека помогает ему осмысливать абстрактные явления социальной жизни. Наделяя абстрактные явления физическими характеристиками, мы делаем их восприятие более наглядным, как бы физически ощутимым. Проецирование особенностей пространственной ориентации на социальные явления помогает человеку структурировать мир абстрактных понятий в их взаимодействии. «Пространство – одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком» [1. С. 127]. Как отмечает Ю.М. Лотман, любое существование возможно лишь в условиях определенной пространственной конкретности [2. С. 257]. Пространство имеет «исключительно важное, если не доминирующее, значение в создании картины мира той или иной культуры», поскольку познание окружающего мира напрямую связано с созданием его пространственной модели [Там же. С. 275]. Языковому пространственному моделированию могут подвергаться и сферы, изначально не имеющие пространственного облика.

Столь значимая роль категории пространства в жизнедеятельности человека обусловливает необходимость системного изучения всех её составляющих, что объясняет неугасающий интерес лингвистов к данному вопросу. Современная лингвистика занимается изучением процессов и средств вербализации и концептуализации категории пространства в различных языках и текстах, описанием семантики пространственных отношений, исследованием роли категории пространства в лингвокогнитивных процессах, в частности, в процессах языкового миромоделирования (Е.С. Яковлева, В.Г. Гак, Е.С. Кубрякова, Е.В. Падучева, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв, А. Зализняк, Р.Н. Порядина, Л.П. Дронова и др.). Пространственные образы являются одним из проявлений общей закономерности «смыслового аналогического уподобления» сфер абстрактного явлениям физически и чувственно воспринимаемым. Метафора же является одним из основных механизмов воплощения пространственного моделирования в языке [3. С. 326–327]. Как отмечает З.И. Резанова, метафорическая номинация представляет собой языковой способ «возвращения» человека к его первичному телесному опыту, пространство же является одной из первых реалий бытия, познанных человеком [4. С. 57].

В основе нашего исследования лежит лингвокогнитивный подход к изучению метафоры, центральной единицей анализа при котором является концептуальная метафора – форма концептуализации новой сферы, когнитивный процесс формирования новых понятий на основе других, уже познанных человеком. Согласно данному подходу метафоризация основывается на взаимодействии когнитивных структур двух концептуальных сфер – сферы-источника и сферы-мишени. Сфера-мишень – это менее понятная концептуальная сфера, некоторые области которой структурируются по образцу элементов сферы-источника. Та мыслительная схема, по которой думает человек, объединяя две понятийные сферы, и согласно которой происходит концептуализация понятий сферы-мишени, называется метафорической моделью [5. С. 9; 6; 7. С. 55–56]. Когнитивная метафора как средство познания действительности находит своё языковое воплощение в метафорических номинациях, анализ которых даёт возможность исследовать когнитивную модель интерпретации фрагмента действительности носителями определённого языка.

Специфика метафорической номинации заключается не только в когнитивной операции, но и в способах ее языковой репрезентации [4. С. 80], обусловленных особенностями дискурсивных сфер реализации моделей. Актуализация значений метафорических номинаций и их миромоделирующего потенциала происходит в текстах [8. С. 203], в которых, согласно современной научной парадигме, рождается и реализуется дискурс [9. С. 9]. Данные положения обусловливают актуальность исследования концептуальной метафоры как существенной части дискурса. Интерес исследователей при изучении метафоры всё больше перемещается к анализу её дискурсивного варьирования (А.П. Чудинов, З.И. Резанова, Н.А. Мишанкина и др.). В работах данного направления отмечается, что реализация моделирующего потенциала метафоры зависит от таких дискурсивных факторов, как целеполагание, стиль, основная темати-

ка и ценностные доминанты дискурса [8. С. 201–206; 10. С. 37–48]. Наряду с этим многие метафорологические исследования содержат убедительные доказательства того, что пространственные образы зачастую кладутся в основу моделирования многих сфер жизнедеятельности человека в различных типах дискурсов, реализуя разные аспекты своего интерпретирующего потенциала (О.П. Ермакова, Л.И. Ермоленкина, А.М. Мухачева, Н.А. Мишанкина и др.).

Данная работа является частью более широкого исследования, направленного на изучение метафорического моделирования социального конфликта в медиадискурсе. Ранее нами были исследованы способы интерпретации социального конфликта в медиадискурсе посредством структурной концептуальной метафоры. В этой же статье мы продолжаем рассматривать продуктивные метафорические модели, задействованные в репрезентации социального конфликта, перемещаясь в плоскость пространственной метафоры.

Предметом анализа выступают пространственные метафоры как средство когнитивного моделирования социального конфликта в медиадискурсе. Цель нашей работы заключается в исследовании того, каким образом задействуется интерпретационный потенциал концептуальных пространственных метафор в формировании образа социального конфликта в медиадискурсе. Мы выявим типы пространственных метафор, участвующих в моделировании социального конфликта, определим, какие компоненты конфликта моделируются метафорически, и проанализируем смысловые, в том числе оценочные, эффекты такого моделирования.

Пространственные метафоры широко изучены в современной метафорологии. Однако большая часть таких исследований лежит в плоскости структурно-семантического подхода. Мало представлены также работы, выполненные на материале тематических дискурсов. В нашем исследовании мы, систематизируя накопленный опыт в области исследования пространственной метафоры, концентрируем своё внимание на частных, дискурсивных моментах её использования, перемещаясь в когнитивно-дискурсивную плоскость. Для нас пространственные метафоры представляют интерес как средство образного моделирования структурных компонентов конкретного социального конфликта, конфликта в Греции (2010–2013 гг.). Таким образом, материалом для нашего анализа становится тематически организованный дискурс как субдискурс медиадискурса. Обращение к медиадискурсу позволяет исследовать метафору на материале живой, динамичной, современной речи, выявляя культурно-национальную специфику её использования. Всё вышесказанное обусловливает актуальность нашего исследования. Более того, исследование носит междисциплинарный характер, находясь на стыке метафорологии, когнитивистики, конфликтологии, что согласуется с научной парадигмой современной лингвистики. Языковое миромоделирование также относится к наиболее актуальным проблемам лингвистики 21-го века [11. С. 5–17], и исследование метафорического моделирования отдельных фрагментов действительности вносит вклад в формирование целостной метафорической картины мира.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу способов метафорического моделирования компонентов социального конфликта в медиадискурсе посредством пространственных метафор, представляется целесообразным рассмотреть структуру социального конфликта, как она представлена в социологических работах. К основным компонентам социального конфликта можно отнести его участников, объект конфликта, его предмет и конфликтную ситуацию, т.е. ту среду, в которой происходит развитие конфликта [12]. Под участниками конфликта понимаются его субъекты (собственно противоборствующие стороны) и посредники (нейтральные лица, задействованные в разрешении конфликта). Одни и те же участники конфликта могут выступать в различных статусах на разных этапах конфликта. К значимым этапам конфликта относятся его основные стадии: предконфликтная (латентная), конфликтная (открытая) и завершение конфликта [13, 14]. Как свидетельствуют материалы ассоциативных экспериментов, устойчивые элементы конфликта актуальны в языковом сознании говорящих [15. С. 34–42].

Поставленная в работе цель выявления интерпретационного потенциала концептуальной пространственной метафоры в моделировании социального конфликта решается на материале медийного представления социального конфликта в Греции (2010–2013 гг.). Источником материала для исследования послужили новостные и аналитические тексты из 8 СМИ: «Литературная газета», веб-сайты медиаисточников: BBC Русская служба, «Вести. Экономика», телеканал Euronews Греция, ИА Оружие России, «Греция от Greek.ru» ЕС Сегодня, NEWSru.com, «DeutscheWelle».

Социальный конфликт в Греции можно рассматривать как затяжной, характеризующийся сложными структурными отношениями, при которых стороны конфликта одновременно выступают в разных статусах. Имеет место конфликт между недовольным населением Греции и правящей элитой. Затем развивается конфликт между Грецией и Германией. Параллельно имеет место конфликт между правительством Греции и правительствами ведущих стран ЕС, которые оказывают влияние на развитие ситуации в Греции. В качестве предмета конфликта можно выделить неэффективную экономическую политику греческого правительства и давление со стороны ведущих стран ЕС по поводу проводимых в стране реформ. Объектом конфликта являются дефицит материальных ресурсов и способ их распределения. Конфликт назревает и развивается в условиях социальной напряжённости на фоне экономического кризиса. Причиной роста социальной напряжённости и начала конфликта становится, по большому счёту, усиление депривации населения, вызванное политикой сокращения расходов бюджета. Как и в любом конфликте, имеют место иррациональные элементы, проявляющиеся в повышенной эмоциональности при восприятии ситуации и в субъективном видении противоборствующей стороны и конфликта в

целом, этому, в том числе, способствует интерпретация данного конфликта в различных СМИ.

Из большого массива медиатекстов, информирующих о конфликте в Греции, нами были отобраны 94 статьи, содержащие метафорические номинации. В анализируемых текстах общим объёмом 34 627 слов было обнаружено 840 метафорических номинаций, 259 из которых репрезентируют концептуальные пространственные метафоры, что составляет 30,8% от общего числа метафор. Необходимо отметить, что пространственные метафоры широко используются во всех видах медиатекстов, как в новостных материалах, так и в аналитических и публицистических текстах.

Как показал анализ, пространственные метафоры оказываются задействованными при репрезентации таких компонентов конфликта, как **конфликтная ситуация, участники конфликта и их действия**.

Рассмотрим, какие **типы пространственных метафор** используются при моделировании данных компонентов конфликта. Прежде всего, необходимо отметить, что пространственные (ориентационные) метафоры – это тип концептуальных метафор, которые организуют целую систему концептов по образцу другой системы, путём переноса отношений между пространственными объектами физического мира в другие миры, в результате чего концепты наделяются пространственной ориентацией [5. С. 35; 16. С. 296]. В основе таких метафор лежит опыт пространственной ориентации человека в окружающем его мире. Являясь наиболее укоренившимися когнитивными моделями, они настолько привычны, что их механизмы практически не осознаются и «не требуют дополнительных умственных усилий ни при порождении, ни при восприятии» [17. С. 12].

В основе пространственных метафор лежат оппозиции [16. С. 296], позволяющие задать упрощённую схематизацию окружающего мира. Мы обнаружили, что при репрезентации конфликта в Греции посредством пространственных метафор оказываются задействованными такие оппозиции, как *верх – низ*, *широкий – узкий*, *внутри – снаружи*, *центр – периферия*. Данные оппозиции послужили основой для таких концептуальных метафор пространственной ориентации, как МНОГО – ДЛИННЫЙ, МАЛО – КОРОТКИЙ (35,9%); БОЛЬШЕ – НАВЕРХУ, МЕНЬШЕ – ВНИЗУ (25,9%); ВНУТРИ – ХОРОШО, СНАРУЖИ – ПЛОХО (7,3%); ЕВРОСОЮЗ – ЗАКРЫТОЕ ПРОСТРАНСТВО (7,3%); ГРЕЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА – ВНУТРИ, МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА – СНАРУЖИ (5,5%); ХОРОШЕЕ / АКТИВНОЕ СОСТОЯНИЕ – ВЕРТИКАЛЬНОЕ (5,5%); ЛУЧШЕ – НАВЕРХУ, ХУЖЕ – ВНИЗУ / ГЛУБОКО (5%); ЗНАЧИМОЕ – В ЦЕНТРЕ, НЕЗНАЧИМОЕ – ПО КРАЯМ (2,3%); БОЛЬШЕ – ШИРЕ, МЕНЬШЕ – УЖЕ (1,5%).

Рассмотрим подробнее, **каков смысловой эффект** использования пространственных метафор в репрезентации структурных компонентов конфликта в Греции.

215 из 259 реализаций пространственных метафор оказываются задействованными для репрезентации **конфликтной ситуации (КС**), т.е. тех условий, среды, в которых развивается конфликт. Конфликт в Греции, как любой затяжной конфликт, характеризуется сложными структурными отношениями. В анализируемых текстах метафорически представлены две стадии развития конфликта: первая (латентная) и вторая (открытая). В целом конфликт назревает и развивается в условиях социальной напряжённости на фоне экономического кризиса. Активнее других (66 номинаций) для репрезентации конфликтной ситуации используется метафорическая модель БОЛЬШЕ – НАВЕРХУ, МЕНЬШЕ – ВНИЗУ, которая по большей части служит для количественной характеристики экономических показателей (42 номинации): *«от **повышения** налогов»; «**повысить** пенсионный возраст»; «неограниченный **рост** цен»; «госдолг **превышает** 160%»; «из-за чрезвычайно **высоких** долгов Афин»; «чтобы зарплаты могли **опуститься** ниже установленного сейчас минимального уровня»; «безработица в Греции **превысила** 22%»; «**снижения** уровня жизни»; «экономического **спада**»* и пр.

Основой для метафорической модели БОЛЬШЕ – НАВЕРХУ, МЕНЬШЕ – ВНИЗУ служит оппозиция *верх – низ.* Наиболее значимая для большинства культур понятийная категория вертикальности, лежащая в её основе, определяет позицию субъекта по отношению к поверхности Земли и ориентирована на стандартную (вертикальную) позицию человека [18. С. 78]. Метафорическое размещение экономических и социальных реалий на вертикальной оси позволяет представить их наглядным образом. «**Наверху**» оказываются в основном те показатели, которые в условиях экономической и социальной стабильности обычно располагаются внизу: *безработица, налоги, долги Греции, пенсионный возраст, цены, недовольство народа, фашизм, социальная и политическая усталость* и пр. «**Внизу**» же, напротив, находится то, что люди предпочитают видеть как можно выше: *зарплата, пенсии, покупательская способность, уровень жизни, экономика* в целом. Таким образом, отчётливо вырисовывается картина экономического кризиса в стране, который становится причиной другой составляющей конфликтной ситуации, репрезентированной в рамках данной модели, – социальной напряжённости: *«**растет** недовольство мерами экономической политики»; «приходится иметь дело с последствиями – бедностью, безработицей, **ростом** фашизма»; «в стране “одновременно **нарастает** политическая и социальная усталость”».* Следует отметить, что в большинстве случаев конфликтная ситуация репрезентируется не просто как неблагоприятная, а как ухудшающаяся, что достигается посредством метафорического перемещения объектов по вертикальной оси *(**«растёт, снижение, повышение, спад, падение, опуститься»*** и пр.). Имеют место лишь отдельные случаи (4 номинации) относительно положительного представления ситуации. Например, *«**уровень** правительственного долга может **снизиться**».* Данная модель представляет конфликтную ситуацию на первой (латентной) стадии развития конфликта.

25 метафорических номинаций для репрезентации экономической составляющей КС входят в модель

МНОГО – ДЛИННЫЙ, МАЛО – КОРОТКИЙ, основанием для которой послужила категория протяжённости в пространстве. Модель представлена часто повторяющимися метафорическими единицами «*урезать*» и «*сокращать*»: «***сокращение** бюджетных расходов / дефицита / бюджета*»; «***урезаны** пенсии и зарплаты / социальные пособия*»; «*экономика Греции **сокращается** быстрее, чем предполагалось*». Метафорические номинации этой группы моделируют действительность согласно тем же принципам, что и в модели БОЛЬШЕ – НАВЕРХУ, МЕНЬШЕ – ВНИЗУ, с тем различием, что здесь значимым представляется размер объекта, та часть пространства, которую он занимает, а не его размещение на оси.

Концептуальные модели БОЛЬШЕ – НАВЕРХУ, МЕНЬШЕ – ВНИЗУ и МНОГО – ДЛИННЫЙ, МАЛО – КОРОТКИЙ сами по себе не обладают качественно-оценочными характеристиками. Оценочность в рамках этих моделей формируется при вхождении репрезентирующих их метафорических номинаций в различные коллокации, в результате чего эти метафорические номинации наделяются оценочностью. Вместе с тем отметим, что есть общие когнитивные основания текстовой актуализации аксиологических смыслов: положительная или отрицательная коннотация метафорических выражений определяется отношением носителей языка к категории размера / протяжённости предмета. Человек всегда стремиться увеличить количество / размер чего-то хорошего и уменьшить количество / размер чего-то плохого. Следовательно, рост чего-то отрицательного и уменьшение в размере чего-то положительного воспринимаются отрицательно («***ростом** фашизма*»; «*дальнейшим **снижением** зарплат*»). Анализ показал, что 53 из 73 метафорических номинаций (72,6%), представленных в рамках данных моделей, актуализируют в контексте однозначно отрицательную коннотацию, в то время как положительная коннотация актуализируется лишь в 6 номинациях (ср.: «*за счет **сокращения** зарплат и пенсий*» и «***сокращение** бюджетного дефицита*»). 14 номинаций являются либо нейтральными в плане оценки, либо оценка в них может зависеть от воспринимающей аудитории. Например, выражение «***снижение** госрасходов*» может восприниматься как положительный процесс экономистами и странами ЕС, но как отрицательное явление – народом Греции.

Примерно одинаковое количество метафорических номинаций, задействованных для репрезентации КС, представлено моделями ЛУЧШЕ – НАВЕРХУ, ХУЖЕ – ВНИЗУ / ГЛУБОКО и ВНУТРИ – ХОРОШО, СНАРУЖИ – ПЛОХО (12 и 16 реализаций соответственно). Обе модели обладают ярко выраженным оценочным характером.

В модели ЛУЧШЕ – НАВЕРХУ, ХУЖЕ – ВНИЗУ / ГЛУБОКО оценочность базируется на традиционных религиозных представлениях о том, что Бог – на небе, а преисподняя – в бездне, в результате чего координата «*низ*» в русском сознании зачастую оказывается связанной с идеей о гибели [16. С. 292–296]. В рамках данной модели «**внизу**» оказываются *экономика, рецессия, кризис, реформы*, что репрезентирует экономическое положение Греции как гибельное, реформы – как крайне неэффективные: «***углублению** рецессии*»; «*более **глубокий**, чем ожидалось, экономический спад*»; «***обвал** экономики*» и пр. Живые образные метафоры способствуют усилению негативной оценки: «*Меры жесткой экономии **провалились***»; «*Греция, оказавшись в **долговой яме***».

Качественно-оценочные характеристики в модели ВНУТРИ – ХОРОШО, СНАРУЖИ – ПЛОХО обусловлены традиционным восприятием человеком своего места в окружающем его мире. Метафорическому осмыслению мира свойственна идея расчленённости пространства. «Всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее («свое») пространство и внешнее («их»)» [2. С. 257]. Различие «свой – чужой» – это различие между разными мирами. Е.С. Кубрякова отмечает, что понятие «место» исторически было связано с чем-то огороженным [19. С. 86]. В древности поселения людей отделялись естественными границами (леса, горы, реки) [1. С. 129], позже человек стал огораживать пределы своей территории искусственным образом (стены, рвы). Таким образом, основой метафорического переноса данной модели служит тот факт, что человеку свойственно занимать благоприятную для его существования территорию и неким образом ограничивать её пределы. Основой для метафорической модели ВНУТРИ – ХОРОШО, СНАРУЖИ – ПЛОХО служит оппозиция *внутри – снаружи*, базирующаяся на понятийной категории внутренности, в рамках которой объекты описываются в форме контейнера (вместилища). Концепт «вместилище» предполагает наличие неких пределов, границ, выход за которые зачастую рассматривается как нежелательное действие по причине того, что то, что находится за пределами освоенного человеком пространства, – опасно, так как не познано человеком. В анализируемых нами контекстах 50% (9 из 18) метафорических номинаций в рамках модели ВНУТРИ – ХОРОШО, СНАРУЖИ – ПЛОХО связаны с идеей выхода за пределы пространства, следовательно, несут отрицательную оценку [20. С. 93–97]: «*треть населения находится **за чертой** бедности*»; «*Греция **не укладывается** в цели жесткой программы экономии*» и пр. «**Снаружи**» оказываются *экономические реформы, материальное положение людей*. Идея же вхождения в некое пространство, напротив, приобретает положительную оценку: «*страна имеет шанс **вступить в** фазу экономической стабильности*». Однако, помимо того, что положительную коннотацию несёт лишь одна из 18 метафорических номинаций, она представляет лишь гипотетически возможную в будущем ситуацию, в то время как вышеописанные метафоры репрезентируют реально существующую экономическую ситуацию в Греции.

Активное использование в рамках модели понятия границы (в 10 из 18 случаев) интерпретирует экономическую ситуацию в Греции как пограничную, крайне нестабильную, но, тем не менее, не безнадёжную: «*Греция стоит **у крайней черты***»; «*многие граждане оказались **на черте** бедности*»; «***на грани** кризиса / социальной революции / банкротства / фи-*

нансового коллапса» и пр. Как и в предыдущих моделях, объектом метафорического моделирования выступает экономическая составляющая КС. Социальная напряжённость представлена единственной номинацией: «*Настроения у граждан – **на грани** депрессии. А то и **за гранью***».

Отдельного внимания заслуживает метафорическое обозначение такого элемента КС как **действия властей Греции** на первой стадии развития конфликта вследствие их глубокой противоречивости, что нашло отражение в способах их моделирования в медиадискурсе. Это действия, направленные на стабилизацию экономики страны и, следовательно, на предотвращение конфликта, но в результате этот самый конфликт и спровоцирован по причине своей неэффективности. Действия властей Греции метафорически моделируются посредством 102 метафорических номинаций: 67 номинаций (65,8%) реализуются в рамках модели МНОГО – ДЛИННЫЙ, МАЛО – КОРОТКИЙ; 18 метафорических номинаций (17,6%) представлены в рамках модели БОЛЬШЕ – НАВЕРХУ, МЕНЬШЕ – ВНИЗУ; 9 номинаций (8,8%) входят в модель ГРЕЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА – ВНУТРИ, МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА – СНАРУЖИ. Оставшиеся 8 номинаций (7,8%) распределяются между ещё четырьмя моделями: ХОРОШЕЕ / АКТИВНОЕ СОСТОЯНИЕ – ВЕРТИКАЛЬНОЕ (3 номинации); БОЛЬШЕ – ШИРЕ, МЕНЬШЕ – УЖЕ (2 номинации); ВНУТРИ – ХОРОШО, СНАРУЖИ – ПЛОХО (2 номинации) и ЛУЧШЕ – НАВЕРХУ, ХУЖЕ – ВНИЗУ / ГЛУБОКО (1 номинация).

Модель МНОГО – ДЛИННЫЙ, МАЛО – КОРОТКИЙ представлена однотипными метафорическими единицами «*урезать*» и «*сокращать*». В рамках модели БОЛЬШЕ – НАВЕРХУ, МЕНЬШЕ – ВНИЗУ действия властей метафорически размещаются на вертикальной оси. В обеих моделях процентное соотношение метафорических номинаций с негативной оценкой значительно выше номинаций с положительной коннотацией: в рамках модели МНОГО – ДЛИННЫЙ, МАЛО – КОРОТКИЙ 44,9% номинаций с негативной оценкой соответствуют 20,9% номинаций с положительной оценкой, в модели БОЛЬШЕ – НАВЕРХУ, МЕНЬШЕ – ВНИЗУ – это 61 и 27,8% соответственно. Метафорические номинации приобретают в контексте негативную коннотацию, когда оказываются связанными с уменьшением размера чего-то положительного и увеличением размера чего-то отрицательного: «***сократить** зарплаты / рабочие места*»; «за счёт ***урезания** 13-й и 14-й зарплат / выплат бюджетникам*»; «***повысить** пенсионный возраст*»; «***снизить** зарплаты*» и пр. Следует отметить, что ни одна номинация с положительной оценкой не представляет реально осуществлённых действий властей, они представляют либо запланированные, либо гипотетические действия: «*направленные на **сокращение** дефицита государственного бюджета*»; «*плану по **сокращению** дефицита*»; «*обещание о **снижении** дефицита*»; «*обеспечили бы нашей экономике устойчивый **рост***» и пр.

Действия властей в рамках модели ГРЕЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА – ВНУТРИ, МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА – СНАРУЖИ репрезентируются, основываясь на оппозиции *внутри – снаружи*, рассмотренной нами выше: «***выносить** управление экономикой **за пределы** страны*»; «***выведя** институты **из** Греции*»; «*чрезмерными **внешними** заимствованиями*». Такие действия властей могут оцениваться как нежелательные и даже опасные для Греции, так как выше отмечалось, что пространство за пределами границ рассматривается как «внешнее», «чужое», опасное.

Таким образом, отрицательная оценка при метафорической репрезентации действий властей Греции высвечивает неэффективность экономической политики греческого правительства, которая в конечном счёте и стала основным предметом социального конфликта в Греции.

Ещё одним компонентом социального конфликта в Греции, представленным пространственными метафорами в анализируемом текстовом материале, являются его **участники и их действия**. Как отмечалось выше, к участникам конфликта относятся, во-первых, противоборствующие стороны, во-вторых, посредники. Как любой затяжной конфликт конфликт в Греции характеризуется сложными структурными отношениями, при которых участники конфликта одновременно выступают в разных статусах. Так, если рассматривать конфликт между недовольным населением Греции и правящей элитой, то здесь в качестве противоборствующих сторон выступают народ и власти Греции, которые, в свою очередь, несколько раз менялись за время развития конфликта, следовательно, несколько отличалась и их позиция. В этом конфликте Германия и другие ведущие страны ЕС выступают к роли посредника. По мере развития конфликта недовольство граждан Греции перемещается с правящей элиты на правительство Германии, таким образом, Германия становится субъектом конфликта. Параллельно имеет место конфликт между правительством Греции и правительствами ведущих стран ЕС, прежде всего Германии, которые оказывают давление на Грецию по поводу проводимых в стране реформ и таким образом влияют на развитие ситуации.

В анализируемых нами текстах для репрезентации участников конфликта оказываются задействованными 15% (39 лексических единиц) пространственных метафор, большая часть которых (34 единицы) моделирует внешний конфликт между Грецией и странами большой тройки.

24 номинации из 34 (75%) участвуют в метафорической репрезентации Греции как субъекта конфликта. 83% из этих метафорических номинаций (20 из 24 единиц) репрезентируют действия Греции в конфликте с ведущими странами ЕС, 90% (18 номинаций из 20) из которых представлены однотипными номинациями в рамках модели ЕВРОСОЮЗ – ЗАКРЫТОЕ ПРОСТРАНСТВО, основанной на оппозиции *внутри – снаружи*: «*пугают **выходом из** еврозоны*»; «*намерениях **покинуть** зону Евро*»; «*Греция **выйдет из** Евросоюза*» и пр.

Метафорическая репрезентация Евросоюза как некоего закрытого пространства позволяет задать оппо-

зицию ориентации *центр–периферия*, на основе которой Греция представлена как периферия, в то время как Германия выступает в образе центра: «*стремлением **периферии** к отделению от федерального **центра***». Необходимо отметить, что такая метафорическая репрезентация участников конфликта актуализирует не столько географическое положение стран, сколько их значимость по сравнению с другими странами Евросоюза.

В целом ведущие страны ЕС в роли участника конфликта, оказываются представленными 11 номинациями (28% от общего количества метафорических номинаций, репрезентирующих участников конфликта). 8 из 11 номинаций репрезентируют действия данного участника конфликта, причём 3 номинации представляют действия стран ЕС как посредника в конфликте («***расширение** “спасательных” функций фонда EFSF*»; «*визит воспринимается как акт **поддержки***»; «*стороны **поддержали** новую программу греческого правительства*»), а 5 номинаций в рамках модели ГРЕЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА – ВНУТРИ, МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА – СНАРУЖИ репрезентируют действия субъекта конфликта («*но его ньюобраз в виде европейской материальной помощи **протолкнуть в** Грецию норовят. И ведь **протолкнут**!*», «*а Евросоюз **впихивает** их*», «*последствия **вторжения** этого милого животного*»). При метафорическом делении пространства на *своё* и *чужое* нежелательным является не только выход за пределы своего пространства, о чём говорилось выше, но и проникновение внешних / чуждых элементов на эту территорию. Таким образом, метафорические номинации репрезентируют действия в конфликте ведущих стран ЕС как нежелательные для Греции. Негативная коннотация усиливается посредством актуализации таких смысловых составляющих лексических единиц, как «*с усилием, толкая*» и «*непрошено*».

Таким образом, проведённый анализ показал, что когнитивные метафоры, основанные на пространственной протяжённости объектов, используются активнее других: МНОГО – ДЛИННЫЙ, МАЛО – КОРОТКИЙ (35,9%); БОЛЬШЕ – НАВЕРХУ, МЕНЬШЕ – ВНИЗУ (25,9%). Наименее представленными в анализируемых текстах оказались модели ЗНАЧИМОЕ – В ЦЕНТРЕ, НЕЗНАЧИМОЕ – ПО КРАЯМ (2,3%); БОЛЬШЕ – ШИРЕ, МЕНЬШЕ – УЖЕ (1,5%).

Пространственные метафоры широко используются для репрезентации количественных показателей, в частности экономической составляющей конфликтной ситуации. Чаще всего они представлены стёртыми метафорическими номинациями при единичном употреблении живых образных метафор, которые встречаются в аналитических и публицистических материалах и представляют ярко выраженную позицию автора текста.

Выявленные нами метафоры пространственной ориентации отличаются однотипностью употребления как в плане языковых номинаций (частое повторение в разных текстах одних и тех же лексических единиц), так и в плане объекта метафорического моделирования (в подавляющем большинстве случаев эти метафоры репрезентируют такой структурный компонент конфликта, как конфликтная ситуация). Более того, большая часть пространственных метафор оказывается задействованной для репрезентации конфликтной ситуации на первой (латентной) стадии развития конфликта.

Пространственные метафоры активно используются авторами медиатекстов для оценочной репрезентации явлений. Как выяснилось, категория оценки передаётся в различных моделях по-разному. Так, качественно-оценочные характеристики оказываются уже заложенными в четырёх из семи выделенных нами метафорических моделях: ЛУЧШЕ – НАВЕРХУ, ХУЖЕ – ВНИЗУ / ГЛУБОКО; ВНУТРИ – ХОРОШО, СНАРУЖИ – ПЛОХО; ЗНАЧИМОЕ – В ЦЕНТРЕ, НЕЗНАЧИМОЕ – ПО КРАЯМ И ХОРОШЕЕ / АКТИВНОЕ СОСТОЯНИЕ – ВЕРТИКАЛЬНОЕ. Модель ГРЕЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА – ВНУТРИ, МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА – СНАРУЖИ имплицитно также несёт в себе оценку, так как внешнее пространство воспринимается как «чужое», «враждебное». Что же касается моделей БОЛЬШЕ – НАВЕРХУ, МЕНЬШЕ – ВНИЗУ и МНОГО – ДЛИННЫЙ, МАЛО – КОРОТКИЙ, то в них категория оценки реализуется на уровне конкретной языковой репрезентации по общему правилу: большое количество чего-либо плохого – негативная оценка, большое количество чего-либо хорошего – положительная оценка; маленькое количество чего-либо плохого – положительная оценка, маленькое количество чего-либо хорошего – негативная оценка. В анализируемых нами контекстах при репрезентации конфликтной ситуации в Греции преобладают метафорические номинации, несущие отрицательную оценку, что указывает на то, что в данных медиатекстах конфликтная ситуация репрезентируется как вполне логичная причина для развития конфликта и начала конфликтных действий.

Метафорическое моделирование объектов действительности свидетельствует о значимости данных объектов. Таким образом, конфликтная ситуация представляется важным компонентом конфликта в Греции, заслуживающим особого внимания. Более того, на значимость данного компонента конфликта указывает и тот факт, что он оказывается широко представленным и структурными метафорами, рассматриваемыми нами в других работах [21. С. 5–18].

Тем не менее репрезентация конфликта метафорами пространственной ориентации имеет ряд отличий от его репрезентации посредством структурных метафор. Последние оказываются задействованными для репрезентации бо́льшего количества структурных компонентов конфликта. В качестве же наиболее представленного компонента выступают участники конфликта (45,5%). Как и пространственные метафоры, структурные метафоры активно участвуют в репрезентации конфликтной ситуации, однако если метафоры пространственной ориентации моделируют конфликтную ситуацию на первой (латентной) стадии, то структурные метафоры участвуют в репрезентации КС на двух стадиях развития конфликта, латентной и открытой. Пространственные метафоры уступают структурным и по количественным показа-

телям, они составляют 30,8% от общего числа выявленных нами метафорических номинаций, в сравнении с 52,9% структурных метафор [21. С. 5–18; 22. С. 131–135].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гак В.Г.* Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 127–134.
2. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб. : Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
3. *Картины* русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р.Н. Порядина, Л.Г. Гынгазова, Ю.А. Эмер и др. / отв. ред. З.И. Резанова. Томск : UFO_Plus, 2007. 384 с.
4. *Резанова З.И.* Метафора в процессах языкового миромоделирования // Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Ч. 1. Воронеж : РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. С. 13–75.
5. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М. : УРСС, 2004. 256 с.
6. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). URL: http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm (дата обращения: 06.01.2015).
7. *Кубрякова Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М. : Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. 245 с.
8. *Резанова З.И.* Метафора в художественном тексте: проблема текстопорождения // Художественный текст и языковая личность: материалы III Всерос. науч. конф., посвящ. 10-летию кафедры современного русского языка и стилистики ТГПУ / под ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2003. С. 201–206.
9. *Силантьев И.В.* Газета и роман: Риторика дискурсивных смешений. М. : Языки славянской культуры, 2006. 224 с.
10. *Будаев Э.В., Чудинов А.П.* Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2008. № 26. С. 37–48.
11. *Картины* русского мира: современный медиадискурс / З.И. Резанова и др. ; под ред. З.И. Резановой. Томск : ИД СК-С, 2011. 288 с.
12. *Анцупов А.* Эволюционно-междисциплинарная теория конфликтов // Хрестоматия по конфликтологии. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Konflikt/index.php (дата обращения: 10.08.2015).
13. *Юридическая* конфликтология / под ред. В.Н. Кудрявцева. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/Ur_Konfl/index.php (дата обращения: 15.07.2015).
14. *Социология* как наука : учеб. пособие. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Soc_Nauk/index.php (дата обращения: 16.07.2015).
15. *Резанова З.И.* Конфликтная ситуация в языковом сознании носителей русского языка (по данным ассоциативного эксперимента) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 3 (23). С. 34–42.
16. *Ермакова О.П.* Пространственные метафоры в русском языке // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 289–298.
17. *Белов Е.С.* Перцептивные и пространственные метафоры в российском внешнеполитическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 42. 2010. № 11 (192). С. 12–15.
18. *Гжекорчикова Р.* Понятийная оппозиция верх–низ и языковая модель пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 78–83.
19. *Кубрякова Е.С.* О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 289–298.
20. *Лебедева Л.Б.* Семантика «ограничивающих» слов // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 93–97.
21. *Антонова Т.Г.* Метафорическое моделирование социального конфликта в медиадискурсе: ключевые дискурсивные метафоры // Язык и культура. Приложение. Научный периодический журнал. Томск, 2013. № 2. С. 5–18.
22. *Антонова Т.Г.* Метафорическая интерпретация участников социального конфликта в медиа-дискурсе // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2014. № 1. С. 131–135.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 2 ноября 2015 г.

METAPHORICAL MODELLING OF SOCIAL CONFLICT IN MEDIA DISCOURSE: ORIENTATIONAL METAPHORS

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 5–12. DOI: 10.17223/15617793/401/1

Antonova Tatiana G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatgran@sibmail.com

Keywords: orientational metaphors; conceptual metaphor; structural components of conflict; social conflict; metaphorical model; metaphorical nomination; interpretative potential of metaphor.

Mapping of spatial orientation onto social phenomena helps people to structure abstract notions. Metaphors are one of the key means of representing spatial modelling in language. The research is based on the linguo-cognitive approach to studying the metaphor, the key analysis unit of which is the conceptual metaphor. The conceptual metaphor is a cognitive process of forming new notions by means of others, already cognised, a way of conceptualization of one mental domain in terms of another. The mental scheme people use to conceptualize notions of the target domain linking two conceptual domains, the source and the target ones, is called a metaphorical model. Conceptual metaphors are verbally realized in various linguistic expressions. These metaphorical expressions allow exploring the cognitive model of interpretation of reality by language speakers. The article deals with the problem of metaphorical modelling of social conflict in Russian media discourse. News and analytical texts of newspapers and news agencies telling about the conflict in Greece are analysed. The interpretative potential of conceptual orientational metaphors in shaping the image of social conflict in media discourse is studied. Metaphorical models used to model the conflict and metaphorically represented structural components of the conflict are identified and analysed. The semantic effects of metaphorical modelling are described. In the texts analyzed (34,627 words) 840 metaphorical expressions have been identified, 30.8 % of which (259 expressions) are constituted by conceptual orientational metaphors. The most common conceptual metaphors are MUCH/MANY IS LONG, LITTLE/FEW IS SHORT (35.9 %) and MORE IS UP, LESS IS DOWN (25.9 %). The identified orientational metaphors are characterized by repeatability of linguistic units and objects of metaphorical modelling. The majority of the orientational metaphors described represent the conflict situation at the latent stage of the conflict developing. The orientational metaphors are also involved in the evaluative representation of things. The category of evaluation is expressed differently, depending on the model. Evaluation features are an integral

part of the following metaphorical models: BETTER IS UP, WORSE IS DOWN/DEEP; INSIDE IS GOOD, OUTSIDE IS BAD; IMPORTANT IS IN THE CENTER, UNIMPORTANT IS ON THE VERGE and GOOD CONDITION IS VERTICAL. As for the models MUCH/MANY IS LONG, LITTLE/FEW IS SHORT and MORE IS UP, LESS IS DOWN, evaluation in them is realized at the level of the linguistic expression and is based on the general rule: *a large quantity of something bad is negative, a large quantity of something good is positive; a small quantity of something bad is positive, a small quantity of something good is negative.* In the texts analyzed, the majority of metaphorical expressions representing the conflict in Greece have a negative connotation.

REFERENCES

1. Gak, V.G. (2000) Prostranstvo vne prostranstva [The Space out of space]. In: Arutyunova, N.D. & Levontina, I.B. (eds) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical Analysis of Language. Languages of Spaces]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
2. Lotman, Yu.M. (2000) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo-St. Petersburg.
3. Rezanova, Z.I. (ed.) (2007) *Kartiny russkogo mira: prostranstvennye modeli v yazyke i tekste* [Images of Russian World: Space Models in Language and Text]. Tomsk: UFO_Plus.
4. Rezanova, Z.I. (2003) Metafora v protsessakh yazykovogo miromodelirovaniya [Metaphor in the processes of language modeling]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Metaforicheskiy fragment russkoy yazykovoy kartiny mira: klyuchevye kontsepty* [Metaphorical fragment of russian language picture of the world: key concepts]. Pt. 1. Voronezh: RITs EF VGU.
5. Lakoff, G. & Johnson, M. (2004) *Metafory, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English. Moscow: URSS.
6. Chudinov, A.P. (2001) *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphors (1991–2000)]. [Online]. Available from: http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm. (Accessed: 06 January 2015).
7. Kubryakova, E.S. et al. (1997) *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Short Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow: Philological Faculty of Moscow State University.
8. Rezanova, Z.I. (2003) [Metaphor in the literary text: the problem of text generation]. *Khudozhestvennyy tekst i yazykovaya lichnost'* [Literary text and language personality]. Proceedings of the III All-Russian Academic Conference dedicated to the 10th Anniversary of the Department of Modern Russian Language and Stylistics of Tomsk State Pedagogical University. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 201–206. (In Russian).
9. Silant'ev, I.V. (2006) *Gazeta i roman: Ritorika diskursivnykh smesheniy* [The newspaper and the novel: The rhetoric of discursive mixtures]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
10. Budaev, E.V. & Chudinov, A.P. (2008) Cognitive-Discursive Analysis of Metaphor in Political Communication. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 26. pp. 37–48. (In Russian).
11. Rezanova, Z.I. (ed.) (2011) *Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs* [Images of the Russian world: contemporary media discourse]. Tomsk: ID SK-S.
12. Antsupov, A. (2000) *Evolyutsionno-mezhdistsiplinarnaya teoriya konfliktov* [The evolutionary-interdisciplinary theory of conflicts]. [Online]. Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Konflikt/23.php. (Accessed: 10 August 2015).
13. Kudryavtsev, V.N. (ed.) (1995) *Yuridicheskaya konfliktologiya* [Legal Conflictology]. [Online]. Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/Ur_Konfl/index.php. (Accessed: 15 July 2015).
14. Smirnova, T.A. (ed.) (1999) *Sotsiologiya kak nauka* [Sociology as a science]. [Online]. Available from: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Soc_Nauk/index.php. (Accessed: 16 July 2015).
15. Rezanova, Z.I. (2013) Conflict in linguistic consciousness of Russian language speakers (by association experiment). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (23). pp. 34–42. (In Russian).
16. Ermakova, O.P. (2000) Prostranstvennye metafory v russkom yazyke [Space metaphors in Russian]. In: Arutyunova, N.D. & Levontina, I.B. (eds) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical Analysis of Language. Languages of Spaces]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
17. Belov, E.S. (2010) Perceptual and Spatial Metaphors in the Russian Discourse on Foreign Policy. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie*. 11:42. pp. 12–15. (In Russian).
18. Gzhekorchikova, R. (2000) Ponyatiynaya oppozitsiya verkh–niz i yazykovaya model' prostranstva [Conceptual opposition "up–down" and the language model of space]. In: Arutyunova, N.D. & Levontina, I.B. (eds) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical Analysis of Language. Languages of Spaces]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
19. Kubryakova, E.S. (2000) O ponyatiyakh mesta, predmeta i prostranstva [The concepts of space, object and space]. In: Arutyunova, N.D. & Levontina, I.B. (eds) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical Analysis of Language. Languages of Spaces]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
20. Lebedeva, L.B. (2000) Semantika "ogranichivayushchikh" slov [The semantics of "limiting" words]. In: Arutyunova, N.D. & Levontina, I.B. (eds) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical Analysis of Language. Languages of Spaces]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
21. Antonova, T.G. (2013) Metaphorical modeling of social conflict in media discourse: key discourse metaphors. *Yazyk i kul'tura. Prilozhenie – Language and Culture. Supplement*. 2. pp. 5–18. (In Russian).
22. Antonova, T.G. (2014) Social conflict participants metaphorical interpretation in media discourse. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 1. pp. 131–135. (In Russian).

Received: 02 November 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 13–20. DOI: 10.17223/15617793/401/2

УДК 821.161.1

А.В. Баранова

ПЕРИОДИЗАЦИЯ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ПРОЗЫ ТОМАСА ГАРДИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ РЕЦЕПЦИИ ПРОЗЫ ГАРДИ В РОССИИ

Статья посвящена истории переводов прозы Томаса Гарди на русский язык и ее периодизации. Выделяются четыре периода переводческой рецепции творчества писателя. Определены временные рамки и особенности каждого периода, поставлен вопрос о причинах переводной множественности отдельных произведений автора, выдвинуты предположения о принципах отбора сочинений Гарди для перевода. Установлено, что в первые два периода интерес переводчиков был проявлен, прежде всего, к наиболее значимым его романам, в дальнейшем их внимание обращено как к крупным, так и к малым жанрам прозы писателя.

Ключевые слова: Т. Гарди; периодизация переводов; переводная множественность; история русских переводов.

Имя Томаса Гарди еще при его жизни было причислено к плеяде классиков английского викторианского романа. Его самые выдающиеся прозаические произведения были написаны в конце XIX в., на «переломе эпох», отражая многообразие и противоречие литературных, культурных, социальных и политических течений английского общества того времени. Возможно, поэтому его творческое наследие подвергалось самым разным интерпретациям: «Одни считали Гарди старомодным писателем, другие – последним великим романистом викторианской эпохи, третьи – первым романистом модернизма, четвёртые – самородком...» [1. С. 1]. В России в сентябрьском номере журнала «Вестник Европы» за 1895 г. появляется перевод критической статьи Лайонела Джонса (Lionel Johnson) «The art of Thomas Hardy», в которой критик причисляет Гарди к мэтрам английского романа. Он определяет основное достоинство писателя как «единственное в своем роде знание английской деревенской жизни и умение воспроизводить ее с теми едва уловимыми подробностями, которые составляют ее душу и ее красоту» [2. С. 414–415]. Через 12 лет в журнале «Весы» Осберт Бёрдет (Osbert Burdett) в обзоре «Английская литература за последние десятилетия (Письмо из Лондона)» обращает внимание на другие темы в творчестве Гарди: «Гарди восстает против Бога, допускающего столько зла на земле <…>, жестокость и несправедливость мира – объяснение причин несчастья его героев» [3. С. 75]. Анализируя произведения Гарди, зарубежные исследователи склонны относить его либо к романтикам, либо к «натуралистам» (О.В. Гордиенко). В советском литературоведении Гарди традиционно было принято считать критическим реалистом, и только с конца XX в. в России предпринимаются попытки отойти от стереотипного восприятия творчества писателя [4. С. 3].

Рецепция творчества любого иноязычного писателя в основном происходит посредством переводов его произведений, т.е. через восприятие переводчика. Этому аспекту сравнительного литературоведения посвящены работы известных ученых, таких как В.М. Жирмунский, М.П. Алексеев, Ю.Д. Левин и др. Из новейших литературоведческих исследований, посвященных переводам английской литературы в России, назовем работы Ю.В. Люсовой, Н.И. Назаренко, А.А. Сыскиной, И.А. Матвеенко, В.Н. Горенинцевой, С.Б. Королевой, И.А. Айзиковой, А.Г. Строиловой и др. [5–12]. Однако среди них нет исследований переводческой рецепции прозы Гарди в России. Несмотря на наличие библиографического указателя русских переводов прозы Гарди, составленного в 1982 г. Б.М. Парчевской [13], не приходится говорить даже об их полной и точной библиографии, отсутствует и их периодизация.

Между тем изучение корпуса переводов прозы английского писателя в России, актуальность которого обусловлена неослабевающим интересом современной филологии к проблемам взаимодействия культур (в частности английской и русской), сравнительного литературоведения, рецептивной эстетики, переводоведения, следует начать с анализа истории переводов его произведений на русский язык, выделения в ней определенных периодов, имеющих отличительные особенности, что позволит увидеть интересующую нас переводческую рецепцию как процесс, последовательную смену этапов, что и является предметом и целью данной статьи. Важно также соотнести периоды наиболее активной переводческой рецепции Гарди в России с историей русского художественного перевода, понять принципы отбора произведений для перевода, причины множественного перевода одного и того же текста в рамках одного временного периода и в разные исторические этапы.

Начавшись в 1890-е гг., переводческая рецепция прозы Гарди в России продолжалась в течение почти всего XX в., чего не скажешь о поэтическом творчестве писателя, с которым, как указывает М.П. Крылова, русский читатель не был знаком вплоть до 1940 г. На протяжении прошлого столетия в дореволюционной и советской «России Гарди более известен как прозаик», – отмечает исследователь, в чем убеждает богатая история русских переводов прозаических сочинений Гарди. Одну из причин этого Крылова видит в том, «что романы Гарди, объясняющие сложные законы функционирования общества и взаимоотношения людей, могли быть близки советскому читателю» [14. С. 4]. Не останавливаясь здесь на этом вопросе, обратимся к предмету нашего исследования.

В основе предлагаемой нами периодизации переводов прозы Гарди лежит хронологический принцип. Однако, кроме хронологии, для характеристики особенностей того или иного периода необходимо учи-

тывать еще несколько аспектов. К ним относятся длительность периодов, объем, количество и множественность переводов, их авторство, приверженность переводчика той или иной манере перевода и пр. Принимая во внимание все вышеперечисленные факторы, можно выделить следующие периоды в истории переводов прозаических произведений Гарди в России.

Первый период охватывает 90-е гг. XIX в., точнее 1892–1897 гг. Это время, когда Гарди находился на вершине своего литературного прозаического творчества, когда вышли в свет два наиболее знаменитых его романа: «Tess of the d'Urbervilles» (Тэсс из рода д'Эрбервилль) и «Jude the Obscure» (Джуд незаметный). Несмотря на неоднозначность критической и читательской рецепции, эти романы принесли Гарди широкую известность и большую популярность и в Англии, и в России.

В течение первого периода на русский язык было переведено шесть произведений. Несмотря на то что в целом 1890-е гг. в истории русской переводческой рецепции Гарди отмечены интересом к его наиболее значимым романам, первым его произведением, переведенным на русский язык, стал рассказ «Типы английских леди: Маркиза Стонхэндж. Рассказ деревенского диакона» (The marchioness of Stonehenge). Являющийся одним из десяти рассказов, включенных Томасом Гарди в сборник «A Group of noble dames» (Группа благородных дам), изданный в Англии в мае 1891 г., он был напечатан как самостоятельное произведение в ежемесячном литературно-историческом журнале «Вестник иностранной литературы» в марте 1892 г. [13. С. 90]. Через три месяца, в шестом номере журнала выходит в свет перевод второго рассказа этого сборника: «Типы английских леди: Варвара Грэб. Рассказ доктора» (Barbara of the house of Grebe), тоже как отдельное произведение [13. С. 89]. Переводы были предназначены для массового читателя. Их авторы неизвестны, что характерно для конца XIX в., так же как и то, что произведения, входящие в цикл, переводились как самостоятельные сочинения, с чего и начинается история переводческой рецепции Гарди-прозаика в России.

С переводом романа «Tess of the d'Urbervilles», который считается вершиной творчества писателя, его визитной карточкой [15. С. 105], русский читатель познакомился в 1893 г. Оригинальный текст романа впервые был напечатан (со значительными сокращениями) в журнале «Graphic» («Грэфик») в июне 1891 г., в ноябре этого же года он издается отдельной книгой, в которой автор восстановил части, не включенные по настоянию издателей в журнальную версию. В России роман появляется на страницах журнала «Русская мысль» в 1893 г. (№ III–VIII) в переводе В.М. С[пасской] (фамилия расшифрована Б.М. Парчевской [13]) под заглавием «Тесс, наследница д'Орбервилей». До сегодняшнего дня не существовало точных указаний на то, какой текст служил источником для перевода. Проведенное нами первоначальное сравнение этого перевода романа с более поздним и полным переводом А.В. Кривцовой показало, что объем текста почти не изменен, однако в нем есть сокращения (например, текст 42-й главы сокращен и добавлен к главе 41: отсутствует сцена в лесу с умирающими фазанами; немного сокращен текст диалога в главе 40, в котором Клэр предлагает Изз поехать с ним в Бразилию [16, 17]). Можно предположить, что обнаруженные сокращения могли быть обусловлены ограниченным объемом печатного пространства русского журнала, сокращенным текстом источника, хотя возможно, что это было решением самой переводчицы – вопрос нуждается в специальном изучении, что не входит в задачи нашей статьи.

В апреле 1896 г. в ежедневной общественно-политической газете «Русские ведомости» печатается рассказ Гарди «Гусар германского легиона» (The melancholy hussar of the German legion) в переводе В.Е. Кардо-Сысоевой – через два года после того, как в английской печати появляется оригинальный текст рассказа, включенный в сборник под названием «Life's little ironies and a few crushed characters» (Маленькие насмешки жизни) [13. С. 90]. «Гусар германского легиона» тоже изымается переводчицей из контекста авторского цикла и печатается как самостоятельный рассказ.

Рассматриваемый период русской переводческой истории Гарди заканчивается переводом романа «Джуд незаметный», являющегося последним романом автора. Впервые он начинает печататься в декабре 1894 г. в американском журнале «HarpersWeekly» (Харперс Уикли). Отдельной книгой роман выпускается в 1895 г., в собрании сочинений Гарди в рубрике под общим названием «The Wessex novels» (Уэссекские романы). На русский язык в 1896 г. были переведены отрывки из романа, которые печатались в нескольких номерах «Русских ведомостей» под общим названием «Простаки», без указания имени переводчика. Б.М. Парчевская приписывает этот перевод В.Е. Кардо-Сысоевой, ссылаясь на ее книгу «Переводы и наброски», изданную в 1903 г., где встречается тот же текст перевода [Там же. С. 88]. Более полный перевод «Джуда» появился в 1897 г., в литературном журнале «Северный вестник» под названием «Джуд неудачник» [18] в переводе И.И. Майнова. Первоначальный сопоставительный анализ показал следующее: несмотря на то, что текст перевода представляет сокращенную версию, в нем передаются основные сюжетные линии, сохранены система героев, идейное содержание. Таким образом, закономерно выглядит комментарий М. Гордышевской к изданию последнего перевода «Джуда незаметного» (1970 г.), где она упоминает перевод Майнова как первый перевод произведения [19. С. 769].

Характеризуя первый период истории русских прозаических переводов из Гарди, необходимо отметить, что интервал между первым изданием произведения на английском языке и изданием его перевода на русском составлял от одного года (в случае рассказов) до двух лет (перевод романа). Это свидетельствует о том, что в России 1890-х гг. наблюдался большой интерес к творчеству английского писателя со стороны читающей публики и издательств, пристально следивших за английскими литературными новинками.

Важно отметить характер отбора произведений для перевода. Из пяти произведений Гарди, переведенных в этот период, два относятся к жанру романа, входят в цикл «Романы характеров и среды» (впоследствии названные писателем уэссекскими романами) и составляют венец творчества писателя, т.е. русский читатель сразу познакомился с наиболее зрелым периодом романного творчества Гарди, с романами начала 1890-х гг., которые принесли ему популярность в Англии. Правда, это были сокращенные переводы, предназначавшиеся для печати в массовых периодических изданиях. Более ранние романы писателя еще долго будут неизвестны в России. Что касается рассказов Гарди, то переводчики также обратились к произведениям из циклов 1890-х гг. – «Группа благородных дам» (1891) и «Маленькие насмешки жизни» (1894), и перевели за целое десятилетие всего три рассказа, изъяв их из контекста и представив их в русском переводе, как отдельные сочинения также на страницах периодики, предназначавшейся массовому читателю.

Второй период длился 10 лет – с 1902 по 1912 г. В эти годы было сделано всего три перевода произведений автора. Единственным новым для русского читателя произведением Гарди стал рассказ из цикла «Маленькие насмешки жизни» – «В угоду жене. Из маленьких ироний жизни Харди» (To please his wife), опубликованный в еженедельном иллюстрированном «Живописном обозрении» в 1902 г. (№ 30–32) в переводе Н.И. Суворовой, подобно другим рассказам Гарди, уже переведенным к этому времени, как самостоятельное произведение. Этот же рассказ, но в переводе М.Д. Полторацкой, был напечатан в журнале «Север» в 1912 г. (№ 19–26), он тоже озаглавлен «В угоду жене», но в этой публикации даже в заглавии не упоминается тот факт, что рассказ входит в цикл. Кроме того, в 1911 г. в московском издательстве «Современные проблемы» отдельной книгой (в 2 частях), которая должна была составить первый том Полного собрания сочинений Т. Гарди, печатается второй перевод «Тэсс», выполненный писателем и переводчиком, близким к некоторым взглядам Л.Н. Толстого, известным своими переводами из Мопассана, инициированными Толстым, Л.П. Никифоровым под названием «Настоящая женщина (Тесс д'Убервиль)». Названные переводы открывают серию множественных переводов прозы Гарди в России, начало которой приходиться уже на первое десятилетие XX в., и обращают исследователя к вопросу о переводной множественности, что, однако, заслуживает специального исследования, не входя в рамки данной работы.

Обзор переводов второго периода позволяет утверждать, что это был этап, хотя и более продолжительный, чем первый, но наименее продуктивный в русской истории переводческой рецепции прозы Гарди. Возможно, это объясняется тем, что в 1900 гг. Гарди полностью отказался от написания романов, не создав после «Джуда» ни одного масштабного прозаического произведения и сконцентрировавшись на поэтических формах, а русские переводчики (и издательства, заинтересованные в современных новинках) не обратились к более раннему этапу его творчества.

События Первой мировой войны, революция и Гражданская война переместили фокус внимания русского общества с проблем культуры на вопросы социально-политического характера, отодвинув интерес к литературному творчеству зарубежных писателей на второй план. Однако и последующие 1920-е гг. не отмечены в Советской России обращением к произведениям английского писателя. Несмотря на то что 20-е гг. XX в. характеризуются повышенным интересом к творчеству зарубежных писателей, творчество Гарди по-прежнему не привлекает внимания советских переводчиков, в течение 1920-х гг. в России не было переведено ни одно его произведение. Наибольшей популярностью в стране стали пользоваться переводные приключенческие и детективные романы. Популярность таких переводных произведений была настолько высока, что советские авторы авантюрных и приключенческих романов брали иностранные псевдонимы. Известный критик 1920-х гг. М.Ю. Левидов особенность русских читательских практик видел даже в том, что сочинения писателей с иностранными фамилиями активно читаются, но почти не обсуждаются; произведения авторов с русскими фамилиями активно обсуждаются, но мало читаются [20].

К концу 1920-х гг. идеологическая линия в искусстве становится доминирующей, подавляется литературное многоголосие начала XX в., постепенно вырабатывается единый идеологический подход к задачам литературы в обществе. Переводы зарубежной литературы рассматриваются с позиции их значимости для воспитания советского человека. Так, во вступительной статье журнала «Запад и Восток» (1926 г.) задачей журнала называется предоставление через литературу «сведений, очень точных и ясных, чем именно отличается одна капиталистическая страна от другой. Эти знания нужны <…> и для созидательной работы в нашей стране, и для подготовки успешного сопротивления против нападения классового врага. Вместе с тем популяризация сведений о жизни, быте, обычаях, правовых нормах буржуазных стран – даст возможность в разных разрезах, по разнообразным поводам, проводить параллель между ними и нами, сопоставлять подход к одним и тем же явлениям у нас и в буржуазном мире, подчеркивать на конкретных примерах преимущества для рабочего класса наших методов перед их методами» [21. С. 6].

Темы социальной несправедливости и бесправного положения английского крестьянства в условиях развивающего буржуазного общества, представленные в творчестве Гарди, могли поставить его в ряд «полезных и правильных» писателей и дать «зеленый свет» дальнейшим переводам его произведений. К тому же в это время А.М. Горький начинает реализацию идеи перевода всей мировой зарубежной классики на русский язык для того, чтобы массовый советский читатель имел возможность приобщиться к лучшим достижениям мировой литературы. В каталоге издательства «Всемирная литература», основоположником которого являлся Горький, был опубликован составленный под его руководством научный план издания выдающихся произведений художественной литера-

туры Европы и Америки XVIII–XX вв. (2 серии: основная и народная) [22]. Этот план был осуществлен лишь частично. Однако произведения Гарди не увидели свет в рамках этого проекта. Тем не менее, возможно, именно этот факт способствовал появлению новых переводов, которые составили основной корпус переводов третьего периода.

Третий период истории русских переводов прозы Гарди в большой степени связан с именем известной русской переводчицы А.В. Кривцовой, автора переводов Д. Дефо, Т. Дж. Смоллета, Ч. Диккенса и других английских писателей, жены и соратницы переводчика и литературоведа Е.Л. Ланна. Оба принадлежали, как известно, к направлению «технологически точного перевода», которому в 1930–1940-е гг. в советской переводческой школе противопоставлялись теория и практика художественного перевода, созданные И.А. Кашкиным, отстаивавшим свое понимание точности перевода, усматриваемой им не «в формализме буквальной передачи слов», а «в верном истолковании идеи художественного произведения средствами языка перевода» [23. С. 108].

В 1930 г. издательством «Земля и фабрика» выпускается перевод Кривцовой «Тэсс из рода д'Эрбервиллей. Чистая женщина, правдиво изображенная» с предисловием А.В. Луначарского и очерком Е.Л. Ланна «Томас Гарди». Это был первый перевод романа Гарди, выполненный в Советском Союзе, а также первая критическая статья о его творчестве, где оценивалась литературная значимость его произведений, обозначались основные темы его романов, описывались манера и характерные литературные приемы писателя, а также была представлена классификация его произведений. Возможно, в дальнейшем этот очерк оказал влияние на отбор произведений Гарди для перевода на русский язык, поэтому остановимся на нем более подробно.

В очерке Ланн приводит список произведений писателя, сгруппированных им самим в циклы, объединенные общим направлением [24. С. 180]. Ланн, в целом соглашаясь с авторской классификацией, подводит под нее «критерий качества» и рассматривает первую группу романов «Novels of Ingenuity» (Романы фабульные) как группу наиболее слабых произведений автора. К ней отнесены: «Desperate remedies», «The Hand of Ethelberta», «A Laodicean». Из них на русский язык в дальнейшем был переведен только роман «Отчаянные средства» (Desperate remedies), перевод Н. Треневой 1969 г. К произведениям «среднего уровня» Ланн относит произведения второго цикла «Romances and Fantasies» (Любовные истории и фантазии): «A pair of blue eyes», «Two on a tower», «The well-beloved», книгу новелл «A group of noble dames» (Группа благородных дам). На русский язык к этому времени была переведена частично книга новелл «Типы английских леди» («Маркиза Стонхэндж. Рассказ деревенского диакона» и «Варвара Грэб. Рассказ доктора», переводчики неизвестны (1892)). В 1959 г. из этого цикла были впервые или повторно переведены еще несколько рассказов О. Холмской (The marchioness of Stonehenge), «Герцогиня Гемптонширская, Рассказ тихого джентльмена» (The duchess of Hamptonshire), перевод М. Лорие и «Леди Моттисфонт. Рассказ сентиментального члена клуба» (Lady Mottisfont), перевод М. Литвиновой-Юдиной. Только в 1971 г. Т. Озерской был переведен первый роман цикла «Любовные истории и фантазии» – «Старший трубач драгунского полка Джон Лавдэ и его брат Роберт, моряк» (The Trumpet Major, 1880). Наиболее зрелыми Ланн считал романы третьего цикла «Novels of Characters and Environment» (Романы быта и среды). Все романы этого цикла впоследствии были переведены на русский язык, причем некоторые неоднократно: «Far from the madding crowd» (Вдали от шумной толпы, перевод Карнауховой 1937 г.; Вдали от обезумевшей толпы, перевод М. Богословской и Е. Бируковой 1970 г.), «The return of the native» (Возвращение на родину), перевод О. Холмской 1970 г., «The mayor of Casterbridge» (Мэр Кестербриджа), перевод А.В. Кривцовой и М.И. Клягиной-Кондратьевой 1948 г., «The woodlanders» (В краю лесов), перевод М. Литвиновой и А. Сергеева 1973 г., «Under the greenwood tree» (Под деревом зеленым), перевод Т. Озерской 1971 г., «Tess of the d'Urbervilles» (Тэсс из рода д'Эрбервилль, перевод Спасской 1893 г., Никифорова 1911 г. и Кривцовой 1930 г.) и «Jude the obscure» (Джуд незаметный, переводы Кардо-Сысоевой 1896 г., Майнова 1897 г., Кривцовой 1933 г. и Маркович и Шершевской 1970 г.). Эта классификация, как нам представляется, многое объясняет в выборе произведений Гарди для перевода на русский язык.

Возвращаясь к переводу «Тэсс» А.В. Кривцовой 1930 г., отметим, что он переиздавался в той же редакции в 1937 г., а затем, начиная с 1955 г., продолжал печататься в различных изданиях с послесловием М.В. Урнова. Все последующие переиздания романа, включая современные, выходят в переводе Кривцовой. Этот перевод представляет собой наиболее полную версию подлинника. Важно было и то, что он был выполнен по правилам современной орфографии и пунктуации, что облегчало его чтение.

Появление трех переводов «Тэсс» в период 1893–1930 гг. и отсутствие попыток перевода романа в дальнейшем ставят вопрос о причине такого явления. Не останавливаясь сейчас на этом, выдвинем предположение о том, что одной из причин являются полнота и адекватность последнего перевода «Тэсс». Однако маловероятно то, что адекватность текста перевода может препятствовать появлению новых переводов произведения, что обращает к необходимости поиска иных причин предпочтения перевода «Тэсс» Кривцовой другим его русскоязычным трансляциям.

В 1933 г. в московском издательстве «Academia, фабрика книги "Красный пролетарий"» в переводе А.В. Кривцовой и со статьей и комментариями Е.Л. Ланна выходит еще один роман Гарди – «Джуд Незаметный», который ранее был уже дважды переведен в России, и оба раза в сокращении. Но, в отличие от перевода «Тэсс», перевод «Джуда» Кривцовой издается только один раз и не получает широкой востребованности.

Во второй половине 1930-х гг. А.В. Кривцова возрождает и укрепляет интерес в России к прозе Гарди малых эпических жанров. В 1936 г. в журнале «30 дней» в ее переводе печатаются три рассказа английского автора из сборника «Старинные характеры», которые ранее не переводились: «Эндрю Сэрчель, священник и причетник» (Andrey Satchel and the parson and the clerk), «Тони Кэйтс – архиплут» (Tony Kytes, the arch-deceiver) и «Старинные портреты» (A few crusted characters) [13. С. 90]. Эти переводы (хотя и частично) открыли для советского читателя еще один сборник рассказов Гарди и широкую перспективу русских переводов из прозы Гарди малых жанров. В 1940 г. в журнале «Интернациональная литература» появляется второй перевод рассказа «Andrey Satchel and the parson and the clerk» под названием «Диковинная свадьба», переводчик неизвестен (подписано: К.И.) [Там же]. Здесь же и в этом же году выходит рассказ из раннего, не известного еще русскому читателю «Уэссекского цикла» «Три незнакомца» (The three strangers) в переводе О.П. Холмской, известной русской советской переводчицы, входившей в переводческий коллектив, руководимый И.А. Кашкиным. Этот же рассказ, но в переводе другой профессиональной переводчицы М.И. Клягиной-Кондратьевой, печатается в 1948 г. под одной обложкой с первым переводом романа «Мэр Кестербриджа» (The mayor of Casterbridge, 1886) из цикла «Уэссекских романов» («Романы характера и среды»), представляющим собой совместный труд Клягиной-Кондратьевой и Кривцовой. В этот же период, в 1937 г., впервые появляется и перевод раннего романа Гарди из цикла «Романы характеров и среды» (уже известного русским читателям по романам «Тэсс» и «Джуд») «Вдали от шумной толпы» (Far from the madding crowd, 1874), созданный ленинградской переводчицей А.М. Карнауховой, известной своими переводами Г. Уэллса, Дж. Лондона и других английских авторов.

Подводя итог третьему периоду, необходимо отметить, что переводческий интерес к творчеству Гарди в 1930–1940 гг. был вызван несколькими причинами. Можно предположить, что социальная и антирелигиозная тематика его произведений вписывалась в формат основного литературного течения СССР, представляя Гарди как обличителя буржуазного строя. Еще одним стимулом появления переводов могла быть идея необходимости перевода литературных произведений мировой классики на русский язык, выдвинутая А.М. Горьким. Созданию новых переводов, по-видимому, также способствовали проведенные реформы и наступившие в их результате изменения в русском языке, в связи с чем дореволюционные издания оказались устаревшими. Подчеркнем также, что при продолжительности периода с 1930 по 1948 г. большинство переводов созданы в довоенное время (9 произведений), и одна книга (2 произведения) издана в 1948 г. Повторимся и отметим большой вклад, внесенный в популяризацию произведений Гарди в России 1930–1940-х гг. переводчицей А.В. Кривцовой. Она выполняла как повторные переводы произведений, так и переводы сочинений Гарди, ранее неизвестных русскому читателю. Наконец, обратим внимание на то, что в этот период впервые появляются переводы, ставшие результатом совместной работы двух переводчиков, что в последующем станет одной из доминирующих переводческих стратегий.

Начало ***следующего периода*** датируется 1959 г. После активной переводческой рецепции 1930-х и второй половины1940-х гг. 1950-е гг. оказались гораздо менее продуктивными в отношении переводов Гарди. В этой связи интересным представляется факт, что подобная тенденция прослеживается и в англоязычной литературной критике, где изучение творчества Гарди в это время переживало спад. Так, если за 1931–1940 гг. количество монографий, лекций и диссертаций, посвященных Гарди за рубежом, составило 23 единицы, то за последующие 20 лет – всего 22. Аналогичная тенденция наблюдается и в публикациях статей в книгах и периодике.

Согласно библиографическим данным творчество Гарди снова стало привлекать внимание исследователей с середины 50-х гг. XX в. – постепенно увеличивается число зарубежных публикаций об авторе, в период 1961–1970 гг. выходит уже 50 научных трудов, посвященных творчеству писателя, а в период 1971–1980 гг. – 78 [13]. М.В. Урнов в работе «Томас Гарди. Очерк творчества» объясняет причину новой волны интереса к Томасу Гарди на западе двумя факторами: во-первых, возросшим интересом литературоведов к эпохе перелома, рубежа XIX–XX вв., на которую приходится творчество писателя; во-вторых, «сенсационные» догадки о личной жизни писателя дали новый импульс к изучению его биографии и творчества и к популяризации его произведений [15. С. 6–7].

Таким образом, можно предположить, что рассматриваемый период русской истории переводов прозы Гарди мог являться «отголоском» мировых литературных тенденций того времени. Однако вполне возможно, что существовали и внутренние, «домашние» причины дальнейшего развития русской переводческой рецепции прозаических произведений английского писателя. В частности, в это время сформировалась и активно развивалась советская школа литературных переводчиков во главе с И.А. Кашкиным, создателем теории реалистического перевода. В конце 1940-х гг., как пишет А.Г. Азов, «положение с переводной литературой резко изменилось. Если раньше «кашкинцы» активно переводили современных английских и американских писателей, то теперь, после Фултонской речи Черчилля, круг достойных перевода авторов резко сузился. Остались преимущественно западные классики и лишь самые «прогрессивные» из современных западных писателей» [25. С. 109]. Возможно, поэтому «кашкинцы» обратились к классической английской литературе, в том числе к прозе Гарди, включая уже переведенные ранее произведения.

В 1959 г. издается сборник переведенных произведений Гарди «Повести и рассказы» под редакцией Холмской (она же выступила и составителем). Переводы выполнялись разными переводчиками «кашкин-

ской школы» и впервые представляли прозу Гарди малых жанров в таком объеме и разнообразии. В сборник вошли рассказы из различных циклов автора. В него были включены как повторные переводы некоторых рассказов, так и переводы произведений, ранее не издававшихся на русском языке.

Повторному переводу «подверглись» следующие рассказы: «Чудная свадьба» (Andrey Satchel and the parson and the clerk), перевод Кашкина, «Тони Кайтс, архиплут» (Tony Kytes, thearch-deceiver), перевод Кашкина, «Маркиза Стонэндж. Рассказ священника» (The marchioness of Stonehenge), перевод Холмской, «В угоду жене» (To please his wife), перевод Н. Дынник, «Старинные характеры» (A few crusted characters), перевод Р. Бобровой, «Грустный гусар из немецкого легиона» (The melancholy hussar of the German legion), перевод И. Бернштейн. Впервые были переведены следующие рассказы из цикла «A group of noble dames» – «Герцогиня Гемптонширская, Рассказ тихого джентльмена» (The duchess of Hamptonshire), перевод М. Лорие, и «Леди Моттисфонт. Рассказ сентиментального члена клуба» (Lady Mottisfont), перевод М. Литвиновой-Юдиной. Цикл «Life's little ironies a few crusted characters» (Маленькие насмешки жизни и старинные портреты) представлен в сборнике рассказами «В Западном судебном округе» (On the Western circuit), перевод М. Беккер, «Запрет сына» (The son's veto), перевод. В. Маянц, «Дьявол на хорах» (Absentmindedness in a parish choir), перевод Кашкина, «Трагедия двух честолюбий» (A tragedy of two ambitions), перевод Н. Волжиной, «История Хардкомов» (The history of the Hardcomes), перевод Н. Высоцкой, «Старый Эндри в роли музыканта» (Old Andrey experience as a musician), перевод Э. Раузиной, «Рассказ суеверного человека» (The superstitious man's story), перевод Э. Раузиной и пр. Из цикла «Wessex tales» (Уэссекские рассказы) в сборник вошли «Проповедник в затруднении» (The distracted preach), перевод Н. Дехтеревой, «Сухая рука» (The withered arm), перевод М. Абкиной, «Могила на распутье» (The grave by the hand post), перевод В. Хинкиса. Сборник также включал ранее переведенный Холмской рассказ «Три незнакомца». В 1954 г. этот же рассказ был переиздан в переводе Клягиной-Кондратьевой (напомним, первое издание относится к 1948 г.) [13. С. 91].

Кроме того, в 1959 г. в московском издательстве «Детгиз» публикуется повесть «Наши приключения в Уэст Поли» (Our exploits at West Poley), представляющая собой адаптированный перевод, выполненный С. Майзельс и Ю. Поляковой для младшего и среднего школьного возраста. В 1961 г. в «Лениздате» выходит сборник «Английская новелла», включавший, помимо прочих рассказов английских писателей, три рассказа Гарди, ранее изданных в сборнике «Повести и рассказы» в переводе «кашкинцев». Для нового сборника переводы этих рассказов были выполнены И. Линецким [26. С. 80–102]. Его переводы больше отражали английский национальный колорит, были более «очуждающие», чем переводы «кашкинцев», которые в высокой степени ориентировались на русского читателя.

После переводов многочисленных рассказов в русской истории переводов прозы Гарди снова наступает «затишье». 1969 г. открыл очередной «романный» этап переводческой рецепции творчества Гарди. В свет вышел ранее не переводившийся первый роман Гарди, вошедший в неизвестный советскому читателю цикл «Романы изобретательные и экспериментальные» – «Отчаянные средства» (Desperate remedies, 1871), в переводе Н. Треневой и со вступительной статьей М.В. Урнова, после чего стали активно издаваться как впервые переведенные его романы, так и новые переводы романов, уже известных читателям Советского Союза. В 1970 г. появляются переводы сразу четырех романов Гарди. Вышли в свет переводы двух ранее не переводившихся романов – открывающего цикл «Романы характеров и среды» «Под деревом зеленым, или Меллстокский хор. Сельские картинки в духе голландской школы» (Under the greenwood tree), перевод Р. Бобровой и Н. Высоцкой, и из этого же цикла – «Возвращение на родину» (The return of the native, 1878), перевод О. Холмской, а также повторные переводы романов «Джуд незаметный» в переводе Н. Шерешевской и Н. Маркович и «Вдали от обезумевшей толпы», переведенный М. Богословской и Е. Бируковой. Чуть позднее появляются переводы еще двух романов: «Старший трубач драгунского полка Джон Лавдэ и его брат Роберт, моряк» (The trumpet-major, 1880), представляющий новый для советского читателя цикл «Романтические истории фантазии», перевод Т. Озерской (1971), и «В краю лесов» (The woodlanders, 1887), перевод М. Литвиновой и А. Сергеева (1973), завершающий презентацию в России цикла «Романы характера и среды». В 1973 г. закончилась публикация Собрания сочинений Гарди в восьми томах, в которое вошли все Уэссекские романы английского писателя.

Таким образом, период, охватывающий 1959–1973 гг., являлся наиболее продуктивным этапом переводов прозаических произведений Гарди в России. Хронологически в нем можно выделить два этапа активной переводческой рецепции, связанные с вниманием к малым и большим эпическим формам прозы Гарди. Большинство переводов были выполнены представителями «кашкинской» школы и носили «командный» характер, многие переводы выполнялись двумя переводчиками. Высокая переводческая продуктивность этих периодов, возможно, свидетельствует о наличии госзаказа на перевод произведений Гарди. Кроме того, причины этого, безусловно, носили и глубинный характер, связанный с историей советской литературы и ее взаимосвязей с западноевропейской, английской, в частности, литературы, в которой именно во второй половине XX в. возрос интерес к творчеству и к личной жизни Гарди и к переосмыслению значения «переломной эпохи», в которую жил и работал писатель.

Начиная со второй половины 1970-х гг. в России намечается спад переводческой (но не читательской) активности в отношении к прозаическому творчеству Гарди. За период с 1974 до конца 1970-х гг. был опубликован только один новый перевод – рассказ «Гра-

битель», опубликованный в журнале «Крокодил» (1975. № 9) в переводе А. Марковина. 1980–1990-е гг. отмечены неоднократным переизданием перевода Кривцовой «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» (1981, 1983, 1987, 1992, 1993 – в ряде издательств, 1994), переводов Холмской «Под деревом зеленым» и «Возвращение на родину» (1989), а также выходом в свет романа «Мэр Кестербриджа» в новом переводе И. Гуровой (1988), который был опубликован в издательстве «Правда» под одной обложкой с рядом рассказов из сборника «Старинные характеры», в основном переизданных по переводам сборника 1959 г. «Повести и рассказы», собранного Холмской. Конец 1980-х гг. обозначен публикацией трехтомного издания «Избранных произведений» Гарди, куда вошли романы «Возвращение на родину», «Мэр Кэстербриджа», «В краю лесов» и «Тесс из рода д'Эрбервиллей», а также повести, рассказы, перепечатанные из сборника «Повести и рассказы» 1959 г., и стихотворения разного времени – все сочинения в выполненных ранее и уже публиковавшихся переводах О. Холмской, А. Кривцовой, М. Клягиной-Кондратьевой, М. Литвиновой, А. Сергеева и др. с комментариями Е. Ланна, Н. Демуровой, О. Холмской. Начало XXI в. отмечено публикацией в московском издательстве «Терра – Книжный клуб» Собрания сочинений Гарди в восьми томах (2006–2007), куда также вошли ранее опубликованные переводы.

Таким образом, обзор истории русских переводов прозы Гарди и ее периодизация позволяют выявить взлеты и падения переводческого интереса к Гарди-прозаику в России на протяжении более чем ста лет; наиболее часто переводимые и не востребованные, до сих пор непереведенные в нашей стране прозаические сочинения английского автора (большая часть «Романов изобретательных и экспериментальных», а также «Романтических историй и фантазий» осталась непереведенной), факт переводов произведений, входящих в авторские циклы, как самостоятельных, что определяет, наряду с анализом переводов в контексте истории русской литературы и русского художественного перевода, перспективу дальнейшего исследования переводческой рецепции прозы Гарди в России. В данной статье был сделан первый шаг к ее изучению: были выделены основные ее периоды, отмечены их особенности, выдвинуты вопросы и предположения относительно их генезиса и эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kramer D.* Making Approaches to Hardy // Critical Approaches to the Fiction of Thomas Hardy / ed. by D. Kramer L. Macmillan, 1979.
2. *Lionel Johnson*. The art of Thomas Hardy // Вестник Европы. 1895. Сентябрь.
3. *Osbert Burdett.* Английская литература за последнее десятилетие (Письмо из Лондона) // Весы. 1907. Ноябрь.
4. *Гордиенко О.В.* Поэтика Уэсского цикла Т. Харди : автореф. … канд. филол. наук. М., 2008.
5. *Люсова Ю.В.* Рецепция Д.Г. Байрона в России 1810–1830-х годов : автореф. дис. … канд. филол. наук. Н. Новгород, 2006.
6. *Назаренко Н.И.* Рецепция творчества сестер Бронте в российской и украинской критике // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 3. С. 65–70.
7. *Сыскина А.А.* Критическая и переводческая рецепция творчества Шарлотты Бронте в русской литературе второй половины XIX в. : автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2013.
8. *Матвеенко И.А.* Восприятие английского социально-криминального романа в русской литературе 1830–1900-х гг. Томск : Изд-во ТПУ, 2014.
9. *Горенинцева В.Н.* Рецепция английской и американской литературы в томской периодике конца XIX – начала XX вв. : автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2009.
10. *Королева С.Б.* Русско-английский литературный диалог: эпизоды : сб. ст. М., 2014.
11. *Айзикова И.А.* Место и роль английского текста в метатексте «Вестника Европы» 1807–1811 гг., периода редакторства В.А. Жуковского (на материале прозы) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2014. № 5. С. 7–18.
12. *Строилова А.Г.* Опыты первых переводов поэзии Э. Юнга в России // Текст. Книга. Книгоиздание. 2015. № 8. С. 43–57.
13. *Томас Харди*: Библиографический указатель / Всесоюз. гос. б-ка иностр. лит.; сост. Б.М. Парчевская. М. : Книга, 1982.
14. *Крылова М.П.* Лирическая поэзия Томаса Гарди: традиции и новаторство : автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2007. С. 4.
15. *Урнов М.В.* Томас Гарди: Очерк творчества. М. : Худож. лит., 1969.
16. *Тесс* наследница д'Обервилле // Русская мысль. М., 1893. № 3–8.
17. *Тэсс* из рода д'Эрбельвилль. Чистая женщина, правдиво изображенная : роман / пер. А.В. Кривцовой; предисл. А.В. Луначарского; Очерк «Томас Гарди» Евг. Ланна. М. ; Л. : Земля и фабрика, 1930. 523 с.
18. *Джуд* неудачник / пер. Майнова И. // Северный вестник. 1897. № 4–9.
19. *Джуд* незаметный /пер. Н. Маркович и Н. Шершевской: послесл. и прим. М. Гордышевской. М. : Худож. лит., 1970. 415 с.
20. *Левидов М.Ю.* Простые истины (о читателе; о писателе), издание автора. М., 1927.
21. *Запад* и Восток // Сборник Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. М., 1926.
22. *Каталог* издательства «Всемирная литература» при народном комиссариате по просвещению. Вступительная статья М. Горького, Пг., 1919.
23. *Черникова Е.Д.* Понятие и осмысление теории перевода в системе метапоэтических текстов И.А. Кашкина // Актуальные проблемы филологии: материалы междунар. науч. конф. Пермь: Меркурий, 2012. С. 108.
24. *Ланн Е.* Томас Гарди // Новый мир. 1931. № 1. С. 173–181.
25. *Азов А.Г.* Поверженные буквалисты: Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2013.
26. *Английская* новелла : сб. рассказов. Л. : Лениздат, 1961.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 ноября 2015 г.

PERIODS OF THOMAS HARDY'S FICTION TRANSLATION IN RUSSIA: TOWARDS TRANSLATION RECEPTION OF HARDY'S FICTION IN RUSSIA

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 13–20. DOI: 10.17223/15617793/401/2

Baranova Anastasia V. Tomsk Polytechnic University, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: baranskikh@yandex.ru

Keywords: Thomas Hardy; periods of translation; multiple translations; history of Russian translations.

Readers' reception of foreign literature is carried out by means of translation, i.e. through a translator's reception. Thus, to study the Russian reception of Thomas Hardy's works, it is necessary to study Russian translations of his works, which makes it reasonable to start with determining periods of Hardy's fiction translation in Russia. The chronological aspect is the basis for the periodization. According to it, there are four periods of Hardy's works translations. They cover the time from 1892 to 1973, with productive translation periods changed by periods of absolute indifference to Hardy's novelism. The first period (1892–1897) correlates with Hardy's peak of popularity. Russian translations of his novels were issued soon after the English texts were published. The most outstanding Hardy's novels, *Tess of the d'Urbervilles* and *Jude the Obscure*, were his first works the Russian reader got acquainted with. The second period (1902–1912) is the least productive in terms of the number of translations. A particular feature of the period is multiple translations. The small number of translations at that time may be explained by the absence of new novels of Hardy, *Jude the Obscure* being his last novel. His early novels did not interest Russian translators of that time. It was only the third period of Hardy's works translations (1930–1948) that made it possible for Soviet readers to know the novels written before *Tess of the d'Urbervilles* and *Jude the Obscure*. The third period is associated with such a translator as Krivtsova Aleksandra V., since it was she who did most of the translation at that time. The increase in Hardy's works translations may be conditioned by several reasons. The author's social and religious position could be framed into the Soviet literary main stream. Another factor may be the idea introduced by Gorky A.M. He suggested that the works of the World Classic literature should be translated into Russian. The new spelling reform could also facilitate intensive translation activity. The fourth period (1959–1973) is the most productive one. Most of the translators belonged to the Kashkin School. The causes of such intensive translations of Hardy's works could be internal, like the "iron curtain" that limited the choice of modern foreign writers to be translated, and external, like the increasing interest in Hardy's works and his personal life that took place in Great Britain and the USA in the 1950s–1960s. Another issue to be studied is criteria for choosing works to be translated. Hardy collected his works in three cycles. According to Lann E., such a distribution is of qualitative character: the first cycle consists of works of no literary importance; the second one includes rather ordinary works; and the third cycle comprises his most outstanding novels. All the novels of this cycle and only some works of the first and second cycles were translated into Russian.

REFERENCES

1. Kramer, D. (1979) Making Approaches to Hardy. In: Kramer, D. (ed.) *Critical Approaches to the Fiction of Thomas Hardy*. London: Macmillan.
2. Johnson, L. (1895) The art of Thomas Hardy. *Vestnik Evropy – The Herald of Europe*. September.
3. Burdett, O. (1907) Angliyskaya literatura za poslednee desyatiletie (Pis'mo iz Londona) [English literature of the latest decade (A letter from London)]. *Vesy*. November.
4. Gordienko, O.V. (2008) *Poetika Uessekskogo tsikla T. Khardi* [The poetics of the Wessex cycle of Thomas Hardy]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
5. Lyusova, Yu.V. (2006) *Retseptsiya D.G. Bayrona v Rossii 1810–1830-kh godov* [Reception of G.G. Byron in Russia in the 1810–1830-ies]. Abstract of Philology Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
6. Nazarenko, N.I. (2009) The reception of works by the Brontë sisters in Russian and Ukrainian criticism. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 3. pp. 65–70. (In Russian).
7. Syskina, A.A. (2013) *Kriticheskaya i perevodcheskaya retseptsiya tvorchestva Sharlotty Bronte v russkoy literature vtoroy poloviny XIX v.* [The critical and translation reception of works by Charlotte Bronte in the Russian literature of the second half of 19th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
8. Matveenko, I.A. (2014) *Vospriyatie angliyskogo sotsial'no-kriminal'nogo romana v russkoy literature 1830–1900-kh gg*. [Perception of the English social-criminal novel in the Russian literature of the 1830–1900-ies]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
9. Gorenintseva, V.N. (2009) *Retseptsiya angliyskoy i amerikanskoy literatury v tomskoy periodike kontsa XIX – nachala XX vv.* [Reception of English and American literature in the Tomsk periodicals of late 19th – early 20th centuries]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
10. Koroleva, S.B. (2014) *Russko-angliyskiy literaturnyy dialog: epizody* [Russian-English literary dialogue: Episodes]. Moscow: Direkt-Media.
11. Ayzikova, I.A. (2014) The place and role of the English text in the metatext of Vestnik Evropy in 1807-1811, the period of V.A. Zhukovsky's editorship (based on the prose). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 5. pp. 7–18. (In Russian).
12. Stroilova, A.G. (2015) First Russian translations of E. Young's poetry. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 8. pp. 43–57. (In Russian).
13. Parchevskaya, B.M. (1982) *Tomas Khardi: Bibliograficheskiy ukazatel'* [Thomas Hardy: A Bibliographic Index]. Moscow: Kniga.
14. Krylova, M.P. (2007) *Liricheskaya poeziya Tomasa Gardi: traditsii i novatorstvo* [The lyrical poetry of Thomas Hardy: tradition and innovation]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
15. Urnov, M.V. (1969) *Tomas Gardi: Ocherk tvorchestva* [Thomas Hardy: An essay on works]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
16. Hardy, Th. (1893) Tess naslednitsa d'Oberville [Tess of the d'Urbervilles]. *Russkaya mysl'*. 3–8.
17. Hardy, Th. (1930) *Tess iz roda d'Erbel'vill'. Chistaya zhenshchina, pravdivo izobrazhennaya* [Tess of the d'Urbervilles. An innocent woman truthfully depicted]. Translated from English by A.V. Krivtsova. Moscow; Leningrad: Zemlya i fabrika.
18. Hardy, Th. (1897) Dzhud neudachnik [Jude the Obscure]. Translated from English by I. Maynov. *Severnyy vestnik*. 4–9.
19. Hardy, Th. (1970) *Dzhud nezametnyy* [Jude the Obscure]. Translated from English by N. Markovich & N. Shershevskaya. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
20. Levidov, M.Yu. (1927) *Prostye istiny (o chitatele; o pisatele), izdanie avtora* [Simple truths (about the reader, the writer), the author's publication]. Moscow; Leningrad: 3-ya Tipo-litografiya Transpechati.
21. Kameneva, O.D. et al. (eds) (1926) *Zapad i Vostok: Sbornik Vsesoyuznogo obshchestva kul'turnoy svyazi s zagranitsey* [East and West: A collection of the All Union Society for Cultural Relations]. Moscow: VOKS.
22. Gorky, M. (1919) Vstupitel'naya stat'ya [Introduction]. In: *Katalog izdatel'stva "Vsemirnaya literatura" pri narodnom komissariate po prosveshcheniyu* [The catalog of the "World Literature" Publishing House at the People's Commissariat for Education]. Petersburg.
23. Chernikova, E.D. (2012) [The concept and interpretation of the theory of translation in the metapoetic texts of I.A. Kashkin]. *Aktual'nye problemy filologii* [The topical problems of philology]. Proceedings of the International Academic Conference. Perm: Merkuriy. (In Russian).
24. Lann, E. (1931) Tomas Gardi [Thomas Hardy]. *Novyy mir*. 1. pp. 173–181.
25. Azov, A.G. (2013) *Poverzhennye bukvalisty: Iz istorii khudozhestvennogo perevoda v SSSR v 1920–1960-e gody* [Defeated literalists: From the history of literary translation in the USSR in the1920–1960-ies]. Moscow: Higher School of Economics.
26. Kovalev, Yu. (1961) *Angliyskaya novella: sb. rasskazov* [The English novel: A collection of short stories] Leningrad: Lenizdat.

Received: 27 November 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 21–25. DOI: 10.17223/15617793/401/3

УДК 811.161.1'36

М.В. Воронец

ВЫБОР ГЛАГОЛА В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНЦИИ ВИДОВ

Статья посвящена проверке гипотезы о том, что несовершенный вид обозначает собственно действие, а совершенный – его предел. Если гипотеза верна, оппозиция действия и предела должна сохранять свою актуальность в любых контекстах, даже в случае конкуренции видов. На основе данных Национального корпуса русского языка были отобраны контексты, иллюстрирующие разные типы видовой конкуренции. Статья содержит результаты эксперимента, направленного на выявление закономерностей выбора глагола в условиях возможной конкуренции видов.

Ключевые слова: русский язык; глагол; эксперимент; несовершенный вид; совершенный вид; действие; предел; частные видовые значения; конкуренция видов.

Категория вида отражает не столько объективное положение вещей, сколько взгляд говорящего на ту или иную ситуацию, что прекрасно характеризуется самим словом «вид» или, в международной терминологии, «аспект». По описаниям употребления видов может сложиться впечатление, что их выбор либо строго предопределён (например, в настоящем времени), либо при возможной конкуренции видов является неосознанным и даже случайным. Тем не менее употребление того или иного вида должно быть чем-то обосновано.

Проанализировав самые распространённые концепции, можно прийти к выводу, что несовершенный вид обозначает собственно действие, а совершенный – его предел [1. С. 161]. Но действительно ли противопоставление действия и предела имеет значение для носителей языка и актуально ли оно в случаях конкуренции видов? Известно, что конкурируют частные значения видов, а не их инварианты. Однако частные видовые значения конкретизируют, а не нарушают инвариантные значения, таким образом, и в случаях конкуренции совершенный вид должен маркировать предел, а несовершенный представлять само действие. Для того чтобы понять, насколько инвариантное значение видов сохраняется в различных типах контекста, был проведён эксперимент, в ходе которого участникам предлагалось выбрать глагол несовершенного или совершенного вида в том или ином предложении.

Материалом для эксперимента послужили предложения, выбранные из Национального корпуса русского языка. Всего было отобрано 60 предложений, распределённых по четырём вариантам анкеты. Участникам эксперимента предлагался вариант из 15 предложений типа «*Нет, как же, – фальшивым голосом сказал он. – Мы, кажется, встречались / встретились*». Задание формулировались следующим образом»: «Выберите тот вариант, который Вам кажется более естественным или уместным. Если оба варианта кажутся Вам абсолютно равнозначными, выбирайте оба. Ориентируйтесь на то, какой глагол в этом контексте выбрали бы Вы сами». На каждый из вариантов анкеты ответили 80 респондентов.

Рассмотрим несколько типов видовой конкуренции с точки зрения наших теоретических представлений и сравним с результатами эксперимента.

Обобщённо-фактическое значение несовершенного вида – конкретно-фактическое значение совершенного. Известно, что обобщённо-фактическое значение содержит «общее указание на самый факт наличия или отсутствия действия» [2. С. 28], в то время как конкретно-фактическое значение «обозначает конкретный единичный факт» [Там же. С. 22]. Закономерно, что именно несовершенный вид способен называть действие без дополнительных характеристик, так как совершенный вид обозначает не действие, а его предел.

В предложении «*Нет, как же, – фальшивым голосом сказал он. – Мы, кажется, <u>встречались</u>*» говорящий не может представить действие более конкретным, в частности указать его кратность, так как вообще не уверен в том, что оно имело место. Логично, что 95% респондентов выбрали глагол несовершенного вида, 4% – совершенного, и 1% признали варианты равноправными. В контексте «*Скажу от себя – фильм смотреть не стоит (<u>смотрел</u>)*» автор не актуализирует момент просмотра фильма, не маркирует предел, а сразу переходит к рекомендации; уточнение в скобках является ответом всем, у кого могут возникнуть сомнения в том, что сам автор фильм смотрел, т.е. подтверждением того, что действие было. Эксперимент подтверждает закономерность и этого употребления глагола: несовершенный вид выбрали 67% опрошенных, совершенный – 28%, и 5% признали варианты равноправными. Таким образом, в случае неопределённости или неактуальности таких параметров, как кратность действия или достижение предела, конкуренция видов практически невозможна.

В предложении «*Мне рассказывал один знакомый, как он <u>съездил</u> в Катманду – мне физически захотелось всё бросить – и в Катманду!*» автор употребляет глагол совершенного вида. Понятно, что знакомый рассказывает именно о «результате» своей поездки, т.е. о пребывании в Катманду. Однако именно по причине ясности ситуации достаточно было бы указания на факт поездки. Тем не менее 58,5% респондентов предпочли глагол совершенного вида, 33% – несовершенного и 8,5% оценили варианты как равноправные. Предпочтение совершенному виду было отдано и в других предложениях с глаголом, выражающим однократное законченное действие (предел действия), за исключением контекстов, актуализирующих само действие. Например, в предложении «*Я тут на Лариску с Серёжкой обиделась, уже три дня с ними не разговариваю, т.к. они 29 июня <u>ездили</u> в Пермь и меня не взяли с собой*» используется глагол несовершенного вида: говорящего расстраивает само

наличие названного действия, а не его результат, актуализация которого в данном случае не имеет никакого значения. Кроме того, внимание на действии акцентирует вторая часть предложения «*и меня не взяли с собой*». В результате 81% опрошенных выбрали глагол несовершенного вида, 17% – совершенного, и только 2% – оба варианта.

Точно так же говорящий может актуализировать предел действия и, соответственно, смену ситуации. В контексте «*А нашего Ломоносова через два месяца сняли. Ленинградские учёные написали письмо в газету. Жаловались, что наша скульптура – принижает великий образ*» в центре внимания оказывается результат, вызванный названным действием, – глагол совершенного вида выбрали 71% респондентов, 28% – глагол несовершенного вида, 1% признали варианты равноправными. Но какой вид выбрать, если действие достигло своего предела, а ситуация изменилась не так, как того ожидал говорящий? В предложении «*Несколько родительниц из класса писали письмо в роно, после этого детям стало ещё хуже*», несомненно, представлено результативное действие. Результатом является смена ситуации: «было плохо» – «стало ещё хуже». Однако понятно, что это не тот результат, на который рассчитывали субъекты действия, более того, это результат прямо противоположный. Таким образом, действие можно считать безуспешным, а ситуацию – качественно не изменившейся (в том смысле, что знак «минус» не поменялся на знак «плюс», произошли скорее количественные изменения, причём нежелательные). Видимо, именно эти обстоятельства позволили автору использовать глагол несовершенного вида. Тем не менее 99% опрошенных выбрали глагол совершенного вида (1% – несовершенного). Выбор совершенного вида в данном контексте оказался ещё более распространённым, чем в предыдущем, по-видимому, благодаря маркёру «после этого», однозначно выражающему временные и причинно-следственные связи в предложении. Рассмотренные примеры демонстрируют, что выбор глагола напрямую не зависит от того, достигло ли действие того результата, на который было направлено. В обоих случаях участники эксперимента уверенно выбирали совершенный вид, так как в предложениях представлены законченные действия, приведшие к определённому, пусть иногда незапланированному, результату.

В предложении «*Я не буду писать бумагу! Я уже писал… Я больше к Мишулину и Рязанцеву ходить отказываюсь… У меня уже печать стоит!.. У меня уже бумага в деле в общем отделе!*» говорящий обращает внимание на то, что названное действие уже имело место и он не намерен его повторять. В таком случае закономерен выбор несовершенного вида, не выражающего связь действия с настоящим временем (см. [3. С. 46]). В то же время последующий контекст «*У меня уже печать стоит!.. У меня уже бумага в деле в общем отделе!*» указывает на то, что произошла смена ситуации, сохраняющая свою актуальность, тем не менее, автор выбирает глагол несовершенного вида. Возможно, причина в том, что нужный результат не получен, и говорящему остаётся только констатировать, что данное действие уже имело место, хотя, как было показано выше, этот фактор не всегда влияет на носителей языка. У респондентов возникли затруднения с выбором варианта: 52% опрошенных выбрали глагол «*написал*», 46% – глагол «*писал*», 2% – оба варианта. Таким образом, даже в случае подтверждения наличия действия большинство респондентов выбрали глагол совершенного вида по отношению к законченному однократному действию, результат которого представлен в самом контексте.

«*Он поднялся и уже собирался проскользнуть в комнату бургомистра, как вдруг на повороте он встретился с Анной-Марией, молоденькой служанкой в доме*» – автор выбрал глагол несовершенного вида. Глагол «*собирался*» в значении «*намеревался*» без дополнительного контекста не выражает особой длительности. При этом глагол несовершенного вида передаёт ощущение текущей минуты: герой как бы предстаёт в момент принятия решения. Напряжённость момента подчёркивается наречием «уже», а также сопутствующей действию ситуацией встречи с Анной-Марией, что не позволило осуществиться замыслу (хотя сам момент принятия решения: «решение принимается – решение принято», достигает полноты осуществления). С.А. Карпухин писал, что глаголы несовершенного вида останавливают в русскоязычном сознании время, отмечая: «Заложенное в подсознании говорящего стремление глубже постичь суть явления (действия, состояния, события и пр.) и есть основной смысл и цель несовершенного вида» [4. С. 63]. Замена на глагол «*собрался*» показывает ситуацию с другой стороны: герой рисуется уже после принятия решения, из описания исчезает напряжённость, хотя появляется динамичность. Авторский вариант выбрали 52% опрошенных «*собирался*», 34% – *собрался*, и 14% – оба варианта. В предложении «*Антон Михайлович уже собрался вскочить на борт, как его остановил знакомый голос*» используется глагол совершенного вида, таким образом, последовательность действий обозначается чётче, чем напряжённость момента, но акценты можно расставить и по-другому, тем более что по структуре предложение похоже на предыдущее. Тем не менее предпочтение вновь было отдано авторскому варианту: 50% опрошенных выбрали глагол совершенного вида, 39% – несовершенного, и 11% признали варианты равноправными. По-видимому, на выбор видов повлияла смысловая составляющая, и в первом предложении важнее было передать напряжённость ситуации. Таким образом, и в этих контекстах значимой оказывается оппозиция действия и его предела, хотя различие оказывается скорее стилистическим, зависящим от предпочтений говорящего.

Однако противопоставление действия и предела не всегда последовательно отражено в контекстах. Так, в предложении «*Когда-то в детстве я смотрел фильм «Дни хирурга Мишкина» с Олегом Ефремовым и даже долгое время мечтал стать доктором*» представлен, по-видимому, переломный момент, за которым следу-

ет смена ситуации: говорящий посмотрел фильм – и решил стать доктором. При этом автором используется глагол несовершенного вида, т.е. причинно-следственные связи между просмотром фильма и возникновением мечты, если таковые и есть, с помощью грамматических средств не выражены. Автор мог неоднократно смотреть указанный фильм, что подтверждало бы уместность употребления глагола несовершенного вида, но обстоятельство «когда-то», как бы сужающее диапазон, заданный обстоятельством «в детстве», затрудняет понимание действия как многократного, хотя и не исключает его. Среди респондентов заметны существенные колебания: 48% выбрали глагол несовершенного вида, 47% – совершенного, 5% – оба варианта. Причина такого расхождения, по-видимому, заключается в неясности причинно-следственных связей и аспектуальных параметров названного действия.

Ограниченно-кратное значение несовершенного вида – суммарное значение совершенного. Значение повторяемости, объединяющее рассматриваемые видовые значения, в обоих случаях привносится лексическими компонентами контекста, в первую очередь обстоятельствами «дважды», «несколько раз» и др. Таким образом, сами видовые формы по-прежнему должны представлять оппозицию действия и его предела. Считается, что, выбирая несовершенный вид, говорящий описывает действие без подчёркнутого суммирования. А.А. Зализняк и А.Д. Шмелёв писали, что в суммарном значении совершенный вид обозначает единичное событие, но оказывается «многоактным» и далее: «При употреблении несов. вида для обозначения повторяющегося события каждый “акт”, так сказать, превращается в самостоятельную пьесу» [5. С. 20]. В таком случае выбор вида во многом зависит от предпочтений говорящего. Тем не менее есть ситуации, в которых выбор оказывается значимым: так, несовершенный вид чаще выбирается тогда, когда «предпосылкой каждого нового повторения действия является устранение результата, полученного в предыдущий раз, т.е. “двустороннее действие”» [6. С. 80]. Действительно, невозможно суммировать действия, которые происходят таким образом, что результат первых действий аннулируется.

В предложении «*Передовой отряд два раза попадал в засаду, к счастью, обошлось без убитых, есть только раненые, да и те легко*» используется глагол несовершенного вида, близкий к глаголам аннулированного действия, так как второй раз отряд мог попасть в засаду, только вырвавшись из первой засады. Несовершенный вид выбрали 64,5% опрошенных, совершенный – 28%, равноправными варианты признали 7,5%. В предложении «*Он уже два раза прыгнул по два четверных прыжка в официальных соревнованиях*» автор употребил глагол совершенного вида, подчёркивая достижение спортсмена актуализацией предела, вбирающего в себя оба указанных выступления. Однако участники эксперимента снова предпочли несовершенный вид, правда, с минимальным перевесом (53%), совершенный вид выбрали 45% и равноправными варианты признали 2%. Почти во всех отобранных предложениях данного типа (с маркёрами «два раза», «раза два», «несколько раз») предпочтение отдавалось несовершенному виду. Только в предложении «*Надя вышла замуж – я раза два навестил её, но муж её, широкоплечий спортсмен и танцор, мне не очень понравился и мои посещения её скоро прекратились*» выбор между видами распределился почти поровну: 51,5% респондентов выбрали глагол несовершенного вида, 48,5% – совершенного. Возможно, причина в приблизительном квантификаторе «раза два», который в меньшей степени актуализирует многократность. Впрочем, уже в предложении «*Вечером после совещания он раза два звонил мне*» участники эксперимента снова уверенно предпочли несовершенный вид (59%), совершенный выбрали 39%, 2% – оба варианта. Таким образом, при обозначении многократного действия говорящие предпочитают несовершенный вид глагола, что также подтверждает связь совершенного вида с единичным действием, а точнее с пределом действия, не предполагающим многократности.

Неограниченно-кратное значение несовершенного вида – наглядно-примерное значение совершенного. Неограниченно-кратное значение представляет ряд однотипных действий, наглядно-примерное – одно действие из ряда, точнее, предел этого действия. Но в каких случаях говорящий решает показать многократное действие на примере одного из явлений ряда? Рассматривая конкуренцию ограниченно-кратного и суммарного значений, мы уже отмечали, что для носителей языка привычнее выражать многократные действия с помощью несовершенного вида. Очевидно, что наглядно-примерное значение используется скорее в стилистических целях, т.е. в художественных или, по крайней мере, экспрессивных контекстах. Кроме того, данный тип конкуренции относится к видовременному комплексу (наглядно-примерное значение создаётся глаголами совершенного вида будущего времени), а не собственно к виду. Посмотрим на результаты эксперимента:

В предложении «*Самохин не был красноречив, он как бы размышлял вслух – задаст себе трудный вопрос, взвесит, что и как, и ответит*» несовершенный вид по отношению к первому из выделенных глаголов выбрали 66% опрошенных, по отношению к последующим – 63%. Процентная разница возникла из-за появившегося у респондентов варианта «*задавал, взвесит, ответит*». Выбор совершенного вида в процентном соотношении составляет 31% для первого глагола и 34% – для второго и третьего. Равноправными варианты признали 3% участников эксперимента. В предложении «*Ну и была ж свинья – прямо лев! Как выйдет на улицу, хрюкнет – кругом пусто!*» знаки препинания, своеобразный синтаксис и лексические компоненты создают экспрессивность контекста, подводя к нестандартному использованию совершенного вида. Действительно, на этот раз уже 94% опрошенных выбрали совершенный вид глагола в первом случае (92,5% – во втором) в то время как несовершенный вид, соответственно, предпочли 6% (7,5%). Как и в предыдущем

примере, появилась неожиданная комбинация «*выйдет, хрюкала*». Решающим аргументом для выбора наглядно-примерного значения стала именно экспрессивность контекста, т.е. стилистический фактор, что подтверждает наши заключения.

Потенциально-качественное значение несовершенного вида – потенциальное значение совершенного. Рассматриваемая конкуренция, особо выделяемая А.В. Бондарко (см. [2. С. 29]), по существу не отличается от предыдущей (область конкуренции смещается из области абстрактного настоящего в область потенциального настоящего) и может рассматриваться как её подтип.

В предложении «*Они безотказные ребята, не обязаны делать такую работу, но всегда помогают*» автор использовал глагол несовершенного вида, тем не менее 69% респондентов выбрали совершенный вид, 31% – несовершенный. Похожие результаты и в других предложениях данного типа. Однако в предложении «*Он очень общителен, умеет находить общий язык с людьми*» 81% опрошенных выбрали инфинитив несовершенного вида и только 19% – совершенного. Видимо, усиленная многократность (способность субъекта направлена на разные объекты) не позволила выбрать глагол совершенного вида. Сравним: в предложении «*Она умеет найти подход к любому человеку*» 68% выбрали глагол совершенного вида, 30% – несовершенного и 2% признали варианты равноправными. То, что способность субъекта описывается на основании единичного примера, маркируется дополнением «любой человек», хотя и в этом предложении может использоваться глагол несовершенного вида, который, возможно, привносит оттенок длительности, тем самым маркируя усилия субъекта. По-видимому, для носителей языка привычнее оказалось обозначение потенциального действия как единичного с закономерной актуализацией предела (поможет, найдёт и т.д.) как показателя умения субъекта.

В предложении «*Кто захочет работать в школе в настоящее время?*» 69% опрошенных предпочли глагол совершенного вида, 26% – несовершенного и 5% признали варианты равноправными. При использовании глагола несовершенного вида вопрос во многом теряет риторический посыл и становится более конкретным. С точки зрения видовых значений это неожиданный результат, но значение потенциальности в подобных контекстах создаётся не столько совершенным видом, сколько будущим временем.

Таким образом, потенциальное значение совершенного вида оказывается как бы ещё более потенциальным, чем потенциально-качественное значение несовершенного, так как для его реализации используется будущее время глагола. Впрочем, в контексте «*Кто думает весной о рябине? Кто вспоминает осенью сирень?*» в первом случае несовершенный вид выбрали уже 71% опрошенных (26% – совершенный, 3% признали варианты равноправными). Выбор второго глагола отличается большим разнообразием: вариант «*вспоминает*» несовершенного вида выбрали только 48% опрошенных (47% – «*вспомнит*» совершенного вида, и уже 5% – оба глагола). Именно этот контекст отличался наибольшим разнообразием комбинаций: вариант «*думает, вспоминает*» выбрали 47%, «*подумает, вспомнит*» – 24%. Популярной также оказалась комбинация «*думает, вспомнит*» – 21%. Предпочли глагол «*думает*» при равноправии «*вспоминает*» / «*вспомнит*» 3% опрошенных, 1,5% – «*вспоминает*» при равноправии «*думает*» / «*подумает*», 2% респондентов признали равноправными все варианты, и 1,5% предпочли комбинацию «*подумает, вспомнит*». Таким образом, чёткой закономерности употребления видов в подобных риторических вопросах в результате эксперимента не выявлено.

Результаты эксперимента доказали, что вне зависимости от типа контекста несовершенный вид используется, если говорящему нужно привлечь внимание к самому действию. Когда достаточно указания на предел, после которого наступило новое состояние, выбирается глагол совершенного вида.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронец М.В.* Оппозиция несовершенного / совершенного вида как оппозиция действия и его предела // Филология и человек. 2015. № 4. С. 157–162.
2. *Бондарко А.В.* Вид и время русского глагола. М. : Просвещение, 1971. 239 с.
3. *Рассудова О.П.* Употребление видов глагола в современном русском языке. М. : Рус. яз., 1982. 149 с.
4. *Карпухин С.А.* Глаголы бегущие и застывшие на месте // Наука и жизнь. 2004. № 6. С. 62–64.
5. *Зализняк А.А., Шмелёв А.Д.* Введение в русскую аспектологию / А.А. Зализняк, А.Д. Шмелёв. М. : Языки русской культуры, 2000. 226 с.
6. *Маслов Ю.С.* Очерки по аспектологии. Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. 263 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 19 декабря 2015 г.

VERB CHOICE IN ASPECTUAL COMPETITION

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 21–25. DOI: 10.17223/15617793/401/3

Voronets Maria V. Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: Voronets10.02.01@gmail.com

Keywords: Imperfective Aspect; Perfective Aspect; action; limit; particular aspectual meanings; aspectual competition.

The paper discusses the rules of verb choice in potential aspectual competition. Having analyzed the most popular interpretations of invariant meanings of the Perfective and the Imperfective Aspects, the author suggested that the Imperfective Aspect defines the action itself, while the Perfective Aspect defines the action limit. If this hypothesis is correct, this opposition is supposed to stay relevant in any contexts, even in case of aspectual competition. Using data from the Russian National Corpus, the author selected some contexts illustrating different types of aspectual competition, and then offered Russian native speakers to choose a verb of either the Perfective or the Imperfective Aspect in sentences. The article considers the results of the experiment. The experiment indicates that

the Imperfective Aspect in its general factual meaning has been chosen in contexts with the indistinctness of such parameters as repetitiveness or reaching of the limit. It is the Imperfective Aspect that can express an action without additional characteristics, as the Perfective Aspect defines not the action but the action limit. The Perfective Aspect in its common concrete typical meaning has been chosen in contexts presenting a single completed event (the action limit) not depending on the action result. The limit indication is especially important in contexts describing a new condition that appeared. If the speaker wants to actualize the action, he or she prefers the verb of the Imperfective Aspect. In some cases the Imperfective Aspect denotes the tensions of the moment, while the Perfective Aspect denotes the dynamics of the condition changing. The distinction between the action and the action limit is consequently conducted in selected contexts with the exception of cases with indistinct cause-effect relations and aspectual parameters of the action. When describing repeated actions, native speakers prefer the Imperfective Aspect. The Perfective Aspect, defining the action limit, does not imply repetitiveness, though the meaning of repetition can be created by the context. The participants of the experiment easily chose the Perfective Aspect in its summative function, while the visual-exemplary meaning of the Perfective Aspect needed an expressive context. Both aspects are actively used in contexts with the potential meaning. The results of the experiment prove that the opposition of the action and the action limit is relevant for Russian native speakers even in case of aspectual competition.

REFERENCES

1. Voronets, M.V. (2015) Oppozitsiya nesovershennogo / sovershennogo vida kak oppozitsiya deystviya i ego predela [Opposition of the Imperfective / Perfective Aspects as an opposition of action and its limits]. *Filologiya i chelovek – Philology and a Person*. 4. pp. 157–162.
2. Bondarko, A.V. (1971) *Vid i vremya russkogo glagola* [The aspect and tense of the Russian verb]. Moscow: Prosveshchenie.
3. Rassudova, O.P. (1982) *Upotreblenie vidov glagola v sovremennom russkom yazyke* [The use of the verb forms in the modern Russian language]. Moscow: Russkiy yazyk.
4. Karpukhin, S.A. (2004) Glagoly begushchie i zastyvshie na meste [Verbs of action and statics]. *Nauka i zhizn'*. 6. pp. 62–64.
5. Zaliznyak, A.A. & Shmelev, A.D. (2000) *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to Russian aspectology]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
6. Maslov, Yu.S. (1984) *Ocherki po aspektologii* [Essays on aspectology]. Leningrad: Leningrad State University.

Received: 19 December 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 26–33. DOI: 10.17223/15617793/401/4

УДК 82-94

А.В. Галькова

СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ В МЕМУАРНО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ М.В. ДОБУЖИНСКОГО

Рассматриваются особенности словесного портрета в мемуарно-автобиографическом произведении художника-«мирискусника» М.В. Добужинского «Воспоминания». Отмечается, что на художественное творчество М.В. Добужинского значительное влияние оказала эстетика Серебряного века с присущей ей артистичностью и маскарадностью. Исследование аспекта взаимодействия вербальной и живописной изобразительности в мемуарной литературе русских художников важно для понимания своеобразия мемуарной прозы, написанной не профессиональными писателями, а деятелями изобразительного искусства.

Ключевые слова: словесный портрет; мемуарная литература; синтез искусств; «Мир искусства»; артистизм; живопись.

Первая треть XX в. ознаменовалась обращением к синтетическим жанрам литературы, в том числе к мемуарной литературе, находящейся на границе между документальным и художественным повествованием. Мемуарная литература приобрела большое значение для первой волны русской эмиграции, поскольку дала возможность возродить память об уходящей России, отразить литературную и культурную жизнь русской интеллигенции, вынужденной покинуть родину. Ни одно мемуарное повествование рассматриваемого периода, имея своей целью представить переходный характер исторической эпохи, не может обойтись без словесных портретов современников автора, многие из которых были знаковыми фигурами в литературе и искусстве того времени.

Словесные портреты в мемуарно-автобиографических произведениях русских художников – недостаточно изученное явление, поэтому их рассмотрение представляет большой интерес, поскольку они создаются посредством художественной интерпретации образа человека автором-живописцем, что актуализирует проблему взаимодействия вербальной и живописной изобразительности. Выявление специфики словесного портретирования позволит глубже понять особенности структуры и формы данной художественно-документальной литературы. Выбор мемуарной прозы художников-«мирискусников» обусловлен тем, что их творчество пришлось на Серебряный век, тесно связано с символизмом, проникнуто артистизмом и стилизацией, это порождает неоднозначность и сложность при изучении данных произведений. Мстислав Добужинский, преимущественно художник-пейзажист, создавал в том числе и портреты своих современников, писателей-символистов и художников-«мирискусников», был ярким представителем эпохи, оставившим свидетельство о ней в своих мемуарах. М.В. Добужинский занимался книжной графикой, мастерски интерпретировал содержание литературного произведения, особенно тонко чувствовал связь слова и изображения. Как отмечает исследователь О.И. Подобедова: «Добужинский – мастер книги. Он, пожалуй, больше, чем кто-нибудь из “Мирискусников”, мыслит книгу как единое целое, в котором взаимодействуют: слово во всех его художественных проявлениях, изображение в его пространстве и колористических возможностях и, наконец, средства полиграфического искусства, позволяющие воплотить и слово и изображение в виде целостного художественного организма, в котором и шрифт, и формат, и одежда книги – все вместе призвано выразить общее содержание» [1. С. 33–43].

Термин «портрет» в литературоведении имеет два значения: портрет как самостоятельный литературный жанр и портрет как один из приемов создания образа персонажа. В данном исследовании мы будем рассматривать портрет во втором значении, как элемент мемуарно-автобиографической прозы, в определении Л.Н. Дмитриевской: «одно из средств создания образа героя через изображение внешнего облика, являющееся особой формой постижения действительности и характерной чертой индивидуального стиля писателя» [2. С. 90].

В отличие от живописного портрета, который запечатлевает человека в одной присущей ему статической позе, словесный портрет отражает портретируемого в разное время, разных ракурсах, действиях и поступках. В силу неизбежной авторской субъективности портреты в мемуарах приобретают оттенок незавершенности характера современника, поскольку автор-мемуарист, по сравнению с автором художественной литературы, не стремится всесторонне представить характер современника, несмотря на то что будущее для мемуариста уже предопределено [3. С. 53]. Образам персонажей в мемуарах присуща двойственность: они приближены к своим прототипам, но им не тождественны, так как попадают под воздействие творческой воли, интенции автора [4. С. 32].

Видный русский философ, филолог А.Ф. Лосев, занимаясь рассмотрением вариативного функционирования живописной образности в художественной литературе, отмечал, что всякому художественному образу и всякому искусству свойственна выразительность. Портрет способен отражать внутреннюю жизнь портретируемого в какой-либо конкретный момент или отрезок времени и являться целым жизнеописанием. «Психологические настроения и биографические подробности, духовная жизнь с ее мелочами и с ее возвышенными моментами, словом, вся внутренняя и недоступная непосредственному чувственному восприятию жизнь становится в условиях живописной образности зрительно-плоскостным предметом, а зрительно-плоскостная живописная образность всегда *выразительна»* [5. С. 32].

В русской культуре Серебряного века художественное объединение «Мир искусства» (и выпускаемый им литературно-художественный журнал) было явлением значительным, сложившимся в конце 1890-х гг. и объединившим молодых художников, литераторов и деятелей искусства, лидерами которого являлись А.Н. Бенуа, С.П. Дягилев, Д.В. Философов, К.А. Сомов, Л.С. Бакст, а позже М.В. Добужинский. Участники художественного объединения ставили своей задачей вернуть русскому искусству его главное качество – художественность, провозглашая основным принципом искусства эстетизм, старались освободить его от тенденциозности, при этом не принимали академизма и передвижничества. Мирискусникам были близки неоромантические и символистские тенденции в искусстве, поэтизация русского национального наследия. Художественному стилю художников данного объединения присущи стилизация, тонкая декоративность, орнаментальность, графичность изображения и театральный синтез искусств [6. С. 123–124].

Помимо широко изученного живописного творчества многим художникам «Мира искусства» принадлежат произведения мемуарной литературы: дневники Е.Е. Лансере, автобиографические записки А.П. Остроумовой-Лебедевой, мемуарно-автобиографическая проза «Встречи и впечатления: воспоминания художника» А.Я. Головина, «Мои воспоминания» А.Н. Бенуа и «Воспоминания» М.В. Добужинского.

В рамках данной статьи предметом рассмотрения является специфика словесных портретов в мемуарах Мстислава Валериановича Добужинского «Воспоминания», что позволяет поставить вопрос о том, в какой мере живописная манера автора отражается в создании им вербального образа персонажа.

Все искусство М. Добужинского отличают антиномизм, двойственность, когда формы реального мира создаются и трансформируются согласно внутреннему темпу и ритму, присущим художнику. В изобразительном творчестве М.В. Добужинского видна тесная гармоничная связь эмоциональности и логики. Разумной обоснованности подчинены все непосредственные зрительные впечатления художника. За счет этого без какой-либо навязчивости и предвзятости достигается действенность художественной мысли.

Живописные портреты М.В. Добужинского, по мнению художественного критика Эриха Голлербаха, – это скорее наброски, нежели полностью завершенные творения. В портретных рисунках М.В. Добужинского мало волевого начала, они не всегда безукоризненно написаны и немного вялы. Однако они очень запоминающиеся, в нередких случаях в них заключено много психологической зоркости художника. «Портрет всегда есть какое-то “среднее арифметическое” между индивидуальностью художника и индивидуальностью модели. Необходимо, чтобы это среднее арифметическое было возможно менее “арифметично”, т.е. чтобы в нем осуществлялся не логический итог, а интуитивная гармония. С этой стороны многие портреты М. Добужинского не уступают произведениям самых виртуозных портретистов» [7. С. 57–60]. Критик отмечает, что художник умеет подметить и отразить лично-характерное, уловить своеобразный шарм портретируемого, несмотря на то что не всегда удачно «строит» лицо или отдельные части портрета. При этом для художественной манеры М. Добужинского характерна легкость и совершенно отсутствует «вымученность».

По мнению исследователей, у М.В. Добужинского «чувства, оценки часто переплавлялись в графический или живописный словесный образ, созданный хотя и словом, но по правилам изобразительного искусства» [8. С. 48]. В словесном искусстве художник брал верх над литератором. Как указывает Г.И. Чугунов: «Обращает на себя внимание память мемуариста на детали костюмов, краски и вообще на “мелочи”, обычно проходящие у большинства людей мимо их сознания. Такая память свойственна художникам, и автор широко пользуется описанием головных уборов, военных и иных мундиров, игрушек, убранства лошадей…» [9. С. 343]. Воспоминания М. Добужинского характеризуются подробностями, детальными описаниями, по словам его сына, «он был прежде всего, и до самой глубины своего существа – художником. Он на все смотрел глазами художника, оценивал все как художник, и все, что он делал, говорил и писал, было проявлением его внутренней художественной жизни» [10. С. 343].

Созданию своих «Воспоминаний» М.В. Добужинский посвятил более 30 лет, с середины 1920-х гг. до самой своей смерти в 1957 г. Мемуары строятся на основе осмысления явлений русской художественной культуры, в которых сам мемуарист принимал непосредственное участие. «Архитектура» мемуаров М. Добужинского не вполне ясна, поскольку изначально художник делал мемуарные записи для себя и не предполагал их публиковать. Наибольшей последовательностью отличаются воспоминания, описывающие детство, юность и первые годы самостоятельной жизни – вплоть до начала XX в., в последующих воспоминаниях утрачено связное хронологическое повествование, а их темой становятся наиболее существенные события художественной жизни мемуариста, в силу этого им свойственна замкнутость и локальность. Определяя принципы литературной работы М.В. Добужинского над мемуарами, Г.И. Чугунов отмечает, что для воспоминаний художника характерны «простота, безыскусственность, безмятежные, обстоятельные описания, одно сменяющее другое, решительное пресечение каких-либо литературных, как выражается художник, “красот”» [9. С. 333].

Закономерно, что портреты художников (обычно отрывочные упоминания) в мемуарах М.В. Добужинского встречаются чаще, нежели воспоминания о писателях. Наиболее полно сущность каждого «мирискусника» художник охарактеризовал в главе «Круг “Мира искусства”», где в большей степени определились черты историко-художественного очерка, несмотря на то, что в «Круге “Мира искусства”», как и в «Исторической выставке портретов» или «Ремизовском “Бесовском действе”», центром повествования является то или иное художественное событие.

В эпоху Серебряного века возник «феномен творческого артистизма», который был связан с новой

интерпретацией искусства в жизни и роли художника. Рубежная эпоха, характеризующаяся возрождением романтических взглядов на роль искусства и тенденцией к привнесению эстетизма во все сферы жизни и творчества, породила новое понятие «человек-артист». Как для писателей-символистов, так и для художников-мирискусников жизнь тесно переплеталась с творчеством, происходила своеобразная «стилизация» жизни, превращающейся в игру, где возможны мистификация и вымысел, в которой человек, неразрывно связанный со своим артистическим «амплуа», только меняет «маски».

Основным для искусства на рубеже веков явилось стремление запечатлеть «маски» современников, поэтому ведущими моделями для портретов художников-мирискусников стали «артистичные литераторы». Их взаимоотношения – художника и модели, роль художника – в создании образа, и роль самой модели – в его создании, и в результате – итог их совместных усилий [11]. Вполне закономерно, что этот феномен нашел отражение в словесных портретах М. Добужинского.

Говоря о работе художника, Н. Дмитриева отмечала: «Если художник работает с натуры – натура успевает за это время измениться… Если он работает по памяти – его память… представляет ему образы длящиеся, тоже включающие в себя момент временного развития. И художник не только не подавляет в себе эту особенность, но, напротив, ее культивирует. Когда он пишет портрет, он вспоминает, каким был портретируемый в других условиях, вчера, в другом состоянии. Изображая его серьезным, помнит, каким он был, когда он улыбался. И все это так или иначе синтезируется в создаваемом образе, хотя за основу и берется какой-то один, определенный момент, определенное состояние» [12. С. 89]. Данное утверждение применимо и к словесным портретам, создаваемым писателями-художниками.

Среди словесных портретов М.В. Добужинского в его мемуарах «Воспоминания» представлены портреты как художников, так и литераторов: писателей и поэтов. Однако живописные аналоги есть не у всех. Так, в портретах карандашом художником запечатлены К.А. Сомов, Б.М. Кустодиев, А.Н. Бенуа, Н.Н. Евреинов, им созданы карикатуры на А.Н. Бенуа, Ф.К. Сологуба, К.А. Сомова, Вяч.И. Иванова, И.Э. Грабаря, И. Б. Билибина, Н.Н. Евреинова, шаржи на Л.С. Бакста, З.И. Гржебина, М.А. Кузмина и др.

Внешность Вячеслава Иванова описывается художником подробно и красочно (в карикатуре и шарже краски отсутствуют): «Вяч[еслав] Иванов тогда носил золотую бородку и золотую гриву волос, всегда был в черном сюртуке с черным галстуком (цветовых акцентов в шарже и карикатуре нет), завязанным бантом. У него были маленькие, очень пристальные глаза, смотревшие сквозь пенсне, которое он постоянно поправлял, и охотно появлявшаяся улыбка на розовом лоснящемся лице. Его довольно высокий голос и всегда легкий пафос подходили ко всему облику Поэта. Он был высок и худ и как-то устремлен вперед и еще имел привычку в разговоре подыматься на цыпочки. Я раз нарисовал его в этой позе “стартующим” к звездам с края Башни, с маленькими крылышками на каблуках, но эту не очень злую карикатуру я показал только своему другу Сюннербергу, все-таки боясь, что Вяч. Ив[анов] обидится...» [13. С. 272].

Как мы можем видеть, все перечисленные автором портретные характеристики, «атрибуты» имеют особое значение, а именно это штрихи, с помощью которых рука художника создает не просто целостный портрет, а законченный «портрет Поэта». В образе Вячеслава Иванова выявляется его собственная мифотворческая эстетика, находит отражение его собственный культ красоты, реализующийся на уровне внешности. Подчеркнутая цветовая гамма образа: золотой и черный – символические цвета. Золотой цвет, по Вячеславу Иванову, символизирует солнечный космос, черный – тень, подлунный мир, следовательно, в образе Поэта объединяются два противоположных начала. Говоря, что «Он же был столь “горним”, что мог себя считать выше морали…» [Там же], М. Добужинский, возможно, апеллирует к порожденному мифом ницшеанскому сверхчеловеку, который находится «по ту сторону добра и зла», он признает «только не сомневающегося и внеморального художника-бога» [14. С. 340] (поэты-мифотворцы, прежде всего Вячеслав Иванов, интегрировали поэта-демиурга в космическую игру теургии). Таким образом, портрет поэта в «Воспоминаниях» сакрализуется.

Следующим в мемуарах в разделе «Встречи с писателями и поэтами» появляется портрет Федора Кузьмича Сологуба, неудивительно, что описание начинается с авторского восприятия творчества поэта, так как, по словам самого Сологуба, «творчество – это для магического поэта-демиурга единственный путь к свободе и самовыражению, самоутверждению» [Там же. С. 334], поэтому вне связи с искусством создание портрета символиста невозможно. «Поэзия его не только восхищала своим ядом и прелестью образов, она отвечала настроениям тогдашнего моего “двойного бытия”… особенной близости у нас не создавалось (он был значительно старше меня), но во мне он, конечно, чувствовал понимание.

…и было странно видеть, что Сологуб жил в такой мещанской и банальной обстановке, достойной быть интерьером самого героя “Мелкого беса” Передонова, с обоями в цветочках, с фикусами в углах гостиной и с чинно расставленной мебелью в чехлах. Циник Нувель, который тоже часто у него бывал, уверял, что Сологуб и есть сам Передонов и потому и купается в пошлости! Но тут-то и рождалась его “Творимая легенда”.

Федор Кузьмич в то время имел весьма патриархальный вид лысого деда с седой бородой, что как раз не вязалось с изысканностью и греховностью его стихов и было, в сущности, его загадочной маской.

Тогдашний облик Сологуба мне больше был по душе, чем тот (новая *маска*!), который он принял несколько лет спустя... Он стал бритым, причем обнаружилась большая бородавка у носа (портрет Сомова). Чеботаревская его окружила «роскошной» обстановкой с золотой рыночной мебелью и шелковыми гардинами. Было обидно за Сологуба, и как он мог все это выносить – непонятно…

Я встречал Федора Кузьмича и в самые тяжелые годы, после этой катастрофы. Он снова был с бородой и стал какой-то просветленный и тихий, и обычный сарказм его стал добродушнее» [13. С. 275–276].

В данном случае представлен словесный портрет, построенный на противоречиях формы и содержания, – «маска», поскольку, по мнению автора, внешность Ф. Сологуба (как и интерьер) не соответствует тому образу, который сложился у художника в результате восприятия творчества писателя. Сам Федор Сологуб говорил о «ролях», т.е. «масках», которые носит человек (и особенно художник) для внешнего мира. Смена масок происходит, поскольку изменяется направление творчества поэта / писателя в рамках символизма: неоклассического (франкофильство), которое имеет тенденцию к «артистизму», и неоромантического (германо- и русофильство) – в этом проявился самоиронический символизм Сологуба с его тенденцией к «мистицизму» и мифотворчеству.

Здесь словесный портрет дополняется описанием интерьера, который также дисгармонирует с авторским представлением (и, вероятно, эстетическими воззрениями) об интерьере. Однако такое контрастное несоответствие возможно, поскольку «Творческая жизнь художника (его “живая жизнь”) предельно дистанцирована и отчуждена от повседневной, нормальной жизни обычного человека, находящегося в плену цивилизации (быта)» [14. С. 52]. Помимо собственно авторских слов, появляется чужая речь – слова художника-мирискусника Вальтера Нувеля, с которыми, по-видимому, автор не согласен. Указание на живописный портрет другого художника-мирискусника Константина Сомова свидетельствует об исключительности отраженного в нем явления, т.е. изображения бритого Ф. Сологуба. Автор, по всей видимости, не стремится создать подлинного портрета героя, он одну за другой описывает его маски.

Третий персонаж, которому посвящена отдельная глава в разделе, – это Алексей Михайлович Ремизов. Автор сознательно акцентирует внимание на тех чертах внешности портретируемого, которые делают его похожим на сказочного персонажа. Портрет А.М. Ремизова, в отличие от двух предыдущих, дается в сравнении: «Внешность Ремизова была необыкновенной: маленький, сгорбленный (в старости, в Париже, он уже совсем согнулся), курносый, в очках, с огромным лбом и торчащими во все стороны вихрами – он походил на “чертяку” или колдуна его сказок. Его жена [была] необычайной полноты и гораздо выше его, с правильными чертами красивого лица и добродушной улыбкой. …Ремизов же – удивительным мастером писаного шрифта; его рукописи – поразительно каллиграфического почерка. Он умел писать и “уставом”, и “полууставом” и выкручивал самые замысловатые завитки. Часто он уснащал свои писания и рисунками довольно странными – был в них настоящим сюрреалистом еще до сюрреализма.

Квартира их была полна всевозможной курьезной чепухи, висели пришпиленные к обоям разные сушеные корни и “игры природы”, вербные чертики и пр. Ремизов собирал и берег и всякие пустячки, которые ему что-нибудь напоминали... В советское же время его квартира (тогда на Васильевском [острове]) превратилась уже совсем в колдовское гнездо, разный чудовищный вздор был развешан на веревках, и стены были самим Ремизовым расписаны по обоям чертями и кикиморами» [13. С. 276–277].

В отличие от творчества двух других поэтов, которое М. Добужинский, безусловно, принимал и даже почитал, однозначного восприятия творчества А. Ремизова у художника не было: «Во всех этих чудачествах Ремизова в жизни и в смехотворных его рассказах большой веселости для меня не было, даже многое бывало мучительным, как смех от щекотки. Но все-таки в иных его вещах сквозь это шутовство, мудреные словечки и утомительно-филигранный слог веяло большой поэзией и даже нежностью и вообще чем-то очень милым» [Там же. С. 277]. Несмотря на то что намеренная стилизация А. Ремизовым своего творчества и намеренное интегрирование его в жизнь, присутствие мотива «игры» во всех сферах кажутся автору «Воспоминаний» избыточными, его отношение к самому писателю было теплым, о чем свидетельствует письмо от 30 июля 1956 г. из Парижа, в котором Добужинский, рассказывая о своих «Воспоминаниях», писал: «Вслух читал одну главу Алексею Ремизову по его просьбе. Его довольно часто навещаю. Он совсем слепнет и стал совершенно старый шампиньон. Я его очень люблю» [Там же. С. 440].

Стилизация собственного облика как аспект артистического конструирования жизни в сильной степени была присуща поэту Михаилу Кузмину. «Удивила его тогдашняя внешность: он носил синюю поддевку и своей смуглостью, черной бородой и слишком большими глазами, подстриженный “в скобку”, походил на цыгана. Потом он эту внешность изменил (и не к лучшему) – побрился и стал носить франтовские жилеты и галстуки. Его прошлое окружала странная таинственность...» [Там же. С. 278].

Кульминацией портретного описания становится сведение его к образу О. Уайльда: «После революции он как-то внезапно постарел и, когда-то красивый, стал страшен со своими ставшими еще громаднее глазами, сединой в редких волосах, морщинами и выпавшими зубами. Это был портрет Дориана Грея» [Там же. С. 279].

Творческий портрет М.А. Кузмина, как и описание его внешности, достаточно сложен в силу «двойственности» поэта как в жизни (постоянная смена «личин», одна из которых более предпочтительна для автора, – ореол таинственности), так и в поэтическом искусстве (смешение «французского с нижегородским», сильные и слабые стороны которого подчеркиваются мемуаристом). Описание художественного мира М. Кузмина многопланово, поскольку автором проводятся аналогии между литературным искусством М.А. Кузмина и Н.С. Лескова, а также даются параллели с живописью К.А. Сомова: «Но то, что было действительно ценным у М. Кузмина (кроме того, что он был увлекательный рассказчик, и этим уменьем он, пожалуй, больше всего был схож с Лесковым), это то, что он создал свой собственный стиль, очень искусно воскрешая архаический

и наивный язык сентиментальных мадригалов и старинной лирики. Кузмин был в этом такой же ретроспективист, как Сомов. Их сближала и общая обоим грустная нота скептицизма. Подобно искусству Сомова, поэзия Кузмина уводила в страну воспоминаний, и в то же время оба они любили пленительность здешнего “милого мира”, ”двух мелочей прелестных и воздушных”» [13. С. 279].

Пятым из портретируемых литераторов, с которыми художник познакомился у Вячеслава Иванова, был Александр Блок. «Сам Блок как личность мне казался в полной гармонии с его поэзией. Он был в те годы юн и строен, с гордо поставленной головой, в ореоле вьющихся волос и с лицом молодого Гете. Он был более красив, чем на довольно мертвенном портрете Сомова. Как Вячеслав Иванов, Бальмонт, Брюсов, Волошин и другие, Блок носил тогда черный сюртук и черный шелковый галстук бантом (и в отличие от других – “байроновские” отложные воротнички). Это сделалось как бы формой поэта того времени. Традиция еще держалась» [Там же. С. 280].

Словесный портрет, созданный М. Добужинским, расплывчат, приведенное описание создает образ подчеркнуто традиционного романтического героя, что выделяет его в ряду символистов (у М. Добужинского есть и графический портрет А.А. Блока в (1910-е гг.) в профиль: голова в кудрях, высокий лоб, нос с горбинкой, крепкая шея). Поэтому у портретиста возникает неприятие поэта в любом другом виде: «Когда он приезжал в Петербург, было странно видеть его в военной форме, галифе и крагах, с обветренным лицом и коротко стриженного, что ему очень не шло» [Там же].

«Ехали в спальном вагоне III класса, было очень холодно, и Блок, забравшись на верхнюю полку, над моей головой, улегся, как был, в шубе с поднятым воротником, в мохнатой круглой шапке и в калошах. Мне это показалось глубоко-символическим (особенно калоши!), точно этим выражалась забронированность поэта от “презренной действительности”. Я это ему заметил и насмешил» [Там же].

Представленный фрагмент свидетельствует о том, что в А.А. Блоке М.В. Добужинский видел не просто великого поэта, изначальная романтизация облика Блока делает его исключительным, помещая в мир «горний».

«Я жил тогда в деревне, и на похоронах его не пришлось быть. Юрий Анненков нарисовал Блока в гробу, его заострившийся и ужасно исказившийся профиль.

Я встречался с Блоком за пятнадцать лет нашего знакомства реже, чем мог бы. Но я не искал близости. У меня в душе к нему было не только большое поклонение, но и род душевной влюбленности, и мне казалось нужным некое отдаление, и хотелось видеть его всегда как бы на пьедестале…» [Там же. С. 281].

Как и в предыдущих портретах поэтов, М. Добужинский отмечает здесь степень близости отношений с портретируемым, сознательное «отдаление», ракурс «снизу вверх», что свидетельствует об идеализации образа поэта художником.

В главе «Служба в министерстве» М.В. Добужинским создан словесный портрет его сослуживца – театрального критика Николая Николаевича Евреинова: «Больше всего шумел, ероша свою шевелюру, Н.Н. Евреинов, (тоже, как и многие другие, бывший правовед), тот самый Евреинов, в будущем театральный бунтарь, режиссер, драматург и памфлетист, одно пребывание которого в стенах министерства и среди корректной компании его сослуживцев казалось абсурдом. И вся его фигура – грива волос, бритое лицо (что тогда было редкостью), какие-то клетчатые костюмы, его стучащие по коридорам “американские” ботинки и громкий голос – все будило сонное канцелярское царство» [13. С. 181].

Однако образ Н. Евреинова запечатлен не только вербально, но и живописно. В своей книге «Оригинал о портретистах» драматург отмечал следующее: «На одном из моих портретов (карандашом) Добужинский как нельзя лучше доказал эту любовь свою к деталям, – любовь, которая имеет в его огромном таланте прямо-таки субстанциональное значение.

<…>

На чернильном портрете эти особенности (недостатки) моего лица до того расчленены, разделаны, развиты, что в результате рисунок напоминает местами какое-то диковинное кружево или неведомые письмена.

На другом портрете (карандашом) эти крайности, столь отличительные для неугомонного детализма Добужинского, не так заметны; зато в последнем портрете воочию сквозь мои черты, черты Евреинова, сквозят черты его, Добужинского, духовного лика… черты, наконец, артистичности (“чело“, “власа” и пр.), той артистичности, которая, словно пружина, заставляет еще выше поднимать “главу”» [Там же. С. 57–58].

Таким образом, Н. Евреинов отмечает не только то, что живописному творчеству М. Добужинского присущи «вырисовка, законченность, деталированность, определенность, точность» [15. С. 57], но также выражает мысль о соединении в портрете характерных особенностей двух личностей: художника и портретируемого.

В словесном портрете драматурга, в отличие от живописного аналога, художник не столь досконален, не столь внимателен к мелочам, однако он «выхватывает» существенные, яркие, запоминающиеся черты внешности портретируемого, контрастирующие с окружающей обстановкой: «грива волос, бритое лицо (что тогда было редкостью), какие-то клетчатые костюмы, его стучащие по коридорам “американские” ботинки и громкий голос» [13. С. 181].

Рассмотрим, как два художника «Мира искусства» М. Добужинский и А. Бенуа создают в своих мемуарах вербальный портрет Леона Бакста.

Следует сказать, что М. Добужинским созданы дружеские шаржи на участников «Мира искусства», объединенные в «Азбуке “Мира искусства”», в том числе и на Л. Бакста. Л. Бакст предстает на шарже М. Добужинского с подписью «Славы дерево растет / Баксту радости дает» розовым, с рыжими волосами, из-под которых проглядывает лысина (на голове Бакста Добужинский изобразил венок), и рыжими усами, в пенсне, с большим носом, с красным галстуком на

шее, с садовыми ножницами на перевязи. В руках Бакст держит горшок с цветком, при этом на рисунке, помимо Бакста, изображен еще кто-то, на ком портретируемый сидит. Плечи Бакста покрыты листвой, а от него самого исходит сияние. Рядом с художником стоит лейка, возле ног лежат лепестки.

В словесном описании внешности персонажа воспоминаний также присутствует шаржевость, но при изображении наиболее характерных черт портретируемого художник ни в коей мере не высмеивает их. «Он чрезвычайно франтовато одевался, носил какие-то серые клетчатые костюмы и яркие галстухи и был весьма занят своей наружностью, особенно шевелюрой, которая весьма хитро закрывала лысину. (Над ним *трунили*, что он носит особенный паричок, но он страшно сердился.) ...Он был розовый, с большим носом, в пенсне, рыжеват, говорил медленно и лениво, растягивая слова, и *забавно* не выговаривал некоторых букв. Иногда впадал в задумчивость и “отсутствовал”, а “разбуженный” говорил что-нибудь невпопад, что всегда вызывало общее *веселье*» [Там же. С. 201].

По всей видимости, характер самого Леона Бакста и степень близости отношений двух художников («я скорее всех сошелся с Левушкой Бакстом, и с ним первым я потом перешел на “ты”» [Там же]) допускали такое ироническое описание его внешности. Несмотря на шаржевость словесного портрета Л. Бакста, М. Добужинский без тени насмешки высказывается об очень важной для автора «Воспоминаний» категории таланта и ценности художественного творчества своего современника. В главе «Бакст», посвященной художнику, неоднократно употребляется слово «дар / дарование»: «Замечательно разностороннее декоративное *дарование* Бакста»; «Эти разносторонность, универсальность, “ретроспективизм”, это чувство стиля – все то, что так отличительно для *дарования* Бакста»; «Бакст, конечно, далеко не дал всего, что мог дать его исключительный художественный *дар*» [13. С. 296–297].

Для того чтобы лучше понять авторскую манеру портретного изображения М. Добужинского, приведем для сравнения вербальный образ Леона Бакста, созданный другим художником-мирискусником А.Н. Бенуа. В «Моих воспоминаниях» Александра Бенуа образ Л. Бакста фиксируется при первой встрече опытного художника и молоденького «художника-еврейчика» Левушки Розенберга: «Наружность господина Розенберга не была в каком-либо отношении примечательна. Довольно правильным чертам лица вредили подслеповатые глаза-щелочки, ярко-рыжие волосы и жиденькие усики над извилистыми губами. Вместе с тем застенчивая и точно заискивающая манера держаться производила если не отталкивающее, то все же не особенно приятное впечатление. Господин Розенберг много улыбался и слишком охотно смеялся» [16. С. 607]. Описание внешности портретируемого у Бенуа более конкретное, нежели у Добужинского. К тому же широко разворачиваются психологические характеристики персонажа, которые у М. В. Добужинского минимальны. Так же как и М. Добужинский, А. Бенуа отмечает шарм, одаренность и талантливость художника («великий шарм исходил и от всей необычайной художественной одаренности Левушки», «талантливость неудержимо толкала его на творчество») [Там же. С. 625]). Но в отличие от словесного портрета, созданного М. Добужинским, где Л. Бакст описывается уже как состоявшийся художник, портрет Леона Бакста у Александра Бенуа дается в развитии, постепенно вырисовывается с разных ракурсов. При этом А. Бенуа выбирает позицию критика, наставника по отношению к Л. Баксту, комментируя и анализируя его жизнь и творчество, указывая на достоинства и недостатки. Автор в своих мемуарах позволяет себе иронизировать над героем, говорить о нем как об объекте собственного влияния, в отличие от М. Добужинского, который фокусировал внимание на аспектах воздействия других на свою жизнь и творчество.

Таким образом, очевидно, что два художника-мемуариста, относящиеся к одному художественному объединению, выстраивают словесные портреты поразному, в зависимости от собственных целей в искусстве, положения в творческой среде, художественных установок и литературного опыта.

Сам Александр Николаевич Бенуа оказал значительное влияние на М. В. Добужинского. Его словесные портретные характеристики даны достаточно подробно, он был неоднократно запечатлен автором на портретах, в том числе на шарже в «Азбуке “Мира искусств”» с эпиграммой: «Многогранен Бенуа: / Он, творя разит врага. / Щит искусства Бенуа, / “Мир Искусства” голова».

Мысленный портрет Бенуа начинает формироваться у М. Добужинского еще до встречи с известным художником в результате восприятия его творчества. «В Бенуа я думал встретить высокомерного, иронического человека, каким я представлял себе его по его ядовитым и умным критическим статьям, или важного “знатока искусства”... Вместо этого я увидел самую милую и веселую приветливость и внимание, которые меня в Бенуа и поразили, и пленили, и сразу же отпали все мои тревоги. Бенуа был тогда лет тридцати с небольшим, но на вид был довольно старообразен, сутуловат, немного даже «играл под дедушку», был с изрядной лысиной, с бородкой, в пенсне со шнурком и одет был довольно мешковато (как и Серов). Все это было для меня неожиданно, я наивно хотел, зная его по его картинам, чтоб во внешности его было соответствие с элегантным веком, который он любил изображать!» [Там же. С. 206]. Как мы видим, в облике А. Бенуа также присутствует элемент «артистизма» – это игра, присущая многим современникам М. Добужинского.

«Очень скоро я начал бывать у Бенуа в его маленькой квартирке на Офицерской улице, где меня пленил ее необыкновенный уют и царившая милая и теплая семейственность...

Бенуа жил в старинной отцовской обстановке и среди семейных реликвий, что придавало его дому особенный патриархальный уют. Я понимал прелесть подобной старины…

…Но Бенуа, при его деликатности, никогда и ни перед кем нарочно не показывал своего превосход-

ства. И отношение его настолько было сердечным, что в нем я видел раньше всего того очаровательного человека, которого впоследствии я по праву мог назвать моим другом» [13. С. 206–208].

Таким образом, в словесном портрете А. Бенуа прослеживаются черты собственного автопортрета художника, что подчеркивается сходством мировоззрения двух художников. Однако для М.В. Добужинского А. Бенуа – учитель, наставник, это портрет художественного гения; можно предположить, что в портрете Бенуа Добужинский пытается увидеть отражение своих интересов и пристрастий, может быть, и не с такой полнотой выраженных у его учителя. Несмотря на то что Добужинский говорит о дружеских отношениях с Бенуа, ракурс изображения, данный в портрете, – «снизу вверх» – выделяет пиетет, испытываемый портретистом. Описание в портрете проявляет одновременно изобразительную манеру художника. Можно сказать, что для М.В. Добужинского как художника важно дать «портрет» художественного творчества портретируемого, поскольку истинную эстетическую и духовную ценность имеет только оно, так как визуальный облик не всегда является выражением внутренней сути человека.

Словесный портрет художника Евгения Евгеньевича Лансере не такой объемный, как остальные. «Так же скоро, как с Бакстом, я сошелся с Евгением Лансере, племянником Бенуа, который был мой ровесник (мы были среди всех самые младшие). У Дягилева он бывал редко, казался как-то не в “тоне” всей атмосферы. У меня сразу же при первой встрече было такое чувство, что мы с ним давно знакомы, что бывает редко. Мне нравились в нем и приветливость, родственная Бенуа, особенная скромность и в то же время “открытость” и какое-то благородство. И по внешности он был такой: стройный, с красивым длинным лицом, с острым профилем и ясными глазами» [Там же. С. 202].

Утонченная внешность Евгения Лансере нашла отражение в портрете художника 1914 г. Правильные черты лица Лансере и исключительно положительные черты его характера, как видно, удовлетворяли эстетическим представлениям М.В. Добужинского. Портрет Е. Лансере, представленный в мемуарах, рисует романтический образ, отличающийся от других, носящих «маску», свойственную артистическим персонажам.

В портрете выделено ценное для художника гармоническое сочетание внутреннего и внешнего, что подкрепляется и обозначенной категорией уюта: «…и дома у них был такой же милый и патриархальный уют, как и у Бенуа. Лансере жил тогда в наследственном старинном доме Бенуа у Никольского собора с очаровательными ампирными масками над окнами» [13. С. 202].

Однако характеристика художественного творчества как такового здесь отсутствует, автор выделяет лишь «то, что он рисовал своими мужественными и сильными руками, – его крепкая, как бы железная линия – мне импонировала чрезвычайно» [Там же].

Принимая во внимание то, что задачей живописного портрета, помимо отражения непосредственного сходства с моделью, является отражение окружающего внешнего мира и изображение ее собственного внутреннего мира [17. С. 17–18], можно говорить, что раскрытию сущности характера персонажа у М. Добужинского служат подробное описание интерьера и категория соответствия / несоответствия данной обстановки авторскому представлению о герое.

Как отмечает Флоренский, в рамках живописного произведения неизменно должны совмещаться две авторские интенции: стремление передать внутренний мир модели и подчинить этой задаче непосредственно изображение. Это делается возможным путем использования определенных композиционных приемов, причем изображение внутреннего мира становится приоритетным по отношению к анатомическому сходству. «Поскольку поставленная задача биографического синтеза достигнута, изображение должно особенно далеко отойти от анатомического тождества, ибо оно передает не тот или иной отдельно выхваченный участок жизни данного лица, а связанный ход всего ее развития» [18. С. 243].

Таким образом, можно говорить о том, что на мемуарно-автобиографическое произведение Мстислава Валериановича Добужинского «Воспоминания» значительное влияние оказала сама эпоха Серебряного века с присущей ей «артистичностью» и «маскарадностью». Живописные приёмы автора-художника нашли отражение в мемуарном тексте: одновременная «расплывчатость» и детализация изображения, отсутствие склонности к излишнему психологизму, «высвечивание» личности портретируемого с разных ракурсов. Первостепенное значение в мемуарах приобретает творчество (при этом автор избегает острых критических оценок, его волнует сам факт претворения живописного, музыкального, литературного искусства в жизнь, однако не без некоторой рефлексии), его суть и идеи; структура портретов также выстраивается вокруг этого понятия, преломляя сквозь призму искусства образ самого автора и его современников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Победова О.И.* О природе книжной иллюстрации. М. : Знание, 1967. С. 33–43.
2. *Дмитриевская Л.Н.* Портрет и пейзаж: проблема определения и литературного анализа (пейзаж и портрет в творчестве З.Н. Гиппиус). М., 2005. 136 с.
3. *Адамян Е.И.* Художественный и мемуарный портрет в прозе Андрея Белого : дис. … канд. филол. наук. М., 2011. 168 с.
4. *Симонова Т.Г.* Мемуарная проза русских писателей XX века: поэтика и типология жанра. Гродно, 2002. 119 с.
5. *Лосев А.Ф.* Проблема вариативного функционирования живописной образности в художественной литературе // Литература и живопись. Л. : Наука, 1982. С. 31–65.
6. *Бычкова Л.С.* Мирискусники в мире искусства // Эстетика: Вчера. Сегодня. Всегда. М. : ИФ РАН, 2006. Вып. 2. С. 122–143.
7. *Голлербах Э.М.* В. Добужинский (К 25 летию художественной деятельности) // Балтийский альманах. 1923. № 1. С. 57–60.
8. *Мстислав* Добужинский : материалы научных чтений, посвященных 130-летию М. В. Добужинского. Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. техн. ун-та, 2006. 136 с.
9. *Чугунов И.Г.* М.В. Добужинский и его «Воспоминания» // Добужинский М.В. Воспоминания. М. : Наука, 1987. С. 321–365.

10. *Письмо Р.М.* Добужинского к Г.И. Чугунову от 12 октября 1962 г. // Добужинский М.В. Воспоминания. М. : Наука, 1987. С. 327.
11. *Матюнина Д.С.* Литераторы Серебряного века в портретах художников «Мира искусства» : автореф. дис. … канд. искусствоведения. М., 2004. 31 с.
12. *Дмитриева Н.* Изображение и слово. М. : Искусство, 1962. 317 с.
13. *Добужинский М.В.* Воспоминания. М. : Наука, 1987. 477 с.
14. *Ханзен-Леве А.А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб. : Академ. проект, 1999. 512 с.
15. *Евреинов Н.Н.* Оригинал о портретистах. М. : Совпадение, 2005. 399 с.
16. *Бенуа А.Н.* Мои воспоминания: в 5 кн.: в 2 т. М. : Наука, 1990. Т. 1, кн. 3. С. 607–629.
17. *Портрет* в европейской живописи XV – начала XX века / вступ. ст. И.Е. Даниловой. М., 1975.
18. *Флоренский П.А.* История и философия искусства. М., 2000. 446 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 ноября 2015 г.

THE VERBAL PORTRAIT IN THE MEMOIRS OF M.V. DOBUZHINSKIY

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 26–33. DOI: 10.17223/15617793/401/4

Galkova Alyona V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kalosagahtos@gmail.com

Keywords: M.V. Dobuzhinskiy; verbal portrait; memoirs; synthesis; “Mir iskusstva” (World of Art); artistry; painting.

The first half of the 20th century is characterized by the interest to the synthetic literary genres which include memoirs located between the documentary and fiction literature. Memoirs were important for the first wave of the Russian emigration because they gave an opportunity to revive the reminiscence about the outgoing Russia, to image the literary and cultural life of the Russian intelligentsia forced out of the homeland. No recollections of the studied period which aim to represent the transitional nature of the historical epoch cannot do without verbal portraits of the author’s contemporaries, many being symbolic figures in the art and literature of that time. Verbal portraits in the memoirs of Russian artists are understudied, so their consideration is of the utmost interest as they are created by the imaginative interpretation of the human character by the author-artist, which actualizes the problem of the interaction of the verbal and artistic pictorialism. The identification of the verbal portraiture allows understanding the special aspects of the structure and form of this type of nonfiction. M. Dobuzhinskiy was predominantly a landscape-painter, yet he also painted portraits of his contemporaries, Symbolism writers and World-of-Art artists. He was a prominent representative of his epoch who left the evidence about it in his memoirs. M.V. Dobuzhinskiy did book graphics, masterfully interpreted the content of literary works, especially finely felt the connection between the word and the image. M. V. Dobuzhinskiy wrote his *Vospominaniya* [Recollections] for over 30 years, from the mid-1920s to his death in 1957. These memoirs are constructed on the understanding of the facts of the Russian artistic culture, in which the memoirist took part. Among the verbal portraits in Dobuzhinskiy’s *Vospominaniya* are portraits of artists, writers and poets. However, not all of them have a pictorial analogue. Thus, K.A. Somov, B.M. Kustodiev, A.N. Benois, N.N. Evreinov are portrayed in pencil drawings. Dobuzhinskiy made caricatures of F.K. Sologub, V.I. Ivanov, I.E. Grabar, I.B. Bilibin, cartoons on L.S. Bakst, Z.I. Grzhebin, M.A. Kuzmin, etc. The analysis of the verbal portraits in Dobuzhinskiy’s *Vospominaniya* shows that the epoch of the Silver Age with its artistry and masquerading had a significant impact on the artist’s work. The pictorial ways of the author-artist are in the text of the memoirs: the simultaneous nebulosity and the specification of the image, no superfluous phsychologism, the demonstration of the personalities of the portraits from different perspectives. The creative work is of primary importance (without criticism, yet with some reflection), its essence and ideas, the structure of the portraits form around this concept reflecting the image of the author and his contemporaries in the light of art.

REFERENCES

1. Pobedova, O.I. (1967) *O prirode knizhnoy illyustratsii* [On the nature of book illustration]. Moscow: Znanie.
2. Dmitrievskaya, L.N. (2005) *Portret i peyzazh: problema opredeleniya i literaturnogo analiza (peyzazh i portret v tvorchestve Z.N. Gippius)* [Portrait and landscape: the problem of definition and literary analysis (landscape and portrait in the works of Z.N. Gippius)]. Moscow: Litera.
3. Adamyan, E.I. (2011) *Khudozhestvennyy i memuarnyy portret v proze Andreya Belogo* [Art and memoir portraits in the prose of Andrei Bely]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
4. Simonova, T.G. (2002) *Memuarnaya proza russkikh pisateley XX veka: poetika i tipologiya zhanra* [Memoirs prose of Russian writers of the twentieth century: the poetics and typology of the genre]. Grodno: Grodno State University.
5. Losev, A.F. (1982) Problema variativnogo funktsionirovaniya zhivopisnoy obraznosti v khudozhestvennoy literature [The problem of variable functioning of painting imagery in literature]. In: Iezuitov, A.N. (ed.) *Literatura i zhivopis’* [Literature and painting]. Leningrad: Nauka.
6. Bychkova, L.S. (2006) Miriskusniki v mire iskusstva [World-of-Art-ists in the world of art]. In: Bychkov, V.V. & Man’kovskaya, N.B. (eds) *Estetika: Vchera. Segodnya. Vsegda* [Aesthetics: Yesterday. Today. Always]. Is. 2. Moscow: IF RAN.
7. Hollerbach, E. (1923) M.V. Dobuzhinskiy (K 25 letiyu khudozhestvennoy deyatel’nosti) [M.V. Dobuzhinsky (The 25th anniversary of artistic activity)]. *Baltiyskiy al’manakh*. 1. pp. 57–60.
8. Kudinov, V.P. (ed.) (2006) *Mstislav Dobuzhinskiy.* Proceedings of readings dedicated to the 130th anniversary of M.V. Dobuzhinskiy. Tambov: Tambov State Technical University. (In Russian).
9. Chugunov, I.G. (1987) M.V. Dobuzhinskiy i ego “Vospominaniya” [M.V. Dobuzhinskiy and his Recollections]. In: Dobuzhinskiy, M.V. *Vospominaniya* [Recollections]. Moscow: Nauka.
10. Dobuzhinskiy, M.V. (1987) Pis’mo R.M. Dobuzhinskogo k G.I. Chugunovu ot 12 oktyabrya 1962 g. [A letter from R.M. Dobuzhinskiy to G.I. Chugunov on October 12, 1962]. In: Dobuzhinskiy, M.V. *Vospominaniya* [Recollections]. Moscow: Nauka.
11. Matyunina, D.S. (2004) *Literatory Serebryanogo veka v portretakh khudozhnikov “Mira iskusstva”* [Writers of the Silver Age in the portraits of artists of the World of Art]. Abstract of Art History Cand. Diss. Moscow.
12. Dmitrieva, N. (1962) *Izobrazhenie i slovo* [The picture and the word]. Moscow: Iskusstvo.
13. Dobuzhinskiy, M.V. (1987) *Vospominaniya* [Recollections]. Moscow: Nauka.
14. Hansen-Love, A.A. (1999) *Russkiy simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Ranniy simvolizm* [Russian Symbolism. System of poetic motifs. Early Symbolism]. St. Petersburg: Akademicheskiy proekt.
15. Evreinov, N.N. (2005) *Original o portretistakh* [The original on the portraitists]. Moscow: Sovpadenie.
16. Benois, A.N. (1990) *Moi vospominaniya: v 5 kn.: v 2 t.* [My memories: in 5 books: in 2 v.]. V. 1. Book 3. Moscow: Nauka.
17. Kuznetsova, I.A. (1975) *Portret v evropeyskoy zhivopisi XV – nachala XX veka* [Portrait in European paintings of the 15th – early 20th centuries]. Moscow: Izobrazitel’noe iskusstvo.
18. Florenskiy, P.A. (2000) *Istoriya i filosofiya iskusstva* [History and philosophy of art]. Moscow: Mysl’.

Received: 01 November 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 34–42. DOI: 10.17223/15617793/401/5

УДК 82.091

И.Ф. Гнюсова

ОБРАЗ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ (Н.С. ЛЕСКОВ И ДЖ. ЭЛИОТ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-34-01240.

Исследование репрезентации образов священнослужителей в чеховских рассказах позволяет говорить о наличии типологических схождений между творчеством А.П. Чехова и Дж. Элиот. Освоение Чеховым английских традиций было опосредовано открытиями Н.С. Лескова. В работе делается вывод о типологической близости концепции священнослужителя как человека, подлинно нравственной личности, свободной от догматизма, в творчестве Дж. Элиот, Н.С. Лескова и А.П. Чехова.

Ключевые слова: А.П. Чехов; Н.С. Лесков; Дж. Элиот; традиция; образ; священнослужитель.

Проблема «Чехов и Англия» считается достаточно изученной в литературоведческой науке. Однако практически все материалы, посвященные этой теме, раскрывают рецепцию творчества русского писателя в Великобритании[1]. Английская же традиция в произведениях самого Чехова исследуется, в основном, в контексте его интереса к наследию У. Шекспира[2].

Крайне малое количество исследований, посвященных традициям английских писателей в творчестве Чехова[3], объясняется обычно тем, что русский писатель не проявлял к ним никакого интереса. Так, Доналд Рейфилд, современный британский исследователь и биограф Чехова, в интервью «Радио Свобода» в 2010 г. утверждает, что к Англии и англичанам Чехов относился «с безразличием»: «Английским языком он не интересовался. Шекспир, по-моему, был едва ли не единственный английский писатель, которого он довольно хорошо знал» [6]. Имена и произведения британских авторов действительно редко встречаются в творчестве, письмах и записных книжках Чехова: помимо Шекспира, в них можно найти единичные упоминания Байрона, Дефо, Джерома, Диккенса, Дизраэли, Рескина.

Тем не менее исследование репрезентации образов священнослужителей в чеховских рассказах позволяет говорить о наличии типологических схождений между творчеством Чехова и английской писательницы XIX в. Джордж Элиот. Важным является тот факт, что освоение Чеховым английских литературных традиций было опосредовано наследием русских писателей. Определяющее место здесь занимает творчество Н.С. Лескова, первого светского писателя, сделавшего священнослужителей главными героями такого эпического полотна, как роман-хроника «Соборяне» (1872), а также остросатирических очерков «Мелочи архиерейской жизни» (1878).

Прекрасное знание этой любимой лесковской тематики демонстрируют ранние письма Чехова: в них начинающий писатель почти всегда упоминает о Лескове именно как о знатоке церковной жизни. Так, в 1884 г. Чехов описывает монастырь в Новом Иерусалиме, подчеркивая: «Каждое воскресенье в монастыре производится пасхальная служба со всеми ее шиками... Лесков, вероятно, знает об этой особенности нашего монастыря»[4] (П., 1, 114). А в 1888 г. он иронически замечает: «Писатели ревнивы, как голуби. Лейкину не нравится, если кто пишет из купеческого быта, Лескову противно читать повести из поповского быта, не им написанные…» (П., 2, 188).

Ранее, в 1883 г., в письме к брату Александру Чехов рассказал о своем личном знакомстве с Лесковым, упомянув при этом, что писатель подарил ему «свои сочинения с факсимиле» (П., 1, 88) – среди них издание «Соборяне» 1878 г., сохранившееся в личной библиотеке Чехова. В описании встречи любопытны две детали. Одна из них – замечание Чехова о том, что автор романа о служителях Церкви сам «похож на изящного француза и в то же время на попа-расстригу» (П., 1, 88). Вторая – эпизод шуточного «благословления» Лесковым молодого Чехова со словами: «Помазую тебя елеем, как Самуил помазал Давида... Пиши» (П., 1, 88). Немаловажно, что в этом же письме Чехов прямо именует Лескова «любимым писакой» (П., 1, 88).

Внимательное чтение «Соборяне» и цикла «Мелочи архиерейской жизни» подтверждает и использование Чеховым характерных лесковских выражений. Например, в одном из писем он признается: «У меня болит правая лопатка и то пространство, которое у архиереев называется междукрылием, т.е. место между лопатками» (П., 4, 349), цитируя здесь сатирическое наименование недуга архиерея Смарагда в «Мелочах», придуманное собственно Лесковым. В «Острове Сахалине» Чехов прямо ссылается на автора «Мелочей», цитируя еще одно хлесткое выражение писателя: «Унтеры, особенно надзиратели… держат себя с невестами и с их родителями с тою разнузданною надменностью, за которую Н.С. Лесков так не любит “несытых архиерейских скотин”» (С., 14/15, 265).

Юмористическое «помазание» Лесковым Чехова, таким образом, приобретает впоследствии вполне практический смысл: Чехов во многом продолжает традиции своего «любимого писаки», о чем не раз говорили исследователи[5]. Как и Лесков, он стремится показать правду жизни, отстаивает свободу выражения, находится вне любых идеологических течений. В характерах чеховских священнослужителей также обнаруживаются отголоски образов Лескова.

Уникальная роль Лескова в истории русской литературы заключается в том, что он первым изобразил

священнослужителя как человека мыслящего, чувствующего и страдающего. Прозу Лескова и Чехова сближают, прежде всего, авторский пафос, общее желание писателей обнаружить и описать простых, близких своей пастве священников, в которых человеческое доминирует над догматизмом и снисходительной пастырской строгостью.

Этот пафос пронизывает весь лесковский цикл очерков «Мелочи архиерейской жизни». Характерна композиция книги: от обличения владык самодовольных, равнодушных, мелочных и жестоких писатель постепенно переходит к живописанию архиереев, которые приближаются к народному идеалу «про́стых и препростых» [13. Т. 6. С. 448] святых.

Поворотным пунктом от сарказма к любованию становится сочувственный, хотя и не лишенный юмора рассказ о тяжелой жизни преосвященного Порфирия, много лет страдающего от вздутия живота вследствие невозможности для архиерея попросту выходить за пределы своего двора. Умный, нетривиально мыслящий владыка признается, что его мучает не столько болезнь, сколько вынужденная отчужденность от людей, которая позже погубит и чеховского архиерея. «Я или другой архиерей, ходя меж людьми, может быть кого-нибудь чему-нибудь доброму бы научили, и воздержали бы, и посоветовали, – сетует преосвященный Порфирий. – А то что в нас кому за польза!» [Там же. С. 445].

Следующий рассказ Лескова об одном из «простых» владык вполне мог стать сюжетом для юморески Чехова. Лесков приводит воспоминание художника И.В. Гудовского о шалостях школяров в саду митрополита Киевского Филарета, когда «милый дидуся» [Там же] неожиданно помог им в обворовывании собственного сада, а затем вместо наказания прислал «живописцам-мальчишкам» целое корыто фруктов и меду. «Так детски чист и прост был этот добрейший человек, – восхищается Лесков митрополитом. – ...Глаз нигде не находит другого такого человека, который был бы так подчинен кроткому добротолюбию, не по теории, не в силу морали воспитания и, еще более, не в силу сухой и несостоятельной морали направления» [Там же. С. 457–458].

Еще один столь же насыщенный юмором рассказ Лескова посвящен епископу Неофиту, не оправдавшему ожиданий местного помещика, который привык к максимальному церемониалу со стороны священнослужителей высшего ранга. Приехав в имение набожного хозяина, епископ сперва захотел услышать светское пение; затем погулять по саду, причем здесь «был так прост, что взял из рук одной девушки грабли и сам прогреб ряд сухого сена» [Там же. С. 473]; а к вечеру «пожелал половить в местном пруду карасей» [Там же. С. 474]. В недоумение привели помещика и разговоры епископа: «и опять все простое, человеческое, а ничего ни о попах, ни о дьяконах и о просвирнях» [Там же]. Во время проводов преосвященный Неофит охотно простил детям помещика все их «шалости» с распитием шампанского, а на восторженное обещание никогда не забывать его ответил просто: «Меня помнить нечего: умру – одним монахом помеиеет, и только. А вы помните того, кто велел, чтобы все мы любили друг друга» [13. Т. 6. С. 479]. В каждой строке чувствуется искреннее любование Лескова «ласковым и снисходительным епископом» [Там же. С. 480], заслужившим обожание мирян за свое доброе, отзывчивое сердце, живой ум и тонкую ироничность.

Еще о двух «добрых, но гораздо более тонких и политичных» архиереях [Там же] Лесков рассказывает в финале «Мелочей»: обе истории посвящены неожиданной гибкости взглядов владык по «животрепещущему брачному вопросу» [Там же. С. 482]. В первом случае преосвященный Поликарп советует разведенным по закону кузенам «не доверять» [Там же. С. 499] этому решению и жить семейной жизнью, невзирая на свой юридический статус. Во втором не названный Лесковым владыка дает герою откровенный совет, как оформить непозволительный по закону брак со свояченицей: «Я не знаю, где это, но только не раз слыхал, будто тут есть такие попы, что за пятьсот рублей вас не только на свояченице, а хоть на родной матери перевенчают» [Там же. С. 512].

Такая дерзко-юмористическая тональность «Мелочей» вызвала негодование как церковных и светских властей, так и коллег Лескова по перу. И.С. Аксаков, например, откровенно называет авторский пафос «Мелочей» «глумлением»: «Выругать серьезно, разгромить глупость и мерзость – это не имеет того растлевающего душу действия, как хихиканье и т.п., приемы – там, где желательно сохранить уважение к сану… Архиерейскому сану подобает серьезная руготня и негодование. Это его привилегия. Его в нужных случаях надо бить дубьем, а не угощать щелчком»[6].

Очевидно, что в русской литературе просто не было традиции подобного «вольного» изображения церковных служителей, когда автор мог и сатирически «щелкать» архиереев-самодуров, и шутливо-любовно превозносить достоинства «милых старичков»-епископов. Однако такая традиция вполне определенно сложилась в Великобритании: она проявляется еще в XVIII в. в творчестве О. Голдсмита, Л. Стерна, Г. Филдинга. Новый всплеск интереса к жизни духовенства происходит в конце 1850-х гг., когда почти одновременно появляются первые романы Э. Троллопа из его «клерикального» цикла «Барсетширские хроники» и три повести Джордж Элиот под общим названием «Сцены из клерикальной жизни».

Открытия Лескова были непосредственно связаны с английской традицией «клерикальной» прозы[7]. Важно, что, в отличие от Чехова, автор «Соборяне» проявлял неподдельный интерес к литературе, культуре, религиозным течениям Англии, что подтверждают его художественные и публицистические тексты, изобилующие цитатами и реминисценциями из английской литературы. Есть все основания полагать, что Лесков был знаком и с произведениями Джордж Элиот, которые в 1860–1870-х гг. постоянно переводились на русский язык и публиковались в ведущих отечественных журналах[8].

Принципиальная новизна изображения священнослужителей в прозе Джордж Элиот раскрыта в письме

Дж. Г. Льюиса, литературного критика и гражданского мужа Элиот, к издателю. Он указывал, что жизнь духовенства будет описываться в «Сценах из клерикальной жизни» «исключительно в ее человеческом, а не догматическом аспекте», а само духовенство – «как любой другой класс, с причудами, огорчениями и бедами, как у всех прочих людей» [18. С. 269].

В «Сценах из клерикальной жизни» (1857) Элиот показывает судьбы трех священнослужителей, каждая из которых по-своему драматична: все трое несут бремя одиночества, страдают от непонимания, бедности, непосильного труда. Доминантой авторского пафоса здесь становится идея сочувствия («sympathy»). «Истинное, настоящее знание о нашем ближнем – только то, которое дает нам возможность чувствовать вместе с ним, – пишет Элиот в “Сценах”. – Самый тонкий анализ школы и секты непременно упустит из виду существенную сторону истины, если он не освещен любовью…» [19. С. 76–77].

В первой повести Элиот убеждает читателей в необходимости сострадания к несчастной судьбе Амоса Бартона, недалекого и нечуткого деревенского священника. В двух последующих частях «Сцен» способность к сочувствию становится главным качеством самих духовных лиц. В повести «Любовь мистера Гильфиля» живое сострадание молодого священника Менарда Гильфиля воскрешает юную Тину, потрясенную изменой, а затем смертью возлюбленного; в «Исповеди Джэнет» евангелический проповедник Эдгар Триан спасает молодую женщину Джэнет Демпстер, страдающую от жестокого обращения мужа и пристрастия к вину.

Любимым образом самой Элиот являлся именно Триан, которого в письмах она называла «идеальным» священнослужителем [18. С. 375]. В кульминационной сцене исповеди Джэнет писательница подчеркивает душевную чуткость героя, который чувствует «живое сострадание» при виде «утомленного лица» [19. С. 110] героини. В ответном взгляде Джэнет сразу же расставлены авторские акценты: она видит во взоре Триана «ту же искренность, ту же грусть, ту же жалость, о которых твердила ей память» [Там же]. Искренность и сострадающее сердце – вот ключевые качества идеального священника, по мысли Элиот.

Сцена исповеди добавляет к этой характеристике еще одну существенную черту – отсутствие гордости, признание своих грехов, чем молодой проповедник ставит себя наравне с кающейся грешницей. «Обращаясь ко мне, вы обращаетесь к подобному вам грешнику, который сам нуждался в той же помощи и в том же утешении, каких ищете вы» [Там же], – говорит Триан, вслед за чем действительно исповедуется героине в страшном грехе, совершенном в дни своей молодости. Эта открытость и отсутствие высокомерия по отношению к своей пастве, безусловно, отзовутся в «клерикальной» прозе Лескова и Чехова.

Та же страстная вера и желание подвижническим трудом спасать простых людей есть и у Дины Моррис, молодой проповедницы-методистки из первого романа Элиот «Адам Бид» (1859). В последующих романах Элиот снижает пафос в изображении священнослужителей, однако по-прежнему возлагает на них роль наставников и исповедников, в особенности молодых героев. Таков, например, Руфус Лайон, старый священник индепендентской капеллы из романа «Феликс Холт, радикал» (1866). Шутливо описав смешную внешность героя, который «с первого взгляда… казался чрезвычайно странным старичком» со своими «тоненькими ножками и широкой головой» [20. С. 50], Элиот незамедлительно определяет собственное отношение к Лайону, называя его «добрый Руфус» [Там же. С. 51], а вскоре демонстрирует его живой ум и отцовскую нежность.

Для Лайона характерны и снисходительность, неподдельный интерес к людям, даже не разделяющим его взгляды. Обусловлено это, как указывает Элиот, прошлым – историей страстной любви ревностного пастора к молодой француженке, попавшей в беду. Лайон становится духовным наставником молодого ремесленника Феликса Холта, занимающегося политическим просвещением рабочих. В Феликсе священник видит ту же честность и душевную восприимчивость, толерантность, которая характерна и для него самого. «В вас несомненна благодать Божия, потому что вы всегда готовы увидеть и признать истину» [Там же. С. 152], – говорит священник молодому радикалу во время одной из бесед. Безусловна и способность Лайона к самопожертвованию: узнав о крупном наследстве своей приемной дочери Эсфири, он раскрывает ей тайну ее прошлого, хотя и мучительно страдает от мысли, что та с презрением и обидой отвернется от него. По мнению Б.М. Проскурнина, в образе Лайона очевидно влияние на Элиот идей Л. Фейербаха: старый священник «совершенно “по-фейербаховски” проповедует источник нравственности и морали в свойственном человеку от природы стремлении к счастью… и любовном, а не только сурово требовательном отношении к окружающим» [21. С. 202].

Самым обыкновенным, не чуждым человеческих слабостей священнослужителем в прозе Элиот становится преподобный Кэмден Фербратер, один из героев романа «Мидлмарч» (1871–1872), признанного вершиной творчества английской писательницы. Последовательность введения этого образа в повествование напоминает композицию чеховского рассказа «Кошмар», где отец Яков сначала представляется читателю глазами чиновника Кунина. По его мнению, это «странный субъект» (С., 5, 61) с «бабьим лицом» (С., 5, 60); «малый… не из очень умных» (С., 5, 62); «в позе отца Якова… ему виделось отсутствие достоинства и даже подхалимство» (С., 5, 61); а в финале встречи Кунин уже окончательно убежден, что священник – «неряха, груб, глуп и, наверное, пьяница» (С., 5, 63). Не исправляет это мнение и посещение храма и дома отца Якова, после которого Кунин отправляет архиерею донос на священника, указывая, что тот «недостаточно развит, кажется, ведет нетрезвую жизнь и вообще не удовлетворяет тем требованиям, которые веками сложились у русского народа по отношению к его пастырям» (С., 5, 67).

Подобным образом и в романе «Мидлмарч» Фербратер показан читателю через отношение к нему од-

ного из главных героев, молодого и амбициозного доктора Лидгейта, которому предстоит решить, быть ли священнику капелланом во вверенной ему больнице. Сначала Фербратера негативно характеризует Лидгейту его покровитель банкир Булстрод: он уверяет врача, что «это человек, о котором нельзя не скорбеть» [22. С. 130], и советует проголосовать в пользу другого кандидата на должность капеллана – строгого и ревностного проповедника Тайка. Затем Лидгейт встречает Фербратера в гостях и с предубеждением видит, что обаятельный и дружелюбный священник действительно играет на деньги. Лидгейт высокомерно предполагает, что привычка бывать в «не слишком ученом доме» [Там же. С. 167] местного мэра объясняется тем, что священнику попросту нечем заняться: «Развлечения, позволяющие коротать время без напряжения умственных способностей, конечно, должны привлекать сюда тех, кто не знает, на что употребить свой досуг» [Там же].

Посещение дома Фербратера поколебало убеждения молодого врача: он обнаруживает, что причина его пристрастия к азартным играм, как и в случае с героем Чехова, – нужда. Игра на деньги – лишь один из способов пополнить крайне малые доходы священнослужителя, которые с достойной подражания стойкостью переносит общество своих докучливых родственниц: «Трудно было бы найти человека, столь нежного и заботливого с матерью, теткой и сестрой, хотя необходимость содержать их очень затрудняла его жизнь» [Там же. С. 183]. Даже осознание неверно выбранной профессии, как понимает Лидгейт, не делает Фербратера мизантропом: «Он был очень приятным человеком – благожелательным, остроумным, откровенным, и в его тоне никогда не проскальзывала усмешка подавленной горечи или другие подобные чувства, которыми добрая половина из нас постоянно досаждает своим друзьям и знакомым» [Там же. С. 184].

В романе «Мидлмарч» Фербратер является наставником двух молодых героев – самого Лидгейта и Фреда Винси, который пытается найти свое место в жизни и добиться руки подруги своего детства Мэри Гарт. В последней ситуации Фербратер проявляет редкое великодушие и самоотверженность: недалекий Фред не догадывается, что священник сам влюблен в Мэри, когда просит его поговорить с девушкой о собственной кандидатуре. В образе Фербратера Элиот акцентирует проблему не только духовного, но и личного одиночества священнослужителя, трудности достижения им счастья и его мимолетности – проблему, актуализированную еще в повести «Любовь мистера Гильфиля».

Эта традиция изображения священнослужителей, тесно связанная с открытиями Джордж Элиот и Лескова, получает развитие в творчестве Чехова. Герои-священники фигурируют в рассказах Чехова достаточно часто: насчитывается более двадцати произведений, где духовные лица являются одними из персонажей. Наиболее репрезентативными представляются пять рассказов: «Панихида» (1886), «Кошмар» (1886), «Святою ночью» (1886), «Письмо» (1887), «Архиерей» (1902), а также повесть «Дуэль» (1891). Герои-священники в них наделены Чеховым общими качествами, «ядром» которых является человечность, сопряженная с широтой взглядов, антидогматизмом в отношении к людям. Этим героям свойственны милосердие, способность к прощению и принятию другого, чуткость, тонкая восприимчивость жизни.

Этот комплекс характеристик тесно связан с отношением Чехова к священнослужителям и религии в целом. Хорошо известны высказывания писателя о полученном им в детстве религиозном воспитании «с церковным пением, с чтением апостола и кафизм в церкви, с исправным посещением утрени, с обязанностью помогать в алтаре и звонить на колокольне» (П., 5, 20), которое в итоге вызвало его охлаждение к Церкви: «Религии у меня теперь нет» (П., 5, 20). Именно в детстве Чехов ощутил различие между душевной, искренней верой и сухим, показным исполнением церковных обрядов, составлявшим суть религии его отца. Как пишет Н.В. Капустин, «в вере Павла Егоровича преобладали формализм, назойливо-поучающий тон, не было теплоты и терпимости» [23. С. 325]. Есть мнение, что именно П.Е. Чехов стал прототипом отца Федора в рассказе «Письмо».

Однако был и другой полюс отношения писателя к служителям Церкви – конкретным людям, которые в исполнении своего долга, сохраняли человеческое чувство к прихожанам. В книге «Остров Сахалин», например, Чехов подчеркивает, что «сахалинские священники всегда держались в стороне от наказания и относились к ссыльным не как к преступникам, а как к людям, и в этом отношении проявляли больше такта и понимания своего долга, чем врачи или агрономы…» (С., 14/15, 301). Отчасти идеал чеховский священнослужителя выражает характеристика писателем Христа как «натуры мужественной, ровной и широко думающей» (П., 3, 36).

Показателен образ молодого дьякона Победова, героя повести «Дуэль»[9]. Будучи постоянным собеседником фон Корена, дьякон, тем не менее, занимает «серединное» положение между двумя героями-антагонистами, и более того – между всеми противоборствующими явлениями жизни. На протяжении повести он то и дело пытается привести эти явления в равновесие; примирить, казалось бы, непримиримое. Характерны его рассуждения о предложении фон Корена принять постриг и отправиться с ним в экспедицию. Дьякон сперва представляет свою стремительную карьеру, возвышаясь в мечтах до архиерея и великолепной службы в кафедральном соборе, а затем воображает картину крестного хода в деревне и завершает сопоставление словами: «И это тоже хорошо…» (С., 7, 389). Точно так же он примиряет в уме и двух антагонистов – фон Корена и Лаевского: «Они хоть и неверующие, но добрые люди и спасутся» (С., 7, 440).

Дуэль, в финале которой дьякон спасает обоих героев – одного от смерти, а другого от убийства – становится кульминацией его стремления ко всеобщему примирению. Не случайно в сцене восторженного прощания с фон Кореном актуализируется семантика его фамилии – Победов: дьякон радуется

победе героев над своими пороками и заблуждениями: «Боже мой, какие люди! Воистину десница божия насадила виноград сей! Господи, господи! Один победил тысячи, а другой тьмы… Знайте, что сегодня вы победили величайшего из врагов человеческих – гордость!» (С., 7, 453). В финале повести, после дуэли, дьякон подходит даже к мысли о примирении религий: он, со свойственным ему стремлением к разрешению глобальных противоречий, спрашивает татарина Кербалая: «Почему же вы, мусульмане, смотрите на христиан, как на вековечных врагов своих?» – и получает ответ: «Бог у всех один, а только люди разные» (С., 7, 449).

Безусловно, дьякона нельзя назвать идеальным героем: он легкомыслен, смешлив, пассивен. Но именно этому герою, с его наивным оптимизмом, дано право выразить авторскую концепцию: превыше всего – не идея, а человечность, движение сердца, а не сухого разума. Победов искренне убежден в необходимости снисхождения, дружеского отношения людей друг к другу. Эти ценности он проговаривает на пути к месту дуэли: «Как бы они ухватились друг за друга, как бы охотно прощали взаимно недостатки и ценили бы то, что есть в каждом из них. Ведь даже внешне порядочных людей так мало на свете! <…> …Неужели этого недостаточно, чтобы относиться… снисходительно?» (С., 7, 442).

Та же идея милосердного, человечного отношения является основой и другого чеховского рассказа – «Письмо». В нем автор также сопоставляет две правды – благочинного отца Федора, «благообразного, хорошо упитанного… как всегда важного и строгого» (С., 6, 153), и внешне неприятного, находящегося под следствием за многочисленные провинности и пьянство старого священника отца Анастасия с «красными, мутноватыми глазами» (С., 6, 154), которые выражали «что-то жалкенькое, забитое и униженное» (С., 6, 153). Оба священнослужителя принимают участие в судьбе дьякона Любимова, который приходит за советом – как быть с сыном Петром, неверующим и ведущим греховную жизнь в городе? Благочинный призывает к строгости и диктует дьякону письмо с обличением «язычества» и духовной «погибели» Петра. Но точку в этом деле неожиданно ставит отец Анастасий: он советует дьякону не посылать письма, руководствуясь чисто человеческими соображениями: «Что толку? Ну, ты пошлешь, он прочтет, а… а дальше что? Встревожишь только. Прости, бог с ним! <…> Ежели отец родной его не простит, то кто ж его простит?» (С., 6, 161–162).

Эта проповедь милосердия находит живой отклик в сердце дьякона. Примечательна фамилия и этого героя – Любимов. Призыв к прощению вызывает в нем всплеск любви к сыну: «Недовольство, скорбь и страх уже не беспокоили его… <…> Думалось одно лишь хорошее, теплое, грустное…» (С., 6, 163). Шутливая приписка к письму, которую делает дьякон перед его отправкой, – это та же попытка уравновесить, примирить осуждение и любовь к сыну, необходимую по сану строгость и отеческую заботу, что позднее будет предприниматься героем «Дуэли».

О всепрощении говорится и в более раннем рассказе Чехова «Панихида». Центральным образом здесь является лавочник Андрей Андреич, который не может простить опозорившую его дочь-«актерку» и после ее смерти. Однако к раскаянию его подталкивают два духовных лица – священник отец Григорий и безымянный дьякон. Чувствуется, что они искренне возмущены запиской «за упокой блудницы», и их «гнев и испуг» (С., 4, 352) постепенно передаются и лавочнику. Убеждение отца Григория: «Ты все после ее смерти забыть должен!..» (С., 4, 353) – вкупе с «печальным напевом» дьякона во время службы заставляют героя вспомнить «свою Машутку» (С., 4, 354), ее страдания перед смертью и, наконец, вызывают в нем чувство прощения, пусть и с комическим оттенком: «Помяни, господи, – бормочет он, – усопшую рабу твою блудницу Марию и прости ей вольная и невольная…» (С., 4, 355).

Рассказ «Святою ночью» добавляет к этому собирательному образу чеховских священнослужителей еще одну существенную черту: послушник Иероним, как и его умерший друг иеромонах Николай, проявляет душевную чуткость к людям и красоте этого мира. Оба они, как и дьякон из «Дуэли», находятся в некоем промежуточном положении: Иероним бессменно дежурит на пароме, являясь связующим звеном между монастырем, т.е. духовным, церковным миром, и другим берегом, олицетворяющим все мирское, светское. К людям обращены и акафисты, которые писал Николай: в отличие от «отца наместника», который «затрудняется… составлять» (С., 5, 97) даже проповеди, иеромонах обладал даром писать так, «чтобы молящийся сердцем радовался и плакал, а умом содрогался и в трепет приходил» (С., 5, 97). Впрочем, талант его пропадает в стенах монастыря: из всей братии, как признается Иероним, он один только читал акафисты Николая.

Рассказывая о неприятии в монастыре таланта умершего иеромонаха, Иероним невольно выдает свое представление о том, каким должен быть священнослужитель – способным тонко чувствовать самому и одновременно оберегать чувства других людей, относиться к ним с лаской и жалостью. «Знаете, у нас в монастыре народ все хороший, добрый, благочестивый, – говорит Иероним, – но… ни в ком нет мягкости и деликатности, все равно как люди простого звания. Говорят все громко, когда ходят, ногами стучат, шумят, кашляют, а Николай говорил завсегда тихо, ласково, а ежели заметит, что кто спит или молится, то пройдет мимо, как мушка или комарик. Лицо у него было нежное, жалостное…» (С., 5, 99). «Деликатность» и жалость к людям вновь ставятся Чеховым выше обязательного для священнослужителя «благочестия».

Образ самого Иеронима дополняет этот авторский идеал еще одной чертой: он обладал, по наблюдению повествователя, искренней, «детской» восторженностью в восприятии церковных обрядов. Вот почему, застав в монастырском храме всеобщее «возбуждение и беспокойство», «беспардонное шатание и толкотню» (С., 5, 100), повествователь жалеет, что здесь нет

Иеронима, который, слушая пасхальное пение, «жадно пил бы своей чуткой душой, упился бы до восторгов, до захватывания духа, и не было бы во всем храме человека счастливее его» (С., 5, 101).

В образе послушника, скорбящего по умершему другу, проявляется и то, что Чехов особенно актуализирует в характерах своих более поздних священнослужителей, – духовное одиночество героя как среди братьев, так и среди мирян. Трагическая отделенность от людей чувствуется и в образе отца Якова из рассказа «Кошмар», написанного примерно в то же время, что и «Святою ночью». Это, пожалуй, единственный рассказ Чехова, в котором он обращается к изображению быта духовенства и обнажает страшную нужду, в которой живут 28-летний сельский священник и его жена, взятая «из хорошего дома» (С., 5, 70). Описание нищеты и непонимания со стороны «чересчур сытого и не рассуждающего» (С., 5, 73) молодого губернского чиновника не затеняет облик самого отца Якова, доброго, искреннего, честного, обладающего способностью к самопожертвованию и состраданию. И все-таки более всего в рассказе акцентировано страдание священника, который, изнемогая от голода и стыда, начинает сомневаться даже в своем призвании и вере: «Спаси нас, господи, и помилуй! И зачем было такой сан на себя принимать, ежели ты маловер и сил у тебя нет? Нет конца моему отчаянию! <…> И что оно такое, господи, делается на свете. Такое делается, что если в газеты написать, то не поверят люди… И когда всему этому конец будет!» (С., 5, 69–70).

Еще сильнее страдание и духовное одиночество священнослужителя одного из последних рассказов Чехова «Архиерей»[10]. Герой отдаляется от людей («его поражала пустота, мелкость всего того, о чем просили, о чем плакали; его сердили неразвитость, робость…» (С., 10, 194)) и чувствует, что и люди, даже самые близкие, отдаляются от него: «За все время, пока он здесь, ни один человек не поговорил с ним искренне, попросту, по-человечески; даже старуха мать, казалось, была уже не та…» (С., 10, 194).

Актуализируется в «Архиерее» и характерная для чеховских рассказов о священнослужителей двойственность, соседство двух полюсов, между которыми оказывается герой. Э.М. Жилякова называет это «принципом многоуровневой антиномии» [27. С. 280], который в рассказе реализуется как «процесс одновременного обнаружения противоположных тональностей и сопряжения их» – «между отчаянием и радостью, слезами и улыбкой, жизнью и смертью» [Там же. С. 281]. Однако, в отличие от дьякона Победова, послушника Иеронима или дьякона Любимова преосвященный Петр не способен к «сопряжению» этих двух противоположностей, с самого начала он выбирает лишь один полюс – слезы, отчаяние, болезнь, смерть.

В исследовательской литературе, посвященной «Архиерею», доминирует мнение о том, что священнослужителя в этом рассказе нельзя рассматривать с точки зрения его статуса. Здесь архиерей и его окружение, как и большинство персонажей поздних произведений Чехова, «прежде всего – просто люди и лишь потом – лица церковные» [28. С. 2]; они, «утрачивая свой социальный статус… выступают как бы от лица всякого, любого человека перед лицом бесчеловечной действительности» [29. С. 21]. Но существенно, что именно на материале жизни священнослужителей Чехов ставит проблему трагического одиночества современного человека. В этом усилении трагического пафоса проявляется новизна Чехова в сравнении с Лесковым и обнаруживается органическая связь Чехова с английскими традициями[11], получившими новые акценты в русской литературе.

Общность в изображении характера истинного служителя Церкви в произведениях Элиот, Лескова и Чехова обнаруживается в «совпадении» целого ряда художественных деталей. Одна из них – любовь священнослужителей к рыбной ловле. В романе Элиот «Мидлмарч» страстным рыболовом оказывается герой-священник второго плана, преподобный Гемфри Кэдуолледер. Впервые он появляется на страницах романа именно как рыболов, а не священник: стоя в чуланчике, он «крутит катушку спиннинга» [22. С. 70]. Добрый нрав Кэдуолледера не исключает самоиронии: он признается, что в Мидлмарче его называют «попом-рыболовом», и при этом издает «тихий смешок», поскольку «всегда был готов первым посмеяться любым выпадам по своему адресу» [Там же. С. 74].

Рыбная ловля становится своеобразной положительной характеристикой героя и в «Мелочах архиерейской жизни» Лескова: уже упомянутый епископ Неофит ловил в помещичьем пруду карасей, «смотрел на эту ловлю с большим удовольствием и не раз ее похваливал, приговаривая:

«– Старинная работка – апостольская! Надо быть ближе к природе – она успокоивает. Иисус Христос все моря да горки любил да при озерцах сиживал. Хорошо над водою думать» [13. Т. 6. С. 474].

Это же пристрастие своих священнослужителей к рыбной ловле отмечает и Чехов в повести «Дуэль», где дьякон ловит бычков на пристани, и в рассказе «Письмо». Отец Федор здесь вспоминает о причинах своей личной неприязни к сыну дьякона – и в том числе о том, что «Петруша презрительно относился к рыбной ловле, до которой благочинный и дьякон были большие охотники» (С., 6, 157). Акцент, который делает на этом отец Федор, показывает, что нелюбовь Петра к рыбной ловле лежит для благочинного в одной плоскости с нежеланием молодого человека креститься и ходить в церковь. Рыболовство становится еще одной приметой жизни правоверного священнослужителя, хотя Чехов, конечно, вкладывает в эту деталь и толику иронии.

Проведенное исследование показывает, что в изображении духовных лиц Чехов ориентируется на лесковскую концепцию, связанную с английской литературой. Будучи внимательным читателем «клерикальной» прозы Лескова, Чехов не мог не обратить внимания на его новаторски смелую манеру изображения священнослужителей, корни которой уходят прямиком в прозу Э. Троллопа и Дж. Элиот. В произведениях Чехова ощутим тот же добрый юмор, что и у

Лескова и Элиот, и одновременно – то же глубокое сочувствие духовным лицам, которое, безусловно, берет свое начало у его предшественников.

Схожи у писателей и акценты, расставленные при характеристике их лучших героев-священнослужителей. Вслед за Элиот, которая, по словам А. Жюмо, требовала высокого «качества человеческих отношений между священником и его прихожанами» [30. С. 18], Лесков и Чехов показывают пример того, как истинный духовный пастырь способен внушить любовь и уважение к себе не требовательностью и строгим соблюдением церковных обрядов, но способностью разглядеть в каждом из мирян человека и отнестись к нему с душой и чисто евангельским милосердием. Писатели указывают на духовное одиночество священника в малообразованной провинциальной среде, часто сопряженное с тяжелым материальным положением. Неприкрытая правда жизни характерна для творчества всех исследуемых авторов, но Чехов, писатель рубежа веков, первым вносит в изображение жизни священнослужителей оттенок трагизма. Эта интерпретация темы, особенно очевидная в рассказе «Архиерей», впоследствии отзовется в творчестве писателей начала XX в. – прежде всего, в «Жизни Василия Фивейского» Л. Андреева.

Исследование образов священнослужителей в творчестве Чехова позволяет говорить о развитии писателем английской традиции, обусловленной интересом Чехова к прозе Лескова и типологической близостью концепции священнослужителя как человека, подлинно нравственной личности, свободной от догматизма, в творчестве Джордж Элиот, Н.С. Лескова и А.П. Чехова.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Примером может служить раздел «Чехов в Англии» в сборнике «Чехов и мировая литература» [1].

[2] Научная литература по теме «Чехов и Шекспир» обширна, об этом свидетельствует, например, список источников в диссертационном исследовании Е.Ю. Виноградовой [2].

[3] Среди них можно отметить статью А. Головачевой [3], эссе Е. Пугачевой [4] и публичную лекцию С. Булгакова [5], где он сравнивает Чехова с Байроном.

[4] Здесь и далее ссылки на полное собрание сочинений А.П. Чехова даются в круглых скобках с указанием тома (П. – письма, С. – сочинения) и страницы по изданию [7].

[5] Среди наиболее значимых работ необходимо назвать статью И.П. Видуэцкой [8], С.Ф. Дмитренко [9], А.М. Туркова [10], раздел о Н.С. Лескове в монографии В.Б. Катаева [11], диссертационное исследование Л.Н. Малиночка [12].

[6] Цит. по: [14. С. 68–69].

[7] См. об этом наши статьи [15, 16].

[8] Активно занимаясь публицистической работой, Лесков вряд ли мог быть не знаком с содержанием крупнейших российских журналов: например, роман Элиот «Феликс Холт, радикал» был напечатан в 1867 г. во второй части ноябрьского номера «Отечественных записок» одновременно со статьей русского писателя. Ранее, в том же году, было опубликовано еще два перевода «Феликса Холта»: в журналах «Литературная библиотека» и «Всемирный труд». Оба они связаны с публицистической деятельностью Лескова, более того: откликом на ряд публикаций во «Всемирном труде» стала статья Лескова «Летопись литературных странностей и безобразий» в журнале «Литературная библиотека», где писатель прямо называет имя Джордж Элиот: «Женщине, при существующем взгляде на права ее пола, гораздо удобнее рассказывать роман или повесть, прикрываясь мужским псевдонимом, как это и делают: Жорж Занд, Джордж Элиот…» [17. Т. 5. С. 570]. Позднее, в статье «Русские общественные заметки» 1869 г. Лесков доказывает мысль о том, что «наша литература не беднее, а может быть, богаче некоторых других литератур», замечая: «Все эти Кавана, Коллинз и Элиот и другие, по справедливости говоря, не внушают нам никакой зависти» [17. Т. 8. С. 222]. Тем не менее в 1893 г. в письме к М.О. Меньшикову Лесков рекомендует публицисту поработать над одним из его образов, обратившись к творчеству английской писательницы: «“Девственные” натуры тоже не таковы. Надо бы брать св. Цецилию, или Дж. Элиот…» [13. Т. 11. С. 556].

[9] По мнению Э. Дуркина, «литературная генеалогия дьякона Победова восходит, очевидно, к Н.С. Лескову» [24. С. 169].

[10] Мы не останавливаемся подробно на образе священнослужителя в рассказе «Архиерей» в связи с высокой степенью его изученности. Как принципиально важные необходимо отметить разделы об «Архиерее» в монографиях А.С. Собенникова [25. С. 142–159] и А.Д. Степанова [26. С. 337–359].

[11] Трагедийное начало чеховских произведений наиболее явно связывает их с шекспировской традицией, т.е. с традицией английской литературы. Это почувствовали уже первые английские переводчики Чехова, которые заменили название рассказа «Враги» на «Две трагедии» [1. С. 370].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чехов* в Англии // Чехов и мировая литература : в 3 кн. (Лит. наследство; Т. 100). Кн. 1. М. : Наука, 1997. С. 369–534.
2. *Виноградова Е.Ю.* Шекспир в художественном мире А.П. Чехова : дис. … канд. филол. наук. М., 2004. 201 с.
3. *Головачева А.* А.П. Чехов и Ч. Диккенс: рождественские сюжеты // Південний архів. Філологічні науки. Херсон, 2009. Вып. XLVI. С. 49–57.
4. *Пугачева Е.* Диккенс и Чехов параллели в судьбе и творчестве. URL: http://www.proza.ru/2011/02/25/1214 (дата обращения: 8.05.2015).
5. *Булгаков С.* Чехов как мыслитель. URL: http://www.magister.msk.ru/library/philos/bulgakov/bulgak17.htm (дата обращения: 8.05.2015).
6. *Голицына Н.* Как Чехов стал своим для Британии // Радио Свобода. 29 января 2010. URL: http://www.svoboda.org/content/article/1943114.html (дата обращения: 6.05.2015).
7. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений : в 30 т. М. : Наука, 1974–1983.
8. *Видуэцкая И.П.* Чехов и Лесков // Чехов и его время. М., 1987. С. 101–116.
9. *Дмитренко С.Ф.* Чехов и Лесков (творческие взаимоотношения в связи с проблемой художественного метода) // А.П. Чехов (проблемы жанра и стиля). Ростов н/Д, 1986. С. 69–78.
10. *Турков А.М.* Лесков и Чехов // Чеховские чтения в Ялте: Чехов сегодня. М., 1987. С. 85–90.
11. *Катаев В.Б.* Чехов плюс…: предшественники, современники, преемники. М., 2004. С. 55–61.
12. *Малиночка Л.Н.* А.П. Чехов и Н.С. Лесков: проблема преемственности : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008. 181 с.
13. *Лесков Н.С.* Собрание сочинений : в 11 т. М., 1956–1958.
14. *Аннинский Л.* «Русский космос» Николая Лескова // Лесков Н.С. Собрание сочинений : в 6 т. М, 1993. Т. 4. С. 5–74.
15. *Гнюсова И.Ф.* «Мелочи архиерейской жизни» Н.С. Лескова в контексте английской прозы о жизни священнослужителей (Дж. Элиот и Э. Троллоп) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь, 2015. № 1. С. 98–107.

16. *Гнюсова И.Ф.* «Изнемогший в бою русский витязь»: образ священнослужителя в романе-хронике Н.С. Лескова «Соборяне» в контексте традиций английской литературы («Сцены из клерикальной жизни» Джордж Элиот) // Вестник Томского университета. 2015. № 393. С. 5–13.
17. *Лесков Н.С.* Полное собрание сочинений: В 30 т. М., 1996–2012.
18. *The George* Eliot Letters: 9 volumes. New Haven and London: Yale UP, 1954–1978. Vol. II. 1954. 513 p.
19. *Исповедь* Джэнет: Роман Джорджа Элиота // Современник. 1860. Т. 81. Приложение. 166 с.
20. *Феликс* Гольт, радикал: Роман Джорджа Элиота. СПб., 1867. 481 с.
21. *Проскурнин Б.М.* Английский политический роман XIX века: очерки генезиса и эволюции. Пермь, 2000. С. 202.
22. *Элиот Дж.* Мидлмарч. М., 2012. 829 с.
23. *Капустин Н.В.* Религия // А.П. Чехов. Энциклопедия. М., 2011. 696 с.
24. *Durkin A.* Allusion and Dialogue in “The Duel” // Reading Chekhov’s Text. Evanston, Illinois, 1993. P. 169–179.
25. *Собенников А.С.* «Между “есть Бог” и “нет Бога”…»: (о религиозно-философских традициях в творчестве А.П. Чехова). Иркутск, 1997. 224 с.
26. *Степанов А.Д.* Проблемы коммуникации у Чехова. М., 2005. 400 с.
27. *Жилякова Э.М.* Последний псалом А.П. Чехова («Архиерей») // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 1994. Вып. 3: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сб. науч. тр. Вып. 1. С. 274–284.
28. *Ранчин А.* Просто люди. Священнослужители в произведениях А.П. Чехова // Литература. 1997. № 28. С. 34–41.
29. *Лапушин Р.Е.* Трагичность в творчестве А.П. Чехова : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1993. 23 с.
30. *Jutteau A.* “Scenes of Clerical Life”: George Eliot’s Own Version of Conversion // The George Eliot Rewiew. Nuneaton, 2009. P. 15–24.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 4 сентября 2015 г.

THE CHARACTER OF THE CLERGYMAN IN A.P. CHEKHOV’S PROSE IN THE CONTEXT OF RUSSIAN AND ENGLISH LITERATURE TRADITION (N.S. LESKOV AND GEORGE ELIOT)

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 34–42. DOI: 10.17223/15617793/401/5

Gnyusova Irina F. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irbor2004@mail.ru

Keywords: A.P. Chekhov; N.S. Leskov; George Eliot; tradition; character; clergyman.

A research of representation of clergy characters in Chekhov’s stories allows speaking about essential typological convergence between works of Chekhov and English writers of the 19th century, first of all, George Eliot. An important fact is that the Russian writers’ heritage mediated Chekhov’s absorption of English literary traditions. N.S. Leskov’s works are of key importance here. Chekhov carries on Leskov’s tradition in many respects: like his “favourite scribbler” he aims to show facts of life, defends freedom of expression, stays out of any ideological currents. Chekhov’s clergymen also show echoes of Leskov’s characters. A unique role of Leskov in the history of Russian literature is that he was first to describe a clergyman as a thinking, sentient and suffering person. Leskov’s and Chekhov’s prose is close by authors’ pathos, equal writers’ wish to find and describe ordinary clergymen, close to their parish, in whom the human dominates over dogmatism and condescending ministerial severity. This pathos penetrates all Leskov’s series of sketches *Trifles from the Life of Archbishops*. Leskov’s discoveries were directly connected with the English tradition of “clerical” prose. It is important that, in contrast to Chekhov, the author of *The Cathedral Clergy* showed the genuine interest in the literature, culture, religious movements of Great Britain; his works confirm it. It is arguable that Leskov knew George Eliot’s novels and short novels, too. Eliot in her works demonstrates clergymen’s fates, and each one is dramatic in its own way. All characters bear the burden of loneliness, suffer from misunderstanding, poverty, excessive toil. Ability for sympathy becomes the main trait of clergymen. There is no doubt that their openness and the absence of haughtiness will affect Leskov’s and Chekhov’s “clerical” prose. The characters of clergymen quite often appear in Chekhov’s stories, but five of them seem to be most representative: *The Requiem*, *A Nightmare*, *Holy Night*, *The Letter*, *The Archbishop*, and also the short novel *The Duel*. Chekhov endows the priests from these works with common traits; the “kernel” of them is humaneness, connected with largeness of views, anti-dogmatism in respect of people. Moreover, mercy, ability to forgive and accept somebody’s views, delicacy, subtle sensitivity of life are peculiar to these characters. The research allows stating the typological proximity in the conception of a clergyman as a person, a truly moral individual free from dogmatism, in George Eliot’s, N.S. Leskov’s and A.P. Chekhov’s works.

REFERENCES

1. Rozenblum, L.M. (ed.) (1997) Chekhov v Anglii [Chekhov in England]. In: Chekhov i mirovaya literatura: v 3 kn. [Chekhov and world literature: in 3 books]. Book 1. Moscow: Nauka.
2. Vinogradova, E.Yu. (2004) *Shekspir v khudozhestvennom mire A.P. Chekhova* [Shakespeare in the art world of A.P. Chekhov]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
3. Golovacheva, A. (2009) A.P. Chekhov i Ch. Dikkens: rozhdestvenskie syuzhety [A.P. Chekhov and Ch. Dickens: Christmas scenes]. *Pivdenniy arkhiv. Filologichni nauki*. Kherson. XLVI. pp. 49–57.
4. Pugacheva, E. (2011) Dikkens i Chekhov paralleli v sud’be i tvorchestve [Dickens and Chekhov: parallels in the life and work]. [Online]. Available from: http://www.proza.ru/2011/02/25/1214. (Accessed: 8 May 2015).
5. Bulgakov, S. (1910) *Chekhov kak myslitel’* [Chekhov as a thinker]. [Online]. Available from: http://www.magister.msk.ru/library/philos/bulgakov/bulgak17.htm. (Accessed: 8 May 2015).
6. Golitsyna, N. (2010) *Kak Chekhov stal svoim dlya Britanii* [How Chekhov became a “native” for Britain]. [Online]. Available from: http://www.svoboda.org/content/article/1943114.html. (Accessed: 6 May 2015).
7. Chekhov, A.P. (1974–1983) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete Works: in 30 v.]. Moscow: Nauka.
8. Viduetskaya, I.P. (1987) Chekhov i Leskov [Chekhov and Leskov]. In: Turkov, A.M. *Chekhov i ego vremya* [Chekhov and his time]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
9. Dmitrenko, S.F. (1986) Chekhov i Leskov (tvorcheskie vzaimootnosheniya v svyazi s problemoy khudozhestvennogo metoda) [Chekhov and Leskov (creative relationship in connection with the problem of artistic method)]. In: *A.P. Chekhov (problemy zhanra i stilya)* [A.P. Chekhov (the problem of genre and style)]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta,. pp. 69–78.
10. Turkov, A.M. (1987) Leskov i Chekhov [Leskov and Chekhov]. In: Golovacheva, A.P. (ed.) *Chekhovskie chteniya v Yalte: Chekhov segodnya* [Chekhov readings in Yalta: Chekhov today]. Moscow: Lenin State Library.
11. Kataev, V.B. (2004) *Chekhov plyus…: predshestvenniki, sovremenniki, preemniki* [Chekhov plus. . .: predecessors, contemporaries, successors]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul’tury.

12. Malinochka, L.N. (2008) *A.P. Chekhov i N.S. Leskov: problema preemstvennosti* [A.P. Chekhov and N.S. Leskov: the problem of succession]. Philology Cand. Diss. Tver.
13. Leskov, N.S. (1956–1958) *Sobranie sochineniy: v 11 t.* [Collected Works: in 11 v.]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
14. Anninskiy, L. (1993) "Russkiy kosmos" Nikolaya Leskova [The "Russian cosmos" of Nikolai Leskov]. In: Leskov, N.S. *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 v.]. V. 4. Moscow: Ekran.
15. Gnyusova, I.F. (2015) N.S. Leskov's Trifles from the Life of Archbishops in the Context of English Literature about Clerical Life (George Eliot and Anthony Trollope). *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 1. pp. 98–107. (In Russian).
16. Gnyusova, I.F. (2015) "Russian knight, beaten out in battle": character of clergyman in N.S. Leskov's novel-chronicle The Cathedral Clergy in the context of English literature traditions (George Eliot's Scenes of Clerical Life). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 393. pp. 5–13. (In Russian).
17. Leskov, N.S. (1996–2012) *Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t.* [Complete Works: in 30 v.]. Moscow: Terra.
18. Haight, G. (ed.) (1954) *The George Eliot Letters: 9 volumes*. Vol. II. New Haven and London: Yale UP.
19. Eliot, G. (1860) Ispoved' Dzhenet: Roman Dzhordzha Eliota [Janet's Confession: A Novel by George Eliot]. Translated from English. *Sovremennik*. 81. Supplement.
20. Eliot, G. (1867) *Feliks Gol't, radikal: Roman Dzhordzha Eliota* [Felix Holt, The Radical: A Novel by George Eliot]. Translated from English. St. Petersburg: tip. Yu.A. Bokrama.
21. Proskurnin, B.M. (2000) *Angliyskiy politicheskiy roman XIX veka: ocherki genezisa i evolyutsii* [English political novel of the 19th century: Essays on the genesis and evolution]. Perm: Perm State University.
22. Eliot, G. (2012) *Midlmarch* [Middlemarch]. Translated from English. Moscow: Astrel'.
23. Kapustin, N.V. (2011) Religiya [Religion]. In: Kataev, V.B. (ed.) *A.P. Chekhov. Entsiklopediya* [A.P. Chekhov. Encyclopedia]. Moscow: Prosveshchenie.
24. Durkin, A. (1993) Allusion and Dialogue in "The Duel". In: Jackson, R.L. (ed.) *Reading Chekhov's Text*. Evanston, Illinois.
25. Sobennikov, A.S. (1997) *Mezhdu "est' Bog" i "net Boga"...: (o religiozno-filosofskikh traditsiyakh v tvorchestve A.P. Chekhova)* [Between "There is God" and "There is no God" . . .: (religious and philosophical traditions in the works of Anton Chekhov)]. Irkutsk: Irkutsk State University.
26. Stepanov, A.D. (2005) *Problemy kommunikatsii u Chekhova* [Communication problems in Chekhov's works]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
27. Zhilyakova, E.M. (1994) Posledniy psalom A.P. Chekhova ("Arkhierey") [The last psalm of A.P. Chekhov ("The Bishop")]. *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of historical poetics]. Is. 3. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University. pp. 274–284.
28. Ranchin, A. (1997) Prosto lyudi. Svyashchennosluzhiteli v proizvedeniyakh A.P. Chekhova [Simple people. The clergy in the works of A.P. Chekhov]. *Literatura*. 28. pp. 34–41.
29. Lapushin, R.E. (1993) *Tragichnost' v tvorchestve A.P. Chekhova* [The tragedy in the works of A.P. Chekhov]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
30. Jumeau, A. (2009) Scenes of Clerical Life: George Eliot's Own Version of Conversion. *The George Eliot Rewiew*. Special Issue. pp 15–24.

Received: 04 September 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 43–48. DOI: 10.17223/15617793/401/6

УДК 17.82.30

Томоо Канадзава

О.П. КОЗОДАВЛЕВ И «СОБЕСЕДНИК ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО СЛОВА»

Рассматриваются три сочинения, принадлежащие перу Осипа Петровича Козодавлева (1754–1818): рассказ «Приятное путешествие» и два стихотворения: «Стихи Клелии» и «К другу моему...». Материалы анализа взяты из журнала «Собеседник любителей российского слова», издававшегося в первой половине 1780-х гг., когда русский сентиментализм лишь начал свое развитие. Исследуется проявление раннего русского сентиментализма в становлении новой русской литературы.

Ключевые слова: русский сентиментализм; Просвещение; О.П. Козодавлев; «Собеседник любителей российского слова»; журналистика конца XVIII в.

Период 1780-х гг. является чрезвычайно значимым в истории русской литературы XVIII в., когда многие писатели непосредственно или косвенно стали ориентироваться на сентиментальную литературу. К этому русские писатели были подготовлены самим ходом развития отечественной литературы, а также знакомством с разнообразными европейскими произведениями, посвящёнными проблемам чувствительности («Сентиментальное путешествие» Л. Стерна, «Страдания молодого Вертера» И.-В. Гёте, «Новая Элоиза» Ж.-Ж. Руссо). Соответственно, в России начали появляться их переводы и переделки.

Как отмечали исследователи, например П.А. Орлов и Н.Д. Кочеткова, интерес к теме «чувств человека» наблюдался еще в произведениях Ф.А. Эмина и драмах М.М. Хераскова[1], но все же стремление к созданию произведений сентименталистского характера стало отчетливее именно в 1980-х гг. Более того, если речь идёт о русских оригинальных произведениях, их стало намного больше именно во второй половине 1780-х и в 1790-х гг.

Именно в этом отношении заслуживают особенного внимания произведения, опубликованные на страницах ежемесячного журнала «Собеседник любителей российского слова» (1783–1784)[2]. В нём сотрудничали разные писатели, такие как Г.Р. Державин, И.Ф. Богданович, Д.И. Фонвизин и даже сама императрица Екатерина II, в результате чего в этом журнале были представлены произведения различных жанров: статьи, стихи, рассказы, басни, среди которых немало работ было посвящено теме «чувствительности».

Примечательно, что, по словам автора «Предуведомления» к «Собеседнику», участникам этого журнала требовалось или писать оригинальные произведения, или печатать русские переделки иностранных произведений [6. С. 11–12]. Попытка издания журнала такого рода, как «Собеседник», имела большое значение для развития новой русской литературы.

Козодавлев, занимаясь вместе с Е.Р. Дашковой редактированием этого журнала, напечатал в нём три произведения, посвящённые значению «чувства»: «Приятное путешествие», стихи «Клелии» и «К другу моему».

Прежде чем перейти к анализу данных материалов Козодавлева, стоит кратко напомнить его биографию. Согласно исследованию историка М.И. Сухомлинова [7] О.П. Козодавлев, родившись в Петербурге в 1754 г. в дворянской семье, получил образование в Германии. С 1769 по 1774 г. Козодавлев, отобранный самой Екатериной II, был отправлен в Лейпцигский университет за государственный счёт и учился там философии, праву и истории. В том же университете учились А.Н. Радищев и А.М. Кутузов.

Обучение и жизнь в Германии довольно сильно повлияли на молодого Козодавлева[3]. Он не только пополнял свои знания в области философии и политических наук, но и значительно расширил взгляды на культуру Европы.

Он работал в Российской академии наук, был назначен членом комиссии о русских училищах в 1784 г. и составил проект устава университетов. В начале XIX в., при Александре I, стал министром внутренних дел, издавал регулярно газету «Северная почта или новая Санкт-Петербургская газета» (1809–1819).

Хотя Козодавлев в течение своей жизни проявил себя более как политик, однако он был, как отметил Сухомлинов, «литератор и член Российской академии. Ему нужно было щегольнуть словесностью в министерстве своем» [7. С. 154].

Он занимался литературой в 1770–1780-х гг., больше, чем в последующие периоды своей жизни. Он редактировал собрание сочинений М.В. Ломоносова (1774). Одним из самых значительных литературных работ Козодавлева был первый русский перевод драмы Гёте «Клавиго». К его литературной деятельности можно отнести также издание «Собеседника», где он поместил и три собственных произведения.

Среди трёх анализируемых в настоящей статье текстов главное место занимает рассказ «Приятное путешествие», в котором Козодавлев излагает свое понимание идеи «чувствительности». А стихотворение «Стихи Клелии» и «К другу моему» дополняют рассказ и уточняют основную мысль писателя.

Эти три произведения явно демонстрируют черты сентиментализма (например, описания чувствительного сердца, детальные изображения красоты природы и пр.). Они появились в то время, когда сентиментализм только еще прокладывал путь в русской литературе. Однако до сих пор на них не обращалось достаточного внимания, хотя анализ их может дать нам ключ для выяснения характера раннего русского сентиментализма. Поэтому в данной работе, обращая внимание и на взаимосвязь между тремя текстами, рассмотрим, как Козодавлев относится в своих произведениях к теме «чувства человека».

«Приятное путешествие»

На страницах первой части журнала «Собеседник» был опубликован рассказ «Приятное путешествие» за подписью «К...въ», принадлежащий перу Козодавлева. Рассказчик воспоминает об одном летнем вечере, когда он во время путешествия встретился с «хозяином» некоего дома и тот рассказал ему историю о своей добродетели и жестокости богатого знакомого. Комментируя этот рассказ, Сухомлинов утверждает, что его главная идея состоит в контрасте добра и зла [7. С. 326]. Считаем, однако, что такая трактовка упрощает идею Козодавлева, так как в данном случае игнорируются фигура самого рассказчика и те эмоции, которые он испытывает. Ведь эпизод с «хозяином» начинается только во второй половине рассказа, тогда как первая часть посвящена описанию природы и впечатлениям рассказчика от её созерцания.

К тому же рассказчик является ещё и путешественником. А многие произведения на тему путешествия, подобно «Сентиментальному путешествию» Стерна, затрагивали вопросы внутреннего мира человека. И в «Приятном путешествии» Козодавлева физическое путешествие символизирует внутреннее развитие чувствительного героя, т.е. писатель старается тонко передать изменение душевного состояния своего «чувствительного» персонажа, а излагает историю победы добродетели над жестокостью.

В начале истории герой / рассказчик восхищается красивой природой. Увидев освещённые закатным солнцем лес и озеро, он восклицает: «Какое приятное зрелище! Какое услаждение сердцам чувствительным!»; «Я был наисладчайшим чувствованием – чувствованием всякое другое удовольствие превосходящим» [8. С. 40]. Акцент сделан не на красоте самой природы, а на тех ощущениях, которые она вызывает у героя, обладающего чувствительным характером. Далее эмоция, пробуждённая красотой природы, заставляет рассказчика вспомнить о женщине, в которую он раньше был влюблён: «Тогда воображению моему предстало то время, в которое я приведён был в подобный сему восторг добродетельною душою прекрасной Клелии. Напоминовение о ней раздражило болезненное моё сердце... слёзы полились из глаз моих, и я погрузился в совершенное забвение самого себя, и кроме Клелии ничего не ощущал» [Там же. С. 41].

Имя Клелии, которое встречается в этом рассказе, больше нигде не упоминается, однако очевидно, что его появление в тексте не случайно и должно напоминать читателям о героине одноимённого любовного романа французской писательницы Мадлен де Скюдери, который был написан в 1648 г. на основе древнеримского предания о храброй девушке по имени Клелия. По сути дела, Скюдери на основе римской легенды написала роман о принципах любовной морали, принятых во французских дворянских салонах XVII в. Несомненно, образованные русские читатели были знакомы в подлиннике не только с этим романом, но и с «Поэтическим искусством» Н. Буало (1674), где была представлена критика данного романа. Исходя из истории восприятия «Клелии» в русском обществе того времени, можно предположить, что упоминание этого имени Козодавлевым в «Приятном путешествии», видимо, также было связано с идеей любовной морали мадам Скюдери.

Обратимся к эпизоду встречи рассказчика с «хозяином». Первый был погружен в свои любовные воспоминания, а добродетельный и чувствительный хозяин, заметив это, пригласил его к себе в гости и рассказал свою историю для того, чтобы отвлечь гостя от сердечной тоски. Однажды хозяин оказался в загородном доме своего знакомого, богатого человека. Среди приглашенных гостей была вдова, покойный муж которой при жизни спас этого богатого человека из беды. Она пришла к нему за помощью, но тот отказал ей в просьбе. Это событие расстроило гостя богача, он незаметно догнал несчастную вдову и отдал ей свои деньги.

История эта произвела на рассказчика, страдающего от несчастной любви к Клелии, сильное впечатление, и он утешился благородством чувств своего добродетельного хозяина, как он пишет, «созерцанием добродетельного человека, доказывающего добродетель свою исполнением должностей звания своего». Писатель подчёркивает изменение внутреннего душевного состояния своего персонажа: «Чувствование сие производит в груди моей некий пламень, разливающийся по всем членам моим и превозносящий дух мой выше бренности человеческой» [8. С. 52].

Важно, что рассказчик избавляется от страданий любви, но вовсе не отказывается от чувствительности как таковой. Напротив, писатель всячески подчёркивает, что «больное сердце» у этого главного персонажа свидетельствует не о недуге, а о «приятном состоянии» души. К тому же Козодавлев видит положительное влияние «чувствительности» на характеры других персонажей. О хозяине сказано: «вид сего пришельца возвещал человека, имеющего чувствительную душу», а его жена и дети обладают «добродетельной душой» в своем «нежном сердце» [Там же]. Так, по мнению автора, во всяком человеке ценны проявления «чувствительности», потому что она является условием для пробуждения в душе добродетельных свойств.

В этой связи стоит отметить, что в русской литературе того времени уже стал заметен интерес писателей к эстетике грустного чувства. Например, в журнале «Московское ежемесячное издание» была опубликована статья Х.Ф. Геллерта «О приятности грусти» (1756), переведённая с немецкого в 1781 г. А.М. Кутузовым[4]. Геллерт был не только поэтом, но и знаменитым профессором, который читал лекции в Лейпцигском университете, когда там учился Козодавлев. Это имя было, конечно же, значимо для бывших студентов Геллерта.

Таким образом, Козодавлев, опираясь на авторитет темы добродетели, которая пользовалась популярностью в европейской культуре, посвящает свой рассказ идее о том, что чувствительность есть свойство характера, необходимое для развития добродетельной души – главной нравственной ценности сентиментализма.

«Стихи Клелии»

«Стихи Клелии» были опубликованы в шестой части «Собеседника» и посвящены изображению «страсти первой любви и страдания от нее»:

Не знал тогда любви я страстной,
Любил одних своих друзей,
Но вдруг узрев тебя – нещастной!
Лишился вольности своей [11. С. 25].

Из вышеприведённых строк следует, что лирический герой, до этого момента знавший только чувство дружбы, влюбился с первого взгляда. Страдая от несчастной любви, он в конце «Стихов» говорит о своем желании умереть, чтобы избавиться от страданий. Смерть от любви – тема эпохи, в которую был написан «Вертер» (1774) И. В. Гёте:

Без сожаления взираешь
Ты на мучения мои,
И только скорби лишь питаешь
Как взоры встречу я твои.
<…>
Ничто уже не утешает
Меня одна лишь смерть прельщает,
Мое блаженство чту я в ней.
Благотворящею рукою
Меня она туда ведет... [Там же. С. 25–26].

Уже самим названием – «Стихи Клелии» – поэт отчасти напоминает читателям о той любовной морали, которая сформулирована в романе Скюдери «Клелия»: «любовь с первого взгляда» в иерархии чувств располагается ниже, чем «любовь с уважением», которая рождается со временем из чувства дружбы. Однако Козодавлев вносит в эту иерархию свою поправку. В «Стихах Клелии» он относится к страданиям от любви скорее положительно; более того, считает такие страдания полезными для развития внутреннего мира человека.

Стихотворение «К другу моему...» может подтвердить наше предположение. Однако прежде следует уточнить характер связи между всеми тремя сочинениями Козодавлева. «Стихи Клелии» были напечатаны без подписи только через полгода после публикации «Приятного путешествия». Козодавлев, вероятно, ожидал, что читатели смогут понять общую идею этих двух произведений, поскольку в обоих упоминается имя Клелии. Для писателя это было важнейшим условием того, чтобы установить диалог с читателем.

Полагаем, однако, что его намерение поняли не все, поэтому, возможно, стихи «К другу моему...» были помещены за подписью «Сочинитель “Приятного путешествия” и “Клелии”»[5].

Посредством этой необычной подписи Козодавлев акцентировал внимание читателей на единстве трёх своих сочинений.

«К другу моему…»

В седьмой части «Собеседника» Козодавлев поместил стихи «К другу моему...», которые посвятил поэту Мурзе, автору оды «Фелица» (1783) (за псевдонимом скрывался, как известно, Г.Р. Державин). Именно Козодавлев, высоко оценив державинскую оду, представил её сотрудникам «Собеседника», в результате чего «Фелица» была помещена в первом томе журнала.

Значение «Фелицы» Державина для русской литературы того времени было огромно. Поэт посвятил эту оду Фелице, царице и героине дидактического рассказа «История о царице Флоре» (1781) [13], автором которого была Екатерина II. И Державин, т.е. «Мурза», в своей оде, сравнивая Фелицу с Екатериной II, прославил её добродетельную душу [14. С. 5].

Опубликованная в «Собеседнике» державинская ода удивила и заинтересовала многих читателей своим стилем, изображением личной жизни царицы Фелицы. В результате в очередных номерах журнала появилось немало стихов, упоминавших о «Фелице» и её авторе Мурзе, в том числе и стихи Козодавлева. Среди них было и стихотворение «К другу моему…».

Возможно, что отсылка к «Фелице» и её автору была нужна Козодавлеву для привлечения читательского внимания к своему сочинению. В других своих стихах под называнием «К Татарскому Мурзе, сочинившему оду к премудрой Фелице», он откровеннее высказывает похвалу талантливому Мурзе [15. С. 5].

По сравнению с ними в стихах «К другу моему...» акцент сделан не на достоинствах поэтического дарования Мурзы, а на его «личном страдании» от любви, что объединяет это стихотворение и тему любовных страданий с «Приятным путешествием» и «Клелией».

В стихах «К другу моему...» также изображается любовь без взаимности:

Сладчайшему питью подобно
Лиется в сердце к нам любовь,
И в грудь скользя она свободно,
С приятностью волнует кровь;

Но прелести любви опасны,
И следствия ея злощастны
Нам бедным смертным иногда:
Взаимной кто не видит страсти,
Тот чувстуя одне напасти
Покой теряет навсегда [16. С. 41–42].

Совет страдающему от безответной любви «другу», поэту Мурзе, таков:

Избавься, друг мой, сея страсти,
Отвергни слабость от себя:
Тогда исчезнут все напасти,
Узрю в спокойствии тебя.
Будь мужествен, владей собою,
И честною своей душою
Соделай щастливым твой век –
Но тщетно я того желаю,
Мечтою дух мой обольщаю...
Мой друг!.. ты бренной человек [16. С. 44].

Автор стихотворения, призывая друга отказаться от ненадёжной любви, в то же время осознает тщетность своих просьб: очевидно здесь сочувствие к сердечным переживаниям Мурзы. Однако в рассказе «Приятное путешествие» рассказчик в конце решительно избавился от своего любовного недуга.

Позволим себе высказать такое предположение: противоречия в обоих произведениях нет, а Козодавлев остаётся верен близкой ему просветительской идее и возможности преодолеть страдания чувствительного сердца, но в то же время понимает, что несчастная любовь «друга» – это питательная почва для его таланта.

Таким образом, в своих произведениях о несчастной любви, разных в жанровом отношении, Козодавлев отводит «чувствительности» положительное место среди человеческих свойств и в нравственном развитии человека. По нашему глубокому убеждению, все три сочинения Козодавлева связаны между собой единой личной историей. В рассказе «Приятное путешествие» близкий автору герой-рассказчик излечивается от любви, в «Стихах Клелии» герой испытывает сердечные мучения и жаждет смерти, а в стихотворении «К другу моему...» автор, переживший в первом рассказе вместе со своим героем страдания из-за чувствительности, даёт совет поэту и «другу» Мурзе. Хронологически история о несчастной любви, рассказанная в «Стихах Клелии», предшествует «Приятному путешествию». Последним эпизодом единой личной истории является стихотворение «К другу моему…».

Таким образом, завершается картина душевного развития человека. Возможно, это был просветительский проект Козодавлева. Иными словами, посредством публикации этих трёх произведений, где выступает один и тот же рассказчик, Козодавлев попытался представить читателям, что «чувствительность» имеет много сторон и оттенков и является тем, что не только причиняет неприятности, но и может приносить приятность и пользу душе.

Итак, писатель предложил своим читателям два аспекта «чувствительности». Указывая путь избавления от горя или сердечного волнения, он в то же время подчёркивает их нравственную необходимость.

По нашему мнению, именно такое отношение Козодавлева к теме «чувствительности» является чертой раннего русского сентиментализма. Хотя он сохранил в своих произведениях уважение к морали и разуму, как требовала того эпоха Просвещения, в то же время он отвел «чувствительному характеру» важное место, соединив «чувствительность» с традициями эпохи Разума.

Интерес Козодавлева состоял в просвещении чувств человека. Вероятно, слова «я не могу играть в Лире» [16. С. 40] в стихотворении «К другу моему…» отражают отношение самого Козодавлева к творческой деятельности: он не позволял себе стать просто поэтом, который развивает литературную стилистику сентиментализма, а пытался выступить как просветитель.

В шестнадцатой части, т.е. в последней части «Собеседника»[6], между прочим, были помещены стихи того же Козодавлева «Сновидение» [17]. В них пересказывается история о сне Клитона, который ему в детстве не раз рассказывала мать. Автор, по-видимому, написал эти стихи именно для того, чтобы представить читателям картину воспитания внутреннего мира детей, которое было одной из важнейших задач для просветителей 1780-х гг. В трех своих произведениях Козодавлев обратил внимание на чувствительность как на черту характера человека и на то, каким образом следует развивать его внутренний мир, начиная с детских лет. В «Сновидении» явственно присутствуют просветительская и педагогическая идеи, которые были для Козодавлева важнее поэзии как таковой.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] При рассмотрении истории русского сентиментализма мы опирались на работы П.А. Орлова «Русский сентиментализм» [1] и Н.Д. Кочетковой «Литература русского сентиментализма. Эстетические и художественные искания» [2].

[2] Этот журнал издавался в 1783–1784 гг., состоял из 16 частей. См.: [3]. Что касается «Собеседника», то Н.Д. Кочеткова в своей статье обращает внимание на некоторые стихи Козодавлева: «Козодавлев играл активную роль в издании ”Собеседника”, и то, что писал он иногда от имени редакции, было или прямым или косвенным отражением мыслей и взглядов Екатерины» [4. С. 278]. Ю.В. Стенник интересуется вопросом русского языка и стиля в этом журнале. При этом он приводит статью Козодавлева «Мнение о разделении российских согласных букв в рассуждении произношения пред ними З и С и о правописании по сему разделению», считая, что она, «отмеченная явным дилетантизмом, носила сравнительно частный характер» [5. С. 119].

Хотя эти авторы обратили внимание на несколько произведений Козодавлева в «Собеседнике», три рассмотренные нами произведения как «комплекс» до сих пор не изучались.

[3] Сухомлинов пишет о нем: «Автор (Козодавлев. – *Т.К.*) питомец германского университета, вскормленный немецкою литературою, и усвоивший себе, в большей или меньшей степени, взгляды немецких учёных» [7. С. 311].

[4] В литературоведении середины 20-го в. швейцарский руссист П.А. Бранг выяснил, что статья «О приятности грусти» не оригинал А.М. Кутузова, он только перевёл статью Геллерта. См.: *Кутузов А.М.* О приятности грусти // Московское ежемесячное издание. М., 1781. Ч. 3. С. 141–153 [9]. См: *Brang P.A.* A.M. Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Russland (Zum Ploblem der Attribuierung anonymer Werke des 18. Jahrhunderts) // Zeitschrift für slavische Philologie. 1962. Bd. 30, Heft 1. S. 44–57 [10].

[5] Позже, в середине XIX в., Н.А. Добролюбов в своем комментарии, касающемся этих произведений в «Собеседнике», доказал авторство Козодавлева [12. С. 251].

[6] Об одной статье Козодавлева из последнего тома этого журнала, например, Н.Д. Кочеткова пишет, что «статья появилась в последней XVI книжке и, видимо, должна была подвести какой-то итог деятельности издателей и сотрудников журнала» [4. С. 280].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Орлов П.А.* Русский сентиментализм. М. : Московский университет, 1977. 268 с.
2. *Кочеткова Н.Д.* Литература русского сентиментализма (эстетические и художественные искания). СПб. : Наука, 1994. 274 с.

3. Собеседник любителей российского слова в 16 частях. СПб. : Императорская Академия Наук (ИАН), 1783–1784.
4. *Кочеткова Н.Д.* Отзывы о Ломоносове в «Собеседнике любителей российского слова» // Литературное творчество М.В. Ломоносова: Исследования и материалы. М. ; Л. : ИРЛИ РАН, 1962. С. 270–281.
5. *Стенник Ю.В.* Вопросы языка и стиля в журнале «Собеседник любителей российского слова» // XVIII век. СПб. : ИРЛИ РАН, 1993. Т. 18. С. 113–130.
6. *Предуведомление* // Собеседник любителей российского слова. СПб. : ИАН, 1783. Ч. 1. С. 3–4.
7. *Сухомлинов М.И.* История Российской Академии наук. СПб. : ИАН, 1882. Т. 6.
8. *Козодавлев О.П.* Приятное путешествие // Собеседник любителей российского слова : в 16 ч. СПб. : ИАН, 1783. Ч. 1. С. 39–53.
9. *Кутузов А.М.* О приятности грусти // Московское ежемесячное издание. М., 1781. Ч. 3. С. 141–153.
10. *Brang P.A.* A.M. Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Russland(Zum Ploblem der Attribuierung anonymer Werke des 18 Jahrhunderts) // Zeitschrift für slavische Philologiem. Bd. 30, Heft 1. 1962. S. 44–57.
11. *Козодавлев О.П.* Стихи Клелии //Собеседник любителей российского слова. СПб. : ИАН, 1783. Ч. 6. С. 24–26.
12. *Добролюбов Н.А.* Собеседник любителей российского слова // Собрание сочинений : В 9 ч. М. ; Л. : Гос. изд-во худож. лит., 1961. Ч. 1. С. 182–278.
13. *Екатерина II.* Сказка о царевиче Хлоре // Избранные сочинения императрицы Екатерины II. СПб. : Издание Суворина А.С., 1890. Т. 1. С. 39–53.
14. *Державин Г.Р.* Ода к премудрой Киргизкайсацкой царевне Фелицу, писанная некоторым Татарским Мурзою издавна поселившимся в Москве, а живущим по делам своим в Санктпетербурге : переведена с арабского языка 1782 года // Собеседник любителей российского слова. СПб. : ИАН, 1783. Ч. 1. С. 5–14.
15. *Козодавлев О.П.* Письмо к татарскому Мурзе, сочинившему оду к премудрой Фелице // Собеседник любителей российского слова. СПб. : ИАН, 1783. Ч. 8. С. 5.
16. *Козодавлев О.П.* К другу моему... // Собеседник любителей российского слова. СПб. : ИАН, 1783. Ч. 7. С. 40–44.
17. *Козодавлев О.П.* Сновидение // Собеседник любителей российского слова. СПб. : ИАН, 1784. Ч. 16. С. 54–69.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 30 ноября 2015 г.

O.P. KOZODAVLEV AND THE JOURNAL *SOBESEDNIK LYUBITELEY ROSSIYSKOGO SLOVA*

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 43–48. DOI: 10.17223/15617793/401/6

Kanazawa Tomoo. Institute of Russian Literature (Pushkin House) (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: tm.tamij@gmail.com

Keywords: Russian sentimentalism; Enlightenment; O.P. Kozodavlev; *Sobesednik lyubiteley rossiyskogo slova* [Interlocutor of Lovers of the Russian Word]; sensibility; 1780s; virtue.

During the second half of the 18th century, in Russia as well as in Europe, a tendency toward sentimentalism became remarkable. Many Russian writers started to imitate Europian sentimental works. The article focuses on the three Russian sentimental works of O.P. Kozodavlev which were published in the journal *Sobesednik lyubiteley rossiyskogo slova* [Interlocutor of Lovers of the Russian Word] (1783–1784). In the precedent studies, O.P. Kozodavlev (1754–1818) has been regarded above all as a government official. However, Kozodavlev made a significant contribution to the development of Russian literature, especially in the 1780s. In 1783 the publication of the monthly *Sobesednik* began under the patronage of Empress Catherine II. The editors' main aim was to publish a periodical which consisted only of original articles and literary works written in Russian. Kozodavlev himself, who edited this periodical along with Madam Dashkova, also wrote several important works for it. The analysis of his three sentimental works clarifies the role of aesthetics during the Enlightenment, in the early stages of the development of Russian sentimentalism. The first of his three works, the prose novel *A Pleasant Trip* was published in the first volume of the journal. The narrator-traveller "I" of this story, who was disappointed in love, became acquainted with a virtuous man. The virtuous man invited the narrator to his house and related his former experience of "virtue". The narrator was deeply impressed by the story about virtue and was able to overcome the sorrow of his lost love. In this novel, the main purpose of the author, Kozodavlev, was to show the narrator "I" overcoming his despair, and to emphasize the importance of "sentimentality" for moral development through comparison with "virtue". The second work titled "Clelia" is a poem about lost love at first sight. The author points out that the name "Clelia" reminded the contemporary intelligent readers of a French romance, "Clelia" by M. Scudery, in which morals of love in the 17th-century salon society were described. Kozodavlev's third work, "For my Friend", published in the seventh issue of the journal, was written in a form of a poem in response to Derzhavin's ode "Felica". In the poem, the narrator advises his "friend" to overcome his sorrow for his lost love. At the same time, the narrator accepts his "friend's" pains, because the "friend" is a poet of genius and it may be necessary for him to suffer deeply in order to create masterpieces. The analysis of the three works leads the author to a conclusion that Kozodavlev the author intended to show them as three scenes of a story with the same narrator-main character "I". In such a well-devised way, Kozodavlev succeeded in emphasizing the importance of the role of sentimentality in the process of human mental development.

REFERENCES

1. Orlov, P.A. (1977) *Russkiy sentimentalizm* [Russian sentimentalism]. Moscow: Moscow University.
2. Kochetkova, N.D. (1994) *Literatura russkogo sentimentalizma (esteticheskie i khudozhestvennye iskaniya)* [Literature of Russian sentimentalism (aesthetic and artistic search)]. St. Petersburg: Nauka.
3. *Sobesednik lyubiteley rossiyskogo slova v 16 chastyakh* [Interlocutor of Lovers of the Russian Word in 16 parts]. (1783–1784). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
4. Kochetkova, N.D. (1962) Otzyvy o Lomonosove v "Sobesednike lyubiteley rossiyskogo slova" [Reviews of Lomonosov in the Interlocutor of Lovers of the Russian Word]. In: Berkov, P.N. & Serman, I.Z. (eds) *Literaturnoe tvorchestvo M.V. Lomonosova: Issledovaniya i materialy* [Literary works of M.V. Lomonosov: Research and Materials]. Moscow; Leningrad: Pushkin House, RAS.
5. Stennik, Yu.V. (1993) Voprosy yazyka i stilya v zhurnale "Sobesednik lyubiteley rossiyskogo slova" [Issues of language and style in the journal Interlocutor of Lovers of the Russian Word]. In: Kochetkova, N.D. (ed.) *XVIII vek* [The 18th century]. V. 18. St. Petersburg: Pushkin House, RAS.
6. Anon. (1783) Preduvedomlenie [Pre-notification]. *Sobesednik lyubiteley rossiyskogo slova – Interlocutor of Lovers of the Russian Word*. Pt. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 3–4.
7. Sukhomlinov, M.I. (1882) *Istoriya Rossiyskoy Akademii nauk* [History of the Russian Academy of Sciences]. V. 6. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

8. Kozodavlev, O.P. (1783) Priyatnoe puteshestvie [A pleasant journey]. *Sobesednik lyubiteley rossiyskogo slova – Interlocutor of Lovers of the Russian Word*. Pt. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 39–53.
9. Kutuzov, A.M. (1781) O priyatnosti grusti [On the pleasantness of sadness]. *Moskovskoe ezhemesyachnoe izdanie*. 3. pp. 141–153.
10. Brang, P.A. (1962) A.M. Kutuzov als Vermittler des westeuropäischen Sentimentalismus in Russland (Zum Problem der Attribuierung anonymer Werke des 18 Jahrhunderts) [A.M. Kutuzov as an agent of Western European sentimentalism in Russia (to the problem the attribution of anonymous works of the 18th century)]. *Zeitschrift für slavische Philologiem*. 30:1. pp. 44–57.
11. Kozodavlev, O.P. (1783) Stikhi Klelii [Clelia Poetry]. *Sobesednik lyubiteley rossiyskogo slova – Interlocutor of Lovers of the Russian Word*. Pt. 6. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 24–26.
12. Dobrolyubov, N.A. (1961) Sobesednik lyubiteley rossiyskogo slova [Interlocutor of Lovers of the Russian Word]. In: Dobrolyubov, N.A. *Sobranie sochineniy: V 9 ch.* [Collected Works: in 9 parts]. Part 1. Moscow; Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
13. Catherine II. (1890) Skazka o tsareviche Khlore [Tale of Tsarevich Chlor]. In: Catherine II. *Izbrannye sochineniya imperatritsy Ekateriny II* [Selected works of Empress Catherine II]. V. 1. St. Petersburg: Izdanie Suvorina A.S.
14. Derzhavin, G.R. (1783) Oda k premudroy Kirgizkaysatskoy tsarevne Felitsu, pisannaya nekotorym Tatarskim Murzoyu izdavna poselivshimsya v Moskve, a zhivushchim po delam svoim v Sanktpeterburge: perevedena s arabskogo yazyka 1782 goda [Ode to Wise Kyrgyz-Kaysat Princess Felicia, written by a Tatar Murza who has long been settled in Moscow, and living due to his business in St. Petersburg: translated from Arabic in 1782]. *Sobesednik lyubiteley rossiyskogo slova – Interlocutor of Lovers of the Russian Word*. Pt. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 5–14.
15. Kozodavlev, O.P. (1783) Pis'mo k tatarskomu Murze, sochinivshemu odu k premudroy Felitse [A letter to the Tatar Murza who composed the Ode to the Wise Felicia]. *Sobesednik lyubiteley rossiyskogo slova – Interlocutor of Lovers of the Russian Word*. Pt. 8. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 5.
16. Kozodavlev, O.P. (1783) K drugu moemu... [To my friend . . .]. *Sobesednik lyubiteley rossiyskogo slova – Interlocutor of Lovers of the Russian Word*. Pt. 7. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 40–44.
17. Kozodavlev, O.P. (1783) Snovidenie [A dream]. *Sobesednik lyubiteley rossiyskogo slova – Interlocutor of Lovers of the Russian Word*. Pt. 16. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 54–69.

Received: 30 November 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 49–54. DOI: 10.17223/15617793/401/7

УДК 81+82-31 (095)

А.А. Кухтенкова

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТЕКСТОВЫХ РЕМАТИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ В ИЗОБРАЖЕНИЯХ СТАТАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА РОМАНОВ Г.И. ГАЗДАНОВА)

Статья посвящена характерному для языка романов Г.И. Газданова нагнетению статальности как статичности в сочетании с напряженной длительностью состояний природы, героя. В соответствии с идеей Г.А. Золотовой о структурно-смысловом взаимодействии синтаксиса текста и синтаксиса предложения мы описываем лексико-семантические и лексико-грамматические средства экспликации рематических доминант. В романах Г.И. Газданова доминанта импрессивности в выражении состояний преобладает.

Ключевые слова: семантика состояния; статальная; статально-динамическая; импрессивная рематические доминанты; синестезия.

Предмет нашего исследования – особенности лексико-семантического и лексико-грамматического выражения трех рематических доминант в романах Г.И. Газданова: статальной, статально-динамической, импрессивной.

Теоретической основой послужили исследования таких авторов, как Ю.Д. Апресян, А.А. Зализняк, Е.В. Падучева, Л.Г. Бабенко, А.А. Камалова, Ю.С. Маслов, А.В. Бондарко, О.Н. Селиверстова, М.Я. Гловинская и др. [4–15]. Анализ особенностей проявления указанных рематических доминант в языке романов Г.И. Газданова представлен с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода – в аспекте индивидуального стиля писателя с учетом функциональной значимости выявленных лексико-семантических и лексико-грамматических средств выражений статального состояния персонажей и эмоционально воспринимаемых ими природных стихий. Тем самым прослеживается соотношение автор – рассказчик – читатель.

Романы Г.И. Газданова обладают высокой степенью эмоционального и интеллектуального воздействия. Это можно объяснить прежде всего тем, что повествование в них ведется от лица героя-рассказчика. Писатель-эмигрант, переживающий, как и его герои, экзистенциальное одиночество, погруженный в размышления-воспоминания об утраченной Родине, художественно отражает это в психологической прозе, концентрирующей ментальный мир героев.

В описаниях своих жизненных «путешествий», сопровождающихся встречами и расставаниями, неожиданными радостями и трагическими событиями, рассказчик нередко доминирует семантику рематической статальности. Термин «статальность» соотносится в лингвистической литературе с термином «состояние». Вслед за И.П. Матхановой мы не синониминизируем понятия «состояние» и «статальность». Статальность соотносится с семантической категорией состояния и представляет собой «типовую содержательную структуру, характеризующуюся такими признаками, как статичность в сочетании с длительностью (потенциальной изменяемостью)» [1. С. 44].

Понятие «статальность» соотносится также с введенным Г.А. Золотовой в теорию организации и типологии текста понятием «текстовые рематические доминанты» [2. С. 314–315; 3. С. 205–213]. Описывая структурно-смысловое взаимодействие синтаксиса текста и синтаксиса предложения с учетом семантических типов текстовых фрагментов, Г.А. Золотова выделяет шесть рематических доминант: 1) *предметная* (в описаниях места); 2) *качественная* (в характеристиках предмета, персонажа); 3) *акциональная* (в воспроизведении динамики действия); 4) *статальная* (в описаниях состояний природы, среды, лица); 5) *статально-динамическая* (в изображении изменения состояния, перехода от состояния к действию); 6) *импрессивная* (в описаниях субъективно-оценочного восприятия состояния) [2. С. 300–319].

Для нашей работы значимо то, что семантика состояния изучается в рамках: классификации семантических классов [4–8]; семантических категорий [9–10]; классификации предикатов [11–15] и др. Л.М. Васильев выделяет широкий и узкий подходы к семантике состояния. Параметр разграничения – внутренний / внешний признак. Так, внешнему состоянию (широкое понимание) отвечают предикаты бытия, отношения, положения в пространстве, социальное состояние. Узкому пониманию семантики состояния соответствуют «предикаты, обозначающие внутреннее состояние, то есть физическое состояние природы, внешней среды и предметов неодушевленного мира или физическое и психическое состояние живых существ (человека и животных)» [16. С. 32]. В своей работе мы придерживаемся узкого взгляда на понимание семантики состояния. И, актуализируя признак статальность при описании художественного воспроизведения состояний, мы учитываем сопутствующие ему инактивность субъекта, неконтролируемость, временную ограниченность [10. С. 15; 17. С. 39].

Из десяти представленных Е.В. Падучевой [7. С. 137–138] предикатов состояния: *речевые*, *модальные*, ***наблюдения***, ***физические*** и ***физиологические***, *устойчивые физиологические*, ***эмоциональные***, ***эмоционального отношения***, ***ментальные***, *обобщенные* (*по Вендлеру*), – для нас важны те, названия которых графически выделены.

Теперь непосредственно обратимся к описанию статальных рематических доминант, участвующих в текстообразовании романов Г.И. Газданова.

I. Статальная рематическая доминанта.

«Состояния в подавляющем большинстве случаев выражаются, – пишет Ю.Д. Апресян, – глаголом *ис-*

пытывать = ‘пребывать, находиться в каком-либо душевном, физическом и т.д. состоянии’ (МАС), а также его синонимами *переживать*, *чувствовать*» [17. С. 330]. Глагол *испытывать* оказывается идеально семантически согласованным с идеей состояния. Ср.: *испытывать боль <голод, жажду, зуд, колотье, мучения, покалывание; лишения, нехватку, крайнюю нужду>; влечение <вожделение, желание, похоть; сомнения, колебания; гнев, зависть>*» [5. С. 78].

В романах Г.И. Газданова указанные глаголы сочетаются с отвлеченными существительными: *ужас*, *сочувствие*, *сожаление*, *раскаяние* и под. Они тоже вступают в синонимические отношения (*беспокойство*, *волнение*, *тревога*) в размышлениях рассказчика из романа «Возвращение Будды»: *…даже от его* [Павла Александровича] *взгляда не ускользнула та преступная тень на лице Лиды, которая заставляла меня всякий раз, что я ее видел,* ***испытывать отвращение*** *и* ***тревогу****, одновременно с непонятным и унизительным* ***тяготением*** *к ней. …я продолжаю существовать как-то ощупью, в* ***постоянном*** *и беспредметном* ***беспокойстве****…* [18. С. 219]. Статальность как статичность в сочетании с напряженной длительностью и потенциальной повторяемостью подчеркивается прилагательным *постоянный*, а также семантическим синонимичным повтором (*тревога*, *беспокойство*) и антонимами (*отвращение*, *тяготение*). Логически ударные (т.е. рематические) отвлеченные существительные отличаются по семантике: слово *волнение* обозначает внутреннее психическое состояние, которое характеризуется *беспокойством*; отвлеченное существительное *тревога* выражает большую степень *беспокойства*. Здесь проявляется импрессивность – оценка героем своего состояния, что выражается прилагательными *непонятным*, *унизительным*.

Состояние *волнения* с сопутствующей его самооценкой может проявляться с логическим подчеркиванием глагола *переживать*, а само состояние может прямо не называться, на него может указывать местоимение ***это*** (*отъезды*, *измены*): *…она* [Ольга Александровна] *всякий раз* ***переживала*** *все* ***это*** *с такой же силой, как и в ранней молодости, и так же* ***мучилась****, как всегда, потому что совершала нечто* ***нехорошее*** *и* ***запретное*** *и дурно поступала по отношению к мужу и к Сереже* («Полет») [19. С. 290]. Состояние представлено синонимическими предикатами *переживала*, *мучилась*, из которых второй указывает на интенсивность процесса *переживать*: *мучиться* – «1. // Томиться, волноваться, беспокоиться» [20. Т. 2. С. 315]. Темпоральный показатель *всякий раз* подчеркивает повторяемость неконтролируемого, инактивного процесса. Степень *волнения* всегда была неизменной (*такой же силой*, *как всегда*). Каузатор состояния (*нечто*) оценивается контекстуальными синонимами (*нехорошее*, *запретное*), которые имплицитно намекают на многочисленные романы Ольги Александровны.

Сквозным синонимическим рядом в романах писателя изображаются душевные заболевания – *душевные недомогания*, *душевная болезнь*, *недуг*. *Недуг* и соотнесенные с ним индивидуально-авторские ассоциативные перифразы: *нравственное увечье*, *душевный туман*, *припадки моей душевной болезни*, *обреченность*, логически выделяются в следующем отрывке из романа «Возвращение Будды»: *Я давно привык к* ***припадкам*** *моей* ***душевной болезни****… В невозможности победить этот необъяснимый* ***недуг*** *было нечто вроде сознания своей* ***обреченности*** *и какого-то* ***нравственного увечья****, которое делало меня не похожим на других, точно я не заслуживал общедоступного счастья быть таким же, как все* [18. С. 171–172]. Герой-рассказчик крайне болезненно воспринимает свою нестандартность, непохожесть на других. В языковом сознании слово *увечье* связано с тяжелым телесным повреждением, т.е. это слово более узкое по семантике, чем остальные, в тексте происходит его метафоризация, позволяющая акцентировать внимание не на внешнем, а на внутреннем состоянии рассказчика. Продолжительность и обычность описанных состояний, инактивность субъекта заключены в таких элементах контекста, как *давно привык*, *обреченности*. Индивидуально-авторская метафоризация неконтролируемого, статичного состояния выражается словосочетанием *душевный туман*: *Механическое пианино безжалостно продолжало играть одну арию за другой. Мне казалось, что я все глубже и глубже погружаюсь в неопределенный* ***душевный туман****…* [Там же. С. 184]. Душевное заболевание героя-рассказчика нагнетается в постоянной смене воспоминаний, видений, превращений и перевоплощений, что уже связано с доминированием в текстовом фрагменте статально-динамической ремы.

II. Статально-динамическая рематическая доминанта.

Указанная рематическая доминанта соответствует текстовым фрагментам, в которых изображается изменение состояния (в частности, состояния природы), переход от состояния к действию. В романах писателя в описаниях *дождя* как сквозного образа обычно логически ударны глаголы движения и звучания. Приведем отрывок из романа «История одного путешествия»: *Бывают особенные дни в Европе, чаще всего в начале холодной весны, под* ***дождем****. С утра он* ***струится*** *сверху вниз,* ***стекает*** *небесной водой с подбородков каменных героев, безмолвных и неподвижных путешественников… он тихонько* ***шумит*** *и* ***капает****, он* ***течет*** *в тысяче различных направлений; потом с наступлением мутного европейского вечера… он темно* ***сверкает*** *в свете фонарей; и* ***в стихающем*** *к ночи движении городов – людей, автомобилей – он* ***звучит особенно грустно*** *и неповторимо, все с той же непередаваемой влажной* ***печалью****. В такие вечера города* ***грустны****,* ***музыка****,* ***внутренняя музыка жизни*** *безмолвна… Именно в такую мартовскую ночь… Артур глядел сквозь* ***струящееся*** *окно высокой гостиницы вниз, на мостовую, где* ***вскакивали*** *белые пузыри от дождя. На следующее утро он должен был увидеть Викторию. Он не мог заснуть и то принимался ходить по комнате, то приближался к окну и опять смотрел, как* ***бесконечно идет*** *и* ***падает дождь*** [19. С. 231].

Вначале задается темпоральное природное состояние (*в начале холодной весны под дождем*), затем глаголы движения начинают передавать градационную динамику: *капает* (капли) – *струится* (струи) – *течет* (ручьи) – *стекает* (потоки). Напряженная длительность и повторяемость (нагнетение статальности) создаются не только указанной градацией, но и хронотопическим рядом (вместе с лексическими повторами и наречием-интенсификатором *бесконечно*): *весна*, *дни*, *утро*, *вечер*, *ночь*, – и пространственным образом множества «*в тысяче различных направлений*». Движение дождя сопровождается звучанием (*шумит*, *капает*, *звучит*), которое характеризуется корневым повтором (*тихонько* / *стихающий*) – к концу противопоставлено *безмолвной внутренней музыке* городов.

Здесь представлено определенное состояние природы не само по себе, а через восприятие главного героя, что проявляется в метафорических вкраплениях, передающих субъективное видение описываемого (*стекает небесной водой с подбородков каменных героев*), субъективное восприятие реализуется и в свето-цветовом оксюмороне *темно сверкает*. Взаимообусловленность состояния рассказчика (*печаль*) и состояния природы выражается в индивидуально-авторских синестетических метонимических образах (*влажная печаль*, *дождь звучит особенно грустно*). Использование синестезии здесь проявляется в том, что звуковые впечатления наслаиваются на тактильные. Состояние окружающей среды и человека, который воспринимает ее, неразделимы. В контексте в связи с этим возникает межчастеречный семантический повтор (*грустно*, *печаль*). Образ дождя связан с состояниями *ожидания*, *грусти*, *печали*, *встречи*, *волнения*, что акцентировано словосочетанием *именно в такую ночь* (актуализируется признак состояния «временная ограниченность»). Статальность подобных состояний заложена и во временном наречии *бесконечно*. Подтвердилось предположение Г.А. Золотовой о том, что фрагменты с импрессивной рематической доминантой «больше других свойственны или не свойственны манере определенных писателей» [2. С. 315]. Для романов Г.И. Газданова они свойственны, так как рассказчики в его текстах – обычно ярко выраженные саморефлексирующие личности.

Картину интенсивности дождя, меняющейся в соответствии с переменами в физическом состоянии Володи, наблюдаем в следующем отрывке, где в описании используются текстовые парадигмы синонимов и антонимов: *Николай до поздней ночи пробыл в комнате Володи, который* ***бредил*** *и не приходил в себя. …Володя сделал необыкновенное усилие, чтобы повернуть голову, повернул – и* ***вдруг*** *все* ***грозно ухнуло и потемнело****, и долго ничего не было видно, пока не* ***застучал*** *по звонкой крыше частый и* ***сильный дождь****. Он* ***струился все сильнее и сильнее****, он* ***тек*** *уже по лицу Володи и попадал в рот и был теплый и соленый. Он резко повернулся и дернул головой. …Дождь* ***стих****, влажный ветер мягкими бархатными кругами летел вокруг Володи. …И* ***вдруг*** *глаза Володи открылись* [19. С. 215–216]. Как видно, описание *дождя* совпадает с состоянием героя. Состояние героя выражено прямо (*бред*) и косвенно – через призму изменений в природе (*грозно ухнуло и потемнело*, *и долго ничего не было видно*). Динамика состояния проявляется в употреблении наречия с семантикой неожиданности – *вдруг*. Дождь в текстах писателя обозначает перемены, как правило, к лучшему. Отметим присутствие тактильно-визуальной и тактильно-слуховой синестезии (*теплый и соленый*; *влажный ветер мягкими бархатными кругами*). Эти смешанные восприятия косвенно характеризуют состояние героя-рассказчика.

Отдельно рассматривая состояние окружающей среды, Т.В. Булыгина пишет: «…принципиально невозможно различить состояния и временные признаки, поскольку состояние природы и окружающей среды не может быть “внутренним”. В этих случаях обычно даются косвенные указания на окружающую среду, чаще всего это кванторное слово *все* и показатели места» [17. С. 327].

Так, в романе Г.И. Газданова «Призрак Александра Вольфа» динамика начавшейся и стихающей грозы отмечена временными кванторами (*потом*, *затем снова*) и показателями степени проявления действия (*с прежней силой начинали*): *…Была* ***гроза*** *с сильным* ***дождем****, и при свете* ***молнии*** *я видел, сквозь забрызганные стекла машины, деревья, обступавшие нас со всех сторон. …Пахло землей и мокрыми стволами деревьев. Где-то недалеко с влажным хрустом ломались маленькие ветки, потом* ***дождь стихал*** *на минуту,* ***затем снова*** *блестела* ***молния****, гремел* ***гром*** *и* ***опять*** *струи воды с прежней силой начинали стучать по крыше автомобиля. …я запомню навсегда этот* **дождь** *и то* ***состояние*** *полусонного* ***счастья****, которое я ощущал тогда* [18. С. 118–119]. (Состояние «полусонного счастья» героя-рассказчика связано с развитием его отношений с Еленой Николаевной.) Нагнетение статальности (и вместе с этим динамики природной стихии) здесь выражено вариативными корневыми повторами, имеющими градационно-интенсивный характер ***сильный дождь***, ***сильнее и сильнее***, которые актуализуются идеографическими синонимами ***забрызганными***, ***мокрый***, ***влажный***, передающими градационный и интенсивный характер глаголами движения ***струился***, ***тек***. Динамика природного явления также передана фазисными антонимическими глаголами действия (*застучал* / *стих*), словосочетаниями *стих на минуту – затем снова… …опять с прежней силой*.

По наблюдениям литературоведа Е.В. Асмоловой, в текстах писателя «ритм «внешний» «заводит» ритм «внутренний» [21. С. 147]. Так, описание *снега* в произведениях писателя соотносится с состоянием ожидания, волнения, как правило, длительного. Подтверждение сказанному находим в романе «История одного путешествия»: *…с утра* ***шел снег****. На Boissiere он* ***падал*** *с безмолвной торжественностью,* ***шел без конца****, улетая вниз, в незримую глубину; возле Северного вокзала он* ***валился беспорядочно*** *и* ***неравномерно****, превращаясь в жидкую грязь под колесами автомобилей… Володя поднялся и* ***снова*** *вышел под* ***снег****…* ***ожидание*** *сделалось* ***еще томительнее****, и появи-*

лось – неизвестно откуда и совершенно незаметно возникшее – ***ощущение****, будто забыто что-то очень важное… Володя подошел к ней* (Аглае Николаевне) – *и ничего не мог сказать от* ***волнения*** [19. С. 200–201]. *Снег* погружает героев в напряженное эмоциональное состояние ожидания (*еще томительнее*, *волнение*), связанного с воспоминаниями, что здесь представлено имплицитно (*забыто что-то очень важное*). Статальность вместе с динамичностью подобных состояний передается временным наречием *снова*. Интенсификация снегопадания представлена градацией (*шел*, *падал*, *валил*) и предложно-падежным сочетанием *без конца*. Синонимичные наречия *беспорядочно*, *неравномерно* подчеркивают хаотичность этого действия. Аудиальный образ, выраженный метафорическим словосочетанием с *безмолвной торжественностью*, и визуальное представлением в *незримую глубину* имплицитно оценивают дождевую стихию, т.е. соотносятся с импрессивностью.

III. Импрессивная рематическая доминанта.

Импрессивная рематическая доминанта проявляется в тех текстовых фрагментах, «в которых окружающая среда, внешний мир передаются через эмоциональное восприятие субъекта, через производимое на него впечатление» [2. С. 314]. Три природные стихии (*дождь*, *снег* / *метель*, *жара* / *зной*) получают в романах Г.И. Газданова ярко выраженную импрессивность. Приведем текстовый фрагмент из романа «Призрак Александра Вольфа», где состояние природы соответствует внутреннему состоянию героя-рассказчика, в душе которого неизгладимый след оставило убийство в степи: ***Стоял сильный зной****… Солнце было высоко, воздух почти звенел от жары. И я видел перед собой с необъяснимо* ***печальной*** *отчетливостью* ***жаркий*** *летний день,* ***растрескавшуюся*** *черно-серую дорогу… и неподвижное тело Вольфа, лежащее на* ***горячей*** *земле… я* ***чувствовал*** *эту незабываемую,* ***томительную усталость*** *и почти непреодолимое желание спать,* ***беспощадный*** *блеск солнца, звенящую жару… Я ехал… по* ***раскаленной*** *земле, в одно из* ***самых жарких*** *лет, какие я знал за всю мою жизнь* [18. С. 8].

Здесь логически ударными являются признаковые слова-интенсивы (сверхинтенсивность провоцирует эмоциональную оценку), а именно: усилительная синонимическая пара *жара-зной*, суперлатив (*самых жарких*), аксиологические прилагательные (*сильный, беспощадный*), два однокоренных повтора (*жара* / *жаркий*; *звенел* / *звенящую*), идеографические синонимы *горячей-раскаленной* (земля), тематический ассоциат *растрескавшуюся*, указывающий на длительную и сильную *жару*. Состояние природы и рассказчика (*я чувствовал*, *необъяснимо печальная отчетливость*, *томительная усталость*) «согласуются» с помощью ярко выраженного соединения рематических доминант статальности, качественности и импрессивности. Наиболее ярко импрессивность (связанная с субъективной оценкой) проявляется в аудиально-тактильных синестетических образах (*звенящая жара*, *звенел от жары*), в которых семантика сверхинтенсивности соединяется с эмоциональной оценкой.

В романе «Возвращение Будды» при описании несправедливого обвинения в убийстве героя-рассказчика актуализуется эмоционально-оценочное восприятие испытываемого им состояния: *…Я знал, что в любую минуту я могу* ***потерять*** *ощущение условной* ***действительности*** *и* ***погрузиться*** *в* ***тягостный*** **бред**, ***становясь*** *на это время* ***совершенно беззащитным****. …Я помню, что я* ***мечтал****, раздеваясь, заснуть без снов, проснуться утром и забыть весь этот* ***ненужный*** *и* ***воображаемый абсурд****. …Я* ***чувствовал по-прежнему тяжесть в голове*** *и* ***странное безразличие*** *ко всему происходящему и успел* ***подумать****,* что *это было похоже на тот* ***длительный бред****, который привел меня в дом предварительного заключения. …Мне опять показалось, что я в* ***бреду*** *и что у меня* ***нет сил*** *из него уйти* [18. С. 195]. *…Я не мог выйти из этого* ***душевного тумана****, хотя я* ***знал****, что* ***дальнейшее пребывание в нем*** *и это* ***абсурдное*** *сознание своей вины – я* ***понимал*** *его* ***нелепость****…* [Там же. С. 232].

Актуализируется прямое и оценочно-характеризуемое значение лексемы *бред*. Переносное значение вступает в синонимические отношения со словами *абсурд* (повторяется его корень – *абсурдный*), *нелепость*. К первому значению лексемы *бред* (1. «Бессвязная, бессмысленная речь больного, находящегося в бессознательном состоянии» [20. Т. 1. С. 114]) возникает синоним, ярко отражающий импрессиональность, – метафорическая перифраза *душевный туман*. Физическое состояние *тяжесть в голове* подчеркивается субъективно-оценочными признаковыми словами: *совершенно*, *странное*, *ненужный* и ранее употребленными атрибутивными словосочетаниями (*тягостный бред*, *длительный бред*), свидетельствующими о нагнетении статальности. На статальную рематичскую доминанту «работают» контекстные поддержки (*всегда*; *ожидать каждую минуту*; *нередко*; *длительный*). Меняется состояние рассказчика (*становясь беззащитным*). Повторяющиеся глаголы (*знал*, *понимал*, *подумать*) обозначают интеллектуальные состояния, в то время как ментальные глаголы (*помню*, *мечтал*) выражают желание и стремление героя-рассказчика выйти из приведенного состояния и жить нормальной жизнью. В данном случае прослеживается специфическая черта языка Г.И. Газданова – совмещение нескольких рематических доминант – статальной, статально-динамической и импрессивной.

Итак, понятие «статальность» соотносится с понятием «состояние», но между ними нет тождества; статальность – одна из характеристик состояния, которая подчеркивает его статичность с напряженной длительностью. В реализации статальной, статально-динамической и импрессивной рематических доминант в языке романов Г.И. Газданова активно участвуют лексические, словообразовательные повторы, синонимы, ассоциативные ряды. Интенсивные переживания, нередко связанные с противоречивыми чувствами героя-рассказчика, выражены индивидуально-

авторскими антонимами (*жалость* / *презрение*, *отвращение* / *тяготение*). Что касается лексико-грамматического выражения логически ударных единиц, то в текстовых фрагментах со статальной рематической доминантой обычно используются отвлеченные существительные и синонимичные глаголы (*испытывать*, *чувствовать*, *переживать*); со статально-динамической – глаголы движения (*струится*, *течет*, *стекает*, *идет*, *падает*) и звучания (*шумит*, *капает*, *звучит*); с импрессивной – оценочные и эмоционально-оценочные прилагательные, наречия.

Новизна результатов исследования рематического доминирования статальных состояний проявляется в следующем. В романах Г.И. Газданова импрессивность в выражении логически ударными словами состояний преобладает, что, видимо, обусловлено ярко выраженной саморефлексийностью героя-рассказчика. Пересечение статальной, качественной и импрессивной рематических доминант часто происходит при описании трех природных стихий (*снег*, *дождь*, *жара*). Импрессивная рематическая доминанта нередко выражается синестетическими аудиально- и визуально-тактильными образами, которые передают эмоциональное восприятие рассказчиком природных стихий. Синестетические образы (например, *звенящая жара*) ярко эксплицируют эмоциональные оценки, связанные с импрессивной доминантой.

Наши наблюдения характерного для языка романов Г.И. Газданова выражения статальных состояний природы и героя-рассказчика в рамках рематических доминант внутри текстовых фрагментов свидетельствуют об особой значимости данного подхода к филологическому анализу текста определенного автора: проявление рематической доминанты в литературном произведении фокусирует взаимодействие разноуровневых средств текстообразования в рамках акцентирования определенной содержательной ремы и обеспечивает более глубокое прочтение произведения, а также выявление специфики индивидуального слога автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Матханова И.П.* Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке. Новосибирск : Издание НГПУ, 2000. 149 с.
2. *Золотова Г.А.* Роль ремы в организации и типологии текста // Синтаксис текста. М. : Наука, 1973. С. 300–319.
3. *Бабенко Л.Г.* Лингвистический анализ художественного текста: теория и практика. М. : Флинта : Наука, 2006. 496 с.
4. *Апресян Ю.Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М. : Наука, 1992. 252 с.
5. *Апресян Ю.Д.* Фундаментальная классификация предикатов // Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М. : Языки славянских культур, 2006. С. 76–110.
6. *Зализняк А.А.* Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. Мюнхен, 1992. 201 с.
7. *Падучева Е.В.* Семантические исследования. (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива.) М. : Школа «Языки русской культуры», 2010. 480 с.
8. *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М. : Языки славянских культур, 2004. 607 с.
9. *Бабенко Л.Г.* Текстовая конкретизация семантики глаголов чувств в художественной речи // Классы глаголов в функциональном аспекте: сб. науч. тр. / отв. ред. Э.В. Кузнецова. Свердловск : Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, 1986. С. 45–53.
10. *Камалова А.А.* Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Уфа, 1999. 23 с.
11. *Маслов Ю.С.* Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Очерки по аспектологии. Л. : Ленинград. гос. ун-т, 1984. С. 48–65.
12. *Бондарко А.В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление). М. : Просвещение, 1971. 239 с.
13. *Селиверстова О.Н.* Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // Семантические типы предикатов. М. : Наука, 1982. С. 86–158.
14. *Гловинская М.Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М. : Наука, 1982. 155 с.
15. *Гловинская М.Я.* Глаголы со значением передачи информации // Язык о языке / ред. Н.Д. Арутюнова. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 403–416.
16. *Васильев Л.М.* Предикаты состояния в современном русском языке // Исследования по семантике. (Семантика языка и речи). Межвуз. сб. науч. тр. Уфа : Изд-во Башкир. ун-та, 1991. С. 32–51.
17. *Булыгина Т.В.* Семантические типы предикатов / отв. ред. О.Н. Селиверстова. М. : Наука, 1982. 365 с.
18. *Газданов Г.И.* Собрание сочинений : в 5 т. М. : Эллис Лак, 2009. Т. 3. 736 с.
19. *Газданов Г.И.* Собрание сочинений : в 3 т. М. : Согласие, 1999. Т. 1. 720 с.
20. *Словарь* русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1985.
21. *Асмолова Е.В.* Своеобразие художественного психологизма в романах Газданова : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 201 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 5 ноября 2015 г.

ACTUALIZATION OF TEXTUAL COMMENT DOMINANTS IN THE EXPRESSION OF STATIC STATES (IN THE LANGUAGE OF THE NOVELS BY G.I. GAZDANOV)

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 49–54. DOI: 10.17223/15617793/401/7

Kukhtenkova Anastasia A. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kuhtenkovaanastasiya@mail.ru

Keywords: semantics of states; static; static-dynamic; impressive comment (rheme) dominants; synesthesia.

The language of the novels by G.I. Gazdanov and the features of the writer's idiostyle have not been studied yet in linguistic terms. The relevance of the article is due to its text-centric orientation, attention to the interaction between lexical-semantic, lexical-grammatical and syntactic language levels in the formation of the structural-semantic integrity, the coherence of an artistic text. Features of text structures correlated with the actualization of comment dominants (G.A. Zolotova), summarized in such functional-stylistic types of text as newspaper and magazine, have never been analyzed in artistic texts, especially in the language of the works of a particular writer. The research is based on the early and late novels by G.I. Gazdanov *The History of a Journey*, *The Flight*, *The Buddha's Return*, *The Specter of Alexander Wolf*. The novelty of this article is in highlighting a feature of e language of the novelist,

namely, the forcing of statics in the depiction of states of nature (dominant elements: snow, blizzard, rain, heat) and physical, emotional and mental states of the characters, especially in the case of a bright self-reflexive narrator. In this regard, the above mentioned texts, with the help of lexical-semantic (synonyms, antonyms, associates) and lexical-grammatical (abstract nouns, verbs of motion and sound, qualitative, evaluative adjectives and adverbs) textual paradigms, often have the following comments (rhemes): static, static-dynamic and impressive. The impressive rheme textual dominant prevails: the external world, natural disasters or internal experiences of the character are evaluated on the basis of emotional perception of the subject, of an impression produced on him. The manifestation of this dominant often occurs together with static and static-dynamic comment dominants. Thus, this research supports the problem of studying the interrelation of the syntax of the sentence and the syntax of the text in the structural-semantic organization of a literary work, and also the problem of describing the specifics of the language personality of a writer and his/her individual style. The study of this topic allows increasing the number of opportunities in consideration of the participation of lexical-semantic paradigms in text formation, provides a deeper reading of the work, and identifies the specifics of the individual style of the author. The prospect of further research is the analysis of manifestations of the static, static-dynamic and impressive comment dominants not within a text fragment (as presented in the recommendations of G.A. Zolotova), but in the large text space of the novel, which will allow to correlate these observations with the content-conceptual information of the artistic work.

REFERENCES

1. Matkhanova, I.P. (2000) *Vyskazyvaniya s semantikoy sostoyaniya v sovremennom russkom yazyke* [Utterances with the semantics of the state in the modern Russian language]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
2. Zolotova, G.A. (1973) Rol' remy v organizatsii i tipologii teksta [The role of the rheme in the organization and typology of the text]. In: Zolotova, G.A. (ed.) *Sintaksis teksta* [Syntax of the text]. Moscow: Nauka.
3. Babenko, L.G. (2006) *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta: teoriya i praktika* [Linguistic analysis of the literary text: theory and practice]. Moscow: Flinta: Nauka.
4. Apresyan, Yu.D. (1992) *Eksperimental'noe issledovanie semantiki russkogo glagola* [An experimental study of the semantics of the Russian verb]. Moscow: Nauka.
5. Apresyan, Yu.D. (2006) Fundamental'naya klassifikatsiya predikatov [A fundamental classification of predicates]. In: Apresyan, Yu.D. (ed.) *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Language picture of the world and systemic lexicography]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
6. Zaliznyak, A.A. (1992) *Issledovaniya po semantike predikatov vnutrennego sostoyaniya* [Studies on the semantics of the predicates of the internal state]. Munich: Verlag Otto Sagner.
7. Paducheva, E.V. (2010) *Semanticheskie issledovaniya. (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa)* [Semantic research. (The semantics of tense and aspect in the Russian language; The semantics of the narrative)]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
8. Paducheva, E.V. (2004) *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexis semantics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
9. Babenko, L.G. (1986) Tekstovaya konkretizatsiya semantiki glagolov chuvstv v khudozhestvennoy rechi [Text specification of the semantics of verbs of feelings in literary speech]. In: Kuznetsova, E.V. (ed.) *Klassy glagolov v funktsional'nom aspekte* [Classes of verbs in a functional aspect]. Sverdlovsk: Ural State University n.a. A.M. Gorky.
10. Kamalova, A.A. (1999) *Semanticheskie tipy predikatov sostoyaniya v sistemnom i funktsional'nom aspektakh* [Semantic types of predicates of states in the system and functional aspects]. Abstract of Philology Dr. Diss. Ufa.
11. Maslov, Yu.S. (1984) Vid i leksicheskoe znachenie glagola v sovremennom russkom literaturnom yazyke [The aspect and the lexical meaning of the verb in the modern Russian literary language]. In: Maslov, Yu.S. (ed.) *Ocherki po aspektologii* [Essays on aspectology]. Leningrad: Leningrad State University. pp. 48–65.
12. Bondarko, A.V. (1971) *Vid i vremya russkogo glagola (znachenie i upotreblenie)* [The tense and aspect of the Russian verb (meaning and use)]. Moscow: Prosveshchenie.
13. Seliverstova, O.N. (1982) Vtoroy variant klassifikatsionnoy setki i opisanie nekotorykh predikativnykh tipov russkogo yazyka [The second version of the classification grid and the description of some predicate types of Russian]. In: Seliverstova, O.N. (ed.) *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic types of predicates]. Moscow: Nauka.
14. Glovinskaya, M.Ya. (1982) *Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavleniy russkogo glagola* [Semantic types of aspect oppositions of the Russian verb]. Moscow: Nauka.
15. Glovinskaya, M.Ya. (2000) Glagoly so znacheniem peredachi informatsii [Verbs with the meaning of information transfer]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Yazyk o yazyke* [Language about the language]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
16. Vasil'ev, L.M. (1991) Predikaty sostoyaniya v sovremennom russkom yazyke [Predicates of the state in modern Russian]. In: Gaysina, R.M. (ed.) *Issledovaniya po semantike. (Semantika yazyka i rechi)* [Research on semantics. (The semantics of language and speech)]. Ufa: Bashkir State University.
17. Bulygina, T.V. (1982) *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic types of predicates]. Moscow: Nauka.
18. Gazdanov, G.I. (2009) *Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Collected Works: in 5 v.]. V. 3. Moscow: Ellis Lak.
19. Gazdanov, G.I. (1999) *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected Works: in 3 v.]. V. 1. Moscow: Soglasie.
20. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1985) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: in 4 v.]. Moscow: Russkiy yazyk.
21. Asmolova, E.V. (2001) *Svoeobrazie khudozhestvennogo psikhologizma v romanakh Gazdanova* [The originality of artistic psychology in the novels by Gazdanov]. Philology Cand. Diss. Moscow.

Received: 05 November 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 55–62. DOI: 10.17223/15617793/401/8

УДК 81'1

А.А. Миклашевский

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРОВ ПОЛА И ВОЗРАСТА НА ПРОЦЕССЫ ВЕРБАЛЬНОГО VS ОБРАЗНОГО КОДИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Научное исследование (№ 8.1.37.2015) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд им. Д.И. Менделеева Томского государственного университета» в 2014–2015 гг.

Представлен анализ влияния факторов пола и возраста на межгрупповые различия в динамике вербального vs образного кодирования информации, проведенный на материале цепочечного ассоциативного эксперимента. Выявлено, что при заданных условиях фактор возраста значимо влияет на процессы кодирования информации, влияние фактора пола выявлено не было. Предлагается классификация языковых и речевых единиц по их отношению к вербальному vs образному кодированию информации, кратко рассматривается проблема понимания категории конкретности / абстрактности существительных с точки зрения грамматического и когнитивного подходов. Выявленные психолингвистические закономерности рассматриваются в более широком контексте общих когнитивных процессов.

Ключевые слова: вербальное кодирование; образное кодирование; конкретные и абстрактные существительные; ассоциативный эксперимент; количественный анализ; межгрупповые различия.

Введение

Изучение процессов хранения и обработки информации в сознании является одним из центральных направлений развития когнитивной науки в целом и когнитивной лингвистики в частности. При этом на данный момент вопрос о способах кодирования информации не может быть разрешен однозначно. Как в зарубежной, так и в отечественной традиции сосуществуют диаметрально противоположные точки зрения. Например, в работе Р. Солсо представлен анализ трех различных подходов: 1) утверждение равноправия вербальной и образной систем кодирования – гипотеза двойного кодирования; 2) представление о вербальной системе кодирования как основной, концептуально-пропозициональная гипотеза; 3) представление о функциональном подобии внутренних репрезентаций и перцептов, т.е. образов непосредственно воспринимаемых объектов, или гипотеза функциональной эквивалентности [1. С. 329–339].

Представленное исследование опирается на гипотезу двойного кодирования A. Paivio с ее основной идеей базового различения символьной вербальной и образной невербальной систем кодирования информации. В настоящей работе реализован когнитивный подход к языку как средству доступа к мышлению, и языковые единицы рассматриваются как репрезентанты определенных мыслительных процессов, в данном случае образного vs вербального кодирования информации, причем языковые механизмы понимаются как интегрированные в общие психические процессы, хотя и обладающие определенной степенью автономности [2. С. 195–199]. Понятие «образ» истолковывается в расширенном смысле, включая в себя не только продукты зрительного восприятия / представления, но также результаты работы других модальностей восприятия, т.е. под образом понимаются также слуховые, тактильные, обонятельные и вкусовые представления.

Как продемонстрировал в ряде экспериментальных исследований A. Paivio, конкретная и абстрактная лексика хотя и связаны в равной степени с вербальной системой кодирования, отличаются по их отношению к образной системе: образная система принимает относительное участие в кодировании конкретной лексики, в то время как абстрактная лексика кодируется без участия образной системы [3. С. 247–249; 4. С. 408–412].

Развивая эту идею, можно предположить, что различные языковые и речевые единицы могут быть классифицированы по их отношению к вербальному vs образному кодированию информации следующим образом:

– конкретные существительные (тесно связаны с образной системой кодирования, часто усваиваются в более раннем возрасте, получают более высокие оценки по рейтингу образности) [5. С. 1–25; 6. С. 371–383]);

– абстрактные существительные (связаны в большей мере с вербальной системой кодирования, часто усваиваются в более позднем возрасте, получают более низкие оценки по рейтингу образности, многие из них представляют собой «свернутые» пропозиции – например, отглагольные существительные, наименования признаков);

– прилагательные и глаголы (хотя и могут быть тесно связаны с образной системой, как, например, глаголы физического действия [7], однако более обязательно, чем существительные, включены в синтаксические отношения и потому всегда предполагают участие системы вербального кодирования);

– собственно словосочетания – реализация синтаксических отношений, непосредственное проявление работы системы вербального кодирования.

Данная классификация не претендует на полноту и включает только наиболее частотные типы реакций, получаемые при проведении ассоциативного эксперимента (см. ниже).

Когнитивное и грамматическое понимание категории конкретности / абстрактности

В традиционной грамматической теории категория абстрактности / конкретности понимается как лексико-грамматическая в русском языке, т.е. имеет фор-

мальные и семантические основания выделения. В «Русской грамматике» (РГ-80) приведена классификация, в которой выделяются группы конкретных и абстрактных существительных [8. С. 460–461]. Формальным критерием, отличающим конкретные существительные от абстрактных, служит их способность образовывать множественное число. При этом в когнитивной науке разработан другой подход к пониманию категории абстрактности / конкретности, в основу которого положен критерий воспринимаемости референта при помощи органов чувств. Такое представление об абстрактности / конкретности позволяет исследователям заменить номинальную шкалу грамматической теории интервальной или ранговой психолингвистической шкалой, на которой отдельные лексические единицы могут занимать промежуточную позицию между полюсами абстрактности и конкретности, тяготея в большей мере к одному или другому [5. С. 1–25; 6. С. 371–383]. Чтобы наглядно продемонстрировать различия подходов, можно обратиться к паре существительных *война* и *массаж*. Оба слова являются наименованиями процессов / ситуаций, т.е. обобщенно их собственно лексическое значение не различается или различается незначительно. В РГ-80 слово *война* отнесено к разряду конкретных на основании того, что у него есть возможность образовать множественное число (*войны*), в то время как слово *массаж* определяется как абстрактное (ср. **массажи*). При этом очевидно, что с точки зрения собственно когнитивного подхода к категории конкретности / абстрактности слово *война* содержит гораздо меньше перцептивной (воспринимаемой при помощи органов чувств) информации, чем *массаж*, и в этом смысле более абстрактна.

Настоящее исследование потребовало однозначной категоризации существительных как конкретных или абстрактных, однако критерием такой категоризации стал когнитивный параметр – возможность воспринимать референт при помощи органов чувств, что в большей степени, нежели грамматические показатели, отвечает задаче определения вербального vs визуального кодирования информации.

Так, в частности, к конкретным отнесены все вещественные существительные (*вата, вода, водка, воздух, воск, грязь, минералка, пластмасса, пух* и т.д.), номинации предметов (*апельсин, ботинок, гитара, кольцо, пешки, пуговица, шнурки, яблоко* и т.д.), частей тела (*лицо, пальцы, фаланга, рука, кожа* и т.д.). Как конкретные были проинтерпретированы такие существительные, как *небо, туча, облако, свет*; такие лексические единицы, как *взрыв, дождь, затмение, огонь, ливень, пожар, темнота*, хотя и охватывают целую ситуацию или явление, все же легко могут быть представлены и восприняты при помощи органов чувств, поскольку в данных ситуациях возможно выделить ключевой образ предметного типа.

К абстрактным отнесены все наименования качеств и признаков (*бесконечность, жестокость, чистота, удобство*), все наименования процессов и действий (*работа, уборка, бег, полет, горение, прыжки, творчество*), обозначения переживаемых состояний (*жажда, уют, болезнь, наслаждение, пессимизм*), обозначения ситуаций, в которых невозможно выделить один ключевой образ предметного типа (*поминки, Святки, праздник*), наименования государств и мифологических персонажей (*Ева, Зевс, Китай, Россия, СССР*).

Влияние факторов пола и возраста на особенности кодирования информации

Пол и возраст – базовые показатели, по которым чаще всего оценивается выборка в экспериментальных психологических и лингвистических исследованиях, так как с этими показателями связано большое количество вариативности проявления когнитивных процессов. Относительно рассматриваемой проблемы – вербального vs образного кодирования информации – накоплено не так много сведений о половой и возрастной специфичности когнитивной обработки в рамках собственно гипотезы двойного кодирования, однако в психолингвистике и психологии был выявлен ряд закономерностей, связанных с межполовыми и межвозрастными различиями при обработке образной и вербальной информации, а также при употреблении в речи тех или иных частей речи.

При этом данные из различных источников часто оказываются неоднозначными. Так, например, по итогам анализа результатов ЕГЭ 2005 и 2006 гг. специалистами из Центра оценки качества образования сделан вывод о большей сформированности лингвистической компетенции у девушек по сравнению с юношами: девушки показывают более высокие достижения при выполнении заданий повышенного и высокого уровня сложности, «различия в уровне выполнения тех или иных заданий юношами и девушками сохраняются и на когнитивном, и на коммуникативном уровнях» [9. С. 76; 10. С. 84]. Аналогичные данные представлены в квантитативных психолингвистических исследованиях: словарный запас женщин больше, чем словарный запас мужчин [11. С. 140–141]. Можно предположить, что женщины более активно используют вербальную систему кодирования информации, в то время как мужчины – образную. С другой стороны, в литературе отмечается, что в речи мужчин значимо чаще встречаются абстрактные существительные, тогда как в речи женщин – конкретные [11. С. 141; 12]. Это может расцениваться как свидетельство в пользу противоположной точки зрения: для мужчин в большей мере характерен вербальный способ кодирования, а для женщин – образный.

Фактор возраста связан с развитием когнитивных способностей, в том числе способности к символизации и способности к абстрактному мышлению: к 11 годам завершается начальное формирование семиотических функций интеллекта [13. С. 117], однако на протяжении юности (14–17 лет) абстрактно-теоретическое мышление продолжает совершенствоваться [Там же. С. 270]. Следовательно, можно предположить, что с возрастом до определенного момента постоянно возрастает роль вербальной системы кодирования информации (именно для достижения этой цели обучающийся оказывается

включен в такие учебные виды деятельности, как интенсивная обработка устной и письменной речи, устное и письменное порождение речи, заучивание текстов наизусть, освоение терминосистем и т.д.).

Моделирование процесса цепочечного ассоциирования во времени

Для того чтобы наблюдать процесс вербального vs визуального кодирования информации в его динамике, была использована методика цепочечного ассоциативного эксперимента. Данная методика позволяет проследить ассоциативный процесс путем сопоставления отдельных реакций в рамках одной цепочки. В настоящей работе также была выполнена статистическая обработка результатов таких сопоставлений, что дало возможность выявить общие закономерности, не зависящие от индивидуальных особенностей респондентов, а также межгрупповые отличия в проявлении таких закономерностей. Таким образом, можно говорить о математическом моделировании процессов, происходящих при цепочечном ассоциировании, во времени.

В эксперименте каждому респонденту было предложено дать по три ассоциации, следовательно, можно провести по два сопоставления в пределах каждой ассоциативной цепочки (А1–А2; А2–А3). В качестве стимула выступало изображение (т.е. стимул требовал образной обработки), в то время как реакции респондентов представляли собой вербальные ответы и потому требовали участия вербальной системы кодирования. Можно предположить, что при заданных условиях от первой реакции к третьей происходит все большая активация вербальной системы кодирования, и все меньшую роль будет играть визуальная система, что, соответственно, проявится в увеличении с каждой последующей реакцией относительного числа единиц, связанных с символьной вербальной системой, и уменьшении числа единиц, связанных с образной системой кодирования.

Гипотезы

Исходя из сказанного были сформированы следующие гипотезы:

1) фактор возраста окажет влияние на относительную степень участия вербальной vs образной системы кодирования информации: старшие респонденты будут в большей степени использовать вербальную систему обработки, младшие – образную;

2) противоречивые данные, представленные в литературе, позволяют выдвинуть две конкурирующие гипотезы о характере влияния фактора пола на относительную степень участия вербальной vs образной системы кодирования информации в ходе ассоциативного процесса: 1) для женщин будет в большей степени характерна вербальная обработка информации, в то время как для мужчин – образная; 2) для мужчин будет в большей степени характерна вербальная обработка информации, в то время как для женщин – образная;

3) фактор порядка реакции окажет влияние на относительную степень участия вербальной vs образной системы кодирования информации: от первой ассоциации к третьей будет постоянно возрастать роль вербальной системы кодирования информации, а роль образной – уменьшаться.

Каждая из гипотез содержит утверждение о работе вербальной vs образной систем кодирования информации, которая является не наблюдаемой непосредственно. Степень участия каждой из систем оценивается по относительному количеству единиц-репрезентантов, выражающих работу одной и второй системы кодирования информации (классификация единиц по данному признаку приведена выше).

Эксперимент

Дизайн эксперимента

Для проверки выдвинутых гипотез был проведен цепочечный ассоциативный эксперимент, разработанный и апробированный А.Н. Леонтьевым [14. С. 71]. В эксперименте использовались 13 стимульных изображений, из которых 6 представляли собой одиночные фотографические изображения, а другие 7 изображений были подчеркнуто нежизнеподобные (рисунки, живопись) или неодиночные (образы в контексте). В данном исследовании для анализа были отобраны только реакции на одиночные жизнеподобные изображения (свеча, стакан, облако, женская рука, мужской ботинок, яблоко), остальные изображения выступили в качестве отвлекающих стимулов (филлеров).

Испытуемые фиксировали в анкете пол, возраст. Все возможные экспериментальные условия приведены в табл. 1.

Таблица 1

Все возможные экспериментальные условия

Пол испытуемых	Школьники / студенты	Ассоциация 1 (А)	Ассоциация 2 (В)	Ассоциация 3 (С)
Мужчины	**Школьники**	Условие 1a	Условие 1b	Условие 1c
	Студенты	Условие 2a	Условие 2b	Условие 2c
Женщины	**Школьники**	Условие 3a	Условие 3b	Условие 3c
	Студенты	Условие 4a	Условие 4b	Условие 4c

Ход эксперимента

13 стимульных изображений демонстрировались на экране при помощи проектора. Испытуемым предлагалось дать по три ассоциации к каждому изображению. Испытуемым была предъявлена инструкция в устной форме, которая также была отпечатана перед каждой анкетой: *«Посмотрите, пожалуйста, на*

изображение, а затем напишите по порядку три ассоциации, которые возникли у вас». Ниже располагалась таблица, содержащая 13 строк (по числу стимульных изображений) и 3 столбца (количество ассоциаций к каждому изображению). Респондентам 12–14 лет задавался вопрос о значении слова *ассоциация*, при необходимости делалось соответствующее разъяснение. Время не было ограничено, экспериментатор сменял изображение на экране после того, как вся аудитория выполнит задание.

Участники

Всего в эксперименте участвовало 67 испытуемых, из них 40 школьников (возраст 11–14 лет, медиана – 13 лет), 27 студентов (возраст 17–20 лет, медиана – 18 лет). Среди участников эксперимента был 21 мужчина.

Таблица 2

Структура выборки

Пол испытуемых	Школьники	Студенты
Мужчины	19	2
Женщины	21	25

Собранные данные

Всего было получено 67 анкет, которые содержали 871 ассоциативный ряд. Из этого числа были исключены 3 анкеты (содержали менее 25% ответов либо содержание ассоциаций явно не связано со смыслом изображений), а также отдельные ряды, содержащие менее трех ассоциаций либо написанные неразборчиво. Таких рядов в общей сложности было 35. Всего, таким образом, из 871 ряда ассоциаций было исключено 74 (= 3×13 + 35), что составило 8,5%. Таким образом, на данном этапе обработки данных осталось 797 (= 87 – 74) ассоциативных рядов, данных 64 респондентами (= 67 – 3). Следующим шагом стал отбор реакций на одиночные фотографические изображения предметов (6 слайдов, или 46% стимульного материала), что составило 368 ассоциативных рядов (по 3 ассоциации в каждом). В дальнейшем все вычисления делаются относительно этих данных.

Данные по частям речи

Обработка данных началась с определения части речи каждой отдельной реакции. Отдельную группу составили словосочетания (например, *новая модель, выключили свет, крем для рук, поправить маникюр* и т.д.). В скобках указан процент каждого типа реакций по отношению к общему числу реакций данного порядка (368), т.е. первой реакции (a), второй (b) или третьей (c) (табл. 3).

Таблица 3

Распределение реакций по частям речи

Части речи	Ассоциация 1 (a)	Ассоциация 2 (b)	Ассоциация 3 (c)
Существительные	**325 (88%)**	**302 (82%)**	**296 (80%)**
Прилагательные	*16 (4%)*	*28 (8%)*	*28 (8%)*
Наречия	*7 (2%)*	*11(3%)*	*6 (2%)*
Глаголы	*0*	*5 (1%)*	*7 (2%)*
Междометия	*0*	*0*	*1 (< 1%)*
Числительные	*0*	*1(< 1%)*	*1 (< 1%)*
Местоимения	*0*	*1 (< 1%)*	*0*
Словосочетания	*20 (5%)*	*20 (5%)*	*29 (8%)*
Итого не-существительных	**43 (11%)**	**66 (17%)**	**72 (20%)**
Общее число реакций	**368 (100%)**	**368 (100%)**	**368 (100%)**

Как видно из табл. 3, при заданных условиях эксперимента количество реакций-существительных значительно больше, чем количество всех прочих частей речи, даже вместе взятых. При этом можно наблюдать, что соотношение существительных и не-существительных значимо меняется во времени (рис. 1): среди первых реакций существительных больше, чем среди последующих (при сравнении данных по первой и второй ассоциациям между собой по методу хи-квадрат [15. С. 137–151] при количестве степеней свободы $\nu = 1$, $\chi^2 = 5{,}66$; различия значимы на уровне $p = 0{,}05$), причем сокращение числа существительных происходит на фоне увеличения числа глаголов, прилагательных и словосочетаний, что, вероятно, отражает активацию механизмов вербальной обработки информации, разворачивание синтаксических последовательностей, пропозициональных структур в сознании респондентов. Сравнение второй и третьей ассоциаций не показало статистически значимых отличий ($\nu = 1$; $\chi^2 = 0{,}34$; $p > 0{,}05$), следовательно, соотношение между количеством существительных и других частей речи значимо меняется только на начальном этапе ассоциирования.

Поскольку существительные составляют большую часть всех реакций и, следовательно, являются репрезентативными, они были выбраны в качестве показателя вербальной и визуальной обработки информации для дальнейшего анализа. Все существительные были разделены на конкретные и абстрактные в соответствии с критериями, описанными выше.

В табл. 4, 5 представлено количественное соотношение конкретных / абстрактных существительных по каждому из возможных экспериментальных условий.

Влияние фактора возраста испытуемых на переменную

В соответствии с первой гипотезой (о влиянии фактора возраста на распределение конкретных vs абстрактных существительных) старшие респонденты должны значимо чаще реагировать абстрактными существительными, в то время как младшие – конкретными. Сравнение данных для школьников и студен-

тов показало, что различия значимы: по сравнению со студентами школьники чаще реагируют конкретными существительными и реже – абстрактными ($\nu = 1$; $\chi^2 = 144{,}65$; $p = 0{,}01$).

График на рис. 2 показывает относительное количество конкретных и абстрактных существительных (процент от общего количества реакций) среди ответов школьников и студентов.

Рис. 1. Изменение относительного числа существительных и не-существительных во времени в зависимости от порядка ассоциации

Таблица 4

Распределение конкретных / абстрактных существительных по экспериментальным условиям

Пол испытуемых	Школьники / студенты	Ассоциация 1 (A)	Ассоциация 2 (B)	Ассоциация 3 (C)	Общее число
Мужчины	**Школьники**	86 / 9	75 / 13	71 / 12	232 / 34
	Студенты	4 / 0	2 / 4	3 / 3	9 / 7
Женщины	**Школьники**	90 / 7	72 / 9	70 / 8	232 / 24
	Студенты	83 / 46	58 / 69	66 / 63	207 / 178
Общее число		263 / 62	207 / 95	210 / 86	680 / 243

Примечание. Все последующие виды анализа основаны на данных из этой таблицы.

Таблица 5

Различия по возрасту (процент указан по отношению к общему количеству реакций каждой из групп)

Показатель	Школьники	Студенты
Конкретные существительные	464 (71%)	216 (48%)
Абстрактные существительные	58 (9%)	185 (41%)
Общее количество существительных	522 (80%)	401 (89%)
Общее количество реакций	654 (100%)	450 (100%)

Рис. 2. Соотношение конкретных и абстрактных существительных среди реакций школьников и студентов

Влияние фактора пола испытуемых на переменную

Поскольку в ходе эксперимента не удалось собрать достаточное количество участников-мужчин старшей группы (студентов), сравнение между полами было проведено только для младшей группы (школьников). В соответствии со второй гипотезой ожидалось выявить различия в количестве конкретных и абстрактных существительных, причем направление этих различий оставалось неясным. Анализ не выявил статистически значимых различий в реагировании конкретными vs абстрактными существительными между респондентами мужского и женского пола ($\nu = 1$; $\chi^2 = 1{,}55$; $p > 0{,}05$), т.е. мужчины и женщины в данном возрасте не различаются по количеству конкретных vs абстрактных существительных, даваемых в качестве реакций при ассоциативном эксперименте.

Соотношение факторов возраста и пола с динамикой кодирования

Для того чтобы смоделировать ассоциативный процесс во времени, было сопоставлено между собой количество конкретных / абстрактных существительных в первой (a) и второй (b) ассоциациях, затем – во второй (b) и третьей (c) (табл. 6).

Таблица 6

Различия между полами (рассчитаны только для школьников; процент указан по отношению к общему количеству реакций каждой из групп)

Показатель	Мужчины	Женщины
Конкретные существительные	232 (75%)	232 (67%)
Абстрактные существительные	34 (11%)	24 (7%)
Общее количество существительных	266 (86%)	256 (74%)
Общее количество реакций	309 (100%)	345 (100%)

Таблица 7

Соотношение конкретных и абстрактных существительных по трем ассоциациям (процент указан по отношению к общему количеству реакций данного порядка – 368)

Показатель	Ассоциация 1 (a)	Ассоциация 2 (b)	Ассоциация 3 (c)
Конкретные существительные	263 (71%)	207 (56%)	210 (57%)
Абстрактные существительные	62 (17%)	95 (26%)	86 (23%)
Всего существительных	325 (88%)	302 (82%)	296 (80%)
Общее количество реакций	368 (100%)	368 (100%)	368 (100%)

Можно заметить, что количество конкретных существительных значительно превышает количество абстрактных, причем это соотношение сохраняется на каждом этапе (для первой, второй и третьей ассоциаций) (табл. 7). При этом количество конкретных существительных значимо уменьшается от первой ассоциации ко второй; соответственно, количество абстрактных существительных растет ($\nu = 1$; $\chi^2 = 12{,}8$; $p = 0{,}01$); различия между второй и третьей ассоциациями не значимы ($\nu = 1$; $\chi^2 = 0{,}43$; $p > 0{,}05$). Таким образом, на основании этих данных третья гипотеза (об уменьшении числа конкретных существительных) подтверждена, причем уменьшение числа конкретных существительных происходит только на начальном этапе ассоциативного процесса (рис. 3).

Рис. 3. Изменение относительного числа конкретных и абстрактных существительных во времени в зависимости от порядка ассоциации

Чтобы выяснить, как соотносятся факторы пола и возраста с наблюдаемыми изменениями в процессах кодирования (разница между условиями a и b), были проведены еще три анализа, в которых соотношение абстрактных и конкретных существительных в качестве первой и второй реакции сравнивалось по отдельности для школьников (условия 1a и 1b), школьниц (условия 3a и 3b), студенток (условия 4a и 4b) (табл. 8). Различия для школьников оказались не значимыми ($\nu = 1$; $\chi^2 = 1{,}22$; $p > 0{,}05$), для школьниц можно говорить о маргинальном эффекте ($\nu = 1$; $\chi^2 = 3{,}72$; $p > 0{,}05$; критическое значение χ^2 – 3,841), для студенток различия значимы ($\nu = 1$; $\chi^2 = 9{,}02$; $p = 0{,}01$).

Таблица 8

Распределение конкретных и абстрактных существительных по первым двум ассоциациям a и b (процент указан по отношению к общему количеству реакций данного порядка – 368)

Пол испытуемых	Школьники / школьницы / студентки	Ассоциация 1 (a)		Ассоциация 2 (b)	
		Конкр	Абстр	Конкр	Абстр
Мужчины	**Школьники**	86 (23%)	9 (2%)	75 (20%)	13 (4%)
Женщины	**Школьницы**	90 (24%)	7 (2%)	72 (20%)	9 (2%)
	Студентки	83 (23%)	46 (13%)	58 (16%)	69 (19%)
Общее число реакций		368 (100%)		368 (100%)	

График на рис. 4 отражает соотношение абстрактных существительных к общему числу реакций для школьников, школьниц и студенток вуза по первым двум ассоциациям a и b. На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что эффект увеличения числа абстрактных существительных и уменьшения числа конкретных в начале процесса ассоциирования статистически значимо проявляется у студенток, возможно – у школьниц, но не у школьников.

Рис. 4. Отношение абстрактных существительных к общему числу реакций для первой и второй реакции у разных групп испытуемых (школьники, школьницы, студентки)

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Фактор возраста оказывает значимое влияние на межгрупповые различия процессов вербального vs образного кодирования: соотношение конкретных и абстрактных существительных среди реакций старших респондентов отличается от аналогичного соотношения у младших испытуемых (сравнительно большее количество абстрактных и меньшее количество конкретных существительных у старших испытуемых).

2. Фактор пола не оказывает значимого влияния на межгрупповые различия процессов вербального vs образного кодирования информации у школьников.

3. При рассмотрении динамики кодирования во времени был выявлен эффект значимого изменения соотношения конкретных и абстрактных существительных после первой реакции (увеличение относительного числа абстрактных и уменьшение относительного числа конкретных). Детальный анализ показал, что данный эффект возникает только у группы старших респондентов (студенток). Также был выявлен аналогичный эффект – уменьшение относительного количества существительных и увеличение относительного количества других реакций (несуществительных) после первой ассоциации (межгрупповое сравнение не проводилось).

Кроме того, было обнаружено, что существительные составляют большую часть всех реакций при заданных условиях эксперимента; абсолютное количество конкретных существительных среди реакций учащихся 11–14 лет значительно выше, чем абсолютное количество абстрактных, на всех этапах реагирования (среди первых, вторых и третьих ассоциаций).

Обсуждение результатов

В настоящем исследовании показано, что фактор возраста оказывает значимое влияние на межгрупповые различия процессов вербального vs образного кодирования информации: старшие респонденты в большей степени используют вербальную систему, чем младшие, в то время как младшие в большей мере задействуют образное кодирование. Влияние фактора пола на особенности вербального vs образного кодирования при заданных условиях выявлено не было. Это можно объяснить тем, что психолингвистические исследования, в которых были выявлены закономерности употребления конкретных и абстрактных существительных, проводились с участием взрослых респондентов, в то время как в представленном исследовании анализировались данные респондентов 11–14 лет; возможно, что выявленные ранее закономерности еще не проявляются в данном возрасте. Это позволяет поставить вопрос о возрастной специфичности проявления тех или иных статистических показателей в речи и о необходимости разработки норм частотности для разных возрастных групп.

Был обнаружен эффект уменьшения относительного числа существительных и увеличения относительного числа не-существительных после первой реакции (межгрупповое сравнение не проводилось), который представляется изоморфным по отношению к эффекту увеличения относительного числа абстрактных существительных и уменьшения конкретных на том же временном отрезке (вторая закономерность выявлена только в группе женщин 17–20 лет). Данные эффекты могут быть рассмотрены в контексте общеизвестной психолингвистической закономерности – при цепочечном ассоциировании вторая реакция часто представляет собой ответ не на изначальный стимул, а на первую реакцию самого респондента (т.е. на вербальный стимул, а не на визуальный в данном случае), однако эта закономерность сама по себе никак не объясняет изменения соотношения реакций разного типа (существительных и несуществительных, конкретных и абстрактных существительных). Такое объяснение требует еще одного промежуточного звена – учета противопоставления вербального и образного кодирования в когнитивной системе человека. Таким образом, можно предположить, что именно типом стимула (образ vs слово) оказывается обусловлена активация той или иной системы кодирования, что и приводит к наблюдаемым эффектам. Данная модель требует экспериментального подтверждения на материале любого цепочечного эксперимента с вербальными стимулами – согласно предложенной гипотезе, в таком эксперименте не должны наблюдаться выявленные эффекты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Солсо Р.* Когнитивная психология. 6-е изд. СПб. : Питер, 2011.
2. *Резанова З.И.* Когнитивная лингвистика в парадигмах лингвистического функционализма и интегральных концепций сознания // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 334.
3. *Nicholas A. Kuiper, Allan Paivio.* Incidental recognition memory for concrete and abstract sentences equated for comprehensibility // Bulletin of the Psychonomic Society. 1977. Vol. 9, is. 4. First online: 2013. 14 November.
4. *Paivio A., Begg I.* Imagery and comprehension latencies as a function of sentence concreteness and structure // Perception & Psychophysics. 1971. Vol. 10, Is. 6.
5. *Paivio A., Yuille J.C., Madigan S.A.* Concreteness, imagery, and meaningfulness values for 925 nouns // Journal of Experimental Psychology. Monograph Supplement. 1968. Vol. 76, № 1.
6. *Clark J. M., Paivio A.* Extensions of the Paivio, Yuille, and Madigan (1968) norms // Behavior Research Methods, Instruments, & Computers. 2004. Vol. 36, № 3.
7. *Gradinarova G., Janyan A.* Effector-Specific Motor Simulation in Idiom Processing // European Perspectives on Cognitive Science / eds. B. Kokinov et al. Sofia : New Bulgarian University Press, 2011.
8. *Русская* грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980. Т. 1.
9. ФИПИ. Результаты единого государственного экзамена (май–июнь 2005 г.): аналитический отчет. М., 2005.
10. ФИПИ. Результаты единого государственного экзамена (май–июнь 2006 г.). М., 2006.
11. *Вейлерт А.А.* О зависимости количественных показателей единиц языка от пола говорящего лица // Вопросы языкознания. 1976. № 5.

12. *Кирилина А., Томская М.* Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_7.html (дата обращения: 09.01.2015).
13. *Шаповаленко И.В.* Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). М. : Гардарики, 2005.
14. *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность // Избранные психологические произведения : в 2 т. М. : Педагогика, 1983. Т. 2.
15. *Ермолаев О.Ю.* Математическая статистика для психологов. М. : Флинта, 2003.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 ноября 2015 г.

THE INFLUENCE OF AGE AND SEX ON VERBAL VS VISUAL PROCESSING OF INFORMATION: AN EXPERIMENTAL STUDY

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 55–62. DOI: 10.17223/15617793/401/8

Miklashevsky Aleksey A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: armanster31@gmail.com

Keywords: verbal processing; visual processing; concrete and abstract nouns; associative experiment; quantitative analysis; differences between groups.

The analysis of the influence of participants' sex and age on the verbal vs visual information processing dynamics is presented. According to the dual-coding hypothesis by A. Paivio, there are two basic codes in a human's cognitive system: verbal and visual. Experimental studies carried out by A. Paivio showed that concrete nouns are connected with the visual system to a greater extent than abstract nouns. In the present article, the idea is developing that different speech and language units can be classified regarding their relation to one or the other system: it is suggested that verbs, adjectives and phrases are much more connected with the verbal system than abstract nouns. Abstract nouns, in turn, are more connected with the verbal system than concrete ones. At the same time, the problem of distinguishing abstract from concrete nouns arises. In the Russian grammar tradition, a rule exists according to which nouns may be divided into abstract and concrete by the presence or absence of a plural form; this criterion is strictly formal. In the present research, another criterion was used which is cognitive: the ability to perceive an object by one's perceptive organs. In order to prove the hypothesis of influence of subjects' sex and age on verbal vs visual coding dynamics, a chain associative experiment was carried out where images were used as stimuli. Different types of associations served as indicators of verbal vs visual coding system activity. The results showed that age affects coding differences (older participants react by a greater relative number of abstract nouns; younger participants react by a greater number of concrete nouns); the influence of sex was not found. By modeling an associative process in the course of time, the effect of an increase in the relative number of abstract nouns and decrease in the relative number of concrete nouns after the first association was discovered (this effect was found only for the group of women aged 17–20). Also a decrease in the relative number of nouns and an increase in the relative number of other reactions (non-nouns) were discovered at the same moment. These results are considered as a result of the verbal coding system activation which is caused by the task specificity (to provide verbal associations). Discovered psycholinguistic regularities are discussed in terms of general human's cognitive processes. It is proposed to carry out a chain associative experiment where stimuli are verbal in order to examine the proposed hypotheses.

REFERENCES

1. Solso, R. (2011) *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive Psychology]. 6th ed. St. Petersburg: Piter.
2. Rezanova, Z.I. (2010) Cognitive linguistics in the paradigms of linguistic functionalism and integral concepts of cognition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 334. pp. 195–199. (In Russian).
3. Kuiper, N.A. & Paivio, A. (1977) Incidental recognition memory for concrete and abstract sentences equated for comprehensibility. *Bulletin of the Psychonomic Society*. 9:4.
4. Paivio, A. & Begg, I. (1971) Imagery and comprehension latencies as a function of sentence concreteness and structure. *Perception & Psychophysics*. 10:6.
5. Paivio, A., Yuille, J.C. & Madigan, S.A. (1968) Concreteness, imagery, and meaningfulness values for 925 nouns. *Journal of Experimental Psychology*. Monograph Supplement. 76:1.
6. Clark, J.M. & Paivio, A. (2004) Extensions of the Paivio, Yuille, and Madigan (1968) norms. *Behavior Research Methods, Instruments, & Computers*. 36:3. DOI: 10.3758/BF03195584
7. Gradinarova, G. & Janyan, A. (2011) Effector-Specific Motor Simulation in Idiom Processing. In: Kokinov, B. et al. (eds) *European Perspectives on Cognitive Science*. Sofia: New Bulgarian University Press.
8. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. V. 1. Moscow: Nauka.
9. The Federal Institute for Education Measurement. (2005) *Rezul'taty edinogo gosudarstvennogo ekzamena (may–iyun' 2005 g.): analiticheskiy otchet* [The results of the unified state examination (May–June 2005): an analytical report]. Moscow.
10. The Federal Institute for Education Measurement. (2006) *Rezul'taty edinogo gosudarstvennogo ekzamena (may–iyun' 2006 g.)* [The results of the unified state examination (May–June 2006)]. Moscow.
11. Veylert, A.A. (1976) O zavisimosti kolichestvennykh pokazateley edinits yazyka ot pola govoryashchego litsa [On the dependence of quantitative units of the language on the sex of the speaker]. *Voprosy yazykoznaniya*. 5.
12. Kirilina, A. & Tomskaya, M. (2005) Lingvisticheskie gendernye issledovaniya [Linguistic gender studies]. *Otechestvennye zapiski*. 2. [Online]. Available from: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_7.html. (Accessed: 9 January 2015).
13. Shapovalenko, I.V. (2005) *Vozrastnaya psikhologiya (Psikhologiya razvitiya i vozrastnaya psikhologiya)* [Age Psychology (Developmental Psychology and Age Psychology)]. Moscow: Gardariki.
14. Leont'ev, A.N. (1983) Deyatel'nost', soznanie, lichnost' [Activity, consciousness, personality]. In: Leont'ev, A.N. *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya: v 2 t.* [Selected psychological works: in 2 v.]. Moscow: Pedagogika.
15. Ermolaev, O.Yu. (2003) *Matematicheskaya statistika dlya psikhologov* [Mathematical statistics for psychologists]. Moscow: Flinta.

Received: 24 November 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 63–68. DOI: 10.17223/15617793/401/9

УДК 82.02

С.А. Огудов

ДИЕГЕЗИС И ГРОТЕСК: КИНОАДАПТАЦИЯ «ШИНЕЛИ» Ю.Н. ТЫНЯНОВА

Рассматривается взаимосвязь концепций формализма, сценарного творчества Тынянова и кино. Произведения Гоголя, понимаемые как гротеск, послужили основой для написания сценария «Шинель» и дальнейшей работы над фильмом. Кино как объект формализма по своим характеристикам сближалось с творчеством Гоголя, и потому постановка «Шинели» эксплицировала гротескные свойства самого кинематографа. С позиций современной теории гротеск можно определить, основываясь на нарратологическом понятии диегезиса.

Ключевые слова: гротеск; сценарий; формализм; Гоголь; кино; диегезис; авангард.

Фильм Г.М. Козинцева и Л.З. Трауберга «Шинель», снятый по сценарию Ю.Н. Тынянова, является киноадаптацией, где обращение к литературному первоисточнику предполагает теоретический подход. При рассмотрении литературного творчества Тынянова в перспективе формализма нужно отметить, что формализм не только способствовал интерпретации кино в 1920-е гг. и позже, но и сам был условием появления ряда фильмов. С момента выхода на экраны в 1926 г. «Шинель» привлекает внимание исследователей и кинокритиков как фильм «формалистический», что влияет и на диапазон оценок – от негативных до очень положительных. Среди наиболее важных работ отметим исследования В.В. Недоброво [1], Е.С. Добина [2], Ю.Г. Цивьяна [3], Я.Л. Бутовского [4].

Указанные авторы уделяют подробное внимание сюжету фильма, интертекстуальному фону, операторскому мастерству и режиссуре. Но связь с формализмом как сложным многоэтапным явлением в научной и культурной жизни авангарда сводится лишь к проведению параллелей со статьёй Эйхенбаума «Как сделана “Шинель” Гоголя» либо изучению игры источников, осуществляемой сценаристом. Между тем не прояснёнными остаются сам образ кинематографа в сценарии Тынянова и значение творчества Гоголя в связи с формалистским понятием гротеска.

О.А. Ханзен-Лёве в книге «Русский формализм: методологическая реконструкция на основе принципа остранения» [5] выделяет три стадии развития формального метода. На первой стадии происходят теоретизация художественной практики авангарда и возникновение таких первичных понятий, как «сдвиг», «фактура», «остранение». На второй стадии формируется представление о сюжете, фабуле, стихе, кино и других основополагающих категориях. Нас будет интересовать третья стадия: изучение влияния формальной школы на широкий круг культурных процессов и возможность стимулирования их динамики. Методологические позиции формализма не только в значительной мере определяли творчество самих представителей школы, но и соотносились со многими аспектами литературной современности. Формалисты активно принимали участие в дискуссиях, были наставниками и литературными критиками. «Третья фаза развития формализма» предполагала реализацию положений формального метода в синхронном культурном процессе, поскольку исследователи в своих высказываниях неизбежно интерпретативно воссоздавали собственный предмет: такая интерпретация становилась репрезентативной для синхронного восприятия. Претендующие на универсальную значимость литературоведческие высказывания становились оценочными или даже предписывающими по отношению к творчеству конкретных авторов. Например, формалисты настаивали на сохранении и развитии тенденций, которые они считали продуктивными. В частности, Шкловский одновременно поддерживал «сюжетность» и «орнаментальность» в современной прозе; общение с группой «Серапионовы братья» способствовало использованию формального метода при обосновании сюжета без психологической мотивировки в прозе Каверина и Лунца.

Обозначение «младших жанров» как культурных феноменов привело формалистов в кинематограф. Вопреки утверждениям об автономности в теоретическом смысле кино было коррелятом литературы. Понятия, обоснованные на литературном материале, использовались и при объяснении кино. Сюда можно отнести и представление о сюжете, и концепцию единства и тесноты стихового ряда, и дискуссию о «киноправде», в ходе которой Шкловский объяснял фильмы Вертова, основываясь на теории остранения. Не следует считать, что кинематограф был некой «огороженной» областью среди многочисленных интересов формалистов. Его изучение проходило в неизбежном диалоге с литературоведением и затрагивало все основные вопросы поэтики.

Широкое распространение кинематографической образности в 1920-е гг. остро поставило вопрос о работе с реальностью в искусстве. Обилие «натуралистического» шаблонного кинематографа подводило формалистов к проблеме реальности в кино, парадоксальным образом связанной с изучением произведений Н.В. Гоголя. Режиссёр Г.М. Козинцев писал, что «Шинель» была полемическим фильмом, она была направлена против старых экранизаций, где «Лермонтов походил на Толстого, как родной брат» [6. С. 107]. Для того чтобы произошло выведение восприятия из автоматизма, на экране необходимо было воссоздать специфическую «манеру Гоголя». Значение этой «манеры» Тынянов поясняет уже в «Предварительных замечаниях»: «Сценарий рассчитан не на психологическую, а на гротескную постановку, где гротеск возникает из “передержки” натурализма» [Там же. С. 61]. Возможность нового кинематографа связывалась сценаристом и режиссёрами с «проекцией» творчества Гоголя на экран.

Указание на гротеск как главную особенность произведений Гоголя характерно для формальной

школы. В этом плане нужно отметить работы Б.М. Эйхенбаума [7], В.В. Виноградова [8] и Я.О. Зунделовича [9]. У формалистов термин «гротеск» не имеет чёткой дефиниции, поэтому мы произвели аналитическое расщепление его значений, выделив композиционный и диегетический аспекты. Отсутствие у формалистов телеологической теории композиции, которая предполагает принцип целесообразности и проецирует его на расположение частей, позволило им называть гротеском саму композицию текста. В этом случае содержательно-тематические компоненты текста «становятся пассивным объектом трансформации с помощью автономных сюжетных структур…» [5. С. 255]. Гротеск в первом значении можно определить как контрастное немотивированное соединение Гоголем фрагментов текста, рассчитанное на отстраняющий сенсибилизирующий эффект. В этом смысле характерными являются следующие высказывания о гротеске: «Но мысль о механической спайке отдельных, часто чужих кусков как метода композиционного объединения у Гоголя следует приветствовать» [8. С. 207]; «Этот намеченный в первой части рисунок, в котором чисто анекдотический сказ переплетается с мелодраматической и торжественной декламацией, определяет и всю композицию “Шинели” как гротеска» [7. С. 162][1]. Мы полагаем, что нетелеологические, монтажные свойства композиции произведений Гоголя позволили формалистам применить к ней термин «гротеск» *по аналогии* с деструктивным «миром искусственных переживаний». Определению диегетического измерения гротеска и его реализации в сценарии и фильме «Шинель» будет посвящена настоящая работа.

Интересующее нас значение гротеска раскрывается в ряде исследований, посвящённых Гоголю. Б.М. Эйхенбаум в статье «Как сделана “Шинель” Гоголя» так характеризует работу с реальностью в творчестве писателя: «Стиль гротеска требует, чтобы… описываемое положение или событие было замкнуто в маленький до фантастичности мир искусственных переживаний… совершенно отгорожено от большой реальности, от настоящей полноты душевной жизни…» [7. С. 162]. Тынянов в работе «Достоевский и Гоголь: к теории пародии» [11] выделяет «словесные маски» (Акакий Акакиевич, Коробочка), на основе которых писатель может определить «движение» «вещной маски». Фамилию как «словесную маску» Гоголь сначала превращает в маску «вещную» («наружность» персонажа), а потом создаёт её «движение», т.е. вовлекает в сюжетное построение. Таким способом создавая гротескный непсихологический персонаж. Отметим здесь, что в связи с диегезисом гротеск рассматривает и Я.О. Зунделович. В статье «Поэтика гротеска» он предлагает определение: «Гротеск в широком смысле – направленность действий и положений, при которой утрируется какое-либо явление путём перемещения плоскостей, в которых оно обычно строится» [9. С. 136–137]. Согласно Зунделовичу Гоголь не имел выхода из «сковывающей данности». Такой выход он искал в творчестве, где происходило «искажение данности». Она переставала быть привычной, потому что писателем совершалось «разрушение и воссоздание её по своей воле» [9. С. 137]. Зунделович уделяет внимание «явлению» и «данности», которые и относятся к диегетическому миру, отличному от текстуального измерения композиции. Конечно, полноценному разбору определений гротеска в работах формалистов следовало бы посвятить отдельную статью. Но в нашем случае достаточно тех примеров, которые приведены выше.

Почему обращение к диегезису в сценарии и фильме «Шинель» становится столь важным при изучении реализации гротеска? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к современной нарратологии, где любой фильм, содержащий движущееся фигуративное изображение, рассматривается в качестве нарративного. Как отмечает Маркус Кюн, двумя важнейшими условиями повествовательного кино являются «представление движения (и потому изменения) в пределах одного кадра» и «столкновение двух или более соотносимых состояний через комбинацию кадров в их последовательность» [12]. В то же время нельзя поставить знак равенства между нарративом и фильмом, потому что нарратив – это всегда рассказ о событиях, тогда как в основе кино лежит показ. Парадокс нарративного кино состоит в том, что оно представляет собой рассказ в формах показа. Более того, показ в таких случаях требует рассказа. Визуальный показ как сфера длительности и непрерывности исторически предшествует нарративному членению, но в кино происходит встреча этой непрерывности с наррацией как способностью рассказывать истории через введение последовательности сингулярных событий. Рассказываемая история требует «рассказанного мира» в его связанной целостности, который и обозначается термином «диегезис»: это «история, понимая как псевдомир, как вымышленный универсум» [13. С. 91]. Изучение этой категории позволяет рассматривать традиционно разрозненные элементы произведения, такие как персонаж, пространство, время и событие, в их корреляции друг с другом. Интерес к «повествуемому миру» в нарратологии связан также с проблематизацией отношений между диегезисом и мимесисом. Вслед за Ж. Женеттом [14] мы рассматриваем «повествуемый мир» как диегезис, делая, таким образом, дополнительный акцент на его «сконструированности» и вымышленном характере.

Постановка проблемы диегезиса по отношению к советскому монтажному кино очень важна, хотя сам этот термин, конечно, тогда не использовался. Советское кино отличалось усложнением самого акта «рассказывания» с помощью различных монтажных стратегий. Как замечает Ю.Г. Цивьян, «…увеличивая скорость, Кулешов делал монтаж более заметным, чем история, которой он служил. Для Кулешова и ему подобных монтаж, а не действие или происходящее был “истинной сущностью” фильма» [15. С. 316]. Даже в «Шинели», которая обычно не рассматривается в аспекте монтажа, обращение к нему оказывается существенным и происходит на уровне организации композиции и сюжета, предшествующих кинематографическому дроблению на кадры. Отсюда и значе-

ние диегезиса как для понимания фильма, так и для представления Гоголя в формализме.

По мнению формалистов, реалистические конвенции в произведениях Гоголя ослаблены. Эта методологическая позиция получает большое значение в кинематографе. Ю.Н. Тынянов пишет, что «бедность» кино, его плоскостность, его бесцветность – на самом деле его конструктивная сущность [16. С. 328]. Немое кино даёт художнику ту же свободу, что «отгороженный от большой реальности» гоголевский гротеск. Кино, особенно в концепции Тынянова, не утверждается как миметическое искусство, напротив, постоянно подчёркивается его абстрактность. В кино происходит «смысловая перепланировка мира», после которой изображение перестаёт организовываться системой «внешних мотивировок». Бывшие «технические средства» (ракурс, план, затемнение) становятся внутренней системой «стилистических средств». Тынянов пишет: «…уже самое искусство наталкивает на технические приёмы… новые приёмы создаются ею [“бедностью” кино, его плоскостностью, его бесцветностью (Тынянов)], вырастают на её основе» [Там же], происходит «обнажение от натуралистической мотивированности вообще» [6. 334].

Особенно ярко эта «антимиметичность» кино проявилась при изображении человека. Если в театре «актёр связан своим телом», то «тело актёра в кино – абстрактно. Вот он уменьшается в точку – вот его руки, перебирающие карты, выросли на полотно… Тело легко, растяжимо, сжимаемо» [17. С. 321]. Тынянов считает, что «громадное лицо на крупном плане, естественно окрашенное, было бы чудовищной и никому не нужной натяжкой, подобно раскрашенной статуе с вращающимися на шарнирах глазами» [16. С. 327]. Превращение человека на экране в «смысловой знак» объяснимо не только абстрактностью пространства и времени, но и требованиями монтажа, который выстраивают «смысловые знаки» в синтагматическую последовательность. Частным случаем синтагматики является симультанность, позволяющая обозначить «несколько рядов зрительных представлений» одновременно. Реальность, вторгшаяся в кино, напротив, создаст неправдоподобие, которое будет препятствием для таких связей: «…выпуклые лица, наплывающие на другие выпуклые лица, – показались бы неправдоподобным хаосом» [Там же]. Ю.Н. Тынянов объясняет изменения, происходящие с человеком на экране, ситуацией современности: «Мы абстрактные люди, каждый день распластывает нас на 10 деятельностей. Поэтому мы ходим в кино» [17. С. 322].

Если далее исходить из методологических основ гротеска, то можно заметить, что искомая абстрактность человека свойственна персонажам Гоголя: нос, который свободно может отделиться от своего носителя, или «призрачное движение масок» (превращение казака в колдуна, Башмачкина – в привидение). Сюда же относится «игра со всеми нормами и законами реальной душевной жизни» в «Шинели», где над гротескными «окаменевшими позами» «в виде режиссёра и настоящего героя царит веселящийся и играющий дух самого художника» [7. С. 154]. Тынянов создаёт целую сеть признаков, удостоверяющих на экране гоголевский гротеск, причём в его воссоздании очень важную роль играют качества фильма как медиума.

Выделим основные проявления гротеска, которые могут быть обнаружены в диегезисе как общей для фильма и сценария области воображаемого. «Мир» гоголевских повестей Ю.Н. Тынянов изначально планировал представить как деформацию, данную под углом зрения Башмачкина. Это пассивный персонаж, настоящая ценность которого не в совершаемых им поступках, а в том специфическом взгляде на мир, ради которого он вводится. В этом смысле мир Акакия Акакиевича, «фантастически замкнутый, свой», тождествен миру Гоголя, а сам Башмачкин как носитель взгляда, очевидно, является и производным от этого взгляда. Тынянов даёт развёрнутую визуальную характеристику Башмачкина, из которой можно вывести свойства зрения персонажа. Например, в первом акте Башмачкин – это «лицо (которое видно зрителю в профиль) молодое, худощавое, с неопределёнными чертами, водянистые глаза, волосы на висках слегка сбриты» [18. С. 37]. Гротескная редукция происходит из-за намеренно подчёркнутой «неопределённости» относительно проходящих мимо «щёголя», «пирожника», «дамы» и пр. Башмачкин (предназначенный для показа на экране) реагирует на внешний мир, изменяя свой облик или совершая преувеличенные действия. После встречи с блондинкой он впадает в «недоумение», «умильно пожимается», «рассеян, пьёт из пустого блюдечка» [Там же. С. 40]. Когда через окно Каролина ему улыбается, он «отходит от окна растерянный, прижимая руку к сердцу» [Там же. С. 42]. Когда он пишет, то «высовывает от удовольствия кончик языка» [Там же. С. 43]. В соответствии с классификацией В.Е. Хализева Башмачкина следует отнести к «отрицательным персонажам», он – «средоточие попранной, подавленной, несостоявшейся человечности» [19. С. 167]. Эта визуальная характеристика Башмачкина воплощена в фильме. Но также в фильме видимо то, что видит Башмачкин. В кино представляемый в своей внешней атрибутике герой и его взгляд синкретичны, неразделимы. Реальное разграничение точек зрения в кино используется очень редко, потому как перед нами всегда взгляд камеры, который сложно «разграничить» и соотнести с конкретным персонажем.

Персонаж включается в значимые отношения внутри диегезиса. М. Риффаттер в своей работе «Истина в диегезисе» [20] выделяет дескриптивный и нарративный ряды повествования. Нарративный ряд основан на повторении, включающем знаки дескриптивного ряда посредством связи их с событиями и положениями. Для нас важнее дескриптивный ряд, поскольку он в большей степени участвует в создании визуальных характеристик гротеска. Выделение этого ряда происходит с помощью ядерного слова, в отношении которого остальные элементы находятся в метонимических отношениях. Правдоподобие вымысла достигается посредством деривационных структур, варьирующих исходное значение. Допустимо представить в качестве

центрального звена этой системы персонажа (Башмачкина), тогда окружающие предметы, пространство и время будут, согласно Риффатеру, «метонимами» его характеристик, т.е. так или иначе будут определены свойствами его зрения. В нашем случае различные аспекты диегезиса нарушают норму правдоподобия, поскольку основаны на «болезненном» видении героя, которое подвергает мир систематической редукции и рекомбинации, основанной, в первую очередь, на ослаблении психологической составляющей.

Взгляд Башмачкина во второй части сценария становится ещё более редукционистским. Пожилой Башмачкин, подобно молодому, тоже осматривает прохожих. Но теперь они в ещё большей степени становятся проекцией его самого, «все они кажутся ему цифрами или буквами»: «Толстый купец преображается в букву ять, купчиха – в “8”, длинный человек в треуголке – “Т“, дама – “О” и т.д.» [18. С. 51]. «Сжавшийся» мир персонажа хорошо характеризует его комната: «Совсем крошечная, неопрятная, с маленьким мутным окошечком наверху» [Там же]. Когда Башмачкин облачается в новую шинель, возникает иллюзорная «полнота жизни». В предыдущих актах то, что он видел на улицах Петербурга, было подвержено очевидной редукции, а теперь всё становится метонимом его праздничного настроения: «Красивые дамы, лихачи в высоких бархатных шапках, санки с медвежьими одеялами, пролетают кареты» [18. С. 55].

В фильме особенности зрения Башмачкина формируют диегезис тех же свойств, что и в сценарии. Субъективация достигается, например, путём ввода кадров, немотивированных простой точкой зрения персонажа. Когда перепуганный Башмачкин видит статую Кутузова, среди мотивированных линией взгляда кадров появляется кадр, где статуя показана со спины и крупнее, чем при нормальном положении глаз героя. Я.Л. Бутовский пишет, что «это противоречило реальности, но убедительно передавало субъективное ощущение, нарастающий ужас Акакия Акакиевича» [4. С. 55][2]. Подобный приём использован, когда Башмачкина распекает «значительное лицо». Использован резкий нижний ракурс, увеличивающий фигуру чиновника до огромных размеров (для её убедительной демонстрации режиссёры даже расширяют площадь паркетного пола). В фильме пространственные смещения проявляются при постоянном сопоставлении «маленького человека» с «громадами Империи»: каменным сфинксом, колоннами, мостом, другими персонажами (сюда относится и «кулак, величиной с чиновничью голову»). Соотношения величин убедительно воссоздаются благодаря операторской работе Андрея Москвина.

Что касается событийного уровня, то в сценарии основным событием, формирующим историю, становится встреча молодого Башмачкина с незнакомкой в Летнем саду, а затем аналогичная «встреча» с шинелью: «В киноповести этот образ естественно распадается на два наглядных образа: девушки, «приятной подруги», о которой мечтает всякий петербургский чиновник в молодости, и шинели, которая является приятной подругой в старости…» [21. С. 78]. В обоих случаях мечта о «приятной подруге» разбивается о «тёмный нелепый порядок, строй жизни николаевского Петербурга» [Там же], который, по мнению Ф. Кавендиша, наполнен атмосферой «эротического и искажённого упадка» [22. С. 214].

Одним из центральных событий сценария и фильма становится «дело», которое приезжает «замять» помещик Перепелицын. «Дело» об убийстве (он натравил собак на «дворовую девку» своего недруга) разворачивается в «преуменьшенном» порядке канцелярской волокиты: «Да всё дело пустячок: я – Пётр, а брат мой Пров – так тот помер давно. Вот и подчистить в деле немножко: мол не с Петра спрашивается, а с Прова» [18. С. 39]. Когда Башмачкин читает это «дело», происходящее на экране, Тынянов выделяет с помощью специальной ремарки: «В дальнем плане, уменьшенными фигурами – так должно идти всё “дело”» [Там же. С. 46]. То есть зритель должен был видеть, что читает Башмачкин. Возможно, такой ход был связан со стилизацией под театр либо (что более вероятно) под ранее кино, в котором почти не использовались крупные планы (последнее перекликается с концепцией Тынянова о конструктивной бедности кино). Несмотря на жестокость произошедших событий, действие Башмачкина (в этот момент «человека в лихорадке») намеренно приуменьшено до гротеска – он всего лишь совершает подчистку: «Страница “дела” с именем Петра Петровича и рука Акакия Акакиевича, дрожащая, с перочинным ножичком, которая подкрадывается к имени и скоблит его, – беря перо, пишет на месте ЕТР – РОВ (Пров)» [Там же. С. 47].

Хотелось бы отметить также сны и бредовые видения Башмачкина, в которых происходит, если говорить словами Зунделовича, гротескное «смещение планов с перевесом в сторону фантастического» [9. С. 139]. В фильме такие смещения детально разработаны. Например, первый сон воспроизводит сочетания совершенно разнородных переметов и персонажей. Это чиновники на шкафах, фейерверк, восточная дама, фокусник, человек с арфой, наполеоноподобная фигура, человек в чалме на первом плане, который прислонился к стойке для переписывания. Среди этих людей и предметов передвигается Акакий Акакиевич в своей зимней шинели. Предсмертный бред в сценарии следует тому же принципу: «Акакий Акакиевич видит, что он заказывает Петровичу шинель с западнями для воров… Идёт снег, засыпает шинель, которая превращается в снеговую равнину с чёрными торчащими капканами» [18. С. 59]. В фильме «значительное лицо», как бы путая порядки мира, оказывается в каморке Башмачкина, причём на кровати у него в ногах. В следующем кадре тот же чиновник уже восседает на вершине столба, а затем на шкафу в департаменте. В фильме Башмачкин, добравшись до значительного лица на столбе, получает щелчок по носу и срывается вниз. В сценах сна и бреда референция к реальности наиболее ослаблена, что открывает возможность для гротескных рекомбинаций внутри диегезиса, понимаемых как отказ от привычных представлений о мире.

Последний аспект диегезиса, на котором хотелось бы остановиться, связан с показом деформированного

человеческого тела. В фильме деформация проявляется в утрированной мимике, резких жестах, странных движениях или способе освещения актёра. Например, в сцене предсмертного бреда Акакия Акакиевича лицо А. Каплера («значительное лицо») оказывается снятым с нижнего ракурса и с использованием нижнего света, что сильно деформирует его пропорции. К этому же типу гротеска относятся и всевозможные «кривляния» чиновников в сцене унижения Акакия Акакиевича. Деформированная походка тоже может быть рассмотрена в качестве гротеска, например, очень странная траектория ходьбы ярыжки или семенящая походка Башмачкина, которая возникает после сцены унижения в «нумерах». Для передачи деформации актёры используют в своей игре черты буффонады. Несмотря на то что такая игра связана с общей тенденцией к циркизации кино в 1920-е гг., она лишена карнавального измерения и осмысляется скорее как вариант отчуждения, выражения страха перед «механизацией живого».

Обратным по отношению к «овеществлённым» персонажам является антропоморфный предмет – шинель, который можно рассматривать в качестве основного метонима Башмачкина. Говоря о гротеске, И.П. Смирнов определяет его как «взаимопроникновение субъектного и объектного в самом широком смысле», подразумевая «психосоматическую ущербность индивида, его недостаточную субъектность» [23. С. 51]. Поэтому деформации человека в «Шинели» могут быть поняты как нарушения субъектности через подавление её негативными предметными качествами (глупость, хитрость, алчность). Антропоморфная шинель служит обратной стороной этих образов – это заведомый объект, в котором проступает субъектное начало (в этом смысле она сближается с такими гротесками, как живые мертвецы или очеловеченные животные). Обе стороны гротеска включаются в диегетическую игру с реальностью, допускающую рождение таких гибридных форм. Чередование этих форм обусловлено поисками иного зрения, выходящего за границу натуралистических шаблонов кино.

Подведём итог. Характеризуя «фантастический», «отгороженный» мир Гоголя, формалисты указывают на то, что с позиций позднейшей теории можно обозначить термином «диегезис». Учитывая различные степени референции к реальности в кино, гротеск во втором значении можно определить в качестве комплекса нарушений изобразительной нормы правдоподобия, выстраивающих «повествуемый мир». Формалисты осмысляют «гротескный диегезис» в том числе с помощью фильма, который мы рассматриваем как реализацию «манеры Гоголя» на экране. Медиальные свойства кинематографа принимают участие в воссоздании гоголевского гротеска. «Смысловая перепланировка действительности», основанная на редукции («плоскостность» и «бесцветность» экрана) и рекомбинации (контрасты, детали, крупные планы), возможна в кинематографе, и фильм «Шинель» эксплицирует эти свойства, вводя историю о «бедном чиновнике». Комплекс деформаций в фильме включает главного «отрицательного персонажа», важного в качестве субъекта взгляда, а также его многочисленные метонимы, связывающие пространство, время и события истории. Важной характеристикой гротеска является наличие овеществлённых персонажей и антропоморфных предметов, обозначающих взаимопроникновение субъектного и объектного начал.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробнее см. [10].
[2] Кадр не вошёл в окончательный вариант фильма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Недоброво В.В.* ФЭКС*:* Григорий Козинцев, Леонид Трауберг. М. ; Л., 1928. 80 с.
2. *Добин Е.С.* Козинцев и Трауберг. Л. ; М., 1963. 260 с.
3. *Цивьян Ю.Г.* На подступах к карпалистике: Движение и жест в литературе, искусстве и кино. М., 2010. 336 с.
4. *Бутовский Я.Л.* Андрей Москвин, кинооператор. СПб., 2000. 300 с.
5. *Ханзен-Лёве О.А.* Русский формализм: методологическая реконструкция на основе принципа остранения. М., 2001. 672 с.
6. *Козинцев Г.М.* Глубокий экран // Собрание сочинений : в 5 т. Л., 1982. Т. 1.
7. *Эйхенбаум Б.М.* Как сделана «Шинель» Гоголя // Поэтика. Пг., 1919. С. 151–165.
8. *Виноградов В.В.* Гоголь и натуральная школа // Поэтика русской литературы: Избранные труды. М., 1976. С. 189–227.
9. *Зунделович Я.О.* Поэтика гротеска (к вопросу о характере гоголевского творчества) // Русская литература XX века: направления и течения. Екатеринбург, 1995. Вып. 2. С. 135–143.
10. *Огудов С.А.* Принципы гротескной композиции Гоголя в сценарии Ю.Н. Тынянова и фильме «Шинель» // Сибирский филологический журнал. 2014. № 2.
11. *Тынянов Ю.Н.* Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 198–226.
12. *Kuhn M.* Narration in Film // The living handbook of narratology. Hamburg: Hamburg University. URL: http://www.lhn.uni-hamburg.de/article/narration-film-revised-version-uploaded-22-april-2014
13. *Омон Ж., Бергала А., Мари М., Верне М.* Эстетика фильма. М., 2012. 248 с.
14. *Женетт Ж.* Границы повествовательности // Фигуры : в 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 283–299.
15. *Tsivian Y.* Montage theory II (Soviet Avant-Garde) // The Routledge Encyclopedia of Film Theory. London ; New-York., 2014. P. 314–321.
16. *Тынянов Ю.Н.* Об основах кино // Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 326–346.
17. *Тынянов Ю.Н.* Кино–слово–музыка // Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 320–322.
18. *Тынянов Ю.Н.* Шинель // Киноведческие записки. М., 2013. № 104/105. С. 37–61.
19. *Хализев В.Е.* Теория литературы. М., 1999. 398 с.
20. *Риффатер М.* Истина в диэгесисе (глава из книги «Истина вымысла») // Новое литературное обозрение. М., 1997. № 27. С. 5–22.
21. *Тынянов Ю.Н.* Либретто кинофильма «Шинель» // Из истории Ленфильма. Л., 1973. Вып. 3. С. 78– 80.
22. *Cavendish P.* The men with the movie camera: The poetics of visual style in Soviet avant-garde cinema of 1920s. Berghahn books, 2013. 362 p.
23. *Смирнов И.П.* Гротеск // Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 51.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 16 декабря 2015 г.

DIEGESIS AND GROTESQUE: THE FILM ADAPTATION OF *THE OVERCOAT* BY YU.N. TYNYANOV

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 63–68. DOI: 10.17223/15617793/401/9

Ogudov Sergey A. Gosfilmofond (Moscow, Russian Federation). E-mail: ogudovs@mail.ru

Keywords: grotesque; screenplay; formalism; Gogol; cinema; diegesis; avant-garde.

The article is devoted to an investigation of grotesque in theories of the Formal School and its realization in Tynyanov's screenplay "The Overcoat" and the eponymous film. In the works of the Formal School members, one can distinguish two aspects of grotesque comprehension. On the one hand, grotesque is considered in a compositional way as a contrast non-theological combination of textual fragments in the composition aimed at creating a defamiliarizing, sensibilizing effect. On the other hand, grotesque is denoted as a destructive diegetic "world of artificial experiences" with respect to which the composition is defined by the principle of textual analogy. The object of this research is the diegetic level of grotesque. This approach is justified by the fact that the 1920s is the time of intensive interaction of the cinema and narration; therefore, the notion of diegesis has the key role in the research. The adaptation of Gogol's "The Overcoat" was based in many ways on the theoretical positions of formalists according to which the film and Gogol's works are considered as similar objects. The film opposes the naturalistic models of reality in the same way Gogol's works do. Tynyanov's screenplay should be considered as a re-actualization of these properties of cinema through the presentation on the screen of the "montage" story, including the motifs of different Gogol's works. In the article, the author has analyzed the complex of deformations on the spatio-temporal level and in the subjective sphere of the screenplay and the film united by the general notion of the diegetic world. The author proposes to understand Bashmachkin as the centre of this system and as the medium of the view that subjects the world to systematic reduction and recombination. The manifestations of grotesque are different characters, loci of Saint Petersburg and nightmares of Bashmachkin understood as the central point in the set of deformations. Gogol's works, the screenplay and the film not only recreate grotesque but also participate in its theorizing, for Tynyanov introduces this notion in his "Preliminary remarks". An important role in this process belongs to the properties of cinema as a medium: "flatness", "insipidity" and montage supporting. In the analyzed meaning, grotesque is a complex of disruptions of the referential norm of plausibility building the diegetic world. In the author's opinion, grotesque became the way to point to diegesis which, on the contrary to mimesis, assumes a share of "artificiality", "madeness". In this sense, the theoretical and creative search of formalists can be examined as a precursor to narrative conceptions of the cinema.

REFERENCES

1. Nedobrovo, V.V. (1928) *FEKS: Grigoriy Kozintsev, Leonid Trauberg* [FEKS: Grigori Kozintsev, Leonid Trauberg]. Moscow; Leningrad: Teakinopechat'.
2. Dobin, E.S. (1963) *Kozintsev i Trauberg* [Kozintsev and Trauberg]. Leningrad, Moscow: Iskusstvo.
3. Tsiv'yan, Yu.G. (2010) *Na podstupakh k karpalistike: Dvizhenie i zhest v literature, iskusstve i kino* [On the outskirts of "karpalistika": movement and gesture in literature, art and cinema]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Butovskiy, Ya.L. (2000) *Andrey Moskvin, kinooperator* [Andrei Moskvin, director of film photography]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
5. Hansen-Love, A.A. (2001) *Russkiy formalizm: metodologicheskaya rekonstruktsiya na osnove printsipa ostraneniya* [Russian Formalism: methodological reconstruction based on the principle of estrangement]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
6. Kozintsev, G.M. (1982) Glubokiy ekran [The deep screen]. In: Kozintsev, G.M. *Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Collected Works: in 5 v.]. V. 1. Leningrad: Iskusstvo.
7. Eichenbaum, B.M. (1919) Kak sdelana "Shinel'" Gogolya [How "The Overcoat" by Gogol is made]. In: Eichenbaum, B.M. *Poetika* [Poetics]. Petrograd.
8. Vinogradov, V.V. (1976) Gogol' i natural'naya shkola [Gogol and the Natural School]. In: Vinogradov, V.V. *Poetika russkoy literatury: Izbrannye trudy* [The Poetics of Russian literature: Selected Works]. Moscow: Nauka.
9. Zundelovich, Ya.O. (1995) Poetika groteska (k voprosu o kharaktere gogolevskogo tvorchestva) [The poetics of grotesque (on the character of Gogol's creative work)]. In: Leyderman, N.L. (ed.) *Russkaya literatura XX veka: napravleniya i techeniya* [Russian literature of the 20th century: directions and currents]. V. 2. Ekaterinburg: Ural State University.
10. Ogudov, S.A. (2014) The principles of N.V. Gogol's grotesque composition in Yu.N. Tynyanov's script and film "The Overcoat". *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 2. pp. 90–97. (In Russian).
11. Tynyanov, Yu.N. (1977) Dostoevskiy i Gogol' (k teorii parodii) [Dostoevsky and Gogol (the theory of parody)]. In: Tynyanov, Yu.N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. The history of literature. Cinema]. Moscow: Nauka.
12. Kuhn, M. (2009) Narration in Film. In: Hühn, P. et al. (eds) *The living handbook of narratology*. Hamburg: Hamburg University. [Online]. Available from: http://www.lhn.uni-hamburg.de/article/narration-film-revised-version-uploaded-22-april-2014.
13. Aumont, J. et al. (2012) *Estetika fil'ma* [The aesthetics of the film]. Translated from French by I.I. Chelysheva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
14. Genette, G. (1998) Granitsy povestvovatel'nosti [The boundaries of the narration]. In: Genette, G. *Figury: v 2 t.* [Figures: in 2 v.]. V. 1. Translated from French. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh.
15. Tsivian, Y. (2014) Montage theory II (Soviet Avant-Garde). In: Branigan, E. & Buckland, W. (eds) *The Routledge Encyclopedia of Film Theory*. London; New-York: Routledge.
16. Tynyanov, Yu.N. (1977) Ob osnovakh kino [On the principles of films]. In: Tynyanov, Yu.N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. The history of literature. Cinema]. Moscow: Nauka.
17. Tynyanov, Yu.N. (1977) Kino–slovo–muzyka [Film–Word–Music]. In: Tynyanov, Yu.N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. The history of literature. Cinema]. Moscow: Nauka.
18. Tynyanov, Yu.N. (2013) Shinel' [The Overcoat]. *Kinovedcheskie zapiski*. 104/105. pp. 37–61.
19. Khalizev, V.E. (1999) *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Moscow: Vysshaya shkola.
20. Riffater, M. (1997) Istina v diegesise (glava iz knigi "Istina vymysla") [The truth is in diegesis (A chapter from the book The Truth of Fiction)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 27. pp. 5–22.
21. Tynyanov, Yu.N. (1973) Libretto kinofil'ma "Shinel'" [Libretto of the film The Overcoat]. *Iz istorii Lenfil'ma*. 3. pp. 78– 80.
22. Cavendish, P. (2013) *The men with the movie camera: The poetics of visual style in Soviet avant-garde cinema of 1920s*. Berghahn books.
23. Smirnov, I.P. (2008) Grotesk [Grotesque]. In: Tamarchenko, N.D. (ed.) *Poetika. Slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics. Glossary of relevant terms and concepts]. Moscow: Izdatel'stvo Kulaginoy; Intrada.

Received: 16 December 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 69–78. DOI: 10.17223/15617793/401/10

УДК 821.161.1

А.А. Пономарева

УСВОЕНИЕ И РАЗРАБОТКА ЗАИМСТВОВАННЫХ СЮЖЕТОВ В БЕЛЛЕТРИСТИКЕ (РОМАН ЖОРЖ САНД «ЖАК» И РУССКАЯ ПОВЕСТЬ 1850-х гг.)

Представлены особенности усвоения русской беллетристикой 1850-х гг. сюжета романа Ж. Санд «Жак», популярного в России в 1850-е гг. Сюжет романа рассматривается в качестве продуктивной модели, ставшей не только основой для подражания, но и источником создания различных сюжетных модификаций, способных отразить запрос русской общественной и литературной жизни середины века. В центре внимания – различные принципы работы беллетристики с заимствованным сюжетом: актуализация «вероятностного» потенциала сюжета пре-текста, изменение «валентных» связей сюжетных ситуаций, приводящее к вариативности сюжетной структуры, сюжетный эффект «подражания подражанию» и др. Процесс ассимиляции сюжета, как показано в исследовании, сопровождался активным сближением западноевропейского «чужого» сюжета с сюжетами русской литературы пушкинско-тургеневского направления. В основе анализа повести Е. Тур, С.В. Энгельгардт, Е.А. Лодыженской, Е. Озерского, Н. Николаенко, М.В. Авдеева и др.

Ключевые слова: беллетристика; русская повесть 1850-х гг.; роман Ж. Санд; прецедентный текст; сюжетная ассимиляция; вторичная семантизация сюжета; идеологический комплекс; тип.

Известно, что беллетристика как вторичная литературная система ориентируется на произведения прецедентных писателей. Продуктивным в тот или иной период является ограниченный «набор» текстов. В данном исследовании речь пойдет об одном источнике беллетристики 1850-х гг. – романе Жорж Санд «Жак»[1]. Основная задача заключается в определении принципов «работы» беллетристики с «чужим» материалом и выявлении механизмов преобразования западноевропейского сюжета во «вторичной» прозе.

В 1850-е гг. в толстых журналах продолжают появляться переводы произведений Ж. Санд. В «Москвитянине», «Современнике», «Отечественных записках» и «Библиотеке для чтения» публикуется ряд повестей, романов и драм: «Малютка Фадетта», «Господин Руссэ», «Замок в пустыне», «Итальянские артисты», «Проклятое болото», «Волынщики», «Замок Мон-Ревеш», «Крестница», «Лора», «Безутешная», «Даниелла», «Зеленые женщины», «Найденыш», «Красавцы Буа-Дорэ», «Жан де ля Рош», «Нарцисс», «Он и она», «Флавия». Однако появление этих произведений не создает культурного резонанса. В 1850-е гг. в России интерес демократической молодежи продолжают вызывать романы «Лукреция Флориани», «Жак» и «Орас»[2]. Особенно актуальным в данный период является роман «Жак». В беллетристике появляется волна произведений, написанных с очевидной ориентацией на него[3].

Западноевропейский сюжет в процессе ассимиляции преобразуется в сюжетный комплекс, который включает идеологический компонент (определенную идею романа); героя-идеолога; сюжетный рисунок, раскрывающий характерологию этого героя. В результате транспонирования в новый контекст каждый компонент данного комплекса изменяется, сохраняя узнаваемые черты, свидетельствующие о связи с претекстом.

Актуальной в русской публицистике и беллетристике 1850-х гг. является тема брака, развитая в сюжетной линии главных героев романа Ж. Санд (Жак – Фернанда). Продуктивными в русском контексте оказываются мысли, высказанные Жаком в шестом письме к Сильвии: брак, по мнению героя, «одно из самых варварских установлений, которые создала цивилизация»; он будет уничтожен в обществе и заменен «более человечными и не менее священными узами», которые не сковывают свободу мужа и жены [5. С. 34][4].

Продуктивность романа «Жак» обусловлена тем, что идеологическая «программа», развитая в нем, содержит пустоты, которые позволяют ее заполнять. Говоря о счастливом браке, Жак не называет его признаки, за исключением того, что женщина должна быть спокойна и свободна: «<…> я хочу дать моей жене счастье, неведомое женщинам, хочу, вопреки правилам общества, которое я презираю, дать ей те блага, в которых оно отказывает женщине» [Там же. С. 35]. В процессе ассимиляции идеологические «пустоты» заполняются иной информацией. Однако эта «новизна» вторична: новые идеи образуются в результате переосмысления «чужого» материала. Используя идеи брака, развитые в романе, русские беллетристы уточняют правила общества, которые нарушает просвещенный герой, дают свое представление о счастье женщины в браке и тех благах, в которых ей отказывается. В рассматриваемый период формируется своего рода «формула счастья» женщины: брак с мужчиной, который является другом, любовником и родителем. Приведем репрезентативный фрагмент повести Е. Тур «Долг», в котором представлена данная «формула»: «<…> мы вполне составили счастие друг друга. Ты знаешь, как давно, как долго любил он меня; и я полюбила его также, полюбила без тревоги и страсти, – и много нашла в нем: и заботливость друга, и любовь мужчины, и нежность неизменную, бесконечную нежность матери. Он залечил раны больного сердца, уничтожив остатки тревог, и отучил меня бояться каких-то новых несчастий, неизвестных, но угрожающих мне беспрестанно <…>» [6. С. 6]. В повести Е.А. Лодыженской «Неудавшаяся жизнь» героиня представляет счастье в браке аналогично приведенному: «<…> она бессознательно мечтала о какой-то тихой, нежной, отеческой привязанности, которую невольно идеализировала. Она представляла себе семейную жизнь в виде какого-то тесного слияния душ. Сочувствие, доверие, дружба заменяли для нее слово

любовь <…>» (курсив автора. – *А.П.*) [7. С. 393]. Характерно, что сходное определение супружеского счастья развивается также идеологами демократической среды 1850-х гг. Например, в «Дневнике моих отношений с тою, которая составляет теперь мое счастье» Н.Г. Чернышевский так представляет счастье с О.С. Васильевой: «Я буду любить ее, как отец любит свою дочь, и как муж любит свою жену, и как любовник любит свою милую» [8. С. 513].

Влияние романа Ж. Санд «Жак» на формирование представлений о браке в русской публицистике и беллетристике 1850-х гг. опосредовано целым рядом литературно-критических источников. В рассматриваемый период в «толстых» журналах появляется различного рода материал, в котором развиваются темы, связанные с эмансипацией женщин. Интересующая нас тема входит в этот идеологический комплекс как частный и периферийный элемент. В центре внимания критиков, рассуждающих об эмансипации, находится проблематика, связанная с творческими возможностями беллетристок. В 1840-е, а затем и в 1850-е гг. происходит разрушение сформировавшегося в критике и беллетристике 1830-х гг. представления о женщине-писательнице как монстре, отказавшемся от своего предназначения быть женой и матерью и взявшегося не за свое дело (см. подробнее [2]).

Обозначим журнальный контекст, на фоне которого выходят повести, ориентированные на роман Ж. Санд «Жак». Лейтмотивом литературной критики исследуемого периода (и в этом проявляется ориентация на предшествующий период) является рассуждение о «непредвзятой» оценке творчества беллетристок. Характерный пример встречаем в «Обзоре русской литературы 1850 года», размещенном в «Современнике» в 1851 г. Рецензент, анализируя новую повесть Е. Тур «Ошибка», отмечает, что современная критика «…смотрит одними и теми же глазами на труды как писателей, так и писательниц» и не приходит в восторг, встречая произведение, принадлежащее женщине [9. С. 50–51]. Однако стремление «уравнять» права мужчины и женщины в литературе в действительности не всегда реализуется. Так, в 1850 г. в «Современнике» выходит статья Д. Мацкевича «Заметки о женщинах». Ее автор пишет, что, несмотря на тенденцию считать мужчину и женщину равноправными, они обладают различной природой, не позволяющей им занимать одинаковое положение не только в обществе, но также в беллетристике. По мнению критика, важным отличием является способность мужчин к творчеству и, напротив, неспособность женщин создавать произведения искусства: «В идеях совершенно отвлеченных женщина при пособии науки может усвоить себе понимание, но редко возвыситься до творчества <…> Женщины умны как истолкователи, но могущество их останавливалось и всегда останавливается там, где начинается творчество» [10. С. 57]. Приведенные выводы Д. Мацкевича подтверждаются оценкой современной критики. В «Письмах иногороднего подписчика о русской журналистике» (Письмо 23), опубликованных в «Современнике» в 1851 г., приводится любопытный с интересующей нас точки зрения факт. Иногородний подписчик (А. Дружинин) отмечает, что авторство романа «Джен Эйр» вызвало недоверие у современных читателей. Критики не хотели верить, что это произведение, как и роман «Шерли», отличающееся «сжатостью рассказа», «умеренностью красок», глубокою многосторонностью, принадлежит девушке. Несмотря на то что в указанных статьях отсутствуют прямые рассуждения о положении женщины в браке, данная тематика косвенно задается в разборах. Критики уже не говорят о том, что единственным предназначением женщины является семья, т.е. забота о муже, воспитание детей и управление хозяйством.

На рецепцию идей романа Ж. Санд в 1850-е гг. влияет появление прецедентного текста, «русского» варианта западноевропейского романа. Мы имеем в виду повесть А.В. Дружинина «Поленька Сакс». Упоминания о ней встречаются в литературной критике не только конца 1840-х, но и 1850-х гг. В «Воспоминаниях» А.Я. Панаева отмечает, что повесть вызвала живое обсуждение в их кружке, и приводит мнение И.С. Тургенева: по мнению писателя, произведение А.В. Дружинина должно занять центральное положение в беллетристике, вытеснив «Бедных людей» Ф.М. Достоевского и «Обыкновенную историю» А.И. Гончарова на периферию: «Положительно везет “Современнику”! Вот это талант, не чета вашему “*литературному прыщу*” и вознесенному до небес вами апатичному чиновнику Ивану Александровичу Гончарову. Эти, по-вашему, светилы – слепорожденные кроты, выползшие из-под земли: что они могут создать? А у Дружинина знание общества; обрисовка Поленьки Сакс художественная, видишь гетевские тонкие черты, а никто в мире, кроме Гёте, не обладал таким искусством создавать грациозные типы женщин. Я прозакладываю голову, что Дружинин быстро займет место передового писателя в современной литературе…» [11. С. 191]. Рецензент «Современника» в 1848 г. отмечает, что «первая повесть г. Дружинина “Полинька Сакс” была принята почти как необыкновенное явление, почти с таким же единодушным одобрением, с каким принимались некогда повести и рассказы Гоголя». Однако, отмечая успех повести А.В. Дружинина, критики указывают и на ее подражательность. Например, А.А. Григорьев замечает, что «Поленька не представляла ничего нового, характеры этой повести напоминали характеры других повестей – и в особенности характер главного героя сбивался часто на характер Зандовского Жака» [12. С. 258].

Появление прецедентного вторичного произведения влияет на ассимиляцию пре-текста. Беллетристы используют идеи, развитые не только в романе «Жак», но и в повести «Поленька Сакс», заимствуют изменения, происходящие с идеологическим комплексом в тексте-подражании. В связи с этим повести 1850-х гг., ориентированные на роман Ж. Санд, целесообразно классифицировать как «подражания подражанию». Основываясь на материале беллетристики 1850-х гг. и учитывая влияние повести А.В. Дружинина на нее, представим основные принципы модификации идеологического компонента романа

Ж. Санд «Жак» в текстах второго уровня вторичности (т.е. в текстах, ориентированных не только на претекст, но и на текст-подражание).

Заимствованные идеи, ассимилируясь в русской литературе, существенно изменяются. Идея свободы супругов в браке, наиболее близкая русским читателям, модифицируется. В процессе ассимиляции происходит смещение. В «русском» варианте подчеркивается, что свободной в браке должна быть женщина. Как пишет Н.Г. Чернышевский в дневнике, «…когда палка была долго искривлена на одну сторону, чтобы выпрямить ее, должно много перегнуть ее на другую сторону <…> порядочный человек обязан <…> ставить свою жену выше себя» [8. С. 444], в результате этого в будущем возможно равенство мужа и жены. Смещение фокуса с мужчины на женщину выражается в перемещении сюжетного акцента с благородного мужа на изменившую жену. В повестях часто центром сюжета становится героиня, а не герой. Репрезентативный в этом отношении пример – повесть Е. Тур «Долг», в которой сюжетная линия мужа сведена к одному событию – отъезду из дома.

Смещение акцента приводит к актуализации тематических элементов, связанных с героиней. В отличие от «западноевропейского», в «русском» варианте на первый план выдвигается изображение тех причин, которые побуждают девушку выходить замуж. Размышления об этом вводятся в заимствованную идейную «ткань», «сцепляются» с ней и начинают тиражироваться как часть перенесенного сюжетного комплекса. Так, смещение фокуса приводит к актуализации экспозиционной части романа, в которой представляется жизнь героини до брака. В результате этого мысль об освобождении женщины через брак, периферийная в романе, в русском контексте становится одной из магистральных: «Я еще молод душою и страстно влюблен в девушку, на которой намереваюсь жениться по двум причинам: во-первых, это единственное средство обладать ею, а во-вторых, единственное средство вырвать ее из рук злой матери и дать ей возможность жить свободно и независимо» [5. С. 34]. Однако интересно, что идея освобождения девушки через брак, намеченная в 1850-е гг., станет продуктивной и массовой в 1860-е гг. после выхода романа «Что делать?». В рассматриваемый период она начинает распространяться в среде прогрессивных молодых людей. Например, Н.Г. Чернышевский, размышляя о причинах, побуждающих жениться на О.С. Васильевой, как и Жак, называет, с одной стороны, желание обладать любимой женщиной, с другой – желание «вырвать из рук злой матери». Данная идея появляется у Н.Г. Чернышевского под влиянием романа Ж. Санд, однако, в отличие от романа, в дневнике идея освобождения девушки занимает центральное место.

В процессе ассимиляции идеи, периферийные в романе Ж. Санд, выдвигаются на первый план. Идея просвещения жены мужем, периферийная в романе, в беллетристике становится центральной. Напомним, что Жак в письмах к Сильвии отмечает, что его жена – милое дитя, которому он станет наставником. Однако такой элемент, как просвещение героини, в романе отсутствует, что становится объектом рефлексии героя: «О, если бы мне самому было на десять лет меньше, я попытался бы доказать ей, что она не только не движется вперед в своей внутренней жизни, а идет вспять и, стараясь устранить малейшие тернии со своего пути, теряет время, в течение которого могла бы проложить себе новую дорогу, красивее и шире прежней; но мне боязно разыгрывать роль педанта-наставника – я слишком стар и потому не рискую взяться за нее» [5. С. 116]. В новой культуре идея просвещения становится популярна: муж, как правило, представляется наставником жены, ее «учителем жизни». Актуализация этого элемента происходит под влиянием повести А.В. Дружинина «Поленька Сакс».

В повести А.В. Дружинина особый акцент сделан на том, каким образом мужчина просвещает женщину. Муж, желая изменить мировоззрение жены, сформировавшееся в пансионе, дает читать ей романы Ж. Санд, окружает ее изящными предметами искусства: «Невинность, дитя, пансионерка! Все эти слова имеют большой вес между поклонниками женщин, да легче ли мне от этого? И вот уже год, как я стараюсь приготовить милого и дельного помощника измученной моей душе, которая, без шуток, так нуждается в дружбе, в истинной веселости... в потребности болтать от чистого сердца. И вот уже год, как я бьюсь изо всех сил, чтоб оживить эту миленькую статуэтку! Усилия мои далеки, очень далеки от успеха...» [13. С. 15–16]. Однако героиня отказывается от чтения предлагаемой литературы, считая ее безнравственной, и остается холодна к редким картинам и музыке. «Программа» образования, представленная в повести, начинает тиражироваться в беллетристике 1850-х, а затем и 1860-х гг. Например, в романе М.В. Авдеева «Подводный камень» героиня, выйдя замуж за образованного мужчину, охотно поддается его влиянию: «Что касается до Натальи Дмитриевны, то с годами <…> она еще более выиграла. Она развилась и физически, и нравственно. Из полусложившейся <…> девочки вышла высокая, стройная женщина с строго развившимися формами, спокойная, ясная. Беседы с мужем и хорошо направленное чтение развили ее ум, а тихая, счастливая и деятельная семейная жизнь успокоила те тревожные потребности бурь, которые свойственны ее летам и темпераменту» [14. С. 105].

Заимствуя идеи французского романа, беллетристы переносят в повести тип героя, выразителя данных идей. В процессе транспонирования характер благородного мужчины изменяется. Под влиянием повести «Поленька Сакс» его ядерным свойством становятся практичность, положительность. Например, в повести Е. Тур «Заколдованный круг» герой характеризует себя так: «Я слишком положителен, слишком занят, слишком стар, быть может, для нее, а она слишком мечтательна <…> слишком ребячлива для меня. Мне нужна подруга, товарищ, словом – женщина. Мне некогда воспитывать жену, да и достанет ли на это моего терпения?» [15. С. 208]. Приведенный фрагмент составляет комбинация материала, заимствованного из двух источников: акцент на по-

ложительности является отсылкой к повести А.В. Дружинина, нежелание воспитывать жену – к роману Ж. Санд. Чаще всего практичность представлена как положительное характерологическое свойство, однако встречаются исключения. В повести Е.А. Лодыженской «Неудавшаяся жизнь» практичность становится причиной несчастья героини: выходя замуж за старого губернатора, женщина рассчитывает найти тихое счастье. Она подражает героине романа Ж. Санд. Отводя себе роль Фернанды, героиня строит в воображении идеальную картину семейной жизни. Однако, став женой пожилого мужчины, она понимает невозможность реализации романной модели. В сюжет вводятся элементы, аллюзивно отсылающие к роману Ж. Санд и в больше степени к повести А.В. Дружинина, однако в повествовании подчеркивается их нелитературное развитие. Оставшись вдвоем дома, жена предлагает читать вслух, однако муж отказывается от этого: «– Нет, благодарю <…> Я привык читать про себя. И он сел к камину и принялся за какой-то роман Загоскина, его любимое чтение. Софья взяла также начатую ею книгу, английский роман, и стала читать. Так провели супруги свой первый уединенный вечер, вдвоем, но порознь!..» [7. С. 395]. В результате брак с практичным пожилым мужчиной приносит героине разочарование.

Доминирующим свойством героини являются ребячливость, детскость. Акцент на нем делается даже в том случае, когда женщина, поставленная в положение Фернанды, не молода. Репрезентативный пример представляет повесть Е. Тур «Долг». Герой, прощаясь со своей женой, замечает: «Есть женщины, остающиеся вечно детьми; взгляни на себя: и морально, и физически не похожа ли ты на дитятю? Ты мала ростом, белокура и деликатна, как шестнадцатилетняя девочка, капризна, изменчива и беспечна, как бывают они в эти годы» [6. С. 7]. Беллетристы, заимствуя некоторые свойства жоржсандовской героини (ребячливость, детскость, наивность), тем не менее, существенно преобразуют их. Русские героини, поставленные в положение Фернанды, отличаются силой характера. В повестях наблюдается синтез свойств героини Ж. Санд со свойствами Татьяны Лариной. В повести Е. Тур «Две сестры» герой так описывает характер девушки: «Она говорит, что ей двадцать пять лет, и на лицо больше ей нельзя дать; ну а по характеру она будет старше иной тридцатипятилетней – так она тиха, молчалива, задумчива…» [16. С. 226].

Новой комбинаторикой свойств обусловлен особый сюжетный рисунок. Например, в повести Е. Тур «Долг» героиня, услышав признание молодого человека, как и Татьяна, отвечает, что «она другому отдана и будет век ему верна». Женщина отказывается от счастья из чувства долга. Аналогичный финал коллизии представлен в повести «Неудавшаяся жизнь». Героиня, влюбленная в мужчину, не желая изменять мужу, признается: «Вы понимаете, что и я люблю вас… Но считаю это… преступлением. Я замужем, я связана, на век связана!... я не могу принадлежать другому и прошу вас… требую от вас, чтобы вы уехали отсюда и навсегда!..» [7. С. 425].

Причины, по которым роман «Жак» становится программой, учебником жизни для просвещенной молодежи, заключаются в том, что в нем не только прямо озвучиваются революционные идеи брака, но и представляется новая модель поведения супругов, дается прямой ответ на вопрос, что нужно делать, чтобы достичь семейного счастья. Сюжетная схема, представленная в романе, в связи с этим начинает переноситься в жизнь. Известно, например, что Н.П. Огарев, А.И. Герцен, И.И. Панаев, Н.Г. Чернышевский в семейной жизни ориентировались на роман французской писательницы. Узнав о том, что женщины, связанные с ними браком, влюблены в других мужчин, они отказывались от счастья и предоставляли женам свободу.

Обращаясь к идеологическому уровню романа Ж. Санд, перенося некоторые идеи в русский контекст, беллетристы закономерно воспроизводят сюжетный рисунок, в котором эти идеи раскрываются в пре-тексте. В связи с этим продуктивность западноевропейского романа обусловлена также особенностями построения его сюжета. Сюжет романа Ж. Санд довольно легко изменяется в процессе транспонирования, что упрощает процесс его ассимиляции. «Легкость» этой модификации связана с некоторыми закономерностями его построения. Сюжет западноевропейского романа держится на двух сюжетных центрах (Жак и Сильвия), с которыми связывается две магистральные сюжетные линии. В русской литературе они «рассекаются», становятся самостоятельными и сюжетообразующими. Данное изменение происходит в результате того, что связь между сюжетными линиями в исходном тексте весьма опосредованна, лишена жесткой причинно-следственной связи на фабульном уровне.

Ассимиляция западноевропейского сюжета сопровождается редукцией его частей. В процессе переноса разветвленный западноевропейский сюжет упрощается до сюжетной ситуации *супружеская измена*, в которой высвечивается сюжетный элемент, связанный с поведением мужа, узнавшего об измене жены. Сюжетная концепция русских повестей та же, что в романе Ж. Санд «Жак»: герой, образованный и немолодой мужчина, влюбляется в девушку, которая значительно младше его, и делает ей предложение. Героиня дает согласие. Несмотря на разницу в возрасте, она влюбляется в жениха, восхищается его прогрессивными взглядами. Семейное счастье сменяется разочарованием. Появляется молодой человек, обладающий мировоззрением, более близким героине. Они влюбляются друг в друга. Их чувства становятся известны мужу. Герой страдает. Невзирая на свои чувства и убедившись в том, то он становится помехой счастью жены, уступает ее сопернику и самоустраняется.

Изменения западноевропейского сюжета влекут за собой редукцию любовной коллизии. Известно, что основу сюжета романа «Жак» составляет любовный четырехугольник, углами которого являются персонажи, образующие зеркальные пары. В процессе транспонирования происходит редукция любовного четырехугольника. В беллетристике четырехугольник

преобразуется в устойчивый треугольник: муж, жена и любовник.

Продуктивность западноевропейского сюжета может быть объяснена, в частности, заложенным в нем вероятностным потенциалом. Способность генерировать оригинальные сюжеты обусловлена наличием возможных вариантов развития центрального положения, которые заключаются в сюжете пре-текста. В романе Ж. Санд «Жак» реализуется один из вариантов разрешения любовной коллизии: устранение героя через самоубийство. Однако при этом в сюжете намечен целый веер потенциальных вариантов разрешения коллизии: так, равноправными с реализованным вариантом являются такие, как сохранение интриги и ситуации измены жены мужу (Октав предлагает беременной Фернанде ждать времени, когда Жак постареет и умрет или когда произойдет несчастный случай), возвращение жены к мужу (Сильвия в письме к Жаку говорит о том, что муж должен оберегать жену от любовника и что впоследствии изменившая женщина вернется к нему, так как в ней сильна прежняя привязанность). Наконец, самоубийство героя в финале наделено большой долей «вероятности». Напомним, что роман заканчивается таким образом: «Горцы, у которых он остановился, сообщили властям своего кантона, что проживавший в их доме иностранец исчез, оставив у них свой саквояж. Поиски не привели ни к каким результатам <…>» [5. С. 288]. Беллетристика, используя «чужой» материал и генерируя из него нечто новое, лишается вероятностного продуцирующего потенциала. В повестях происходит «разворачивание» возможностей, заключенных в сюжете пре-текста.

Главное изменение, которое происходит с западноевропейской сюжетной схемой, – замещение финала. В беллетристике случаи самоубийства героя не обнаружены. Можем предположить, что отказ от этого разрешения обусловлен, в частности, маркированностью самоубийства как способа выхода из любовного треугольника «муж, жена и любовник». Так, в русской литературе сентиментализма, романтизма самоустранение одного из участников любовного треугольника – тривиальная развязка. Варианты разрешения коллизии, данные в повестях 1850-х гг., представляют собой реализованные возможности сюжета романа «Жак». Выявлены следующие варианты.

В повести «Поленька Сакс» представлен вариант, намеченный в письме Сильвии. Константин Сакс, уступив жену любовнику, продолжает следить за ними, оберегать свою бывшую жену: «<…> вы разом отняли у меня жену и дочь. Вы отняли жизнь мою. Не думайте, что ребенок этот даром вам достался: я не надеюсь на вас! Помните, что б вы ни делали, два глаза будут смотреть за вами, где бы вы ни были, я буду шаг за шагом следить за вами. Вы берете мое дитя – не женщину. Горе же вам, если мое дитя не будет счастливо» [13. С. 148]. Как и предсказывает в своем письме Сильвия, изменившая жена впоследствии вновь влюбляется в мужа. Однако возвращение к мужу в данном случае не происходит. В романе М.В. Авдеева «Подводный камень», ориентированном на роман Ж. Санд «Жак» и повесть А.В. Дружинина «Поленька Сакс», любовная коллизия получает благополучную развязку: изменившая жена, разочарованная в любовнике, возвращается к мужу, мужчина принимает ее и помогает начать новую жизнь.

Вариант Октава (ждать смерти мужа) также обнаруживается в беллетристике 1850-х гг. В повести Е.А. Лодыженской «Неудавшаяся жизнь» героиня, желая сохранить верность мужу, настаивает на отъезде влюбленного в нее молодого человека на родину в Финляндию. Герой покидает возлюбленную на том условии, что ему сообщат о смерти мужа. Однако любовная коллизия получает драматичную развязку: по окончании траура героиня отправляет письмо молодому человеку, в котором уведомляет его о том, что она ждет его возвращения, но вместо того чтобы вернуться в город, герой рассказывает ей о своей свадьбе.

Таким образом, роман Ж. Санд «Жак» является для русской беллетристики одним из источников продуктивных идей. Перенося их в русский контекст, писатели заимствуют характеры героев и сюжетный рисунок. Как видно из проведенного анализа, модификация идеологического компонента влечет изменение характерологии героев и трансформацию сюжетной схемы. Однако роль романа Ж. Санд «Жак» в историко-литературном процессе исследуемого периода не ограничена влиянием на трактовку темы брака. Он становится импульсом к разработке новой для русской литературы любовной тематики. Принципы работы беллетристики с заимствованным сюжетом отличны от тех, которые представлены выше.

Беллетристы переносят в русский контекст характерологическую оппозицию, ярко представленную в романе «Жак», *сильная женщина – слабый мужчина* (Сильвия – Октав). Данная оппозиция в процессе рецепции соединяется с оппозицией романа «Орас» (Орас – Марта). Заимствованные характеры существенно изменяются в русской беллетристике. По аналогии с *лишним человеком* слабый мужчина выдвигается беллетристами и критиками на роль героя времени, характерного представителя современного общества. Новый герой, по наблюдению литературных критиков, становится частотным в прозе беллетристок: Е. Тур, С.В. Энгельгардт, А.Я. Марченко, писательниц, ориентированных на Ж. Санд (этих писательниц современники называют «русские Ж. Санд»). Например, в рецензии на роман Е. Тур «Племянница», опубликованной в «Библиотеке для чтения» в 1852 г., данная тенденция выражается наиболее ярко. Рецензент подчеркивает в ней, что беллетристки в сочинениях искажают героя, изображают его неправдоподобно слабым и безжизненным. Однако, несмотря на частотность воспроизведения, *слабый герой* не становится литературным типом. В литературной критике начиная со второй половины 1850-х гг. и литературоведческих исследованиях он представлен разновидностью *лишнего человека*.

Разбирая характеры слабых героев, критики замечают, что беллетристки создают безвольного, бесхарактерного мужчину, для того чтобы на его фоне представить идеал женщины – сильную, самостоя-

тельную героиню. Как правило, женщины, связанные со слабыми мужчинами, наделяются свойствами героинь Ж. Санд. Они также независимы, заняты полезным трудом, образованы и экспрессивны.

Репрезентативный пример представляет героиня повести Е. Тур «Заколдованный круг». Суть фабулы повести состоит в следующем: героиня, воспитанница петербургской дамы, приезжает в провинциальный город в качестве гувернантки (она занимает место для того, чтобы получить независимость). В семье она становится свидетельницей, а потом и невольной участницей любовной истории, разворачивающейся между старшими дочерями (близнецами) и соседом по даче. Герой, влюбленный в старшую сестру, делает ей предложение, однако героиня, узнав о чувствах младшей сестры, пустой девушки, бледной копии старшей сестры, уступает его ей. Герой покидает обеих сестер и женится на гувернантке.

В повести актуализируется первая часть сюжета романа «Жак»: знакомство героя с героиней, их сближение. Е. Тур, заимствуя эту часть, преобразует ее: герой, в отличие от Жака, не делает ошибку, он не женится на девушке, обладающей иным мировоззрением. Параллельно развивающаяся периферийная коллизия усиливает близость центральной коллизии с сюжетом Ж. Санд. Так, сестра героя представляет собой копию Сильвии: она резка, прямолинейна и эксцентрична. Она, как и героиня романа Ж. Санд, влюбляется в слабого мужчину. Однако, в отличие от «западноевропейского» варианта, в повести «Заколдованный круг» это событие развивается в настоящем времени, тогда как в романе «Жак» героиня переезжает в дом брата, уже разочаровавшись в любви. Драматичная развязка любовной коллизии в пре-тексте сменяется благополучной: героиня выходит замуж за слабого героя. Однако замещение финала сообщает сюжету тривиальность и предсказуемость.

Очевидная ориентация на Сильвию обнаруживается в характере героини повести Е.А. Лодыженской «Неудавшаяся жизнь». Как и героиня Ж. Санд, девушка приезжает в дом знакомого тогда, когда возникает непонимание между супругами. В повести подчеркнуто различие в характере женщин: «Софья очень сошлась с нею, хотя в характерах их была большая разница. Софья была впечатлительна, способна к сердечному увлечению, но робка и не самонадеянна. Надина была смела, решительна, даже несколько горда <…> Все современные мужчины казались ей моральными лилипутами, она смотрела на них, как на игрушки, созданные для ее забавы» [7. С. 402]. Интересно, что свобода, которой наслаждается Сильвия и которой наделяется героиня повести, получает различную реализацию. Если героиня Ж. Санд, несмотря на правила общества, сначала соединяется с возлюбленным, а затем покидает его, то в русской беллетристике эмансипированность девушки выражается только в нарушении правил женского туалета: «Надина была странная девушка. Все в ней было странно: и одежда, и прическа, и походка <…> рукава ее, казалось, принадлежали мужской рубашке. Причесывалась она так, как дамы обыкновенно причесываются для верховой езды, без... гребня <…> Странности ее сначала поражали, но впоследствии глаз привыкал в ним, и всякий поневоле сознавался, что они-то именно придают оригинальность ее красоте <…>» [7. С. 401].

Заимствуя характерологическую оппозицию, беллетристы закономерно переносят в русскую литературу сюжетную схему, связанную с ней в тексте-источнике. В пре-тексте она представлена так: сильная женщина, перестав любить слабого мужчину, покидает его, не сообщая о том, куда она уезжает; герой, потеряв возлюбленную, начинает искать ее. В беллетристике 1850-х гг. любовная коллизия Сильвия – Октав, периферийная в романе, становится самостоятельной и сюжетообразующей.

«Немаловажной особенностью сюжетов западноевропейской литературы является то, что их, как правило, нельзя возвести к одной схеме, – указывают составители Словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы Е.В. Капинос, Е.Н. Проскурина, Е.К. Ромодановская, – здесь в действие могут включаться сразу несколько разных сюжетных механизмов, которые прочно срастаются в сознании тех, кто в дальнейшем пытается воспроизвести данный сюжет» [17. С. 4]. Так, сюжет романа «Жак» в процессе транспонирования соединяется с сюжетом романа «Орас», в частности с одной его сюжетной линией (Орас – Марта). В результате этого сращения происходит смещение сюжетных акцентов в заимствованном сюжете: в центре внимания оказывается история ухода героини из семьи[5], ее соединение с возлюбленным. Как и в романе «Орас», в русских повестях подчеркивается социальное неравенство молодых людей: героиня, как правило, воспитанница в состоятельной семье, герой – состоятельный дворянин, родственник ее благодетельницы.

Актуализация темы социального неравенства приводит к вторичной семантизации западноевропейского сюжета: любовная проблематика, составляющая семантическое ядро сюжета, замещается социально-идеологической. Беллетристы делают акцент на том, что женщина, поставленная в положение Сильвии или Марты, т.е. нарушавшая общественные законы любви и брака, должна стремиться к независимости. Так, героиня повести А.Я. Марченко «Саламандра», став содержанкой состоятельного молодого человека, начинает остро переживать чувство своей несвободы, в частности материальной зависимости: «Из всех жертв, которые я могла ему принести, самой тяжелой жертвой было жить на его счет, потому что эту жертву я вынуждена была совершать сознательно, не в чаду и в порыве чувства, а по неумолимым законам необходимости и неизбежности. Отдавая ему жизнь свою, я вручала себя его чувству, но, пожертвовав гордостью, я надевала на себя цепи зависимости и предавала себя таким образом на всю жизнь себя в руки его великодушия <…> В пылу тогдашней любви своей ко мне он бы хотел окружить меня роскошью, избаловать угодливостью, но он встретил во мне непреклонную волю <…> На таком условии я могла забыть, сколько противоположного моим правилам и

убеждениям было в моей теперешней жизни» [19. С. 48]. В повествовании акцент сделан на том, что характер героини, стремящейся к самостоятельной жизни, подчеркнуто не соответствует тому зависимому положению, в которое она поставлена обстоятельствами. Став содержанкой, она жертвует собой ради возлюбленного. Любовь, нарушающая законы, представлена высшей степенью самоотвержения и самозабвения.

В результате актуализации компонентов сюжета Орас – Марта в заимствованном сюжете появляется новый элемент: женщина, став содержанкой, начинает трудиться, для того чтобы приобрести независимость. В процессе ассимиляции происходит изменение не только сюжета романа «Жак», но и сюжета романа «Орас». Сохраняя «абрис» сюжетного рисунка, писатели замещают сюжетное поведение Марты сюжетным поведением Эжени, любовницы доктора Теофиля. Как и в романе «Орас», героиня повести, став любовницей дворянина, начинает трудиться. В повествование вводится размышление о необходимости труда[6]. Оно представляет собой переложение фрагмента романа «Орас». Напомним, что Эжени, говоря с Орасом о любви к Марте, подчеркивает, что женщины в их положении должны добиваться равноправия. Став любовницей молодого дворянина, она продолжает заниматься шитьем, обеспечивая себе независимое существование.

На ассимиляцию заимствованной характерологической оппозиции, связанной с ней сюжетной схемы влияет «Евгений Онегин». Пушкинский роман становится основой для усвоения и последующего изменения западноевропейского сюжетного комплекса. В процессе ассимиляции заимствованный характер сближается с Евгением Онегиным, приобретает некоторые его свойства. Ядерными свойствами слабого мужчины в русском контексте являются не только слабость или безволие (как в романах Ж. Санд), но также светскость, поверхностное образование, искушенность в любви. При этом отметим, что характеристики героев содержат очевидные аллюзии на роман в стихах А.С. Пушкина. Приведем некоторые примеры.

Так, в повести А.Я. Марченко «Тени прошлого» фрагмент, в котором описывается образование молодого человека, содержит отсылки к «Евгению Онегину»: «…почитать бы что-нибудь, да завязка далеко начинается в этих французских романах; по-английски он не знал, хотя имел Байрона, Шекспира и В. Скотта в переводе. Он говорил о них с толком, как например: “многотомный В. Скотт”, “определительный, постигший человеческое сердце Шекспир”; “мрачный, страстный Байрон” <…> и о нем многие были такого мнения, что он человек знавший и читавший много» [20. С. 3].

В повести «Вокруг да около» приведенный фрагмент переписывается с несущественными изменениями: «Он говорил хорошо на трех языках и играл немного на фортепьяно; но что прочел он на этих трех языках? – ничего. Попадались ему под руку книги: он развертывал их и пробегал без участия несколько страниц, но никогда не мог приковать мысли своей к их содержанию <…> Он знал, что у немцев были Шиллер и Гёте, у англичан – Шекспир и Байрон; он, впрочем, прочел несколько романов Дюма, прочел Мартена и Парижские тайны <…>» [21. С. 362]. Главный герой повести С.В. Энгельгардт «Деревня», обладая поверхностными знаниями, приобретает репутацию образованного человека: «При коротком знакомстве с ним вы убеждались в перевесе его памяти и восприимчивости над природным умом <…> благодаря непринужденности в обращении и разнообразию в разговоре Радомский вообще *прослыл за очень умного человека*» (курсив автора. – *А.П.*) [22. С. 2]. По существу, выделенный фрагмент – штамп, восходящий к характеристике Онегина. Беллетристка не только переносит чужой материал в повесть, но также комментирует его: «Многочисленные знакомые Валентина Павловича привыкли называть его *премилым молодым человеком*. Я не терплю этого выражения; оно стало почти техническим, но в моих глазах остается бесцветней самой бесцветной личности. Его точный смысл не ускользает ли от вашего анализа, мой читатель, хотя вы привыкли давать себе строгий отчет в ваших понятиях?» (курсив автора. – *А.П.*) [Там же. С. 1].

Влияние «Евгения Онегина» на процесс ассимиляции заимствованного сюжетного комплекса влечет утрату связи между характерологической оппозицией и обусловленной ею схемой. Слабый герой и сильная героиня связываются в русской беллетристике с *онегинским сюжетом*[7]. В литературе, ориентированной на роман Ж. Санд, «онегинские» элементы приобретают новую семантику. В ситуации любовного объяснения («Евгений Онегин», глава IV) раскрывается слабость героя и, напротив, сила героини. Решительный шаг Татьяны Лариной, ее признание в любви, становится в беллетристике воплощением женской смелости, самоотвержения. Поведение Онегина, его отповедь в данном контексте интерпретируется как малодушие, оказывается проявлением слабости характера.

Начиная с 1854 г. ассимиляция западноевропейского сюжетного комплекса осложняется воздействием еще одного русского литературного источника. В этот период начинают появляться повести И.С. Тургенева, героем которых является слабый мужчина. Беллетристы обращаются к прозе И.С. Тургенева и начинают использовать его находки наравне с находками А.С. Пушкина и Ж. Санд. Начиная с 1854 г. на ассимиляцию заимствованной характерологической оппозиции начинает влиять «пушкинско-тургеневский» комплекс. Как известно, используя онегинскую сюжетную ситуацию *отвергнутое признание*, И.С. Тургенев, в отличие от беллетристов 1850–1853 гг., существенно преобразует ее. Так, писатель, подчеркивая взаимную влюбленность героев, делает акцент на том, что молодой человек в решительную минуту пугается чувств героини, не находит в себе силы сказать о своей любви, тем самым делая несчастным не только себя, но и влюбленную девушку. По сути, онегинская сюжетная ситуация, ставшая формульной в интерпретации писателя, преобразуется

в сюжетную ситуацию *русский человек на rendez-vous*. Данная сюжетная ситуация устойчиво маркируется как тургеневская[8].

Анализируя повести, ориентированные на роман Ж. Санд «Жак», мы приходим к заключению о «переходном» характере изучаемого историко-литературного периода 1850-х гг. Вслед за своими предшественниками, поколением 1840-х гг., «реабилитировавшим» Ж. Санд и ее героинь, следующее поколение также проявляет интерес к прозе французской писательницы. Беллетристы и критики 1850-х гг., как и их предшественники, обращаются к актуальной теме брака, развитой в романе Ж. Санд «Жак». Однако способы работы с заимствованной проблематикой, сюжетом, характерами героев обнаруживают качественное преобразование беллетристики. В повестях пунктирно намечаются «узлы», которые послужат основой сюжетики 1860-х гг., «разночинской» литературы. Просвещение героини, освобождение от домашнего гнета посредством брака с рациональным героем – частотные, продуктивные компоненты *разночинского сюжета*[9].

На этом основании мы предполагаем, что беллетристика 1850-х гг. не только продолжает традиции литературы 1840-х гг., но и генерирует «новые» векторы развития известной тематики. Одновременно с преобразованием «старой» тематики (темы брака) беллетристика 1850-х гг. находит «новый» потенциал в сюжете романа Ж. Санд «Жак», ранее находившийся вне поля зрения писателей.

Назревшая в начале 1850-х гг. потребность в изменении типа героя (критики немало писали о том, что им надоели *лишние* рефлексирующие герои) приводит к попыткам обновления характерологической парадигмы. Одновременно с практичными и рациональными молодыми людьми в русской беллетристике появляется *слабый герой*, образ которого создается с ориентацией на героев романов Ж. Санд (Октава и Ораса). На фоне интереса к теме эмансипации в русскую литературу входит *сильная героиня*, характер которой соединяет черты Татьяны Лариной и жоржсандовских героинь. Новая любовная проблематика (сильная женщина влюбляется в слабого мужчину) становится характерной особенностью, которая определяет доминирующую сюжетику повестей, отражающую интересы историко-литературной эпохи 1850-х гг. По нашим наблюдениям, возникновение и «затухание» этой тенденции целиком очерчивается рамками даного периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Изучению влияния романов Жорж Санд на русскую литературу XIX века посвящен ряд исследований [1–3].

[2] Данное заключение позволяют сделать материалы, собранные О.Б. Кафановой и М.В. Соколовой в библиографическом справочнике «Жорж Санд в России» [4].

[3] Назовем произведения, ориентированные на роман Ж. Санд «Жак»: Е. Тур «Долг» (1850), «Две сестры» (1851), «Заколдованный круг» (1854), С.В. Энгельгардт «Деревня» (1853), «Суженого конем не объедешь» (1854), А.Ф. Писемский «Виновата ли она?» (1855), А.Я. Марченко «Вокруг да около» (1855), «Горы» (1856), «Саламандра» (1859), Е.А. Лодыженская «Неудавшаяся жизнь» (1857), Е. Озерский «Наташа» (1858), Н. Николаенко «Чудачка» (1858), М.В. Авдеев «Подводный камень» (1860). Данные произведения послужат основой настоящего исследования.

[4] В русской публицистике и беллетристике идеи о браке, представленные в романе «Жак», в процессе рецепции сближаются с идеями романа «Орас». Их контаминацию можно объяснить тем, что в романе «Орас» представлен образец брака, который Жаку не удается воплотить в жизнь с Фернандой. В сюжетной линии Эжени – Теофиль развивается идея свободного брака, в котором супруги связаны не церковными узами, но любовью и взаимным уважением. Однако, несмотря на популярность романа «Орас», в 1850-е гг. продуцирующей основой становится роман «Жак», что обусловлено спецификой построения его идеологической «программы».

[5] Исследование сюжетной ситуации ухода в русской литературе второй половины XIX в. проведено А.А. Богодеровой [18].

[6] Приведем фрагмент размышления героини о независимости женщин: «Я понимала, что уметь зарабатывать насущный хлеб – это купить некоторую независимость. <…> Я почувствовала в себе новую силу от сознания, что могу *зарабатывать* деньги. Не смейтесь, это очень важно: вещественная сторона нашей жизни слишком тесно связана с нравственной стороной. Дайте человеку развить в себе сознание, что он может обойтись без посторонней помощи, увидите, какую это разовьет в нем энергию» [19. С. 53].

[7] Об *онегинском сюжете* в русской беллетристике 1850-х гг. см. подробнее [23].

[8] Влияние произведений И.С. Тургенева на развитие беллетристики 1850-х гг., героями которой являются слабый мужчина и сильная женщина, останется за рамками настоящей статьи. Это обусловлено, прежде всего, тем, что в фокусе нашего исследования находятся преимущественно повести, опубликованные в первой половине 1850-х гг., до 1856 г. (т.е. до появления романа «Рудин», повести «Ася»), именно в этот период ориентация на прозу Ж. Санд выражена наиболее ярко.

[9] Состав сюжетной схемы представлен в указателе сюжетов и мотивов русской литературы, составленном Т.И. Печерской и Е.К. Никаноровой [24. С. 82–83].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Скафтымов А.П.* Чернышевский и Жорж Санд // Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей: Статьи и исследования о русских классиках. М. : Худож. лит., 1972. С. 218–250.
2. *Кафанова О.Б.* Жорж Санд и русская литература XIX века (Мифы и реальность) 1830–1860 гг. Томск : Изд-во ТГПУ, 1998.
3. *Кафанова О.Б.* Русский жорж-сандизм // Вожди умов и моды. Чужое имя как наследуемая модель жизни. СПб. : Наука, 2003. С. 104–144.
4. *Кафанова О.Б., Соколова М.В.* Жорж Санд в России. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке (1832–1900). М. : ИМЛИ РАН, 2005.
5. *Санд Ж.* Жак // Санд Ж. Собр. соч. : в 9 т. Л. : Худож. лит., 1971. Т. 3. С. 7–288.
6. *Тур Е.* (*Салиас-де-Турнемир Е.В.*). Долг // Современник. 1850. Т. 24. С. 5–60.
7. *Вахновская С.* (*Лодыженская Е.А.*). Неудавшаяся жизнь // Русский вестник. 1857. Т. 14. С. 392–439.
8. *Чернышевский Н.Г.* Дневник моих отношений с тою, которая теперь составляет мое счастье // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. : в 15 т. М. : Худож. лит., 1939. Т. 1. С. 410–547.
9. *Обозрение* русской литературы за 1850 год // Современник. 1850. Т. 25. С. 33–74.
10. *Мацкевич Д.* Записки о женщинах // Современник. 1850. Т. 20. С. 52–70.
11. *Панаева* (*Головачева*) *А.Я.* Воспоминания. М. : Гослитиздат, 1956.

12. [*Григорьев А.А.*] Критика и библиография // Москвитянин. 1851. Ч. 2, кн. 2. № 6. С. 257–267.
13. *Дружинин А.В.* Поленька Сакс. СПб. : Изд-е А.С. Суворина, 1886.
14. *Авдеев М.В.* Подводный камень. Часть вторая // Современник. 1860. Т. 84. С. 103–188.
15. *Тур Е.* (*Салиас-де-Турнемир Е.В.*). Заколдованный круг // Отечественные записки. 1854. Т. 92. С. 139–240.
16. *Тур Е.* (*Салиас-де-Турнемир Е.В.*). Две сестры // Отечественные записки. 1851. Т. 74. С. 221–292.
17. *Словарь-указатель* сюжетов и мотивов русской литературы. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2006. Вып. 2.
18. *Богодерова А.А.* Сюжетная ситуация ухода в русской литературе второй половины XIX века : дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2011.
19. *Марченко А.Я.* Саламандра // Отечественные записки. 1859. Т. 126. С. 1–98.
20. *Марченко А.Я.* Тени прошлого // Отечественные записки. 1850. Т. 70. С. 1–64.
21. *Марченко А.Я.* Вокруг да около. Часть первая // Отечественные записки. Т. 100. С. 357–416.
22. *Ольга Н.* (*Энгельгардт С.В.*). Деревня // Отечественные записки. 1853. Т. 90. С. 1–26.
23. *Пономарева А.А.* Онегинский код в беллетристике 1850-х годов: к постановке вопроса // Сибирский филологический журнал. Новосибирск, 2015. № 3. С. 99–105.
24. *Печерская Т.И., Никанорова Е.К.* Сюжеты и мотивы русской классической литературы. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2010.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 ноября 2015 г.

ADOPTION AND DEVELOPMENT OF BORROWED PLOTS IN FICTION (THE NOVEL *JACQUES* BY G. SAND AND THE RUSSIAN NARRATIVE STORY OF THE 1850S)

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 69–78. DOI: 10.17223/15617793/401/10

Ponomareva Anastasia A. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru

Keywords: fiction; narrative story of 1850s; novel by G. Sand; precedent text; plot assimilation; secondary semantization of plot; ideological complex; type.

The paper presents the features of assimilation of the plot of the novel *Jacques* by G. Sand by the Russian fiction of the 1850s. The plot of the novel is described as a productive model which is not only the basis for imitation, but also the origin for creation of various plot modifications. The latter can mirror demands of the Russian social and literary life of the middle of the 19th century. The theme of marriage developed in the plot line of the characters of G. Sand's *Jacques* is topical in the Russian journalism and fiction of the 1850s. The novel is productive because its ideological program contains gaps which allow filling them up. The influence of G. Sand's *Jacques* on the ideas about marriage in the Russian journalism and fiction of the 1850s is mediated by a multitude of literary and critical sources. During this period, magazines publish materials that develop topics connected with women's emancipation. The topic of the author's interest is a particular and peripheral element in this ideological complex. A precedent text, the Russian version of the Western novel, a narrative story *Polenka Saks* by A.V. Druzhinin influences the reception of the ideas of G. Sand's novel in the 1850s. Fiction writers use ideas that are presented not only in *Jacques*, but also in *Polenka Saks*; they borrow the changes the ideological complex underwent in the text-imitation. In this connection, the narrative stories of the 1850s based on the novel by G. Sand are classified as "imitations to an imitation". Fiction writers reproduce the plot "outline" where ideas open in the pre-text. The paper contains a detailed analysis of various principles of the fiction "work" with the Western plot: actualization of the "probabilistic" potential of the plot of the pre-text, modification of the "valency" connections of the plot situations which result in the variability of the plot structure. The role of the novel by G. Sand is not limited by its influence on the topic of marriage in the historical and literary process of the 1850s. It is an impulse to the development of the love theme which is new for the Russian literature. This theme is formed as a result of the transfer of the characterological opposition *a weak man – a strong woman* represented in the novel *Jacques*. The process of assimilation is accompanied by the affinity of the Western plot with the plots of Russian literature of the Pushkin and Turgenev direction.

REFERENCES

1. Skaftymov, A.P. (1972) Chernyshevskiy i Zhorzh Sand [Chernyshevsky and George Sand]. In: Skaftymov, A.P. *Nravstvennye iskaniya russkikh pisateley: Stat'i i issledovaniya o russkikh klassikakh* [Moral quest of Russian writers: articles and studies on the Russian classics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
2. Kafanova, O.B. (1998) Zhorzh Sand i russkaya literatura XIX veka (Mify i real'nost') 1830–1860 gg. [George Sand and Russian literature of the 19th century (Myths and Reality), 1830–1860-ies]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
3. Kafanova, O.B. (2003) Russkiy zhorzh-sandizm [Russian studies of George Sand]. In: Bagno, V.E. (ed.) *Vozhdi umov i mody. Chuzhoe imya kak nasleduemaya model' zhizni* [Leaders of minds and fashion. An alien name as the inherited model of life]. St. Petersburg: Nauka.
4. Kafanova, O.B. & Sokolova, M.V. (2005) *Zhorzh Sand v Rossii. Bibliografiya russkikh perevodov i kriticheskoy literatury na russkom yazyke (1832–1900)* [George Sand in Russia. Bibliography of Russian translations and critical literature in Russian (1832–1900)]. Moscow: Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences.
5. Sand, G. (1971) Zhak [Jacques]. In: Sand, G. *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: in 9 v.]. V. 3. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
6. Tur, E. (Salias de Tournemire, E.V.). (1850) Dolg [Duty]. *Sovremennik*. 24. pp. 5–60.
7. Vakhnovskaya, S. (Lodyzhenskaya, E.A.). (1857) Neudavshayasya zhizn' [A Failed Life]. *Russkiy vestnik*. 14. pp. 392–439.
8. Chernyshevskiy, N.G. (1939) Dnevnik moikh otnosheniy s toyu, kotoraya teper' sostavlyaet moe schast'e [The diary of my relationship with the one who is now my happiness]. In: Chernyshevskiy, N.G. *Polnoye sobranie sochineniy: v 15 t.* [Complete Works: in 15 v.]. V. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
9. Anon. (1850) Obozrenie russkoy literatury za 1850 god [Review of the Russian literature of 1850]. *Sovremennik*. 25. pp. 33–74.
10. Matskevich, D. (1850) Zapiski o zhenshchinakh [Notes on women]. *Sovremennik*. 20. pp. 52–70.
11. Panaeva (Golovacheva), A.Ya. (1956) *Vospominaniya* [Recollections]. Moscow: Goslitizdat.
12. [Grigor'ev, A.A.]. (1851) Kritika i bibliografiya [Criticism and bibliography]. *Moskvityanin*. 2:2:6. pp. 257–267.
13. Druzhinin, A.V. (1886) *Polen'ka Saks* [Polenka Saks]. St. Petersburg: Izd-e A.S. Suvorina.
14. Avdeev, M.V. (1860) Podvodnyy kamen'. Chast' vtoraya [An underwater rock. Part II]. *Sovremennik*. 84. pp. 103–188.
15. Tur, E. (Salias de Tournemire, E.V.). (1854) Zakoldovannyy krug [A vicious circle]. *Otechestvennye zapiski*. 92. pp. 139–240.
16. Tur, E. (Salias de Tournemire, E.V.). (1851) Dve sestry [Two sisters]. *Otechestvennye zapiski*. 74. pp. 221–292.

17. Romodanovskaya, E.K. (ed.) (2006) *Slovar'-ukazatel' syuzhetov i motivov russkoy literatury* [Glossary of themes and motifs of Russian literature]. Is. 2. Novosibirsk: SB RAS.
18. Bogoderova, A.A. (2011) *Syuzhetnaya situatsiya ukhoda v russkoy literature vtoroy poloviny XIX veka* [The plot situation of leaving in the Russian literature of the second half of the 19th century]. Abstract of Philology Cand. Diss. Novosibirsk.
19. Marchenko, A.Ya. (1859) Salamandra [Salamander]. *Otechestvennye zapiski*. 126. pp. 1–98.
20. Marchenko, A.Ya. (1850) Teni proshlogo [Shadows of the Past]. *Otechestvennye zapiski*. 70. pp. 1–64.
21. Marchenko, A.Ya. (1855) Vokrug da okolo. Chast' pervaya [Around and About. Part One]. *Otechestvennye zapiski*. 100. pp. 357–416.
22. N., Ol'ga. (Engelhardt, S.V.). (1853) Derevnya [Village]. *Otechestvennye zapiski*. 90. pp. 1–26.
23. Ponomareva, A.A. (2015) Onegin code in the fiction of the 1850s: statement of the problem. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 99–105. (In Russian).
24. Pecherskaya, T.I. & Nikanorova, E.K. (2010) *Syuzhety i motivy russkoy klassicheskoy literatury* [Themes and motifs of classical Russian literature]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.

Received: 27 November 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 79–83. DOI: 10.17223/15617793/401/11

ИСТОРИЯ

УДК 612(091): 929 Штерн Л.С.: 94(574)«19»

М.О. Абсеметов

КАЗАХСТАН В СУДЬБЕ АКАДЕМИКА Л.С. ШТЕРН

Освещаются страницы жизни академика АМН СССР Л.С. Штерн, связанные с Казахстаном. Впервые Лина Соломоновна оказалась в Казахстане в период Великой Отечественной войны, во время эвакуации в курорте «Боровое» и в г. Алма-Ата, когда она занималась научными исследованиями. Второй раз Л.С. Штерн оказалась в Казахстане в г. Джамбул в качестве административно ссыльной в 1952 г. по делу Еврейского антифашистского комитета, сфабрикованному спецслужбами СССР.

Ключевые слова: Л.С. Штерн; Научно-исследовательский институт физиологии Академии наук СССР; курорт «Боровое»; Алма-Ата; Джамбул.

XX век для граждан бывшего Советского Союза был эпохой не только побед и свершений, но и тяжелых испытаний, страданий и потерь. В вихре мировых событий по-разному сложились людские судьбы. Среди тех, кто противостоял тоталитарной политике сталинизма, выжил и победил, имя первой в мире женщины-академика, выдающегося биохимика и физиолога Лины Соломоновны Штерн.

Л.С. Штерн родилась 26 августа 1878 г. в г. Либава Курляндской губернии (ныне г. Лиепая, Латвия) в еврейской буржуазной семье. Получив высшее медицинское образование в Женеве, она в 1903 г. вернулась в Россию, чтобы работать земским врачом. Но ей предложили место на кафедре Женевского университета – после долгих раздумий и колебаний она выбирает науку. В Женеве Лина Штерн познакомилась и на всю жизнь сохранила дружбу с семьями академика А.Н. Баха и революционера-марксиста Г.В. Плеханова. В 1917 г. в возрасте 29 лет талантливый врач Л.С. Штерн получила звание профессора и возглавила кафедру физиологической химии в Женевском университете.

В 1924 г. Штерн получила приглашение на заведывание кафедрой в Московском государственном университете. С горячим энтузиазмом Лина Соломоновна в разрушенных стенах бывшей Синодальной типографии на Никольской улице создает Научно-исследовательский институт физиологии. На все свои личные сбережения она закупает за границей необходимое дорогостоящее оборудование для лаборатории и фармакологические препараты. Будучи директором Научно-исследовательского института физиологии Академии наук СССР, она одновременно заведует кафедрой физиологии во Втором медицинском институте.

В 1934 г. Л.С. Штерн удостаивается звания заслуженного деятеля науки РСФСР, в 1939 г. избирается действительным членом АН СССР, а в 1944 г. – действительным членом АМН СССР. Среди многочисленных научных исследований академика Л.С. Штерн особое место занимают исследования гемато-энцефалического барьера. Еще в Женеве Штерн установила, что лекарственные препараты не проникают из крови в спинно-мозговую жидкость – мешает какой-то барьер. Изучению этого феномена, принесшего впоследствии ей мировую известность, она посвятила всю свою жизнь.

Со стороны казалось, что академик Штерн занимается чисто научными вопросами физиологии, далекими от медицинской практики. Но с началом Великой Отечественной войны выяснилось, что методы и препараты академика Штерн необходимы всем хирургам – от медсанбатов до тыловых госпиталей. Применяя ее противошоковую жидкость, которую в госпиталях называли «антишокином академика Штерн», хирурги спасли сотни и тысячи раненых бойцов и командиров, выводя их из состояния клинической смерти.

Фронт приближался к Москве. Правительство приняло решение об эвакуации учебных и научных учреждений из столицы. Трудно представить себе состояние Штерн, когда Второй медицинский институт и кафедра физиологии со всеми сотрудниками были эвакуированы в Омск, а Научно-исследовательский институт физиологии со всем штатом и оборудованием двигался по железным дорогам страны в Среднюю Азию. Конечный пункт был не ясен: то ли Ташкент, то ли Фрунзе. 17 августа 1941 г. Лина Соломоновна Штерн со своим личным секретарем О.П. Скворцовой оказались на курорте «Боровое» Акмолинской области Казахстана [1. Л. 24–24 об.]

В то время в Боровое были эвакуированы несколько госпиталей, Центральный институт физических методов лечения имени Сеченова из Севастополя, Центральный институт курортологии из Москвы. Надо отметить, что 4 октября 1941 г. в Казани Лина Соломоновна принимает активное участие в совещании у вице-президента Академии наук СССР О.Ю. Шмидта. Поднимался вопрос о состоянии детских учреждений и условиях жизни академиков и членов их семей на курорте «Боровое» Казахской ССР [Там же. Л. 21–21 об.]. В Боровом Лина Соломоновна снова встретилась с семьей академика А.Н. Баха, известным микробиологом академиком Н.Ф. Гамалея и со многими учеными, с которыми в мирное время приходилось решать различные научные проблемы. Среди них был и старший научный сотрудник Сеченовского института С.Г. Петровский, под ее руководством проводивший работу по гемато-энцефалическому барьеру.

Несмотря на солидный возраст (Л.С. Штерн исполнилось 63 года), она сохранила удивительную для

своих лет подвижность и трудоспособность. У нее было множество идей, осуществить которые в условиях курорта «Боровое» не представлялось возможным. Не было научной клинической базы и соответствующих оборудованных лабораторий. К тому же ее волнует судьба Института физиологии, медленно продвигающегося вглубь Азии, в то время как он уже должен был развернуться и начать работу по плану военного времени.

Штерн не могла сидеть на месте и ждать. Её натуре была свойственна напряженная каждодневная работа, а тут тихий, красивый, дикий уголок природы, пансионат для пожилых академиков. И Лина Соломоновна начинает действовать. Она засыпает письмами и телеграммами своих сотрудников. В письмах и обращениях к правительству страны Штерн пишет о возобновлении работы Института физиологии АН СССР в тылу, в частности в Алма-Ате. Наконец, академик Л.С. Штерн в ноябре 1941 г. получает разрешение выехать в Алма-Ату. Вопросом размещения занимался лично председатель Совнаркома Казахской ССР Нуртас Ундасынов, который 6 октября 1941 г. поручил председателю Алма-Атинского горисполкома Х. Байузакову изыскать возможности и обеспечить квартирами прибывающих академиков с семьями и сотрудников института [2. Л. 12].

Штерн добивается, чтобы эвакуированный Институт физиологии обосновался в Алма-Ате, и ей удается разместить его на базе местного медицинского института. Основными направлениями Научно-исследовательского института физиологии в военное время стали лечение шока и столбняка, отравление цианидами, восстановление нормальной деятельности сердца, применение для этого электростимулирующих методов в случае внезапной остановки сердца и при так называемой фибрилляции мышцы сердца. Велась работа по изучению ритма и режима сна с целью его рационализации, возможностей увеличения сопротивляемости организма при утомлении и длительной бессоннице в условиях войны; продолжено изучение гемато-энцефалического барьера и др.

В беседе с корреспондентом КазТАГ директор института академик Л.С. Штерн рассказала о теплом приеме и заботе со стороны Правительства Казахстана по размещению института, созданию условий для продолжения научной работы. В свою очередь, коллектив института стремился шире внедрить в практику результаты многолетних теоретических и экспериментальных исследований, имеющих в военное время особое значение.

По мнению Л.С. Штерн, значительное число смертельных случаев среди раненых вызвано шоком. Возможность эффективной борьбы с ним позволила бы спасти многих раненых воинов, восстановить их здоровье. Ее разработки по гемото-энцефалическому барьеру, регулирующему переход различных веществ из крови в спинно-мозговую жидкость и дальше в мозг, привели к интересным теоретическим и практическим результатам, нашедшим применение при лечении ряда заболеваний центральной нервной системы, в том числе столбняка и шока.

Лина Соломоновна отмечала: «Нами был разработан метод лечения шока, заключающийся в основном во введении противошокового препарата (фосфорнокислого калия) непосредственно в спинномозговой канал. Ряд опытов, проведенных в клинике, подтвердил огромную ценность этого новшества. Раненые, находившиеся в состоянии глубокого шока и считавшиеся “безнадежными”, были возвращены к жизни и вскоре вернулись в строй. Простота препарата и несложная техника его введения дают возможность применять новый метод в самых широких размерах. Сейчас, по распоряжению главного военно-санитарного управления Красной армии, наш метод лечения шока стал широко применяться на фронте» [3].

В Алма-Ате, в сложных условиях эвакуации, Л.С. Штерн разработала методику борьбы с осложненным травматическим шоком при ожогах, сильной потере крови, обморожении и т.д. Увенчались успехом и работы ее научного коллектива по изысканию новых методов лечения столбняка. До сих пор считалось, что противостолбнячная сыворотка не приносит никаких результатов, если ее применяют при уже развившемся столбняке. Этот хорошо известный всем врачам факт легко объясняется непроницаемостью гемато-энцефалического барьера, не пропускающего антитоксин столбняка. Ученые института установили, что непосредственное воздействие противостолбнячной сыворотки на нервные центры останавливает дальнейшее развитие столбняка. И как яркий результат работы института физиологии – Главное ветеринарное управление Красной армии приняло новый метод для фронта.

Л.С. Штерн корреспонденту КазТАГа сообщила также, что «большой практический интерес представляют наши работы по восстановлению нормальной деятельности сердца путем применения электрического метода при электротравмах, в случаях внезапной смерти (так называемый паралич сердца) и отравления различными ядами. Ряд опытов дал положительные результаты. Сейчас институт изготовляет специальный аппарат (позволяющий поддерживать дыхание и необходимую циркуляцию крови, без которой восстановление сердечной деятельности не имело бы практического значения. Много внимания уделяем мы вопросам увеличения работоспособности без ущерба для здоровья. Наши работы направлены к рационализации режима труда и отдыха, увеличению сопротивляемости организма к утомлению (например, при длительной бессоннице)» [3]. 12 декабря 1941 г. на первой межгоспитальной научной конференции в Алма-Ате академик Л.С. Штерн выступила с докладом «Лечение шока и столбняка путем непосредственного воздействия на… нервные центры». Прибывшие на конференцию военно-полевые хирурги докладывали об успешном применении метода академика Штерн.

Неизгладимое впечатление на академика оказала гостеприимная Алма-Ата. Ей по душе пришлись южный климат, красота гор Тянь-Шаня, непередаваемый чудный вкус знаменитого алма-атинского апорта. Ее

связывали тесные дружеские отношения с президентом Академии наук Казахстана академиком К.И. Сатпаевым.

Советские ученые в области медицины прилагали все усилия для разработки медицинского оборудования. 17 января 1942 г. Л.С. Штерн обратилась с письмом к Секретарю ЦК КП(б) Казахстана Н.А. Скворцову о содействии в практическом внедрении в лечебный процесс её разработки, посвящённой выведению организма из состояния шока, а также о создании Казахской военно-санитарной бригады. Подробно описав метод, вытекающий из её учения о барьерных функциях организма, в частности гемато-энцефалического барьера, Л.С. Штерн отметила, что результаты, полученные в процессе исследований, имеют большое практическое применение к шоку и столбняку [4]. Автор изобретения констатировала: «результаты, полученные в лабораторной обстановке (на животных), были проверены в клинике (на людях) и даже в обстановке фронта. В настоящее время метод получил апробацию со стороны Ученого медицинского совета Наркомздрава СССР» [Там же. Л. 74].

В связи с такой постановкой проблемы Л.С. Штерн, будучи уверенной в том, что её желание отправиться на фронт вызовет некоторое сопротивление со стороны коллег по Институту, настаивала на том, чтобы Секретарь ЦК КП(б) Казахстана Н.А. Скворцов оказал ей личное содействие в положительном решении данного вопроса: «Считаю, что моя личная безопасность менее важна, так как широкое внедрение в практику предлагаемого метода борьбы с шоком спасет жизнь большому количеству воинов Красной Армии» [Там же].

10 октября 1942 г. в Алма-Ате состоялось общегородское собрание интеллигенции столицы Казахстана, посвященное организации антифашистского бюро ученых. Отрывая собрание, Председатель Совнаркома Казахской ССР Н. Ундасынов подчеркнул огромную роль интеллигенции в суровые годы Отечественной войны: «Временно захватив некоторые советские города, – отмечал он, – фашисты разрушили театры, институты, лаборатории. Но разбив колбы ученых, предав огню великие памятники зодчества, они не уничтожили науку и искусство. Одним из свидетельств этого является нынешнее собрание, где наряду с представителями интеллигенции Казахстана присутствуют виднейшие ученые, писатели и артисты Киева, Харькова, Ростова, Минска и Одессы» [5].

Республиканская газета «Казахстанская правда» 13 октября 1942 г., освещавшая это событие, особо отметила роль Л.С. Штерн в создании антифашистской ассоциации ученых Казахстана: «Тов. Штерн предлагает организационно объединить ученых Казахстана в антифашистскую ассоциацию для установления более тесной связи с Всесоюзным антифашистским комитетом советских ученых. Собрание избрало антифашистское бюро ученых. В его состав вошли секретарь ЦК КП(б) Казахстана тов. Абдыкалыков, академики Адоратский, Штерн, Завадовский, Фесенков, Григорьев, доктор геологических наук тов. Сатпаев, члены-корреспонденты Академии наук Островитянов, Баранский, член-корреспондент Академии наук УССР Василенко, доктор искусствоведческих наук Эйзенштейн, докторы медицинских наук Ермолаев, Утинцев, докторы технических наук Ванюков, Бричкин, Русаков, доктор физических наук Литвинов, заместитель председателя Казахского филиала Академии наук СССР тов. Успанов, народная артистка СССР Байсеитова, писатель Муканов, главный инженер машино-строительного завода Туманьян…» [5]. В 1943 г. за выдающиеся заслуги, связанные с обороной страны, и за работы по гемато-энцефалическому барьеру, академику Л.С. Штерн была присуждена Государственная премия второй степени, которую она передала на строительство санитарного самолета.

В период своей эвакуации Штерн по предложению Председателя Совнаркома республики Н. Ундасынова посетила исторические и памятные места Южного Казахстана, расположенные на Великом Шелковом пути. Ее поразил древний город Туркестан, духовная столица Эмира Тимура, который после индийского похода в 1392 г. отстроил храм святому тюркских народов Ходже Ахмеду Яссави. Когда она шла по восточному базару Джамбула (Тараза), несмотря на тяжелое военное время, продавцы с улыбкой угощали её горячими лепешками, самсой, сладкими грушами и курагой. Идет «доктур», уважительно кивали головой аксакалы, и с шумом веселая ребятня сопровождала гостей. Идя по улицам древнего города, встречаясь с чиновниками, да и просто с горожанами, в тот момент Лина Соломоновна не знала, что судьба вновь приведет её в этот город…

Награжденная орденами и медалями Советского Союза, пользующаяся огромным авторитетом среди ученых и рядовых медицинских работников, академик Л.С. Штерн 27 января 1949 г. была арестована и помещена в Лефортовскую тюрьму, а 6 августа 1951 г. – в одиночную камеру Внутренней тюрьмы Министерства государственной безопасности СССР. Она была арестована по так называемому делу Еврейского антифашистского комитета. Ордер на арест за № 497 выдал лично министр госбезопасности генерал-полковник В.С. Абакумов. В постановлении об избрании меры пресечения «содержание под стражей» говорилось, что «Штерн Л.С. изобличается в преступлениях, предусмотренных 58-10-11 ст. УК РСФСР, и, принимая во внимание, что Л.С. Штерн, находясь на свободе, может уклониться от следствия и суда» [6. Л. 10–11].

14 марта 1952 г. в связи с жалобами на головную боль дежурный врач тюрьмы произвел медосмотр заключенной Л.С. Штерн. В медицинском заключении констатировалось: «склероз сосудов сердца, дистрофия сердечной мышцы, гипертоническая болезнь, варикозное расширение вен на нижних конечностях» [Там же. Л. 20]. 11–18 июля 1952 г., только после трех лет следствия и допросов, состоялся суд над членами Еврейского антифашистского комитета. Военная коллегия Верховного суда СССР на закрытом судебном заседании в г. Москве приговорила 14 подсудимых к высшей мере наказания и лишь единственную Л.С. Штерн – «к

лишению свободы на три года и шесть месяцев и после отбытия к высылке в отдаленную местность сроком на пять лет» [6. Л. 9].

Более 60 лет в спецхранах МВД Республики Казахстан под грифом «совершенно секретно» хранилось личное дело № 2562 заключенной Л.С. Штерн. Чтобы быть обьективными и точными, приведем некоторые фрагменты из обвинительного приговора, которые публикуются впервые. На закрытом судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР было оглашено: «Штерн Лина Соломоновна, 1878 года рождения, уроженка гор. Лиепая, Латвийской ССР, еврейка, гражданка СССР, незамужная, член ВКП(б) с 1938 года, быв. директор Института физиологии Академии медицинских наук СССР, зав. кафедрой физиологии 2-го Московского медицинского института, дейст. член Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, – обвиняется... в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58-1а, 58-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР» [Там же. Л. 7].

Л. Штерн были предъявлены серьезные обвинения по трем параграфам ст. 58: шпионаж, антисоветская агитация, участие в подготовке террористических актов. В приговоре утверждалось: «Предварительным и судебным следствием установлено, что в целях мобилизации еврейского населения за рубежом на борьбу против фашизма и пропаганды достижений СССР в зарубежной печати, при Советском информационном бюро в апреле 1942 г. был создан Еврейский антифашистский комитет (ЕАК). ...Преследуя свои преступные цели борьбы против национальной политики партии и Советского правительства... Штерн... по заданию еврейских националистических кругов США широко развернули среди еврейского населения СССР и заграницы пропаганду национализма, используя для этих целей созданную при ЕАК еврейскую газету “Эйникайт”, издательство “Дер-Эмес”, литературные еврейские альманахи, еврейский театр и кабинет еврейской культуры при Академии наук УССР. Расширив самовольно функции ЕАК, руководители его занимались устройством евреев-переселенцев, направляемых в Биробиджан, устройством евреев, возвращавшихся из эвакуации, трудоустройством евреев в бывших оккупированных районах Украины и Крыма» [Там же. Л. 8].

Судебное следствие установило, что «Штерн не только знала о проводимой в ЕАК преступной деятельности, но и сама активно участвовала в ней…» [Там же. Л. 10–11].

Далее проницательные следователи «Лубянки» усмотрели в ней классового врага и шпионку: «…Штерн, вышедшая из классово-чуждой среды, прибывшая из-за границы в 1925 году в СССР, являясь членом президиума ЕАК, неоднократно выступала на заседаниях президиума с антисоветскими националистическими речами. В 1945 и 1946 гг. установила связь с рядом иностранцев, проживавших в Москве, и информировала американцев Мадд и Лесли (Стюарт Мадд – президент американо-советского медицинского общества, известный микробиолог; Роберт Лесли – издатель популярного медицинского журнала) о научных проблемах, над разрешением которых работают советские ученые, а также сообщила пресс-атташе английского посольства Трипп (Б. Трипп – английский специалист по органической химии) ряд сведений о научных работах руководимого ею института Академии наук СССР» [6. Л. 8].

Собранных материалов и свидетельств по данному делу, как показалось следствию, накопилось предостаточно. Лина Соломоновна в ожидании суда провела 3 года и 6 месяцев, полные унижения и психологического давления. Несмотря на длительные ночные допросы, пребывание в тесном и холодном карцере-пенале Лефортовской тюрьмы, она никого не оговорила, ни одного человека не опорочила, никому не принесла горя и преследований. Судебный вердикт был вынесен 18 июля 1952 г.: «На основании вышеизложенного Военная Коллегия Верховного Суда СССР признает виновной… Штерн в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1а, 58-10 ч. 2 и 58-11 УК РСФСР. А потому и руководствуясь ст. 319 и 320 УПК РСФСР Военная Коллегия Верховного Суда СССР ПРИГОВОРИЛА:

Штерн Лину Соломоновну по совокупности совершенных преступлений на основании ст. 58-1а УК РСФСР и ст. 51 УК РСФСР лишить свободы в ИТЛ сроком на три года и шесть месяцев, с поражением прав на три года, без конфискации имущества и после отбытия этого срока лишения свободы на основании ст. 35 УК РСФСР осужденную Штерн выслать в отдаленную местность сроком на пять лет.

В срок лишения свободы осужденной Штерн зачесть предварительное заключение и исчислять с 28 января 1949 г.

Лишить медали Штерн “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов”.

Возбудить ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР о лишении орденов… “Трудовое Красное Знамя” и “Красная Звезда”.

Приговор окончательный и кассационному обжалованию не подлежит…» [Там же. Л. 9].

Вскоре после суда она была вызвана к следователю. Ей были предложены города союзных республик, кроме столиц. Лина Штерн выбрала хлебный город Джамбул, где местное население по установившейся традиции с уважением и почтением относилось к врачам и учителям. 29 июля 1952 г. 74-летняя Л.С. Штерн под особым конвоем была этапирована в г. Джамбул, со сроком высылки 5 лет. 6 мая 1953 г. прокурор по Джамбульской области Нургазиев санкционировал освобождение Л.С. Штерн со снятием судимости согласно Указу Президиума Верховного Совета Союза ССР от 27 марта 1953 г. [3. Л. 38]. Личное дело № 2562 Л.С. Штерн под грифом «совершенно секретно» было сдано в 1-й спецотдел Управления МВД по Джамбульской области [Там же. Л. 39]. Пробыв в Джамбуле 10 месяцев, она привязалась к этому теплому южному городу, к искренним и открытым людям. Здесь она впервые испытала семейное счастье, выйдя замуж за вдовца – многодетного казаха-фронтовика.

После возвращения из ссылки Л.С. Штерн возглавила лабораторию физиологии Института биологической физики АН СССР. Продолжала изучать гемато-энцефалический барьер в свете новых достижений науки. В 1960 г. была избрана почетным доктором Женевского университета. Умерла Л.С. Штерн 7 марта 1968 г., на 90-м году жизни, похоронена в Москве на Новодевичьем кладбище. Лина Соломоновна Штерн всегда была верна избранному ею пути – она мужественно защищала и отстаивала свое учение, отвергая необоснованные обвинения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Государственный* архив Акмолинской области. Ф. 759. Оп. 1. Д. 6.
2. *Архив* Президента Республики Казахстан (далее – АП РК). Ф. 1137. Оп. 6. Д. 827.
3. *В институте* физиологии Академии наук СССР. Беседа с академиком Л.С. Штерн // Казахстанская правда. 1942. 27 окт.
4. АП РК. Ф. 708. Оп. 6.1. Д. 484.
5. *Все силы* передовой науки – на разгром врага (собрание интеллигенции столицы Казахстана) // Казахстанская правда. 1942. 13 окт.
6. *Архив* центра правовой статистики и инфомации (далее – ЦПС и И) по Жамбылской области. Ф. 3. Оп. 11. Д. 2562.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 ноября 2015 г.

KAZAKHSTAN IN THE FATE OF ACADEMICIAN L.S. SHTERN

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 79–83. DOI: 10.17223/15617793/401/11

Absemetov Marat O. National Archive of the Republic of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan). E-mail: keden-kz@mail.ru

Keywords: L.S. Shtern; Scientific-Research Institute of Physiology of the USSR Academy of Sciences; Borovoye resort; Alma-Ata; Jambul.

Eminent physiologist and biochemist Lina Solomonovna Shtern (1878–1968) entered the Medical Faculty of the University of Geneva after secondary education. She began research in the area of biological oxidation, resulting in the discovery of enzyme polyphenoloxidase at Geneva University. From 1917 to 1925, she headed the Department of Physiological Chemistry of the Swiss University. In 1925, she returned to the USSR and worked as Professor of Moscow Medical Institute named after N.I. Pirogov, then as Director of the Institute of Physiology of the Academy of Sciences of the USSR. In 1938, she became a member of the Communist Party of the Bolsheviks. In 1929, L.S. Shtern founded the Physiological Institute of the Ministry of Education and the national health Committee in Moscow and headed it until 1948 when it was eliminated. On June 1, 1935, L.S. Shtern obtained a scientific degree of the Doctor of Biological Sciences without defending a thesis. In 1939, she was elected a member of the USSR Academy of Sciences, and in 1944 a member of the USSR Academy of Medical Sciences. With the beginning of the Second World War, Lina Solomonovna Shtern was in evacuation in Kazakhstan and continued to work. She sent all her forces to help the front: trained surgeons in her method of treatment of shock in hospitals. Thanks to her serum, it was possible to fight against tuberculosis, encephalitis, tetanus. She saved thousands of children finding a new method of dealing with meningitis with streptomycin. In 1943, Shtern was one of the first laureates of the Stalin Prize. After the war, in 1949, Shtern received the copyright certificate for her new method of treatment of tuberculous meningitis by intracranial injection of streptomycin, which saved thousands of children. At the initiative of Lina Solomonovna, a systematic study of such fundamental biological problems as sleep and longevity was started, she put forward her own conception of these phenomenon. Lina Solomonovna spoke fluent French, German, English and Italian. Before moving to the USSR, her works were published in French and German. She was a member of the Presidium of the Jewish Anti-Fascist Committee. In 1949, L. Shtern was accused in the case of the Jewish Anti-Fascist Committee (Night of the Muredered Poets). In July 1952, only one of the defendants (the other defendants were executed) was sentenced to 3.5 years in prison followed by 5 years of exile. She was in exile in Kazakhstan, Jambul. She was allowed to return to Moscow under an amnesty in 1953, although she was formally rehabilitated only in November 1958. Since the first of March 1953, she was restored to the rank of academician. In 1954–1968, she headed the Department of Physiology of the Institute of Biophysics, the USSR Academy of Sciences. Geneva University awarded her an honorary doctorate for outstanding scientific achievements in 1960. Academician L.S. Shtern wrote fundamental works on chemical and physical-chemical bases of vital activity of humans and animals, developed a theory of barrier functions and justified their importance for maintaining the constancy of the internal environment; she studied in detail the blood-brain barrier. The works of L. Shtern about the importance of non-specific products of metabolism (metabolites) in the life of the organism played an important role in the development of the problem of humoral regulation of functions.

REFERENCES

1. State Archive of Akmola Oblast. Fund 759. List 1. File 6. (In Russian).
2. Archive of the President of the Republic of Kazakhstan. Fund 1137. List 6. File 827. (In Russian).
3. Anon. (1942) V institute fiziologii Akademii nauk SSSR. Beseda s akademikom L.S. Shtern [In the Institute of Physiology of the Academy of Sciences of the USSR. Interview with Academician L.S. Shtern]. *Kazakhstanskaya pravda*. 27 October.
4. Archive of the President of the Republic of Kazakhstan. Fund 708. List 6.1. File 484. (In Russian).
5. Anon. (1942) Vse sily peredovoy nauki – na razgrom vraga (sobranie intelligentsii stolitsy Kazakhstana) [All the forces of progressive science to defeat the enemy (meeting of intellectuals of the capital of Kazakhstan)]. *Kazakhstanskaya pravda*. 13 October.
6. Archive of the Center of Legal Statistics and Infomation of Zhambyl Oblast. Fund 3. List 11. File 2562. Fund 3. List 11. File 2562. (In Russian).

Received: 24 November 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 84–86. DOI: 10.17223/15617793/401/12

УДК 94(100)``1939/45

Л.В. Белгородская

ИДЕОЛОГЕМА «ГЕРОЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ» В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИСТИКЕ

Статья посвящена анализу биографий героев Великой Отечественной войны и пониманию природы их героизма в новейшей западной энциклопедистике. В материале нашли отражение следующие сюжеты: мотивы выбора персоналий, причины интереса к героям войны, понимание их подвига и объяснение западными авторами причин превращения их в часть коллективной памяти россиян и граждан других стран. Исследовано толкование понятия «герой» в словарях. Дан анализ особенности биографий полководцев и рядовых участников военных действий. Выявлено западное представление о мифологической составляющей образов героев.

Ключевые слова: образы героев войны; американские и британские энциклопедии; Г.К. Жуков; И.С. Конев; Л.М. Павличенко.

Теория «мест и фигур памяти» Пьера Нора, осуществившего своеобразную инвентаризацию мест коллективной памяти французской нации, подтолкнула к изучению данного вопроса. Для «фигур памяти», с его точки зрения, характерно наличие «материального ядра», переменчивого символического значения, функциональной задачи вызывать воспоминания. Герои российской истории стали в какой-то степени и фигурами памяти других народов и культур. Выбор энциклопедий в качестве исторического источника оправдан, поскольку попасть в словник энциклопедии в новейшее время, в сущности, означает войти и остаться в исторической памяти.

В английском языке слово *hero* имеет не менее пяти значений: от любимца греческих богов до главного героя литературного произведения. В контексте нашего исследования важно второе определение понятия: «Мужчина, сейчас также и женщина, отличившийся своей экстраординарной храбростью или прекрасными поступками; знаменитый воин» [1. P. 1240].

В зарубежной исторической литературе и в научно-публицистических работах часто используется выражение «герой Второй мировой войны». В ряде публикаций отмечается, что к числу героев относятся лидеры стран антигитлеровской коалиции; воины, проявившие храбрость на поле боя; героические личности, сопротивлявшиеся Холокосту; немцы, боровшиеся с гитлеровским режимом; специально выделяются советские люди, совершившие военные подвиги в годы Великой Отечественной войны.

Часто рассматриваемая идеологема включает в себя только людей, удостоенных медалью «Золотая звезда» и звания «Герой Советского Союза». Американский историк Г. Сакайда в книге «Герои Советского Союза» стратифицировал героев по этническим группам и видам военной деятельности, выделив в самостоятельные группы летчиков, снайперов, танкистов, моряков, партизан и пехотинцев [2].

Герои Великой Отечественной войны в западных энциклопедиях представлены в первую очередь государственными и военными лидерами страны. Пантеон полководцев похож в большинстве изданий. Главная энциклопедия западного англоязычного мира «Британника» воздает в последнем издании должное маршалу Г.К. Жукову, ему посвящен специальный биографический очерк [3. Vol. 12. P. 914]. Автор оценил его заслуги следующими словами: «…наиболее важный советский военный полководец в годы Второй мировой войны». Биограф высоко оценил уровень подготовки полководца в стенах Военной академии им. М.В. Фрунзе, где «изучали военную науку… так же хорошо, как в Германии». Подчеркнуты заслуги генерала в Московской битве, битве за Ленинград, а Сталинградская битва «показала выросшее мастерство и профессионализм целой группы молодых советских генералов, возглавляемых Жуковым».

Высокой оценки заслужила в главных энциклопедиях западного мира и деятельность маршала И.С. Конева. В биографии полководца отмечены неудачи под Орлом и Вязьмой и помощь Жукова в сохранении его военно-политических позиций. Ивану Степановичу приписывается афористическое выражение о «лебединой песне» немецких бронетанковых войск, «спетой под Курском» [4. Vol. 2. P. 766]. Биографический очерк в «Британнике» (всего в ней помещено только два биографических материала о героях войны 1941–1945 гг.) также воздает должное «одному из выдающихся советских генералов», полководцу, «нанесшему первое поражение Гудериану», «возглавившему войска, первыми вступившими на территорию Германии» [3. Vol. 6. P. 5, 947]. В большой монографической статье «Мировые войны» «Британники» приведена оценка И.С. Конева, данная ему Гитлером в 1945 г.: «Он – величайший по важности со времен Чингисхана!» [Ibid. Vol. 29. P. 1019].

Особое внимание уделяется соперничеству маршалов Жукова и Конева на заключительном этапе войны, искусно подогреваемое Сталиным. В итоге войскам под командованием Конева пришлось брать не Берлин, а Прагу. Для англоязычного читателя важна информация о связи биографии героя с историей их стран. Поэтому в биографии особо отмечается участие Конева в похоронах У. Черчилля в 1955 г.

В 1996 г. в свет вышла книга американского военного историка М.Л. Лэннинга «100 самых влиятельных военных лидеров всех времен». Только два полководца-россиянина советской эпохи вошли в него. И.С. Конев занял 54-ю строчку, Г.К. Жуков – 70-ю, возглавил список Д. Вашингтон. Следует отметить, что автор оценивал не только военные успехи полководцев, но и их политическую деятельность [5]. Издание переведено на русский язык.

В выпущенной в 2004 г. американской четырехтомной «Энциклопедии истории России» помещены биографические материалы о А.М. Василевском, К.Е. Ворошилове, Г.К. Жукове, И.С. Коневе, Б.М. Шапошникове, В.И. Чуйкове. Авторы часто делали акцент на факты, дегероизирующие образы военных деятелей Красной армии. Биография Чуйкова содержит материал о выполненном им сталинском приказе казнить всех «командиров, комиссаров и других офицеров, причастных к поражению 9 Армии в ходе Советско-финской войны» [4. Vol. 1. P. 257]. Информация о маршале Шапошникове сопровождается сведениями об исполнении им обязанностей начальника Генштаба в состоянии острого нервного истощения или иного заболевания [9. Vol. 4. P. 1379]. Итоговая оценка военно-политической деятельности маршала Конева выражена следующими словами М. Пэрриша: «Конев был типичным советским командующим, равнодушным к людским потерям. Сохранял положение одного из сталинских фаворитов» [Ibid. Vol. 2. P. 766].

В середине прошлого века слово «герой» соотносилось в словарях английского языка только с юношей или мужчиной. Западные издания в настоящее время большое внимание уделяют женщинам – героям войны, ставшим духовными символами страны, а в послевоенные годы – источниками советской «героической мифологии войны» [11. P. 708]. Это научное направление развивает Розалинда Сэрторти, написавшая статью «О создании героев, героинь и святых» [7]. Ей же принадлежит очерк о Зое Космодемьянской в «Энциклопедии истории России», которую она называет «советской Жанной д`Арк», «канонизированной коммунистическим режимом в качестве российской героической девушки-партизанки». По ее мнению, смерть девушки использовалась пропагандой для пробуждения у солдат чувства мести, поскольку ее образ был в высшей степени созвучен идее «священной войны» против фашизма [4. Vol. 2. P. 777–778].

Акцентируется внимание на парадоксах формирования характера комсомолки, которая была советской героиней, происходившей из семьи преследуемых священнослужителей, дед которой был жестоко убит большевиками в 1918 г. Наличие визуальных образов последних минут жизни и смерти героини вдохновляло художников, поэтов, кинематографистов СССР на создание культа юной героини в СССР и за рубежом. По замечанию автора, со временем характер публикаций о Зое стал носить подлинно агиографический характер. Нарративный образец советского повествования о герое во многих отношениях соответствовал образцам жизнеописания канонизированного святого. Например, рассказ фокусировался на единственном поступке, отмечалась сознательность смерти за идею, смешивались биографические данные с типическими элементами эпохи [7. P. 179]. Википедия сообщает англоязычным читателям о попытках канонизировать Зою в начале XXI в. в ранге мученицы. Культ героини проявлялся и в том, что советские женщины десятки лет, стараясь во всем подражать Зое, копировали ее одежду и прическу. Она не пропала из советского пантеона героев после начала «иконоборческого движения» в 1990-х гг.

Особое внимание уделяется подвигам снайперов. Западный менталитет с культом личности, предприимчивости, индивидуализма проявляется в выборе объектов изучения. Для определения характера культуры исследователи в области межкультурной коммуникации используют как критерий роль в ней «бытия» и «действия». Если для российской цивилизации важно созерцательное начало, проявляющееся в отношении к действительности, постоянной рефлексии, то для американской и британской культур на первый план выходит второе, деятельностное начало. Агентивная модель действий находит отражение в выборе и описании действий героев российского прошлого. Не описание ситуации, а сосредоточение внимания на операционных процедурах, деятельностных операциях представляются авторам текстов главнейшими задачами [8. С. 182–183].

Бесспорно, одной из самых известных на Западе героинь войны стала Людмила Павличенко, снайпер, уничтожившая 309 фашистов, включая 36 фашистских снайперов. В августе 1942 г. по приглашению Элеоноры Рузвельт она посетила Северную Америку [4. Vol. 3. P. 1150]. Привлекательная внешность, эмоциональное поведение, ораторское мастерство, военные успехи буквально заставили американцев влюбиться в неё. Во время поездки по Канаде она получила в дар от восхищенных граждан новейшую модель винчестера. Певец кантри Вуди Гатри посвятил ей песню «Мисс Павличенко». В составе советской делегации был снайпер В. Пчелинцев, но память о нем не сохранилась в коллективной памяти американцев. Американская сторона создала образ женщины-героя, ставший идеальным символом для мобилизации общественного мнения на идее открытия второго фронта в Европе. К. Коттэм в биографическом очерке о героине подчеркивает, что и после войны Людмила добилась жизненной удачи, став военным историком и журналистом [Ibid]. Интерес к личности героини виден и в том факте, что в год 70-летия Победы Германский исторический институт в Москве предложил французской исследовательнице А. Регаме выступить с докладом «Мисс Павличенко. Советский снайпер в Соединенных Штатах, 1942 г.».

Описание подвига А. Матросова в справочных трудах сопровождается комментарием, что «новейшие исследования российских историков убеждают исследователей в том, что Матросова “сделали” героем в пропагандистских целях» [2. P. 6].

Таким образом, интерес к героям Великой Отечественной войны в значительной степени формируется в контексте развития диалога стран как действующих лиц в истории взаимоотношений часто недружественных сторон. Эта закономерность выбора единиц информации коллективной исторической памяти может быть оценена как проявление прямой зависимости «официальной» памяти страны от оценок политических элит.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Shorter* Oxford English Dictionary. Oxford University Press, 2007. Vol. 1.
2. *Sakaida H.* Heroes of the Soviet Union. 1941–45. Osprey Publishing, 2004.
3. *The New* Encyclopaedia Britannica. 15th ed. Vols. 1–32. London : Encyclopaedia Britannica, 1994.
4. *The Encyclopedia* of Russian and Soviet History. Hungry Minds Inc., 2004. Vol. 1–4.
5. *Lanning M.L.* The Military 100: Ranking of the Most Influential Military Leaders of All Time. N.Y., 1996.
6. *The Oxford* Handbook of Postwar European History. Oxford University Press, 2012.
7. *Sartorti R.* On the Making of Heroes, Heroines, and Saints // Culture and Entertainment in the Wartime Russia / ed. R. Stites. Bloomington Indiana University Press, 1995. P. 176–193.
8. *Леонтович О.А.* Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. Волгоград, 2002. 344 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 мая 2015 г.

THE IDEOLOGEME "HERO OF THE GREAT PATRIOTIC WAR" IN CONTEMPORARY ANGLO-AMERICAN ENCYCLOPEDIAS

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 84–86. DOI: 10.17223/15617793/401/12

Belgorodskaya Lyudmila V. Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: blv.kr@yandex.ru

Keywords: image of the Great Patriotic War heroes; American and British encyclopedias; G.K Zhukov; I.S. Konev; Z.A. Kosmodemyanskaya; L.M. Pavlichenko.

This article analyzes the biographies of heroes of the Great Patriotic War and understanding of the nature of heroism in the Western encyclopedias and dictionaries of the past three decades. It reflects the following subjects: the motives of choice of personalities, the reasons of interest in the heroes of our country and understanding of their heroism and how Western authors explain the reasons for turning them into part of the collective memory of Russians and citizens of other countries. The interpretation of the concept "hero" given in the dictionaries is studied. This concept was only associated with men until the mid-twentieth century. Soviet experience allowed to expand the scope of the term. Heroes of the Great Patriotic War in Western encyclopedias are represented primarily by state and military leaders and combatants. The pantheon of generals in most encyclopedias includes G.K. Zhukov and I.S. Konev. Attention is paid to war heroes, who became the spiritual symbols of the country, and, in the postwar years, Soviet sources of the "heroic mythology of war". The "female face" of the war was studied. Information about the glorification of the image of Z.A. Kosmodemyanskaya is given. The Soviet propaganda used the death of the girl to awaken soldiers' feeling of revenge as her image was extremely conformable to the idea of the "sacred war" against fascism. The mythological component of the character was identified. The Soviet narrative of the hero in many respects conformed to the model biography of a canonized saint. For example, the story focused on a single act, there was a conscious death for an idea, biographical facts mixed with typical elements of the era. The fate of the paradoxes of war heroes was investigated; the heroes were symbols of the Soviet military glory, on the one hand, and the victims of the regime, on the other. Undoubtedly, Lyudmila Pavlichenko, a sniper who destroyed 309 fascists including 36 fascist snipers, became one of the heroines of war most known in the West. In August, 1942, by Eleanor Roosevelt's invitation, she visited North America. L. Pavlichenko became part of the cultural memory of Americans. Historians of the USA created an image of a female hero, who became a perfect symbol to mobilize public opinion on the idea of opening a second front in Europe. These information units of collective historical memory can be assessed as a manifestation of direct relationship of the "official" memory of the country with the assessment of the political elite.

REFERENCES

1. Oxford University Press. (2007) *Shorter Oxford English Dictionary*. 6th ed. Vol. 1. Oxford University Press.
2. Sakaida, H. (2004) *Heroes of the Soviet Union. 1941–45*. Osprey Publishing.
3. Encyclopaedia Britannica. (1994) *The New Encyclopaedia Britannica*. 15th ed. Vols. 1–32. London: Encyclopaedia Britannica.
4. Hungry Minds Inc. (2004) *The Encyclopedia of Russian and Soviet History*. Vol. 1–4. Hungry Minds Inc.
5. Lanning, M.L. (1996) *The Military 100: Ranking of the Most Influential Military Leaders of All Time*. Secaucus, New Jersey: Carol Publishing Group/Citadel Press.
6. Oxford University Press. (2012) *The Oxford Handbook of Postwar European History*. Oxford University Press.
7. Sartorti, R. (1995) On the Making of Heroes, Heroines, and Saints. In: Stites, R. (ed.) *Culture and Entertainment in the Wartime Russia*. Bloomington: Indiana University Press.
8. Leontovich, O.A. (2002) *Russkie i amerikantsy: paradoksy mezhkul'turnogo obshcheniya* [Russian and Americans: Paradoxes of Intercultural Communication]. Volgograd: Peremena.

Received: 25 May 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 87–91. DOI: 10.17223/15617793/401/13

УДК 929/94

О.Б. Беликова

ОБ АРХИВЕ УЧЕНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ А.В. АДРИАНОВА (1854–1920) В ТОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Исследование выполнено в рамках государственного задания «Изучение историко-культурного наследия России (сибирский аспект)» (проект № 2059).

Публикация относится к кругу работ об источниках, связанных с биографией и творчеством Александра Васильевича Адрианова (1854–1920). Выдающийся исследователь истории и культуры Северной и Центральной Азии, общественный деятель, редактор «Сибирской газеты» и газеты «Сибирская жизнь» погиб по приговору большевиков. В научный оборот вводится информация о хранящемся с 1975 г. в Томском государственном университете, в Музее археологии и этнографии Сибири, «Архиве А.В. Адрианова» (№ 868). Рассмотрена история формирования и поступления этого уникального собрания XIX – середины XX в., включающего более 2 200 документов различного характера. Отмечены его основные источниковедческие особенности: репрезентативность, современное отсутствие полной описи документов и неудовлетворительное состояние преобладающей части архива.

Ключевые слова: архив А.В. Адрианова; документы XIX – середины XX в.; история формирования; Музей археологии и этнографии Сибири.

В 1975 г. в Томский государственный университет (ТГУ), в Музей археологии и этнографии Сибири (МАЭС) поступил «Архив А.В. Адрианова» (№ 868), богатейшее собрание письменных документов XIX – середины XX в. Александр Васильевич Адрианов (1854–1920) – выдающийся исследователь истории и культуры Северной и Центральной Азии, археолог, этнограф, путешественник, публицист, видный общественный деятель. Был редактором «Сибирской газеты» и газеты «Сибирская жизнь», которые издавались в губернском Томске. Ученик и единомышленник Г.Н. Потанина, лидера сибирского областничества.

Одним из первых к наследию А.В. Адрианова обратился в середине 1950-х гг. археолог Л.Р. Кызласов [1–3 и др.]. Однако внимание к личности А.В. Адрианова, к его творчеству и материалам экспедиций в Центральной и Северной Азии исследователи активизировали лишь с конца 1980-х гг.: Н.С. Ларьков и А. Одинецкий [4], В.М. Крюков [5, 6], Н.В. Васенькин [7] и др. Биографию, общественную и научную деятельность А.В. Адрианова подробно освещала М.А. Дэвлет [8, 9 и др.]. О последней экспедиции археолога, состоявшейся в 1915–1916 гг. в Туве, опубликованы его авторские материалы [10, 11], реконструированы содержание разведок и раскопок, а также судьба их коллекций и документов [12, 13].

Настоящая публикация нацелена на привлечение интереса исследователей к документам «Архива А.В. Адрианова» (№ 868), на рассмотрение истории его поступления в МАЭС ТГУ и заострении внимания относительно сохранности этого письменного собрания.

Судьба архивного наследия А.В. Адрианова прочно переплетена с жизнью его детей и внуков, с историей Томска, Сибири и всей России. В контексте формирования и содержания архива целесообразны краткие данные обо всех семерых детях А.В. Адрианова и Анны Ефимовны Колмаковой (дни рождения указаны по старому стилю):

– Мария (17 сентября 1881 – 1953), личной семьи у неё не было;

– Александр (13 августа 1882 – май 1961), его дочь Галина вышла замуж за Торицина;

– Нина (4 декабря 1884 – 1940), личной семьи не было;

– Григорий (20 января 1887 – 14 ноября 1937), в его семье родилось 7 детей;

– Любовь (9 ноября 1889 – конец 1960-х или начало 1970-х), в замужестве – Судинко;

– Вера (3 марта 1892 – 1959, приблизительно декабрь), в замужестве – Ганкевич;

– Надежда (25 июня 1895 – 21 или 29 мая 1961), в замужестве – Путкова.

В Томске А.В. Адрианов с семьёй прожил более 24 лет, включая последний период своей жизни. В 1919 г. они по-прежнему обитали в собственном двухэтажном доме по ул. Преображенская (современная ул. Дзержинского), № 20. Под натиском Красной армии с весны 1919 г. войска адмирала А.В. Колчака, объявленного Верховным правителем России, оставляли Урал. В начале декабря из Томска началась массовая эвакуация [14. С. 46–47], но в семье Адриановых при обсуждении вопроса об эмиграции в Китай решено было остаться [9. С. 56].

В беспокойные дни начала декабря 1919 г. А.В. Адрианов, видимо, осознавал реальную опасность для сохранности накопившихся в семье многочисленных материалов, связанных с его долголетней служебной и научной деятельностью. Во всяком случае, он предпринял конкретные действия по сохранению документов и коллекций своей последней экспедиции 1915–1916 гг. в Туву. Написал 10 декабря заявление С.И. Руденко с просьбой принять их на временное хранение в возглавляемый им географический кабинет Томского университета, что включительно по 14 декабря и было сделано [13]. Часть этих переданных по описи материалов сегодня хранится в МАЭС: археологическая коллекция 6 041, этнографическая коллекция 5 976 и, возможно, 5 325, а также текстовые документы – дела 78, 79, возможно, 57, 61. Комплект всех материалов, поступивших в Томский университет 14 декабря 1919 г., безусловно, представляет

огромную историческую ценность, однако составляет лишь малую долю имевшихся тогда во владении и пользовании А.В. Адрианова. Возможно, он намеревался продолжить передачу на хранение и других своих материалов, но не успел.

В ночь на 17 декабря 1919 г. 1-я Сибирская колчаковская армия оставила Томск, и в ночь на 18 декабря власть в нём перешла к военно-революционному комитету большевиков. Сразу же была закрыта газета «Сибирская жизнь», редактором которой являлся А.В. Адрианов. 22 декабря его арестовали, обвинили «в систематической борьбе с советской властью путём агитации в газете». Он был расстрелян в начале марта 1920 г. в возрасте 65 лет в Томске.

После ареста А.В. Адрианова, произошедшего в доме на ул. Преображенской, значительная часть его личного (домашнего) архива была конфискована, а научная библиотека расхищена [14. С. 72]. В 1922 г. или несколько позже небольшой массив материалов А.В. Адрианова передала лично в Томский университет его старшая дочь М.А. Адрианова-Колмакова. В архиве МАЭС хранилось её рукописное заявление с просьбой принять материалы отца в отдел археологии и этнографии.

Судьба же огромного корпуса документов, который в итоге в 1975 г. поступил в МАЭС ТГУ как «Архив А.В. Адрианова» (№ 868), складывалась следующим образом (изложено с учётом оригинальных документов, хранящихся в МАЭС незарегистрированными).

В какой-то период, видимо, в 1920–1950-е гг., родственники А.В. Адрианова постепенно объединяют сохранившиеся дома у него и у них различные материалы, включая внушительный комплект писем. Этот сформированный архив долгие годы сберегался в Томске у Любови Александровны Судинко, дочери А.В. Адрианова, в родительском доме на ул. Дзержинского. Он, по устной информации 2013 г. Н.А. Амельянчик (правнучка А.В. Адрианова по линии его младшего сына Григория), после общих изменений в нумерации городских домов был зарегистрирован, по крайней мере, к 1949 г. уже как № 24. В конце 1940-х гг. дом значительно пострадал от пожара (сгорел второй этаж), при котором была повреждена и большая часть собранного архива. Тем не менее по мере возможности он обрабатывался. В одном из документов МАЭС говорится: «В своё время над систематизацией и приведением в порядок архива работал А.А. Адрианов (сын А.В. Адрианова). По свидетельству Д.П. Славнина, все папки были надписаны, материал разложен по разделам и составлен реестр всех документов» (справка от 15 сентября 1969 г., составленная Н.В. Лукиной – этнографом, научным сотрудником Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории археологии и этнографии Сибири (ПНИЛ ИАЭС) ТГУ. Архив отца Александр Адрианов обрабатывал после переселения в Томск, что случилось, по словам Н.А. Амельянчик, в 1947 г., после отбытия ссылки по необоснованному приговору спецколлегии Восточно-Казахстанского областного суда.

В мае 1961 г. А.А. Адрианов (сын) умер. В том же году его дочь Галина Александровна Торицина увезла весь архив деда («два больших чемодана») из Томска в Барнаул, где она постоянно проживала. С ней по поводу архивного наследия стала контактировать Н.В. Лукина, видимо, в конце 1960-х гг. После личной встречи она составила упомянутую выше справку от 15 сентября 1969 г. «О состоянии архива А.В. Адрианова» (ученическая тетрадь, 7 заполненных листов), включающую краткий перечень «24 папок» с документами. Отметила, что реестр архива отсутствует, а его материалы в некоторых папках перепутаны. Из справки также известно, что к тому времени у Г.А. Торициной солидная часть материалов, к сожалению, уже отсутствовала: «Часть архива осталась, видимо, у знакомой Торициной, работающей в “Алтайской правде” (далее пропуск текста в документе. – *О.Б.*), которая брала архив, собираясь печатать материалы в “Алт[айской] правде”. Торицина помнит, что отдавала раза в три больше папок, чем получила назад».

В начале 1975 г. (не позже 21 февраля) Г.А. Торицина передала архив в Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ, при этом, как видно из контекста имеющихся документов, – на временное хранение. По воспоминаниям (октябрь 2013 г.) бывшей сотрудницы музея М.С. Усмановой, с Г.А. Торициной о передаче архива договаривался сотрудник МАЭС Д.П. Славнин, друживший с А.А. Адриановым (сын). Работу же по непосредственной доставке архива в Томск организовала Н.В. Лукина. По сведениям Н.А. Амельянчик, часть архива, взятая на время у Г.А. Торициной кем-то из Барнаульского пединститута, ей до момента передачи архива в Томск так и не возвратили. Передаточные документы, отражающие содержание папок с архивными материалами именно на начало 1975 г., в музее сегодня отсутствуют, надо полагать, они вообще не составлялись.

Из ТГУ от имени проректора по научной работе М.П. Кортусова в адрес собственницы архива было направлено благодарственное письмо от 21 февраля 1975 г.: «Уважаемая Галина Александровна! Ректорат Томского госуниверситета выражает Вам искреннюю признательность и с благодарностью принимает на хранение в Музей археологии и этнографии Сибири архивные материалы выдающегося сибирского учёного Александра Васильевича Адрианова».

В музее началась обработка архива, в которой придерживались уже существующей систематизации документов. Не позже марта 1979 г. с участием М.С. Усмановой и М.В. Аникович (будущий крупнейший отечественный археолог; 1947–2012) был составлен предварительный (!) перечень документов, который включал 26 описей. Последующие события, связанные с историей архива, известны из письма от имени ректора ТГУ А.П. Бычкова к Г.А. Торициной, «владелице архива А.В. Адрианова (г. Барнаул)» (сохранился его черновик от 14 марта 1979 г., написанный рукой М.С. Усмановой).

В начале 1979 г. для «оценки поступившей… части архива» в университете создали комиссию в составе профессоров З.Я. Бояршиновой и Н.В. Блинова,

старшего научного сотрудника ПНИЛ ИАЭС Л.М. Плетнёвой. К её работе привлекалась старший научный сотрудник этой же лаборатории Н.В. Лукина. В итоге было сделано заключение о ценности собрания документов: «комиссия считает необходимым сохранить архив для современников и будущих исследователей истории Сибири». В указанном письме от 14 марта 1979 г., к которому прилагалась опись архива, Г.А. Торициной предложили передать архив университету именно на постоянное хранение, а также назвать сумму оценки архива и определить срок, на который она хотела бы «закрыть доступ к тем или иным документам, если в этом есть необходимость».

Надо полагать, что от собственницы архива последовало согласие на передачу его университету на постоянное хранение, так как в период начала 1979 г. – начала 1980 г. был составлен акт о приёмке его от Г.А. Торициной в МАЭС: «26 папок, в которых находится 2 214 документов… на 5 335 листах». Его подписали заведующая МАЭС Л.М. Плетнёва, заведующий ПНИЛ ИАЭС А.Т. Топчий и сотрудник этой лаборатории Д.П. Славнин (дата составления акта в нём отсутствует).

В начале 1980 г. М.С. Усманова сделала первую полную инвентаризацию архива. После этого создали новую комиссию, которая 9 апреля 1980 г. подписала другой документ: «Акт о состоянии архива А.В. Адрианова на 3 апреля 1980 г. Комиссия в составе старшего научного сотрудника Л.М. Плетнёвой, научного руководителя Проблемной лаборатории истории, [археологии и этнографии Сибири] Н.В. Блинова и заведующего Музеем археологии и этнографии Сибири М.С. Усмановой на основании осмотра и сверки с описью констатирует, что архив состоит из 26 папок, в которых находится 2 244 документа на 5 335 листах. …Около ¼ архива (544 документа) представляют собой обгоревшие или испорченные сыростью листы, которые нуждаются в срочной переписке. В хорошем состоянии – 962 документа, в удовлетворительном – 738».

В 1980 г. Томский государственный университет отблагодарил Г.А. Торицину за отданный на постоянное хранение архив А.В. Адрианова, ей было передано с оказией 300 руб., скорее всего, в конце сентября. Видимо, в какой-то момент она пожелала получить некоторые материалы обратно, поэтому в МАЭС их выбрали из общего собрания и хранили отдельно. Но насколько ясно из контекста выявленных документов, передать ей в Барнаул не успели. После кончины Г.А. Торициной отобранные для неё материалы возвратили 23 января 1981 г. в архивный отдел МАЭС.

Наконец-то только в 1982 г. (между 12 января и 22 февраля), спустя 7 лет после поступления в МАЭС, «Архив А.В. Адрианова» был официально зарегистрирован в его архивном отделе как № 868: 26 папок, включающих 2 214 документов на 5 335 листах («Инвентарная книга № 2 архива МАЭС»).

Впоследствии, уже более 35 лет, научная обработка этого архивного собрания не проводилась. С ним мне довелось поработать дважды. Впервые – в период июля–ноября 2013 г. в связи с поиском и изучением материалов о последней экспедиции А.В. Адрианова 1915–1916 гг. в Туву. Другой раз – в июле 2014 г. в связи с участием в работе комиссии по проверке организации работы МАЭС, созданной по приказу ректора ТГУ Э.В. Галажинского № 470 от 1 июля 2014 г. В результате выявлены основные источниковедческие особенности «Архива А.В. Адрианова» (№ 868).

Во-первых, собрание документов XIX – середины XX в. является репрезентативным, но маловостребованным источником для изучения различных событий отечественной истории, в особенности Сибири. Содержит авторские работы, воспоминания, различные официальные документы и пр. Тексты написаны самим А.В. Адриановым и другими людьми. К археологии и этнографии относится не более 3–4% материалов от общего объёма архива. Сотнями писем исчисляется переписка – с родственниками, коллегами, единомышленниками, читателями газет, различными учреждениями и обществами. Некоторые сообщения, которые писал сам А.В. Адрианов, он собственноручно механически копировал. Для этого использовал специальные типографским способом изготовленные книги, где текст посланий при их написании механически калькировался:

– в одной книге (папка 4), озаглавленной им как «Адрианов А.В. Моя переписка с 29 апреля 1901 г. по 9 ноября 1902 г.», переплетены 175 копий писем на 267 листах и перечень этих писем;

– книга (папка 5) «Адрианов А.В. Моя переписка с 10 ноября 1902 г. по 28 ноября 1904 г.» содержит 162 письма на 264 листах.

Сохранился также и составленный А.В. Адриановым отдельный реестр корреспонденций, отправленных им с 9 октября 1902 г. по 16 июля 1917 г. (папка 7, 39 листов).

Во-вторых, подробная опись архива до сих пор не составлена. Она должна основываться на скрупулёзном источниковедческом изучении каждого документа, включая установление его авторства, даты и пр. Необходимо определение адресата и корреспондента для всего огромного массива писем. Сейчас же возможности поиска какой-либо информации существенно ограничены и весьма трудоёмки, зачастую для этого необходим сплошной просмотр всех документов архива. Розыск сведений осложнён и тем, что в 2000-х гг. из собрания по распоряжению руководства МАЭС было изъято и перемещено в другие его отделы около 170 документов (преимущественно фотографии), что относительно личных фондов в архивной практике запрещено.

В-третьих, преобладающая часть документов «Архива А.В. Адрианова» сейчас находится в крайне неполном, т.е. неудовлетворительном состоянии и нуждается в срочной консервации и реставрации. Возможности для их проведения на базе МАЭС отсутствуют, поэтому одним из вариантов

действенного спасения архива может быть его передача на техническую обработку и постоянное хранение в специализированное подразделение Научной библиотеки ТГУ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кызласов Л.Р.* Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении) // Вестник МГУ. Сер. Историко-филологическая. 1958. № 4. С. 71–99.
2. *Кызласов Л.Р.* История Тувы в Средние века. М. : МГУ, 1969. 212 с.
3. *Кызласов Л.Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М. : МГУ, 1979. 208 с.
4. *Ларьков Н.С., Одинецкий А.* В ночь на 18-е… // Красное знамя. Томск. 1989. № 289–290. 16–17 дек. С. 9.
5. *Крюков В.М.* В декабре 1919-го…: Страницы дневника А.В. Адрианова // Сибирская газета (Новосибирск). 1990. № 47. 31 дек. С. 20.
6. *Крюков В.М.* Александр Адрианов: Последние годы. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. 80 с.
7. *Адрианов А.В.* «Дорогой Григорий Николаевич…»: Письма Г.Н. Потанину / сост., публ. Н.В. Васенькин. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 288 с. (Сибирский архив; Т. 3).
8. *Дэвлет М.А.* Петроглифы Енисея: История изучения (XVIII – начало XX вв.). М., 1996. 249 с.
9. *Дэвлет М.А.* Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово : Кузбассвузиздат, 2004. 68 с.
10. *Адрианов А.В.* Дневник археологических исследований 1915–1916 гг. в Урянхайском крае (Тува) / подгот. к публ. О.Б. Беликовой; отв. ред. В.И. Молодин. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 146 с.
11. *Адрианов А.В.* Письмо от 15 февраля 1916 г. в Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии о предстоящих исследованиях 1916 г. в Туве / подгот. к публ. О.Б. Беликовой // След на песке : сб. археологической инспекции: Памяти Андрея Дмитриевича Гамана. Томск; Северск : Дельтаплан, 2010. С. 31–40.
12. *Беликова О.Б.* Последняя экспедиция А.В. Адрианова: Тува, 1915–1916 гг. Археологические исследования (источниковедческий аспект) / отв. ред. Д.Г. Савинов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 570 с.: 301 ил.
13. *Беликова О.Б., Вдовин А.С.* «Завещание» А.В. Адрианова от 10 декабря 1919 г. о материалах его последней экспедиции (Тува, 1915–1916 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2009. № 324 (июль). С. 163–168.
14. *Ларьков Н.С.* Декабрьские события 1919 г. в Томске // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 3 (15). С. 46–56.
15. *Рудковская М.А.* Томский период жизни С.И. Руденко // Труды ТОКМ. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. Т. 13. С. 60–91.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 сентября 2015 г.

ON THE ARCHIVE OF SCIENTIST AND PUBLIC FIGURE A.V. ADRIANOV (1854–1920) IN TOMSK STATE UNIVERSITY

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 87–91. DOI: 10.17223/15617793/401/13

Belikova Olga B. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bob@mail.tsu.ru

Keywords: A.V. Adrianov's archive; documents of 19th – mid-20th centuries; history of formation; Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia at Tomsk State University.

The publication refers to the range of papers on sources connected with the biography and work of Alexander Vasil'evich Adrianov (1854–1920). An outstanding researcher of the history and culture of North and Central Asia, social activist and educator, editor of the *Sibirskaya Gazeta* [Siberian Newspaper] and the *Sibirskaya Zhizn'* [Siberian Life] was killed by the verdict of the Bolsheviks. After the arrest of A.V. Adrianov in Tomsk, where the scientist and his family had lived more than 24 years, a significant part of his personal (home) archive was confiscated and the research library was plundered. In the 1920s–1950s, in Tomsk, the relatives of A.V. Adrianov gradually united the saved documents associated with him. In the 1950s, Alexander Adrianov (A.V. Adrianov's eldest son) began processing these collected works and did their first systematization. In 1961, the granddaughter of A.V. Adrianov transported the archive to Barnaul where part of the material she had been taken was not returned. In 1975, she gave the remaining documents for storing to the Museum of Archeology and Ethnography of Siberia of Tomsk State University where they were registered as The Archive of A.V. Adrianov (No. 868). Many documents were still in poor condition when they came to the university. In 1979, the Museum made a preliminary list of the materials according to 26 inventories. The collection of the 19th – mid-20th centuries includes more than 2,200 different documents (author's texts, memories, material on archeology and ethnography, writing, etc.). The Archive of A.V. Adrianov is unique, but rarely used source for the study of various events of Russian history, especially history of Siberia, as well as for research on archeology and ethnography. A detailed list of the collection based on the scrupulous study of the source of each document including the establishment of its authorship and date has not been compiled yet. Many of the archive documents are in urgent need of conservation and restoration.

REFERENCES

1. Kyzlasov, L.R. (1958) Etapy drevney istorii Tuvy (v kratkom izlozhenii) [Stages of the ancient history of Tuva (a summary)]. *Vestnik MGU. Ser. Istoriko-filologicheskaya*. 4. pp. 71–99.
2. Kyzlasov, L.R. (1969) *Istoriya Tuvy v Srednie veka* [History of Tuva in the Middle Ages]. Moscow: Moscow State University.
3. Kyzlasov, L.R. (1979) *Drevnyaya Tuva (ot paleolita do IX v.)* [Ancient Tuva (from the Paleolithic to the ninth century)]. Moscow: Moscow State University.
4. Lar'kov N.S. & Odinetskiy, A. (1989) V noch' na 18-e… [On the night of the 18th . . .]. *Krasnoe znamya*. 289–290. 16–17 December.
5. Kryukov, V.M. (1990) V dekabre 1919-go…: Stranitsy dnevnika A.V. Adrianova [In December 1919 . . .: Pages of A.V. Adrianov's Diary]. *Sibirskaya gazeta*. 47. 31 December.
6. Kryukov, V.M. (2004) *Aleksandr Adrianov: Poslednie gody* [Aleksandr Adrianov: The last years]. Tomsk: NTL.
7. Adrianov, A.V. (2007) *"Dorogoy Grigoriy Nikolaevich…": Pis'ma G.N. Potaninu* ["Dear Grigoriy Nikolaevich . . ." Letters to G.N. Potanin]. Tomsk: Tomsk State University.
8. Devlet, M.A. (1996) *Petroglify Eniseya: Istoriya izucheniya (XVIII – nachalo XX vv.)* [Petroglyphs of the Yenisei: the study history (18th – early 20th centuries)]. Moscow: Institute of Archaeology, RAS.
9. Devlet, M.A. (2004) *Aleksandr Vasil'evich Adrianov (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Aleksandr Andrianov (to the 150th anniversary of his birth)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.

10. Adrianov, A.V. (2008) *Dnevnik arkheologicheskikh issledovaniy 1915–1916 gg. v Uryankhayskom krae (Tuva)* [The diary of archaeological research in 1915–1916. in the Uryankhay region (Tuva)]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Adrianov, A.V. [2010]. Pis'mo ot 15 fevralya 1916 g. v Russkiy komitet dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii o predstoyashchikh issledovaniyakh 1916 g. v Tuve [Letter dated 15 February 1916, to the Russian Committee for the study of Central and East Asia about the upcoming research in Tuva in 1916]. In: *Sled na peske: sb. arkheologicheskoy inspektsii: Pamyati Andreya Dmitrievicha Gamana* [Footprints in the sand: A collection of an archaeological inspection: In memory of Andrey Dmitrievich Gaman]. Tomsk; Seversk: Del'taplan.
12. Belikova, O.B. (2014) *Poslednyaya ekspeditsiya A.V. Adrianova: Tuva, 1915–1916 gg. Arkheologicheskie issledovaniya (istochnikovedcheskiy aspekt)* [The last expedition of A.V. Adrianov: Tuva, 1915–1916. Archaeological research (the source study aspect)]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Belikova, O.B. & Vdovin, A.S. (2009) A.V. Adrianov's "Testament" of December 10, 1919 about his last expedition materials (Tuva, 1915–1916). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 324. pp. 163–168. (In Russian).
14. Lar'kov, N.S. (2011) The Events of December 1919 in Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3 (15). pp. 46–56. (In Russian).
15. Rudkovskaya, M.A. (2004) Tomskiy period zhizni S.I. Rudenko [The Tomsk period of life of S.I. Rudenko]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Trudy TOKM* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum]. V. 13. Tomsk: Tomsk State University. pp. 60–91.

Received: 09 September 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 92–96. DOI: 10.17223/15617793/401/14

УДК 930.1“1946”

Е.П. Емельянов

«ДОКЛАДЧИК ВПАЛ В ДРУГУЮ КРАЙНОСТЬ». Н.В. УСТЮГОВ НА СОВЕЩАНИИ БАШКИРСКОЙ КОМИССИИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АН СССР 4–7 ФЕВРАЛЯ 1946 г.

Статья посвящена участию выдающегося специалиста по истории Башкирии XVII–XVIII вв. Н.В. Устюгова в заседании Башкирской комиссии Института истории АН СССР 4–7 февраля 1946 г. Рассматривается его роль в подготовке «Очерков истории Башкирии», пересмотр которых в соответствии с новыми идеологическими требованиями являлся целью данного совещания. Анализируются выступление Устюгова с критикой подготовленной редакции «Очерков» и его участие в обсуждении их нового варианта, позволяющие выявить его взгляды на башкирскую историю. Рассматривается доклад Н.В. Устюгова об оценке башкирских восстаний XVII в., являвшийся попыткой использовать идеологические перемены для продвижения своих взглядов на характер данного исторического явления. Выявляются причины, не позволившие Устюгову добиться поддержки своих взглядов со стороны других участников данного совещания.

Ключевые слова: советская историография; Башкирская комиссия; «Очерки по истории Башкирии»; Н.В. Устюгов.

Среди выдающихся отечественных историков, посвятивших свою жизнь изучению российской истории XVII–XVIII вв., одно из первых мест занимает создатель концепции раннего генезиса капитализма в России профессор Московского государственного историко-архивного института Николай Владимирович Устюгов (1896/97–1963). Одним из основных направлений его исследований являлась история Башкирии указанных столетий, изучая которую, он сформулировал концепцию «свободного вассалитета» башкир и выдвинул положение о феодальном характере башкирских восстаний. Эти идеи нашли отражение в обобщающем труде «Очерки по истории Башкирской АССР», над которым Устюгов работал почти пятнадцать лет. Тем не менее эта сторона его деятельности была лишь кратко рассмотрена в двух статьях историко-биографического характера, оставивших в стороне многие вопросы, связанные с подготовкой данного труда [1. С. 14–15; 2. С. 717]. К числу таких вопросов принадлежит один из важнейших эпизодов работы Устюгова над «Очерками по истории Башкирской АССР» – его участие в заседании Башкирской комиссии, проходившем 4–7 февраля 1946 г.

Подготовка данного обобщающего труда, первоначально называвшегося «Очерками по истории Башкирии», началась в Институте истории АН СССР на рубеже 1930–1940-х гг. В те годы одной из приоритетных тем советской историографии являлась история народов СССР, охватывавшая прошлое всех народов Советского Союза, кроме русского. Идеологическая переоценка данной сферы, связанная с установлением партийного курса на формирование советского патриотизма, затронула в то время только историю украинцев и грузин, а в отношении других народов продолжали господствовать оценки марксистской историографии 1920-х гг., объявлявшей их присоединение к России «абсолютным злом» и провозглашавшей национальные движения проявлениями антиколониальной борьбы [3. С. 302].

Поэтому в «Очерках по истории Башкирии» ее присоединение к России расценивалось как завоевание, а башкирские восстания именовались антиколониальными движениями [4. Л. 48, 99]. Подготовкой «Очерков...» руководил башкирский историк Ш.И. Типеев, закончивший Институт красной профессуры и направленный в Институт истории по командировке ЦК ВКП (б) [5. Л. 50 об.]. Кроме него в авторский коллектив «Очерков» вошли известный специалист по истории Башкирии XVIII в., сотрудник Ленинградского отделения Института истории А.П. Чулошников и еще девять московских и башкирских историков. Но «Очерки» так и не были изданы, так как их подготовку к печати прервала Великая Отечественная война.

В ходе войны идеологический поворот, начатый в 1930-е гг., завершился. Отныне в официальной идеологии стала подчеркиваться совместная борьба советских народов с внешними врагами и начало осуждаться прославление антирусских движений народов СССР [3. С. 528]. В этой ситуации стало видно несоответствие подготовленных «Очерков» официальной идеологии, вынудившее в 1943 г. одного из авторов – Р.М. Раимова, напечатать их текст в нескольких экземплярах и отправить его на экспертизу в ЦК ВКП (б). Сотрудники аппарата ЦК дали ему негативную оценку, которая была официально закреплена в изданном 27 января 1945 г. Постановлении «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в башкирской партийной организации». Идеологическими ошибками авторов «Очерков» в нем назывались отсутствие разграничения между феодальными набегами и национально-освободительным движением башкир, недостаточная демонстрация угнетения трудящихся башкир татарскими и башкирскими феодалами, идеализация патриархально-феодального прошлого башкир [6. С. 540]. Данные замечания в основном касались периода XVI–XVIII вв., которому были посвящены главы, написанные А.П. Чулошниковым, Н.В. Устюговым, В.И. Лебедевым, Н.И. Кудрявцевой, Р.М. Раимовым и А.П. Николаенко [7. Л. 2–3]. Для переработки «Очерков» в соответствии с новыми требованиями 14 июня 1945 г. в Институте истории была создана Башкирская комиссия, которую возглавил В.И. Лебедев. Кроме него, в ее состав вошли Р.М. Раимов и Н.В. Устюгов [8. С. 141].

Согласно постановлению ЦК ВКП (б) от 27 января 1945 г. историки должны были провести собрания, посвященные критике идеологических ошибок в работах по истории Башкирии [6. С. 542]. В феврале

1946 г. участники комиссии собрали в Москве совещание авторов «Очерков», которое должно было выявить основные недостатки подготовленного текста и наметить план его переработки. Результаты совещания следовало представить в ЦК [9. Д. 84. Л. 30]. Первый день его работы (4 февраля) был посвящен критике подготовленного варианта «Очерков». Совещание открыл доклад председателя комиссии Лебедева, озвучившего основные замечания, сделанные по тексту «Очерков» в ЦК, и указавшего на аналогичную критику работ по истории Казахстана, Узбекистана и Татарии. Наряду с ошибками, указанными в тексте постановления ЦК, он отметил еще несколько отклонений авторов от официальной идеологии, связанных с идеализацией Золотой Орды, негативной оценкой присоединения Башкирии к России и отсутствием положительной оценки влияния русской культуры на развитие башкир [Там же. Д. 83. Л. 3–10].

Вслед за Лебедевым выступил Устюгов, озвучивший замечания, сделанные по тексту «Очерков» Башкирской комиссией. Их большая часть соответствовала идеологической критике ЦК. В качестве основного недостатка «Очерков» им был назван башкирский национализм, проявлявшийся в подчеркивании эксплуатации башкир со стороны русских помещиков и кулаков, и полном молчании об эксплуатации башкир со стороны местных феодалов [Там же. Л. 12, 25]. Также он обозначил в качестве недостатка «Очерков» невнимание авторов к вопросам социального и экономического устройства башкирского общества. Вместе с тем замечания Устюгова, посвященные главе о Гражданской войне в Башкирии, никак не были связаны с постановлением ЦК и, наоборот, противоречили официальной идеологии. Его критику вызвало затушевывание поражений большевиков в ходе Гражданской войны и невнимание к различиям между представителями Комуча, сибирскими областниками, казаками и колчаковцами [Там же. Л. 32–33]. Акцентирование различий между диктатурой Колчака и периодом «демократической контрреволюции» шло вразрез с «Кратким курсом истории ВКП (б)» и не было принято в то время среди историков Гражданской войны [10. С. 5].

После Устюгова выступил директор Башкирского НИИ языка, литературы и истории А.Н. Усманов, озвучивший замечания по тексту «Очерков» со стороны данного института. Его критика в целом повторяла замечания Лебедева и Устюгова. Прослушав доклады, участники совещания приступили к их обсуждению, ключевым пунктом которого стал вопрос об авторстве разделов, противоречащих официальной идеологии. В ходе обсуждения Устюгов назвал основными виновниками идеологических ошибок в «Очерках» А.П. Чулошникова, умершего в годы войны, и Ш.И. Типеева, находившегося на момент совещания в армии. Воспользовавшись тем, что в период написания «Очерков» их авторы не встречались между собой, Устюгов, Лебедев и Раимов скрыли факт своего участия в написании тех глав, которые вызвали замечания ЦК, и переложили основную вину на умершего Чулошникова и Типеева, принадлежавшего, в отличие от них, к группе «красных профессоров» [9. Д. 83. Л. 50].

Закончив с разбором идеологических ошибок, участники совещания посвятили заседания 5 и 6 февраля вопросу о переработке «Очерков». По итогам обсуждения был принят план переработки «Очерков», сокращавший их объем с 18 глав до 11. Значительному сокращению подверглись главы об истории Башкирии XVI–XVIII вв., из названий которых исчезли формулировки о завоевании Башкирии Московским государством и борьбе башкир за независимость [9. Д. 84. Л. 32–34].

Следует отметить, что сокращение объема «Очерков» было связано не только с идеологическими причинами, но и с тем, что главы по истории XIX–XX вв., написанные башкирскими авторами, содержали большое количество необработанного источникового материала [Там же. Л. 26, 28]. В новой редакции «Очерков» сотрудникам Башкирского НИИ было поручено написание разделов по истории культуры [8. С. 141]. Переработка остальных разделов была поручена московским историкам. В частности, Устюгов должен был переписать разделы о башкирских восстаниях XVII в. и восстании 1737–1739 гг. [9. Д. 84. Л. 32–34, 150–151]. Следует отметить, что параллельная работа над данными разделами стала для Устюгова очень плодотворной и позволила ему в 1947 г. создать концепцию «свободного вассалитета», связывавшую причины башкирских восстаний с особенностями социальной психологии представителей башкирской знати [11. С. 44]. После утверждения состава авторского коллектива и плана переработки «Очерков» на совещании встал вопрос о сроках окончания работы. Отвечая на него, Устюгов сказал: «1 декабря <1946 г.> я положу на стол директору института готовый текст “Очерков”. Таковы мечты. Завтра я доложу одну готовую часть, и вы сможете меня ругать, как вашей душе угодно» [9. Д. 84. Л. 157].

На следующий день, 7 февраля, Устюгов прочитал доклад об оценке башкирских восстаний XVII в. Говоря о причинах недовольства башкир деятельностью Московского государства, он избегал традиционного для советской историографии подчеркивания алчности царского правительства и указывал, что оно никогда не ставило своей целью разорения башкир, так как было заинтересовано в сохранении их способности уплачивать ясак в казну. Вместе с этим он отмечал контраст между намерениями правительства и повседневной административной практикой и утверждал, что тяжесть податей, земельные захваты и злоупотребления со стороны местной администрации вызывали рост недовольства среди рядовых башкир. Рассматривая причины, вызвавшие участие в восстаниях башкирских феодалов, Устюгов, также как и в довоенной редакции «Очерков», приводил тезис Н.А. Фирсова о том, что многие из них были недовольны своим превращением в слуг московского государя и утратой безраздельного господства над трудящимися населением.

Кратко характеризуя ход восстания 1662–1665 гг., он говорил, что движение башкир вылилось в нападения на русские поселения, «причем нападавшие не делали разницы между помещичьими и крестьянски-

ми поселениями, они грабили подряд и те, и другие, жгли, уводили в плен, отгоняли скот» [9. Д. 84. Л. 180]. Говоря о причинах прекращения данного восстания, Устюгов утверждал, что оно прекратилось вследствие разочарования в нем рядовых башкир, которым оно принесло только разорение. В качестве второй причины его прекращения он называл переход на сторону правительства феодалов, привлеченных обещаниями жалования, служебных и податных льгот [Там же. Л. 185–187].

Подводя итоги восстания 1662–1665 гг., Устюгов утверждал, что его нельзя называть национально-освободительными движениями, так как оно вело не к освобождению башкир из-под власти Московского государства, а к их подчинению Кучумовичам или калмыкам, что означало бы порабощение башкир и ассимиляцию их с другими кочевыми народами. При этом он подчеркивал, что реакционная деятельность калмыков особенно ярко проявилась в ходе Сеитовского восстания 1676–1683 гг. Устюгов отмечал, что активные действия башкир в ходе этого восстания начались только в 1682 г. (после того как они примирились с калмыками). Кратко пересказывая содержание пятнадцатого и шестнадцатого параграфов рукописи 1939 г., он говорил, что в 1682 г. башкиры и калмыки действовали вместе, но московское правительство сумело поссорить союзников и добилось того, что калмыки принесли присягу на верность царским властям. Несмотря на принесенную присягу, калмыки продолжали грабить русские и башкирские поселения. По словам Устюгова, действия калмыков в 1683 г. наглядно показали, что калмыцкие феодалы стремились к расширению своих кочевий, захвату башкирского имущества и подчинению башкир своей власти. Спасаясь от калмыцких отрядов, башкиры в панике покидали свои поселения, бросая имущество. Это давало Устюгову основание утверждать, что союз с калмыками не принес башкирам ничего, кроме тяжелых последствий [Там же. Л. 194–195]. Давая в конце доклада идеологическую характеристику восстаний, он повторял тезис о том, что башкирские восстания нельзя называть национально-освободительными. Подкрепляя свои выводы ссылкой на классиков марксизма-ленинизма, он приводил цитату из работы Сталина «Об основах ленинизма», в которой говорилось, что национальные движения угнетенных стран нужно оценивать по их результатам, и заявлял, что по своим результатам башкирские восстания XVII в. были реакционными [Там же. Л. 196].

После завершения доклада Устюгову был задан ряд вопросов о документах, на основании которых он делал свои выводы. В основе доклада лежали документы, опубликованные в IV томе Дополнений к «Актам историческим» и «Материалах по истории Башкирской АССР». Тем не менее Устюгов не стал подробно характеризовать источники, на основании которых были сделаны его выводы, а ограничился указаниями на то, что во многих документах имеются упоминания об организующей роли Кучумовичей в восстании 1662–1665 гг. и разорении калмыками башкирских селений в ходе восстания 1682–1683 гг. [9. Л. 202–203]. При этом он подчеркнул, что негативная оценка башкирских восстаний XVII в. не распространяется на башкирские движения XVIII в., носившие характер освободительной борьбы против колониальной политики царизма [Там же. Д. 84. Л. 205]. Следует отметить, что, отвечая на вопросы, Устюгов датировал башкирские восстания XVII в. иначе, чем в докладе. Если в докладе, написанном на основе довоенной редакции «Очерков», он использовал датировки Чулошникова, полагавшего, что башкирские восстания происходили в 1662–1665 и 1676–1683 гг., то при ответах на вопросы он датировал башкирские восстания 1662–1664 и 1682–1683 гг. Причина изменения дат башкирского движения 60-х гг. XVII в. была раскрыта им в заключительном слове после обсуждения доклада, где он отметил, что в 1664 г. массовые выступления башкир прекращаются и после этого происходят лишь отдельные набеги, инспирированные Кучумовичами [Там же. Л. 241]. Изменение датировки Сеитовского восстания было вызвано отсутствием упоминаний в документах о вооруженных выступлениях башкир в период с 1676 по 1681 г., что было отмечено Устюговым еще в довоенной редакции «Очерков». Новая датировка башкирского движения 1660-х гг., предложенная на совещании Устюговым, в дальнейшем закрепилась в советской историографии.

После ответов докладчика на вопросы началось обсуждение, в ходе которого все участники совещания выступили против его позиции. Для историков ВКП (б) являлась неприемлемой реабилитация царизма, у башкирских историков к этой причине добавлялось неприятие дегероизации их прошлого, поддерживавшие Устюгова в других вопросах Лебедев и Раимов, вероятно, посчитали, что его взгляды не соответствовали текущему идеологическому моменту. Наиболее четко взгляды остальных участников выразил башкирский историк С.Н. Нигматуллин, заявивший, что докладчик впал в другую крайность и перешел от идеализации башкирских восстаний XVII в. к отрицанию положительных сторон башкирских движений XVII в. [Там же. Л. 218]. Оценку восстания 1662–1665 гг. как реакционного поддержал только Раимов, но и он указал, что Устюгов излишне благожелательно описывал политику царизма [Там же. Л. 225].

Выступая после обсуждения доклада, Устюгов заявил, что сознательно заострил поднятые вопросы с целью вызвать дискуссию по данным проблемам. Он отметил, что у него есть другой текст о башкирских восстаниях XVII в. и вынесенные из дискуссии наблюдения будут использованы им при доработке этого текста [Там же. Л. 242]. При этом он не внес ни одного слова о своем докладе в официальный отчет о совещании, опубликованный в журнале «Вопросы истории» под заголовком «В Институте истории Академии наук СССР» [12. С. 151–154]. Будучи учеником историков «старой школы», Устюгов исходил при оценке исторических событий из национально-государственных, а не классовых интересов. Оценивая башкирские восстания как реакционные, он не подстраивался под господствующую идеологию, а, наоборот, пытался использовать идеологический по-

ворот для продвижения своих взглядов. После совещания Устюгов продолжил использовать в текстах «Очерков» довоенную оценку башкирских восстаний как освободительных и прогрессивных. Но работу над ними не удалось завершить в намеченный на совещании срок, и они вышли из печати только через десять лет, в 1956 г. Поскольку с 1952 г. присоединение коренных народов к России стало рассматриваться уже не как «наименьшее зло», а как «абсолютное благо», башкирские восстания XVII в. получили в «Очерках» характеристику реакционных явлений [13. С. 106]. Таким образом, в «Очерках» закрепилась точка зрения Устюгова на характер башкирских восстаний, однако ее утверждение было связано с усилением идеологического давления на историческую науку, вынудившим его исключить из их итогового текста многие яркие аспекты его концепции башкирских восстаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Преображенский А.А.* Творческий путь Николая Владимировича Устюгова // Города феодальной России : сб. ст. памяти Н.В. Устюгова. М. : Наука, 1966. С. 7–22.
2. *Преображенский А.А.* Устюгов Николай Владимирович // Историки России: биографии. М. : РОССПЭН, 2001. С. 714–720.
3. *Дубровский А.М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. 800 с.
4. *Архив* Российской академии наук (далее – АРАН). Ф. 1535. Оп. 1. Д. 39.
5. *Научный* архив Института российской истории РАН (далее – НА ИРИ РАН). Ф. 10. Оп. 1. Д. 43.
6. *Постановление* ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в башкирской партийной организации» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. С. 539–544.
7. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «А». Оп. 1. Д. 50а.
8. *Тихонов В.В.* «Тут явно сквозит дух объективизма…»: создание «Очерков по истории Башкирии» в 1940-е – начале 50-х гг. // Историки, идеология, власть в России XX века. М., 2014. С. 139–148.
9. АРАН. Ф. 1535. Оп. 3. Д. 84.
10. *Салазникова С.С.* Антибольшевистские правительства Урала и Сибири в период «демократической контрреволюции»: январь–ноябрь 1918 г. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. 24 с.
11. *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. М., 1947. Т. 24. С. 30–110.
12. *Устюгов Н.В.* В Институте истории Академии наук СССР // Вопросы истории. 1946. № 8–9. С. 151–154.
13. *Устюгов Н.В.* Социально-экономические отношения в Башкирии во второй половине XVI и в XVII веке. Политика царизма. Феодальные движения // Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. С. 81–123.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 мая 2015 г.

“THE ORATOR FELL INTO THE OTHER EXTREME.” N.V. USTYUGOV AT THE MEETING OF THE BASHKIR COMMITTEE OF THE USSR AS INSTITUTE OF HISTORY, 4–7 FEBRUARY 1946

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 92–96. DOI: 10.17223/15617793/401/14

Emelyanov Evgeniy P. Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: sverdlovsk89@mail.ru

Keywords: Soviet historiography; Bashkir Committee; Essays on the History of Bashkortostan; N.V. Ustyugov.

Professor of the Moscow State Institute for History and Archives (MGIAI) Nikolay Vladimirovich Ustyugov (1896/97–1963) was one of the famous specialists in the Bashkir History of the 17th–18th cc. The article is devoted to the participation of N.V. Ustyugov in the meeting of the Bashkir Committee of the Institute of History, USSR AS, on 4–7 February 1946. The committee was established at the Institute of History in 1945 for the revision of *Ocherki po istorii Bashkirii* [Essays on the History of Bashkortostan] under the new ideological demands. Preparation of *Ocherki* began at the Institute of History in the 1930s when the Bashkirs were proclaimed victims of the Russian colonial policy, and Bashkir rebellions were called manifestations of revolutionary struggle. During the Great Patriotic War, there was a revision of the ideological valuations of history of the peoples of the USSR. Since then, a joint struggle of the Russians and Bashkirs against external enemies was emphasized. In 1945, the first edition of *Ocherki* was criticized by the Central Committee. To satisfy the criticism of the Central Committee, the Bashkir Committee meeting was convened on 4–7 February 1946. On the first day of the meeting, Ustyugov voiced critical remarks made in the text of the first edition of *Ocherki* by the Bashkir Committee. Some of the remarks were consistent with the criticism of the Central Committee, for example, the selection of Bashkir nationalism as the main flaw in the first edition. His other remarks opposed the official ideology, for example, he emphasized the differences between the supporters of Kolchak and the representatives of the democratic counter-revolution. The following two days of the meeting were devoted to the issue of the revision of *Ocherki*. In discussing this issue, Ustyugov was entrusted to revisit chapters on the Bashkir rebellions of the 17th c. and 1737–1739. Work on them allowed him to create the concept “free vassalage” that explained the Bashkir rebellions with the social-cultural characteristics of the Bashkir nobility. On the last day of the meeting Ustyugov read a report on the assessment of the Bashkir rebellions of the 17th c. He stated that these rebellions were reactionary movements. They could not bring liberation to the Bashkirs, and their victory result would have been submission of the Bashkirs to Siberian princes or to the Kalmyks. Ustyugov tried to use the ideological changes to promote his views on the nature of the Bashkir rebellions. But other participants of the meeting did not support him and stated that the orator fell into the other extreme, and changed the glorification of the Bashkir rebellions by their total dispraise. The idea of the reactionary nature of the Bashkir rebellions confirmed in Soviet historiography in the early 1950s, but it was connected with the amplification of the ideological pressure on science which forced Ustyugov to renounce the most striking aspects of his concept of the Bashkir rebellions.

REFERENCES

1. Preobrazhenskiy, A.A. (1966) Tvorcheskiy put’ Nikolaya Vladimirovicha Ustyugova [The creative way of Nikolai Vladimirovich Ustyugov]. In: Shunkov, V.I. et al. (eds) *Goroda feodal’noy Rossii: sb. st. pamyati N.V. Ustyugova* [Cities of the feudal Russia: A collection off articles in memory of N.V. Ustyugov]. Moscow: Nauka.

2. Preobrazhenskiy, A.A. (2001) Ustyugov Nikolay Vladimirovich [Nikolay Vladimirovich Ustyugov]. In: Chernobaev, A.A. (ed.) *Istoriki Rossii: biografii* [Russian Historians: biographies]. Moscow: ROSSPEN.
3. Dubrovskiy, A.M. (2005) *Istorik i vlast': istoricheskaya nauka v SSSR i kontseptsiya istorii feodal'noy Rossii v kontekste politiki i ideologii (1930–1950-e gg.)* [Historian and power: the historical science in the USSR and the concept of the history of the feudal Russia in the context of politics and ideology (1930–1950-ies)]. Bryansk: Bryansk State University.
4. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1535. List 1. File 39. (In Russian).
5. Scientific Archive of the Institute of Russian History, RAS (NA IRI RAN). Fund 10. List 1. File 43. (In Russian).
6. Egorov, A.G. & Bogolyubov, K.M. (eds) (1985) Postanovlenie TsK VKP (b) "O sostoyanii i merakh uluchsheniya agitatsionno-propagandistskoy raboty v bashkirskoy partiynoy organizatsii" [Resolution of the Central Committee of the CPSU (b) "On the status and measures to improve propaganda activities in the Bashkir party organization"]. In: Egorov, A.G. & Bogolyubov, K.M. (eds) *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Central Committee Plenums]. Moscow: Politizdat.
7. Scientific Archive of the Institute of Russian History, RAS (NA IRI RAN). Fund 1. Part "A". List 1. File 50a. (In Russian).
8. Tikhonov, V.V. (2014) "Tut yavno skvozit dukh ob"ektivizma…": sozdanie "Ocherkov po istorii Bashkirii" v 1940-e – nachale 50-kh gg. ["There is a clear spirit of objectivism . . .": the creation of Essays on the History of Bashkortostan in the 1940s – early 1950s]. In: Tikhonov, V.V. *Istoriki, ideologiya, vlast' v Rossii XX veka* [Historians, ideology, power in Russia in the twentieth century]. Moscow: Institute of Russian History, RAS.
9. Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). Fund 1535. List 3. File 84. (In Russian).
10. Salaznikova, S.S. (2005) *Antibol'shevistskie pravitel'stva Urala i Sibiri v period "demokraticheskoy kontrrevolyutsii": yanvar'–noyabr' 1918 g.* [Anti-Bolshevik government of the Urals and Siberia during the "democratic counter-revolution" in January–November 1918]. Abstract of History Cand. Diss. Ekaterinburg.
11. Ustyugov, N.V. (1947) Bashkirskoe vosstanie 1662–1664 gg. [The Bashkir uprising of 1662–1664]. *Istoricheskie zapiski*. 24. pp. 30–110.
12. Ustyugov, N.V. (1946) V Institute istorii Akademii nauk SSSR [In the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR]. *Voprosy istorii*. 8–9. pp. 151–154.
13. Ustyugov, N.V. (1956) Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya v Bashkirii vo vtoroy polovine XVI i v XVII veke. Politika tsarizma. Feodal'nye dvizheniya [The social-economic relations in Bashkiria in the second half of the 16th and the 17th centuries. The policy of tsarism. Feudal movements]. In: Smirnov, A.P. et al. (eds) *Ocherki po istorii Bashkirskoy ASSR* [Essays on the History of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Received: 29 May 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 97–99. DOI: 10.17223/15617793/401/15

УДК 930.1:82-94

А.В. Емельянова

МЕМУАРЫ О ЧАСТНОЙ ШКОЛЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX – НАЧАЛА XX в.

Рассмотрены труды дореволюционных авторов, использовавших мемуары в качестве источников при изучении истории частного образования в России XVIII в. Раскрываются особенности работ, выполненных историками и педагогами. Проанализированы работы различной тематики: исследование мемуарного жанра П.П. Пекарского, обобщающие труды по истории России С.М. Соловьёва и В.О. Ключевского, историко-педагогическая работа М.И. Демкова, историко-генеалогическая работа Е.Н. Щепкиной и фундаментальное исследование по социокультурной истории России XVIII в. Н.Д. Чечулина.

Ключевые слова: мемуары; частная школа России XVIII в.; отечественная историография.

Мемуары являются одним из важнейших источников по истории частного образования. В дореволюционной историографии изучению частного образования в России XVIII в. не уделялось большого внимания. Историко-педагогические работы в основном посвящены развитию сети школ [1, 2]. Проблемы частного образования в основном затрагивались в работах по истории дворянского быта. Лишь некоторые дореволюционные историки использовали мемуары в качестве источников при изучении истории частного образования в России.

Одним из первых был академик П.П. Пекарский (1827–1872). В 1855 г. в журнале «Современник» была опубликована его статья «Русские мемуары XVIII в.» [3], в которой он кратко изложил сведения об обучении на дому, имевшиеся в мемуарах Н.Б. Долгорукой, М.В. Данилова, А.Т. Болотова, Ю.В. Долгорукова, Е.Р. Дашковой, И.Ф. Тимковского. П.П. Пекарский отмечал, что эти сведения не всегда полны, но, тем не менее, они показывают проходившую в то время секуляризацию образования и постепенное возрастание роли иностранных учителей [Там же. С. 83–84]. Автор подчеркивал, что начиная с первой половины XVIII в. даже у небогатых людей появилась потребность воспитывать детей по-европейски, при этом основное внимание уделялось изучению иностранных языков. Пекарский писал: «Неудивительно потому, что в жизнеописаниях всех известных людей XVIII в. мы так часто встречаем упоминания, что они в детстве были на руках у иностранных учителей, и что эти последние не всегда имели достаточные знания и могли научить детей только своему родному языку» [Там же. С. 77].

Важнейшим явлением российской историографии второй половины XIX в. стало издание фундаментального труда профессора Московского университета С.М. Соловьёва (1820–1879) «История России с древнейших времен». В 1876 г. вышел 26-й том данного труда, третья глава которого посвящена просвещению в России от основания Московского университета до смерти Ломоносова. В этой главе в разделе «Частное воспитание» Соловьёв в качестве примера использовал сведения из «Записок» Г.Р. Державина о деятельности пансиона каторжника Розе в Оренбурге. Автор отмечал грубость и жестокость содержателя пансиона и писал, что в домашнем обучении «недостаток надзора со стороны необразованных родителей и недостаток учителей должны были вести к очень печальным явлениям» [4. Стб. 258].

К изучению мемуаров в качестве источников по истории частного образования в России обращались не только историки, но и педагоги. Известный педагог М.И. Демков в 1896 г. написал «Историю русской педагогии», где, характеризуя состояние просвещения в России в первой половине XVIII в., привел пространные выдержки из мемуаров М.В. Данилова и А.Т. Болотова [5]. Особое внимание Демков уделил кругу чтения Болотова. Анализируя состояние просвещения в России XVIII в., Демков указал на рост популярности иностранцев, поступавших на службу в качестве домашних учителей или открывавших свои пансионы.

При написании глав об общем состоянии образования в России XVIII в. автор опирался на работы П.П. Пекарского и Н.Д. Чечулина. Отдельную главу он посвятил воспоминаниям Д.И. Фонвизина и Г.Р. Державина, подробно процитировав имевшиеся в них сведения об обучении авторов [5. С. 318–325]. При характеристике состояния частного образования во второй половине XVIII в. Демков использовал сведения из «Записок» А.Т. Болотова и подчеркивал роль родителей как инициаторов в открытии частных пансионов в провинции.

В 1898 г. преподавательница Бестужевских курсов Е.Н. Щепкина (1854–1938) издала книгу «Старинные помещики на службе и дома», посвященную истории дворянского рода Болотовых, где изложила сведения о домашнем образовании дворян, имевшиеся в мемуарах А.Т. Болотова, подробно остановилась на его собственном воспитании и обучении, сопоставила эту информацию со сведениями о домашнем образовании Г.Р. Державина, имевшимися в его мемуарах. Е.Н. Щепкина рассмотрела эту информацию в широком историческом контексте, проанализировав состояние образования этого времени во Франции, Германии и Польше. Е.И. Щепкина отметила, что необразованность и жестокость в обращении с учениками частных учителей являлись характерными чертами состояния образования не только в России, но и во многих странах Западной Европы. Но там эти недостатки компенсировались более высоким уровнем культуры общества, проявлявшимся в более широком

распространении грамотности, книг и сети школ [6. С. 69–74]. Е.И. Щепкина рассмотрела и состояние образования на западных окраинах России: в Остзейском крае и Малороссии. Говоря о частном образовании в Малороссии, она опиралась на «Записки» домашнего учителя Г.С. Винского, кратко передала данные о его обучении в школе у дьячка, затем под руководством домашнего учителя и поступлении сперва в Черниговскую коллегию, а затем в Киевскую Академию. В конце монографии Щепкина отметила значительное влияние переводных книг на воспитание русских дворян в XVIII в. Она писала: «У нас это заимствованное с Запада просвещение помогло развиться дворянской личности, помогло ей познать себе цену как представительнице умственного развития, обладавшей всеми данными для самоусовершенствования; но с другой стороны, такое развитие часто давало повод смутно и двойственно истолковывать её отношения к ближним, загнанным в иную обстановку» [Там же. С. 220–221].

Новый этап в развитии отечественной историографии начался в последней четверти XIX в., главной характеристикой которого стало утверждение позитивизма. Крупнейшим представителем позитивизма был основоположник московской исторической школы профессор Московского университета В.О. Ключевский (1841–1911). В 1904 г. началось издание его «Полного курса лекций по русской истории». В 81-й лекции данного курса, посвященной вопросам социокультурного развития России во второй половине XVIII в., он использовал для характеристики частного образования того времени мемуары смоленского дворянина Л.Н. Энгельгардта. Кратко изложив программу обучения в пансионе, он отметил грубость и невежество его содержателя – француза Эллерта. Ключевский отмечал, что такие черты образования оказали сильное влияние на привычки дворянского общества [7. С. 232].

Наиболее подробно проблематика частного образования и значение мемуаров как исторических источников по данной теме были рассмотрены в трудах приват-доцента историко-филологического факультета Петербургского университета Н.Д. Чечулина (1863–1927). В 1891–1896 гг. он читал спецкурсы, связанные с тематикой его исследований: «Русские мемуары XVIII в.» и «Учение, училища и воспитание на Руси в XI–XIX вв.» [8. С. 7–8]. В 1896 г. Н.Д. Чечулин перешел на службу в Публичную библиотеку, где и проработал до 1915 г.

В 1889 г. Н.Д. Чечулин в журнале Министерства народного просвещения опубликовал статью «Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в.» [9], из которой позднее, уже в послереволюционные годы, выросла его капитальная монография «Русская провинция во второй половине XVIII в.».

В 1920 г. в журнале «Дела и дни» он опубликовал главу из этой книги «Воспитание и домашнее обучение в России в XVIII в.» [10]. Завершить работу над монографией Н.Д. Чечулин при жизни не успел, она была опубликована только в 2010 г. Монография состоит из трех книг, последняя из которых посвящена быту дворян. В ней в отдельном разделе исследуются вопросы обучения и воспитания, который начинается с параграфа о начальном обучении. Чечулин отмечал, что немногочисленность государственных школ стимулировала развитие частного образования. На основе мемуаров он привел данные о количестве пансионов, численности учеников в них, программе и методах обучения в столицах в конце XVIII в. [8]. Автор опирался на широкий круг мемуаров, им были использованы воспоминания Г.Р. Державина, В.С. Хвостова, Н.Г. Левшина, С. Протасьева, А.Т. Болотова, И.В. Лопухина и др. В следующем параграфе, посвященном среднему образованию, на примере воспоминаний А.П. Бутенева и Ю.В. и И.М. Долгоруковых Чечулин отметил бессистемность программ обучения и засилье иностранцев в России. Третий параграф посвящен методам обучения и наказаниям. Жестокие наказания обосновываются представлениями об исконной греховности человека, для преодоления которой необходимо суровое пресечение всех дурных намерений. Четвертый параграф по своему содержанию во многом дублирует третий, а в пятом автор рассуждает о воспитании в юношеском возрасте и влиянии иностранных моралистических трактатов на воспитание дворян в XVIII столетии: «Домашнее воспитание, каковым было воспитание, можно сказать, всех русских детей в XVIII в., ибо, что значили 300 мальчиков, учеников Сухопутного кадетского корпуса по сравнению с теми десятками тысяч детей, которые росли и учились в доме своих родителей или у каких-нибудь родственников или знакомых? – домашнее воспитание всегда по необходимости действует более “сказом” сколько “показом”…» [Там же. С. 594]. Развивая этот тезис, Чечулин писал о важной роли родителей в воспитании дворян той эпохи. Автор планировал написать еще параграф о содержании обучения, однако это намерение осталось невыполненным в связи с его смертью.

Подводя итоги, следует отметить, что во второй половине XIX – начале XX в. изучение мемуаров как источников по истории частного образования в России XVIII в. находилось на стадии становления. Данная тематика затрагивалась лишь в отдельных историко-педагогических работах, так как большая часть исследований по истории образовании посвящалась изучению истории государственных школ. Наиболее глубоко данная тематика была затронута в исследованиях по социокультурной истории крупного представителя петербургской исторической школы Н.Д. Чечулина. Им была осуществлена большая работа по выявлению источников об истории русского образования в XVIII в., но многие мемуары, содержавшие сведения о частном образовании, остались ему неизвестны, что было связано с отсутствием в то время общего каталога русской мемуаристики. Кроме историков к данной тематике обращались педагоги, работы которых характеризовались низким уровнем осмысления источникового материала и нередко представляли собой простой пересказ мемуарных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рождественский С.В.* Очерки по истории системы народного просвещения в России в XVIII–XIX вв. СПб., 1912. Т. 1. 679 с.
2. *Каптерев П.Ф.* История русской педагогики. 2-е изд. СПб., 1915. 427 с.
3. *Пекарский П.П.* Русские мемуары XVIII в. // Современник. 1855. Т. 50. С. 13–43.
4. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. 2-е изд. СПб., [Б.г.]. Кн. 6, т. 26. 1178 стб.
5. *Демков М.И.* История русской педагогии. СПб., 1897. Ч. II. 691 с.
6. *Щепкина Е.Н.* Старинные помещики на службе и дома. Из семейной хроники (1578–1762). СПб., 1890. 228 с.
7. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. СПб., 1902. Ч. 3. 555 с.
8. *Чечулин Н.Д.* Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века. СПб., 2010. 836 с.
9. *Чечулин Н.Д.* Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. № 3. С. 79–458.
10. *Чечулин Н.Д.* Воспитание и домашнее обучение в России XVIII в. // Дела и дни. 1920. № 1. С. 96–112.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 июня 2015 г.

MEMOIRS OF A PRIVATE SCHOOL IN THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 97–99. DOI: 10.17223/15617793/401/15

Emelyanova Anna V. Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: annet1986@list.ru

Keywords: memoirs; private school in Russia in 18th century; Russian historiography.

The article considers works of pre-revolutionary authors, who used their memories as sources for studying the history of private education in Russia in the 18th century. The first person to address this subject was Academician P. Pekarsky. His article was published in 1855 in the *Sovremennik* journal; there he summarized the information about studying at home which was available in the memoirs of N. Dolgoruky, M. Danilov, A. Bolotov, Yu. Dolgoruky, E. Dashkova, I. Timkovsky. In 1826, Professor of Moscow University S. Soloviev published Volume 26 of *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia from the Ancient Times]. He gave information from *Zapiski* [Notes] of G. Derzhavin about the activities of the boarding-school of convict Rose in Orenburg as an example. Teacher M. Demkov wrote *Istoriya russkoy pedagogii* [The History of Russian Pedagogy] in 1896, where he characterized the state of education in Russia in the first part of the 18th century and used the excerpts from the memoirs of M. Danilov and A. Bolotov. In a separate chapter, the author reviewed the memoirs of D. Fonvizin and G. Derzhavin. A teacher of the Bestouzhev courses, E. Shchepkina, published a book *Starinnye pomeshchiki na sluzhbe i doma* [Old Landlords in Public Service and at Home], in which she went into the question at large about the nobles' home education in the 18th century. Her book was based on the memoirs of A. Bolotov. The new era in the development of Russian historiography began in the last quarter of the 19th century which was characterized by the approval of positivism. One of the representatives was Professor of Moscow State University V. Klyuchevsky. In 1904, he used the memoirs of Smolensk nobleman L. Engelhardt for describing the private education of that time. The most detailed study of private education and of the value of memoirs as history sources was in the works of N. Chechulin (Privat-Docent of the History and Philology Faculty of St. Petersburg University). In 1920, he published a chapter from his book *Vospitanie i domashnee obuchenie v Rossii v XVIII v.* [Education and Home Schooling in Russia in the 18th Century] in the *Dela i Dni* journal. Unfortunately, he could not complete the work during his lifetime. It was published in 2010. The monograph consists of three books, in which the last one is devoted to the life of the nobility. A special chapter is devoted to the problems of education and upbringing, which begins with a section about primary education. Chechulin noted that the small number of public schools had stimulated the progress of private education. Based on memoirs, he cited data on the number of boarding-schools, number of students there, curriculum and methods of education in the capitals at the end of the 18th century. The author based on a wide range of memoirs such as G. Derzhavin's, V. Khvostov's, N. Levshin's, S. Protasev's, A. Bolotov's, I. Lopukhin's, etc. Summing up, it should be noted that the study of memoirs as sources on the history of private education in Russia in the 18th – early 20th centuries was only forming. This subject was discussed only in a few historical and pedagogical works as most part of research on the history of education was devoted to the study of public schools.

REFERENCES

1. Rozhdestvenskiy, S.V. (1912) *Ocherki po istorii sistemy narodnogo prosveshcheniya v Rossii v XVIII–XIX vv.* [Essays on the history of public education in Russia in the 18th and 19th centuries]. V. 1. St. Petersburg: Tip. M.A. Aleksandrova.
2. Kapterev, P.F. (1915) *Istoriya russkoy pedagogiki* [The history of Russian pedagogy]. 2nd ed. Petrograd: Knizhnyy sklad "Zemlya".
3. Pekarsky, P.P. (1855) Russkie memuary XVIII v. [Russian memoirs of the 18th century]. *Sovremennik*. 50. pp. 13–43.
4. Solovyov, S.M. (n.d.) *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia since the Ancient Times]. 2nd ed. Book 6. V. 26. St. Petersburg.
5. Demkov, M.I. (1897) *Istoriya russkoy pedagogii* [The history of Russian pedagogy]. Pt. II. St. Petersburg: Tip.M.M. Stasyulevicha.
6. Shchepkina, E.N. (1890) *Starinnye pomeshchiki na sluzhbe i doma. Iz semeynoy khroniki (1578–1762)* [Old Landlords in Public Service and at Home. From a family chronicle (1578–1762)]. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
7. Klyuchevsky, V.O. (1902) *Kurs russkoy istorii* [The course of Russian history]. Pt. 3. St. Petersburg: Tip. V.O. Kirshbauma.
8. Chechulin, N.D. (2010) *Russkoe provintsial'noe obshchestvo vo vtoroy polovine XVIII veka* [Russian provincial society in the second half of the 18th century]. St. Petersburg: Russian National Library.
9. Chechulin, N.D. (1889) Russkoe provintsial'noe obshchestvo vo vtoroy polovine XVIII v. [Russian provincial society in the second half of the 18th century]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 3. pp. 79–458.
10. Chechulin, N.D. (1920) Vospitanie i domashnee obuchenie v Rossii XVIII v. [Education and Home Schooling in Russia in the 18th Century]. *Dela i dni*. 1. pp. 96–112.

Received: 10 June 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 100–107. DOI: 10.17223/15617793/401/16

УДК 94(47)

В.Н. Кудряшев

К.Н. ЛЕОНТЬЕВ В РУССКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 № 14. В25.31.0009.

Рассматриваются взгляды К.Н. Леонтьева на происходившие во второй половине XIX в. национальные процессы в Европе и их влияние на национальную политику Российской империи. Исследуется предложенный русским мыслителем механизм взаимодействия нации и государства в политическом, религиозном и культурном контексте. Основополагающим принципом этого взаимодействия являлся византизм, предполагавший безусловное подчинение всех элементов общества, народа и церкви государству.

Ключевые слова: национализм; нация; национальность; византизм; славянофильство.

Превращение России в многонациональное государство и расширение ее территории за счет включения новых регионов с их существенно отличительными социально-экономическими и культурными особенностями требовали от русской интеллектуальной элиты осознания этого многообразия и внесения корректив в представление о роли и участии русского народа в общеимперской жизни. Не могли не повлиять на развитие русского национального дискурса национальные процессы в Европе, принявшие весьма интенсивный характер в XIX в. Важной частью их и одновременно результатом стала выработка национальных идей, пришедших на смену доминировавшему в XVIII в. космополитизму. Развиваясь в тесной связи с идеологией либерализма, национализм сформулировал новые принципы государственности, согласно которым каждая нация имела право на создание собственного национального государства, где политическая власть была бы имманентно связанной с национальным сообществом.

Реализация данных принципов радикально изменила политическую карту Европы и систему государственной организации большинства европейских наций. Национальные государства, ставшие доминирующей формой, явились вызовом сохранившимся многонациональным империям с их полиэтническими сообществами, многие из которых претендовали на государственную самостоятельность.

Поэтому острота и актуальность осмысления всего комплекса межнациональных отношений стали особенно очевидными во второй половине XIX в., когда гетерогенный характер Российского государства стал отчетливо осознаваться русской элитой как политическая проблема.

Одной из наиболее ярких фигур в русском национальном дискурсе, безусловно, являлся К.Н. Леонтьев, чьи работы имели общественный резонанс при жизни автора, но еще большую дискуссионность приобрели в конце XIX в. Изначально обсуждение творческого наследия русского мыслителя велось с точки зрения его позиционирования относительно доктрины славянофильства.

П.Н. Милюков проводил четкую границу между славянофильством, существование которого ограничивал 1840–1860 гг., и теми представителями общественной мысли России 1880-х гг., которые претендовали на его идейное наследие. Славянофильство историк считал закономерным порождением своего времени, интеллектуальным отражением происходивших в русском обществе процессов, но был убежден, что с изменением самого российского общества «славянофильство умерло», а стремление к использованию его доктрины он считал эпигонством. Все «болезни» и крайности славянофильства стали особенно заметны со сменой поколения славянофилов и уходом основателей учения. Раскол среди адептов позднего славянофильства стал заметным и позволил П.Н. Милюкову выделить «белое славянофильство», к которому он отнес Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. В их интерпретации «национальный абсолютизм», утративший гуманитарную основу, трансформировался в идею национального превосходства и национальной исключительности [1. С. 305–306].

С.Н. Трубецкой в своей статье сосредоточился на исследовании соотношения идей славянофилов и К.Н. Леонтьева, которого, несмотря на отказ славянофилов признавать своим, идентифицировал как славянофила, пытавшегося приспособиться к новым историческим реалиям [2. С. 178–179]. С.Н. Трубецкой не проводил дифференциацию позднего славянофильства, указывая на логическую трансформацию их политических установок к национализму, избавившемуся от принципа справедливости в межнациональных отношениях, за который ратовали их предшественники как противоречащий защите интересов русского народа [Там же. С. 182–183]. Но в современном ему консервативном национализме ученый находил разночтения, выделяя консервативных патриотов, выступавших за усиление русификации во внутренней политике и создание единого славянского государства во внешней. К.Н. Леонтьев, будучи в представлении С.Н. Трубецкого реакционером и националистом, не поддерживал данную программу. Однако либералу здесь представлялось не противоречие доктрине славянофильства, а, наоборот, твердое следование абсолютному неприятию европейского влияния, в том числе в виде торжества космополитизма и либеральных ценностей. С.Н. Трубецкой одним из первых указал на цельность идей К.Н. Леонтьева, определившего отказ от русификации условием противодействия революционным процессам [Там же. С. 190].

А.Н. Пыпин, в целом соглашаясь с оценкой славянофильства, данной П.Н. Милюковым, считал, что последний поторопился с похоронами этого течения, поскольку национально-религиозная традиция, исходившая из противопоставления России и Европы, трансформировалась в новые формы. Публицист оговаривал отсутствие абсолютной идентичности взглядов К.Н. Леонтьева с классическим славянофильством, но признавал их генетическую связь как консерваторов-националистов. А.Н. Пыпин, как и П.Н. Милюков, указывал на ошибочность определения главным критерием принадлежности к славянофильству наличие панславистских идей. Но если у П.Н. Милюкова заметно некоторое противопоставление ранних славянофилов с их последователями, то у С.Н. Трубецкого и А.Н. Пыпина русский национализм изначально носил реакционный характер [3. С. 311–312].

Л.А. Тихомиров, возражая А.А. Кирееву и С.Н. Трубецкому, отлучавшим К.Н. Леонтьева от славянофильства, указывал на большую близость его взглядов первым славянофилам, чем панславистам, монополизировавшим их наследие. Л.А. Тихомиров писал о достаточно индифферентном отношении многих славянофилов (И.В. Киреевского, И.С. Аксакова) к идее славянского единства и доминировании в их взглядах задачи защиты русской национальной идентичности, сохранения национальной культуры и духовности. Различия в трактовке национальных проблем первыми славянофилами и современными русскими националистами Л.А. Тихомиров объяснял не изменением подходов к национальному вопросу, а значительными сдвигами в самой национальной практике, различием в реалиях межнациональных отношений 1840-х и 1890-х гг. [4. С. 872].

В представлении Н.А. Бердяева идеи К.Н. Леонтьева оппонировали славянофильским. К.Н. Леонтьев считал, что стремление славянофилов разбудить национальные силы чревато для России гибельными последствиями, которые уже испытала на себе Европа. Национализм, превратившийся в орудие либерального эгалитаризма, мог быть остановлен только консолидацией общества под эгидой государства. Для К.Н. Леонтьева враждебны были любые национальные движения, и русское в том числе. В своем желании противодействовать национализму мыслитель призывал к прекращению политики обрусения, несшей либерализм на окраины России [5. С. 517–518, 529].

В научной литературе советского периода преобладающей была трактовка идей К.Н. Леонтьева как продолжателя «реакционных» славянофильских взглядов на национальные проблемы. Здесь мыслитель представал адептом агрессивной политики царского самодержавия. Во внутренней политике его взгляды отождествлялись с охранителями в поддержке курса правительства на подавление национально-освободительных движений [6. С. 8–16; 7. С. 227–254; 8. С. 97–106].

Схожая позиция встречается и в зарубежных исследованиях, где К.Н. Леонтьев предстает ярким представителем русского национализма. Важным элементом его доктрины было постоянное сравнение России с Европой, понимание отставания в социально-экономическом и политическом развитии. Поиск сфер, где возможно было достижение превосходства России (истинного или мнимого), приводил мыслителя к обоснованию особой духовности русской нации, уходящей корнями в прошлое, которая была утрачена европейцами [9. С. 190–192].

Принципиальный недостаток данного подхода к феномену русского национализма видится в стремлении доказать универсальность его идей, свойственных всем представителям общественной мысли, имевшим единые славянофильские корни, либо русским национализмом считается только консервативно-славянофильское крыло, которое выступало носителем панславистских идей и ксенофобии.

В современной отечественной и зарубежной литературе заметно стремление отказаться от подобной трактовки русского национального дискурса второй половины XIX в. Указывается на несовпадение русского национализма и государственной национальной политики, акцент делается на многомерности подходов русских мыслителей к национальным проблемам [10. С. 446–451]. Внимание многих исследователей сосредоточилось на соотношении феноменов национализма и консерватизма в русской общественной мысли. Здесь справедливо отмечалось, что традиционное «привязывание» русского национализма к консервативному течению неверно. Авторы напоминают, что политический европейский национализм XIX в. тесно переплетался с процессами либерализации и не мог позитивно восприниматься К.Н. Леонтьевым как ярким представителем русского консерватизма [11. С. 116–130]. Исследователи наследия К.Н. Леонтьева акцентируют внимание на своеобразии, глубине и неоднозначности его взглядов на национальные проблемы, оппонировавшие и либеральному национализму, и панславистской доктрине, и имперскому направлению русского охранительства [12. С. 332–335; 13. С. 333–338; 14. С. 23–30; 15. С. 128–143].

К.Н. Леонтьев попытался выстроить механизм воздействия процессов либерализации европейского общества, сопровождавших национальные движения в XIX в., на реализацию национальных проектов. Он доказывал, что либеральный эгалитаризм уничтожал индивидуальность личности, ликвидируя все существовавшие в обществе различия – сословные, религиозные, корпоративные: «Индивидуально нередко и весьма энергические люди, при долгом существовании такого (индивидуалистического) строя, сохраняют в личности своей почти одни физиологические особенности. Особенности же сословной, религиозной, провинциальной, общинной, цеховой и т.п. окраски и выработки при таком строе скоро пропадают. Вследствие этого личность, не слабея еще вдруг со стороны воли и энергии, слабеет скоро со стороны множества разных других особенностей» [16. С. 914]. Поскольку национальные особенности вырабатывались как результат развития конкретных сообществ, то они отражались в социальных, культурных, психологических особенностях. Либерализм смещал ценностные установки, ликвидировал важнейшие социальные маркеры внутри нации. Данные процессы об-

рели всеобщий характер, затрагивая большинство развитых европейских стран. Но если представители разных народов не различались индивидуально, то терялись и различия между народами, что неизбежно вело к изменению национальных черт и идеалов в сторону их универсализации [16. С. 914–915]. К.Н. Леонтьев называл данный процесс «утилитарной ассимиляцией»: «Революция, ассимиляция, эгалитарно-либеральный прогресс – все это для меня только разные названия одного и того же процесса. Этот процесс, если он не приостановится и не возбудит наконец крайностями своими глубочайшее себе противодействие, должен рано или поздно не только разрушить все ныне существующие особые ортодоксии, особые культуры и отдельные государства, но, вероятно, даже уничтожит и само всечеловечество на земле, предварительно сливши, смешавши его в более или менее однородную – более или менее однообразную – социальную единицу. В однообразии – смерть» [17. С. 993].

Использование термина «национальная политика» для характеристики социально-политических процессов Европы XIX в. К.Н. Леонтьев считал не совсем правильным. Вернее было бы использовать термины «политика национальностей» или «племенная политика» [16. С. 919]. Национальной, по мнению Леонтьева, могла быть только политика, направленная на укрепление или защиту религиозных основ нации, в используемом по отношении к Европе варианте речь шла о защите племени и языка.

К.Н. Леонтьев противопоставлял племенную политику эпохи либерализации процессам национального объединения XV–XVII вв., также ставившим целью консолидацию нации в рамках единого государства, но в силу реализации их монархическими силами, дворянством, не разрушавшим главные национальные устои – монархизм, сословность, религиозность. Таким образом, публицист не был противником национализма вообще. Его не устраивал национализм либеральный [18. С. 205–206]. Субъектом позитивного, созидавшего национализма К.Н. Леонтьев признавал монархическое государство, дворянство, церковь. Народ был носителем национальных традиций, но неразумным, поддававшимся негативному воздействию либеральной интеллигенции, следовательно, утверждал публицист, его необходимо было держать в жестких рамках с помощью государственной власти, религии и строго иерархической сословной системы. Национализм либеральный, допускавший активное участие народа в социально-политических процессах, он считал опасным и вредным.

Для нации определяющим являлась не роль господствовавшего племени или его языка, а «совокупность всех тех культурных признаков, которыми отличается эта нация от других», главенствующим из которых являлась религия, затем особенности государственной организации и «внешнебытовые отличия» (которые имели, по мнению публициста, глубокое психическое значение): «И таким образом, считая культурные (идеальные) отличия более существенными для национальной жизни, чем признаки физиологические и филологические, принимать за истинно национальную политику не столько ту, которая способствует распространению и преобладанию и внутри, и вне известного племени с его языком (или с родственными ему), сколько ту политику, которая благоприятствует сохранению и укреплению стародавних культурных особенностей данной нации и даже возникновению новых отличительных признаков (разумеется, естественно подходящих к среде, способных привиться к ней)» [16. С. 920–921]. Поэтому, настаивал публицист, национальной могла считаться только «культурно-обособляющая», а не «племенная» политика: «Первая верна и охранительна; последняя революционна (т.е. космополитична) и обманчива» [Там же. С. 921].

Итак, К.Н. Леонтьев предлагал считать в России национальной только политику, имевшую целью сохранение монархизма, православной религиозности и сословности. Выпадение какого-либо из указанных элементов лишало политику национального характера. Так, политика Петра I была направлена на укрепление монаршей власти с определенными оговорками на укрепление сословного строя, но разрушала культурно-религиозные основы, в силу чего публицист характеризовал ее как антинациональную. Так же и Николай I стремился сделать Россию сильнейшим европейским государством, не заботясь о предотвращении губительного воздействия на нее европеизма. В обоих случаях политика была государственной, но не национальной [Там же. С. 922–923].

В то же время защита национально-культурных традиций без признания абсолютной доминанты их религиозных основ, веры сама по себе не могла рассматриваться как национальная политика. В противном случае, как это было с «выдающимися защитниками русской народности» М.Н. Катковым и И.С. Аксаковым, абсолютизация славянского единства в противовес единства православного, привела их к «племенизму». Таким образом, для К.Н. Леонтьева русская национальная идентичность была производной от православной идентичности. Верность византийскому православию была выше интересов собственно великорусского этноса, не говоря уже о славянском единстве [Там же. С. 924–925].

Хотя К.Н. Леонтьев позиционировал византизм как «особого рода образованность или культуру», но, исходя из приоритетности предлагавшихся им ценностей, скорее византизм – это комплекс идей, центром которого являлось государство, т.е. государственная идеология [19. С. 34]. Для К.Н. Леонтьева субъект исторической деятельности – не цивилизация, не нация, а государство. Все остальные элементы были вторичны, носили обслуживающий по отношению к нему характер и оценивались с точки зрения соответствия интересам монархической государственности.

Православие у славянофилов – духовная основа русской нации, один из важнейших ее маркеров. Оно служит связующим звеном между нацией и государством, выполняя роль государственной идеологии. Но поскольку важнейший принцип общественного устройства – автономия народности, церкви и государства, то для православия роль государственной

идеологии – одна из функций, не абсолютно превалирующая. Это, прежде всего, вера и только потом – церковь [20. С. 236–237; 21. С. 8–9, 20–23]. К.Н. Леонтьев видел православие в трактовке А.С. Хомякова, К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина «сомнительным и... быть может... при неосторожных дальнейших выводах... и весьма опасным» [17. С. 1074]. Православие у К.Н. Леонтьева – прежде всего, государственная религия, идеологема, идеально встроенная в систему монархизма и обеспечивавшая беспрекословную поддержку государству со стороны народа [19. С. 35, 38, 40].

Народ для К.Н. Леонтьева – скорее население государства. Публицист скептически оценивал способность национальных факторов (языка, общности происхождения) консолидировать человеческие – сообщества. Единство народа создавало государство. «Качество» различных народностей К.Н. Леонтьев оценивалось с точки зрения способности подчиняться государству. Достоинство русского народа заключалось в отсутствии у него стремления вмешиваться в политику [Там же. С. 64–65].

Таким образом, византизм как идеологическая доктрина основывался на безусловном подчинении всех элементов общества, народа и церкви государству. Для К.Н. Леонтьева единственной «правильной» формой государства был абсолютизм, требовавший подчинения всех элементов общественного устройства. Поэтому славянофильская идея равнозначности народности и православия самодержавию виделась ему опасной, несущей элемент либерализма, поскольку являла собой угрозу абсолютизации государственной власти.

Идея нации как автономного субъекта исторической деятельности им категорически отвергалась по той же причине. Национально-освободительное движение виделось ему неразрывным с либеральными революциями, поскольку либерализм боролся за ликвидацию жесткой иерархической общественной системы, т.е. «византизма», за автономию личности, нации. Право нации на самоопределение предполагало согласие на существование альтернативной государству общественной силы, автономного общественного института.

Нацию, считал К.Н. Леонтьев, нельзя было представлять политической категорией, а только культурным феноменом. Нация – собственно само отдельное человеческое сообщество. Нация конкретна, материальна. Национальность – это совокупность черт и качеств, характеризующих нацию, сложившихся в результате исторического развития: «Чем эти признаки резче, чем эта совокупность их выразительнее, тем более в нации национальности, т.е. особенности, своеобразности, оригинальности». Это «идос» (т.е. «эйдос») нации. Национальность идеальна – это отражение нации в представлении людей [16. С. 913–914].

Разнообразие культур создавало феномен многонациональности. То есть отличие наций в своеобразии, самобытности культуры. Но превращение либералами нации в политическую категорию делало ее столь универсальной и уничтожало культурное (национальное) многообразие [19. С. 66].

В России начатый Петром I процесс европеизации привел к культурному расколу общества, когда высшие слои прониклись европейской, точнее космополитичной, вненациональной культурой, а народные низы остались носителями национальной, русской культуры [22. С. 21]. Тем самым были обозначены две тенденции в развитии России: дальнейшее сближение с Европой и в итоге возобладание космополитизма и утрата национальной самобытности либо развитие своей культуры [19. С. 40–41].

К.Н. Леонтьев был против того, чтобы считать простонародные обычаи национальным идеалом. Он не отвергал необходимости взаимодействия с иными культурами, поскольку «…национальное своеобразие не может держаться одним охранением, обстоятельства вынуждают нередко принимать что-нибудь чужое для полного развития народного в высшее национальное» [22. С. 37].

Таким образом, развитая национальная культура возможна была на основе синтеза (или борьбы) национальных, народных традиций и внешнего воздействия. Только тогда образовывалось «цивилизованное, т.е. развитое, своеобразие», без которого «невозможна полная и широкая жизнь, достойная великого народа» [Там же. С. 41]. Любые универсальные, всемирные идеи, знания, как высшие (философские), так и низшие (повседневные, практические), должны облекаться в национальные формы, обретая тем самым новизну и оригинальность. Этот процесс национализации (национальной адаптации) общечеловеческого и являлся двигателем прогресса: «Тот народ наилучше служит и всемирной цивилизации, который свое национальное доводит до высших пределов развития, ибо одними и теми же идеями, как бы ни казались они современникам хорошими и спасительными, человечество жить не может» [Там же. С. 42–43]. Для реализации его в России необходимо развернуть систему народного образования, но при условии сохранения национальных корней. К.Н. Леонтьев называл подобный процесс синтеза «достижением полного руссизма». Он был идентичен теории формирования «общества» И.С. Аксакова, т.е. слоя европейски образованных людей, но сохранивших приверженность русским духовным ценностям [23. С. 30–35].

Принципиальное отличие своих взглядов от славянофильских К.Н. Леонтьев видел в определении исторических координат, понимании содержания этапа, который проходила Россия. Славянофилы рассматривали Россию как часть молодого, только выходившего на историческую арену славянского мира, готового перехватить лидерство у загнивавшей германо-латинской Европы. К.Н. Леонтьев полагал Россию частью европейского христианского мира также на стадии увядания: «Нет, мы не молоды! В некоторых отношениях мы даже дряхлы и не чужды всем тем недугам, которыми обыкновенно страдают стареющие народы. Но есть старость – и старость. Есть организмы, которые очень долго могут бороться с одолевающими их недугами последующего разруше-

ния, и есть другие, которые не в силах вынести такой долгой борьбы» [24. С. 416–417]. Россия еще способна не только выживать, но развиваясь национально, внести свой вклад в мировую цивилизацию, не вливаясь в нее, а внося новые черты. Поэтому, правильно осознав особенности переживаемой эпохи и определив перспективы, Россия должна сосредоточиться на сохранении национальной особенности: восточного православия, сильной монархической власти, опиравшейся на дворянство [Там же. С. 424–425].

К.Н. Леонтьев выражал сомнение в возможности в современных ему условиях рассматривать православие и русскую народность в качестве действительной основы Российской государственности. Русская интеллигенция, по его мнению, утратила свой духовный стержень – православие – и была поражена либерализмом. Поскольку интеллигенция – духовный лидер нации, то и «национальные свойства великорусского племени в последнее время стали если не окончательно дурны, то по крайней мере сомнительны» [25. С. 8].

В данных условиях обрусение было равнозначно распространению либеральных идей на национальные окраины. Лояльность последних по отношению к Российскому государству автору виделась более очевидной, нежели у великорусских регионов. «Инородцы» – поляки, немцы, мусульмане, сохранили религиозность на уровне народного самосознания. Вера истовая и чистая была непроходимым препятствием для нигилизма и либерализма. Публицист подводит читателей к мысли, что с государственной точки зрения лучше верующий католик, чем атеист, а иноверцы более прочная опора престолу, чем либеральная и вольнодумная русская интеллигенция [Там же. С. 9]. Рефреном его работ следовало считать идею о приоритете интересов империи над интересами русской народности.

К.Н. Леонтьев задавался вопросом о соответствии борьбы с католицизмом задачам укрепления российской государственности. Как человек православный он был, безусловно, за переход католиков в православие, но предлагал смотреть на ситуацию реально. Борьба с католицизмом была важной составной частью русификации западных губерний России, однако публицист сомневался, что ослабление позиций католицизма в результате обрусения автоматически приведет к занятию его позиций православием. В условиях очевидного ослабления религиозности русской интеллигенции и роста религиозного индифферентизма, по его мнению, усиление русского влияния скорее будет иметь негативные последствия для религиозности национальных регионов: «Не православие предлагает великорусское “ядро” своим пестрым национальным окраинам, как предлагало оно татарам при Иоаннах, – а европейский прогресс самого разлагающего свойства» [26. С. 251]. Будет ослаблена вера вообще, а не только католическая. Вслед за этим последует всплеск либеральных и нигилистических настроений, которые стали едва ли не господствующими в русском образованном обществе и непременно распространится на окраины, поэтому «русификация окраин есть не что иное, как демократическая европеизация их» [Там же. С. 252].

В результате публицист вынужден был признать, что «охранительные свойства» сильнее у инородцев и иноверцев, чем у русских, успешное сопротивление обрусению скорее во благо Российскому государству: «…и русский старовер, и ксендз, и татарский мулла, и самый дикий и злой черкес стали лучше и безвреднее для нас наших единокровных и по названию (но не по духу, конечно) единоверных братьев!» [26. С. 255].

Впрочем, и такая русификация была полезна, так как реакцией на нее явился рост национального самосознания и религиозности, что ставило надежный барьер проникновению вредоносных европейских идеологий. При этом К.Н. Леонтьев готов признать полезность даже вечного врага русской государственности – польского освободительного движения, чей разрушительный потенциал был утрачен, но которое поддерживало доминирование католической веры в общественном сознании поляков.

К.Н. Леонтьев призывал осознать ошибочность реформ и последовавшей внутренней политики, приведшей к разгулу либерализма, и спасать то, что еще можно спасти. Нужно было «заморозить», законсервировать здоровые элементы социально-политической системы, оставшиеся от благополучных николаевских времен. Это относилось и к остзейскому краю, гораздо менее затронутому негативными тенденциями, чем русские губернии. Здесь необходимо было поддерживать немецкое дворянство, еще способное удерживать общество от сползания к нигилизму, и прекратить заигрывание с «эсто-латышской демократизацией» [26. С. 257–258].

К.Н. Леонтьев являлся наиболее последовательным критиком панславизма. Он категорически отрицал «славизм» как идею духовного, языкового, исторического родства славян, позволявшего видеть в них некое единство, особую культурную, а в перспективе и политическую общность. Единственное, что, по мнению публициста, связывало славян, было общее племенное происхождение. Но затем, развиваясь в различных исторических ареалах, славянские народы выработали значительные государственные, культурные, психологические особенности, которые более сближали их с соседними неславянскими народами, нежели между собой: «Мы видим только общие стремления, отчасти общие племенные интересы и действия, но не видим общих своеобразных идей, стоящих выше племенного чувства, порожденных им, но после вознесшихся над племенем, для вящего всенародного, ясного руководства и себе, и чужим (человечеству)» [19. С. 67, 70, 74, 86–87].

К.Н. Леонтьев считал особую привязанность и любовь славян к России иллюзией российской славянофильской интеллигенции. Чешская интеллигенция, несмотря на традиционные антинемецкие настроения, регулярно совершала русофобские выпады в прессе. Южные славяне только использовали Россию для давления на Турцию, отнюдь не питая пиетета к русским как «старшему брату». Они не видели в русских родственный славянский народ, а скорее европейское государство в противовес Азиатской Турции [22. С. 20–21].

Публицист называл заблуждением проведение прямой аналогии между объединительными процессами в Германии и у славянских народов. Германия представляла собой сложившуюся, но политически раздробленную нацию, при том что отдельные части германской нации представляли собой суверенные государства с немецкими национальными династиями. Славяне были не нацией, а племенем, состоявшим из отдельных народностей, имевших свои национальные языки, исторические традиции. По мнению публициста, немцы стремились к созданию союзного государства. Славянские народы, длительное время лишенные государственности, стремились к независимости, поэтому возможным мог быть только союз суверенных славянских государств [27. С. 11–12].

Другим препятствием создания единого славянского государства были очевидные расхождения в государственных предпочтениях. Славяне Европы, по мнению К.Н. Леонтьева, уже сложились как конституционалисты, и вхождение в качестве части в Русское самодержавное государство их вряд ли устроит. Между тем публицист считал для России с ее все усиливавшейся разнородностью включаемых в состав новых земель в результате экспансии в Азию неизбежно усиление централизации [Там же. С. 16–17].

К.Н. Леонтьев предостерегал от форсирования процесса формирования панславистских планов. Ущерб мог быть нанесен не только Турции и Австрии, но и России [28. С. 89]. Публицист напоминал, сколько «забот и крови» стоило России присоединение всего лишь части Польши. Вывод К.Н. Леонтьева достаточно категоричен: «Образование одного сплошного и всеславянского государства было бы началом падения царства русского. Слияние славян в одно государство было бы кануном разложения России. “Русское море” иссякло бы от слияния в нем “славянских ручьев”» [27. С. 18].

Публицист видел в панславистских устремлениях отражение политики «племенного обособления», возобладавшей в Европе и приведшей к мощным политическим и социальным потрясениям. Вновь настаивая на связи национального и либерального движений, он полагал, что политический панславизм неизбежно вызовет аналогичные процессы в славянском мире [28. С. 97].

К.Н. Леонтьев противопоставлял культурное славянофильство и политический панславизм. Ранние славянофилы также считали необходимым создание славянской федерации для реализации идеи славянского единства, но главным для них было создание особой славянской культуры, отличной от европейской и азиатской, достижение духовного единства. Панславизм был политическим течением и ставил конкретные цели передела политической карты Европы. Но политическое объединение народов, не сплоченных духовно, не опиравшееся на сформировавшуюся общую культуру, будет аналогично племенному обособлению либеральных стран Европы. Оно разрушит самобытность славянских народов и приведет к торжеству космополитизма. Особенно тревожило К.Н. Леонтьева преобладание в среде славянской интеллигенции либеральных взглядов. Он не исключал возможности главенства либералов в панславистском движении, что будет иметь самые печальные последствия для Восточной Европы.

Таким образом, К.Н. Леонтьев выступал не против самой идеи объединения славян под эгидой России, но против начала этого процесса в условиях торжества либерализма. Он расходился с панславистами в оценке возможностей России влиять на славянские страны. Панслависты считали, что Россия в состоянии будет не только обеспечить политическое единство, но и универсализм социально-политических систем славянских стран на основе русских образцов, защитив их от экспансии европейской либеральной модели. К.Н. Леонтьев, наоборот, полагал, что вмешательство России в Балканские процессы и разрушение сложившейся здесь системы межгосударственных отношений приведут к дестабилизации и в самой России. Зараженные либерализмом представители славянской интеллигенции будут проводниками этих идей в Россию.

Публицист не призывал свернуть внешнюю экспансию России, а лишь предлагал отказаться от бесперспективной и вредной идеи славянского государства и сосредоточиться на поддержании евразийской сущности российской государственности, оказывая покровительство не на основе кажущегося племенного родства, а исходя из государственных интересов [27. С. 19]. К.Н. Леонтьев считал, что Россия, лежавшая на пересечении Востока и Запада, обязана своим величием смешению в ее культуре элементов европейских и азиатских (с преобладанием последних). И в будущем следовало не только сохранять, но и усиливать данную тенденцию [29. С. 323–324]. То есть византизмом и Востоком публицист хотел заслониться от европейского разлагающего воздействия.

В принципе, цели К.Н. Леонтьева и славянофилов были близки – развивать Россию как православное монархическое государство, но разнились средства их достижения. Славянофилы, считая русский народ носителем православия и монархизма, видели в нем главную силу реализации своих планов. Также и укрепление государственности им виделось посредством усиления его национального характера, через обрусение национальных окраин.

К.Н. Леонтьев пришел к выводу о неразрывной связи современных ему национальных процессов с либеральной модернизацией. Он посчитал возможным опору государственной политики не на нации как на реальные сообщества, обладавшие собственными интересами, а на национальность как элемент общественного сознания, имеющего культурно-религиозную, а не этническую основу, безусловно подчиненную государственным интересам. К.Н. Леонтьев вынужден был констатировать, что проникновение враждебных либеральных и социалистических идей наиболее губительно сказалось именно на русском народе, утратившем традиционные ценности, делавшие его опорой государства. Поэтому для сохранения империи в противостоянии с либеральным национализмом следовало ори-

ентироваться на народности, сохранившие религиозность и монархизм, поскольку выбор был не между православием и иными конфессиями, а между верой и атеизмом и вопрос стоял не в сохранении русского национального характера монархии, а в сохранении монархии вообще.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Милюков П.Н.* Разложение славянофильства. Данилевский. Леонтьев. Соловьев // Из истории русской интеллигенции. М. : Тип. Монтвида, 1903. С. 266–306.
2. *Трубецкой С.Н.* Разочаровавшийся славянофил // Собрание сочинений. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1907. Т. 1. С. 17–221.
3. *Пыпин А.Н.* Из истории панславизма // Вестник Европы. 1893. № 9. С. 267–313.
4. *Тихомиров Л.А.* Русские идеалы и К.Н. Леонтьев // Русское обозрение. 1894. Т. 29. С. 867–882.
5. *Бердяев Н.А.* Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Париж : YMCA-Press, 1926. 269 с.
6. *Авдеева Л.Р.* Религиозно-консервативная социология К.Н. Леонтьева : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1983. 22 с.
7. *Голосенко И.А.* Социальная философия неославянства: Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев // Социологическая мысль в России: Немарксистская социология последней трети XIX – начала XX в. Л. : Наука, 1978. С. 227–254.
8. *Янов А.* Славянофилы и Константин Леонтьев (русская консервативная мысль XIX в. и ее интерпретаторы) // Вопросы философии. 1969. № 8. С. 97–106.
9. *Пайпс Р.* Русский консерватизм и его критики. М. : Новое издательство, 2008. 252 с.
10. *Реннер А.* Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // Российская империя в зарубежной историографии. М. : Новое издательство, 2005. С. 436–472.
11. *Попов Э.А., Кисиль А.С.* Русский национализм и российский консерватизм: дореволюционный опыт взаимоотношений // Южнороссийское научное обозрение. Ростов н/Д, 2002. Вып. 9. С. 116–130.
12. *Валицкий А.* История русской мысли от просвещения до марксизма. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. 480 с.
13. *Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г.* Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 440 с.
14. *Емельянов-Лукьянчиков М.А.* К.Н. Леонтьев о национальной политике // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 4. С. 23–30.
15. *Хатунцев С.В.* К.Н. Леонтьев о национализме и национальной политике // Страницы истории и историографии отечества. Воронеж, 2001. Вып. 3. С. 128–143.
16. *Леонтьев К.Н.* Культурный идеал и племенная политика. Письма г-ну Астафьеву // Славянофильство и грядущие судьбы России. М. : Институт русской цивилизации, 2010. С. 913–968.
17. *Леонтьев К.Н.* Кто правее? Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьёву. О национализме политическом и культурном // Славянофильство и грядущие судьбы России. М. : Институт русской цивилизации, 2010. С. 969–1085.
18. *Леонтьев К.Н.* Плоды национальных движений на Православном Востоке // Сочинения. СПб. : Издание В.М. Саблина, 1913. Т. 6. С. 195–270.
19. *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // Славянофильство и грядущие судьбы России. М. : Институт русской цивилизации, 2010. С. 34–172.
20. *Киреевский И.В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Избранные статьи. М. : Современник, 1984. С. 199–237.
21. *Хомяков А.С.* Мнение иностранцев о России // Полное собрание сочинений. М. : Университетская типография, 1900. Т. 1. С. 3–30.
22. *Леонтьев К.Н.* Грамотность и народность // Сочинения. СПб. : Издание В.М. Саблина, 1913. Т. 7. С. 13–56.
23. *Аксаков И.С.* О взаимоотношении народа, государства и общества // Собр. соч. : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 2. С. 26–58.
24. *Леонтьев К.Н.* Над могилой Пазухина // Сочинения. СПб. : Издание В.М. Саблина, 1913. Т. 7. С. 417–426.
25. *Н. К-в.* [*Леонтьев К.Н.*] Православие и католицизм в Польше // Гражданин. 1882. 19 дек. С. 5–9.
26. *Леонтьев К.Н.* Наши окраины // Сочинения. СПб. : Издание В.М. Саблина, 1913. Т. 7. С. 244–264.
27. *Леонтьев К.Н.* Панславизм и греки // Сочинения. СПб. : Издание В.М. Саблина, 1913. Т. 5. С. 7–44.
28. *Леонтьев К.Н.* Передовые статьи «Варшавского дневника» (1880 г.) // Сочинения. СПб. : Издание В.М. Саблина, 1913. Т. 7. С. 57–158.
29. *Леонтьев К.Н.* Кто правее? Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьёву // Сочинения. СПб., 1913. Т. 7. С. 285–379.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 сентября 2015 г.

K.N. LEONTIEV IN THE RUSSIAN NATIONAL DISCOURSE OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 100–107. DOI: 10.17223/15617793/401/16

Kudriashev Vyacheslav N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kvn18011962@yandex.ru

Keywords: nationalism; nation; nationality; Byzantinism; Slavophilism.

Leontiev tried to build a mechanism of action of European society liberalization that accompanied the national movement in the 19th century in the implementation of national projects. He argued that liberal egalitarianism destroyed the individuality of the person eliminating all existing differences in society: class, religious, corporate. Byzantinism as an ideological doctrine was based on the unconditional subordination of all elements of society, the people and the church, to the state. Therefore, Leontiev saw the Slavophile idea of equivalence of the nationality and Orthodoxy to autocracy as a dangerous idea bearing an element of liberalism, because it was a threat to the absolute power of the state. The idea of the nation as an autonomous subject of historical activity was categorically rejected for the same reason. He saw the national liberation movement inseparable from liberal revolutions because liberalism fought for the elimination of a rigid hierarchical social system, that is Byzantinism, for the autonomy of the individual, the nation. The right of a nation to self-determination implied acceptance of the existence of a public power alternative to the state, an autonomous public institution. Leontiev opposed cultural and political Slavophilism, not speaking against the idea of unification of the Slavs under the auspices of Russia, but against the beginning of the process in the triumph of liberalism. He disagreed with Pan-Slavists in assessing Russia's ability to influence the Slavic countries. Pan-Slavists believed that Russia would be able to provide not only political unity but also universality of social and political systems of the Slavic countries based on Russian models, protecting the countries from the expansion of the European liberal model. Leontiev, on the contrary, believed that Russia's intervention in the Balkan processes and the destruction of the existing system of interstate relations here would lead to destabilization in Russia itself. Slavic intelligentsia representatives infected by liberalism would be conductors of these ideas in Russia. Leontiev made a conclusion about the insepa-

rability of the contemporary national processes with liberal modernization. He considered it possible to support government policy relying on ethnicity as an element of social consciousness which has a cultural and religious, not ethnic, basis definitely subordinate to the public interest rather than relying on the nation as a real community with its own interests. Leontiev was forced to admit that the penetration of hostile liberal and socialist ideas had the most detrimental impact on the Russian people who lost traditional values that used to be the support of the state. Therefore, to preserve the empire in opposition to liberal nationalism it was necessary to focus on peoples that preserved religiosity and monarchism, because the choice was not between the Orthodox Church and other faiths, but between faith and atheism. The question was not in the preservation of the Russian national character of the monarchy, but in the preservation of monarchy as such.

REFERENCES

1. Milyukov, P.N. (1903) Razlozhenie slavyanofil'stva. Danilevskiy. Leont'ev. Solov'ev [Explanation of Slavophilism. Danilevsky. Leontiev. Solovyov]. In: Milyukov, P.N. *Iz istorii russkoy intelligentsii* [From the history of the Russian intelligentsia]. Moscow: Tip. Montvida.
2. Trubetskoy, S.N. (1907) Razocharovavshiysya slavyanofil [A disappointed Slavophile]. In: Trubetskoy, S.N. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. V. 1. Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sobko.
3. Pypin, A.N. (1893) Iz istorii panslavizma [From the history of Pan-Slavism]. *Vestnik Evropy*. 9. pp. 267–313.
4. Tikhomirov, L.A. (1894) Russkie idealy i K.N. Leont'ev [Russian ideals and K.N. Leontiev]. *Russkoe obozrenie*. 29. pp. 867–882.
5. Berdyaev, N.A. (1926) *Konstantin Leont'ev. Ocherk iz istorii russkoy religioznoy mysli* [Konstantin Leontiev. Essay of the history of Russian religious thought]. Paris YMCA-Press.
6. Avdeeva, L.R. (1983) *Religiozno-konservativnaya sotsiologiya K.N. Leont'eva* [Religious and conservative sociology of K.N. Leontiev]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Moscow.
7. Golosenko, I.A. (1978) Sotsial'naya filosofiya neoslavyanstva: N.Ya. Danilevskiy, K.N. Leont'ev [Social philosophy of neo-Slavism: N.Ya. Danilevsky, K.N. Leontiev]. In: Chagin, B.A. (ed.) *Sotsiologicheskaya mysl' v Rossii: Nemarksistskaya sotsiologiya posledney treti XIX – nachala XX v.* [Sociological thought in Russia: non-Marxist sociology of the last third of the 19th – early 20th centuries]. Leningrad: Nauka.
8. Yanov, A. (1969) Slavyanofily i Konstantin Leont'ev (russkaya konservativnaya mysl' XIX v. i ee interpretatory) [Slavophiles and Konstantin Leontiev (Russian conservative thought of the 19th century and its interpreters)]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 97–106.
9. Pipes, R. (2008) *Russkiy konservatizm i ego kritiki* [Russian conservatism and its critics]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
10. Renner, A. (2005) Izobretayushchee vospominanie: Russkiy etnos v rossiyskoy natsional'noy pamyati [Inventing memories: the Russian ethnic group in the Russian national memory]. In: Kabytov, P.S. et al. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii* [The Russian Empire in the foreign historiography]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
11. Popov, E.A. & Kisil', A.S. (2002) Russkiy natsionalizm i rossiyskiy konservatizm: dorevolyutsionnyy opyt vzaimootnosheniy [Russian nationalism and Russian conservatism: the pre-revolutionary experience of relations]. *Yuzhnorossiyskoe nauchnoe obozrenie*. 9. pp. 116–130.
12. Valitskiy, A. (2013) *Istoriya russkoy mysli ot prosveshcheniya do marksizma* [The history of Russian thought from the Enlightenment to Marxism]. Moscow: "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiya".
13. Grosul, V.Ya. et al. (2000) *Russkiy konservatizm XIX stoletiya. Ideologiya i praktika* [Russian conservatism of the 19th century. The ideology and practice]. Moscow: Progress-Traditsiya.
14. Emel'yanov-Luk'yanchikov, M.A. (2007) K.N. Leont'ev o natsional'noy politike [K.N. Leontiev on national policies]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*. 4. pp. 23–30.
15. Khatuntsev, S.V. (2001) K.N. Leont'ev o natsionalizme i natsional'noy politike [K.N. Leontiev on nationalism and national policies]. *Stranitsy istorii i istoriografii otechestva*. 3. pp. 128–143.
16. Leont'ev, K.N. (2010) Kul'turnyy ideal i plemennaya politika. Pis'ma g-nu Astaf'evu [The cultural ideal and tribal politics. Letters to Mr. Astafiev]. In: Leont'ev, K.N. *Slavyanofil'stvo i gryadushchie sud'by Rossii* [Slavophilism and future fates of Russia]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
17. Leont'ev, K.N. (2010) Kto pravee? Pis'ma k Vladimiru Sergeevichu Solov'evu. O natsionalizme politicheskom i kul'turnom [Who is right? Letters to Vladimir Soloviev. On the political and cultural nationalism]. In: Leont'ev, K.N. *Slavyanofil'stvo i gryadushchie sud'by Rossii* [Slavophilism and future fates of Russia]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
18. Leont'ev, K.N. (1913) Plody natsional'nykh dvizheniy na Pravoslavnom Vostoke [The fruits of national movements in the Orthodox East]. In: Leont'ev, K.N. *Sochineniya* [Works]. V. 6. St. Petersburg: Izdanie V.M. Sablina.
19. Leont'ev, K.N. (2010) Vizantizm i slavyanstvo [Byzantinism and the Slavs]. In: Leont'ev, K.N. *Slavyanofil'stvo i gryadushchie sud'by Rossii* [Slavophilism and future fates of Russia]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
20. Kireevskiy, I.V. (1984) O kharaktere prosveshcheniya Evropy i o ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii [The nature of education in Europe and its relation to the Russian education]. In: Kireevskiy, I.V. *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. Moscow: Sovremennik.
21. Khomyakov, A.S. (1900) Mnenie inostrantsev o Rossii [Opinion of foreigners about Russia]. In: Khomyakov, A.S. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. V. 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
22. Leont'ev, K.N. (1913) Gramotnost' i narodnost' [Literacy and ethnicity]. In: Leont'ev, K.N. *Sochineniya* [Works]. V. 7. St. Petersburg: Izdanie V.M. Sablina.
23. Aksakov, I.S. (1886) O vzaimootnoshenii naroda, gosudarstva i obshchestva [On the relationship of the people, the state and society]. In: Aksakov, I.S. Sobranie sochineniy: v 7 t. [Collected Works: in 7 v.]. V. 2. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova.
24. Leont'ev, K.N. (1913) Nad mogiloy Pazukhina [Over the grave of Pazukhin]. In: Leont'ev, K.N. *Sochineniya* [Works]. V. 7. St. Petersburg: Izdanie V.M. Sablina.
25. K-v., N. [Leont'ev, K.N.] (1882) Pravoslavie i katolitsizm v Pol'she [Orthodoxy and Catholicism in Poland]. *Grazhdanin*. 19 December. pp. 5–9.
26. Leont'ev, K.N. (1913) Nashi okrainy [Our margins]. In: Leont'ev, K.N. *Sochineniya* [Works]. V. 7. St. Petersburg: Izdanie V.M. Sablina.
27. Leont'ev, K.N. (1913) Panslavizm i greki [Pan-Slavism and Greeks]. In: Leont'ev, K.N. *Sochineniya* [Works]. V. 5. St. Petersburg: Izdanie V.M. Sablina.
28. Leont'ev, K.N. (1913) Peredovye stat'i "Varshavskogo dnevnika" (1880 g.) [Editorials of the Warsaw Diary (1880)]. In: Leont'ev, K.N. *Sochineniya* [Works]. V. 7. St. Petersburg: Izdanie V.M. Sablina.
29. Leont'ev, K.N. (1913) Kto pravee? Pis'ma k Vladimiru Sergeevichu Solov'evu [Who is right? Letters to Vladimir Soloviev]. In: Leont'ev, K.N. *Sochineniya* [Works]. V. 7. St. Petersburg: Izdanie V.M. Sablina.

Received: 08 September 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 108–116. DOI: 10.17223/15617793/401/17

УДК 94 (4+7)

О.Г. Лекаренко

ПРОБЛЕМА РАЗДЕЛЕНИЯ ЯДЕРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В НАТО В ГОДЫ ПРЕЗИДЕНТСТВА Л. ДЖОНСОНА

На основе рассекреченных дипломатических документов США исследуется процесс выработки администрацией Л. Джонсона решения проблемы разделения ядерной ответственности в НАТО между США и их союзниками в Европе. Рассматриваются причины отказа правительства Л. Джонсона от плана создания многосторонних ядерных сил НАТО, создание комитета Макнамары для изучения путей улучшения ядерного планирования в альянсе и его преобразование в постоянно действующий механизм ядерных консультаций в НАТО.

Ключевые слова: Л. Джонсон; группа ядерного планирования; многосторонние ядерные силы; НАТО.

Испытание Советским Союзом в 1957 г. первой межконтинентальной ракеты и запуск первого искусственного спутника Земли изменили баланс сил между двумя сверхдержавами и породили у западноевропейских союзников США серьезные сомнения в надежности американских ядерных гарантий. Европейцы задавали вполне уместный вопрос, готовы ли США применить ядерное оружие для защиты стран Западной Европы в условиях, когда Советский Союз получил возможность наносить удар непосредственно по территории Соединенных Штатов. Данные сомнения усилились после начала разработки в США стратегии «гибкого реагирования». В отличие от доктрины «массированного возмездия», которая означала автоматическое применение ядерного арсенала США в случае советской агрессии, стратегия «гибкого реагирования» не предполагала такого автоматизма. В ее основе лежал принцип «соразмерности» применяемых вооруженными силами США боевых средств и методов ведения боевых действий характеру и масштабам того или иного конфликта. У европейцев новая стратегия вызывала опасения, что Соединенные Штаты отдают предпочтение обороне западноевропейского региона с использованием только обычных вооруженных сил и намерены вывести свои тактические ядерные ракеты с территории Западной Европы [1, 2]. Сомнения в надежности американских гарантий безопасности породили в странах Западной Европы стремление к большему участию в процессе принятия стратегических решений в рамках Североатлантического альянса и развитию собственных ядерных сил в дополнение к американскому ядерному сдерживанию.

Соединенные Штаты стремились к тому, чтобы развеять опасения своих союзников по НАТО и одновременно остановить процесс дальнейшего распространения ядерного оружия. В качестве альтернативы национальным ядерным программам правительство США предложило общее ядерное сдерживание в виде создания многосторонних ядерных сил (МЯС). Проект разделения ядерной ответственности начал разрабатываться администрацией Д. Эйзенхауэра и был впервые изложен европейским членам НАТО госсекретарем К. Гертером на заседании Совета министров НАТО в декабре 1960 г. План включал предоставление в распоряжение НАТО пяти атомных подводных лодок с 80 ракетами среднего радиуса действия «Поларис» на борту, которые во время войны должны были находиться в распоряжении верховного главнокомандующего объединенными вооруженными силами НАТО в Европе. К изначальному американскому вкладу в НАТО затем должны были подключиться европейские страны путем покупки у Соединенных Штатов следующих 100 ракет «Поларис». Размещение ядерных ракет на подводных лодках было признано более безопасным, чем создание военно-воздушных баз США в Европе, уязвимых для удара противника.

Создание МЯС отвечало многим задачам:

– обеспечить возможность размещения американских ракет среднего радиуса действия на территории стран Западной Европы в целях противодействия советской ядерной угрозе;

– переложить часть расходов по обеспечению безопасности в Европе на западноевропейских союзников США;

– укрепить доверие союзников к американскому ядерному сдерживанию и лидерство США в НАТО;

– удовлетворить стремление европейских государств к большему контролю над собственной обороной и одновременно сохранить централизованный контроль над применением ядерного оружия;

– повысить статус ФРГ в НАТО путем ее приобщения к ядерному планированию и тем самым уменьшить опасность появления планов создания западногерманских ядерных сил [3].

Администрация Дж. Кеннеди начала свою деятельность с усилий, направленных на укрепление контроля над американским ядерным оружием, размещенным в Европе, но затем вернулась к проекту МЯС, который мог составить реальную альтернативу планам Ш. де Голля по созданию независимых европейских ядерных сил [4]. В мае 1961 г. Дж. Кеннеди подтвердил данное правительством Д. Эйзенхауэра обещание передать НАТО пять атомных подводных лодок. Выступая 5 мая 1962 г. в Афинах на заседании Совета министров НАТО, министр обороны Р. Макнамара впервые представил европейским союзникам США систематическое объяснение стратегии «гибкого реагирования», обсуждавшейся с весны 1961 г. Одновременно он подверг критике слабые и неэффективные с военной точки зрения национальные ядерные силы и заявил о готовности США участвовать в создании многосторонних ядерных сил НАТО [5]. После того как Ш. де Голль наложил вето на вступле-

ние Великобритании в ЕЭС, Соединенные Штаты активизировали процесс обсуждения вопросов, связанных с созданием МЯС, со своими западноевропейскими партнерами. План МЯС помогал администрации Дж. Кеннеди решить сразу несколько задач: включить в данный проект британские ядерные силы, помешать возможному сотрудничеству Франции и ФРГ в ядерной сфере, способствовать более тесной интеграции ФРГ в НАТО [6].

В начале 1963 г. в Соединенных Штатах была закончена разработка детального плана создания многосторонних ядерных сил. В ходе обсуждений была отклонена идея размещения ядерных ракет на подводных лодках. В конечном итоге американский проект предполагал, что МЯС будут состоять из 25 надводных кораблей, каждый из которых будет нести по 8 ракет «Поларис» на борту, суда будут иметь смешанные экипажи, состоящие из граждан не менее трех государств – членов НАТО. Контроль над запуском ядерных ракет возлагался на комитет из представителей стран – участниц МЯС. Решения в данном комитете должны были приниматься единогласно, что позволяло США сохранить свое право вето в вопросе об использовании ядерного оружия. Для дальнейшей разработки плана в октябре 1963 г. были учреждены две рабочие группы. Рабочая группа в Париже, состоящая из послов в НАТО, занималась изучением политических и юридических вопросов создания МЯС. Военно-технические вопросы находились в ведении рабочей группы в Вашингтоне. Развитие дискуссии о создании МЯС позволяло США продемонстрировать свою заинтересованность в продолжении политики разделения ядерной ответственности с европейскими союзниками по НАТО.

Наибольший интерес к проекту МЯС проявила Западная Германия, которая видела в планах создания коллективных ядерных сил НАТО возможность приобщиться к ядерному оружию и таким образом повысить свой статус в Североатлантическом альянсе. США стремились привлечь к созданию МЯС как минимум несколько европейских государств – членов НАТО, включая Великобританию. Однако, несмотря на англо-американское соглашение в Нассау декабря 1962 г., предусматривавшее продажу Великобритании американских ракет «Поларис» с последующим включением созданных на их основе атомных сил в многостороннюю систему, администрации Дж. Кеннеди так и не удалось добиться официального согласия Лондона на участие в создании МЯС. Вместо проекта МЯС Великобритания предложила объединение под командованием НАТО ряда национальных подразделений стран – членов Североатлантического альянса, оснащенных ядерным оружием или средствами его доставки (проект многонациональных ядерных сил). При этом ядерное оружие не должно было переходить в собственность НАТО, а страны, его предоставившие, могли в случае необходимости отозвать свои подразделения обратно. Франция отклонила свое участие в МЯС, однако не высказывала открытой критики в их адрес. Италия проявила интерес к американскому проекту, но положение итальянского правительства было столь неустойчивым, что оно не могло принимать никаких решений. Греция и Турция выразили желание участвовать в многосторонних ядерных силах, но только при условии, что это не потребует от них никаких финансовых расходов.

После смерти Дж. Кеннеди сторонники проекта МЯС в госдепартаменте, видевшие в нем путь к созданию политически единой Европы, стремились убедить Л. Джонсона возобновить американские обязательства в отношении данного проекта и оказать соответствующее давление на европейцев [7. P. 40]. Осенью 1963 г. в связи со сменой правительств в США и ФРГ американо-западногерманские дискуссии по вопросу о создании МЯС были временно приостановлены. Пришедшее к власти в ФРГ в октябре 1963 г. правительство Л. Эрхарда продолжило курс на участие Западной Германии в создании многосторонних ядерных сил НАТО. Через два дня после избрания на пост федерального канцлера Л. Эрхард в правительственном заявлении от 18 октября 1963 г. отметил, что правительство ФРГ «решительно поддерживает все усилия, направленные на углубление политического взаимодействия в рамках НАТО, а также на интеграцию средств обороны этого блока». Он подчеркнул, что «создание многосторонних ядерных сил внесло бы существенный вклад в осуществление этих целей» и что федеральное правительство приветствует «участие возможно большего числа стран НАТО в указанных совместных ядерных силах», создание которых открывает «новые пути политического и военного сотрудничества» стран – членов НАТО [8].

Администрация Л. Джонсона, однако, не собиралась развивать МЯС только как американо-германский проект без участия Великобритании и других заинтересованных стран – членов НАТО [9]. США не хотели форсировать переговоры по МЯС, предоставив возможность европейским государствам самим договориться о содержании и сроках подписания соответствующего соглашения [10]. С правительством А. Дуглас-Хьюма в апреле 1964 г. была достигнута договоренность, что вплоть до проведения парламентских выборов в октябре 1964 г. правительство Великобритании не сможет предпринять никаких шагов в плане подготовки создания МЯС. Было принято решение о том, что рабочая группа в Париже продолжит работу над юридическими аспектами соглашения по МЯС, которое может быть подписано в ноябре–декабре 1964 г. [11]. Послы США в европейских странах – членах НАТО получили инструкции заручиться согласием соответствующих правительств. Чтобы продемонстрировать реализуемость концепции многосторонних ядерных сил на практике, в 1964 г. по рекомендации вашингтонской группы США предоставили в распоряжение НАТО эсминец «Бидл», позже переименованный в «Рикеттс». Для приобретения опыта в подготовке смешанных экипажей в течение 1964 г. половина его экипажа была заменена иностранцами, среди которых была большая группа моряков из Западной Германии [12. С. 70].

Руководство ФРГ было наиболее активным в вопросе продолжения переговоров о создании МЯС.

В сентябре 1964 г. посол ФРГ в Соединенных Штатах В. Греве передал Л. Джонсону письмо Л. Эрхарда с предложением развивать проект МЯС на двусторонней основе. В письме канцлер ФРГ выражал обеспокоенность в связи с отсутствием прогресса в дискуссии по МЯС, особенно в свете обсуждавшейся в Генеральной ассамблее ООН резолюции, призывающей приостановить все переговоры и соглашения, которые могут нарушить статус-кво в сфере контроля над атомными вооружениями, впредь до заключения соглашения о нераспространении ядерного оружия. Л. Эрхард напомнил американскому президенту о данном им в июне 1964 г. на американо-германском саммите в Вашингтоне обещании инициировать все необходимые меры для подписания соглашения о создании МЯС в конце 1964 г. [13]. В США были раздражены немецким предложением о подписании двустороннего американо-германского соглашения по МЯС, открытого для присоединения других стран, информация о чем просочилась в западногерманскую прессу. В ответном письме Л. Эрхарду, отправленном 7 октября 1964 г., президент Л. Джонсон подчеркнул, что США готовы следовать графику, обозначенному в июньском коммюнике, но план создания МЯС не может быть реализован только как американо-германский проект, и предложил Л. Эрхарду дождаться итогов парламентских выборов в Великобритании [14]. На выборах 15 октября 1964 г. британские консерваторы потерпели поражение. Таким образом, правительству ФРГ не приходилось рассчитывать на скорое возобновление переговоров по МЯС.

Если изначально Франция занимала пассивную позицию в отношении проекта МЯС, то с октября 1964 г. по мере приближения предполагаемого срока подписания соглашения французское правительство по различным каналам стало выражать открытую враждебность к планам создания ядерных сил НАТО с участием Западной Германии. Ш. де Голль считал, что результатом членства ФРГ в МЯС стало бы не уменьшение, а увеличение ядерных амбиций ФРГ [15, 16]. Его также беспокоила все большая ориентация правительства Л. Эрхарда на Соединенные Штаты в ущерб франко-германским отношениям. Участившиеся атаки французского лидера на МЯС происходили параллельно с пересмотром Францией своих отношений с НАТО. Ш. де Голль стремился к увеличению политической и военной независимости Франции, что позволило бы ей строить свою внешнюю политику, исходя из национальных интересов. Французский лидер полагал, что в условиях уменьшения советской военной угрозы атлантическая система должна стать «более эластичной, чтобы Европа занимала в ней равное положение с американцами», Франция оставалась в альянсе, но как «независимое государство, восстановившее свой суверенитет» [17]. Не подвергая сомнению существование Североатлантического союза, де Голль выступал против организации НАТО и военной интеграции в мирное время. Он также считал неприемлемым любое присутствие иностранных войск на французской территории. У самой Франции к этому времени под командованием НАТО оставалось всего две дивизии и несколько авиационных соединений. Весной 1964 г. из посольства США в Париже стали поступать сообщения о намерениях Франции вывести оставшиеся силы из-под командования НАТО и денонсировать Североатлантический договор в 1969 г. в соответствии со статьей 13 [18, 19]. Данная статья предусматривала возможность любой страны выйти из НАТО по истечении двадцатилетнего срока действия договора через год после того, как она уведомит правительство Соединенных Штатов о расторжении ею настоящего договора. В ноябре 1964 г. после беседы с Ш. де Голлем у посла США во Франции Ч. Болена не осталось уже никаких сомнений в намерении Франции покинуть НАТО [20].

Атаки Ш. де Голля и министров его правительства на МЯС увеличили раскол внутри правящего в ФРГ блока Христианско-демократического союза и Христианско-социального союза (ХДС / ХСС) между «атлантистами» во главе с Л. Эрхардом и министром иностранных дел Г. Шредером и «франкофилами», которых возглавляли лидер ХДС К. Аденауэр и председатель ХСС Ф.Й. Штраус. Отдавая должное творцу германского «экономического чуда» Л. Эрхарду как «выдающемуся экономисту, единственному в своем роде», Ф.Й. Штраус, однако, считал его абсолютно некомпетентным в вопросах внешней политики и обеспечения безопасности [21. С. 422–423]. «Франкофилы» выступили против участия ФРГ в создании МЯС как несовместимого с духом франко-германского договора о дружбе и сотрудничестве 1963 г. Враждебно настроенные по отношению к Л. Эрхарду, которого К. Аденауэр с большой неохотой признал своим преемником на посту федерального канцлера, они решили использовать тему франко-германских отношений в своих внутрипартийных интересах. К. Аденауэр обвинил Л. Эрхарда и Г. Шредера в том, что правительство взяло курс на ухудшение отношений с Францией и ее президентом Ш. де Голлем. Вернувшись в ноябре 1964 г. из Парижа, где он получил почетное звание члена Французской академии моральных и политических наук, К. Аденауэр на заседании парламентской фракции ХДС в бундестаге призвал «заморозить» проект МЯС до тех пор, пока он не станет «более европейским» и более приемлемым для де Голля. По этому поводу заместитель госсекретаря Дж. Болл заметил, что Л. Эрхард, очевидно, сожалеет о том дне, когда он решил оставить руководство ХДС в руках К. Аденауэра [22].

К концу 1964 г. в Правительстве США только Дж. Болл все еще являлся сторонником многосторонних ядерных сил, усматривая в их создании шаг на пути развития процесса европейской интеграции. Госсекретарь Д. Раск, министр обороны Р. Макнамара, специальный помощник президента по вопросам национальной безопасности М. Банди считали важным поддерживать данный проект на плаву как средство обеспечения более тесной связи ФРГ с НАТО, но только как средство, а не самоцель [23, 24]. В составленном для Дж. Болла меморандуме от 25 ноября 1964 г. М. Банди предложил «дать МЯС умереть собственной смертью». В числе причин такого решения

назывались стремление Западной Германии продвинуть проект МЯС любой ценой, раскол мнений в ХДС, возможность нового выпада Ш. де Голля против НАТО, опасность ухудшения франко-германских отношений, слабость правительства Италии после последних выборов, нежелание Великобритании участвовать в создании МЯС, заинтересованность США в заключении договора о нераспространении ядерного оружия, отсутствие достаточной поддержки проекта МЯС в конгрессе США [25, 26].

Вопрос о создании МЯС не выносился на повестку дня в конгрессе по причинам отсутствия четко выраженной поддержки проекта со стороны европейских стран и установленных конкретных сроков подписания соглашения. Однако комитет по вооруженным силам и объединенный комитет конгресса по атомной энергии выступали против соглашения по МЯС, которое требовало внесения поправок в закон Мак-Магона об атомной энергии. Конгрессмены задавали вопросы, действительно ли европейцы хотят создания МЯС, будут ли данные силы способствовать укреплению единства Североатлантического альянса, смогут ли США сохранить контроль над применением ядерного оружия. Республиканцы в конгрессе выступали против самой идеи разделения ядерной ответственности, а демократы опасались, что создание МЯС сократит шансы на установление контроля над вооружениями и приведет к расколу в НАТО, что не будет способствовать укреплению безопасности самих США [7. P. 44]. Проект МЯС не пользовался поддержкой Объединенного комитета начальников штабов и большинства профессиональных военных, включая известных генералов Л. Лемнитцера, Л. Норстеда, Д. Эйзенхауэра. Министерство обороны США (кроме руководителей ВМС, для которых это означало бы дополнительные ассигнования и усиление их роли) никогда не проявляло большого энтузиазма по отношению к многосторонним ядерным силам. Военное руководство США предпочитало сохранять полный контроль над атомным оружием, не идя даже на формальные уступки союзникам [12. С. 101; 26; 27].

Президенту Л. Джонсону было сложно открыто отказаться от проекта создания МЯС, который обсуждался в течение пяти лет и поддерживался двумя его предшественниками на посту президента. Такой отказ мог подорвать прозападную и проамериканскую ориентацию ФРГ, которая рассматривалась как одно из наиболее важных достижений послевоенной европейской политики США. В то же время после проведенного КНР в октябре 1964 г. испытания ядерного оружия Л. Джонсон все больше склонялся в сторону политики ядерного нераспространения [7. P. 43, 54–55]. Фактически проект МЯС умер в декабре 1964 г., хотя еще два года вопрос о создании многосторонних ядерных сил оставался на обсуждении в НАТО как один из вариантов создания коллективного ядерного флота.

Другой вариант был представлен пришедшим к власти в Великобритании лейбористским правительством Г. Вильсона и получил название атлантических ядерных сил (АЯС). Англичане предложили включить надводный флот МЯС со смешанными экипажами в более крупную структуру, включающую также британские стратегические бомбардировщики «Вулкан», равное количество американских и британских подводных лодок с ракетами «Поларис» на борту и, возможно, американские ракеты среднего радиуса действия «Минитмен». Данная структура должна была стать частью единых вооруженных сил НАТО. ФРГ должна была внести финансовый вклад в создание атлантических ядерных сил. План АЯС, который помогал Великобритании уйти от принятия определенного решения по МЯС, был утвержден британским правительством 21–22 ноября 1964 г. в качестве официальной позиции Лондона на англо-американских переговорах в Вашингтоне в декабре 1964 г.

США поддержали данный проект как один из вариантов решения вопроса о создании коллективных ядерных сил НАТО и как первый шаг к возможному отказу Великобритании от независимого ядерного сдерживания. В ходе американо-британских переговоров 7–8 декабря 1964 г. было принято решение вынести план создания АЯС на обсуждение рабочей группы в Париже и привлечь к участию в переговорах представителей Франции [28]. В дальнейшем, столкнувшись с упорным нежеланием Правительства США согласиться на включение в АЯС американских подводных лодок, правительство Г. Вильсона решило прибегнуть к тактике затягивания переговоров до тех пор, пока США и ФРГ не откажутся от идеи создания ядерного флота. В составленном в декабре 1964 г., но не утвержденном президентом меморандуме по национальной безопасности № 322/1 «Инструкции для переговоров по ядерной обороне Атлантического альянса» говорилось, что Соединенным Штатам следует поощрять дискуссии между западноевропейскими странами, в частности между ФРГ и Великобританией, по вопросу создания коллективных ядерных сил НАТО, но не настаивать на конкретных решениях и сроках их принятия [29].

Позиция США вызвала растерянность в ФРГ. Немецкие политики полагали, что США утратили интерес к МЯС и оставили в этом вопросе ФРГ один на один с Великобританией [30]. Они сомневались, что Великобритания станет обсуждать вопрос о создании МЯС или АЯС в отсутствие давления со стороны США. Посол США в ФРГ Дж. Макги даже предупреждал о «кризисе доверия» в американо-западногерманских отношениях. В силу своей зависимости от ядерной мощи США в сочетании со сравнительно ограниченным влиянием на американское стратегическое планирование Западная Германия не хотела отказываться от проекта МЯС, который предоставлял ей наиболее вероятную возможность получить доступ к современному ядерному оружию и больший голос в ядерной обороне Запада. В ФРГ опасались, что в случае атаки советских войск на центральном фронте Правительство США отдало бы приказ об использовании ядерного оружия только после захвата значительной части территории Западной Германии [31]. Выступая 12 января 1965 г. в Берлине, Л. Эрхард заявил: «Советские ракеты средней

дальности на границе с ФРГ являются реальностью. Мы никогда не требовали контроля над ядерным оружием, но мы хотим быть защищенными тем же типом вооружений, который угрожает нам. Можно обсуждать форму или цель различных организаций, но политическая и военная реальность остаются неизменными. Поэтому мы заявляем, что готовы – потому что чувствуем угрозу большую, чем другие страны в Европе – нести свою долю груза и ответственности» [32].

На следующий день госсекретарь Д. Раск, следуя совету американского посла в Западной Германии Дж. Макги, отправил письмо министру иностранных дел ФРГ Г. Шредеру, в котором заверил своего западногерманского коллегу в том, что США по-прежнему придают большое значение тем задачам, которые могут быть решены новыми ядерными соглашениями в НАТО, но твердо дал понять, что такие соглашения должны соответствовать потребностям и устремлениям как можно большего числа членов альянса [33]. Американские политики опровергали слухи об отходе США от планов создания ядерных сил НАТО. Во время пресс-конференции 16 января 1965 г. президент Л. Джонсон на вопрос о статусе МЯС ответил: «Крайне важно разработать соглашения в альянсе, которые дадут возможность неядерным членам участвовать в их собственной ядерной обороне, но в то же время избегая распространения национальных ядерных систем», – и выразил надежду на продолжение плодотворных многосторонних дискуссий по данному вопросу [34].

С целью преодоления раскола в НАТО Соединенные Штаты сосредоточились на организации консультативных встреч стран – участниц НАТО по проблемам ядерной стратегии альянса. Впервые идея консультаций обсуждалась на заседании Совета НАТО в Афинах в мае 1962 г., но не получила поддержки, так как неядерные государства опасались, что не получат реальный доступ к ядерному планированию без фактического совладения ядерным оружием. Вопрос о консультациях по ядерным вопросам также поднимался министром обороны Великобритании Д. Хили во время визита в Вашингтон в декабре 1964 г., однако только после провала проекта МЯС министр обороны США Р. Макнамара смог выступить с соответствующей инициативой [7. P. 52–53]. На встрече министров обороны стран НАТО в Париже 31 мая 1965 г. Р. Макнамара в дополнение к действиям по созданию МЯС / АЯС предложил учредить в НАТО специальный комитет для изучения путей улучшения ядерного планирования и для консультаций по ядерным вопросам [35]. Механизм консультаций по ядерным вопросам, с одной стороны, позволил бы европейским участникам альянса, не обладающим ядерным оружием, высказывать свое мнение при разработке ядерной стратегии НАТО, а с другой – по-прежнему оставлял за американским президентом право единолично принимать решение о применении ядерного оружия в Европе. США рассчитывали включить в специальный комитет по ядерным консультациям узкую группу стран, которая отличалась бы от остальных членов Североатлантического альянса наличием у них своего атомного оружия или особым весом в блоке.

Предложение о создании комитета поддержала Великобритания. Руководство ФРГ встретило идею настороженно, справедливо полагая, что комитет является заменой многосторонних ядерных сил, но решило принять участие в консультациях. Немецкие политики хотели быть уверенными в том, что создание комитета не лишит ФРГ надежд на больший доступ к ядерному оружию в будущем. В то же время Л. Эрхард не был намерен форсировать решение вопроса о создании МЯС. Накануне парламентских выборов осени 1965 г. он стремился заморозить данный вопрос, чтобы сохранить единство в рядах ХДС и не обострять отношения с Ш. де Голлем [36]. Франция, которая следовала курсу на сокращение военных связей с НАТО, отказалась принимать участие в работе комитета. По мере приближения срока возобновления Североатлантического договора в 1969 г. и с учетом постоянных атак генерала де Голля на структуру альянса в США ожидали новых действий французского лидера, направленных против НАТО. В июне 1965 г. из посольства США во Франции поступило сообщение о том, что французское правительство намерено поставить вопрос о выводе иностранных войск и военных объектов, не находящихся под французским командованием, с территории Франции. Госдепартамент США принял решение избегать поспешной реакции на французские требования и начать предварительные консультации со своими союзниками по НАТО по вопросу о выводе командований и военных сил НАТО с территории Франции и изменениях в структуре и военном планировании альянса, начиная с тех вопросов, по которым Франция не имела права вето [37, 38].

В это время настроения в США менялись в пользу признания приоритетности заключения договора о нераспространении ядерного оружия по сравнению с созданием атлантических ядерных сил НАТО. Проект МЯС к тому же постоянно подвергался критике со стороны СССР. Главную опасность создания МЯС советское руководство усматривало в том, что он мог подтолкнуть ФРГ к обретению собственного ядерного оружия. Правительство СССР неоднократно давало понять, что данный проект несовместим с подписанием договора о нераспространении ядерного оружия [39]. В 1965 г. в обсуждении вопроса о заключении международного договора о нераспространении ядерного оружия наметился серьезный прогресс. В августе 1965 г. США вынесли на повестку дня проект соответствующего договора, согласно которому государство – участник этого договора брало на себя обязательство не передавать никакого ядерного оружия под национальный контроль любому из неядерных государств и отказывать в помощи государству, не обладающему ядерным оружием, в любых попытках организовать производство такого оружия. Подписание подобного договора означало конец амбициям ФРГ на обретение статуса державы первого ранга путем ее приобщения к ядерному оружию прямым или косвенным образом.

Специальный комитет по ядерным консультациям (комитет Макнамары) приступил к работе в ноябре

1965 г. В отличие от первоначальных планов в его заседаниях участвовали представители 10 стран – членов НАТО. Работа комитета заключалась в рассмотрении существующего ядерного потенциала и ядерных соглашений в НАТО, средств улучшения консультаций между союзниками относительно использования ядерных сил, включая стратегические силы, и путей улучшения и расширения участия союзников в ядерной политике и ядерном планировании. Министры обороны НАТО учредили в составе комитета три рабочие группы. В главную из них – группу ядерного планирования – вошли представители США, Великобритании, ФРГ, Италии и Турции. В ее задачу входило определение условий, при которых страны НАТО будут применять ядерное оружие во время войны, определение мощности ядерного удара в том или ином случае, выбор целей для находящегося в распоряжении НАТО ядерного оружия и другие проблемы ядерной стратегии блока. Две другие группы занимались проблемами обмена информацией и проблемами связи [12. С. 111–112]. Открытым оставался вопрос о том, станет ли комитет постоянным органом или, завершив изучение ряда конкретных проблем, прекратит свое существование. Так как любые структурные изменения в НАТО могли приниматься только с согласия всех ее членов, существовали опасения, что Франция может наложить вето на создание комитета. Однако ввиду второго тура президентских выборов во Франции Ш. де Голль решил не обострять отношения Франции с НАТО. Руководство США, однако, ожидало новых действий Франции в отношении НАТО после выборов и формирования нового правительства, вероятнее всего, весной 1966 г.

Хотя ФРГ вошла в группу ядерного планирования, руководство Западной Германии по-прежнему было заинтересовано в создании ядерных сил НАТО, что позволило бы западным немцам оказывать большее влияние на процесс принятия американских решений об использовании ядерного оружия в Европе, чем консультации по ядерным вопросам [40]. В своем втором правительственном заявлении на посту федерального канцлера 10 ноября 1965 г. Л. Эрхард заявил: «Федеральное правительство считает, что необходима адаптация НАТО к новым политическим и военным факторам. В особенности надо решить проблемы, связанные с тем фактом, что некоторые члены альянса ныне обладают собственным ядерным оружием, а у других его нет. Вместе с тем в ядерной обороне члены союза должны участвовать в зависимости от степени угрозы и того бремени, которое они несут на своих плечах. Мы неоднократно заявляли, что не стремимся к национальному контролю над ядерным оружием. Но нас не следует отстранять от какого бы то ни было ядерного участия… затрудняя нам оборону против открытой угрозы с Востока» [41].

Тема создания ядерных сил НАТО в форме МЯС или АЯС была поднята во время визита Л. Эрхарда в Вашингтон 19–21 декабря 1965 г. В беседе с президентом Л. Джонсоном западногерманский канцлер отметил, что ФРГ не может оставаться без ядерного сдерживания, в то время как тысячи советских ракет среднего радиуса действия направлены на Западную Европу и Западную Германию [42]. По итогам переговоров стороны договорились, что «можно выработать соглашения с целью обеспечить членам Североатлантического союза, не имеющим ядерного оружия, надлежащее участие в ядерной обороне» и что «обсуждение таких соглашений должно продолжаться между двумя странами и с другими заинтересованными союзниками» [43]. Однако, хотя президент Джонсон и симпатизировал стремлению западных немцев к разделению ядерной ответственности, он считал, что продвижение в данном вопросе возможно только путем выработки соответствующего соглашения между Великобританией и ФРГ без оказания какого-либо американского давления на любую из сторон [44]. Л. Джонсон периодически напоминал правительству Г. Вильсона, что оно должно иметь в виду заинтересованность ФРГ в создании АЯС, но отдавал себе отчет в том, что из-за сильной оппозиции в Великобритании в отношении разделения ядерной ответственности с ФРГ достижение такого соглашения является маловероятным [7. P. 62–63].

В январе 1966 г. де Голль был переизбран на новый президентский срок. Вскоре после этого на первой после своего избрания пресс-конференции 21 февраля 1966 г. он объявил о стремлении Франции выйти из всех военных органов НАТО и полностью прекратить участие в военной деятельности блока. Хотя шаги Франции в отношении НАТО были спланированы де Голлем заранее, он использовал аргументы о том, что США могут втянуть европейские страны – члены альянса в войну во Вьетнаме. Он также спекулировал тезисом о том, что в условиях ослабления напряженности в отношениях между Востоком и Западом НАТО не только устарела, но и препятствует достижению разрядки. Время подобных высказываний генерала тоже было выбрано не случайно, незадолго до его визита в СССР в июне 1966 г. [7. P. 99].

7 марта 1966 г. де Голль направил Президенту США Джонсону письмо, в котором сообщил о намерении Франции отказаться от участия в военной организации Североатлантического договора. Он, однако, заверил, что Франция останется активным участником западного альянса и готова сражаться на стороне своих союзников в том случае, если один из них станет объектом неспровоцированной агрессии. Позднее французское правительство отправило руководству США и других стран – членов НАТО меморандумы, детализирующие шаги Франции в направлении ее выхода из военной структуры НАТО. Речь шла о том, что французские войска больше не будут подчиняться командованию НАТО, хотя они останутся в Западной Германии под французским командованием (на основании соглашений 1954 г.), все французские офицеры и персонал будут отозваны со своих постов в НАТО к 1 июля 1966 г., штаб-квартира НАТО должна быть выведена с территории Франции, в будущем никакие иностранные подразделения или органы не должны находиться на французской территории, если они не подчинены Франции. Правительство Франции требовало завершить вывод войск и органов НАТО с ее территории к 1 апреля 1967 г. [45].

Ответное письмо Л. Джонсона Ш. де Голлю было отправлено 22 марта 1966 г. В вежливых и общих фразах Президент США выражал удивление, что Франция чувствует ущемление своего суверенитета, и отмечал, что вопросы, поднятые французским лидером, столь серьезны, что для более детального ответа Соединенным Штатам требуется провести консультации с другими членами Североатлантического договора [46]. Спокойная реакция США на демарш Франции свидетельствовала о прогнозируемости подобного исхода долговременного конфликта в двусторонних отношениях и о готовности пересмотра внешнеполитического курса в отношении Франции и стран НАТО. Несмотря на то что в госдепартаменте поддерживали жесткие ответные меры против Франции, президент Джонсон отказался от таких шагов, как публичная конфронтация с де Голлем или изоляция Франции на международной арене [7. P. 103]. Основные усилия правительства США были направлены на сохранение атлантического единства и «быструю, экономичную и эффективную реорганизацию Североатлантического альянса», а также решение технических вопросов по перемещению войск и военных объектов НАТО с территории Франции без подрыва военной мощи блока [47]. После окончания официального визита де Голля в СССР 1 июля 1966 г. Франция отозвала своих представителей из объединенного командования блока. Войска и учреждения НАТО завершили эвакуацию с территории Франции к марту 1967 г.

Выход Франции из военных структур НАТО упростил принятие решения о создании постоянного механизма ядерных консультаций в альянсе [48]. Летом 1966 г. специальный помощник президента У. Ростоу и заместитель специального помощника президента по вопросам национальной безопасности Ф. Батор рекомендовали исследовать с немцами и англичанами вопрос об институционализации механизма ядерных консультаций в НАТО. Они предлагали, оставив открытым вопрос о создании коллективных ядерных сил, преобразовать специальный комитет по ядерным консультациям в постоянный основной комитет по ядерным вопросам, а группу ядерного планирования – в единый постоянный рабочий орган взамен трех рабочих групп [49]. Так как в правительстве ФРГ все еще были сильны настроения в пользу создания МЯС / АЯС, в письме Президенту Л. Джонсону от 5 июля 1966 г. канцлер ФРГ Л. Эрхард поднял вопрос, не собираются ли США отказаться от создания коллективных ядерных сил НАТО, чтобы такой ценой купить подписание соглашения о нераспространении ядерного оружия. Хотя США уже давно похоронили идею создания многосторонних ядерных сил НАТО и полагали, что ФРГ следует поступить таким же образом, конкретный ответ Л. Эрхарду было решено отложить до его визита в Вашингтон в сентябре 1966 г. Д. Ачесон советовал в ходе предстоящих переговоров подчеркнуть, что США не собираются предпринимать какие-либо действия, которые могут причинить ущерб созданию коллективных ядерных сил в будущем [50, 51]. На встрече министров обороны в рамках рабочей группы по ядерному планированию в Париже 26 июля 1966 г. под председательством Р. Макнамары министры согласились поручить своим заместителям подготовку предложений по созданию постоянного органа в НАТО взамен специального комитета и рабочей группы по ядерному планированию [52].

В октябре 1966 г. в результате острого политического кризиса в ФРГ пало правительство Л. Эрхарда. В ноябре 1966 г. к власти пришло коалиционное правительство Кизингера–Брандта, которое сразу же заявило о своем намерении наладить более тесные отношения с Францией на основе заключенного в 1963 г. франко-германского договора. В декабре 1966 г. специальный комитет министров обороны по ядерным консультациям рекомендовал создать в качестве постоянного органа НАТО комитет по вопросам ядерной обороны, в состав которого могли войти все желающие страны – члены НАТО. Данный комитет должен был намечать общую линию ядерной политики НАТО. Конкретная разработка этой политики и обсуждение всех проблем, связанных с ядерным оружием, возлагались на подчиненную комитету группу ядерного планирования с участием семи стран. По негласному соглашению в группу в обязательном порядке входили представители США, Великобритании, ФРГ и Италии. Остальные страны участвовали в работе группы по принципу ротации. Ф.Й. Штраус, занявший в новом правительстве ФРГ пост министра финансов, с присущим ему сарказмом выразил разочарование немецких политиков в связи с созданием ядерной группы: «Это не больше, чем эрзац, и при трезвом рассмотрении вряд ли больше, чем жест доброй воли американцев, безвредное успокоительное лекарство для союзников и фиговый листок, маскирующий американское превосходство» [21. С. 366].

Ядерные органы НАТО начали действовать на регулярной основе с 1967 г. Первая встреча группы ядерного планирования состоялась 6–7 апреля 1967 г. На ней обсуждались вопросы, связанные со стратегическим и тактическим ядерным оружием, а также ролью принимающих стран в ядерном планировании, хранении ядерного оружия и принятии решений о его использовании [53]. Отказ США от планов создания ядерных сил НАТО вынудил европейские страны ограничить свои ядерные притязания участием в работе постоянных органов НАТО, разрабатывающих ядерную стратегию, но не обладающих контролем над ядерным оружием. Несмотря на то что группа ядерного планирования не была эквивалентной заменой участию в коллективных ядерных силах, для ФРГ она открыла доступ к ядерному планированию в НАТО.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kissinger H.A.* Strains in the Alliance // Foreign Affairs. 1963. Vol. 41, № 1. P. 274–276.
2. *Gaddis J.L.* Strategies of Containment: a Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. New York, 1982. P. 206–208.
3. *Kaplan L.S.* The MLF Debate // John F. Kennedy and Europe / ed. by D. Brinkley and R.T. Griffiths. Baton Rouge, 1999. P. 51.
4. *Кузнецов Е.Л.* Политика Соединенных Штатов Америки в отношении ФРГ в связи с планами создания многосторонних ядерных сил НАТО (1960–1966 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. С. 19.

5. *Foreign* Relations of the United States (FRUS). 1961–1963. Vol. 13 : Western Europe and Canada. Washington, 1994. P. 393.
6. *Cromwell W.C.* The United States and the European Pillar: the Strained Alliance. London, 1992. P. 38.
7. *Schwartz T.A.* Lyndon Jonson and Europe in the Shadow of Vietnam. London, Cambridge (Mass.), 2003.
8. *Политика* центра и взаимопонимания : правительственное заявление от 18 октября 1963 г. // Эрхард Л. Полвека размышлений : речи и статьи. М., 1996. С. 487.
9. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 18. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d18
10. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 27. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d27
11. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 19. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d19
12. *Митяев В.Г.* Ядерная политика США в НАТО. М., 1973.
13. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 36. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d36
14. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 38. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d38
15. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 42. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d42
16. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 65. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d65
17. *Пейрефит А.* Таким был де Голль. М., 2002.
18. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 22. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d22
19. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 33. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d33
20. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 53. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d53
21. *Штраус Ф.Й.* Воспоминания. М., 1991.
22. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 49. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d49
23. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 44. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d44
24. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 46. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d46
25. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 52. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d52
26. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 50. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d50
27. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 57. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d57
28. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 61. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d61
29. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 65. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d65
30. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 67. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d67
31. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 81. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d81
32. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 69. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d69
33. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 68. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d68
34. *Public* Papers of the Presidents: Lyndon B. Johnson. 1965. Washington, 1966. Book 1. P. 54–60.
35. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 87. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d87
36. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 76. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d76
37. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 89. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d89
38. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 95. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d95
39. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 30. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d30
40. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 108. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d108
41. *Бережливость* и трезвость : правительственное заявление, 10 ноября 1965 г. // Эрхард Л. Полвека размышлений : речи и статьи. 1965. С. 556–557.
42. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 119. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d119
43. *The Department* of State Bulletin. 1966. January 10. P. 50.
44. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 124. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d124
45. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 142. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d142
46. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 146. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d146
47. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 161. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d161
48. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 155. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d155
49. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 178. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d178
50. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 183. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d183
51. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 186. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d186
52. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 189. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d189
53. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 246. URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d240

Статья представлена научной редакцией «История» 8 сентября 2015 г.

THE PROBLEM OF SHARING NUCLEAR RESPONSIBILITY IN NATO DURING THE PRESIDENCY OF LYNDON JOHNSON

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 108–116. DOI: 10.17223/15617793/401/17
Lekarenko Oksana G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olekarenko@gmail.com
Keywords: Johnson; nuclear planning group; multilateral nuclear force; NATO.

This article examines different ways of sharing nuclear responsibility in NATO between the US and its European allies that were considered by the Johnson Administration. It is built on analysis of American diplomatic documents. The USSR's launching of Sputnik in 1957 shifted the nuclear balance between the two superpowers. Together with the elaboration of a new strategy of "flexible response" by the US, it caused serious doubts in the countries of Western Europe about the reliability of American nuclear guarantees to their security. These doubts forced the European members of NATO to demand more participation in decision-making on nuclear matters in the Alliance and to develop their own nuclear forces as a supplement to the US nuclear deterrent. To lessen these fears and to stop the process of nuclear proliferation, the US administration proposed sharing nuclear responsibility with its European allies through the creation of the Multilateral Force (MLF). American policymakers considered the MLF a tool to strengthen the defense of Western Europe and at the same time to preserve American control over the launching of nuclear missiles. Additionally, it would give West Germany a reasonable level of participation in the management of NATO's nuclear weapons. Despite considerable Allied efforts to reach a consensus, the MLF project was developing very slowly. Although West Germany joined with the US in favor of the MLF, the project did not enjoy widespread support among the other members of NATO. Eventually, the Johnson Administration abandoned the MLF project because of lack of support in Europe, criticisms in the US Congress, and the priority of signing of the Nuclear Non-Proliferation Treaty that demanded cooperation with the USSR. Instead of the MLF, Secretary of Defense McNamara proposed the creation of a Select Committee of Defense Ministers to consider expanded Allied participation in nuclear planning.

McNamara's proposal met with membership approval (except for the French) at a meeting of the NATO Permanent Representatives in June 1965. Progress in discussions on nuclear matters slowed as France provoked a crisis within the European Economic Community that developed in parallel with frequent French statements about reorganization of the Alliance with the aim of bringing forces and installations in France under French command and freeing French forces from NATO control. The Select Committee, however, was not affected and held its first formal meeting on November 27, 1965. At that meeting, several working groups were established, including one on nuclear planning. Paradoxically, France's withdrawal of its military from NATO in 1966 made it easier for NATO to adopt a decision about creation of a permanent mechanism for consultations on nuclear matters in the Alliance. In December 1966, the Nuclear Defense Affairs Committee and the Nuclear Planning Group were established, and they began to function on a permanent basis in 1967.

REFERENCES

1. Kissinger, H.A. (1963) Strains in the Alliance. *Foreign Affairs*. 41:1. pp. 274–276.
2. Gaddis, J.L. (1982) *Strategies of Containment: a Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy*. New York: Oxford University Press.
3. Kaplan, L.S. (1999) The MLF Debate. In: Brinkley, D. & Griffiths, R.T. (eds) *John F. Kennedy and Europe*. Baton Rouge.
4. Kuznetsov, E.L. (2005) *Politika Soedinennykh Shtatov Ameriki v otnoshenii FRG v svyazi s planami sozdaniya mnogostoronnikh yadernykh sil NATO (1960–1966 gg.)* [The policy of the United States against Germany in connection with plans to create a multilateral NATO nuclear force (1960–1966)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
5. Foreign Relations of the United States (FRUS). (1994) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1961–1963*. Vol. 13: Western Europe and Canada. Washington.
6. Cromwell, W.C. (1992) *The United States and the European Pillar: the Strained Alliance*. London: Macmillan.
7. Schwartz, T.A. (2003) *Lyndon Jonson and Europe in the Shadow of Vietnam*. London, Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
8. Erhard, L. (1996) Politika tsentra i vzaimoponimaniya: pravitel'stvennoe zayavlenie ot 18 oktyabrya 1963 g. [The policy of the center and understanding: a government statement on October 18, 1963]. In: Erhard, L. *Polveka razmyshleniy: rechi i stat'i* [Half-century of reflections: articles and speeches]. Moscow: Ordynka, Nauka.
9. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 18. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d18.
10. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 27. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d27.
11. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 19. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d19.
12. Mityaev, V.G. (1973) *Yadernaya politika SShA v NATO* [US nuclear policy in NATO]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
13. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 36. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d36.
14. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 38. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d38.
15. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 42. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d42.
16. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 65. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d65.
17. Peyrefitte, A. (2002) *Takim byl de Goll'* [This was de Gaulle]. Translated from French. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.
18. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 22. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d22.
19. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 33. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d33.
20. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 53. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d53.
21. Strauss, F.J. (1991) *Vospominaniya* [Recollections]. Translated from German. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
22. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 49. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d49.
23. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 44. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d44.
24. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 46. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d46.
25. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 52. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d52.
26. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 50. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d50.
27. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 57. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d57.
28. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 61. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d61.
29. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 65. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d65.
30. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 67. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d67.
31. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 81. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d81.
32. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 69. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d69.
33. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 68. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d68.
34. Johnson, L.B. (1966) *Public Papers of the Presidents: Lyndon B. Johnson. 1965*. Book 1. Washington.
35. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 87. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d87.
36. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 76. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d76.
37. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 89. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d89.
38. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 95. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d95.
39. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 30. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d30.
40. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 108. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d108.
41. Erhard, L. (1996) Berezhlivost' i trezvost': pravitel'stvennoe zayavlenie, 10 noyabrya 1965 g. [Thrift and sobriety: government statement, 10 November 1965]. In: Erhard, L. *Polveka razmyshleniy: rechi i stat'i* [Half-century of reflections: articles and speeches]. Moscow: Ordynka, Nauka.
42. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 119. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d119.
43. The Department of State Bulletin. 1966. January 10.
44. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 124. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d124.
45. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 142. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d142.
46. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 146. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d146.
47. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 161. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d161.
48. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 155. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d155.
49. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 178. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d178.
50. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 183. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d183.
51. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 186. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d186.
52. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 189. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d189.
53. FRUS. 1964–1968. Vol. 13. Doc. 246. [Online]. Available from: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v13/d240.

Received: 08 September 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 117–126. DOI: 10.17223/15617793/401/18

УДК 93/94+725.349

О.Г. Литвинова

ТЕХНОЛОГИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ОБЬ-ЕНИСЕЙСКОЙ СОЕДИНИТЕЛЬНОЙ ВОДНОЙ СИСТЕМЫ: ПЕРВЫЙ ЭТАП (1882–1886 гг.)

Выявляется технологическая картина строительства Обь-Енисейской соединительной водной системы, процесса ее возведения и типологии основных функциональных элементов с сопутствующей инфраструктурой. При этом инженерные сооружения водной системы проанализированы в контексте подбора аналогов, применяемого в традиционной архитектурно-реставрационной методике. Помимо научных и архивных документов в работу были вовлечены материалы полевых исследований автора для более точного отражения особенностей гидротехнического строительства на территории Сибири в конце XIX в.

Ключевые слова: история Сибири; гидротехническое строительство; Обь-Енисейский канал; технологии.

Исследования в области индустриальной истории, как правило, сфокусированы на социально-экономической стороне вопроса. Не до конца изученными остаются инженерно-технологические аспекты строительства и функционирования сложных промышленных систем. Технологический аспект важен и для разработки научно-обоснованных проектов реставрации, и реконструкции объектов историко-культурного наследия. К уникальным объектам такого рода на территории Томской области относится Обь-Енисейский канал.

Методологической основой исследования явился междисциплинарный подход. Для изучения инженерно-технологических аспектов строительства Обь-Енисейской соединительной водной системы был использован комплекс исторических методов познания. При наблюдении и измерении различных типологических и планировочных характеристик предмета исследования широко использовался метод архитектурно-реставрационного анализа, включающий натурное обследование, выполнение архитектурных обмеров, систематизацию архивных документов, поиск аналогов.

Истории Обь-Енисейской соединительной водной системы посвящено немало трудов. Особого внимания заслуживают труды, опубликованные в конце XX в. сибирским историком В.Н. Большаковым [1–4]. Историю речного судоходства и водных путей в конце XX – начале XXI в. рассматриваем в своих монографиях В.П. Бойко, Д.А. Ананьев, Е.Н. Туманник и ряд других авторов. Большинство авторов отметили, что сибирские предприниматели внесли заметный практический вклад в освоение и развитие водных путей Сибири [5–10].

Истории проектирования и строительства Обь-Енисейского водного пути посвящены статьи А.П. Гурьева, В.П. Зиновьева, Ю.И. Ожередова, Ю.К. Рассамахина, которые существенно продвинули изучение истории Обь-Енисейского канала [11–14]. К новейшим научным трудам относятся исследования И.А. Агеева, где впервые была обобщена и проанализирована история Обь-Енисейского соединительного водного пути [14–17]. Однако авторы не затрагивали инженерно-технологические аспекты строительства. Исследованию особенностей инженерного подхода и технологии строительных работ одного из интереснейших инженерных сооружений Сибири – Обь-Енисейского водного пути – посвящена настоящая статья.

Организация строительства Обь-Енисейской соединительной водной системы в конце XIX в. на министерском уровне имела схожие черты с уже наработанной методикой возведения водных систем Европейской части России. Однако здесь были свои исключительные особенности, в первую очередь связанные с тем, что до начала строительных мероприятий на территории Сибири отсутствовали административно-управленческие учреждения по ведению хозяйственной деятельности на путях сообщения. Распоряжение о начале строительных работ явилось отправной точкой в создании административной системы, предназначенной обслуживать производство работ. Наиболее подробно этот вопрос был проработан И.А. Агеевым в научной статье «Управление изысканием, строительством и эксплуатацией Обь-Енисейского водного пути» [18. С. 14–18].

Контроль над процессом производственных работ соблюдался неуклонно. Ежегодно по мере выполнения работ на место производства командировались инженеры путей сообщения, служащие в техническом отделе Департамента шоссейных и водных сообщений. Как правило, это были высококвалифицированные инженеры, имеющие богатый, опыт работы на строительстве водных коммуникаций. В их служебные обязанности входило контролировать технологический процесс. Благодаря отчётам о ходе выполнения работ, рапортам начальника строительства и документам, составленным итоговой комиссией по освидетельствованию работ, можно оценить детальную технологическую картину возведения Обь-Енисейского соединительного водного пути.

Реализация проектных решений коллежского асессора и инженера, барона Бьерна-Алексиса Александровича Аминова началась 27 июля 1882 г. с утверждения первой очереди строительства соединительной системы. Организационный процесс производственных работ в этом же году был представлен в проекте положения «о временном управлении по устройству Обь-Енисейской соединительной водной системы», включающего перечень должностных чинов и их содержание. Утверждение положения затянулось до 4 декабря 1884 г. в связи с желанием Министерства финансов сэкономить часть затрат на адми-

нистративные расходы за счёт совмещения должностных обязанностей по штату. Однако без официального руководства и штатного расписания организовать строительство было невозможно, и в качестве исключения на начальной стадии был учреждён временный штат «Технического строительного отдела по устройству Обь-Енисейского водного пути» [19. Л. 1–42].

15 мая 1883 г. барон Б.А. Аминов был командирован на место работ в Енисейск. Согласно полученной им инструкции, составленной государственной комиссией, в 1883 г. должны были начаться подготовительные работы, а в 1884 г. планировались землеустроительные работы по сооружению соединительного канала. Б.А. Аминов получил разрешение от Совета вести строительство *хозяйственным способом* – без предварительного согласования всех действий с Департаментом и самостоятельно вести финансовую отчётность по итоговому результату [20. Л. 1–2]. В первостепенные задачи временного начальника технического строительного отдела вошли: наём рабочих, закупка необходимых инструментов, средств для передвижения и достаточного объёма продовольствия из расчёта приблизительно на 400 человек рабочих.

Первой проблемой, с которой столкнулся инженерный состав, было отсутствие достаточного количества рабочих в г. Енисейске, так как основная их часть уже отбыла на золотые прииски. Второй проблемой стало отсутствие квалифицированных кадров, понимающих специфику плотницких и земляных работ при возведении гидротехнических сооружений [21. Л. 1–9]. Города выбирались исходя из удобства доставки рабочих на место строительства, т.е. напрямую по р. Обь, но и здесь инженер столкнулся с отсутствием рабочих кадров. После отбора по результатам собеседования 320 рабочих и одновременной закупки для них продовольствия 24 июня 1883 г. партия отбыла по р. Обь, далее по р. Кеть к устью р. Озёрная на нанятом пароходе «Ярославец». Барон Б.А. Аминов лично занимался поиском плотников «первой руки» и десятников в городах Енисейске и Томске, способных руководить рабочими артелями. Сделав запас необходимых материалов и инструментов и приобретя в казну «Обь-Енисейского канала» пароход «Фортуна», на место работ Б.А. Аминов прибыл 4 июля 1883 г. с 30 нанятыми им мастеровыми и рабочими [20. Л. 3]. Партия рабочих вместе с инженером А.Б. Бобиенским прибыла на место несколько раньше и первым делом занялась работой по расчистке леса для организации жилого стана. Сразу по прибытии начальника началась работа по постройке жилых бараков и складов для хранения привезённых продуктов и инструментов. Кроме этого, требовалась заготовка стройматериалов: дров для курения смолы, обжигания древесного угля и кузниц. На следующем этапе весь рабочий состав с целью ускорения работ был разделён на три отряда. Первый отряд определён в изыскательную партию, состоящую из 4 техников и 40 рабочих. В задачи партии входило уточнить нивелировку и произвести планировочную разбивку осевых линий на местности под канал и гидротехнические узлы. Второй отряд, состоящий из основного числа рабочих, был направлен на расчистку русла рек. Срочность работ определялась тем, что на территории, где планировалось строительство, полностью отсутствовали сухопутные колёсные дороги, а для организации работ в центре водораздела необходимо было доставить по воде большое количество провизии и инструментов [20. Л. 3–8].

Третий небольшой отряд рабочих, состоящий из плотников, остался в устье р. Озёрная для изготовления дополнительных судов, различного рода инструментов и оборудования. Самостоятельное изготовление специального оборудования и инструментов было связано всё с той же проблемой – гидротехнических строительных работ в Сибири никогда ранее не проводилось, а выписывать оборудование из европейской части России было не выгодно [Там же. Л. 11–16].

Первая изыскательная партия вышла 10 июля с устья р. Озёрной в сторону водораздельного плёса по рр. Ломоватая, затем Язёвая и уже 23 июля достигла Водораздельного озера, далее она направилась по р. Малый Кас до её устья. В рамках изысканий выполнялись нивелировка русла рек, а также поиск дополнительных водных резервуаров для подпитки водой будущей соединительной системы [Там же. Л. 18].

За весь летний период 1883 г. с нивелиром было пройдено: 24,54 км по берегам р. Язёвая от устья до её истока; 10,67 км по верхней части р. Малый Кас до её истока и Касовского озера; пройдены реки Язёвая и Малый Кас в четырёх различных вариантах нивелировочных линий будущего соединительно пути общим протяжением в 17,07 км; исследованы берега рр. Язёвая, Ломоватая и Деревянная с целью поиска дополнительных резервуаров воды для подпитки водного маршрута. Результаты нового, более детального обследования позволили сократить намеченную ранее трассу соединительного канала на 214 м, уменьшить объём земляных работ и отыскать дополнительные источники для подпитки водой будущей системы [Там же. Л. 21].

Отряд рабочих, назначенный для расчистки рр. Ломоватая и Язёвая, с 8 июля по 27 августа убрал 15 крупных речных завалов длиной 883,8 м и пять засоренных карчами мест. На уборку всех завалов р. Ломоватая было затрачено четыре тысячи рабочих дней (т.е. на два метра заломов пришлось по десять рабочих дней), поэтому в некоторых случаях принималось решение обходить застарелые завалы саморощимися перекопами, одновременно спрямляя русло р. Ломоватой. В итоге было сделано шесть обходов общей длиной 505 м [Там же. Л. 22–25].

Закончив расчистку рек, второй отряд прибыл на Водораздельное озеро, где началась работа по организации пристани и временного жилого рабочего стана (названного в дальнейшем Главным). Жилой стан начали строить в глубине выступающих лесных грив. Подвоз провианта и оборудования был затруднительным, поскольку берега озера сильно заболочены (по сути, озеро располагалось в большом топком болоте). Решение этой проблемы было достаточно оригинальным. На озере построили пристань, а к месту стоянки проложили деревянный рельсовый путь из жердей длиной в 642 м. Перегрузка материалов осуществля-

лась с помощью вагончиков [22. Л. 27]. На Главном стане выстроили двухэтажный жилой дом для служащих инженеров, больницу и казарму на 100 рабочих. Кроме этого, построили большой погреб для хранения провианта, хлебопекарню и столярную мастерскую. Из-за того что заготовка и доставка леса осуществлялись вручную (без лошадиной силы), строительство летних рабочих бараков отложили на следующий год [Там же. Л. 140].

Одновременно со строительством жилого стана велась работа по расчистке территории от леса и разбивке плана котлована под трассу соединительного канала. Поскольку верхнее устье канала примыкало к болотистым берегам Водораздельного озера, пришлось начать работы по осушению прилегающей территории. Для этого были построены 963 м осушительных кюветов и проложена разбивочная траншея длиной 321 м, шириной 5,35 м и глубиной 1,5 м [Там же. Л. 30–46].

К началу строительных работ территория будущей соединительной системы на несколько вёрст вокруг не имела дорог. Тем не менее требовался своевременный подвоз провианта и инструментов для непрерывного движения многочисленной рабочей артели. Выполнение этой задачи было поручено отряду плотников, оставленному на устье р. Озёрная, они построили два баркаса длиной по 15 м. Один баркас 25 августа довели бечевой тягой по воде до устья р. Язёвая при полной загрузке 19,6 т. Тем же отрядом было изготовлено дополнительно 3 лодки к уже имеющимся 19. Кроме того, изготовили ручные копры для забивки свай, лесопильный станок и ручные инструменты, необходимые при производстве работ [22. Л. 70–91]. Летний сезон окончился 12 сентября 1883 г. с наступлением заморозков, 27 сентября рабочие получили расчёт и были отправлены на пароходе в Томск [Там же. Л. 101–109 об.]. Часть рабочих осталась на водоразделе на всю зиму для заготовки строительного материала.

Второй год строительных работ на Обь-Енисейском водоразделе был распланирован на два производственных сезона: весенний – с 1 апреля по 25 мая 1884 г., и летний – с 25 мая по 12 сентября 1884 г. Общее число рабочих, привлечённых к работам, составило 1 200 человек. Строителями канала стали жители различных городов Томской и Енисейской губерний. Работы велись в двух местах: на прорытии соединительного канала и на 85-й версте строили шлюз Николаевский[1]. Работы, как и в первый год, делились на изыскательские, землеустроительные, плотницкие и заготовительные [23. Л. 138].

Изыскательские работы велись двумя партиями на противоположных ветвях соединительной системы. Первая партия исследовала 77,9 км р. Большой Кас от его устья. Вторая партия провела нивелировку 51,2 км по р. Ломоватая, 35,2 км по р. Язёвая и 34,1 км по р. Малый Кас. Обе партии производили продольные и поперечные промеры русла рек, необходимые для дальнейшего составления проектных чертежей шлюзов и плотин. В период высокой весенней воды сняты глубинные размеры и рассчитан объём водоизмещения всех рек, входящих в Обь-Енисейский соединительный путь [25. Л. 110].

В первый весенний рабочий сезон 1884 г. согласно плану были построены объекты инфраструктуры на Главном стане (на озере) и при Николаевском шлюзе (85-я верста). Произведены землеустроительные работы по раскрытию котлованов соединительного канала, а также для строительства гидротехнических сооружений. Вся работа была завершена до наступления весеннего половодья [26. С. 16–20].

Вторая летняя партия выполнила те же работы с той разницей, что новый сезон начался с исправления уже проделанной работы после весеннего половодья. Откачивали воду в котловане, раскрытом под строительство Николаевского шлюза, и продолжили строительство соединительного канала. В части землеустроительных работ выполнены: земляные работы на участке канала длиной в 1,3 км; отводные каналы на протяжении 6,9 км; осушительные кюветы общей длиной 1,5 км; выполнена планировка откосов и организован бечевник; на 85-й версте раскрыт котлован под шлюз и забиты сваи под основание шлюзовой камеры. Изысканий по рекам системы было сделано общей протяжённостью 198,4 км [27. Л. 122–125].

В части строительства жилой инфраструктуры для размещения строительных отрядов на двух площадках, учитывая низкую температуру воздуха в весеннее время года, требовалось большое количество жилых и хозяйственных помещений. На Главном стане (оз. Водораздельное) построено двенадцать летних бараков и три отхожих места, жилые дома для инженеров, врача, священника и канцелярии, при них отхожее место. Построены временный жилой дом для десятников, барак для конторщиков, помещение для полицейских и маркитанта, хлев, кухня на восемь котлов для рабочих, конюшня на шестьдесят лошадей, два колодца, один с журавлем, другой с желобами для провода воды в конюшню, кухня и баня [22. Л. 142].

На жилом стане и на 85-й версте (Николаевский шлюз) построены пять летних бараков, временный дом для десятников, табельщика, кладовщика и фельдшера, при нем размещались отдельная кухня и отхожие места. Также построены временный дом для производителя работ и канцелярии, кухня и отхожие места, пекарня с двумя русскими печами и баня с русскою печкою и двумя чанами для воды. Кроме жилых домов были построены: отдельный колодец для бани с ручным насосом, кухня для рабочих на четыре котла, кузница с двумя горнами и складом для угля, два отхожих места для рабочих. На р. Язевая построена пристань по тому же типу, что и на озере [28. Л. 11–12]. Заготовка строительного материала преимущественно велась летом. Срублено и подвезено к местам работ 5 500 брёвен, помимо тех, что были заготовлены зимой.

Инженерный состав 1883–1884 гг. технического строительного отдела по устройству Обь-Енисейского соединительного водного пути состоял из двух инженеров путей сообщения А.Б. Бобиенского и Ф.С. Балицкого под руководством Б.А. Аминова, командированного от генерал-губернатора Восточной Сибири

статского советника Голубцова, восьми техников-нивелировщиков и девяти десятников. Кроме того, на канале находились священнослужитель, бухгалтер, врач и два полицейских [26. С. 12].

Подводя итоги рабочего сезона 1883–1884 гг., необходимо упомянуть о причастности к строительству системы инженеров путей сообщения И.И. Августовского и С.М. Житкова, командированных на строительство Обь-Енисейского канала для освидетельствования проделанной работы. Оба инженера на тот момент уже являлись авторитетнейшими специалистами в своей профессиональной среде конца XIX в., поэтому данное ими заключение о важности и необходимости продолжения строительных работ, безусловно, повлияло на решение Государственного совета продлить финансирование. Благодаря акту освидетельствования работ и другим дополнительным сведениям, опубликованным в 1885 г. И.И. Августовским, сложилась детальная картина процесса налаживания производственных работ первого сезона.

23 марта 1885 г. к завершению первого этапа строительства приступила партия всего из 200 рабочих. Работы заключались в очистке ото льда котлована под шлюз Николаевский, забивке свай в основание под верхние и нижние головы шлюза, прорытии деривационного (обходного) канала. На соединительном канале продолжились работы по его устройству: водоотводные канавы расчистили ото льда, по проектной линии канала продолжили вырубку и корчевание леса, прокладку осушительных дренажных канав. На 101-й версте, возле русла канала, начали организовывать временный жилой стан Хвойный. С Главного стана перенесли двенадцать бараков и артельную кухню [27. Л. 154–155]. Уже к концу его строительства были устроены: жилой дом, хлебопекарня с двумя печами, кашеварня и квасная, ледник, конюшня, навес для богослужения с открытой выровненной песчаной площадью, кухня для служащих, колодец, двенадцать летних бараков и отхожее место [29. Л. 136].

20 мая 1885 г. из г. Колывань прибыла артель рабочих из 613 человек. Суда с рабочими удалось довести до устья р. Язёвая благодаря сделанным ранее спрямляющим перекопам на р. Ломоватая. В итоге летняя артель 1885 г. к августу составляла 750 человек. К концу года на 85-й версте достроен деривационный канал, устроен боковой канал для отвода воды из русла с целью строительства плотины. Под плотину вырыт котлован и забиты сваи в её основание. На 103-й версте полностью раскрыт котлован под шлюз, устраиваемый в соединительном канале. Продолжилось устройство соединительного канала с дренажными канавами, бечевником и откосами. Из жилых и хозяйственных сооружений на 85-й версте заново были выстроены здания бани, пекарни и конюшни, расширены кузница и кладовая. На 103-й версте построены три «зимних» барака [27. Л. 172–177]. В течение 1886 г. полностью завершены работы по устройству соединительного канала длиной в 2,7 км. На следующей части канала (ещё 2,7 км) закончилась выемка грунта, в третьей же части проложены осушительные и водоотводные канавы. Фашинные дамбы при верхнем устье канала на водораздельном озере окончены в обе стороны длиной по 128,4 м. На 85-й версте завершены работы по строительству шлюза и плотины. Шлюз, устроенный в соединительном канале на 103-й версте, закончен в черновой отделке [27. Л. 280].

Исследуя акты освидетельствования работ за последующие годы, мы видим, что работ по устройству соединительного канала после 1886 г. не производилось. Следовательно, первая очередь строительства водного пути была всё-таки окончена в 1886 г. Распределение финансирования, исходя из справки о затраченных средствах на строительство, было достаточно небольшим: «1883 г. – 300 тыс. руб.; 1884 г. – 150 тыс. руб.; 1885 г. – 150 тыс. руб.» [23. Л. 138]. То есть утверждённый объём финансирования первой очереди в объёме 600 тыс. руб. сроком на два года был растянут на три года.

Таким образом, в период с 1884 по 1886 г., не включая подготовительный этап, были построены: соединительный канал, два гидротехнических узла по обеим сторонам от Водораздельного озера, проведены экспериментальные работы по спрямлению природного русла рр. Ломоватая и Язёвая. Кроме этого, проведено детальное нивелирование местности, включая глубинные промеры полой, средней и меженной воды в реках, наблюдения за периодами вскрытия и замерзания рек. С каждым годом организация работ становилась более совершенной в части обеспечения строительства инструментами и необходимым оборудованием.

Анализируя ежегодный состав и очерёдность производимых работ на соединительном канале, необходимо заметить, что относительно опыта строительства приладожских каналов, где выемка котлована была разделена на отдельные участки по 4,3 км, на Обь-Енисейском канале работы осуществлялись через 2,7 км. Причиной такого подхода являлись слабые заболоченные грунты.

Линия канала велась поэтапно. Весь участок был разделён на три отрезка; полностью закончив первую часть, в неё запускалась вода. Выемка второй части осуществлялась за счёт оставленной земляной перемычки. Окончив вторую чашу, перемычка разбиралась, и вода вставала в русло второго отрезка канала. В весенний период, когда ещё стояли льды, производились работы по осушению прилегающих территорий с помощью устройства водоотводных траншей, тянувшихся по обе стороны от основного прокопа. Расстояние между ними изначально закладывалось с учётом дальнейшего расширения канала. Одновременно с осушительными траншеями прокладывались линии дренажных кюветов, служащих для отвода атмосферных осадков с береговой и бечевой линий строительства. Выемка грунта в главном прокопе осуществлялась также поэтапно. На размеченной линии устраивалась узкая канава, затем её расширяли и углубляли, вынутый грунт выгружали на берег, формируя требуемый профиль откосов. Поперечный профиль канала проектировался с учётом двух основных факторов: стоимости землеустроительных работ и свойств грунтов.

В итоговом акте за 1895 г. по устройству соединительной системы барон Б.А. Аминов отмечает, что грунты в районе канала были торфяными с встречающимися песчаными и глинистыми участками. Общая длина канала составила 7,958 км, включая шлюз Касовский на 103-й версте. Поперечный профиль канала на протяжении 5,519 км имел ширину по дну 12,84 м, с глубиной заложения дна на 1,7 м выше шлюза. После Касовского шлюза и до вхождения канала в р. Малый Кас поперечный профиль на расстоянии 2 км имел другую, более крутую конфигурацию. Глубина канала была заложена ниже шлюза на 0,64 м, ширина по дну составила 15,4 м. Из-за разности качества грунтов откосы были сделаны с различным числом уклонов. В торфяном грунте они были одноуровневые с уклоном ½. В песчаном грунте поперечный профиль канала имел трёхуровневые откосы. В этой части канала откосы укреплялись фашинной кладкой. Частично, в местах оплывания грунтов, откосы укреплялись плетнями [23. Л. 186]. Вдоль канала с обеих сторон был устроен бечевник шириной 4,28 м и длиной 2,2 км. Часть вынутой земли уложена в кавальеры[2] на расстоянии 21,4 м от берега, сами кавальеры засеяны овсом и обсажены ивой. Осушительные продольные и поперечные траншеи устраивались шириной 1 м с откосами $^1/_5$. Дно канала частично выстелили фашинной кладкой для предотвращения размыва весенней водой [Там же. Л. 28].

Строительство двух шлюзов и плотины велось круглогодично и также имело определённую логическую поэтапность в возведении. На первом этапе на месте будущих сооружений расчищался и выкорчёвывался лес. Затем раскрывались котлованы и устраивались свайные фундаменты. Далее одновременно возводились подводные и надводные части шлюзов.

На Николаевском шлюзе после окончания плотницких работ началось строительство деривационного канала, по которому в дальнейшем должны были проходить суда. На следующем этапе возводилась плотина. Строительство начиналось с устройства обходного канала для отвода в сторону коренного русла реки. По двум сторонам котлована ставились заградительные земляные перемычки [29. Л. 29].

Шлюз Касовский имел полезную длину шлюзовой камеры 48,15 м, ширину 9,4 м. Высота шлюзовых стен от флютбета составляла 5,1 м (19 венцов) [Там же. Л. 30]. Выше и ниже шлюзовой камеры по продольной оси были устроены головы[3] с брусчатыми шлюзовыми воротами, которые навешивались на вереяльные столбы[4]. В створках ворот устраивались по два вращающихся клинкета (специальные задвижки для заграждения отверстий) на горизонтальной оси в ручной раме. В головах устраивались шкафные ниши, куда укладывались створки ворот при их открытии. Подводная часть шлюза состояла из флютбета[5] в верхней голове шлюза, затем устраивалось дно шлюзовой камеры в виде корыта, и далее сливной пол в нижней голове шлюза. Под ним укладывался двухслойный фашинный тюфяк для предотвращения размыва грунта от падающей воды при сливе её из камеры. Глубина флютбета верхней головы была заложена на 1,7 м ниже дна водораздельного озера, соответственно, подпор воды шлюза составлял 1,7 м, а отметка пола в нижней части шлюза была сделана на 0,64 м ниже верхней. Ряжевые стены[6] засыпаны песком (так как геология местности не позволяла использовать камень или глину), сверху устроены продольные дамбы для удержания русла реки в весеннее половодье в пределах шлюзового отверстия. Выше и ниже шлюза сделаны фашинные укрепления откосов берегов. Перед верхней головой шлюза устроены входные палы[7], с каждой стороны по 19 свай, выставленных в шахматном порядке. На шлюзе построены парапеты и причальные столбы. В комплекс судоходного гидротехнического сооружения обязательно входил сторожевой дом 12,8 × 7,7 м и высотой 8,13 м, в четыре комнаты с четырьмя русскими печами, с одним коридором и двумя крыльцами. При сторожевом доме устраивались хозяйственные службы 16,58 × 3 м [29. Л. 31].

Гидротехнический узел Николаевского стана состоял из трёх основных элементов: деривационного канала, шлюза и плотины. Деривационный канал длиной 556 м спрямлял крутую извилину р. Язёвая. Его поперечный профиль выше шлюза имел в ширину 12,8 м по дну с трёхуровневыми откосами. Глубина заложения канала, так же как и на Касовском шлюзе, имела отметку на 1,7 м ниже дна озера. Дно канала нижней части шлюза было заложено на 1 м ниже верхней отметки. Шлюз построен на свайном основании, полезная длина камеры составила 47,5 м, ширина 9,4 м, высота стен 4,7 м (21 венец). Подводные и надводные части выполнены по той же технологии, как на шлюзе Касовском. Плотина построена в коренном русле реки, на свайном основании. Отверстие плотины в свету составило 7,6 м, высота береговых устоев[8] 4,4 м. Отверстие между устоями делилось тремя постоянными контрфорсными стойками на четыре пролёта, каждый в 1,54 м. Каждый пролёт закрывался четырьмя заградительными щитами. Подводная часть плотины по продольной оси имела три основных элемента: понур (при входе воды в отверстие плотины), флютбет (водобойная часть, где устраивалась заградительная линия щитов) и сливной пол. Перед понурым полом была сделана каменная мостовая, береговые откосы укреплены фашинной кладкой. На верху плотины сделаны парапеты и два моста (один проезжий шириной 3,2 м и второй для обслуживания подъёма щитов шириной 1 м). На стойках для подъёма щитов поставлены бараны. Плотина отделялась от шлюза дамбой. Слева от плотины построена водоудержательная дамба, служащая для направления весенней воды в отверстие плотины. Длина дамбы составила 214 м и ширина по верхнему урезу – 5,35 м. Сторожевой дом размером 21,4 × 7,7 м и высотой 7,9 м имел четыре комнаты с тремя русскими печами, коридором и двумя крыльцами. При сторожевом доме были построены хозяйственные службы длиной 13,5 м и шириной 3,8 м [Там же. Л. 26].

По окончании строительства соединительного канала часть жилых построек Главного стана начали постепенно переносить на обскую ветвь (61-я верста).

Постепенно все основные административные функции Главного стана у озера были перемещены вместе с названием. Новый Главный стан получил более удобное местоположение на крутом склоне р. Ломоватая. Сегодня это место называется Баронская заимка, так как именно здесь размещалась жилая усадьба начальника строительства канала, а в дальнейшем начальника Томского округа путей сообщения барона Б.А. Аминова.

Кроме строительных гидротехнических работ следует упомянуть о мероприятиях по очистке русла рек, прилегающих к соединительному участку. Заломы образовывались от обрушения деревьев в реку, так как слабые грунты берегов постоянно подмывались в весеннее половодье. По сути, из-за слабых грунтов, реки Обь-Енисейского водораздела каждый год мигрировали и многолетние завалы из упавших деревьев образовывали естественные заводи, тем самым поднимая уровень воды наподобие плотины. Многие заломы десятилетиями заносились речным илом и мусором, укрепляя их в дне реки. Разборка таких препятствий при помощи топора и пилы обходилась казне канала слишком дорого. Для экономии средств и времени гораздо выгоднее было устраивать обходные искусственные перекопы, одновременно спрямляя судоходный фарватер. Под спрямляющие перекопы также необходимо было вырубать и выкорчёвывать лес, делать нивелирную разбивку и раскрывать котлован по типу соединительного канала. Из-за отсутствия средств и человеческих ресурсов на р. Ломоватая были применены самороющиеся перекопы. В месте, где река делала петлю, прокапывалась траншея с многоступенчатыми откосами, дно траншеи в виде узкого кювета закладывалось ниже отметки естественного дна реки. По дну кювета пропускалась вода. Слабый ручеёк весной давал направление, а в полую воду размывал траншею и река «вставала в русло» перекопа. Проведя такой же эксперимент на р. Язёвая, администрация канала убедилась, что самороющиеся перекопы можно использовать только при достаточном напоре воды в реке [30. Л. 197].

Полевые исследования 2011–2014 гг., проводимые при поддержке Российского гуманитарного научного фонда[8], были организованы с целью выявления технических характеристик инженерных сооружений, так как историко-архивные изыскания не выявили проектной документации на отдельные элементы Обь-Енисейской соединительной водной системы. Поэтому благодаря натурному обследованию появилась возможность сопоставить инженерные отчетные ведомости и идентифицировать сооружения с целью их фиксации и дальнейшего включения в реестр объектов культурного наследия РФ.

Судоходный канал входит в шлюзованную речную систему и расположен на р. Малый Кас. Общая протяженность канала составила 7,80 км в длину. На территории Томской области трасса канала идет на протяжении 4 км, на территории Красноярского края – 3,8 км. Ширина по урезу водной глади составляет 8–9 м, глубина – от 1 до 1,5 м. Относительно севера планировочная ось вытянута на северо-восток под углом 75°. Трасса канала начинается на северо-востоке оз. Водораздельное, планировка имеет два поворота. Акватория подхода к каналу заилена и заросла ивовым кустарником. Дно канала сильно заилено, поскольку водная система была ликвидирована в 1922 г. (обская ветка) и ремонтные очистительные работы не проводились. Левый и правый берега сохранили первоначальную линейность, по обе стороны просматривается система поверхностного дренажа. На поверхности кавальеров и дренажных канав наблюдается активный рост деревьев лиственных пород (берёза, осина). Общее техническое состояние канала характеризуется как ограниченно работоспособное, так как в периоды летнего обмеления передвижение на малогабаритном речном транспорте практически невозможно.

Современное техническое состояние шлюза Касовского на 103-й версте аварийное. Затворы в верхней и нижней головах были утрачены после прохождения в 1942 г. каравана из трёх пароходов (из г. Енисейска в г. Нарым). Основные элементы гидроузла выполнены из круглого дерева (предположительно сосна), рубленного «в лапу». Надводная часть берегоукрепительных сооружений частично утрачена. Лицевые стены и верхние ящики ряжевой кладки разрушены, однако сохранились подводная часть стен (около 1 м от дна шлюзовой камеры) и флютбет, позволяющие определить конструктивные особенности шлюза. Дно шлюзовой камеры частично заилено, тем не менее, не мешает прохождению моторных лодок. Существенным изменениям подверглись системы земляных укреплений (откосы, дамбы, валы) и отвод поверхностных вод от гидротехнического сооружения в результате хозяйственной деятельности староверов. В 30-х гг. XX в. на территории Обь-Енисейской соединительной системы, в Красноярском крае, расселились семьи староверов-беспоповцев Часовенного согласия. На водоупорных и водоотводных дамбах были построены жилые дома и разбиты огороды. Тем не менее на поверхности прочитываются следы дренажных канав, испарителей и отстойников. В целом архивные данные по строительству Касовского шлюза совпадают с результатами натурного обследования.

Общее техническое состояние гидроузла Николаевского на период обследования (август 2014 г.) характеризуется как аварийное. Протяжённость составляет 600 м в длину и 130 м в ширину. Относительно севера ось деривационного канала вытянута на северо-восток под углом 30º. Шлюз и плотина равно удалены от верхнего рукава обводного канала и расположены параллельно друг другу. На правом берегу шлюза устроена упорная дамба. Затворы на плотине и шлюзе отсутствуют. Прохождение речных судов через шлюз невозможно в результате сильного заиливания верхнего и нижнего рукавов деривационного канала. Основное передвижение осуществляется через плотину по коренному руслу реки. Окружающая территория постепенно заболачивается в результате застаивания воды в канале.

Конструктивные элементы шлюза и плотины выполнены из круглого дерева, рубленного «в лапу». Ряжевая кладка боковых устоев укреплена ершенны-

ми гвоздями и спицами (стяжки), частично сохранились элементы кованых механизмов, предназначенных для открывания ворот. Подходы к шлюзу не сохранились. Флютбет верхней головы шлюза пониженный и размещён на свайных фундаментах, королевая часть приподнята относительно нижней головы шлюза. Полы нижней головы также выполнены на свайном фундаменте и имеют пониженный королевый выступ, сливная рисберма выполнена из дерева.

Техническое состояние боковых устоев шлюза Николаевского характеризуется как ограниченно-работоспособное. Шкафные и камерные стены верхней и нижней головы частично разрушены. Наблюдаются механические и биологические повреждения древесины в надводной части ряжевой кладки, связанные с резкими перепадами уровня воды в камере во время весенних паводков. Конфигурация земляных укреплений (высота дамбы, откосы, дренажные канавы) деформирована в результате регулярных разливов реки и роста деревьев лиственных и хвойных пород. Корневая система деревьев разрушает ряжевую кладку. Затворы шлюза сохранились частично. Конфигурация подходов сильно изменена в результате заиливания.

Общее техническое состояние плотины характеризуется как аварийное, сохранилась основная часть инженерного сооружения – флютбет. Состояние древесины в надводной части устоев частично работоспособное, наблюдаются механические повреждения и выветривание верхних слоёв древесины в результате резких перепадов влажности во время весенних паводков. Грунтовое заполнение ящиков в первых рядах ряжевой кладки частично вымыто. Конфигурация земляных насыпей (дамб) изменилась, торцевые откосы устоев подмыты. На поверхности устоев наблюдается активный рост деревьев хвойных пород (сосна), корневая система, вплетаясь в деревянные конструкции, разрушает верхние части ряжевой кладки. Упорная дамба заросла деревьями и кустарником. Затворы плотины и мосты не сохранились.

По результатам натурных исследований 2011–2015 гг. можно утверждать, что гидротехнические сооружения первого этапа были построены в соответствии с проектом, а инженерно-технические параметры шлюзов и плотин полностью соответствуют действительной картине.

В целом, сопоставляя данное барону Б.А. Аминову предписание с выполненным объёмом работ, можно заключить о высокой степени их организации. Подготовительные работы продлились два с половиной месяца из-за ряда непредвиденных обстоятельств. Значительная протяжённость работ вдоль линии соединительного пути изначально не предполагала завершения изыскательных работ в первый год, так же как строительство всей сопутствующей инфраструктуры. Сама организация в первый год выглядит вполне оптимальной, а найденные инженерные решения в сложных ситуациях во многом были новаторскими. Проведённая корректировка планов местности позволила весь намеченный путь разбить на вёрсты, началом нумерации считалось устье р. Озёрная при впадении в р. Кеть. Это позволяло отмечать различного рода препятствия для судоходства и планировать их дальнейшую ликвидацию. Саму систему планировочно разделили на обскую и енисейскую ветви, поскольку они имели различные условия по ландшафту и гидрологии. Строительство и возведение объектов инфраструктуры предполагалось по принципу строительных сезонов, которые чётко определялись в зависимости от вида производимых работ. Кроме того, были установлены правила найма, оплаты и условия труда рабочих. Работы делились на земляные (устройство котлованов, насыпных дамб и спрямление рек), плотницкие (возведение гражданских и инженерных сооружений), заготовочные (заготовка и обработка строительного материала), производственные (изготовление оборудования и прочих инструментов), а также обслуживающие (кухонные, прачечные, огородные и пр.). Отсутствие практических навыков у нанятых рабочих пришлось восполнять специальными «мастер-классами», которые проводили инженеры технического отдела.

Для понимания того, каким образом была реализована первая очередь строительства Обь-Енисейского соединительного пути, следует обобщить некоторые инженерно-технологические аспекты проделанной работы в период 1884–1886 гг. Габаритные размеры гидротехнических сооружений, ширина канала, размеры шлюзовых камер были построены в соответствии с поставленной перед Б.А. Аминовым задачей. Удлинившиеся сроки работ были не типичны для строительной отрасли, так как к концу XIX в. периоды строительства водных коммуникаций, особенно с деревянными гидротехническими сооружениями, были значительно короче. Например, реконструкция всей Мариинской системы в этот же период продлилась всего четыре года, при этом объём строительных работ превышал в несколько раз заявленный на Обь-Енисейском водоразделе. Но здесь есть немаловажный фактор: именно в первый период все работы на водоразделе осуществлялись немногочисленным ручным трудом, конная сила полностью отсутствовала. Удалённость производимых работ от населённых пунктов, отсутствие профессиональных мастеров, а также резко-континентальный климат внесли значительные изменения в проектные планы барона Б.А. Аминова.

Таким образом, сравнивая технологические особенности функциональных элементов соединительной системы с построенными ранее водными коммуникациями, заметим, что за аналог были выбраны шлюзы Мариинской водной системы. Планировка ряжевого однокамерного шлюза с отдельной водосливной плотиной на 85-й версте и однокамерного шлюза на 103-й версте впервые была применена при реконструкции Мариинской системы в 60-х гг. XIX в. Тогда все однокамерные шлюзы устраивались в деривационных каналах, которые спрямляли извилины рек, а плотины размещались в коренных руслах. Габариты и ряжевые конструкции шлюзов с пониженными флютбетами были приняты, как у Мариинских шлюзов. Полное соответствие конструктивных и планировочных особенностей инженерных сооружений

первого этапа говорит о преднамеренной попытке инженеров путей сообщения свести проходимость водных коммуникаций Сибири к стандартам европейской части России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Шлюз Николаевский – назван по имени остяка Николая, ранее жившего в этом месте [24].
[2] Кавальеры – земляные валы вдоль соединительного канала, образовавшиеся в процессе раскрытия котлована. Кавальеры прорезаны через 15–30 м неглубокими канавками для стока поверхностной воды в дренажную траншею, устроенную вдоль трассы.
[3] Голова шлюза – часть шлюза, в которой размещены ворота, водопроводные галереи и обслуживающие их механизмы.
[4] Вереяльный столб – столб, служащий осью для шлюзных ворот.
[5] Флютбет – искусственно укрепленное ложе открытого водного потока, например в пределах плотины, воспринимающее напор воды и предохраняющее русло от размыва.
[6] Ряж – деревянный сруб, погружаемый в грунт и заполняемый обыкновенно сухой, вязкой, жирной глиной или булыжником. В основном применяется к гидротехническим постройкам для устройства основания плотин, молов, набережных, иногда и мостовых опор.
[7] Палы – несколько свай, забитых в дно и возвышающихся над водой настолько, чтобы к ним при самых высоких горизонтах можно было крепить суда.
[8] Береговой устой – сооружение (обычно в виде стенки), сопрягающее водосбросную часть плотины с земляной дамбой.
[9] Исследования проводятся в рамках научного проекта, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом в 2014 г., – проект № 14-04-00289 «Историко-технические и планировочные особенности соединения сибирских рек Оби и Енисея в конце XIX столетия (деревянные гидротехнические сооружения «Обь-Енисейского канала»)».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большаков В.Н.* Очерки истории речного транспорта Сибири. 1991. 145 с.
2. *Большаков В.Н.* О судоходстве Восточной Сибири в конце XVIII–XIX в. // Проблемы генезиса и развития капиталистических отношений с Сибири. Барнаул, 1990. С. 3–16.
3. *Большаков В.Н.* О соединительном пути между бассейнами рек Оби и Енисея // Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источники. Томск, 1991. С. 118–135.
4. *Большаков В.Н.* К истории Обь-Енисейского водного пути (начало XX века) // Исторический опыт хозяйственного освоения Сибири. Томск, 1994.
5. *Бойко В.П.* Томское купечество конца XVIII–XIX в. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996.
6. *Бойко В.П.* Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX в. Очерки социальной, отраслевой, бытовой и ментальной истории. Томск, 2007.
7. *Бойко В.П.* Очерки истории строительства сухопутных путей сообщения (дороги и их строительство как средство хозяйственного и социокультурного развития общества и государства) / В.Н. Ефименко, А.П. Кадесников. Томск, 2010.
8. *Бойко В.П. и др.* Исторические очерки строительства дорог и мостов / отв. ред. Л.С. Ляхович. Томск, 2012.
9. *Ананьев Д.А., Комлева Е.В., Раев Д.Я., Резун Д.Я., Соколовский И.Р., Туманик Е.Н.* Новые земли и освоение Сибири в XVII–XIX в. / под ред. Д.Я. Резуна. Новосибирск : Сова, 2006.
10. *Туманик Е.Н.* Юзеф Адамовский и становление пароходства в Западной Сибири в середине XIX в. Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2011.
11. *Гурьев А.П.* Обь-Енисейский канал. 1974 // Земля Верхнекетская : сб. науч.-популярных очерков к 60-летию образования Верхнекетского района. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997.
12. *Ожередов Ю.И.* Тысячелетия Обь-Енисейского пути // Земля Верхнекетская : сб. науч.-популярных очерков к 60-летию образования Верхнекетского района. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997.
13. *Рассамахин Ю.К.* Дорога на восток // Земля Верхнекетская : сб. науч.-популярных очерков к 60-летию образования Верхнекетского района. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997.
14. *Зиновьев В.П.* Кого везла «Фортуна?» // Земля Верхнекетская : сб. науч.-популярных очерков к 60-летию образования Верхнекетского района. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997.
15. *Агеев И.А.* История Обь-Енисейского соединительного водного пути : автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 2013.
16. *Агеев И.А.* Обь-Енисейский канал в транспортной системе Сибири (вторая половина XIX–начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 1.
17. *Агеев И.А.* Рабочие Обь-Енисейского канала как составная часть отряда строительных рабочих Сибири // Актуальные вопросы истории Сибири : Шестые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина, 5–6 октября 2007 г. 2007. С. 284–288.
18. *Агеев И.А.* Управление изысканием, строительством и эксплуатацией Обь-Енисейского водного пути // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 2 (10). С. 14–18.
19. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 565. Оп. 4. Д. 15297.
20. РГИА. Ф. 446. Оп. 28. Д. 8.
21. РГИА. Ф. 190. Оп. 1. Д. 120.
22. РГИА. Ф. 190. Оп. 4. Д. 8.
23. РГИА. Ф. 190. Оп. 4. Д. 277. Л. 138.
24. *Сидонский А.* Поездка Преосвященнейшего Макария, епископа Томского и Семипалатинского, в Нарымский край для обозрения церквей и посещения инородцев, живущих по р. Кети до Обь-Енисейского канала в июле / августе 1891 г. // Томские епархиальные ведомости. 1891–1892. С. 48–61.
25. РГИА. Ф. 446. Оп. 28. Д. 11. Всеподданнейший доклад от 19 октября 1884 г. о командировании действительного статского советника инженера путей сообщения Августовского.
26. *Августовский И.И.* Обь-Енисейский соединительный путь и значение водяного сообщения от Байкала до Оби. СПб., 1885. 38 с.
27. РГИА. Ф. 176. Оп. 1. Д. 4473.
28. РГИА. Ф. 446. Оп. 28. Д. 11.
29. РГИА. Ф. 190. Оп. 4. Д. 279.
30. РГИА. Ф. 190. Оп. 4. Д. 276.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 ноября 2015 г.

THE TECHNOLOGY OF THE OB-YENISEI WATERWAY CONSTRUCTION: THE FIRST STAGE OF 1882–1886

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 117–126. DOI: 10.17223/15617793/401/18

Litvinova Olga G. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: litvinovaolga1982@gmail.com

Keywords: history of Siberia; hydraulic engineering; Ob-Yenisei Canal; technology.

At the turn of the 20th–21st centuries, ideas of the river transport system are still important in Russia. The lack of land means of communication in the Siberian region complicates the process of territorial resource development, and abundance of rivers and their optimal parameters stimulate the government to develop a program of revival of ideas associated with the construction of a unified intracontinental transport network. The historical and cultural value of the Ob-Yenisei Waterway is interesting for its unique history and is well researched by scientists. However, the research questions concern the lack of accurate qualitative and quantitative data of engineering and technological character. Specifically, one of the main objectives is to identify the complex of the technological design of the Ob-Yenisei Waterway, the process of its construction and typologies of the main functional elements and infrastructure. Analogs were found among engineering and water ways by architectural and restoration techniques. The article presents the first chronological period of 1882–1886. The work engaged the field research of the author to achieve the objective knowledge of the features of hydraulic engineering in Siberia at the end of the 19th century. In addition, the technological aspect of the construction of the Ob-Yenisei Waterway is important for addressing the issue of preservation of its historical and cultural heritage. Knowledge of the construction permission helps to develop the scientifically grounded project of restoration and reconstruction. On this basis, a historical and cultural reserve will be created. For the study of the Ob-Yenisei Waterway, a historical method and restoration of complex principles of knowledge were used. The statistical data and materials of field observations and measurements were compared. Observation and measurement employed architectural restoration analysis. The author concludes that the project of the Ob-Yenisei Waterway is identical to the Mariinsk Waterway which was reconstructed in the 1860s. All gateways are single-chamber, located in the by-pass channels. The dams are in the main river channel. Dimensions and crib grip of the constructions with low dams of chambers were taken as the Mariinsk chambers. Full compliance with the design and planning features of the engineering constructions at the first stage points to a deliberate attempt to make the exploitation of water communications in Siberia by the standards of the European part of Russia.

REFERENCES

1. Bol'shakov, V.N. (1991) *Ocherki istorii rechnogo transporta Sibiri* [Essays on the history of river transport in Siberia]. Novosibirsk: Nauka.
2. Bol'shakov, V.N. (1990) O sudokhodstve Vostochnoy Sibiri v kontse XVIII–XIX v. [About shipping in Eastern Siberia at the end of the 18th–19th centuries]. In: Skubnevskiy, V.A. (ed.) *Problemy genezisa i razvitiya kapitalisticheskikh otnosheniy s Sibir'yu* [Problems of the genesis and development of capitalist relations with Siberia]. Barnaul: Altai State University.
3. Bol'shakov, V.N. (1991) O soedinitel'nom puti mezhdu basseynami rek Obi i Eniseya [On the connecting path between the basins of the Ob and the Yenisei]. In: Zinov'ev, V.P. (ed.) *Khozyaystvennoe osvoenie Sibiri. Istoriya, istoriografiya, istochniki* [The economic development of Siberia. History, historiography, sources]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Bol'shakov, V.N. (1994) K istorii Ob'-Eniseyskogo vodnogo puti (nachalo XX veka) [On the history of the Ob-Yenisei Waterway (the beginning of the 20th century)]. In: Zinov'ev, V.P. (ed.) *Istoricheskiy opyt khozyaystvennogo osvoeniya Sibiri* [Historical experience of the economic development of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Boyko, V.P. (1996) *Tomskoe kupechestvo kontsa XVIII–XIX v. Iz istorii formirovaniya sibirskoy burzhuazii* [Tomsk merchants of the end of the 18th–19th centuries. From the history of the formation of the Siberian bourgeoisie]. Tomsk: Vodoley.
6. Boyko, V.P. (2007) *Kupechestvo Zapadnoy Sibiri v kontse XVIII–XIX v. Ocherki sotsial'noy, otraslevoy, bytovoy i mental'noy istorii* [Merchants of Western Siberia in the end of the 18th–19th centuries. Essays on the social, industry, household and mental history]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Boyko, V.P. (2010) *Ocherki istorii stroitel'stva sukhoputnykh putey soobshcheniya (dorogi i ikh stroitel'stvo kak sredstvo khozyaystvennogo i sotsiokul'turnogo razvitiya obshchestva i gosudarstva)* [Essays on the history of land way construction (roads and their construction as a means of economic, social and cultural development of society and the state)]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
8. Boyko, V.P. et al. (2012) *Istoricheskie ocherki stroitel'stva dorog i mostov* [Historical essays on road and bridge construction]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
9. Anan'ev, D.A. et al. (2006) *Novye zemli i osvoenie Sibiri v XVII–XIX v.* [The new land and the development of Siberia in the 17th–19th centuries]. Novosibirsk: Sova.
10. Tumanik, E.N. (2011) Yuzef Adamovskiy i stanovlenie parokhodstva v Zapadnoy Sibiri v seredine XIX v. [Jozef Adamovsky and establishment of shipping companies in Western Siberia in the middle of the 19th century]. Novosibirsk: Institute of History SB RAS.
11. Gur'ev, A.P. (1997) Ob'-Eniseyskiy kanal. 1974 [The Ob-Yenisei Canal. 1974]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Zemlya Verkhneketskaya: sb. nauch.-populyarnykh ocherkov k 60-letiyu obrazovaniya Verkhneketskogo rayona* [Verhneketskaya Land: scientific-popular essays on the 60th anniversary of the Verkhneketsky District]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Ozheredov, Yu.I. (1997) Tysyacheletiya Ob'-Eniseyskogo puti [The millenia of the Ob-Yenisei Waterway]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Zemlya Verkhneketskaya: sb. nauch.-populyarnykh ocherkov k 60-letiyu obrazovaniya Verkhneketskogo rayona* [Verhneketskaya Land: scientific-popular essays on the 60th anniversary of the Verkhneketsky District]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Rassamakhin, Yu.K. (1997) Doroga na vostok [The road to the east]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Zemlya Verkhneketskaya: sb. nauch.-populyarnykh ocherkov k 60-letiyu obrazovaniya Verkhneketskogo rayona* [Verhneketskaya Land: scientific-popular essays on the 60th anniversary of the Verkhneketsky District]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Zinov'ev, V.P. (1997) Kogo vezla "Fortuna?" [Who was The Fortune transporting?]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Zemlya Verkhneketskaya: sb. nauch.-populyarnykh ocherkov k 60-letiyu obrazovaniya Verkhneketskogo rayona* [Verhneketskaya Land: scientific-popular essays on the 60th anniversary of the Verkhneketsky District]. Tomsk: Tomsk State University.
15. Ageev, I.A. (2013) *Istoriya Ob'-Eniseyskogo soedinitel'nogo vodnogo puti* [The history of the Ob-Yenisei connecting waterway]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
16. Ageev, I.A. (2010) Ob'-Eniseyskiy kanal v transportnoy sisteme Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The Ob-Yenisei Canal in the transport system of Siberia (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1.
17. Ageev, I.A. (2007) [Workers of the Ob-Yenisei Canal as part of the command of construction workers in Siberia]. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri* [Topical problems of the history of Siberia]. Sixth scientific readings in memory of Professor A.P. Borodavkin. 5–6 October 2007. pp. 284–288. (In Russian).

18. Ageev, I.A. (2010) Upravlenie izyskaniem, stroitel'stvom i ekspluatatsiey Ob'-Eniseyskogo vodnogo puti [Management of the search, construction and operation of the Ob-Yenisei Waterway]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2(10). pp. 14–18.
19. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 565. List 4. File 15297. (In Russian).
20. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 446. List 28. File 8. (In Russian).
21. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 190. List 1. File 120. (In Russian).
22. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 190. List 4. File 8. (In Russian).
23. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 190. List 4. File 277. P. 138. (In Russian).
24. Sidonskiy, A. (1891–1892) Poezdka Preosvyashchenneyshego Makariya, episkopa Tomskogo i Semipalatinskogo, v Narymskiy kray dlya obozreniya tserkvey i poseshcheniya inorodtsev, zhivushchikh po r. Keti do Ob'-Eniseyskogo kanala v iyule / avguste 1891 g. [A Journey of His Eminence Macarius, Bishop of Tomsk and Semipalatinsk, in Narym territory for viewing churches and visiting foreigners who live on the Ket' river to the Ob-Yenisei Canal in July / August 1891]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*. pp. 48–61.
25. Vsepoddanneyshiy doklad ot 19 oktyabrya 1884 g. o komandirovanii deystvitel'nogo statskogo sovetnika inzhenera putey soobshcheniya Avgustovskogo [A humbly report of 19 October 1884 on the sending of State Councilor railway engineer Avgustovsky]. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 446. List 28. File 11.
26. Avgustovskiy, I.I. (1885) *Ob'-Eniseyskiy soedinitel'nyy put' i znachenie vodyanogo soobshcheniya ot Baykala do Obi* [The Ob-Yenisei connecting way and the value of water connection from Lake Baikal to the Ob]. St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva putey soobshcheniya (A. Benke).
27. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 176. List 1. File 4473. (In Russian).
28. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 446. List 28. File 11. (In Russian).
29. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 190. List 4. File 279. (In Russian).
30. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 190. List 4. File 276. (In Russian).

Received: 24 November 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 127–133. DOI: 10.17223/15617793/401/19

УДК 338.245(571.1)(091)

Е.В. Луков

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК МЕХАНИЗМ АДАПТАЦИИ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА СИБИРИ К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД 1990-х гг.: НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АССОЦИАЦИИ «СИБИРСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ»

Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.B25.31.0009).

Рассматривается деятельность ассоциации «Сибирское соглашение» по поддержанию предприятий оборонно-промышленного комплекса. На основании анализа программных установок, организационной структуры и основных направлений межрегионального взаимодействия делается вывод о том, что «Сибирскому соглашению» в условиях переходного периода 1990-х гг. удалось не только предложить концепцию реформирования оборонно-промышленного комплекса Сибири, но и создать систему отстаивания региональных интересов на федеральном уровне.

Ключевые слова: Сибирь; «Сибирское соглашение»; межрегиональное взаимодействие; оборонно-промышленный комплекс; конверсия; региональная экономика.

К началу 1990-х гг. в оборонно-промышленном комплексе (ОПК) Сибири было сосредоточено порядка 70% основных фондов и занято около 55% общего количества работающих в промышленности. При этом большинство сибирских территорий, столкнувшись с однотипными проблемами в сфере ОПК, приступили к развитию сотрудничества как к одному из способов их решения. Реконструкция процесса выстраивания институтов межрегионального взаимодействия позволит выявить механизмы адаптации оборонных отраслей Сибири к условиям переходного периода 1990-х гг. Анализ совместных действий региональных властей в сфере реформирования ОПК даст возможность глубже понять особенности становления региональной политики и системы федерализма в России в рассматриваемое время.

Целью исследования стало выявление роли межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» в выстраивании механизмов адаптации оборонно-промышленного комплекса Сибири к условиям переходного периода. Объектом исследования является социально-экономическое развитие Сибири в 1990-е гг., а его предметом – межрегиональное взаимодействие сибирских регионов в отраслях оборонно-промышленного комплекса.

Реформы второй половины 1980-х гг., призванные сделать советскую экономическую систему более динамичной, привели к нарастанию кризисных явлений во всех сферах, в том числе в оборонно-промышленном комплексе страны. Ситуация усугублялась политическим противостоянием в центре, которое отодвигало социально-экономическую политику правительства на второй план. Это привело к тому, что фактически огромное количество возникающих проблем вынуждены были решать региональные власти. В то же время их возможности оставались ограниченными из-за ряда факторов, в том числе противоречивости законодательной базы, неопределенности бюджетных полномочий регионов, разрыва экономических связей и т.д. В этих условиях региональные лидеры обратились к использованию уже имеющегося опыта по развитию территориальной кооперации в рамках больших экономических районов. Основной организационной формой взаимодействия стала созданная в октябре 1990 г. межрегиональная ассоциация «Сибирское соглашение» (МАСС).

В конце 1990–1991 гг. главным направлением реформирования военно-промышленного комплекса (ВПК) стала конверсия, которая в регионах Сибири была воспринята с определенным оптимизмом, поскольку могла помочь решить проблему дефицита потребительских товаров, обострившуюся с началом экономического реформирования. Вскоре республиканские власти начали борьбу с союзным центром за переподчинение промышленных предприятий, расположенных на их территории, без чего провозглашаемая «суверенность» не имела экономической основы. Области и края также включились в этот процесс и добились права участвовать в проведении конверсии.

Разработка региональных конверсионных программ показала, что значительное число проблем характерно для большинства сибирских территорий, что выдвигало на повестку дня создание общесибирской программы конверсии. В это же время были намечены основные направления в развитии межрегионального взаимодействия. Во-первых, шли переговоры о номенклатуре планируемого выпуска гражданской продукции, «чтобы все разом не стали налаживать производство… стиральных машин, а холодильников – никто» [1]. Во-вторых, для производства наукоемкой продукции, техники, оборудования и т.д. на конверсионных предприятиях разрабатывались проекты по объединению ресурсов участников Ассоциации. В-третьих, проблему разрыва экономических связей в масштабе союзного экономического пространства предполагалось решать путем включения местных предприятий в технологические цепочки. Составной частью развития взаимодействия регионов в сфере ВПК стало создание специальных координирующих структур. Первоначально в составе Исполнительной дирекции «Сибирского соглашения» были организованы межрегиональные программы по различным отраслям. В сфере промышленности таковой являлась программа «Промышленная политика и вопросы кон-

версии», директором которой был назначен Николай Николаевич Казаков.

С началом рыночной реформы регионы столкнулись с резким сокращением государственного финансирования. В 1992 г. на Омскую программу конверсии было выделено лишь 30% необходимых финансовых средств [2. Л. 22–23]. Схожая ситуация наблюдалась и по другим региональным программам. Так, Новосибирское производственное объединение (ПО) «Сибсельмаш» разрабатывало семь конверсионных программ по выпуску продукции, производимой ранее в республиках СССР. Однако с выделением льготных целевых кредитов также возникли проблемы [3. Л. 2–3]. Как отмечал на Совете МАСС глава Администрации Омской области Л.К. Полежаев, «Закон о конверсии не работает и о нем все реже вспоминают» [4. Л. 28 (36)]. Таким образом, выиграв «борьбу за полномочия», регионы оказались в финансовой ловушке, что обусловило дальнейшее развитие взаимодействия, прежде всего в выработке «новых правил» и продвижении их на федеральный уровень. Основные принципы проведения конверсии, с точки зрения региональных властей, нашли отражение в Концепции комплексной программы социально-экономического развития регионов Сибири, утвержденной на Совете МАСС в Улан-Удэ летом 1992 г. [5].

Прежде всего, подчеркивались общесибирская значимость ВПК и общерегиональный характер проблем в оборонном комплексе, без решения которых улучшить ситуацию в экономики Сибири представлялось невозможным. Сам же процесс конверсии, по мнению региональных лидеров, должен был осуществляться постепенно, при активном участии государства и научном сопровождении, чтобы не допустить развала как уникальных предприятий, так и всей отрасли. При этом конверсия должна была сопровождаться проведением особой экономической политики, предусматривающей систему льгот и стимулирующей выпуск товаров народного потребления. Главный тезис, на котором настаивали регионы, заключался в том, что выход из кризиса возможен только при проведении «структурной перестройки промышленности за счет конверсии военно-промышленного комплекса» [4. Л. 39], что, в свою очередь, было невозможно без финансирования со стороны государства. «Конверсия сегодня, – говорил Л.К. Полежаев, – дело дорогое и практически невозможное без государственной поддержки. Этим процессом необходимо управлять эффективно и координировать его не только на уровне региона, но и Правительства» [Там же. Л. 27 (35)].

Нерешенность вопросов бюджетного федерализма, хроническая нехватка средств и нарастающий спад производства привели к разочарованию региональных лидеров в идее быстрой конверсии. «Сегодня валютные поступления от экспорта военной техники и боеприпасов, направляемые в гражданскую экономику, – наиболее эффективный вид конверсии» [5]. На Советах «Сибирского соглашения» постоянно приводились примеры, иллюстрирующие деградацию предприятий ОПК, связанную, в первую очередь, с проводимой центром политикой, делающей невыгодным промышленное производство как таковое и, соответственно, проведение конверсии [4. Л. 28 (36)]. Это становилось основанием для оказания давления на правительство с целью изменения основ политики в сфере производства. Таким образом, МАСС стала акцентировать общенациональную значимость ОПК Сибири, из чего вытекало обоснование необходимости его государственной поддержки. Так, в январе 1994 г. от имени «Сибирского соглашения» Правительству РФ было выдвинуто предложение сформировать заказ на конкурентоспособную гражданскую продукцию и выделить под него финансирование на конкурсной основе для поддержки отечественных товаропроизводителей. Наряду с этим федеральный центр должен был индексировать или кредитовать на льготных условиях оборотные средства конверсируемых предприятий. Относительно военного производства правительству были выдвинуты предложения о переходе на долгосрочные (до 5–7 лет) оборонные заказы, что должно было сделать ситуацию для предприятий более предсказуемой [6. Л. 89–89 об.].

Важным аргументом, который использовался МАСС для оказания воздействия на проводимую политику, являлись конкретные достижения сибирских производителей. В частности, указывалось на успешные испытания нового самолета АН-74, начавшиеся поставки колесных тракторов с навесным оборудованием местного производства для коммунального хозяйства, создание нескольких модификаций лифтов, выпуск опытной партии телевизоров нового поколения и т.д. Однако, как отмечалось на совещаниях «Сибирского соглашения», из-за углубления общего экономического кризиса, роста взаимной задолженности, недостатка оборотных средств и галопирующей инфляции «дальнейшее серийное производство освоенных изделий и товаров… под большим вопросом» [Там же]. В такой ситуации «Сибирское соглашение» особое внимание уделяло межрегиональному аспекту взаимодействия, в рамках которого предполагалось проработать вопрос о создании в рамках Ассоциации единого фонда поддержки конверсируемых предприятий, а также подготовить для них межрегиональные заказы на основе анализа региональных балансов производимых и завозимых товаров [Там же]. С середины 1990-х гг. в рамках «Сибирского соглашения» шел поиск новых форм и механизмов финансирования конверсируемых предприятий и промышленности в целом. Признавалось, что ориентация только на бюджетные финансовые ресурсы при перепрофилировании предприятий «ведет практически к тупику». С 1994 г. МАСС начало работу по созданию финансово-промышленных групп.

Деятельность «Сибирского соглашения» по поддержанию ВПК имела и прикладную направленность, что, прежде всего, заключалось в разработке конкретных программ для внедрения их на конверсионных предприятиях. Среди них можно отметить такие программы, как «Малая энергетика», «Горнодобывающее оборудование», «Производство медицинской техники» [7. Л. 37]. Среди конкретных конверсионных про-

ектов, поддержанных на межрегиональном уровне, можно назвать производство оборудования для шинной промышленности [8. Л. 90 об.], развития силовой электроники [9. Л. 91], выпуск сельскохозяйственной техники [10. Л. 36], производство биогазового оборудования [11. Л. 35 об.]. Возможности МАСС использовались для информационного обеспечения процесса конверсии, в частности, для распространения рекламных материалов о промышленном потенциале территорий, а также производимой продукции [12. Л. 32 об.].

Расширение проблемного поля привело к тому, что дирекция программы промышленного развития и конверсии как форма управления взаимодействием уже не соответствовала поставленным задачам. При этом оказалось, что не все проблемы могли решаться программными методами. В условиях кризиса требовались оперативное руководство и выработка непосредственных мер, что привело к изменению структуры органов, координирующих межрегиональное взаимодействие в сфере ОПК. В ноябре 1992 г. на заседании Совета МАСС в Барнауле было принято предложение первого вице-премьера Правительства РФ В.Ф. Шумейко об образовании Совета по промышленной политике и конверсии в рамках Сибири. Это было сделано по аналогии с центром, где при Правительстве РФ работал Совет по промышленной политике, членом которого теперь становился представитель «Сибирского соглашения». Однако вскоре в рамках МАСС утвердилась несколько иная форма органов, осуществляющих взаимодействие регионов по отдельным направлениям и отраслям. Речь идет о координационных советах (КС), которые объединяли представителей региональных органов власти, практических работников и ученых и возглавлялись одним из руководителей субъекта федерации – члена «Сибирского соглашения». На заседание Совета МАСС в Томске 16 февраля 1993 г. был создан Координационный совет по промышленной политике и конверсии (КС по ППиК). Обосновывая необходимость создания такого координационного совета, избранный его председателем Л.К. Полежаев указал на то, что «сегодня промышленность… переживает острейший кризис», и это требует внесения корректив в политику, ее осмысленного проведения в регионе [4. Л. 39].

Нарастание проблем в ОПК и явный недостаток ресурсов по их разрешению подталкивали регионы и центр к дальнейшей координации деятельности. В сентябре 1993 г. в составе экономического совета Госкомитета РФ по оборонным отраслям промышленности был сформирован Совет по проблемам территориального развития и региональных программ. Первоначально, наряду с представителями отдельных регионов, в состав Совета был включен лишь один представитель от ассоциаций экономического взаимодействия. Им стал директор программы «Промышленная политика и конверсия» «Сибирского соглашения» Н.Н. Казаков [13. Л. 100–105]. В январе 1994 г. между МАСС и Государственным комитетом РФ по оборонным отраслям промышленности (Госкомоборонпром) было подписано соглашение, в котором стороны, «учитывая взаимную заинтересованность в развитии сложившихся связей», принимали обязательства по созданию условий для развития предприятий ВПК. МАСС и Госкомоборонпром договаривались о взаимном введении представителей в состав своих рабочих органов [14. Л. 21–23].

Принимаемые на Советах МАСС решения были ориентированы не только на региональный уровень, но также учитывались в федеральном центре. Так, по итогам Советов МАСС Правительством РФ выдавались поручения центральным органам власти и управления. В частности, заинтересованным министерствам и ведомствам с участием органов исполнительной власти субъектов РФ поручалось завершить в первом полугодии 1995 г. структурную перестройку оборонных отраслей промышленности. Минэкономики, Минатому и Госкомоборонпрому поручалось провести комплексный анализ конверсионных программ и по результатам представить в первом квартале 1995 г. доклад в Правительство РФ [15. Л. 14–15]. Важным механизмом взаимодействия центра и регионов с середины 1990-х гг. стало обсуждение государственного бюджета на предстоящий год на Советах межрегиональных ассоциаций. Члены МАСС активно использовали эту возможность для привлечения внимания Правительства к проблемам сибирского военно-промышленного комплекса. Так, при обсуждении концепции бюджета РФ на 1996 г. в Красноярске глава местной администрации В.М. Зубов отметил, что рассмотрение вопроса о военных расходах некорректно, поскольку не принята военная доктрина страны [16. Л. 80]. Глава Администрации Томской области В.М. Кресс заявил, что сохраняется «полная неясность… по оборонным предприятиям», в то время как продолжается катастрофический спад производства [Там же. Л. 84–85].

Во второй половине 1990-х гг. для привлечения внимания к нуждам ВПК «Сибирское соглашение», по согласованию с руководством ассоциации «Большой Урал», планировало провести крупный форум с участием регионов и федеральных структур. Необходимость этого объяснялась фактической деградацией оборонного комплекса, его неспособностью «обеспечить боеспособность армии и флота». Предполагалось обсудить научно-технические, финансово-экономические, социальные и концептуальные проблемы функционирования оборонного комплекса Урала и Сибири [17. Л. 92]. В качестве дополнительного аргумента необходимости проведения такого форума, наряду с кризисом в ВПК, указывалось на то, что Сибирь стала пограничной территорией, «находящейся под постоянным давлением китайского и исламского факторов» [18. Л. 116]. Подготовка расширенного Совета МАСС по проблемам оборонной промышленности шла с середины 1995 г., однако дата его проведения несколько раз переносилась в связи с выборами парламента и президента России. Лишь 14 декабря 1996 г. в Томске открылось заседание Совета МАСС, однако вопрос о проблемах военно-промышленного комплекса в Сибири был снят с повестки дня, и до конца 1990-х гг. ни одного специального Совета «Сибирского соглашения» по проблемам ВПК не прово-

дилось. Показательным стало обсуждение Концепции федеральной целевой программы (ФЦП) социально-экономического развития Сибири на 1997–2005 гг., указ о разработке которой был подписан Б.Н. Ельциным накануне президентских выборов. По настоянию центральных ведомств из проекта Программы был исключен раздел «Концепция стратегической программы реконструкции и конверсии предприятий ВПК Сибири» [19. Л. 141–142]. Это объяснялось тем, что по Конституции вопросы обороны находились в ведении РФ, а также тем, что уже сформирована нормативная база по вопросам развития оборонных отраслей, и установленные нормы обязательны для всей территории России. Предлагалось лишь использовать предложения по структурной перестройке предприятий ВПК, поступившие от сибирских территорий.

Параллельно с ограничением некоторой самостоятельности регионов в сферах ведения федерального центра, к которым, в частности, относились вопросы обороны, Правительство стало привлекать сибирские предприятия к выполнению общегосударственных проектов, в том числе по созданию космической телекоммуникационной системы России, освоению новых ракетных технологий, созданию технологического оборудования для ТЭК, развитию производства импортозамещающего оборудования [20]. Специалисты ИД МАСС и КС по ППиК принимали участие в работе Правительственной комиссии по разработке и принятию ФЦП реструктуризации и конверсии оборонной промышленности России на 1998–2000 гг. В данной программе были учтены и приняты предложения от сибирских регионов в сфере оборонной промышленности [21. Л. 18].

В то же время во второй половине 1990-х гг. в Сибири стали реализовываться крупные межрегиональные проекты, связанные с процессами конверсии и военного производства, которым участники МАСС пытались придать общероссийский статус. Так, в сентябре 1996 г. в Омске в рамках III универсальной ярмарки «Содружество-96» прошла I выставка вооружений, военной техники и конверсионной продукции, производимой предприятиями Сибири и Урала [20]. В дальнейшем, при активной поддержке «Сибирского соглашения», выставка вооружений в Омске стала регулярной, а количество российских и зарубежных участников постоянно увеличивалось. Относительно успешным крупным конверсионным проектом во второй половине 1990-х гг. стала программа по производству нефтепромыслового оборудования. Реализация программы позволяла обеспечить импортозамещение и загрузку мощностей высокотехнологичных конверсионных предприятий. МАСС выступила с ходатайством о включении данной программы в состав федеральных программ, в частности «Топливо и энергия» [22. Л. 58–59].

Еще одним из направлений поддержания и развития оборонного производства в Сибири стала активизация деятельности МАСС по получению права непосредственного выхода на внешние рынки военно-технической продукции. Это давало возможность предприятиям напрямую получать часть доходов и сохранять производство. Однако одним из условий предоставления регионам права выхода на внешние рынки было наличие у них системы качества, разработанной в соответствии с международными стандартами. В начале 1997 г. ИД МАСС начала работу по созданию и аккредитации «Института консалтинга по сертификации продукции оборонной промышленности Сибири», который должен был состоять при «Сибирском соглашении» в качестве консалтинговой организации [23. Л. 68]. В задачи Института входило оказание практической помощи предприятиям оборонного комплекса в подготовке их к аккредитации и сертификации продукции. Наряду с этим, в целях создания необходимых условий по поддержке и развитию экспорта военной и конверсионной продукции предприятий ВПК Сибири, МАСС было подписано с государственным предприятием «Росвооружение» рамочное соглашение о взаимодействии, а также создано сибирское представительство указанного предприятия в Омске [24. Л. 13–17].

Несмотря на все принимаемые меры, ситуация в оборонном комплексе улучшалась крайне медленно. Главную причину этого сибирские регионы видели в недостаточном выделении средств на конверсионные программы. Так, если в 1995 г. они были профинансированы на 23,8%, то в 1996 г. – на 17,7%, в 1997 г. – менее чем на 10%, а в 1998 г. средства не были выделены вообще. Предприятия вынуждены были привлекать кредиты коммерческих банков и вкладывать собственные средства, чего, однако, не хватало для нормального выпуска продукции и погашения имеющихся кредитов и ссуд. Так, в 1996 г. задолженности предприятий ВПК были погашены лишь на 58 %, а за 10 месяцев 1997 г. – на 42%. При этом задолженность самим предприятиям со стороны государства составляла порядка 8 трлн руб., а работники по несколько месяцев не получали заработную плату [21. Л. 18].

Реформы конца 1980–1990-х гг. имели тяжелые последствия для Сибири, где доля оборонных предприятий была значительной, а в ряде населенных пунктов они являлись градообразующими. Следовательно, проблемы ВПК приобретали не только производственно-технологический, но также территориальный и, в широком смысле, социально-экономический характер. Для стабилизации ситуации территориальные власти, на которые отныне возлагалась ответственность за ситуацию на местах, обратились к развитию межрегионального взаимодействия.

К непосредственным причинам сотрудничества регионов Сибири в данной сфере можно отнести следующие. Во-первых, особенности экономического развития региона, в том числе «высокий удельный вес в общем объеме промышленного производства» оборонных предприятий. Во-вторых, резкое сокращение оборонного заказа, из-за чего до 60% мощностей предприятий ВПК осталось не задействовано. В-третьих, отсутствие методических указаний из центра, а также базовых программных документов, в частности оборонной доктрины, что ставило военно-промышленный комплекс в условия полной неопределенности, поскольку не позволяло им определить масштаб и структуру конверсии. В-четвертых, недо-

статок у предприятий собственных средств на переоснащение для выпуска гражданской продукции. В-пятых, местные Советы не располагали необходимой материальной базой для обслуживания социальной инфраструктуры, сложившейся вокруг оборонных производств, в случае ее передачи муниципалитетам в процессе конверсии.

Первоначально сибирские регионы, в рамках концепции развития территориального хозрасчета, взяли курс на развитие межрегиональной производственной кооперации и проведение массовой конверсии, что в совокупности должно было насытить местные рынки потребительскими товарами и снять социальную напряженность. Однако начало радикальной рыночной реформы привело к острому дефициту государственных инвестиций. В то же время решение проблем оборонных предприятий за счет акционирования было невозможно, а их перевод на выпуск гражданской продукции требовал значительных финансовых средств. Регионы стали критически относиться к продолжению конверсии и выступали за стимулирование выпуска военной продукции. Постепенно «Сибирское соглашение» сместило акцент с всесибирской на общенациональную значимость ВПК Сибири, из чего вытекала необходимость его поддержки со стороны государства. При этом параллельно проводилась мысль о необходимости передачи соответствующих полномочий органам государственной региональной власти, что, с точки зрения региональных лидеров, позволило бы гораздо эффективнее решать возникающие проблемы.

Во второй половине 1990-х гг. становится заметным стремление центральной власти ограничить влияние регионов в сферах, отнесенных к ведению федерального центра, в том числе это касалось отраслей ВПК. Наряду с элементами противостояния наблюдается готовность сторон к нахождению форм сотрудничества. Так, правительство стало привлекать сибирские предприятия к выполнению общегосударственных программ. В Сибири стали реализовываться крупные межрегиональные проекты, связанные с процессами конверсии и военного производства, которые получали общероссийский статус. Общая заинтересованность федеральных и региональных структур в решении проблем ВПК приводила к взаимному делегированию полномочий, что позволяет говорить о практиках выстраивания реального федерализма. В то же время центр старался идти лишь на временные уступки, не закрепляя их нормативно. Так, несмотря на неоднократное заявление региональных лидеров о необходимости разработки сибирской программы конверсии, она так и не была подготовлена. В этом вопросе регионы столкнулись с прямым противодействием центра, о чем свидетельствует разработка Концепции ФЦП «Сибирь». Тем не менее в ходе выстраиваемых практик межрегионального взаимодействия формировались идеология и механизмы защиты интересов Сибири, что позволяло участникам МАСС оказывать воздействие на центральные органы власти с целью корректировки реформ, выработки основ региональной политики и выстраивания федеративных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сибирское* соглашение (Заметки участника регионального совещания) // Советская Сибирь (Новосибирск). 1990. 30 окт.
2. *Информация* о ходе выполнения Омской региональной программы конверсии ВПК области. Тезисы выступления… // Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 18.
3. *Председателю* Правительства РФ Черномырдину В.С. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 38.
4. *Протокол* VII заседания Совета МАСС (Томск) от 16–17 февраля 1993 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 23.
5. *Концепция* комплексной программы социально-экономического развития республик, автономных округов, краев и областей, входящих в состав МА «Сибирское соглашение». Приложение к Решению № 2 Совета МАСС от 10 июля 1992 г. Улан-Удэ // Текущий архив Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» (МАСС).
6. *О ходе* выполнения Омской региональной программы конверсии военно-промышленного комплекса области. Решение № 5 КС по промышленной политики и вопросам конверсии МАСС от 25 января 1994 г. Омск // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 65.
7. *Информация* о работе МАСС за 1994 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 64.
8. *О программе* АО «Сибстанкошинпром» по организации производства оборудования для шинной промышленности. Решение № 7 КС по промышленной политики и вопросам конверсии МАСС от 25 января 1994 г. Омск // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 65.
9. *О создании* АООТ по производству силовой интеллектуальной электроники. Решение № 8 КС по промышленной политике и вопросам конверсии МАСС от 25 января 1994 г. Омск // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 65.
10. *О программе* создания оборудования для АПК. Решение № 6 КС по промышленной политики и вопросам конверсии МАСС от 11 ноября 1994 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 18.
11. *О создании* биогазовой отрасли в промышленности Сибири // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 18.
12. *Об издании* специального выпуска журнала «Милитари Технолоджи». Решение № 9 КС по ППиК от 11 ноября 1994 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 18.
13. *Положение* о Совете по проблемам территориального развития и региональных программ Экономического совета Госкомитета РФ по оборонным отраслям промышленности // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 38.
14. *Соглашение* между Государственным комитетом РФ по оборонным отраслям промышленности и межрегиональной ассоциацией «Сибирское соглашение» по вопросам экономического и научно-технического сотрудничества // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 7.
15. *Информация* о реализации предложений, высказанных на совещании межрегиональных ассоциаций в г. Новосибирске 2 декабря 1994 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 79.
16. *Стенограмма* XVII заседания Совета МАСС по концепции бюджета Российской Федерации, проведенного 6 июня 1995 года в г. Красноярске // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 74.
17. *Президенту* акционерного банка «Инкомбанк» Виноградову В.В. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 79.
18. *Председателю* Правительства РФ Черномырдину В.С. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 93.
19. *О проекте* Концепции Федеральной целевой программы социально-экономического развития Сибири на 1997–2005 годы // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 96.
20. *Справка* по итогам выставки вооружения, военной техники и конверсионной продукции, проведенной в рамках Международной ярмарки «Содружество-96» // Текущий архив МАСС.

21. *Отчет* о работе Исполнительной дирекции и Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» за 1997 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 161.
22. *О подготовке* целевой программы создания и развития производства конкурентоспособного нефтепромыслового оборудования. Решение 6 КС по ППиК от 23 ноября 1995 г. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 18.
23. *Председателю* экономического комитета по программам развития Уральского региона Воздвиженскому С.Б. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 136.
24. *Отчет* о работе МАСС за 1998–1999 гг. // ГАНО. Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 197.

Статья представлена научной редакцией «История» 7 сентября 2015 г.

INTERREGIONAL COOPERATION AS A MECHANISM OF ADAPTATION OF SIBERIA'S MILITARY-INDUSTRIAL COMPLEX TO THE MARKET ECONOMY DURING THE TRANSITION PERIOD OF THE 1990S: THE CASE OF THE SIBERIAN ACCORD ASSOCIATION

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 127–133. DOI: 10.17223/15617793/401/19

Lukov Evgenii V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lev74@mail2000.ru

Keywords: Siberia; Siberian Accord; interregional cooperation; military-industrial complex; conversion; regional economy.

Reforms of the late 1980s–1990s had serious implications for Siberia where the number of defense enterprises was significant and in some areas they constituted backbone production. Consequently, problems of the military-industrial complex (MIC) had not only the production and technology-related dimension but also the territorial and, more broadly, social and economic one. To stabilize the situation, territorial authorities, being then held accountable for the situation on the ground, started to develop interregional cooperation. Initially, based on the territorial self-support concept, Siberian regions embarked on the development of interregional industrial cooperation and the conduct of mass conversion that was to saturate local markets with consumer goods and ease social tensions. However, the launch of the radical market reform led to the acute shortage of state investment. At the same time, it was impossible to solve the problems of defense enterprises through corporatization, and their conversion to civil production required significant financial resources. The regions came to have a critical attitude toward the continuation of conversion and advocated the promotion of military production. Gradually, the Siberian Accord association switched its emphasis from the all-Siberian to the all-national importance of the Siberian military-industrial complex which resulted in the need for the state support. In the second half of the 1990s, it became noticeable that the central authorities sought to limit the influence of the regions in the spheres falling within the federal control including the MIC. Along with certain confrontation, there was also readiness to find ways of cooperation. Thus, the government started to involve Siberian enterprises in the implementation of national programmes. Large-scale interregional projects, which were related to the conversion and military production and acquired the status of the all-Russian ones, started to be carried out in Siberia. The general interest on the part of federal and regional bodies in the solution of the MIC problems resulted in the mutual delegation of power that allows speaking of the practices of building real federalism. Yet, the centre made only temporal concessions without introducing corresponding legislation. Thus, despite the regional leaders repeatedly stating the need for the development of a Siberian conversion programme, such a programme was never prepared. Here, the regions faced direct opposition of the centre, which is indicated by the development of the Concept of 'Siberia' federal targeted programme. Nevertheless, through the practices of interregional cooperation, the ideology and mechanisms of defending Siberia's interests were formed, which allowed Siberian Accord association members to influence the central authorities in order to correct reforms, develop the regional policy and build federal relations.

REFERENCES

1. Anon. (1990) Sibirskoe soglashenie (Zametki uchastnika regional'nogo soveshchaniya) [Siberian Accord (Notes of a participant of the regional meeting)]. *Sovetskaya Sibir'*. 30 October.
2. Informatsiya o khode vypolneniya Omskoy regional'noy programmy konversii VPK oblasti. Tezisy vystupleniya [Information on the implementation of the Omsk regional program for the conversion of military-industrial complex area. Theses]. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 18.
3. Predsedatelyu Pravitel'stva RF Chernomyrdinu V.S. [To RF Prime Minister V.S. Chernomyrdin]. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 38.
4. Protokol VII zasedaniya Soveta MASS (Tomsk) ot 16–17 fevralya 1993 g. [Minutes of the VII meeting of the Board of SAIA (Tomsk) of 16–17 February 1993]. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 23.
5. Kontseptsiya kompleksnoy programmy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya respublik, avtonomnykh okrugov, kraev i oblastey, vkhodyashchikh v sostav MA "Sibirskoe soglashenie". Prilozhenie k Resheniyu № 2 Soveta MASS ot 10 iyulya 1992 g. Ulan-Ude [The concept of a comprehensive program of socio-economic development of the republics, autonomous districts, territories and regions included in the Siberian Accord Interregional Association. Supplement to Decision 2 of the SAIA Council of July 10, 1992, Ulan-Ude]. The Current Archive of the Siberian Accord Interregional Association (MASS).
6. O khode vypolneniya Omskoy regional'noy programmy konversii voenno-promyshlennogo kompleksa oblasti. Reshenie № 5 KS po promyshlennoy politiki i voprosam konversii MASS ot 25 yanvarya 1994 g. Omsk [On the implementation of the Omsk regional program of conversion of the military-industrial complex area. Decision 5 on industrial policy and on the conversion of SAIA of January 25, 1994, Omsk]. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 65.
7. Informatsiya o rabote MASS za 1994 g. [Information on the work of SAIA in 1994]. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 64.
8. O programme AO "Sibstankoshinprom" po organizatsii proizvodstva oborudovaniya dlya shinnoy promyshlennosti. Reshenie № 7 KS po promyshlennoy politiki i voprosam konversii MASS ot 25 yanvarya 1994 g. Omsk [JSC Sibstankoshinprom program to produce equipment for the tire industry. Decision 7 on industrial policy and on the conversion of SAIA of January 25, 1994, Omsk]. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 65.
9. O sozdanii AOOT po proizvodstvu silovoy intellektual'noy elektroniki. Reshenie № 8 KS po promyshlennoy politiki i voprosam konversii MASS ot 25 yanvarya 1994 g. Omsk [On establishing a JSC for the production of intelligent power electronics. Decision 8 on industrial policy and on the conversion of SAIA of January 25, 1994, Omsk]. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 65.
10. O programme sozdaniya oborudovaniya dlya APK. Reshenie № 6 KS po promyshlennoy politiki i voprosam konversii MASS ot 11 noyabrya 1994 g. [On producing equipment for agriculture. Decision 6 on industrial policy and on the conversion of SAIA of 11 November 1994]. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 18.

11. O sozdanii biogazovoy otrasli v promyshlennosti Sibiri [On the establishment of biogas sector in the industry of Siberia]. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 18.
12. Ob izdanii spetsial'nogo vypuska zhurnala "Militari Tekhnolodzhi". Reshenie № 9 KS po PPiK ot 11 noyabrya 1994 g. [On publication of a special issue of the Military Technology journal. Decision 9 of November 11, 1994]. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 18.
13. Polozhenie o Sovete po problemam territorial'nogo razvitiya i regional'nykh programm Ekonomicheskogo soveta Goskomiteta RF po oboronnym otraslyam promyshlennosti [Regulations of the Board on issues of territorial development and regional programs of the Economic Council of the RF State Committee for the Defense Industry]. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 38.
14. Soglashenie mezhdu Gosudarstvennym komitetom RF po oboronnym otraslyam promyshlennosti i mezhregional'noy assotsiatsiey "Sibirskoe soglashenie" po voprosam ekonomicheskogo i nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva [Agreement between the State Committee of the Russian Federation for the Defense Industry and the Siberian Accord Interregional Association on economic and scientific-technical cooperation]. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 7.
15. Informatsiya o realizatsii predlozheniy, vyskazannykh na soveshchanii mezhregional'nykh assotsiatsiy v g. Novosibirske 2 dekabrya 1994 g. [Information on the implementation of the proposals made at the meeting of the inter-regional associations in Novosibirsk, December 2, 1994]. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 79.
16. Stenogramma XVII zasedaniya Soveta MASS po kontseptsii byudzheta Rossiyskoy Federatsii, provedennogo 6 iyunya 1995 goda v g. Krasnoyarske [Transcript of the XVII session of the Council of SAIA on the concept of the budget of the Russian Federation, held on 6 June 1995 in Krasnoyarsk]. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 74.
17. Prezidentu aktsionernogo banka "Inkombank" Vinogradovu V.V. [To President of Inkombank V.V. Vinogradov]. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 79.
18. Predsedatelyu Pravitel'stva RF Chernomyrdinu V.S. [To RF Prime Minister V.S. Chernomyrdin]. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 93.
19. O proekte Kontseptsii Federal'noy tselevoy programmy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri na 1997–2005 gody [Draft Concept of the Federal Target Program of socio-economic development of Siberia in 1997–2005]. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 96.
20. Spravka po itogam vystavki vooruzheniya, voennoy tekhniki i konversionnoy produktsii, provedennoy v ramkakh Mezhdunarodnoy yarmarki "Sodruzhestvo-96" [Data on the results of the exhibition of arms, military equipment and the conversion production within the International Fair "Commonwealth-96"]. The Current Archive of the Siberian Accord Interregional Association (MASS).
21. Otchet o rabote Ispolnitel'noy direktsii i Mezhregional'noy assotsiatsii "Sibirskoe soglashenie" za 1997 g. [Report on the work of the Executive Directorate and the Siberian Accord Interregional Association in 1997]. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 161.
22. O podgotovke tselevoy programmy sozdaniya i razvitiya proizvodstva konkurentosposobnogo neftepromyslovogo oborudovaniya. Reshenie 6 KS po PPiK ot 23 noyabrya 1995 g. [On the preparation of a target program for the establishment and development of competitive production of oilfield equipment. Decision 6 of November 23, 1995]. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 18.
23. Predsedatelyu ekonomicheskogo komiteta po programmam razvitiya Ural'skogo regiona Vozdvizhenskomu S.B. [To Chairman of the Economic Committee on the development programs of the Ural region Vozdvizhenskiy S.B.]. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 136.
24. Otchet o rabote MASS za 1998–1999 gg. [Report on the work of SAIA in 1998–1999]. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-245. List 1. File 197.

Received: 07 September 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 134–138. DOI: 10.17223/15617793/401/20

УДК 94(571)

А.А. Ляпкова

ФОРМИРОВАНИЕ ВОЕННЫХ ПОЛКОВ ИЗ РАСКОЛЬНИКОВ, ВОЗВРАЩЕННЫХ ИЗ ПОЛЬШИ В РОССИЮ В 1763–1764 гг.

Рассматривается вопрос формирования военных полков из беглых старообрядцев, которые были возвращены в Россию в 60-х гг. XVIII в. Крупным центром старообрядчества в Европе была польская Ветка. Отсюда посредством военной операции была осуществлена «выгонка» беглых русских и их потомков. Планы по формированию военных полков оказалось невозможно выполнить в полном объеме. Те, кто не подходил для военной службы, были отправлены на поселение.

Ключевые слова: старообрядцы; поляки; XVIII в.

В XVIII в. в России остро стоял вопрос о возвращении из-за границы беглых людей в целом и раскольников в частности. Об этом свидетельствуют многочисленные манифесты и указы, вызывающие беглецов из-за границы. По подсчетам Т.С. Мамсик, за период 1734–1803 гг. было издано 38 указов, направленных на возвращение беглецов [1. С. 201–203].

Бежавшие за границу старообрядцы в основном находили пристанище в Польше, где крупным центром старообрядчества стала Ветка [2].

Указом 1723 г. была предусмотрена организация застав на польской границе для препятствования побегам из России в Польшу; для поиска беглых людей предполагалось выбрать комиссаров из дворян [3].

Указами и манифестами 1732 и 1734 гг. беглецам повелевалось возвращаться из-за границы с восстановлением на службе и возвращением на прежние места жительства [4–6].

В 30-х гг. XVIII в. была предпринята первая военная операция по выводу беглых старообрядцев из Польши. В июле 1734 г. докладом премьер-министров предлагалось вернуть проживающих в Польше и Литве беглецов при помощи российских войск, поскольку указы и манифесты не приносили должного результата. «Особливая команда» должна была отправиться за крестьянами, проживавшими в Ветке и других польских волостях. Жилища российских беглецов в Польше надлежало разорить, чтобы возвращенным некуда было снова бежать [7. С. 381–383]. В 1735 г. в пределы Польши был выслан особый военный отряд, состоявший из пяти полков (Азовского драгунского, Стародубского и Черниговского, а также двух казацких) во главе с полковником Азовского полка Я.Г. Сытиным. Целью отряда было очищение Ветки от старообрядцев, пришлых из Великороссии. При этом командованию пришлось пойти на хитрость – сообщить солдатам, что целью является не Ветка, а Белая Церковь, чтобы слухи о предстоящей выгонке не разошлись раньше времени.

Согласно данным М.И. Лилеева, в результате этой операции из Польских пределов было выведено 13 234 чел. (по табели секунд-майора князя Мещерского) или же 13 208 чел. (по ведомостям Камер-коллегии) [8]; П.К. Алефиренко, упоминая о выведенных из Польши в 1735 г. беглых русских крестьянах, указывает цифру 10 662 чел. [9. С. 107].

Указом от 19 мая 1739 г. военной коллегии приказывалось учредить форпосты от Великих Лук до лифляндской границы, чтобы препятствовать побегам крестьян из России в Польшу [10].

В первой половине XVIII в. возвращенных раскольников расселили по внутренним областям России. Первоначально их предполагалось передавать бывшим владельцам-помещикам и распределять по российским монастырям. Тех, чье прежнее место жительства узнать не удавалось, отправляли в Петербург для поселения в Ингерманландии. Однако старообрядцы при удобном случае бежали из монастырей и скрывались от переписи. Кроме того, надежда на то, что расселение старообрядцев среди крестьян, придерживающихся ортодоксальных верований, приведет к их отказу от раскола, не оправдалась [2].

В дальнейшем российское правительство еще пыталось склонить беглых раскольников к добровольному возвращению на родину. По данным Т.С. Мамсик, во второй половине XVIII в. сроки для явки беглых разного звания устанавливались 13 раз, начиная с 1754–1755 гг. и заканчивая 1797–1798 гг. [1. С. 128].

При Елизавете и Петре III был выпущен ряд манифестов, дававших право беглым из России людям вернуться на родину, при этом каждый раз сроки возвращения продлевались [11–13].

Восшествие на престол Екатерины II сопровождалось выходом в свет манифеста от 22 сентября 1762 г., в котором прощались преступления, снимались начеты и назначенные взыскания [14]. 4 декабря 1762 г. был опубликован еще один манифест о прощении беглым их вины и разрешении свободно возвращаться в Россию на поселение. При этом Сенату было дано определение по поводу мест, где следовало селиться вернувшимся беглецам [15].

14 декабря 1762 г. вышел Сенатский указ, позволявший бежавшим за границу, прежде всего, в Польшу, раскольникам возвратиться в Россию и расселиться «особливыми слободами». К указу прилагался реестр мест, в которых можно было создавать такие слободы. Это были сибирские территории, а также незанятые («порожние же и выгодные») земли Воронежской, Белгородской, Казанской губерний. В Сибири раскольникам было позволено селиться в Барабинской степи близ Тобольска, а также в ведомстве Усть-Каменогорской крепости, по рекам Убе, Ульбе, Березовске, Глубокой и прочим притокам Иртыша. При этом добровольно возвратившимся было обещано освобождение от налогов на шесть лет. Также возвращавшиеся раскольники вольны были выбирать – вернуться им на прежние жилища, к своим помещикам, или же записаться в государственные крестьяне [16; 17. С. 8; 18. С. 28; 19. С. 49].

В мае 1763 г. Екатерина II издала новый указ о прощении вины беглецам и разрешении им возвра-

щаться на родину, не боясь притеснений и «истязаний» [20]. Находившиеся на границах «военные команды» не должны были препятствовать возвращению беглых раскольников с польской территории. Более того, им вменялось в обязанность охранять раскольников «от всяких обид и притеснений». Запрещалось удерживать раскольников или препятствовать их поселению в предусмотренных указами местах, а губернаторы и воеводы должны были оказать «все удобовозможныя вспоможения» [21].

Однако призывы к возвращению в Россию так и не привели к массовому притоку беглых старообрядцев, поэтому была предпринята новая военная операция по выводу беглецов из-за границы. В 1764 г. по указу Екатерины II отрядом русских войск во главе с генерал-майором Масловым был осуществлен вывод беглых старообрядцев из Польши, с территорий по рекам Соже, Днепру, Днестру, Бугу, из городов Гомеля, Горохова, Бердичева, Винницы, Межибежа, а также из Ветки. Выгонка продолжалась с 5 октября 1764 г. до конца ноября 1766 г. Старообрядцев препровождали на новые места жительства под конвоем: на каждых четырех раскольников приходилось по одному конвоиру. Общая численность выведенных из Польских пределов раскольников в 1764–1766 гг. превышала 4 тыс. чел. Пригодных к военной службе беглецов планировалось отправить на военную службу, остальных – на поселение [22. С. 11; 23. С. 161; 24. С. 109; 25. С. 266]. Возвращавшимся из-за границы (в первую очередь, из Польши) было разрешено селиться в Астраханской, Оренбургской и Сибирской губерниях, а также в Валуйском уезде Белгородской губернии. В реестр разрешенных для поселения мест включались сибирские земли близ Тобольска, в Барабинской степи, по рекам Убе, Ульбе, Березовке, Глубокой и другим притокам Иртыша, в округе Усть-Каменогорской крепости. Эти территории рассматривались как «выгодные к поселению» за счет наличия лесов, богатых рыбой рек, плодородных земель [26].

Формирование полков из выведенных из Польши раскольников производилось под контролем Военной коллегии. Отбор в службу производился в Тобольске, и было предусмотрено сообщать помещикам о том, что их возвращенные крестьяне учтены в качестве рекрутов. Да и сами помещики зачастую предпочитали отдать возвращенных беглецов в рекруты, чтобы избежать повторных побегов. Для отбора в рекруты подходили все мужчины от 14 до 50 лет. При этом за «целого рекрута» считались только мужчины в возрасте 18–40 лет, все, кто был младше или старше этого возраста, учитывались только как половина рекрута.

В докладе Военной коллегии от 29 ноября 1763 г. было предусмотрено, что все записанные в рекруты крестьяне будут обеспечены хлебом и теплой одеждой («серой кафтан или шуба»), средствами на покупку обуви, шапки и рукавиц – ежемесячно, на пропитание же им планировалось выдавать по 10 коп. еженедельно. Деньгами на одежду и пропитанием должны были обеспечиваться жены рекрутов и их малолетние дети.

Планировалось сформировать пять пехотных (Иркутский, Селенгинский, Нерчинский, Томский и Енисейский) и два конных (Якутский и Тюменский) полка. Из них к 1763 г. уже существовал Якутский ландмилицкий полк, создание остальных только планировалось. Территории для проживания полков отводились одному конному полку у Селенгинска, трем полкам у Иркутска и еще одному конному полку – у Нерчинска. Однако если эти планы не реализуются, то Военной коллегии предписывалось создать в Тобольске «корень» двум полкам. Для первых двух полков были определены штаб и обер-офицеры и присланы знамена и штандарты [27. С. 436; 28. С. 34; 29. С. 337; 30. С. 7, 279].

30 апреля 1764 г. сенатским указом подтверждалось создание в Сибири двух конных и пяти пехотных полков из возвращенных из Польши беглых, включая и тех, которые были возвращены помещикам, но последние пожелали отдать их в рекруты. Специально оговаривалось, что принимать в эти полки следует также и тех мужчин, которые окажутся ниже установленного для приема в рекруты роста в 2 аршина и 4 вершка. Также предусматривалось, что если в дороге кто-то из крестьян заболеет так сильно, что перевозить их будет невозможно, им должна быть оказана помощь в городах, через которые двигаются возвращенные, а после выздоровления они должны отправляться далее в Сибирь с другими партиями. Если к службе они все же оказывались не годны, то водворялись на поселение вместе с женами и детьми. Исключением были крестьяне, которые ввиду тяжелых болезней, увечий или «дряхлости» не были пригодны даже для поселения: они не засчитывались в рекруты, хотя от помещиков все равно принимались вместе с семьями, и уже из членов их семей определялись и учитывались крестьяне, годные к службе и поселению [31].

В найденной Н.Н. Покровским ведомости выведенных из Польши, составленной в 1768 г. генерал-майором Петром Ивашевым по приказу Екатерины II, указывались только два полка – Томский и Селенгинский. В них были определены 1 803 чел., вместе с семействами их оказалось 3 955 чел. Расквартированы они были в г. Селенгинске (Селенгинский полк) и в Усть-Каменогорской крепости (Томский полк) [31; 32. С. 109; 33. С. 149].

По мнению П.А. Словцова, из крестьян-«поляков» не могло быть сформировано семь ландмилицких полков «за неспособностью польских выведенцов, которые все почти поступили в поселения Барнаульския или Забайкальския» [30. С. 288].

В ревизских сказках деревень, в которые прибыли на поселение возвращенные из Польши беглецы, значилось, что они сформированы из беглороссийских крестьян, оставшихся «после уформирования вновь в Сибири пехотных Томского, Селенгинского и карабинерных полков неспособными к службе за старостью и болезнями людей». Всего приведенных в Тобольск беглых раскольников – как определенных в службу, так и отправленных на поселение – оказалось 8 227 душ (4 596 м.п. и 3 631 ж.п.). Из них 2 949 душ (1 496 м.п. и 1 453 ж.п.) были отправлены на поселение в Селенгинское ведомство и 1 249 душ (624 м.п., 625 ж.п.) – в Томское. Еще 74 души (43 м.п. и 31 ж.п.) были отпу-

щены на свое пропитание «по неспособности быть в службе и на поселении» [24. С. 111–112; 32; 33. С. 167].

Таким образом, в Тобольске часть старообрядцев были определены в службу, а часть – отправлены на поселение на Алтай и в Забайкалье. В последнюю группу входили люди, по каким-либо причинам признанные негодными к службе. Отправка старообрядцев в рекруты во многом объяснялась неудачной попыткой расселения их на прежних местах жительства. Помещики опасались повторных побегов и были заинтересованы в том, чтобы беглецы были засчитаны в рекруты. Однако вместо запланированных семи полков были сформированы только два.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мамсик Т.С.* Побеги как социальное явление: Приписная деревня Западной Сибири в 40–90-е гг. XVIII в. Новосибирск : Наука, 1978. 208 с.
2. *Юркин И.Н.* От города до города на прежния жилища // Книжница Самарского староверия. URL: http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/57-1-0-315, свободный (дата обращения: 10.06.2015).
3. *Сенатский* указ «О выборе Комиссаров для возвращения беглых Русских людей из Польши» от 23 июля 1723 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. VII. С. 94–95.
4. *Именной* указ «Об отпущении вин всем беглым драгунам, солдатам, матросам и рекрутам, кои сами явятся от публикования сего указа в течение года» от 10 февраля 1732 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. VIII. С. 627–629.
5. *Сенатский* указ «О свободном возвращении беглецам в Россию с публикования сего указа в два месяца» от 17 января 1734 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. IX. С. 254–256.
6. *Манифест* «О свободном возвращении в Россию беглых солдат, крестьян и всякого звания людей, ушедших за границу, и о явке их к пограничному начальству в полтора месяца от объявления сего указа» от 11 июня 1734 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. IX. С. 330–331.
7. *Высочайше* утвержденный доклад кабинет-министров «Об учреждении в Смоленской Губернии крестьян от побегов и о забрании в Польше Российских беглецов находящимися там Российским войсками» от 31 июля 1734 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. IX. С. 380–383.
8. *Лилеев М.И.* Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Киев, 1895. Вып. 1. С. 302. URL: http://by.ethnology.ru/by_lib/lileev_01/graf/lileev_01.html?301, свободный (дата обращения: 10.06.2015).
9. *Алефиренко П.К.* Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30–50-х гг. XVIII в. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1958. 422 с.
10. *Именной* указ, данный из Кабинета Ея Величества Военной коллегии «Об отправлении Смоленскаго гарнизоннаго полка на Великие Луки для распределения по форпостам до самой Лифляндской границы и об удержании крестьян от побегов в Польшу» от 19 мая 1739 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. X. С. 778.
11. *Манифест* «Об отсрочке до 1 сентября 1761 года для добровольной явки беглецов в Россию, ушедших в разныя времена в Литву и Польшу» от 2 января 1761 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. XV. С. 595–596.
12. *Манифест* «О дозволении находящимся в Польше, Литве и Курляндии, беглым Российским солдатам и другаго звания людям, выходить безпрепятственно в Ригу, и там поступать в фортификационныя работы и в Дворцовые крестьяне» от 5 ноября 1759 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. XV. С. 388.
13. *Именной* указ, объявленный Сенату генерал-прокурором Глебовым «О сочинении особаго положения для раскольников, которые, удаляясь за границу, пожелают возвратиться в отечество с тем, чтобы им в отправлении закона по их обыкновению и старопечатным книгам возбранения не было» от 29 января 1762 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. XV. С. 895.
14. *Манифест* по случаю коронования императрицы Екатерины II «О прощении вин впадшим в преступления и о сложении начетов и казенных взысканий» от 22 сентября 1762 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. XVI. С. 69–70.
15. *Манифест* «О позволении иностранцам, кроме Жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество Русских людей, бежавших за границу» от 4 декабря 1762 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. XVI. С. 126–127.
16. *Сенатский* указ «О позволении раскольникам выходить и селиться в России на местах, значенных в прилагаемом к сему реестре» от 14 декабря 1762 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. XV. С. 129–132.
17. *Алексеенко Н.В.* Усть-Каменогорск. Алма-Ата : Казахстан, 1970. 103 с.
18. *Булыгин Ю.С.* Формирование земледельческого населения по Колывано-Кузнецкой линии в XVIII в. // Вопросы истории: труды Томского университета. Томск, 1967. Т. 190, вып. 3. С. 20–33.
19. *Небольсин П.А.* Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб. : Типография И. Глазунова и Ко, 1850. 253 с.
20. *Манифест* «О вызове из Польши и Литвы беглых Российских помещичьих и всякаго звания людей; о дозволении им селиться в казенных волостях, где кто пожелает и о даче им льгот от податей и работ на 6 лет» от 15 мая 1763 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. XVI. С. 247–248.
21. *Сенатский* указ «О распоряжениях по поселению выходящих из Польши беглых раскольников и об отпуске их без обид и удержания в те места, кто куда для поселения идти пожелает» от 20 декабря 1863 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. XVI. С. 140–141.
22. *Болонев Ф.Ф.* Старообрядцы Алтая и Забайкалья: опыт сравнительной характеристики. Барнаул : Изд-во БЮИ, 2001. 51 с.
23. *Крестьянство* Сибири в эпоху феодализма / ред. кол.: А.П. Окладников (отв. ред.), В.А. Александров, З.Я. Бояршинова, О.Н. Вилков, Е.М. Залкинд, Т.С. Мамсик, Н.А. Миненко, Н.Н. Покровский, А.А. Преображенский, Н.Д. Золникова. Новосибирск : Наука, 1982. 504 с.
24. *Покровский Н.Н.* К истории появления в Сибири забайкальских «семейских» и алтайских «поляков» // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1975. Вып. 2, № 6. С. 109–112.
25. *Чудновский С.Л.* Очерки народного юридического быта Алтайского горного округа // Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII – начала XIX века. Барнаул : Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова, 2007. Т. 2. С. 261–312.
26. *Сенатский* указ «О сборе со всех явившихся по поданным сказкам раскольников положеннаго на них оклада» от 29 декабря 1764 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. XVI. С. 129–132.
27. *Высочайше* утвержденный доклад Военной коллегии №11.979 «О сформировании в Сибири для защищения сего края пяти пехотных и двух конных полков, из выводимых из Польши беглых Российских подданных, и о поселении тех из них, кои в военную службу не годны в Нерчинском и Селенгинском уездах для распространения хлебопашества» от 29 ноября 1763 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. XVI. С. 436.
28. *Мамсик Т.С.* Бухтарминские каменщики – первопоселенцы Верхнего Прииртышья: этнокультурный, сословный, конфессиональный состав // Верхнее Прииртышье в XVII–XXI вв. : сб. науч. ст. / отв. ред. М.В Шкловский; Институт истории СО РАН; Семипалатинский государственный университет им. Шакарима. Новосибирск : Параллель, 2009. С. 28–41.
29. *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II // Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб. : Тип. Ф.С. Сущинского, 1881. Т. 8. 506 с.
30. *Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. СПб. : [б. и.], 1886. Кн. 2: с 1742 по 1823 год. 364 с.
31. *Сенатский* указ «О приеме на поселение в учреждающиеся в Сибири полки из выведенных из Польши беглых Российских подданных» от 30 апреля 1764 г. // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. XVI. С. 737–739.
32. *Ревизская* сказка деревни Старо-Алейской Колыванской области Бранаульского уезда Бобровской слободы 21 сентября 1782 г. // Государственный архив Алтайского края. Ф. 169. Оп. 1. Д. 819. Л. 453–490.

33. *Россия.* Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / ред. В.П. Семенов-Тянь-Шанский. СПб. : Издание А.Ф. Девриена, 1907. Т. 16: Западная Сибирь. 591 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 ноября 2015 г.

FORMATION OF MILITARY REGIMENTS FROM OLD BELIEVERS THAT RETURNED FROM POLAND TO RUSSIA IN 1763–1764

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 134–138. DOI: 10.17223/15617793/401/20

Lyapkova Anna A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anna_lyapkova@rambler.ru

Keywords: 18th century; old believers; Poles.

The article deals with the history of the formation of military regiments from the runaway old believers who returned to Russia. In the 18th century, the authorities tried to prevent Russian people escapes abroad. A large number of runaways were old believers who escaped from religious persecution. A major center of runaway old believers settlement was Vietka, a then Polish town. During the 18th century imperial manifestos and decrees were published. They called for fugitives to return home. The returning were absolved from blames. Peasant old believers were allowed to choose their status when they returned to Russia. They could go back to landlords who owned them before the escape or become state peasants. However, calls for a return to Russia did not lead to a massive return of old believers. Therefore, a military operation was organized to return runaways from abroad. In 1764, by a decree of Catherine II, a Russian detachment led by Major General Maslov returned the fugitive old believers from Poland to Russia. This operation was called "vygonki" [driving-out]. The returned old believers were sent to military service. Those who were not fit for the service were sent to a settlement. Places of settlements were limited by an imperial decree. The special registry of places allowed for settlement included the Siberian lands near Tobolsk, in Barabinsk steppe, along the banks of the Uba, Ulba, Beryozovka, Glubokaya and other tributaries of the Irtysh River, in the area of Ust-Kamenogorsk fortress. A significant number of old believers who returned from Poland settled in Uba, Ust-Kamenogorsk and Krutoberezovsk regions. They were resettled in the status of state peasants. As for the regiments, it was planned to form five infantry (Irkutsk, Selenginsk, Nerchinsk, Tomsk and Yenisei) and two cavalry (Yakut and Tyumen) ones. The rules for selection of recruits included age, height, health status. The recruits were provided with uniforms and meals. However, the returned old believers were not prepared for military service. So it was really possible to form only two regiments of them: Tomsk and Selenginsk. They included the total of 1803 people. Together with their families there were 3955 people. They were housed in Selenginsk (Selenginsk Regiment) and in Ust-Kamenogorsk fortress (Tomsk Regiment).

REFERENCES

1. Mamsik, T.S. (1978) *Pobegi kak sotsial'noe yavlenie: Pripisnaya derevnya Zapadnoy Sibiri v 40–90-e gg. XVIII v.* [Escapes as a social phenomenon: ascribed village in Western Siberia in 1840–90-ies]. Novosibirsk: Nauka.
2. Yurkin, I.N. (c. 2000) *Ot goroda do goroda na prezhniya zhilishcha* [From town to town to former home]. [Online]. Available from: http://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/57-1-0-315. (Accessed: 10 June 2015).
3. Russian Empire. (1830) Senatskiy ukaz "O vybore Komissarov dlya vozvrashcheniya beglykh Russkikh lyudey iz Pol'shi" ot 23 iyulya 1723 g. [Senate decree "On the choice of Commissioners for the return of fugitive Russian people from Poland" of July 23, 1723]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. V. VII. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
4. Russian Empire. (1830) Imennoy ukaz "Ob otpushchenii vin vsem beglym dragunam, soldatam, matrosam i rekrutam, koi sami yavyatsya ot publikovaniya sego ukaza v techenie goda" ot 10 fevralya 1732 g. [The Imperial Majesty's decree "On the absolving of all blames of fugitive dragoons, soldiers, sailors and recruits who return themselves within a year after publishing this decree" of February 10, 1732]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. V. VIII. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
5. Russian Empire. (1830) Senatskiy ukaz "O svobodnom vozvrashchenii begletsam v Rossiyu s publikovaniya sego ukaza v dva mesyatsa" ot 17 yanvarya 1734 g. [Senate decree "On the free return of fugitives to Russia within two months from publishing this decree" of 17 January 1734]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. V. IX. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
6. Russian Empire. (1830) Manifest "O svobodnom vozvrashchenii v Rossiyu beglykh soldat, krest'yan i vsyakogo zvaniya lyudey, ushedshikh za granitsu, i o yavke ikh k pogranichnomu nachal'stvu v poltora mesyatsa ot ob"yavleniya sego ukaza" ot 11 iyunya 1734 g. [Manifesto "On free return to Russia of fugitive soldiers, peasants, and all ranks of people who went abroad, and their attendance to the border authorities in the six weeks from the announcement of this decree" of June 11, 1734]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. V. IX. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
7. Russian Empire. (1830) Vysochayshe utverzhdennyy doklad kabinet-ministrov "Ob uchrezhdenii v Smolenskoy Gubernii krest'yan ot pobegov i o zabranii v Pol'she Rossiyskikh begletsov nakhodyashchimisya tam Rossiyskim voyskami" ot 31 iyulya 1734 g. [The imperially approved report of the Cabinet Ministers "On the establishment in Smolensk Province of peasants from escapes and taking in Poland of Russian fugitives located there by Russian troops" of July 31, 1734]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. V. IX. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
8. Lileev, M.I. (1895) *Iz istorii raskola na Vetke i v Starodub'e XVII–XVIII vv.* [From the history of the split in Vietka and in Starodubie in the 17th–18th centuries]. Is. 1. Kiev. [Online]. Available from: http://by.ethnology.ru/by_lib/lileev_01/graf/lileev_01.html?301. (Accessed: 10 June 2015).
9. Alefirenko, P.K. (1958) *Krest'yanskoe dvizhenie i krest'yanskiy vopros v Rossii v 30–50-kh gg. XVIII v.* [The peasant movement and the peasant question in Russia in the 1730–50-ies]. Moscow: USSR AS.
10. Russian Empire. (1830) Imennoy ukaz, dannyy iz Kabineta Eya Velichestva Voennoy Kollegii "Ob otpravlenii Smolenskago garnizonnago polka na Velikie Luki dlya raspredeleniya po forpostam do samoy Liflyandskoy granitsy i ob uderzhanii krest'yan ot pobegov v Pol'shu" ot 19 maya 1739 g. [The Imperial Majesty's decree from the Office of Her Majesty's Military Collegium "On sending Smolensk garrison Regiment to Velikie Luki for distribution at outposts until the Livonia border and on the retention of peasants from escaping to Poland" of May 19, 1739]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. V. X. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
11. Russian Empire. (1830) Manifest "Ob otsrochke do 1 sentyabrya 1761 goda dlya dobrovol'noy yavki begletsov v Rossiyu, ushedshikh v raznyya vremena v Litvu i Pol'shu" ot 2 yanvarya 1761 g. [Manifesto "On postponing until 1 September 1761 the voluntary surrender of fugitives in Russia who went to Lithuania and Poland at different time" of January 2, 1761]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. V. XV. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
12. Russian Empire. (1830) Manifest "O dozvolenii nakhodyashchimsya v Pol'she, Litve i Kurlyandii, beglym Rossiyskim soldatam i drugago zvaniya lyudyam, vykhodit' bezprepyatstvenno v Rigu, i tam postupat' v fortifikatsionnyya raboty i v Dvortsovye krest'yane" ot 5 noyabrya 1759 g.

[Manifesto "On the permission to the fugitive Russian soldiers and people of other ranks located in Poland, Lithuania and Courland to go without hindrance to Riga, and there to join in fortification works and become palace peasants" of November 5, 1759]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. V. XV. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.

13. Russian Empire. (1830) Imennoy ukaz, ob"yavlennyy Senatu general-prokurorom Glebovym "O sochinenii osobago polozheniya dlya raskol'nikov, kotorye, udalyayas' za granitsu, pozhelayut vozvratit'sya v otechestvo s tem, chtoby im v otpravlenii zakona po ikh obyknoveniyu i staropechatnym knigam vozbraneniya ne bylo" ot 29 yanvarya 1762 g. [The Imperial Majesty's decree announced by Attorney-General of the Senate Glebov "About writing of a special regulation for the dissenters that went abroad and wish to return to the country so that they face no trouble in the administration of the law in their usual way and by old printed books" of January 29, 1762]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. V. XV. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
14. Russian Empire. (1830) Manifest po sluchayu koronovaniya imperatritsy Ekateriny II "O proshchenii vin vpadshim v prestupleniya i o slozhenii nachetov i kazennykh vzyskaniy" ot 22 sentyabrya 1762 g. [Manifesto on the occasion of the coronation of Empress Catherine II "On absolving all blames of criminals and cancellation of certain surcharges and official penalties" of September 22, 1762]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. V. XVI. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
15. Russian Empire. (1830) Manifest "O pozvolenii inostrantsam, krome Zhidov, vykhodit' i selit'sya v Rossii i o svobodnom vozvrashchenii v svoe otechestvo Russkikh lyudey, bezhavshikh za granitsu" ot 4 dekabrya 1762 g. [Manifesto "On allowing foreigners, except for the Jews, to come and settle in Russia and on the free return to their homeland of Russian people who escaped abroad" of December 4, 1762]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. V. XVI. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
16. Russian Empire. (1830) Senatskiy ukaz "O pozvolenii raskol'nikam vykhodit' i selit'sya v Rossii na mestakh, znachennykh v prilagaemom k semu reestre" ot 14 dekabrya 1762 g. [Senate decree "On the permission for dissenters to go and settle in Russia in the areas listed in the attached registry" of December 14, 1762]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. V. XV. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
17. Alekseenko, N.V. (1970) *Ust'-Kamenogorsk* [Ust-Kamenogorsk]. Alma-Ata: Kazakhstan.
18. Bulygin, Yu.S. (1967) Formirovanie zemledel'cheskogo naseleniya po Kolyvano-Kuznetskoy linii v XVIII v. [Formation of the agricultural population of Kolyvan-Kuznetsk line in the 18th century].*Voprosy istorii: trudy Tomskogo universiteta*. 190:3. pp. 20–33.
19. Nebol'sin, P.A. (1850) *Zametki na puti iz Peterburga v Barnaul* [Notes on the way from St. Petersburg to Barnaul]. St. Petersburg: Tipografiya I. Glazunova i Ko.
20. Russian Empire. (1830) Manifest "O vyzove iz Pol'shi i Litvy beglykh Rossiyskikh pomeshchich'ikh i vsyakago zvaniya lyudey; o dozvolenii im selit'sya v kazennykh volostyakh, gde kto pozhelaet i o dache im l'got ot podatey i rabot na 6 let" ot 15 maya 1763 g. [Manifesto "On call from Poland and Lithuania of fugitive Russian people belonging to landlords and of other ranks; on permission for them to settle in the state-owned townships where they wish; on giving them benefits from taxes and work for 6 years" of May 15, 1763]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. V. XVI. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
21. Russian Empire. (1830) Senatskiy ukaz "O rasporyazheniyakh po poseleniyu vykhodyashchikh iz Pol'shi beglykh raskol'nikov i ob otpuske ikh bez obid i uderzhaniya v te mesta, kto kuda dlya poseleniya idti pozhelaet" ot 20 dekabrya 1863 g. [Senate decree "On the orders of settlement of fugitives and dissenters coming from Poland; on their release without insults and retention to places where they wish to settle in" of December 20, 1863]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. V. XVI. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
22. Bolonev, F.F. (2001) *Staroobryadtsy Altaya i Zabaykal'ya: opyt sravnitel'noy kharakteristiki* [Altai and Baikal Old Believers: experience of comparative characteristics]. Barnaul: Izd-vo BYuI.
23. Okladnikov, A.P. (ed.) (1982) *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu feodalizma* [Siberian peasants under feudalism]. Novosibirsk: Nauka.
24. Pokrovskiy, N.N. (1975) K istorii poyavleniya v Sibiri zabaykal'skikh "semeyskikh" i altayskikh "polyakov" [On the history of Trans-Baikal "Semeiskie" and Altai "Poles" in Siberia]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR*. 2:6. pp. 109–112.
25. Chudnovskiy, S.L. (2007) Ocherki narodnogo yuridicheskogo byta Altayskogo gornogo okruga [Essays on the national legal life of the Altai Mining District]. In: Skubnevskiy, V. A. (ed.) *Altay v trudakh uchenykh i puteshestvennikov XVIII – nachala XIX veka* [Altai in the writings of scholars and travelers of the 18th – early 19th centuries]. V. 2. Barnaul: Altai Regional Universal Research Library.
26. Russian Empire. (1830) Senatskiy ukaz "O sbore so vsekh yavivshikhsya po podannym skazkam raskol'nikov polozhennago na nikh oklada" ot 29 dekabrya 1764 g. [Senate decree "On the collection from all dissenters of their taxes" of December 29, 1764]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. V. XVI. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
27. Russian Empire. (1830) Vysochayshe utverzhdennyy doklad Voennoy kollegii №11.979 "O sformirovanii v Sibiri dlya zashchishcheniya sego kraya pyati pekhotnykh i dvukh konnykh polkov, iz vyvodimykh iz Pol'shi beglykh Rossiyskikh poddannykh, i o poselenii tekh iz nikh, koi v voennuyu sluzhbu ne godny v Nerchinskom i Selenginskom uezdakh dlya rasprostraneniya khlebopashestva" ot 29 noyabrya 1763 g. [The imperially approved report of the Military Collegium No. 11.979 "On the formation in Siberia for protecting this region of five infantry and two cavalry regiments, from the fugitive Russian nationals that returned from Poland, and on the settlement of those not fit for military service in the Nerchinsk and Selenginsk counties for tillage distribution" of November 29, 1763]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. V. XVI. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
28. Mamsik, T.S. (2009) Bukhtarminskie kamenshchiki – pervoposelentsy Verkhnego Priirtysh'ya: etnokul'turnyy, soslovnyy, konfessional'nyy sostav [Bukhtarma brickmasons: the first settlers of the Upper Irtysh: ethnocultural, class, religious composition]. In: Shklovskiy, M.V. (ed.) *Verkhnee Priirtysh'e v XVII–XXI vv.* [The Upper Irtysh in the 17th–21st centuries]. Novosibirsk: Parallel'.
29. Semevskiy, V.I. (1881) Krest'yane v tsarstvovanie imperatritsy Ekateriny II [Farmers in the reign of Empress Catherine II]. *Zapiski istoriko-filologicheskogo fakul'teta Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 8.
30. Slovtsov, P.A. (1886) *Istoricheskoe obozrenie Sibiri* [A historical review of Siberia]. Book 2. St. Petersburg.
31. Russian Empire. (1830) Senatskiy ukaz "O prieme na poselenie v uchrezhdayushchiesya v Sibiri polki iz vyvedennykh iz Pol'shi beglykh Rossiyskikh poddannykh" ot 30 aprelya 1764 g. [Senate decree "On admission to settlement in Siberian regiments of fugitive Russian citizens who returned from Poland" of April 30, 1764]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. V. XVI. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
32. Revizskaya skazka derevni Staro-Aleyskoy Kolyvanskoy oblasti Branaul'skogo uezda Bobrovskoy slobody 21 sentyabrya 1782 g. [Revision lists of the Staro-Aleiskaya village of Kolyvan Oblast, Branaul Uezd, Bobrovskaya settlement of September 21, 1782]. State Archive of Altai Krai. Fund 169. List 1. File 819. Pages 453–490.
33. Semenov-Tyan'-Shanskiy, V.P. (ed.) (1907) *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudey* [Russia. A complete geographic description of our homeland. Reference and road book for the Russian people]. V. 16. St. Petersburg: Izdanie A.F. Devriena.

Received: 08 November 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 139–144. DOI: 10.17223/15617793/401/21

УДК 94(5)+323.22/.28

С.В. Мажинский

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО КИТАЯ И АВТОНОМНЫЙ РАЙОН ВНУТРЕННЯЯ МОНГОЛИЯ В 1966–1969 гг.: ОТ ДИАЛОГА К ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ

Статья посвящена самому драматичному периоду в истории Внутренней Монголии – началу Культурной революции. Политическое противостояние правительства Внутренней Монголии и центрального правительства Китая привело к свержению монгольского лидера Уланху и введению военного положения в регионе.

Ключевые слова: Внутренняя Монголия; Уланху; политическая борьба; Культурная революция; центральное правительство; Китай.

К 1966 г. политические отношения между центральным правительством Китая и автономным правительством Внутренней Монголии достигли небывалого обострения. Основными причинами такого положения стала самостоятельное проведение политики лидера Внутренней Монголии Уланху, которая не удовлетворяла Пекин. Основные противоречия между двумя сторонами возникали по вопросам активной ханьской миграции и расширения пахотных земель китайскими фермерами во Внутренней Монголии. Однако частичное решение этих вопросов смягчалось тяжелой политической обстановкой во всем Китае в течение «большого скачка». С началом политики Культурной революции политические отношения между Внутренней Монголией и Пекином перешли на новый уровень.

Политика Культурной революции в Китае провозгласила новый политический курс центрального правительства в отношении Внутренней Монголии. Основной целью «культурной революции» была чистка кадров в масштабах всего Китая. Стоить заметить, что уже осенью 1965 г. Уланху и его последователи стали потенциальными целями Культурной революции. Однако монгольскому лидеру и его соратникам удалось сдержать натиск центрального правительства. К концу 1965 г. началась атака на коллег Уланху в местных органах власти Внутренней Монголии. В результате все они были смещены со своих постов.

18 апреля 1966 г. Северное бюро КПК выпустило заявление о том, что «политическое сознание» управляющих кадров Внутренней Монголии «очень низкое», в некоторых случаях якобы даже ниже, чем у народных масс. В заявлении было также сказано о том, что политические кадры АРВМ неправильно применяют, понимают и интерпретируют мысли Мао Цзэдуна. По этой причине Северное бюро КПК постановило, что Культурная революция должна быть проведена на территории Внутренней Монголии под руководством самого Мао Цзэдуна.

Уланху и его окружение не были удивлены тем, что Внутренняя Монголия была включена в новую политическую кампанию. Они понимали, что Мао Цзэдун практически ничего не предлагал для решения национального вопроса в АРВМ. Ван Илун, ханьский заместитель председателя Внутренней Монголии, поддержал Уланху, и они стали «ядром» сопротивления проведения Культурной революции в АРВМ.

Ван До, Уланху, Ван Илун не могли полностью согласиться с данной партийной директивой. Однако они наблюдали за тем, как Мао Цзэдун и его окружение избавляются от Пэн Чжэня и понимали, что от их поведения зависит сохранение собственных позиций. Исходя из этого, они решили провести во Внутренней Монголии так называемую мягкую культурную революцию, чтобы выиграть время для усиления собственных позиций. 17 мая 1966 г. в «Нэймэнгу жибао» был опубликован призыв ко всем национальностям автономного региона участвовать в «культурной революции» [1. P. 118].

Ван Илун выступил 4 июня на конференции в университете Хух-Хото перед членами КПК, официальными лицами и работниками университета, призвав всех делегатов встать на сторону «культурной революции». Итогом конференции стала резолюция, поддерживающая решение ЦК КПК по кадровой реорганизации Пекинского партийного комитета, председателем которого был опальный Пэн Чжэнь. Это обстоятельство давало Уланху и его сторонникам возможность отстранить от власти некоторых промаоистских деятелей в автономии.

В августе 1966 г. Ли Чжи, первый секретарь партийного комитета Хух-Хото, был обвинен в разрушении «сплоченности» национальностей, в противостоянии партии, социализму и идеям Мао Цзэдуна. Ли был заменен на Батубагина, которому доверили реорганизовать весь партийный комитет Хух-Хото. Также были смещены и другие промаоистские кадры Внутренней Монголии, почти все из них были ханьцы.

Таким образом, во Внутренней Монголии маоисты встретили мощное сопротивление со стороны местной власти во главе с Уланху. С 21 мая по 25 июня 1966 г. в отеле Цяньмэн в Пекине проводилась встреча чиновников центрального правительства и руководства Внутренней Монголии. Итогом данной встречи стало отстранение Уланху на несколько месяцев только от должности председателя КПК Внутренней Монголии. Однако данное решение не было оглашено публично из-за того, что это могло вызвать общественный резонанс в АРВМ и препятствовать распространению Культурной революции. Новым председателем КПК Внутренней Монголии были назначен Се Сюэгун. Надежда на свержение Уланху с остальных постов возлагалась на маоистов, которые должны были вести активную пропаганду против монгольского лидера и его окружения [2. P. 17].

8 августа 1966 г. Пекином принимается документ «Решение центрального комитета Коммунистической

партии Китая по поводу Великой пролетарской культурной революции» [3. P. 7], в котором официально закреплялись цели и методы осуществления Культурной революции. В частности, говорилось, что основными идеологическими положениями Культурной революции должны стать идеи Мао Цзэдуна, четко разводились понятия «революционер» и «контрреволюционер», а также были прописаны категории кадрового состава, которые должны были бы соответствовать «революционному настроению». Главные положения касались использования армии и средств массовой информации в интересах Культурной революции.

В середине августа 1966 г. по решению 11-го Пленума ЦК КПК во Внутреннюю Монголию были отправлены отряды пекинских хунвейбинов. Уланху и его сторонники надеялись на то, что им удастся сдержать натиск «красногвардейцев» – сначала дать им добиться небольшой победы, успокоить их, а затем постепенно вывести их из автономного региона. Но в партийном комитете оставалось достаточно много промаоистских кадров, которые стали использовать хунвейбинов для укрепления своего положения и сопротивления Уланху. Один из них – Гао Цзиньмин – заместитель председателя партийного комитета Внутренней Монголии 22 августа выступил с речью перед хунвейбинами, в которой призывал к устранению «четырех стариков» в Хух-Хото, а также убеждал местные кадры противостоять им. Под «четырьмя стариками» понимались Уланху, Ван До, Ван Илун и Батубагин. После этого сообщения хунвейбины в течение нескольких дней устраивали демонстрации и беспорядки в Хух-Хото.

Из-за беспорядков, вызванных «красногвардейцами», промаоисты начали косвенное наступление на Уланху, нападая на его сторонников. Некоторые соратники Уланху обвинялись в таких преступлениях, как искажение теории Мао Цзэдуна по национальному вопросу, отказ от классовой борьбы, которая якобы вела к коллективной гармонии разных национальностей.

Большинство обвинений в отношении монгольской власти Автономного района Внутренней Монголии (АРВМ) имело националистический уклон. Маоисты обвиняли монгольских партийных работников в искажении «Движения четырех чисток», акцентировали внимание на их борьбе против «ханьского шовинизма». Под обвинения попал и мэр Хух-Хото, который якобы заставлял ханьских партийных и официальных лиц АРВМ учить монгольский язык.

Первые обвинения против Уланху были сделаны 8 сентября 1966 г.: на развешанных в Пекине плакатах его обвиняли в «восстановлении» капитализма, в установлении политической независимости автономии и в отказе от классовой борьбы. Монгольский лидер и его сторонники ответили тем, что опубликовали Приказ от 24 сентября 1966 г. в «Нэймэнгу жибао» о приостановлении Культурной революции. Приказ был адресован «красногвардейцам», согласно которому они должны были отправиться в сельскую местность помогать со сбором урожая.

В это время обе стороны – Уланху со сторонниками и хунвейбины – начали делать попытки консолидировать свои силы и укрепить собственные позиции. Пекинские «красногвардейцы» создали в Хух-Хото организацию, которая занималась набором местной молодежи в ряды хунвейбинов, а также искали способы проникновения в школы, на заводы, в бюрократический аппарат, чтобы создать там собственные «революционные организации». В ответ на это Ван Илун и Ван До начали организовывать подобные «революционные организации», состоявшие из рабочих, крестьян, учителей и ветеранов Народно-освободительной армии Китая (НОАК), осевших во Внутренней Монголии [1. P. 119–120].

По всему Китаю началось наступление хунвейбинов на партийный аппарат, которое достигло кульминации в декабре 1966 г. – январе 1967 г. Созданные повсюду на территории Внутренней Монголии малые «красногвардейские революционные организации» совершали попытки захвата власти, как это было и в других регионах Китая. К середине января 1967 г. они захватили многие правительственные здания в Хух-Хото – телеграфное агентство, железнодорожную станцию, радиостанцию Внутренней Монголии и отдел печати «Нэймэнгу жибао». Лю Чан, заместитель командующего политического отдела военного гарнизона Внутренней Монголии и сторонник Уланху, отдал приказ разместить войска в Хух-Хото, чтобы окружить штаб-квартиру «красногвардейских организаций». Войска избили многих из хунвейбинов и потребовали от них сдаться. Ряд столкновений между войсками и «красногвардейцами» произошел с 25 по 27 января 1967 г.

5 февраля 1967 г. «красногвардейцы» организовали массовый протест против присутствия военных сил в городе Хух-Хото. Лю Чан отдал приказ открыть огонь по демонстрантам. Несколько хунвейбинов погибло. Этот инцидент наделал много шума. На следующий день Хух-Хото впал, практически, в состояние анархии. После этого Лю Чан отдал приказ войскам НОАК, находившимся на границе с МНР, стянуться в Хух-Хото и установить порядок. Были арестованы более ста «красногвардейских» лидеров, а правительственные здания были освобождены. Также были арестованы пекинские агитаторы и уничтожено пропагандистское оборудование, что привело к прекращению их работы [1. P. 122].

Пекин был встревожен ухудшением положения маоистов во Внутренней Монголии, и поэтому первый премьер Госсовета Чжоу Эньлай отправил срочное коммюнике двум сторонам, чтобы они выслали свои делегации в Пекин для переговоров. Первоначально Уланху отказался от предложения Чжоу Эньлая, но затем делегация, отстаивавшая точку зрения Уланху, была послана в Пекин наряду с промаоистской. 16 февраля делегации встретились в Пекине с Чжоу Эньлаем и подписали перемирие, по которому запрещалось устраивать бои, беспорядки, демонстрации, аресты, публиковать агитационные материалы или вовлекать маоистов в иную подобную деятельность. Однако это соглашение не решало основных

проблем и небольшие стычки между сторонами продолжалась.

Подписав соглашения, Уланху и его сторонники решили, что это дало им некоторое время для укрепления сил. 1 марта Уланху направил войска в Хух-Хото, чтобы снова окружить штаб хунвейбинов и провести повторные аресты активистов до следующего подобного перемирия. «Революционные организации» Уланху и его последователи планировали осуществление переворота на 18 апреля с целью захвата всей власти в аймаках и хошунах и установления Революционного комитета Внутренней Монголии для проведения Культурной революции.

Пекинские маоисты видели, что теряют свой контроль во Внутренней Монголии, и было принято, что только одно решение сможет наладить обстановку в регионе – ввод военного контингента. Центральный военный комитет КНР приказал Дэну Хайцину, заместителю командующего военным гарнизоном Пекина, взять на себя командование 21-й армией НОАК провинции Шэньси и занять ключевые территории Внутренней Монголии. Армия под командованием Дэна прибыла в Хух-Хото в начале апреля, и уже 7 апреля столица Внутренней Монголии была под контролем войск. Также в Хух-Хото, для усиления позиций маоистов, были направлены другие войска. В Хух-Хото были введены военное положение и комендантский час [1. P. 122].

13 апреля 1967 г. ЦК КПК была издана директива «Решение о правильном разрешении вопросов во Внутренней Монголии», состоявшая из восьми положений. Из данной директивы следовали пять основных тезисов по урегулированию положения в регионе. Во-первых, смещение со всех постов Уланху, включая командование военным округом Внутренней Монголии и должности первого секретаря КПК АРВМ. Во-вторых, реорганизация военного гарнизона Внутренней Монголии. В-третьих, назначение Лю Сяньцюаня на пост командующего военным гарнизоном Внутренней Монголии, Дэна Хайцина назначили председателем Временного комитета по созданию Революционного комитета, Ву Тао стал политическим комиссаром военного округа Внутренней Монголии. В-четвертых, инициирование движения против Уланху, Вана До, Вана Илуна и их сторонников. В-пятых, реабилитация таких маоистов, как Ли Чжи, которые были смещены сторонниками Уланху. Также новым военным гарнизоном было дано распоряжение, которое было поддержано ЦК КПК, запрещающее солдатам участие в революционной деятельности. Они должны были оставаться в своих военных частях и поддерживать дисциплину. Более того, в документе говорилось, что все те, кто замешан в «разжигании» столкновений между маоистам и сторонниками Уланху, приведшие к жертвам среди студентов, будут осуждены [4. P. 1–2].

Таким образом, политическая борьба между Уланху и маоистами, а фактически – между Центром и Внутренней Монголией, привела к серьезным последствиям. Уланху, пытаясь сохранить собственную власть, пошел на радикальные меры, которые привели к жертвам и отстранению его от власти.

Смещение Уланху с поста лидера Внутренней Монголии спровоцировало новые столкновения между маоистами и сторонниками Уланху. 25 апреля и 20 мая произошли столкновения между армией и сторонниками Уланху, которые практически дестабилизировали ситуацию в Хух-Хото. Позднее, 19 июля, радио Внутренней Монголии объявило о том, что сторонники Уланху инициировали столкновения и даже опередили действия маоистов и армии. Несмотря на то что прежние политические и идеологические кадры были уже отстранены от работы, столкновения продолжались.

Чэн Вэйшань, исполняющий обязанности командира Пекинского военного округа, заявил о том, что якобы Уланху подкупал войска Внутренней Монголии с помощью женщин. Он заявил, что солдаты армии Внутренней Монголии получили письма от более чем семидесяти женщин. Этим воспользовался Кан Шэн, возглавлявший органы безопасности КНР, для дискредитации Уланху.

В середине августа началась активная кампания против Уланху, продолжавшаяся до сентября 1967 г. В «Нэймэнгу жибао» от 29 августа 1967 г. была опубликована статья «Свергнуть Уланху». В статье были описаны преступления, из-за которых был арестован монгольский лидер. В частности, он обвинялся в «агентской» работе на «китайского Хрущева» (Лю Шаоци) во Внутренней Монголии, в попытке установить «независимое королевство», в противостоянии идеям Мао по национальному вопросу, в отказе от классовой борьбы, а также в сохранении «кочевой экономики» вместо поиска гармонии между национальностями. Также он был обвинен в игнорировании директив Северного бюро КПК [1. P. 125].

Маоисты предприняли кампанию против Уланху, чтобы полностью подорвать авторитет монгольского лидера и свести на нет все его заслуги. Главной целью этой кампании было уменьшение числа последователей и единомышленников Уланху среди населения Внутренней Монголии.

В ноябре 1967 г. в большинстве районов в Революционный комитет Внутренней Монголии (РКВМ) формально был избран Дэн Хайцин в качестве председателя КПК Внутренней Монголии. Безусловно, кампания против Уланху не могла полностью искоренить влияние монгольского лидера среди народных масс, поэтому РКВМ начал создавать ячейки на более низких уровнях – в хошунах и уездах.

Ли Хуацзян, новый заместитель командующего военного округа Внутренней Монголии, доложил о работе «агентов» из Тайваня, Японии и Советского Союза на территории Внутренней Монголии. Эта информация Ли Хуацзяна не была проверена, но Пекин воспринял это всерьез. Радиостанция Внутренней Монголии 7 декабря предупредила военные гарнизоны о необходимости защиты советско-китайской границы. Также была передана информация из источников в индийской столице Нью-Дели о том, что якобы неофициальное правительство Внутренней Монголии существует на территории МНР. Из-за этого были усилены военные части на границе с МНР.

В январе 1968 г. группа последователей Уланху начала совершать нападения на правительственные войска в Хух-Хото. Организатором данных столкновений являлся бывший мэр Хух-Хото Дай Шихоу, целью было уничтожение РКВМ. При обыске в его доме были найдены инструкции Уланху, взрывчатка, ружья и стальные трубы для изготовления оружия. Также 30 января информационные службы Гонконга сообщили о том, что на территории Внутренней Монголии сформировалось антимаоистское движение, которое поддерживает смещенного с поста Уланху.

В это же время Революционный комитет продолжил атаку на Уланху и его сторонников, развернув широкую агитационную кампанию для якобы нахождения диалога с ними, но фактически это было направлено на увеличение числа ревкомов. Газеты Внутренней Монголии печатали истории о том, как монгольские крестьяне приветствовали войска НОАК в освобожденных от влияния Уланху территориях. Говорилось о дружбе солдат НОАК и монгольских скотоводов, о том, что монгольские крестьяне на тыквах вырезали пожелания Мао. Таким образом, Революционный комитет создавал положительный образ маоистов в средствах массовой информации. Особенно большие усилия были приложены к прославлению НОАК. Например, Пекинские печатные издания почти в каждом номере упоминали о дружбе монгольского и других народов АРВМ с НОАК во время Культурной революции. Однако позитивное позиционирование правительственной армии в СМИ привело только к большему недовольству и большему сопротивлению среди народных масс Внутренней Монголии.

В феврале 1968 г. на территории Внутренней Монголии продолжали активно создаваться революционные комитеты. Ревкомы создавались по всему Китаю, и АРВМ не была исключением. В ведении ревкомов находились практически 96% коммун, а также предприятия, добывающая промышленность, школы, университеты. Основная задача ревкомов заключалась во включении сельского населения Внутренней Монголии в Культурную революцию [5].

В начале марта 1968 г. Революционным комитетом была запущена новая кампания по чистке кадров, направленная против сторонников Уланху, которые еще занимали посты в правительстве АРВМ. Радио Внутренней Монголии 10 марта объявило о том, что в данной кампании приняли участие около 15 тысяч «революционеров» и войска НОАК. После этого по всему Китаю через партийные органы распространился призыв к выявлению «бунтовщиков» и «старых кадров». Центральное правительство оказывало максимальную поддержку Дэну Хайцину в распространении «культурной революции» в АВРМ [1. P. 125–126].

По итогам данной кампании Дэн Хайцин написал отчет в Пекин, в котором констатировалось, что были уничтожены политические связи между Уланху и его последователями. Хотя на самом деле это было не так. В Хух-Хото и его пригородах оставалось достаточно много сторонников Уланху, которые были недовольны политической обстановкой во Внутренней Монголии. Также Дэн Хайцин в отчете упомянул о том, что в ходе кампании были обнаружено незаконное существование Народно-Революционной партии Внутренней Монголии (НРПВМ), которая была запрещена еще в 1947 г. Как говорилось в отчете, целью данной партии являлось «воссоединение» автономного района с МНР [6. P. 273].

Главными задачами Дэна Хайцина на посту председателя Внутренней Монголии были распространение политики Культурной революции, наведение порядка в столице и на территории Внутренней Монголии, восстановление хозяйства. Не менее вескими для него были установление и распространение собственного влияния. Именно из-за этого, по мнению китайских и иностранных исследователей, упомянутая в отчете НРПВМ была вымыслом. Создание врага в виде НРПВМ было одним из механизмов установления «военных порядков» в автономии, так как сам Дэн Хайцин выступал за милитаризацию региона.

Реакция Пекина была незамедлительной. Дэну Хайцину было поручено использовать любые методы для поимки лидеров НРПВМ и уничтожения тайной организации. Дэн приказал, чтобы каждое предприятие и кооператив в Хух-Хото возглавлялись ханьцами. Ханьские директора следили за рабочим процессом, выявляли и допрашивали только монголов, которые могли оказаться членами НРПВМ. Многие монгольские чиновники подвергались арестам и пыткам до тех пор, пока не называли четыре-пять случайных имен тех, кто якобы состоял в запрещенной партии. Ханьские чиновники и работники, которые были замечены в связях с этой организацией, тоже были подвержены пыткам.

В Хух-Хото был установлен комендантский час. Город был окружен войсками НОАК. Также туда были стянуты еще и дополнительные силы из Пекинского гарнизона, состоящие преимущественно из новобранцев. В городе шла проверка всех чиновников, рабочих предприятий, а также преподавательского состава школ и университетов. Ночью улицы контролировались войсками. Жители города, которые попадались в ночное время военным отрядам, часто избивались или подвергались пыткам.

К началу 1969 г. произошло резкое ухудшение отношений между СССР и Китаем из-за острова Даманский. Так как МНР была союзником Советского Союза, то Китай опасался военной угрозы со стороны МНР. Пекинским военным округом 24 января 1969 г. было принято решение о создании специальных строительных военных гарнизонов, которые должны располагаться вдоль границы МНР. Помимо того что данные гарнизоны должны были нести военную службу, они должны были заниматься земледелием и животноводством. Эта программа просуществовала до 1975 г. Однако данных о численности таких войск нет [5].

Внешнеполитический фактор, связанный с напряженностью на советско-китайской границе, оказал существенное влияние на распространение Культурной революции в АРВМ. В начале марта 1969 г. конфликтная ситуация вокруг острова Даманский пере-

росла в военные столкновения. Боясь того, что из-за мер, проводимых в столице Внутренней Монголии, местное население может встать на сторону СССР, Дэн Хайцин прекратил оккупацию Хух-Хото и направил войсковые части к границам МНР. Это событие положило конец военному положению в столице и стало окончанием первого этапа Культурной революции.

На первом этапе «культурной революции», а точнее ее активной фазы, с 1967 по 1969 г., во Внутренней Монголии число жертв составило 16 222 человек, раненых – около 342 тыс. человек. Жертвами Культурной революции было не только монгольское население, но и ханьское [2. P. 17].

В апреле 1969 г. Мао Цзэдун и центральное партийное руководство заявили, что в действиях по «чистке» кадрового состава во Внутренней Монголии были допущены ошибки. С 13 по 19 мая, выступая на заседаниях в центральном правительстве, первый премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай призвал обратить внимание на проведение политики Культурной революции Дэном Хайцином [7. P. 87].

Чжоу Эньлай указал на серьезные ошибки, сделанные председателем КПК Внутренней Монголии. 22 мая 1969 г. Мао Цзэдун в своем письме Дэна Хайцину выразил осуждение кадровой политики и поиску «подпольной» партии. Мао указал на то, что Дэн совершил большую ошибку, начав кампанию против Уланху и НРПВМ, которая привела к стольким жертвам. После этого деятельность ревкомов на территории Внутренней Монголии была временно парализована, а Дэн Хайцин был смещен с поста председателя КПК Внутренней Монголии. Его место занял Чжэн Вэйшань, а сам Дэн Хайцин остался на должности Председателя правительства Внутренней Монголии, сохраняя при этом влияние и на партийный комитет АРВМ [5].

Монгольское население крупных городов и пригородов, где активно работали ревкомы, было полностью настроено против ханьской власти. А так как конфликтная ситуация на китайских границах могла повлиять на настроения в ущерб местному и центральному правительствам, нужно было принимать решительные и быстрые меры. В ходе рабочей конференции об изменении территориального деления Внутренней Монголии 5 июля 1969 г. центральное правительство приняло постановление об изменении границ АРВМ. Согласно решению Пекина аймак Хулунбуир (без хошуна Хорчин-Юцяньци и уезда Туцюань) переходил под управление провинции Хэйлунцзян; Джирим, уезд Туцуань и хошун Хорчин-Юцяньци перешли провинции Цзилинь; аймак Чжаовуда отходил провинции Ляонин; территории хошунов Алашань-Цзоци и частично Алашань-Юци аймака Баян-Нур, а также коммуны хошунов Вулицзи, Тамусу, Алатэн Аобао, Суньбуир вошли в состав Нинся-Хуэйского автономного района. Остальные территории хошуна Алашань-Юци и хошун Эдзин-Ци вошли в состав провинции Ганьсу. В связи с этими административными изменениями Внутренняя Монголия потеряла более половины своей территории.

Политическая борьба в указанный период привела к достаточно тяжелым последствиям для всего региона. Во-первых, стоит выделить свержение монгольского лидера Уланху, который проводил самостоятельную политику в регионе, направленную на сохранение монгольской культуры. Это стало тяжелым ударом для монгольского населения Внутренней Монголии, так как он ассоциировался с «новым Чингисханом», который представлял и отстаивал интересы монгольского населения в Китае. Во-вторых, практически весь административный персонал был обновлен. На вакантные должности ставились только ханьцы. Это привело к тому, что монгольские интересы и интересы региона в целом некому было отстаивать. В-третьих, территориальная целостность Внутренней Монголии была утеряна, что, безусловно, отразилось на моральном состоянии монгольского населения.

Данный период истории Внутренней Монголии явился самым тяжелым в XX в. Последствия проведения Культурной революции в регионе оказали значительное влияние на культурное, экономическое и политическое развитие региона в последующие периоды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hyer P., Heaton W.* The Cultural Revolution in Inner Mongolia // The China Quarterly. 1968. Vol. 36. P. 114–128.
2. *Brown K.* The relationship between the exercise of political power and language during the Cultural Revolution in Inner Mongolia: 1967–1969: PhD Dissertation. Leeds, 2004. 289 p.
3. *Decision* of Central Committee of Chinese Communist Party concerning the Great proletarian Cultural Revolution. Peking : Foreign Language Press, 1966. 12 p.
4. *Чжунгун* чжунян гуаньюй чули нэймэнгу вэньти дэ цзюэдин [Решение о правильном разрешении вопросов во Внутренней Монголии]. Пекин, 1967. 2 с.
5. *Байнянь* фэнюнь нэймэнгу: 1966–1970 (Сто лет перемен во Внутренней Монголии: 1966–1970). URL: http://www.nmg.xinhuanet.com/bnfynmg/bnjs/js14.htm (дата обращения: 15.03.2015).
6. *Jankowiak W.R.* The Last Hurrah? Political Protest in Inner Mongolia // The Australian Journal of Chinese Affairs. 1988. No. 19/20. P. 269–288.
7. *IX Всекитайский съезд* Коммунистической партии Китая. Пекин : Издательство литературы на иностранных языках, 1969. 161 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 июня 2015 г.

CHINESE GOVERNMENT AND THE INNER MONGOLIA AUTONOMOUS REGION DURING 1966–1969: FROM DIALOGUE TO POLITICAL STRUGGLE

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 139–144. DOI: 10.17223/15617793/401/21

Mazhinskiy Stanislav V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mazhinsky@yandex.ru

Keyword: Cultural Revolution; Inner Mongolia Autonomous Region; CPC; political struggle.

The beginning of the Cultural Revolution in China was not only the most dramatic period in the history of Inner Mongolia, but it also triggered the deterioration of relations between the central government of China and the local government of Inner Mongolia. The main goal of the Cultural Revolution in Inner Mongolia was the purging of the political cadres, which directly concerned Ulanhu and his fellows. The central government was afraid of the comparative political independence of Hohhot, and the political pressure of the central government forced the local Mongolian government to take the side of the Cultural Revolution. After that step, the Mongolian leader discrediting campaign was launched in mass media; later in 1966, Ulanhu was removed from the head position of the Mongolian branch of the CPC. He was accused of national unity desolation and wrong comprehension of the Cultural Revolution. Afterward, the CPC made an order to create pro-Maoist guardsmen groups of the Cultural Revolution – the Red Guards that were sent to the Inner Mongolian Autonomous Region and other regions of China with the purpose of "purging the old cadres" propaganda. The pro-Maoist Red Guards faced with the resistance of not only the local administration elite but also local citizens. In Hohhot, the capital of Inner Mongolia, the Red Guards organized a lot of demonstrations trying to engage more local citizens by slogans that discredited the local Mongolian government activities. Such demonstrations were cores of tension between pro-Maoists and local citizens. One of the demonstrations led to victims among students, the Red Guards and local workers. This event forced the central government to bring the troops of the People's Liberation Army into Hohhot and to impose curfew in the city. During the curfew, tortures of assumed suspects in anti-revolution activity were conducted. Hans and Mongols were among the suspects. Moreover, the tensions between Ulanhu's fellows and the troops of the People's Liberation Army continued in Hohhot. These events were a ground for Ulanhu's arrest and removal of his fellows from the head positions in the Inner Mongolia government. After the arrest of Ulanhu, Deng Haiqing was appointed the new leader of the Inner Mongolian Autonomous Region who led the policy that was fully supervised by Beijing. The result of the political struggle was the establishment of revolution committees in the cities and villages of Inner Mongolia. Moreover, due to the possibility of spreading the tensions in the other areas of the Inner Mongolia Autonomous Region, the central government made a decision to hand over some regions of Inner Mongolia to the neighboring Chinese provinces, due to which the Inner Mongolia Autonomous Region lost the biggest part of its territory.

REFERENCES

1. Hyer, P. & Heaton, W. (1968) The Cultural Revolution in Inner Mongolia. *The China Quarterly*. 36. pp. 114–128.
2. Brown, K. (2004) *The relationship between the exercise of political power and language during the Cultural Revolution in Inner Mongolia: 1967–1969*: PhD Dissertation. Leeds.
3. Anon. (1966) *Decision of Central Committee of Chinese Communist Party concerning the Great proletarian Cultural Revolution*. Peking: Foreign Language Press.
4. Anon. (1967) *Reshenie o pravil'nom razreshenii voprosov vo Vnutrenney Mongolii* [The decision on the correct resolution of issues in Inner Mongolia]. Peking. (In Chinese).
5. *Sto let peremen vo Vnutrenney Mongolii: 1966–1970* [One Hundred Years of Change in Inner Mongolia: 1966–1970]. [Online]. Available from: http://www.nmg.xinhuanet.com/ bnfynmg/bnjs/js14.htm. (Accessed: 15 March 2015).
6. Jankowiak, W.R. (1988) The Last Hurrah? Political Protest in Inner Mongolia. *The Australian Journal of Chinese Affairs*. 19/20. pp. 269–288.
7. Anon. (1969) *IX Vsekitayskiy s"ezd Kommunisticheskoy partii Kitaya* [IX National Congress of the Communist Party of China]. Peking: Foreign Language Press.

Received: 23 June 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 145–150. DOI: 10.17223/15617793/401/22

УДК 908(571)(092)

С.А. Пономарёва

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г.И. СПАССКОГО В ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1804–1808 гг.)

Рассматривается ранний этап научной деятельности Григория Ивановича Спасского – замечательного исследователя Сибири. Г.И. Спасский известен также как редактор и издатель первого в России журнала «Сибирский вестник» (с 1825 г. «Азиатский вестник»), посвященного этому региону. Служба под началом Томского губернатора В.С. Хвостова в 1804–1808 гг. способствовала становлению Г.И. Спасского как ученого.

Ключевые слова: Спасский; Сибирь; Томская губерния; Красноярский уезд; этнография; археология.

Научная деятельность Г.И. Спасского в Томской губернии (1804–1808). В 2014 г. жители Томска отмечали знаменательную дату – 210 лет со дня образования Томской губернии. В этот год следовало бы отметить еще одну дату – 150-летие со дня смерти Григория Ивановича Спасского, неутомимого исследователя сибирских древностей, этнографа, нумизмата, писателя, издателя первого в России журнала о Сибири уже потому, что начало научной деятельности Г.И. Спасского было тесно связано с новооткрываемой в 1804 г. Томской губернией.

К сожалению, о Г.И. Спасском вообще написано немного: до сих пор не написана биография этого замечательного ученого, не проводились детальные исследования документальных источников, содержащих сведения о его научной деятельности, и это делает актуальным поиск любой информации об обстоятельствах его жизни и научного творчества.

В частности, особый интерес представляет исследование служебной и научной деятельности Г.И. Спасского при томском губернаторе (от открытия губернии в 1804 г. до отставки В.С. Хвостова в 1808 г.), которая сводилась в основном к собиранию «сведений по части истории, географии, статистики, древностей, филологии и проч.» [1. Л. 4 об.]. Тем более, что служба под началом В.С. Хвостова стала некой начальной точкой отсчета для становления Г.И. Спасского как ученого исследователя Сибири, этнографа и лингвиста, историка и археолога. О таковой его деятельности сохранилось немалое количество материалов в Красноярском государственном архиве, в фонде № 805. Многие из этих документов ранее не были опубликованы, что делает подобное исследование более значимым, так как в отечественной исторической науке остается актуальной задача выявления и введения в научный оборот исторических документов. Данное исследование является неким предварительным итогом изучения этого периода деятельности выдающегося исследователя Сибири, проведенного на основе всего комплекса доступных документов, включающего в себя, кроме официальных бумаг, еще и частную переписку Спасского, а также данные из опубликованных мемуаров его современников, статей из газет и журналов и подобной литературы того времени.

Назначение на службу в Томск. О своем назначении на службу в Сибирь Григорий Иванович пишет следующее: «...с каким восторгом принял я предложение отправиться в Сибирь на службу... Открытие в 1803 г. Томской губернии стало к тому поводом, и В.С. Хвостову я обязан возможности туда уехать и способности к обозрению многих мест [вычеркнуто весьма примечательное место: *«В.С. Хвостов был виновником предпринятого мною путешествия в сию страну»*]. Будучи в Сибири, со всем жаром пылкой молодости я старался пользоваться всякими случаями к познанию сей страны, богатой разными произведениями природы...» [1. Л. 8 об.].

«Виновник путешествия» В.С. Хвостов[1] в своих мемуарах, написанных им для своих детей, весьма подробно рассказывает о том, как происходило назначение чиновников на должность: «Все что нужно правительству к учреждению вновь губернии поручено было мне, и велено было отпустить по требованию моему деньги. Зная весь недостаток в приказных и нижних чинах в Тобольской губернии, от коей уделить в новоучреждаемую Томскую предполагаемо было, я представил, чтобы повелено мне было набрать в Петербурге нужное их число. Получив разрешение с тем, чтобы классным чиновникам дано будет впредь за треть жалованье и как им, так и нижним чинам прогонные деньги, я в короткое время набрал около 70 человек, из коих очень немного оказалось неспособных. Покойный граф Васильев, министр финансов, быв ко мне хорошо расположен, несколько раз говорил мне шутя, что пора кончить вербовать чиновников, что скоро у него не достанет денег. Наконец, закупив все, что потребно было к открытию губернии, и отправив с надежными чиновниками, равно и всех туда определенных, стал и сам собираться. При отправлении нижних чинов объявил я в предупреждение каждому, что кто будет хорош, то буду стараться об нем, а кто будет худ, тому паспорт в руки и ступай в Петербург пешком…» [2. Стлб. 596–597].

В число семидесяти «избранных» попал и Г.И. Спасский, который по счастливому для него стечению обстоятельств квартировал у профессора Санкт-Петербургской Академии Наук Н.Я. Озерецковского[2]. Николай Яковлевич Озерецковский был давним знакомым Александра Семеновича Хвостова[3] – брата новоиспеченного томского губернатора. Была ли сделана рекомендация со стороны Н.Я. Озерецковского – доподлинно не известно, тем не менее, молодой чиновник Г.И. Спасский был «по Имянному Высочайшему повелению определен в Томскую губернию с чином коллежского регистратора 1803 ноября 22» [1. Д. 2. Л. 2].

Сам «имянной указ» имеет датировку 17 ноября 1803 г. [4. № 21-044. С. 1021], но подорожная до Томска была подписана Санкт-Петербургским военным

комендантом Петром Толстым еще 16 ноября [1. Л. 1]. Григорий Спасский, видимо, входил в число тех самых «надежных чиновников», поскольку выехал намного раньше остальных «всех туда определенных», которые проезжали к месту будущей службы еще до середины лета 1804 г., что засвидетельствовал знакомец Г.И. Спасского В.В. Дмитриев[4] в своем письме к нему: «Многие проезжают, любезнейший, чрез Тобольск в Томск на службу...» [Там же. Д. 293. Л. 4 об.].

Губернатор Василий Семенович Хвостов прибыл в Томск в июне 1804 г., а 6 августа были проведены трехдневные торжества по поводу открытия новой губернии. Церемония открытия и программа проведения празднеств подробно изложены кн. Н.А. Костровым[5] в статье «Открытие Томской губернии» [5]. Отмечу лишь, что Г.И. Спасский участвовал в этих торжествах самым деятельным образом – им был написан и прочитан поздравительный стих на открытие Томской губернии. В.С. Хвостов писал о торжествах генерал-губернатору И.О. Селифонтову следующее: «В сии три дня в вечеру город был иллюминирован, особенно же поставленною на Воскресенской горе у Соборной церкви картиною, с коей рисунок с изъяснением и сочиненные к оной стихи Коллежским регистратором г. Спасским при сем приложить честь имею» [Там же. С. 224]. Что это были за стихи сейчас неизвестно, но они были написаны Спасским задолго до открытия торжеств. Первым читателем этих стихов был, по-видимому, все тот же В.В. Дмитриев, который на похвалы своему товарищу не скупился: «Письмо ваше и при нем стихи на открытие Томской губернии мною получены – они прекрасны…» [1. Д. 293. Л. 4]. Благодаря своим стихам молодой чиновник (двадцати лет от роду), коллежский регистратор Григорий Иванович Спасский впервые попал в поле зрения всесильного Сибирского генерал-губернатора Ивана Осиповича Селифонтова, который впоследствии уже не оставлял Г.И. Спасского своими благодеяниями. Остается добавить, что у Григория Ивановича было достаточно времени для подобных занятий: в Томск он прибыл не позднее февраля 1804 г.[6], но особых поручений по службе у него не было, как по причине отсутствия самого губернатора, так и потому что «из Тобольска не присланы были все дела, относящиеся до новой губернии… и потому что для помещения присутственных мест надо было сделать некоторые приспособления» [5. С. 222]. В завершение стоит отметить, что в Томске за время вынужденного ожидания Г.И. Спасским было написано лирическое произведение «Сельский день» [1. Д. 63] – проза в духе пасторальных рассказов, отвлеченная от реалий лирика; это произведение имеет, как кажется, весьма небольшую художественную ценность. Здесь хочется отметить ошибку Б. Смирнова – первого биографа Г.И. Спасского, который писал о том, что «Сельский день – род дневника в стихотворной форме, куда (Спасский. – *П.С.*) заносит свои Сибирские впечатления» [7. С. 111].

Чиновник для особых поручений. Поначалу Г.И. Спасский не занимал в штате томского губернатора В.С. Хвостова ответственных постов, оставаясь чиновником «для исполнения разных поручений, заключающих в себе исторические и топографические сведения и требующих особенных познаний и деятельности» [1. Д. 3. Л. 2–3]. Уже в октябре 1804 г. Спасский «был командирован Томским гражданским губернатором Хвостовым с согласия господина Сибирского генерал губернатора, сенатора и кавалера Селифонтова по званию моему члена Санкт-Петербургского общества любителей наук, словесности и художеств по Красноярскому и Кузнецкому уездам для собрания нужных господину губернатору топографических и хозяйственных сведений» [Там же. Д. 4. Л. 1–1 об.]. В фонде № 805 ГАКК сохранилось «Описание Красноярского уезда» [Там же. Д. 74] на 15 листах, которое дает представление о характере собираемой Спасским информации: кроме самых общих географических сведений приведены данные о рельефе местности, климате, гидрографии, о наличии полезных ископаемых, о флоре и фауне уезда. В планах Спасского было собрать сведения также о численности населенных пунктов уезда, о количестве жителей: пребывающих в подушном окладе, о казаках и о «ясашных» туземцах – в черновике отчета имеются заготовленные для подобного описания листы. Но основное внимание в отчете он обращает на развитие земледелия в Красноярском уезде, отмечая отличия приемов обработки земли в Сибири от российских и приводя сведения о возделываемых культурах и урожайности. Сведения, добытые Спасским и прочими чиновниками, отправляемыми с подобными заданиями в другие уезды губернии, В.С. Хвостов после своей отставки, последовавшей в 1808 г., употребил в своей книге «О Томской губернии» [8]. Несмотря на значительный объем информации, собранный чиновниками, томский губернатор весьма нелестно отзывался о своих помощниках: «...обозревать местныя уездов выгоды и невыгоды... чрез земских исправников и комиссаров, людей весьма мало образованных, есть средство самое скудное; самые для особых поручений определяемые к ним едва ли имеют способности к хозяйственным наблюдениям» [2. Стлб. 602]. Надо полагать, что Г.И. Спасский был исключением из числа неспособных чиновников, так как в личных письмах к Спасскому Василий Хвостов не скупится ему на похвалы: «Государь мой, Григорий Иванович! Мало было бы мне написать вам благодарность за доставление удовольствия читать ваши замечания, и должен отдать вам справедливость за образ ваших мыслей и чувствований. Столь приятна мне с одной стороны ваша ко мне признательность, столь с другой же не могу не пожалеть, что не в силах доставить способности и душевным вашим расположениям лучшего занятия, следовательно самой службе большей пользы, от употребления вас сему сообразно. ...Посылаю вам мои замечания на кочующих татар в степи Красноярской – следствие моего их обозрения и оным моего им доброжелательства. Прошу вас зделать ваши примечания и обратить ко мне» [1. Д. 343. Л. 1–1 об.].

Необходимо отметить, что деятельность Г.И. Спасского по изучению Сибири отнюдь не ограничивалась казенными поручениями. По собственной

инициативе и за свой счет Спасский занимается раскопками древних могил и даже собирает целый музей сибирских достопримечательностей, состоящий из всевозможных найденных предметов – это наконечники стрел, зеркальца, статуэтки, оружие, черепа древних жителей Сибири и проч. Об этом сообщает сам Спасский, составив реестр[7] [1. Л. 14–14 об., 15–15 об.] подобным находкам, сделанным им до 1809 г. Участник несчастливого посольства в Китай графа Головкина Ф. Вигель писал об этом роде деятельности Спасского следующее: «Нас посетил [в Красноярске] один ученый, который имел постоянное пребывание в этом городе. Г[осподин] Спасский посвятил себя изысканию всех предметов, могущих сколько-нибудь объяснить древность Сибири: он полагал, что вероятное переселение через нее народов должно было оставить за собою их след, и всюду искал его. Для того лазил он по горам, списывал на ребрах их изсеченныя надписи на непонятном языке, с удивительным чутьем угадывал места старых могил и довольно удачно иногда в них рылся. Таким образом составил он себе изрядный музей из хартий, оружий и маленьких бурханов или медных идолов. Труды его были признаны полезными, одобряемы и поддерживаемы Академией наук» [9. С. 159].

Особое усердие Г.И. Спасский выказал к собиранию древних сибирских надписей. О них он собрал немало сведений во время многочисленных поездок по губернии. Некоторые из них Спасский пытался копировать – «Любопытнейшие из надписей ...нахо[дятся] на Перевозной горе, составляющей левый берег Енисея, против Абаканска. Оне изображены на многих выдавшихся из горы гладких камнях над самою рекою, и в образе письма, простирающегося отвесно сверху вниз, представляют сходство с Монгольским или Манджурским... К сожалению... я, с пособием одного Сибирскаго художника мог снять только немногие из них, более для образца, нежели для изследования их, и без соблюдения всех археологических предосторожностей...» [1. Д. 263. Л. 1 об.–2]. С просьбами о копировании и переводе известных ему надписей в Сибири Спасский обращался как к официальным, так и к частным лицам. Известны его письма: упомянутое выше к академику П.Н. Фуссу; к Енисейскому губернатору В.К. Падалке [Там же], к секретарю Томского губернатора Василию Берху [Там же. Д. 272], к графу С.Г. Строганову [Там же. Д. 257]. Забегая вперед, отмечу, что именно стараниями Г.И. Спасского, его многократными ходатайствами к Министру Двора[8] и к Министру финансов[9], в 1832 г. был доставлен в Санкт-Петербург знаменитый Нерчинский камень[10] [Там же. Л. 12]. Г.И. Спасский проявлял живой интерес к изучению надписей на древних языках на протяжении всей жизни; в середине 1830-х гг. он развился в увлечение нумизматикой.

Дворянский заседатель в Красноярском уездном суде. Согласно «Послужному формуляру» [Там же. Д. 2] 31 декабря 1804 г. Григорий Иванович Спасский был «определен дворянским заседателем в Красноярский уездный суд», в каковой должности оставался до 31 мая 1806 г. О функционировании Красноярского уездного суда в Красноярском государственном архиве не сохранилось почти никаких документов, соответственно, о деятельности Спасского на этом посту имеются лишь самые общие сведения. Достоверно известно, что «пребывая в сей должности по указам томского Губернского правительства и по предписаниям Господина Гражданского Губернатора был командирован для произведения разных следственных дел, каковые в немалом количестве им кончаны и в оное правительство отправлены. В сем уездном суде должность свою исправлял с особенной ревностию, усердием и отличными успехами, во уважение чего и к награждению чином аттестуется, а в засвидетельствование и дан сей аттестат за подписанием господ присутствующих и приложением печати. Майя тридцатого дня 1806 года» [1. Д. 3. Л. 2–2 об.].

Знакомые Спасского подшучивали над этим неожиданным назначением, ведь Спасский не имел никакой юридической подготовки: «Хотя вы и за судейским столом сидите, но смело скажу: вы худой юрист! ...с сожалением смотрю я мысленно на вас сидящего в суде и разбирающего дела, между тем поглядывающаго на горы, на буйство весеннего солнца – внятен ли вам в это время экстракт, читаемый секретарем? Я ручаюсь, что вы бы тогда желали видеть его на вертеле, а урочные часы присутствия протекшими» [Там же. Д. 293. Л. 9–9 об.]. Однако и на этой должности Спасский остался верен себе – он продолжал коллекционировать сведения из истории Сибири, в том числе и современной ему. В частности, в архиве Спасского сохранились копия одного из следственных дел, которыми ему приходилось заниматься, – дело о сибирских сектантах-молоканах, содержащее весьма любопытные сведения о распространении еретических учений в Сибири [Там же. Д. 13]. Обстоятельства следственного дела настолько захватили Г.И. Спасского, что он, помня о них долгие годы, занимался поиском сведений об этой секте даже в 1830-е гг. [Там же. Д. 206].

Проявляя похвальное рвение к службе в Красноярском уездном суде, одновременно Г.И. Спасский уделял внимание и изучению сибирских «инородцев» – их обычаев, верований и, в особенности, местных языков. Вообще за время службы в Томской губернии Спасским были составлены: «Словарь языка, употребляемого казанцами, качинцами, сагайцами» [Там же. Д. 90], «Словарь из слов, собранных из языков, употребляемых некоторыми из обитающих в Сибири народов» [Там же. Д. 34]; из поездки в Кузнецкий уезд Спасский вывез выписанные из местного архива «Наброски о телеутах, белетирцах и т.д.» [Там же. Д. 206], он также делал прочие записи и этнографические заметки, полное перечисление которых просто невозможно в рамках данной статьи.

В марте 1806 г. Спасский был «употреблен» томским губернатором для выполнения «особенного поручения» в Нарым. Ордер на проезд был выдан 10 марта[11] [1. Д. 343. Л. 3], а 14 марта Спасский уже был в Нарыме [Там же. Д. 7. Л. 1]. Доподлинно не известно, в чем состояла суть «особенного поручения», но, скорее всего, Спасский должен был доста-

вить статистические сведения об уезде – в бумагах Спасского сохранилось несколько документов о городе Нарыме и уезде именно такого содержания. Известно, что в конце 1806 г. томский губернатор, испросив Высочайшего позволения, прибыл в Санкт-Петербург, где представил графу В.П. Кочубею свои соображения по поводу преобразований в вверенной ему губернии, в частности и о перенесении города Нарым на новое место [2. Стлб. 603–604]. Хвостов удостоился личной похвалы императора и награждения орденом св. Владимира 3-й степени. Монаршья награда стала также косвенным подтверждением заслуг скромного чиновника Григория Спасского.

Необходимо упомянуть еще об одном эпизоде из биографии будущего ученого-сибиреведа – о причислении Г.И. Спасского к ученой части Посольства в Китай под руководством графа Ю.А. Головкина. Ученой частью Посольства заведовал уже упомянутый граф И.О. Потоцкий. Полное описание всех обстоятельств его участия в этом посольстве не входит в задачи этого исследования, поэтому будет приведена только краткая характеристика рода его занятий. Сам Спасский описывал свое участие весьма сухо: «Собранныя мною сведения о Сибири, а может быть и самое усердие к приобретению их по собственной только охоте, обратили на меня внимание посланного в Китай графа Ю.А. Головкина. Он в 1806 г.[12] увидел меня в Красноярске и тогда же представил к Государю Императору о причислении к посольству. Но известно, что посольство сие китайцами не было принято, а потому и предприятие его в разсуждении употребления меня для изследования пограничной линии осталось неисполненным. Граф И.О. Потоцкий[13], бывший в оном же посольстве, сделал мне также и со своей стороны разныя поручения по части истории и филологии; я старался полезным быть и другим членам в посольстве, согласно их желанию...»[14] [1. Л. 8 об.–9]. Вместо исследования российско-цинской границы, Спасский выполнял более скромные поручения, такие как, например, от адъюнкта Академии Адамса: «доставить для Академии наук разных животных, о коих представил он... список» [Там же. Д. 332. Л. 1]. Для доставления результатов свои трудов в декабре 1805 г. Спасский прибыл в Иркутск, где ему стало известно о неудаче посольства, а в начале 1806 г. он возвратился к выполнению своих обязанностей в Красноярск. Однако даже столь краткое знакомство с членами ученой части Посольства оказалось впоследствии весьма полезным для него, в частности с Ю. Клапротом[15]; это знакомство возобновилось в 1823 г. и Ю. Клапрот весьма много способствовал публикации трудов Г.И. Спасского за границей.

Научная деятельность Г.И. Спасского в Бийском и Кузнецком уездах. Этнографические исследования Сибири, производимые Г.И. Спасским, стали более интенсивными и целенаправленными весной 1806 г., когда он, чувствуя, что интересы, удерживающие его в Красноярском уезде, исчерпаны, обратился с личной просьбой к генерал-губернатору Сибири И.О. Селифонтову о переводе его в Бийский уезд[16]. Сохранился ответ И.О. Селифонтова, который рекомендует лучший способ для достижения желаемого: «Красноярскаго уезднаго суда 2-му заседателю Спасскому. Государь мой! К удовольствию заметив из вашего письма ко мне стремление ваше к полезному, я не оставил бы удовлетворить в прозьбе о перемещении вас в Бийск, естли бы тоже самое начато было по порядку с Губернского начальства. Для достижения желаемой цели от вас зависит его сделать. С почтением есмь, Государь мой, ваш покорный слуга Иван Селифонтов. В Тобольске марта 26 дня, 1806 года» [1. Л. 3].

Видимо, Г.И. Спасский не преминул воспользоваться советом, так как уже 18 апреля Томский губернатор пишет ему следующее: «Государь мой, Григорий Иванович. Из приложенной здесь копии письма ко мне Графа Потоцкого, увидите вы его желание собрать сведения о языках, кочующих вверх Енисея. Приятно мне было слышать отзыв Его Сиятельства об вас, но еще приятнее мне сказать вам, что поручение сие дается вам на тот конец, чтобы употребить самый сей к пользе вашей... и чтобы вернее сии сведения были Графу Потоцкому доставлены, пришлите их ко мне в Санкт-Петербург...» [Там же. Д. 343. Л. 2]. Спасскому по-прежнему поручался сбор сведений о сибирских народах, и, кажется, В.С. Хвостов, который в это время планировал отбыть в Петербург, сам был не прочь использовать материалы, добытые ученым, в своих интересах. Итак, приличный повод был найден, а «официальным прикрытием» стала должность заседателя уездного суда Бийска. Официальный перевод в Бийск состоялся 8 мая. Затем, по возвращении В.С. Хвостова в Томск, Г.И. Спасский был переведен тем же порядком 9 сентября 1807 г. на должность Кузнецкого земского исправника, а затем... произошла неприятность – в 1808 г. его покровитель и благодетель В.С. Хвостов подал в отставку, отбыл в Санкт-Петербург и там по навету нового Сибирского генерал-губернатора И.Б. Пестеля был отдан под суд, по которому смог оправдаться только через много лет и лишь при заступничестве М.М. Сперанского. Спасскому, оставшемуся без покровителя, ничего не оставалось делать, как подать прошение, согласно которому он был «от должности земского исправника вследствие учиненного в сем правительстве [1809 года] января 20 числа постановления уволен» [Там же. Д. 3. Л. 6]. В апреле 1809 г. Г.И. Спасский поступил на службу по Горному ведомству в штат Колывано-Воскресенских заводов. Открылась новая страница биографии молодого ученого.

Итоги четырех лет службы Г.И. Спасского под началом Томского губернатора впечатляют: он лично объехал многие сибирские уезды, подробно статистически и этнографически их описал, составил словари наречий народов, населяющих губернию, проведя при этом посильный ему лингвистический анализ, собрал в результате проводимых по собственной инициативе раскопок настоящий музей из сибирских древностей, накопив опыт для археологических изысканий, за время непродолжительного участия в посольстве в Китай завел некоторые полезные знакомства – одним словом, можно с уверенностью утверждать, что эти годы положили начало становлению Г.С. Спасского

как ученого-сибиреведа. Собранные им за время службы в Сибири материалы по археологии и этнографии стали впоследствии основой для многочисленных статей, опубликованных им в различных журналах, в том числе и в издаваемых им самим «Сибирском Вестнике» и «Азиатском Вестнике».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Будущий Томский гражданский губернатор Василий Семенович Хвостов находился в отставке после долгих лет служения в Сибири и затем на дипломатической службе, но после смерти второй жены, скучая, переехал в столицу, где застал большие перемены, связанные с восшествием на престол Александра I. В Санкт-Петербурге служил его брат Александр Семенович Хвостов, член Академии наук. Александр Семенович посоветовал брату Василию вновь поступить на службу к новому государю. Для этого Александр Семенович рекомендовал свести знакомство с сыном их общего давнего благодетеля А.С. Строгонова – Павлом Строгоновым, «дав… знать, что молодой Строгонов и Новосильцов суть самые ближайшие к Государю» [2. Стлб. 596]. Из уважения к старинному другу батюшки, Павел Строгонов составил протекцию к графу Кочубею, который утвердил кандидатуру В.С. Хвостова на должность Томского губернатора, при этом отринув две кандидатуры, предложенные Сибирским генерал-губернатором И.О. Селифонтовым.

[2] Г.И. Спасский пишет об Н.Я Озерецковском: «Род службы в и приобретенныя во время службы знакомства, особенно с Н.Я. Озерецковским, произвели во мне непреодолимую охоту заниматься естественными науками… Впоследствии Н.Я. Озерецковский дал мне и квартиру в своем доме, где я занимался природою, не забывая также словесности» [1. Л. 7 об.].

[3] «На Озерецковскаго и его сочлена (по Академии. – *С.П.*) Александра Семеновича Хвостова российская академия возложила составление иллиро-русскаго словаря…» [3. С. 383].

[4] Василий Васильевич Дмитриев – один из основателей Вольного общества любителей наук, словесности и художеств (ВОЛСНХ), приведший в это Общество и Г.И. Спасского; издатель журнала «Ореады» (1809 г.); впоследствии компаньон Г.И. Спасского в составлении первого номера «Сибирского Вестника» – первого в России периодического издания о Сибири.

[5] Костров Николай Алексеевич (княжеский род от татарского мурзы со времен Ивана IV); русский чиновник и деятель культуры, автор многих научных статей, посвященных истории Енисейской губернии.

[6] В фонде № 805 ГАКК хранятся письма к Г.И. Спасскому, косвенно подтверждающие его присутствие в Томске в указанное время: это *ответное* письмо знакомого Г.И. Спасского по ВОЛСНХ Н.Ф. Остолопова, отправленное к нему 12 января 1804 г. и полученное 15 февраля [1. Д. 322. Л. 1], из которого явствует, что около декабря 1803 г. Спасский был в Казани и собирался выехать в Томск. Однако место получения этого письма неизвестно. Второе письмо от 17 марта 1804 г. [Там же. Д. 293. Л. 1–1 об.], полученное Г.И.Спасским от В.В. Дмитриева, – более надежное свидетельство. В нем тоже не указано место получения, но с высокой степенью вероятности можно предполагать, что получено оно было в Томске, поскольку Дмитриев, сообщая о получении двух писем от Спасского, просит передать поклон некоему Ивану Петровичу Топоркову, томскому городничему, коллежскому асессору [6. С. 286]. А так как, судя по дальнейшей переписке, письма из Тобольска, где служил В.В. Дмитриев, в Томск к Спасскому доставлялись в двухнедельный срок, то из этого следует, что первые два письма Дмитриеву были отправлены Г.И. Спасским из Томска около февраля 1804 г.

[7] Озаглавлено «Роспись вещам представленным от гиттенфервалтера Спасского».

[8] Князь Волконский Петр Михайлович.

[9] Канкрин Егор Францевич.

[10] «О древних генуэзских надписях в Судацкой крепости», 1837 г. – в этом письме к П.М. Волконскому, доказывая необходимость копирования крымских древних надписей, Г.И. Спасский напоминает о своем давнем ходатайстве и о деятельном участии министра в подобном случае с Нерчинским камнем.

[11] «Ордер № 562, выданный 10 марта 1806 г. В. Хвостовым».

[12] Спасский ошибся годом – в Красноярске граф Головкин побывал в конце августа 1805 г.

[13] Граф Потоцкий Иван Осипович – тайный советник, почетный член Императорской академии наук, писатель-историк, этнограф, географ и археолог; автор нескольких комедий и повестей; путешественник по Европе и Азии. Приглашенный в 1805 г. в члены посольства, отправлявшегося в Китай, граф Потоцкий был поставлен во главе ученых, назначенных для исследования этого края. Посольство не было, однако, допущено в Небесную Империю и из Кяхты должно было вернуться обратно, почему граф Потоцкий должен был ограничиться в своих изысканиях лишь наблюдениями над народами, попадавшимися ему на пути до Китайской границы. Деятельность графа в 1805–1806 гг. закончилась изданием археологического атласа Европейской России, дополненного и переизданного после смерти автора в 1823 г.

[14] «Записки об ученых трудах... Григорья Спасского».

[15] Юлиус Генрих Клапрот – иностранный член Академии наук, адъюнкт азиатских языков.

[16] Возможно, побудительной причиной к тому стало письмо его знакомого В.В. Дмитриева, который совершил весной 1805 г. поездку через города Кузнецк, Бийск, Барнаул и Усть-Каменогорск в Бухтарму, приблизившись к вожделенным, но недоступным для Спасского китайским рубежам с иной стороны. Это письмо было отправлено из Тобольска 3 декабря 1805 г. и, не застав Спасского (в это время он тщетно ожидал в Иркутске пропуска в Китай), пролежало несколько месяцев в Красноярске: «Много редкостей – много любопытнейшаго. Отсюда [из Барнаула] чрез Змеевский рудник и Колывань, где также удовлетворено было в полной мере любопытство путешественника, поехал я в крепость Усть-Каменогорскую... Дорога от Барнаула до Усть-Каменогорска была обширным полем для моих замечаний и не прежде как в июле месяце мог я быть в Усть-Каменной... недолго был в сей крепости. Оставил экипаж мой, взял казачью лошадь, казака в провожатые, а под мышку портфель и пустился чрез хребет Ульбинских гор на Бухтарму... О! Бухтарма останется навсегда в моей памяти. Уже прогулка утренняя и вечерняя показали мне всю красоту величающейся здесь натуры. Но как жаль, что все пусто – не с кем было разделить радости моей. Как хотелось мне тогда быть с кем-нибудь из милых душе моей. Например с вами» [1. Д. 293. Л. 12 об., 13–13 об.].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Государственный* архив Красноярского Края (далее – ГАКК). Ф. 805. Оп. 1. Д. 1.
2. *Хвостов В.С.* Записки Василья Семеновича Хвостова // Русский архив. 1870. № 3. Стлб. 551–610.
3. *Сухомлинов М.И.* История Российской Академии. СПб., 1875. Ч. 2.
4. *Полное* собрание законов Российской империи. 1830. Т. 27.
5. *Костров Н.* Открытие Томской губернии в 1804 году // Памятная книжка Томской губернии на 1871 год. С. 220–224.
6. *Месяцеслов* с росписью чиновных особ в государстве на лето от Р.Х. 1804. СПб., 1804.
7. *Смирнов Б.* Григорий Иванович Спасский: Материалы к биографии // Сибирские огни. 1927. № 1. С. 110–122.
8. *Хвостов В.С.* О Томской губернии и о населении большой Сибирской дороги до Иркутской границы. СПб., 1809.
9. *Вигель Ф.Ф.* Записки // Русский архив. М., 1891. Т. 154.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 июля 2015 г.

SCIENTIFIC ACTIVITY OF G.I. SPASSKY IN TOMSK PROVINCE (1804–1808)

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 145–150. DOI: 10.17223/15617793/401/22

Ponomareva Svetlana A. Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: vadjima72@gmail.com

Keywords: Spassky; Siberia; Tomsk Province; Krasnoyarsk Krai; ethnography; archaeology.

The article narrates about the early period of scientific activity of the famous Russian researcher of Siberia, Grigory Ivanovich Spassky. In the 19th century, G.I. Spassky was known as an archaeologist and ethnographer and later as a numismatist; as a tireless explorer of Siberia in "its ancient and modern state", and of "countries bordering thereof". At present, Spassky is better known as the editor and publisher of the periodical *Sibirskiy vestnik* [Siberian Bulletin], first in the Russian Empire devoted to the study of Siberia (from 1825 *Aziatskiy Vestnik* [Asian Bulletin]). This research reveals little-known facts of the scientific biography of G.I. Spassky during his service in Krasnoyarsk, Biysk, Kuznetsk and other districts of Tomsk Province newly formed in 1804 (in particular in the Narym District). This article lists the main directions of scientific activities of the young scientist: his first works in archeology and ethnography. Moreover, it mentions about the participation of Grigory Spassky in the Embassy of Count Yu.A. Golovkin in China in 1805 and describes the kind of information G.I. Spassky provided for I.O. Pototsky, the chief of the Scientific Part of this Embassy. The active participation of the first civil Governor of Tomsk in the study of the managed territory is emphasized. His patronizing attitude to G.I. Spassky is described. One should note here that the common interest of the service with the hobbies of the young and capable official led to excellent results: Spassky's service under the authority of Tomsk Governor V.S. Khvostov in 1804–1808 brought not only the practical use and allowed accumulating knowledge about the regions of Tomsk Province, but also became the basis for the formation of G.I. Spassky as a scientist. The proposed article is based on the materials from the previously published sources (memoirs of G.I. Spassky's contemporaries, official documents, etc.) and from previously unknown archival documents. A special feature of the article is that it gives a brief description of some documents from the Private Fund of Spassky (No. 805) stored in the State Archive of Krasnoyarsk Krai. The materials of this Fund are the largest in Russia collection of documents that relate to the service and research activity of G.I. Spassky. Until present, the materials of this Fund have not been thoroughly systematized and described, and this article to some extent compensates for this shortcoming in relation to the referenced documents.

REFERENCES

1. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund 805. List 1. File 1. (In Russian).
2. Khvostov, V.S. (1870) Zapiski Vasil'ya Semenovicha Khvostova [Notes of Vasily Semenovich Khvostov]. *Russkiy arkhiv*. 3. Columns 551–610.
3. Sukhomlinov, M.I. (1875) *Istoriya Rossiyskoy Akademii* [History of the Russian Academy]. Pt. 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
4. Russian Empire. (1830) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. V. 27. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
5. Kostrov, N. (1871) Otkrytie Tomskoy gubernii v 1804 godu [Establishment of Tomsk Province in 1804]. In: *Pamyatnaya knizhka Tomskoy gubernii na 1871 god* [The memorial book of Tomsk Province in 1871]. Tomsk: V Gubernskoy tipografii.
6. Anon. (1804) *Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve na leto ot R.Kh. 1804* [A calendar with bureaucratic persons in the state in the summer of 1804 AD]. St. Petersburg.
7. Smirnov, B. (1927) Grigoriy Ivanovich Spasskiy: Materialy k biografii [Grigory Spassky: Materials for the biography]. *Sibirskie ogni*. 1. pp. 110–122.
8. Khvostov, V.S. (1809) *O Tomskoy gubernii i o naselenii bol'shoy Sibirskoy dorogi do Irkutskoy granitsy* [About Tomsk Province and the population of a large Siberian road to the Irkutsk border]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
9. Vigel', F.F. (1891) Zapiski [Notes]. *Russkiy arkhiv*. 154.

Received: 16 July 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 151–159. DOI: 10.17223/15617793/401/23

УДК 327(73):(510)«1942-1943»

Д.В. Рагозин

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ПО ПРОБЛЕМЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ БИРМЫ ОТ ЯПОНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ (1942–1943 гг.)

Рассматривается ситуация 1942 г., когда захват Бирмы японцами прервал наземное сообщение союзников с Китаем, поставив его на грань экономического коллапса и сделав освобождение Бирмы одной из важных задач китайской политики США в годы войны. Цель работы – изучение политических проблем, связанных с восстановлением наземного пути в Китай. Актуальность определяется ролью американо-китайского сотрудничества в послевоенном переустройстве Азии. Методологическая база – принцип историзма. Выявлено наличие острых разногласий между США, Китаем и Великобританией, чьи интересы задевал вопрос об освобождении Бирмы.

Ключевые слова: американская военная помощь; бирманский фронт; внешнеполитические разногласия; наземные коммуникации; союзная военная стратегия.

К началу войны на Тихом океане Япония оккупировала почти всё китайское морское побережье с крупнейшими портами – Шанхаем, Тяньцзинем, Гуанчжоу (Кантоном), в результате чего Китай, в одиночку сопротивлявшийся японской агрессии с 1937 г., оказался практически полностью отрезан от внешнего мира, связь с которым могла отныне осуществляться только через территорию Бирмы. Единственная сухопутная артерия, связывавшая Китай с внешним миром, протянулась от бирманской столицы и крупного морского порта Рангуна до китайской границы. Именно через рангунский порт до начала 1942 г. доставлялась большая часть американских военных поставок для Китая [1. С. 399; 2. С. 240].

В середине декабря 1941 г. враг создал у границ Бирмы угрожающее положение. Её захват позволял японцам прервать сухопутное сообщение Китая с союзниками, в результате чего его роль как основной базы для контрудара по японским позициям в Восточной Азии, предусмотренная союзной стратегией войны на Тихом океане, могла оказаться под вопросом. Руководство Великобритании, чьей колонией являлась Бирма, рассматривало её территорию как естественный барьер, прикрывавший подступы к крупнейшему британскому владению в регионе – Индии, не имевший самостоятельного стратегического значения. Поэтому вплоть до начала войны Лондон уделял обороне Бирмы мало внимания, считая залогом её безопасности почти полное отсутствие наземных коммуникаций в широтном направлении. Пересекавшие Бирму с севера на юг покрытые джунглями горные хребты считались непроходимыми для сухопутных войск, в силу чего вторжения японских войск англичане не ожидали. Однако в декабре 1941 г. японцы уже стояли у восточных рубежей Бирмы; с этого времени начались и регулярные налёты японских ВВС на её территорию. Тем не менее план обороны Бирмы ещё был в стадии разработки, а командующий английскими войсками в Индии фельдмаршал А. Уэйвелл, посетивший Бирму в ноябре 1941 г., пришёл к выводу, что её оборона существует лишь на бумаге [3. P. 755; 4. P. 54; 5. P. 10; 6. С. 381; 7. С. 133, 135].

Более других союзных держав в защите Бирмы был заинтересован Китай. Поэтому, когда известие об угрозе японского удара на бирманском направлении достигло военной столицы Китая – Чунцина, глава китайского правительства Чан Кайши выразил тревогу по поводу того, что Бирма может быть потеряна, подвергнув резкой критике неэффективность и запоздалость мероприятий английского командования по её обороне. Он заявил о готовности отправить корпус численностью 80 тыс. солдат и офицеров для обеспечения безопасности Бирмы. Китай был готов взять на себя снабжение этих войск [3. P. 755; 4. P. 52].

Проблема обороны Бирмы затрагивалась на конференции, проходившей 23–24 декабря 1941 г. в Чунцине, в которой участвовали представители США, Англии, Австралии и Китая. Британское командование представлял А. Уэйвелл, австралийское – Ф. Иглстон, американское – глава военной миссии США в Китае Д. Магрудер и генерал Брест, направленный в Китай для изучения возможностей создания баз тяжёлой бомбардировочной авиации. В ходе конференции Чан Кайши повторил предложение направить в Бирму китайские войска [8. P. 52, 54–57; 9. P. 8–9].

Англичан настораживали имперские амбиции руководства Китая. Так, на китайских географических картах значительная часть Бирмы обозначалась как территория Поднебесной, а некоторые представители китайских правящих кругов открыто высказывались за превращение Бирмы в колонию Китая. Поэтому Уэйвелл решительно отверг предложение Чан Кайши направить туда крупный китайский воинский контингент. Он согласился допустить в Бирму только одну китайскую дивизию при условии её снабжения за счёт Китая и дополнительно один полк, который должен был находиться в резерве, поскольку Лондон опасался китайских претензий на территорию Бирмы и подрыва авторитета Великобритании в регионе в результате китайского военного присутствия. Уэйвелл предпочитал оборону британских владений имперскими войсками, рассчитывая на их прибытие в случае японского вторжения. «Мы, англичане, – заявил Уэйвелл, – считаем ниже своего достоинства использовать китайские войска в целях освобождения для нас Бирмы» [4. P. 31–32; 6. С. 183–184; 10. P. 44–45; 11. P. 266; 12. P. 468; 13. P. 420; 14. P. 310; 15. P. 206–207].

Отказ Уэйвелла вызвал взрыв негодования в Чунцине и беспокойство президента США Ф. Рузвельта, который считал, что подобный курс по отношению к Китаю на фоне тяжелого положения союзников может привести к подрыву воли китайского народа к

сопротивлению. Почву для опасений давало падение авторитета западных союзников среди китайцев после поражений, которые Япония нанесла США и Великобритании за сравнительно небольшой промежуток времени [16. P. 35–36].

Из-за вскрывшихся разногласий участники конференции сумели достичь лишь весьма скромных результатов. Они признали важность защиты Бирмы для оказания помощи Китаю и организации совместных действий против японцев. Была отмечена важность продолжения поставок в Китай. Союзники договорились организовать наступление совместными силами, как только это станет возможным, не называя, однако, конкретных сроков его начала [3. P. 752, 768–769; 8. P. 57].

К началу 1942 г. перед союзными державами стояла задача организации тесного международного сотрудничества для разработки общей стратегии войны с Японией. Этой проблеме была посвящена конференция лидеров США и Великобритании, проходившая в Вашингтоне 22 декабря 1941 г. – 14 января 1942 г. Проблемы войны на Дальнем Востоке занимали важное место в её работе. Участники конференции единодушно оценили положение на фронте как «весьма мрачное». Выяснилось, что ни США, ни Англия не были готовы к активизации военных действий в Азии. Целям США не соответствовала отправка крупных подразделений их сухопутных войск в район Китай–Бирма–Индия. В дальневосточной войне Вашингтон делал ставку на использование местной, прежде всего китайской, живой силы, которая будет обучена при помощи США и получит американское вооружение. Рузвельт сравнивал положение Америки по отношению к войне с Японией с положением «резервного игрока», который вступит в игру в наиболее выгодный для себя момент. Вначале роль «основных игроков» отводилась Англии и Китаю. «Ещё до того как форварды выдохнутся, – говорил президент, – мы вступим в игру, чтобы забить решающий гол, придя со свежими силами» [17. С. 69]. Великобритания также уклонялась от активного участия в антияпонской войне, стремясь переложить её основное бремя на американцев [4. P. 348; 18. С. 256, 290–292].

В январе 1942 г. руководство США приняло решение назначить представителя командования американской армии начальником объединённого американо-китайского штаба при Чан Кайши и главным военным советником при правительстве Китая. Выбор пал на генерала Дж. Стилуэлла, имевшего богатый опыт службы на Дальнем Востоке. Начальник штаба американской армии Дж. Маршалл обратил внимание Стилуэлла на то, что одной из его главных задач на новом посту будет контроль над жизненно важными для Китая коммуникациями, проходящими через Бирму. Штаб Вооружённых сил США считал её защиту необходимой в интересах продолжения оказания помощи Китаю. «Бирма исключительно важна в качестве базы военно-воздушных сил и как единственный путь в Китай, если мы сочтём целесообразным продолжать оборону и отступить полностью или частично с линии Бирма–Малайя–Филиппины», – отмечалось в докладе генерала Магрудера от 5 января 1942 г. [3. P. 769–771; 4. P. 26; 19. С. 93].

Среди инструкций, данных Стилуэллу министром обороны США Г. Стимсоном, значился контроль над выполнением мер, принимаемых правительством Соединённых Штатов для обороны и улучшения состояния бирманской дороги. Генерала проинформировали, что ему будет вверено командование китайскими войсками в Бирме, и спасение этой страны для союзников станет одной из его важнейших задач. Стилуэлл также получил приказ уладить споры между Великобританией и Китаем в вопросе обороны Бирмы, играя роль посредника между английским командованием и Чунцином. Находившиеся в Китае, Бирме и Индии американские войска были сведены в китайско-бирманско-индийский фронт, который Стилуэллу было поручено возглавить [4. P. 26; 8. P. 70–71, 73–74].

В то время как в Вашингтоне решался вопрос о назначении командующего американскими войсками на китайском фронте, японцы добились в Бирме угрожающих успехов. Их цель заключалась в захвате всей бирманской территории, чтобы перерезать коммуникации между Китаем и Индией, защитить свой малайско-индокитайский фланг, лишить союзников возможной базы для контрнаступления в Юго-Восточной Азии. В Вашингтоне возникли опасения, что захват Бирмы противником приведёт к прекращению сухопутного сообщения с Китаем, усилит позиции капитулянтских элементов в китайской правящей партии гоминдан и спровоцирует выход Китая из войны [3. P. 755; 19. С. 46].

1 января 1942 г. правительство Чан Кайши обратилось к США с просьбой оказать содействие в строительстве новой дороги из Индии через Северную Бирму в Китай в счёт помощи по ленд-лизу, так как угроза потери коммуникаций на юге Бирмы становилась всё ощутимее. Советник Рузвельта Л. Кэрри рекомендовал пойти навстречу Чунцину в данном вопросе в целях усиления проамериканских тенденций в политике китайского руководства, а также во избежание «потери лица» союзниками в случае падения Рангуна. В итоге Америка согласилась оказать помощь поставками необходимых для сооружения дороги материалов. По оценкам экспертов, её строительство должно было занять два с половиной года. Чтобы поддерживать регулярную связь с Западом, пока сооружение наземной дороги не будет завершено, министр иностранных дел Китая Сун Цзывэнь предложил американцам проложить из Индии в Китай авиалинию и выделить для её эксплуатации 100 военно-транспортных самолетов, которые могли бы перевозить 12 тыс. т грузов ежемесячно. В памятной записке Г. Гопкинса на имя Рузвельта от 14 марта 1942 г. по поводу данного предложения говорилось: «Мы должны ввести в действие авиалинию, ведущую в Китай. Полагаю, что военное ведомство следует неустанно подталкивать в данном направлении» [20. С. 117]. Рузвельт одобрил и это предложение, заверив Чан Кайши, что снабжение Китая может осуществляться по воздуху. Авиалиния должна была протянуться на 700 миль над южными Гималаями. Этот район отличался трудными природными условиями, вследствие чего один самолёт мог выполнять не более двух рей-

сов ежемесячно. Ответственность за организацию авиалинии была также возложена на Стилуэлла. В соответствии с приказом президента путь должен был функционировать, даже если бы удалось удержать наземные коммуникации. Генерал пришёл к выводу, что «все заинтересованные лица признают важность Бирмы; нам необходимо запустить авиалинию и построить дороги» [4. P. 38; 8. P. 76–77, 93; 21. P. 27].

Положение англичан на бирманском фронте становилось всё более сложным. 16 января 1942 г. японцы начали общее наступление в Бирме силами двух дивизий. Их цель заключалась в том, чтобы перерезать пути снабжения Китая, а также подорвать позиции Лондона в Индии. Им противостояли одна бирманская и одна англо-индийская дивизии. Великобритания, сосредоточившая основные силы на фронтах Европы, оказалась неспособной эффективно оборонять свои владения на Дальнем Востоке. В первых же боях вскрылась неподготовленность англичан к войне в джунглях: «Количество и уровень подготовки войск, их техническое оснащение, разведка, размеры и организация управления, административная система и оборонительные планы не соответствуют требованиям момента», – отмечал Уэйвелл. Это давало противнику возможность одерживать одну победу за другой. 22–23 февраля японцы добились крупного успеха, разгромив две бригады из состава 17-й дивизии англичан. Была создана угроза для Рангуна. Расчёты Уэйвелла на прибытие подкрепления из Англии не оправдались, так как те войска, на которые он рассчитывал, были направлены в Малайю. Единственная надежда на спасение теперь была связана с допуском в Бирму китайских войск. Вопрос об этом был поставлен Рузвельтом перед британским руководством. В результате Лондон столкнулся с необходимостью просить помощи у Китая. С этой целью Уэйвелл в конце января посетил Чунцин. В ходе напряжённых переговоров было достигнуто соглашение об отправке на бирманский фронт двух китайских армий в составе семи дивизий. Однако из-за расхождений в стратегических целях и взаимного недоверия стороны не смогли выработать совместный план обороны [6. С. 381–382; 22. С. 96; 23. P. 43, 59].

5 марта с группой из сорока штабных офицеров в Чунцин прибыл Стилуэлл. Важное место в ходе его переговоров с руководством Китая заняли проблемы совместной с Великобританией обороны Бирмы. Генералу было поручено командование 5-й и 6-й китайскими армиями, которым предстояло участвовать в бирманской кампании. Общая численность англо-индийских и китайских войск на бирманском фронте составляла 81 тыс. солдат и офицеров, японских – 60–75 тыс. Совместный англо-китайский план обороны Бирмы по-прежнему отсутствовал. Получив от Чан Кайши приказ выдвигаться с вверенными ему силами в южном направлении, Стилуэлл 11 марта отбыл на бирманский фронт [4. P. 49]. Поскольку Бирма находилась в британской зоне стратегической ответственности, действовавшие на её территории китайские войска были переданы в оперативное подчинение англо-индийскому командованию. Чан Кайши сохранил лишь право административного контроля над своими войсками. Американскому генералу предстояло стать основным каналом связи между Чан Кайши и Уэйвеллом [8. P. 74].

Приступив к исполнению своих обязанностей, Стилуэлл разработал собственный план обороны Бирмы, предусматривавший совместную контратаку китайцев и англичан с целью отбить у японцев захваченный ими Рангун, пока японские войска не успели закрепиться в Южной Бирме и сконцентрировать там значительные силы. В случае неудачи предполагалось продолжить отступление в центральные районы страны. План был составлен при почти полном отсутствии сведений о силах и намерениях противника, так как, по мнению генерала, разведка англичан бездействовала. Успех целиком зависел от взаимодействия между войсками союзников, организация которого оказалась задачей не из лёгких [5. P. 33, 200; 19. С. 52].

Чан Кайши пожалел о том, что направил в Бирму китайский контингент, так как после падения Рангуна Чунцин стал терять интерес к кампании в Бирме. Под влиянием предыдущих поражений Чан Кайши утратил веру в возможности своих войск и настаивал на сугубо оборонительном подходе к боевым действиям. Отныне он видел свою задачу в том, чтобы предотвратить разгром 5-й и 6-й армий, которые считал одними из лучших в Вооружённых силах Китая.

Несмотря на своё вопиющее, с точки зрения Стилуэлла, невежество в вопросах командования войсками, Чан Кайши постоянно вмешивался в руководство военными действиями, имея лишь самое общее представление о положении на фронте. Любой отданный генералом приказ совершал длительное путешествие в Чунцин, после чего если и выполнялся, то с опозданием. Стилуэлл постоянно имел дело с потоком писем от китайского лидера, с помощью которых последний старался контролировать действия своих войск. Генералу мешала эта опека, и он стал игнорировать подобное вмешательство. Тогда Чан Кайши нашёл другой способ контролировать Стилуэлла: находясь за 1 600 миль от района боёв, он стал втайне от генерала отдавать приказы командующим 5-й и 6-й армиями непосредственно, причём его указания часто были противоположны требованиям Стилуэлла. В результате полномочия последнего приняли номинальный характер, так как его приказы фактически саботировались. Часто китайские части оставляли свои позиции, даже не ставя генерала в известность. Поэтому сконцентрировать китайские войска там, где это было необходимо, не удавалось. Офицеры находившейся в Бирме 38-й дивизии после войны утверждали, что получили из Чунцина указания считать Стилуэлла не более чем военным советником, вследствие чего его приказы воспринимались лишь как рекомендации и даже вмешательство в командование войсками. Чан Кайши не снабдил генерала печатью, которой, в соответствии с существовавшим в Вооружённых силах Китая порядком, скреплялись отдаваемые в письменной форме приказания, и которая подтверждала, что он действительно являлся командующим китайским корпусом в Бирме. Таким образом, полномочия Сти-

луэлла рассматривались как формальность, удобная тем, что давала шанс переложить ответственность за поражение на иностранца. В частности, командующий 5-й армией генерал Ту Юмин заявил главе британской гражданской администрации в Бирме Р. Дорман-Смиту, что «Стилуэлл только думает, что командует; на самом деле ничего подобного не происходит. Мы считаем, что единственный способ удержать американцев в войне – это предоставить им на бумаге несколько командных постов. При этом мешать нам они не будут» [4. P. 53–56, 64, 70–79; 7. С. 166–167; 19. С. 39, 46; 24. P. 4–5].

Стилуэллу приходилось сталкиваться с многочисленными проблемами не только военного, но и политического характера. Например, из-за недоверия к англичанам Чан Кайши запретил передвижение китайских частей в Бирме более чем на 100 миль в любом направлении без одобрения из Чунцина. Это сужало возможности оказания помощи ослабленным и деморализованным английским войскам. Китайский лидер даже предложил Рузвельту вывести подчинённые Стилуэллу армии из-под оперативного контроля британского командования. По инициативе президента США было принято компромиссное решение, предусматривавшее разделение полномочий между Стилуэллом на севере Бирмы и английским командующим Г. Александером – на юге. В результате взаимодействие между китайскими и английскими частями было организовано плохо [4. P. 50, 54; 11. P. 405, 417–418; 24. P. 6–7; 25. P. 56].

В начале апреля по требованию Чан Кайши Стилуэлл совершил поездку в Чунцин для доклада о положении на бирманском фронте. Чан встретил генерала заявлением о возможности его смещения с поста командующего войсками Китая в Бирме из-за сложившейся там неудовлетворительной ситуации. В ответ Стилуэлл доложил о происходившем на фронте, о неповиновении его приказам офицеров-китайцев. Казалось, его доклад произвёл впечатление на Чан Кайши, который выразил решимость немедленно принять меры для исправления ситуации. С этой целью Чан совместно со Стилуэллом 5 апреля прибыл в Лашио (Бирма), где располагалось командование китайским корпусом. В присутствии командного состава 5-й и 6-й армий он объявил, что американский генерал является полноправным командующим, и все его приказы следует беспрекословно выполнять [4. P. 81; 5. P. 69].

Поверив обещаниям Чана, Стилуэлл снова предпринял попытку организовать контрнаступление, но, как и все предыдущие, она оказалась безуспешной. Его приказы по-прежнему не выполнялись, а количество писем от Чан Кайши не стало меньше. Стилуэлл пришёл к выводу, что заверения, сделанные Чаном в Лашио, были обманом. Из-за несогласованности действий союзников сложилось положение, при котором английское командование стремилось к отступлению, Стилуэлл – к контратаке в направлении Рангуна, а китайцы – к организации обороны. Отсутствие единого плана операций и невыполнение приказов китайцами привели к почти полной дезорганизации управления войсками и тылом. В то же время японские части, хорошо подготовленные к наступлению и использовавшие наиболее эффективную в бирманских условиях тактику, действовали довольно успешно. В конце апреля после мощного удара японцев в северном направлении всякие надежды на удачный для союзников исход кампании были похоронены. 25 апреля на совещании с участием Александера, Стилуэлла и его заместителя Ло Чжоина, командующих 5-й и 6-й армиями генералов Ту Юмина и Кан Личжу было принято решение об общем отступлении [26. P. 58; 27. P. 91]. Имея возможность эвакуироваться из Бирмы самолётом, Стилуэлл отказался от неё, так как считал, что не имеет права бросить вверенные ему войска на произвол судьбы. Генерал предпочёл совершить пеший переход до территории Индии во главе небольшого отряда, состоявшего преимущественно из персонала его штаба. Путь длиной в 140 миль лежал по труднопроходимой, покрытой джунглями гористой местности. Стилуэллу удалось вывести следовавший за ним отряд без потерь и 20 мая достичь Имфала. На пресс-конференции в Дели 25 мая генерал признал, что войскам союзников в Бирме был нанесён «дьявольский удар», и выразил решимость бороться за её освобождение, поскольку Бирма «может и должна быть отвоёвана» [4. P. 97, 106; 19. С. 69].

Поражение союзников на бирманском фронте весной 1942 г. явилось результатом комплекса причин военного и политического характера. Среди первых можно назвать подавляющее техническое превосходство противника, плохие коммуникации, недостаточную подготовку личного состава, беспорядок в организации командования, пораженческий настрой английских и китайских военных, среди вторых – проблемы в межсоюзнических отношениях, взаимное недоверие китайцев и англичан, которое не позволило им выработать согласованный план действий. Согласно информации, полученной в мае 1942 г. сотрудником в ближневосточного отдела госдепартамента США К. Оксом от офицеров американской разведки полковников Харрингтона и Джонсона, ещё задолго до начала японского наступления в Бирме Лондон счёл захват и оккупацию этой страны врагом менее опасной для своих интересов, чем организацию взаимодействия с США и Китаем для её обороны или предоставление ей самостоятельности, ожидая, что в случае победы союзников во Второй мировой войне Бирма в любом случае будет возвращена Британии. Таким образом, сложившаяся на Дальнем Востоке обстановка настоятельно требовала преодоления политических разногласий, что стало в последующем одной из главных задач администрации Рузвельта в отношении данного региона [16. P. 57; 28. С. 161].

Захват противником Бирмы замкнул кольцо блокады вокруг Китая, сделав превращение китайского фронта в основной участок военного противоборства с Японией невозможным, так как переброска американского вооружения и боевой техники для китайских войск оказалась крайне затруднена. В докладе Дж. Маршалла союзному Объединённому комитету начальников штабов (ОКНШ) от 8 сентября 1943 г.

отмечалось, что «транспортировка персонала, снаряжения, топлива и других поставок через горы в Китай сделала проблему тылового обеспечения беспрецедентно трудной». Организация крупных наступательных операций против японцев с территории Китая попала в зависимость от решения вопроса о восстановлении сухопутного сообщения с Китаем. В правящих кругах США возникли опасения, что почти полная изоляция от внешнего мира подорвёт волю китайцев к сопротивлению. В Вашингтоне не вызывала сомнений необходимость оказания Чунцину военно-экономической помощи, поскольку считалось, что без поддержки извне Китай не выдержит японского натиска. Среди членов администрации Рузвельта распространилась точка зрения, в соответствии с которой прекращение прямой связи с Китаем ослабит влияние на него Америки и приведёт к победе прояпонских элементов в китайском руководстве.

Перед США встала проблема поиска путей для связи с Китаем. Было очевидно, что проложенная весной 1942 г. авиалиния над Гималаями, регулярные полёты по которой начались в мае, не сможет полностью удовлетворить потребности китайцев. Обслуживавшее её американское авиатранспортное соединение испытывало острую нехватку самолетов, двигателей, запчастей, навигационного оборудования, горючего. На индийском конце этого пути было задействовано всего шесть аэродромов, постоянно испытывавших перегрузку. Объём американских поставок сократился с 15 тыс. т в ноябре 1941 г. до 4 770 т за весь 1942 г. Вместо запрошенных Китаем 100 транспортных самолётов для обслуживания авиалинии, получившей среди американских военных прозвище «Горб», из-за того что она проходила над высокогорной местностью, было получено лишь 35. Увеличение их количества в первой половине 1942 г. не представлялось возможным, поскольку потребности в военно-транспортных самолетах были велики и на других фронтах. В результате «Горб» позволял снабжать не более одной бронетанковой дивизии в боевых условиях. «Огромные усилия и мужество, которых требовал этот путь, – писал Р. Шервуд, – были несоизмеримы с теми результатами, какие он мог принести» [20. С. 110]. По данным конгрессмена от штата Техас Поджа, Америка предоставляла Китаю меньше необходимых ему товаров, чем он получал от Японии и оккупированных ею районов благодаря контрабанде. Министр ВМС США Ф. Нокс указывал, что в Китай направлялось не более 2% от общего количества американской помощи по ленд-лизу. Он считал, что для изменения положения к лучшему необходимо отвоевать Бирму либо разгромить японский флот. В итоге временный характер такой меры, как «Горб», не вызывал сомнений [21. P. 27; 29. P. 4688, 4690; 30. P. 252; 31. P. 38].

Первая после возвращения из Бирмы встреча Стилуэллла с Чан Кайши состоялась 4 июня 1942 г. Генерал подробно рассказал о причинах разгрома союзников, указав имена тех, кто, по его мнению, нёс ответственность за это. Чан высказал ряд критических замечаний в адрес союзников за недостаточную помощь Китаю, положение которого в связи с оккупацией Бирмы врагом значительно ухудшилось. Стилуэлл изложил свой план выхода из сложившегося положения [4. P. 113].

Он предупредил Чан Кайши, что воздушное сообщение с Китаем может быть прервано в любое время, и решить проблему можно только с помощью прокладки наземной дороги. Проведённые в 1942 г. исследования выявили невозможность обеспечения коммуникаций с Китаем через Иран, Афганистан и Тибет, а СССР не давал согласия на снабжение правительства Чан Кайши через свою территорию из-за опасений реакции со стороны Японии. Поэтому единственным выходом могла стать прокладка наземного пути через Бирму. Важность Бирмы обусловливалась также и тем, что она занимала главенствующее место в обороне юго-западной части японской сферы сопроцветания. На огромное значение открытия бирманской дороги указывал Дж. Маршалл. В соответствии с инструкциями министерства обороны, Стилуэлл рассматривал восстановление пути, соединяющего Китай с внешним миром, как одну из своих важнейших задач. То, что Бирма оказалась на центральном участке фронта, усиливало её стратегическую значимость. В результате она стала одним из главных районов планировавшегося союзниками контрнаступления в Азии. Осознавая важность бирманской территории как сухопутного моста между Китаем и Западом, правительство Чан Кайши старалось переложить основное бремя её освобождения на США и Великобританию. Отправка китайских войск в Бирму ставилась в зависимость от готовности Вашингтона пойти навстречу китайским требованиям об увеличении военно-экономической помощи [4. P. 106; 28. С. 307; 32. P. 393; 33. С. 107].

В разгар боёв на бирманском фронте, когда поражение китайцев и англичан стало неминуемым, Стилуэлл разработал план наступления с целью освобождения Бирмы. В качестве конечной цели предусматривался захват Рангуна. Предполагалось нанести три одновременных удара: основной с территории Индии и два вспомогательных – из Китая и с той части бирманской территории, которая оставалась под контролем союзников. От китайцев требовалось выделение 15–20 хорошо подготовленных и вооружённых дивизий. План получил одобрение Рузвельта. В документах оперативного отдела штаба американской армии отмечалось, что поскольку Бирма находится в британской зоне стратегической ответственности, операции на её территории должны проводиться преимущественно силами англичан при содействии со стороны Китая. Поэтому участие США ограничилось отправкой на бирманский фронт подразделений ВВС и поставками по ленд-лизу из предназначавшейся Китаю квоты. Условием согласия на участие китайских войск в освобождении Бирмы Чан Кайши объявил захват Андаманских островов силами британского флота в целях овладения коммуникациями вблизи бирманского побережья, высадки союзного десанта в тылу противника и предотвращения переброски подкрепления японским войскам в Бирме [8. P. 135–136, 151; 20. С. 117].

В сентябре 1942 г. ОКНШ установил точную дату начала операции по освобождению Бирмы – 15 февраля 1943 г., которая позднее была перенесена на 15 марта из-за промедления с подготовкой. Операция должна была проводиться на основе плана, предложенного Стилуэллом и получившего наименование «Анаким». Общее руководство наступлением предстояло осуществлять командованию английских войск в Индии. Командование китайскими войсками поручалось Стилуэллу. Под давлением США план был одобрен Китаем и Великобританией, но даже после этого британское руководство не изменило своего негативного отношения к операциям на бирманском фронте с участием китайских войск, указывая, что необходимые для их проведения средства могли найти лучшее применение в Европе. Черчилль считал наступление в Бирме неосуществимым в том виде, в котором оно было запланировано. «Идти в болотистые джунгли для того, чтобы сразиться с японцами, – отмечал он, – это всё равно, что опуститься в воду, чтобы сразиться с акулой. Гораздо лучше заманить её в ловушку или поймать на крючок, а затем вытащить на сушу и добить топорами» [6. С. 643]. В американском руководстве и среди высших чинов армии также не было единого мнения по поводу готовившейся операции. К её противникам относились Г. Гопкинс, командующий ВВС США генерал Арнольд, представитель США в англо-индийском командовании А. Ведемейер. Их точка зрения заключалась в том, что огромные усилия ради открытия дороги через горы, которая «сможет обеспечить лишь тонкую струйку военных поставок осаждённым китайским армиям», были нецелесообразны. Выход они видели в усилении транспортной авиации и увеличении поддержки американских ВВС на китайском фронте, находившихся под командованием К. Ченнолта. Однако верх взяла точка зрения тех, кто считал освобождение Бирмы необходимым для повышения эффективности действий китайских войск, и ОКНШ дал Стилуэллу указание форсировать подготовку к наступлению [6. С. 504, 643; 20. С. 337; 34. С. 432].

Генералу приходилось прибегать к уловкам, чтобы добиться от китайцев и англичан своевременного проведения мероприятий по подготовке операций в Бирме. Он был вынужден неоднократно пользоваться приёмом, который называл методом «дёрганья за рукав». Со свойственным ему сарказмом, Стилуэлл дал этому следующее описание: «Я лечу в Чунцин и дёргаю за рукав ГСМО (Чан Кайши, носившего звание генералиссимуса. – *Д.Р.*). Говорю, что необходимо выдвинуть войска к Салуину (река в Бирме. – *Д.Р.*), так как англичане намерены вступить в Бирму с юга, и китайцы потеряют лицо, если те всё сделают в одиночку. Затем я лечу в Индию, дёргаю за рукав Арчи (Арчибальда Уэйвелла. – *Д.Р.*) и говорю, что ГСМО собирается выдвигать войска к Салуину, и для вас (англичан. – *Д.Р.*) будет лучше, если вы примете в этом участие. У вас появится много проблем, связанных с восстановлением авторитета белого человека, если у китайцев хватит духа драться, а у вас – нет» [4. P. 276]. Стилуэлл постоянно делал заявления для прессы, в которых доказывал необходимость осуществления плана «Анаким», создавая себе образ единственного союзного командующего, стремящегося к активным действиям на Дальнем Востоке. Часто он говорил с репортёрами как простой солдат, неискушённый в политике и стремящийся бить японцев, давая таким образом понять, что у него связаны руки, чем сильно досаждал британскому руководству [19. С. 105].

Осенью Чан Кайши заявил о своём согласии на участие китайских войск в наступлении на бирманском фронте. Он сообщил Стилуэллу, что китайцы будут готовы к установленному сроку и начнут действовать, как только в Бенгальском заливе появится английский флот. Если этого сделано не будет, то, по словам Чана, китайцы не шевельнут и пальцем. Таким образом, руководство Китая постаралось обставить согласие на участие в бирманской кампании условиями, невыполнение которых могло свести на нет все данные им обещания относительно участия в освобождении Бирмы. Подобную тактику Чунцина метко охарактеризовал служивший в штабе Стилуэлла майор Слиней: «С китайской точки зрения любое обещание зависит от продолжения существующих благоприятных условий. Любое их изменение уничтожает соглашение, и приходится всё начинать сначала». Разумеется, в Чунцине знали о негативном отношении англичан к планам наступления в Бирме, на фоне чего одобрение Чан Кайши плана «Анаким» выглядит как искусный маневр [19. С. 99; 35. P. 112–113].

Британские планы участия в операциях на бирманском фронте предусматривали организацию наступления ограниченного масштаба в районе реки Чиндуин и горного хребта Аракан. В качестве конечной цели намечалось овладение городом Акьяб на побережье Бенгальского залива. Этот город занимал важное положение и мог служить опорным пунктом для контрнаступления в Центральной Бирме. Японское командование рассматривало его как наиболее удобный плацдарм для наступления в Индии, позволявший задействовать наземные и морские коммуникации. Уэйвелл согласился выделить для планировавшегося удара семь английских дивизий. Замысел англичан имел политическую подоплёку: Черчилль стремился показать, что Лондон не уклоняется от активных действий на Дальнем Востоке [4. P. 170–171; 28. С. 307].

3 ноября Чан Кайши сообщил Стилуэллу о намерении сосредоточить в Юннани на границе с Бирмой 15 дивизий для использования их в наступлении на бирманском фронте. Чан назначил генерала командующим китайским корпусом с весьма широкими полномочиями. И хотя лидер Китая продолжал настаивать на необходимости участия английского флота в освобождении Бирмы, Стилуэлл расценил принятое Чаном решение как «огромный шаг вперёд» [4. P. 166–167, 172–173].

Однако осенью 1942 г. возможность организации наступления с целью овладения всей территорией Бирмы в течение 1943 г. оказалась под вопросом из-за позиции британского командования. Полковник Робертс из Министерства обороны США прокомменти-

ровал это в докладе на имя генерала Ведемейера следующим образом: «Теперь должно быть достаточно очевидно нежелание англичан пускать китайские войска в Бирму. Несомненно, это политический вопрос. Не следует ожидать, что англичане позволят китайцам действовать в Бирме или сами проявят решительность в своих действиях, если только они вообще начнут какие-либо действия в этом районе» [34. С. 432–433]. Таким образом, выполнение выдвинутых Чан Кайши условий участия китайских войск в освобождении Бирмы становилось всё менее вероятным.

Последовавшие события подтвердили этот прогноз. В октябре 1942 г. Уэйвелл заявил, что для боёв за Акьяб выделялись только три дивизии вместо семи, обещанных ранее. В качестве причины указывались трудности материально-технического обеспечения операции. В декабре командующий английским Восточным флотом адмирал Дж. Соммервил указал на невозможность достичь превосходства над японскими ВМС в Бенгальском заливе имевшимися в его распоряжении силами. В связи с этим Чан Кайши обратил внимание Рузвельта на невыполнение англичанами их обещаний по поддержке наступления в Бирме действиями флота. «Китайские войска не начнут наступление, если Лондон не выполнит своих обязательств», – заявил Чан [4. P. 162–164, 166–167, 177–178].

Несмотря на возникшие проблемы, ОКНШ не прекращал разработку плана крупного наступления на бирманском фронте. Вместе с тем в ноябре 1942 г. началось изучение возможностей проведения наступательной операции меньшего масштаба, рассчитанной на овладение только северной частью Бирмы. Конечной целью намечалось овладение Мьиткьиной, что могло значительно улучшить условия сообщения с Китаем. Этот план, получивший наименование «Соуси», Дж. Маршалл представил в декабре 1942 г. Начало его осуществления также было запланировано на 15 марта 1943 г. Участие британского флота не предусматривалось, как и операции в центре и на юге Бирмы. Маршалл сообщил Стилуэллу, что поддержка китайского фронта со стороны США будет увеличена, поскольку ожидалось, что в результате восстановления сухопутного сообщения с Китаем значительно возрастут возможности нанесения авиационных ударов по японцам с аэродромов на его территории. Китайско-бирманско-индийский фронт мог стать для американского командования вторым по значению после североафриканского. Китайцы и англичане дали согласие на участие в реализации плана «Соуси». Тем не менее его разработка вызвала в Чунцине определённое беспокойство, так как Чан Кайши опасался, что без участия флота союзники обречены на поражение. По его мнению, в случае невозможности организации действий флота в Бенгальском заливе было бы целесообразно отложить дату начала наступления [4. P. 179–180; 34. С. 431–432].

7 декабря 1942 г. Уэйвелл сделал заявление, в котором предложил отказаться от активных действий в Бирме весной 1943 г. В качестве причины он указал недостаток средств материально-технического обеспечения и сил флота для установления контроля над Бенгальским заливом. В связи с этим Стилуэлл предпринял поездку в Дели, где встретился с высшими чинами англо-индийского командования, включая Уэйвелла. Англичане указывали на такие трудности, как превосходство противника, невозможность адекватного снабжения наступающих войск из-за почти полного отсутствия в Бирме коммуникаций в широтном направлении, неверие в боевые возможности китайцев. Уэйвелл предложил перенести начало операций на ноябрь 1943 г., заявив, что если китайские войска встретят на бирманском фронте сильное сопротивление, то англичане не смогут оказать им поддержку. Он считал целесообразным ограничиться в ближайшее время наступлением на Акьяб. Попытки американцев оказать давление на Лондон на этот раз ни к чему не привели [4. P. 180–183; 35. P. 112–113, 116–117].

28 декабря 1942 г. Чан Кайши обратился к Рузвельту за разъяснением позиции США по вопросу освобождения Бирмы. В ответе президента содержалась просьба воздержаться от односторонних решений ввиду исключительной важности проблемы до того, как Рузвельт сможет лично обсудить её с Черчиллем. Однако Чан не стал ждать встречи президента с британским премьером и 8 января 1943 г. объявил, что весной этого года Китай не будет участвовать в наступлении на бирманском фронте. Это решение он объяснил неготовностью союзников к крупным операциям и отказом англичан предоставить флот для нанесения удара в тыл японцам. Чан Кайши не верил в победу, указывая, что результаты возможного поражения могут оказаться бедственными, и предложил отложить наступление в Бирме до осени [4. P. 183; 36. P. 346–347].

Негативный ответ Чан Кайши на просьбу Рузвельта – не спешить с принятием окончательного решения по поводу планировавшегося на бирманском фронте наступления – явился результатом комплекса причин, наиболее значимыми из которых были нежелание китайского правительства активизировать действия верных ему войск в целях отражения японской агрессии, стремление сохранить свой военный потенциал для борьбы с внутриполитическими противниками правящей партии гоминдан, сберечь ради этого поступавшее из Америки в виде помощи по ленд-лизу военное снаряжение и технику. В руководстве Китая возобладала точка зрения, согласно которой активизация действий войск правительства Чан Кайши, измотанных пятилетней войной, была невозможна без существенного увеличения военных поставок, которое, в свою очередь, требовало восстановления сухопутного сообщения между Китаем и западными союзниками. Позиция Чан Кайши по вопросу об изгнании японцев из Бирмы отражала и стремление переложить на США и Великобританию основные тяготы тихоокеанской войны. Действуя в соответствии с национальными интересами Китая, его руководство не желало сковывать на китайском фронте как можно большее количество японских войск, подставляя тем самым собственную страну под удар, чего фактически требовал Вашингтон. Вместо этого Чан Кайши доби-

вался, чтобы главные усилия по освобождению Бирмы взяли на себя американцы и англичане, тогда как основными выгодами, которые можно было получить в результате данной операции, в частности восстановлением наземных коммуникаций через бирманскую территорию, воспользовались бы китайцы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *История* Второй мировой войны 1939–1945 : в 12 т. М. : Воениздат, 1975. Т. 4. 536 с.
2. *Очерки* новейшей истории Японии / Е.М. Жуков, А.Л. Гальперин, А.В. Варшавский. М. : Изд-во АН СССР, 1957. 367 с.
3. *U.S.* Department of State. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1941. The Far East. Washington : GPO, 1956. 1044 p.
4. *Stilwell G.* The Stilwell Papers. New York : William Sloane, 1948. XVI. 357 p.
5. *Belden J.* Retreat with Stilwell. New York : Alfred A. Knopf, 1943. VI. 368 p.
6. *Черчилль У.* Вторая мировая война: в 3 т. М. : Воениздат, 1991. Кн. 2. 671 с.
7. *Можейко И.В.* «Западный ветер – ясная погода». Юго-Восточная Азия во Второй мировой войне. М. : Наука, 1984. 352 с.
8. *Romanus Ch., Sunderland R.* Stilwell's Mission to China. Washington: Office of the Chief of Military History, 1953. XIX. 441 p.
9. *Feis H.* The China Tangle. The American Effort in China. Princeton : Princeton University Press, 1953. X. 445 p.
10. *U.S.* Department of State. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944. China. Washington : GPO, 1967. 1206 p.
11. *Roosevelt* and Churchill. The Complete Correspondence: in 3 vols. Princeton : Princeton University Press, 1984. Vol. I. 674 p.
12. *Peck G.* Two Kinds of Time. Boston : Houghton Mifflin, 1950. VIII. 725 p.
13. *Woodward L.* British Foreign Policy in the Second World War. London : H.M.S.O., 1962. LV. 592 p.
14. *Thorne C.* Allies of a Kind. The United States, Britain, and the War against Japan, 1941–1945. London : Hamish Hamilton, 1978. XXII. 772 p.
15. *Carew T.* The Longest Retreat. The Burma Campaign 1942. London : Hamish Hamilton, 1969. XII. 276 p.
16. *U.S.* Department of State. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1942. China. Washington : GPO, 1956. 782 p.
17. *Рузвельт Э.* Его глазами. М. : Иностр. лит., 1947. 255 с.
18. *История* дипломатии: в 5 т. М. : Политиздат, 1975. Т. 4. 752 с.
19. *Элдридж Ф.* Гнев в Бирме. Не цензурованные записи о генерале Стилуэлле и международных интригах на Дальнем Востоке. М. : Воениздат, 1947. 219 с.
20. *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца: в 2 т. М. : Иностр. лит., 1958. Т. 2. 679 с.
21. *U.S.* Relations with China. With Special Reference to the Period 1944–1949. Washington : GPO, 1949. 1054 p.
22. *Севостьянов Г.Н.* Дипломатическая история войны на Тихом океане. От Пирл-Харбора до Каира. М. : Наука, 1969. 648 с.
23. *Collis M.* Last and First in Burma (1941–1948). London : Faber and Faber, 1956. 303 p.
24. *Ho-Yungchi.* The Big Circle. New York : The Exposition Press, 1948. 152 p.
25. *Dorn F.* Walkout with Stilwell in Burma. New York : Thomas Y. Crowell Company, 1971. VIII. 258 p.
26. *Allen L.* Burma. The Longest War 1941–1945. New York : St. Martin's Press, 1984. XIV. 686 p.
27. *Bradley J.* The Second World War: Asia and the Pacific. Wayne : Avery, 1984. 350 p.
28. *Хаттори Такусиро.* Япония в войне 1941–1945. М. : Воениздат, 1973. 629 с.
29. *U.S.* Congress. Senate. Committee on the Judiciary. Institute of Pacific Relations. Hearings before the Subcommittee to Investigate the Internal Security Act and Other Internal Security Laws. Eighty-Second Congress. First Session: in 16 pt. Washington : GPO, 1952. Pt. 13. 600 p.
30. *Young A.* China and the Helping Hand, 1937–1945. Cambridge : Harvard University press, 1963. XX, 502 p.
31. *Thorne B.* The Hump. The Great Military Airlift of World War II. Philadelphia : Lippincott, 1965. 188 p.
32. *The Papers* of George Catlett Marshall: in 5 vols. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1991. Vol. 3. 840 p.
33. *Ледовский А.М.* На дипломатической работе в Китае в 1942–1952 гг. // Новая и новейшая история. 1993. № 6. С. 102–132.
34. *Мэтлофф М., Снелл Э.* Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941–1942 гг. М. : Воениздат, 1955. 496 с.
35. *Roosevelt* and Churchill. The Complete Correspondence: in 3 vols. Princeton : Princeton University Press, 1984. Vol. II. 773 p.
36. *Tuchman B.* Stilwell and the American Experience in China, 1911–1945. New York : Macmillan, 1971. XV. 621 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 мая 2015 г.

DIPLOMATIC STRUGGLE ON THE ISSUE OF THE LIBERATION OF BURMA FROM THE JAPANESE INVADERS (1942–1943)

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 151–159. DOI: 10.17223/15617793/401/23

Ragozin Dmitry V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rddragozi28@gmail.com

Keywords: US military aid; Burma front; foreign policy differences; ground communications; allied military strategy.

By the beginning of the Pacific War, Japan had occupied almost all the Chinese coastline with its major ports: Shanghai, Tianjin, Guangzhou (Canton), cutting China off from the outside world, communication with which could now be carried out only through Burma. However, the Japanese occupation of Burma in the spring of 1942 completely broke the ground lines of communication between China and Western allies, resulting in its role as a base for the attack on the Japanese positions in East Asia, as it had been outlined in the Allied strategy, being called into question since the transfer of US arms and military equipment for the Chinese troops now became extremely difficult. Thus, the organization of major offensive operations against the Japanese from the Chinese territory was now dependent on resolving the issue of restoration of land communication with China. The situation had been aggravated by the fact that the British, then the owners of Burma, were alarmed by Chinese imperial ambitions, because some members of the Chinese ruling class openly advocated the transformation of Burma into a Chinese colony. That is why the official London had long resisted sending major Chinese troops to Burma. The recovery of vital communication lines passing through the Burmese territory became one of the main objectives of General Josef W. Stilwell, appointed chief of the Joint Staff to Chiang Kai-shek. Mutual distrust of the Chinese and the British had become one of the main difficulties that the general had to face in Burma. The urgency of this problem is determined by the value of the Chinese front in the Allied strategy at the beginning of the war in the Pacific, as well as by the role of the US-China cooperation in the plans of the administration of US President Franklin D. Roosevelt regarding postwar reconstruction in the Far East. The purpose of this article is to study the foreign policy issues related to the restoration of land communication between China and the outside world. Methodological basis is the principle of historicism. Results of the study reveal the presence of sharp differences between the US, China and Britain, whose interests were affected by the issue of the liberation of Burma. The most important condition for opening a land route for delivery of US military aid to China, which had a paramount importance for the continuation of the Chinese resistance to Japanese aggression, was to overcome the difficulties in the relationship

between the allies. The article is based on an expanded range of sources, some of which have not been used by Russian researchers previously.

REFERENCES

1. Grechko, A.A. (ed.) (1975) *Istoriya vtoroy mirovoy voyny 1939–1945: v 12 t.* [History of the Second World War, 1939–1945: in 12 v.]. V. 4. Moscow: Voenizdat.
2. Zhukov, E.M. Gal'perin, A.L. & Varshavskiy, A.V. (1957) *Ocherki noveyshey istorii Yaponii* [Essays on the modern history of Japan]. Moscow: USSR AS.
3. U.S. Department of State. (1956) *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1941. The Far East*. Washington: GPO.
4. Stilwell, J. (1948) *The Stilwell Papers*. New York: William Sloane.
5. Belden, J. (1943) *Retreat with Stilwell*. New York: Alfred A. Knopf.
6. Churchill, W. (1991) *Vtoraya mirovaya voyna: v 3 t.* [World War II: in 3 v.]. V. 2. Translated from English. Moscow: Voenizdat.
7. Mozheyko, I.V. (1984) *"Zapadnyy veter – yasnaya pogoda". Yugo-Vostochnaya Aziya vo vtoroy mirovoy voyne* ["West Wind: clear weather." Southeast Asia during World War II]. Moscow: Nauka.
8. Romanus, Ch. & Sunderland, R. (1953) *Stilwell's Mission to China*. Washington: Office of the Chief of Military History.
9. Feis, H. (1953) *The China Tangle. The American Effort in China*. Princeton: Princeton University Press.
10. U.S. Department of State. (1967) *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1944. China*. Washington: GPO.
11. Kimball, W.F. (ed.) (1984) *Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence: in 3 vols.* V. 1. Princeton: Princeton University Press.
12. Peck, G. (1950) *Two Kinds of Time*. Boston: Houghton Mifflin.
13. Woodward, L. (1962) *British Foreign Policy in the Second World War*. London: H.M.S.O.
14. Thorne, C. (1978) *Allies of a Kind. The United States, Britain, and the War against Japan, 1941–1945*. London: Hamish Hamilton.
15. Carew, T. (1969) *The Longest Retreat. The Burma Campaign 1942*. London: Hamish Hamilton.
16. U.S. Department of State. (1956) *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1942. China*. Washington: GPO.
17. Roosevelt, E. (1947) *Ego glazami* [With his eyes]. Trnaslated from English. Moscow: Inostrannaya literatura.
18. Gromyko, A.A. (ed.) (1975) *Istoriya diplomatii: v 5 t.* [The history of diplomacy: in 5 v.]. V. 4. Moscow: Politizdat.
19. Eldridge, F. (1947) *Gnev v Birme. Ne tsenzurovannye zapisi o generale Stiluelle i mezhdunarodnykh intrigakh na Dal'nem Vostoke* [Wrath in Burma. Uncensored records of General Stilwell and international intrigue in the Far East]. Translated from English. Moscow: Voenizdat.
20. Sherwood, R. (1958) *Ruzvel't i Gopkins. Glazami ochevidtsa: v 2 t.* [Roosevelt and Hopkins. An eyewitness: in 2 v.]. Translated from English. V. 2. Moscow: Inostrannaya literatura.
21. Anon. (1949) *U.S. Relations with China. With Special Reference to the Period 1944–1949*. Washington: GPO.
22. Sevost'yanov, G.N. (1969) *Diplomaticheskaya istoriya voyny na Tikhom okeane. Ot Pirl-Kharbora do Kaira* [The Diplomatic History of the Pacific War. From Pearl Harbor to Cairo]. Moscow: Nauka.
23. Collis, M. (1956) *Last and First in Burma (1941–1948)*. London: Faber and Faber.
24. Ho-Yungchi. (1948) *The Big Circle*. New York: The Exposition Press.
25. Dorn, F. (1971) *Walkout; with Stilwell in Burma*. New York: Thomas Y. Crowell Company.
26. Allen, L. (1984) *Burma. The Longest War 1941–1945*. New York: St. Martin's Press.
27. Bradley, J. (1984) *The Second World War: Asia and the Pacific*. Wayne: Avery.
28. Khattori Takusiro. (1973) *Yaponiya v voyne 1941–1945* [Japan in the war of 1941–1945]. Moscow: Voenizdat.
29. U.S. Congress. Senate. Committee on the Judiciary. Institute of Pacific Relations. (1952) *Hearings before the Subcommittee to Investigate the Internal Security Act and Other Internal Security Laws*. Eighty-Second Congress. First Session: in 16 pt. Pt. 13. Washington: GPO.
30. Young, A. (1963) *China and the Helping Hand, 1937–1945*. Cambridge: Harvard University Press.
31. Thorne, B. (1965) *The Hump. The Great Military Airlift of World War II*. Philadelphia: Lippincott.
32. Bland, L.I. et al. (eds) (1991) *The Papers of George Catlett Marshall: in 5 vols*. V. 3. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
33. Ledovskiy, A.M. (1993) Na diplomaticheskoy rabote v Kitae v 1942–1952 gg. [On the diplomatic work in China in 1942–1952]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 6. pp. 102–132.
34. Metloff, M. & Snell, E. (1955) *Strategicheskoe planirovanie v koalitsionnoy voyne 1941–1942 gg.* [Strategic Planning in the coalition war of 1941–1942]. Moscow: Voenizdat.
35. Kimball, W.F. (ed.) (1984) *Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence: in 3 vols.* V. 2. Princeton: Princeton University Press.
36. Tuchman, B. (1971) *Stilwell and the American Experience in China, 1911–1945*. New York: Macmillan.

Received: 28 May 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 160–164. DOI: 10.17223/15617793/401/24

УДК 930: 94 (47) «16»

М.В. Симонова

СТЕПАН ТИМОФЕЕВИЧ РАЗИН – ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРЕСТУПНИК ИЛИ НАРОДНЫЙ ГЕРОЙ?

Исследуются представления о личности Степана Тимофеевича Разина в отечественной дореволюционной историографии. Особое внимание уделено портрету С.Т. Разина: его личностным качествам и его деятельности как вождя восстания. Основной целью статьи стал вопрос, какие черты личности Степана Тимофеевича Разина сделали его народным героем при явно отрицательной оценке его официальной историей. Предпринят сравнительный анализ исторического образа С.Т. Разина и его народного образа (по материалам народных песен о С.Т. Разине).

Ключевые слова: С.Т. Разин; отечественная историография; исторический портрет.

Бунт, поднятый С.Т. Разиным в 1670–1671 гг., оставил яркий след в истории России и в народном сознании людей. Это проявляется в большом количестве сведений о Разине как в научно-исторической литературе, так и в художественной. Но С.Т. Разин не был первым, кто организовал подобные действия. Еще в 1666 г. донской атаман Василий Родионович Ус предпринял поход на Москву. Ему удалось собрать большую армию из казаков и беглых крестьян. Позднее В. Ус руководил одним из отрядов разинцев. Уместен вопрос, почему именно С.Т. Разин стал народным любимцем, а не В. Ус, чем выделялся этот человек.

В настоящей статье автор ставит целью ответить на вопрос – какие черты личности Степана Тимофеевича Разина сделали его народным героем при явно отрицательной оценке его официальной историей. С этой целью использованы два блока источников: работы отечественных историков-классиков дореволюционного периода и народные песни о С.Т. Разине. Историография дореволюционного периода представлена работами следующих авторов: Ф.И. Соймонова, А.П. Сумарокова, Н.И. Фомина, А.Н. Попова, С.М. Соловьёва, Н.И. Костомарова и С.Ф. Платонова. Песни о С.Т. Разине взяты из сборника «Русские песни», составленного профессором И.Н. Розановым в 1952 г.

Характеристика С.Т. Разина Фёдором Ивановичем Соймоновым приведена в его книге «Описание Каспийскаго моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великаго», написанной им в 1723 г. (напечатана она была только через сорок лет, в 1763 г.). Фёдор Иванович Соймонов крайне негативно характеризует С.Т. Разина: «вор, крестоотступник, изменник» [1. С. 361]. Как акт богохульства описано веление С.Т. Разина венчаться около вербы [Там же. С. 364]. Здесь же уместно сказать об упоминании того, как Разин стрелял в церкви и отказывался соблюдать церковные обряды: в Астрахани «побитых людей он вор Стенька велел в Троицком монастыре в яму закопать без гробов, и службы погребальные над ними петь не велел…» [Там же. С. 366]. Также устраивал надругательства над священниками, монахами и монахинями [Там же. С. 367]. Ещё одно качество С.Т. Разина по Ф.И. Сойманову – это клеветничество. Это проиллюстрировано сюжетом о том, что Разин обманул жителей Царицына, сказав, что царские войска направляются в город с целью покарать жителей. Ярко описаны действия Разина по разорению купцов, государственных обозов, убийства царских начальников. Особый акцент автором сделан на том, что Разин всячески мучил своих противников, например: «а иных в воду пометал мучительски» [1. С. 366]; «мучил разным томлением и муками» [Там же. С. 367]. Образ Разина как клеветника дополняет информация Соймонова о том, что он распускал слухи о присутствии с ним царевича Алексея Алексеевича (умершего 17 января 1669 г.) и бывшего патриарха Никона (находившегося в Феропонтовом монастыре на Белом озере).

Уже самые ранние описания восстания Разина содержат сведения о всенародном сочувствии этому движению. Так Ф.И. Соймонов описывает реакцию людей, получавших сведения о противостоянии правительства и разинцев: «…где скажут Великого Государя войско солгав побили, и люди тому радовались; а как скажут, что воров Великого Государя ратные люди побили, и люди станут унылы лицом и печальны о воровской погибели» [Там же. С. 373].

Труд Александра Петровича Сумарокова «Сокращенная повесть о Стеньке Разине» 1774 г. – небольшая по объёму, но красочно иллюстрирующая события разинщины книжка. Разин показан в ней как «государственный злодей» [2. С. 3]. Писатель отвергает мнение о том, что у Разина могла быть весомая причина на мятеж. Речь идет о казни старшего брата Стеньки, который самовольно покинул военный лагерь. А.П. Сумароков приводит следующие доводы: если бы Разин хотел наказать виновных людей в смерти брата, то почему он совершил грабительских поход против Персии, а потом против русских городов. После чего автор делает вывод, что причиной бунта Разина было «злобное стенькино сердце, и алчба властолюбия» [Там же. С. 4].

С.Т. Разин открыто привлекал в свое войско «легкомысленный народ» [Там же. С. 5], который легко поддавался на его обещания. Но военных служилых людей вербовали скрыто: «тайно приводил стрельцов к предательству» [Там же. С. 6]. Именно благодаря стрельцам ему удавалось так легко захватывать города. Сумароков тоже обращает внимание на несоблюдение церковных обрядов, грабеж не только государственного, купеческого, но и церковного имущества. Не обошёл вниманием писатель участь женщин, мужей которых убивали казаки. Некоторых из них насильно выдавали замуж за казаков, некоторые под-

вергались надругательствам и насилию [2. С. 7]. Ярко изображена жестокость Разина: «…нигде не щадил ни пола, ни возраста, лишенный совсем человечества» [Там же. С. 8]. С.Т. Разин привлек на свою сторону не только русское население, но и мордву, чувашей и черемисов. Крайне негативная оценка автора действий разинцев отражена в комментировании им степени наказания повстанцев. Решение казнить всех захваченных в плен повстанцев в Астрахани А.П. Сумароков комментирует так: «похвальна сия строгость; ибо таковые люди помилования не достойны» [Там же. С. 9]. Выразительно описывает он и места казни, говоря о том, что это было необходимо для устрашения людей и предупреждения подобных событий в будущем.

Работа Н.И. Фомина примечательна тем, что написана в виде рассказа, героями которого стали исторические деятели, в том числе и сам С.Т. Разин. Но историк ставит себе цель – написать историю возмущения С.Т. Разина так, как это было на самом деле, а также делает акцент на том, что он опирался в ходе работы на исторические источники: «Я пользовался сказаниями современников, грамотами и другими историческими актами и документами, которые только могли быть мне доступны». [3. С. 6]. В ходе изложения событий разинского движения автор прибегает к красочному описанию происходящего, а также использует в произведении диалоги от лица исторических персонажей. Уже само повествование начинается именно с разговора между казаками. В отличие от трудов других историков, в работе Н.И. Фомина содержится подробное описание внешности руководителя восстания: «высокорослый казак лет сорока, в цветной рубашке; косой воротник обшит был широким позументом… на смуглом лице его являлись черты опытного воина, возросшего в боях и набегах; широкая грудь и жилистые руки показывали в нём крепость телесную; повелительный взгляд его внушал невольное к нему почтение и страх» [Там же. С. 18]. В представленной характеристике явно можно отметить главную черту, присущую С.Т. Разину, – военный опыт.

Кроме этого, у Н.И. Фомина присутствует сюжет, который не был нами обнаружен больше ни у одного из исследователей. Речь идёт о некоем пророчестве, которое было дано С.Т. Разину. В Черкасске Степан Разин встретил незнакомца с книгой царя Соломона, по которой он предсказал казакам счастье и богатство, но предупредив о неизбежности расплаты: «но это счастье после потребует от вас больших пожертвований… ваших голов» [Там же. С. 23]. Это сведение о пророчестве более похоже на художественный вымысел, чем на исторический факт.

Причиной возмущения С.Т. Разина Н.И. Фомин называет желание казаков обогатиться путём грабежа. Интерес вызывает то, что историк от лица С.Т. Разина пишет следующее: «пойдёмте-ка лучше гулять на синее море, разобьём басурманские корабли, возьмём с пленников дань богатую, и поедем после в Москву белокаменную, там накупим себе платья цветного и потом на Волгу матушку» [Там же. С. 24]. Указано, что после похода на Каспий казаки хотели пойти в Москву, но не для того, чтобы заступиться за царя от действий бояр, а чтобы торговать награбленным и приобретать европейские товары. Исходя из этого, можно говорить о С.Т. Разине как о купце или торговце.

Труды Н.И. Фомина «Стенька Разин» (1836 г.) и А.Н. Попова «История возмущения Стеньки Разина» (1857 г.) посвящены непосредственно вопросу разинского движения. А.Н. Попов является одним из пионеров изучения движения С.Т. Разина. Александр Николаевич подошёл к изучению этого вопроса очень скрупулёзно и помимо вышеуказанного труда издал в том же году сборник документов «Материалы для истории возмущения Стеньки Разина». А.Н. Попов, говоря о причинах восстания С.Т. Разина, ссылается на современников-иностранцев, которые полагали, что причиной к восстанию послужила участь старшего брата С.Т. Разина: «Стенька мстил за смерть брата» [4. С. 22]. Но автор, как и А.П. Сумароков, оспаривает эти мнения современников: «нельзя думать, чтобы происшествие, оскорбившее быть может глубоко одного Разина, возбудило к нему сочувствие в массах народа и вызвало их на восстание» [Там же. С. 23]. Подобную позицию позднее займет и С.М. Соловьёв: «Не знаем, верить ли этому известию иностранцев? Ни акт правительственный, ни дума народная его не подтверждают» [5]. Реальную причину восстания Николай Ильич Фомин видит в нравах донских казаков, которых он характеризует как полудиких, предприимчивых и смелых [4. С. 23]. Таким образом, в 1667 г., когда на Дон к С.Т. Разину начали стекаться шайки казаков, их основной целью являлся грабёж, и, следовательно, сам С.Т. Разин преследовал эту же цель.

Работы С.М. Соловьёва, Н.И. Костомарова и С.Ф. Платонова характеризуются своей фундаментальностью, и сюжет разинщины исследуется историками в рамках истории Российского государства.

С.М. Соловьев в силу своей приверженности к исторической школе «государственников» действия С.Т. Разина описывает как разбойнические. Но он обозначает эти действия как вынужденные. Вследствие закрытия Азовского и Чёрного морей из-за тринадцатилетней войны с Польшей казаки претерпевали нужду в содержании и пропитании. Историк показывает выход, который нашли для себя казаки: «оставался один способ: переброситься на Волгу и ею выплыть в Каспийское море, погромить тамошние бусурманские берега» [5]. Самого С.Т. Разина историк характеризует как человека очень активного, которому сложно оставаться на месте: «обилие сил не давало сидеть дома и влекло в вольные казаки, на широкое раздолье в степь, или на другое широкое раздолье – море, или по крайней мере на Волгу-матушку» [Там же]. Ведь с тем же успехом движение мог возглавить казацкий атаман Василий Ус. Но именно благодаря своей активности движение возглавил С.Т. Разин.

Н.И. Костомаров, как и С.М. Соловьёв, отмечает негативное влияние войны с Польшей на настроения населения, а также увеличение числа побегов от непосильного тягла. Разбой стал главным путём дохода: «ненависть к боярам, воеводам, приказным людям и богачам, доставлявшим выгоды казне и самим себе, приводила к тому, что жители перестали смотреть на

разбойников как на врагов своей страны, лишь бы разбойники грабили знатных и богатых, но не трогали бедняков и простых людей» [6. С. 560]. Таким образом, число населения Дона значительно пополнилось голутвенным казачеством, т.е. беднотой, у которой не было ничего, в отличие от зажиточного казачества, кроме желания свободы и наживы. Среди голутвенного казачества распространилась идея: «как было бы хорошо, если бы на Руси истребить всё, что давило простой народ, и устроить казацкую вольницу» [Там же]. Поэтому, по мнению историка, казачество было готово к выступлению, требовался только лидер, который бы их повёл. Таким лидером и стал С.Т. Разин. Как и А.Н. Попов, Н.И. Костомаров упоминает о сюжете, связанном с казнью старшего брата С.Т. Разина князем Долгоруким: Разин «задумал не только отомстить за брата, но и задать страха всем боярам и знатным людям Московского государства» [Там же. С. 561].

По мнению С.Ф. Платонова, разинщину подготовило правительство своими действиями в области законодательства, а именно изданием «Уложения 1648 года». Крепостная масса, по словам историка, «не мирясь с прикреплением к тяглу и к помещику, стала протестовать “гилем” (т.е. беспорядками) и выходом на Дон, подготовляя там разиновщину» [7. С. 409]. С.Ф. Платонов обращает внимание и на денежную реформу, проведённую боярином Ртищевым, который предложил чеканить медные деньги и выпускать их по одной цене с серебренными. Эта мера также привела к разорению большей части населения к 1665 г.: «Эта неудачно окончившаяся операция тяжело отозвалась на благосостоянии народа, очень и очень многих приведя к полному разорению» [Там же]. Таким образом, историк делает вывод о том, что восстание С.Т. Разина явилось «результатом не только неудовлетворительности экономического положения, как то было в прежних беспорядках, но и результатом недовольства всем общественным строем» [Там же]. Начали образовываться мелкие казацкие шайки, которые впоследствии переросли в огромное войско С.Т. Разина: «скоро у этих шаек находится способный вождь, и движение, начавшееся в малых размерах, все расширяется, и из мелких разбойничьих отрядов образуется огромная шайка, которая прорывается в Каспийское море и там добывает себе “богатые зипуны”» [Там же. С. 410].

С.Ф. Платонов разделил движение С.Т. Разина на «две стороны: казачью и земскую» [Там же. С. 411]. К казачьей стороне относится время похода на Каспий, когда в походе участвовали только казаки, а к земской – время похода вглубь страны, когда к С.Т. Разину присоединялись земские люди. При этом цели этих двух походов были различны. Поход на Каспий предполагал грабёж прибрежных территорий, в том числе Персии, чтобы получить наживу. Походы на Астрахань, Царицын, Самару сопровождались лозунгами о свержении боярского правительства, следовательно, целью этого похода была смена общественного устройства. Из работы С.Ф. Платонова следует, что развитию разинщины способствовала не личность её вождя, а ситуация, сложившаяся в государстве.

Как же тогда сам С.Т. Разин мог подействовать на развитие движения и проявить свои личностные особенности? Волна движения строилась на власти С.Т. Разина. По мнению Н.И. Фомина, его власть основывалась на чрезмерной расточительности по отношению к тем, кто его поддерживал: «Стенька, знавший жадность казаков, рассыпал награбленные им деньги и через что приобрёл всеобщее от казаков уважение и неограниченную власть» [3. С. 39]. Автор также сообщает, что и «стрельцы были подкуплены Стенькою», который «насулил им горы золота» [Там же. С. 41]. Взятые города грабились казаками. Так, например, когда была захвачена Астрахань, «Стенька Разин, войдя в город, отдал его на разграбление своим товарищам» [Там же. С. 45].

Степан Разин придавал движению не только экономический окрас, но и политический. Речь идёт о тех лозунгах, которые Разин провозглашал. Благодаря посулам вождя восстания, к нему стекались не только казаки, но и стрельцы, городская чернь, беглые крестьяне из центральной России. В своё войско, ещё находясь на Дону после возвращения с Каспия, С.Т. Разин принимал всех без разбора. Но уже во время похода по Волге и взятия городов он набирал войско не только из добровольцев, но и из невольников. Многие приволжские города сдавались разинцам без боя. Это было связано со стрельцами, которые открывали городские ворота, вершили расправу над воеводами до прихода С.Т. Разина.

С.Т. Разин во время похода по Волге посылал вперёд к городам отряды с обращениями к населению. Поэтому чаще всего стрельцы заблаговременно знали о подходе Разина к городу и были готовы открыть ворота. Кроме этого, по городам рассылались грамоты: «…в грамотах своих Стенька объявлял всем о пребывании при нём царевича Алексея Алексеевича и Никона патриарха, и что он шёл к Москве по их велению, для того, чтобы казнить там бояр, думных дворян, детей боярских, приказных людей, стрельцов, солдат и торговых людей за их измену, повелевая и черни тоже делать над своими господами» [Там же. С. 47]. Судя по этим сведениям, можно говорить о том, что Разин пытался предать своему движению в глазах простого населения легитимность, используя имена умершего царевича и бывшего патриарха.

По мнению А.Н. Попова, власть Разина основывалась также и на страхе, внушаемом его действиями: «Зверские поступки Разина, не встретившего почти никакого сопротивления, внушали такой страх, что в народе носилась молва, будто казакам нельзя сопротивляться: “их атамана и есаула ни пищаль, ни сабля, ничто не возьмёт”» [4. С. 28]. Здесь же историк говорит о том, что народные слухи приписывали С.Т. Разину сверхъестественную силу.

С.М. Соловьёв указывает, что распространяемые разинцами слухи не всегда воспринимались положительно и однозначно. После взятия Царицына «более 300 стрельцов Стенька посажал на свои суда в гребцы неволею, они слышали от козаков удивительные слова: «Вы бьётесь за изменников, а не за государя, а мы бьемся за государя» [5]. Сообщения Разина у Астра-

хани посылались не только русскому населению, но и иностранцам, которые должны были участвовать в обороне города. Сергей Михайлович пишет о том, что немец Бутлер, командир первого русского корабля «Орёл», получил грамоту от Разина на немецком языке: «Стенька уговаривал немцев поберечь свою жизнь и не стоять против казаков» [5].

На основе работы Н.И. Костомарова можно говорить о том, что С.Т. Разин целенаправленно собирал вокруг себя голытьбу: «люди, лишённые крова, зачастую голодные, готовые на всякий бунт и разбой, нашли в нём своего “батюшку”» [6. С. 561]. Историк приводит лозунги, распространяемые С.Т. Разиным, в которых всем закрепощённым обещал волю, всех желающих звал в казаки, а над боярам предполагалась расправа [Там же]. Как и Н.И. Фомин, Н.И. Костомаров обратил внимание на чрезмерную расточительность Разина по отношению к астраханской черни, а также то, что он подкупал астраханских воевод: «Стенька поднёс воеводам поминки из дорогих персидских тканей, и они не перечили ему больше» [Там же. С. 564].

Таким образом, все эти сведения можно свести к обобщённому образу С.Т. Разина, который давали историки дореволюционной России. Разин был расчётливым, жестоким и коварным. Он умело манипулировал людьми разных сословий и национальностей в соответствии со сложившейся ситуацией в стране, не пренебрегая никакими средствами. Кроме этого, он имел военный опыт и среди казаков пользовался определённым авторитетом. Основной мотив, которым руководствовался С.Т. Разин, – экономический.

Прямо противоположным оказывается образ Разина в народных песнях. Каждый эпизод разинщины отражён в народных песнях, и список этих песен обширен. Самые ранние песни о Степане Разине относятся ко второй половине XIX в. [8]. Так как песни являются народными, их главные персонажи – это народные герои, простые люди, которые выражали народные чаяния, мнения и надежды. Бóльшая часть крестьян (именно крестьянство составляло основную массу населения) была зависимой от различных условий, их основным желанием было освободиться от этой зависимости. Поэтому новым героем народа стал образ казака как символ свободы и вольности. При этом в таких песнях всегда есть антипод героя, которым часто становились бояре или служилые люди.

Разин в народных песнях – это герой, батюшка, освободитель, защитник народа. Речевые обороты, используемые при характеристике С.Т. Разина, наглядно это подтверждают: «удалец» [9. С. 6], «удалой разбойничек» [Там же. С. 9], «люду бедному сам защитничек» [Там же. С. 9], «раздобрый молодец» [Там же. С. 11]. В этих песнях очень чётко можно проследить социальный аспект – они обращены к простому, бедному населению. Так, например, Разин не входит в круг зажиточных казаков: «Во казачий круг Степанушка/ Не хаживал,/ Он с большими господами/ Дум не думывал» [Там же. С. 6]. Поэтому эти песни являются выражением народного сочувствия разинцам и их делу.

Подводя итог, можно сделать следующий вывод. Образ С.Т. Разина в научно-исторической литературе и художественной прямо противоположен. Разин как реальный исторический персонаж – это человек, который в целях экономической выгоды поднял восстание и нанёс огромный ущерб государству и его жителям. Хотя он обладал определёнными талантами, которые позволили ему возглавить это восстание: военным опытом, дипломатическими и управленческими способностями. Разин как образ, созданный в народных песнях, – это прототип былинного богатыря, защитника русского народа. Но образ этот появился, потому что людям нужна была психологическая защита в лице народного героя в условиях нелегкой жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Соймонов Ф.И.* Описание Каспийскаго моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великаго // Трудами тайнаго советника, губернатора Сибири и ордена святаго Александра кавалера, Федора Ивановича Соймонова, выбранное из журнала его превосходительства, в бытность его службы морским офицером, И с внесением, где потребно было, дополнениями академии наук конференц-секретаря, профессора истории и историографа, Г.Ф. Миллера. СПб. : При Имп. Акад. наук, 1763. 680 с.
2. *Сумароков А.П.* Сокращенная повесть о Стеньке Разине. СПб. : При Имп. Акад. наук, 1774. 14 с.
3. *Фомин Н.И.* Стенька Разин: историческая повесть из времен царствования царя Алексея Михайловича, с приложением современных исторических актов и грамот. Москва : В типографии Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической академии, 1836. 65 с.
4. *Попов А.Н.* История возмущения Стеньки Разина. М., 1857. 132 с.
5. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времён. Т. 11, гл. 5. URL: http://militera.lib.ru/common/solovyev1/11_05.html
6. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М. : Эксмо, 2005. С. 560–572.
7. *Платонов С.Ф.* Полный курс лекций по русской истории. СПб. : Кристалл, 2000. 838 с.
8. *Лозанова А.Н.* Предисловие // Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях / сост. Б.М. Добровольский и А.Д. Соймонов ; общ. ред. и вступ. ст. А.Н. Лозановой, муз. ред. Ф.В. Соколов. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1956. URL: http://a-pesni.org/istor/a-lozanova.htm
9. *Русские* песни / сост. проф. Ив.Н. Розанов. М. : Гос. изд-во худож. литературы, 1952. 404 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 августа 2015 г.

STEPAN TIMOFEEVICH RAZIN: A STATE CRIMINAL OR A NATIONAL HERO?

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 160–164. DOI: 10.17223/15617793/401/24

Simonova Marina V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: simonova_marina42rus@mail.ru

Keywords: S.T. Razin; native historiography; historical portrait.

In 1670–1671, S.T. Razin led a revolt with the aim of social revolution. The present article examines the personality of S.T. Razin based on two blocks of the sources: the works of local historians of the pre-revolutionary period and folk songs of Stepan Razin. The historiography of the pre-revolutionary period of the works is represented by the following works. The book of the first Russian hydrographer Fedor Ivanovich Soymonov *Opisanie Kaspiyskago morya i chinennykh na onom rossiyskikh zavoevaniy, yako chast' istorii gosudarya imperatora Petra Velikago* [Description of the Caspian Sea and of the Russian Conquests in it as Part of the History of Emperor Peter the Great] was written in 1723 (it was published only forty years later in 1763). In this book F.I. Soymonov negatively characterizes S.T. Razin, vividly describing scenes of his cruelty. The idea that the death of his elder brother could not be the real reason for Razin's actions is expressed in A.P. Sumarokov's *Sokrashchennaya povest' o Sten'ke Razine* [A Reduced Tale of Stenka Razin] (1774). N.I. Fomin is the only author who gives a physical description of S.T. Razin in *Stenka Razin* (Rus., 1836), reducing it to the image of a charismatic military man. In addition, only N.I. Fomin's book has a story about a certain prophecy which was given to S.T. Razin by a stranger in Cherkassk. A.N. Popov's *Istoriya vozmushcheniya Sten'ki Razina* [The Story of Stenka Razin's Rebellion] (1857) is the first major book on the subject of Razin's Movement, which the author published together with a collection of sources on this issue. The works of S.M. Solovyov, N.I. Kostomarov and S.F. Platonov are characterized by liberality and fundamentalism; the historians study the subject of Rasin's Movement as part of the history of the Russian state. Solovyov characterizes the actions of the rebels as hopeless: due to the closure of the Azov and the Black Seas in the thirteen-year war with Poland, Cossacks needed money and food. According to S.F. Platonov, Rasin's Movement was prepared by the government by its actions in legislation, namely, by the publication of *Ulozhenie 1648 goda* [The Code of 1648]. Thus, according to S.F. Platonov, S.T. Razin's motives did not affect the developing actions. Songs about Razin were taken from the collection *Russkie pesni* [Russian Songs] compiled by Professor I.N. Rozanov in 1952. All information of historians can be reduced to a generalized image of S.T. Razin. He was prudent, cruel and treacherous. He skillfully manipulated people of different social classes and nationalities in accordance with the situation in the country. In addition, Razin had military experience and certain prestige. The main motive of S.T. Razin was economic. But the opposite is the image of Razin in folk songs. Razin as the image created in folk songs is a prototype of the epic hero, defender of the Russian people. But this image appeared because people needed hope that this character could help them in the deteriorating living conditions.

REFERENCES

1. Soymonov, F.I. (1763) *Opisanie Kaspiyskago morya i chinennykh na onom rossiyskikh zavoevaniy, yako chast' istorii gosudarya imperatora Petra Velikago* [Description of the Caspian Sea and of the Russian Conquests in it as Part of the History of Emperor Peter the Great]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
2. Sumarokov, A.P. (1774) *Sokrashchennaya povest' o Sten'ke Razine* [A Reduced Tale of Stenka Razin]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
3. Fomin, N.I. (1836) *Sten'ka Razin: istoricheskaya povest' iz vremen tsarstvovaniya tsarya Alekseya Mikhaylovicha, s prilozheniem sovremennykh istoricheskikh aktov i gramot* [Stenka Razin: a historical novel of the reign of Tsar Alexei Mikhailovich, with modern historical acts of documents]. Moscow: V tipografii Avgusta Semena, pri Imperatorskoy Mediko-Khirurgicheskoy akademii.
4. Popov, A.N. (1857) *Istoriya vozmushcheniya Sten'ki Razina* [The Story of Stenka Razin's Rebellion]. Moscow: tip-ya L.I. Stepanovoy.
5. Solovyov, S.M. (n.d.) *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia since the Ancient Times]. V. 11. Ch. 5. [Online]. Available from: http://militera.lib.ru/common/solovyev1/11_05.html.
6. Kostomarov, N.I. (2005) *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneyshikh deyateley* [Russian history in the lives of its most important figures]. Moscow: Eksmo.
7. Platonov, S.F. (2000) *Polnyy kurs lektsiy po russkoy istorii* [A full course of lectures on Russian history]. St. Petersburg: Kristall.
8. Lozanova, A.N. (1956) Predislovie [Preface]. In: Lozanova, A.N. (ed.) *Russkie narodnye pesni o krest'yanskikh voynakh i vosstaniyakh* [Russian folk songs of peasant wars and uprisings]. Moscow; Leningrad: USSR AS. [Online]. Available from: http://a-pesni.org/istor/a-lozanova.htm.
9. Rozanov, I.N. (1952) *Russkie pesni* [Russian songs]. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. literatury.

Received: 26 August 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 165–174. DOI: 10.17223/15617793/401/25

УДК 94:338.43

О.В. Усольцева

ПРАКТИКА ПРОЕКТИРОВАНИЯ И ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1970-е гг.

Исследуется практика проектирования и преобразования сельского расселения Томской области в 1970-е гг. Основное внимание уделено вопросу сселения «неперспективных» сельских населённых пунктов, являвшемуся в изучаемое десятилетие основой расселенческой политики в стране. Охарактеризованы схемы и проекты районных планировок Томской области, созданные в изучаемый период, а также развитие теории преобразования сельского расселения и созданные на основе новых теорий планы организации в Томской области групповых систем населённых мест.

Ключевые слова: сельское расселение; 1970-е гг.; Томская область; сселение; районная планировка, групповые системы населённых мест.

Стремление выработать адекватную сельскохозяйственную политику является общим трендом во всём многообразии российских политических течений сегодняшнего дня. Отрадно, что в фокус внимания вернулся отдельный сельский труженик, наделяемый признаками, роднящими его с традиционным русским крестьянином, местом обитания которого была и должна быть деревня. Одним словом, можно говорить о востребованности исторического опыта крестьянствования в условиях деревенского образа жизни.

К 1970-м гг. сельскохозяйственное производство было уже серьёзнейшим образом механизировано, но колхозники и рабочие совхозов как обладатели личных подсобных хозяйств в массе своей ментально ещё были носителями крестьянского начала. Правда, в предшествующий период была задана мощнейшая инерция изживания этой так называемой на марксистско-ленинском языке мелкобуржуазной сущности сельских жителей.

В 1970-е гг. томская деревня входила с запланированными количественными и качественными параметрами организованной укрупнённой поселенческой сети. Были созданы предпосылки к организованному и принудительному сселению «неперспективных» деревень. Сельской поселенческой сети в это десятилетие предписывалось завершение данной реорганизации, которая подразумевалась в 1970-е гг. приоритетом сельскохозяйственной политики. С целью повышения эффективности сельскохозяйственного производства в понимании политической власти деревню нужно было подвергнуть дальнейшему реформированию. Выхолащивание крестьянского начала в деревне в 1950–1960-е гг. нужно было закрепить новым качеством сельского населённого пункта как сосредоточия социалистического производства, в котором ведущую роль должны играть сельскохозяйственные рабочие.

Районные планировки как апробированный инструмент реализации расселенческой политики должны были чётко среагировать на меняющуюся социально-экономическую обстановку рубежа 1960–1970-х гг. Аграрная реформа 1965 г. предусматривала серьёзные капиталовложения в сельское хозяйство, жёсткое административное планирование, но с элементами децентрализации. Доминирующие миграционные потоки из села в город, чреватые обезлюживанием села как такового, нужно было переорганизовать в переселение жителей неперспективных деревень в перспективные населённые пункты. Сужению производственной самостоятельности колхозов «управленческая элита», являвшая к тому времени смычку районного и колхозно-совхозного начальства, не увидела альтернатив. Относительные успехи в развитии сельского хозяйства в восьмой пятилетке притупляли восприятие опасности исчезновения деревни как таковой в процессе очередного реформаторского шага в виде повсеместного преобразования колхозов в совхозы. Нужно было во что бы то ни стало вписаться в объемлющие проекты районных планировок, т.е. снять барьеры колхозного самоуправления на пути концентрации сельского населения в «перспективных» населённых пунктах. Примечательно, что Томская область в деле «совхозизации» деревни числилась в передовых на просторах Западной Сибири [1. С. 270].

В конце 1960-х гг. проектным институтом «Сибгипросельхозстрой» был разработан и 19 марта 1971 г. решением Томского облисполкома утверждён «Проект районной планировки сельскохозяйственных районов Томской области» [2. Л. 24]. В основу этого проекта были положены инструкция РСН-01-68 и проекты районных планировок районов Томской области, которые составлялись на протяжении 1960-х гг. В тексте проекта указывалось, что в 1970 г. было проведено дополнительное согласование перспективности населённых пунктов с исполнительными комитетами районных Советов депутатов трудящихся. Также для составления проекта использовались данные пятилетнего плана развития народного хозяйства Томской области на 1971–1975 гг. и проект специализации и концентрации сельскохозяйственного производства Томской области, разработанные областным управлением сельского хозяйства в 1968 г., материалы научно-практической конференции по проблемам развития и размещения производительных сил Томской области, состоявшейся в 1969 г.

По данным проекта, на 1 января 1969 г. в Томской области было 1 107 населённых пунктов, из них 1 092 сельских населённых пункта (741 сельскохозяйственных, 351 несельскохозяйственных и смешанных), 2 города областного подчинения, один город районного подчинения и 12 посёлков городского типа [3. Т. 2. С. 17]. Сельское расселение области было неравномерным, плотность населения была очень низкой. В целом по области она составляла 1,1 человек на 1 кв. км, в северной её зоне – 0,4, в централь-

ной – 1,4, в южной – 4,3 кв. км [3. Т. 2. С. 18]. В проекте констатировалось, что повсеместно на территории области находится большое количество мелких сельских населённых пунктов (252,23% сельских населённых пункта имели менее 50 жителей) и отмечается ярко выраженный очаговый характер размещения сельского хозяйства и населённых пунктов, особенно в северных районах области [Там же. С. 19]. С учётом данной информации 528 сельских населённых пунктов были отнесены к числу неперспективных. В первую очередь (до 1975 г.) должны были быть сселены 275 самых мелких населённых пунктов, имеющих малоценный строительный фонд, во вторую (сроки которой в проекте не определены, а обозначены в одном месте «после 1975 г.» [3. Т. 2. С. 33], в другом – «на перспективу» [3. Т. 1. С. 5]) – 253. Во вторую очередь намечалось сселять населённые пункты с большей численностью населения, с удовлетворительным строительным фондом, в момент, когда необходимость в них отпадёт в связи с «совершенствованием сельскохозяйственного производства» [3. Т. 3. С. 57]. Во всех населённых пунктах первой очереди сселения запрещалось всякое строительство. В населённых пунктах второй очереди сселения разрешалось проводить только ремонт существующих построек, строительство некапитальных зданий и элементарное благоустройство [3. Т. 2. С. 22]. В число неперспективных было включено также 39 населённых пунктов, которые по проекту подлежали объединению с близлежащими перспективными. В итоге в области должно было остаться 588 населённых пунктов, в том числе 4 города, 11 посёлков городского типа, 573 сельских населённых пункта (342 сельскохозяйственных, 199 несельскохозяйственных и 32 смешанных). Было запланировано переселить в перспективные посёлки 41 950 человек, в том числе в первую очередь – 9 630, во вторую – 32 320 человек. За счёт проведения запланированных преобразований предполагалось увеличить среднюю людность сельских населённых пунктов с 328 до 936 человек [Там же. С. 4].

С большей определённость и в практической плоскости намечаемое преобразование сельской поселенческой сети области обсуждалось 20 июля 1972 г. на пятой сессии Томского областного Совета (тринадцатого созыва) в контексте вопроса о капитальном строительстве на селе [4. Л. 1–10]. В подготовленной в 1973 г. по итогам заседания справке указывалось, что в области был 1 101 населённый пункт, в том числе 3 города, 12 посёлков городского типа, 293 сельских населённых пункта, 65 посёлков леспромхозов, 728 населённых пунктов были обозначены как «прочие» [5. Л. 165–166]. 6 ноября 1973 г. облисполком направил в Госплан РСФСР и Госстрой РСФСР данные по прогнозу развития сети сельских населённых пунктов по Томской области на период до 1990 г. В нём указывалось, что к 1991 г. в области должно остаться 540 сельских населённых пунктов, в том числе перспективных – 240, районных центров – 10, центральных усадеб совхозов – 90, центральных усадеб колхозов – 15. Отмечалось, что эти цифры получены на основе систематизации статистических данных с 1959 по 1973 г. анализа происходящей миграции сельского населения и с учётом схем районных планировок. Предполагалось, что такие показатели будут достигнуты за счёт резкого уменьшения количества мелких населённых пунктов, имеющих население до 100 человек, переселения их жителей в перспективные сёла, имеющие лучшее благоустройство и обеспеченность образовательными и культурно-бытовыми учреждениями. Планировался рост сельских населённых пунктов с численностью жителей свыше 500 человек [5. Л. 116].

Важно отметить, что по поводу грандиозной реорганизации сельской поселенческой сети, сведённой в сознании реформаторов главным образом к сселению «неперспективных» деревень, в 1970-е гг. обозначилась некоторая научная и публицистическая рефлексия. К примеру, В.Р. Беленький и Л.А. Кранц, осуществляя обзор практики укрупнения и сселения сельских населённых пунктов и анализируя проявившийся в практике преобразования сельского расселения негатив, говорили, что «решая вопросы укрупнения, в каждом конкретном случае нужно быть максимально осторожным и реалистичным» [6. С. 10]. Но власть декларировала политическую волю и административную решимость в следовании выбранному курсу преобразования сельской поселенческой сети, практика реализации которого давала сбой. Примечательна в этой связи позиция Первого секретаря Томского обкома КПСС Е.К. Лигачёва, который на заседании XVI Томской областной партийной конференции 25 декабря 1975 г. говорил о возросшей в 1970-е гг. актуальности сельского строительства и необходимости в этой связи «значительно расширить фронт работ по переустройству деревни на городской лад» и обязал рассмотреть этот вопрос на ближайшем пленуме обкома КПСС [7. Л. 24]. На пленуме он выказал своё видение целей и задач расселенческой политики и указал на необходимость строго соблюдать заданную логику преобразования сельского расселения в Томской области. По его мнению, в развитии того или иного сельского населённого пункта нужно было строго исходить из планов специализации и концентрации сельскохозяйственного производства в области, из размещения сельскохозяйственных производственных комплексов, активно создаваемых в 1970-е гг. вблизи г. Томска. Масштаб и важность целей оправдывали, с его точки зрения, средства: «Мы не можем просто вообще застраивать село и посёлок, хотя мы там и родились, хотя мы там и живём. Мы закрывали и будем закрывать, сама жизнь будет закрывать ещё немало населённых пунктов, надо только это делать не стихийно, а организованно. Это естественно, потому что в наследие мы получили в целом по стране колоссальную распылённость населения, рассредоточенность в силу того, что в своё время в основе сельского хозяйства лежало мелкое раздробленное крестьянское хозяйство» [8. Л. 61–62]. В выступлении Е.К. Лигачёва содержится ещё один показательно несентиментальный пассаж в отношении деревень. Он настаивал на необходимости образовать городок овощеводов вместо восьми деревень, на базе которых

в то время в Томском районе существовала овощная фирма (а её руководитель Н.С. Жульев просил добавить ему ещё четыре деревни), аргументируя следующим образом: «Но где же мы найдём силы, средства обустраивать все эти двенадцать деревень? А почему мы должны их обустраивать? Потому что наши деды, прадеды и мы там с вами жили, что ли? Наверное, это не является главным условием сохранения всех населённых пунктов» [8. Л. 62]. Таким образом, властью концепция расселенческой политики, нормой которой была ликвидация «неперспективных» деревень, не подвергалась сомнению, а лишь требовала исполнительской дисциплины.

В основу государственной расселенческой политики была положена необходимость решения двух задач: в первую очередь экономической (рост концентрации производства и организации соответствующего размещения трудовых ресурсов), а также социальной (преодоление различий между городом и деревней) [9. С. 31]. Районные планировки, составленные в Томской области на протяжении 1960–1970-х гг., соответствуют данному целеполаганию. К примеру, в «Проекте районной планировки сельскохозяйственных районов Томской области» (1970 г.) говорилось, что «при организации системы расселения в перспективе ставилась задача создать населённые пункты таких размеров и в таком количестве, чтобы обеспечить дальнейшее развитие народного хозяйства области и создание более высокого уровня культурно-бытового и коммунального обслуживания населения этих посёлков». При этом при определении перспективности того или иного населенного пункта особое внимание уделялось производственной необходимости в нём [3. Т. 2. С. 20]. Опять же Е.К. Лигачёв, говоря, в частности, о строительстве в эти годы вблизи Томска крупного комплекса по производству яиц, птичьего мяса и свинины, специально отмечал необходимость создания для работников комплекса вместо имевшихся многочисленных деревень двух посёлков с «пятиэтажными городскими домами, с полным комплексом коммунальных удобств и необходимыми условиями жизни, труда и культурного развития» [8. Л. 62].

Результаты реализации расселенческой политики в 1970-е гг. в Томской области, как и в целом в стране, были далеки от запланированных. В 1970-е гг. уже вошли с большим отставанием по выполнению планов преобразования сельской поселенческой сети области, содержащихся в проектах районных планировок 1960-х гг. Так, из 134 населённых пунктов, которые в проектах районных планировок Парабельского (1964 г.), Бакчарского (1964 г.), Кожевниковского (1965 г.) и Асиновского (1966 г.) районов были названы неперспективными, исчезли в установленный срок только 42 [10. Л. 32; 11. Л. 225–226; 12. С. 35–95; 13. Л. 28–29; 14. Л. 157–158]. Сравнение содержащихся в «Проекте районной планировки сельскохозяйственных районов Томской области» (1970 г.) планов сселения «неперспективных» деревень с перечнями сельских населённых пунктов области за 1970 и 1977 гг. показало, что с начала 1970-х и до 1977 г. исчезло 54,5% «неперспективных» деревень, в частности 70,6% сельских населённых пунктов первой очереди и 10,6% второй очереди сселения [12. С. 35–95; 15. С. 142–196]. Из общего числа «неперспективных» деревень 350 были сельскохозяйственными: 198 первой очереди сселения и 152 – второй. Из них к 1977 г. исчезло 39,5 и 19,1% деревень соответственно. 44 сельских населённых пункта, в проекте районной планировки 1970 г. названные неперспективными и подлежащими сселению, в материалах переписи населения 1970 г. отсутствовали. Очевидно, они исчезли ещё до проведения переписи населения 1970 г. Средняя людность сельских населённых пунктов не достигла запланированного в проекте уровня в 936 человек и в 1979 г. составляла лишь 405 человек, а ещё через десять лет, в 1989 г., – лишь 513 человек (подсчитано по: [12. С. 35–95]).

В целом по стране, по данным выборочных обследований, как указывает Б.С. Хорев, доля переселившихся именно в плановом порядке из неперспективных сёл в перспективные была мала и составляла лишь 2–3% от общего объёма миграции сельского населения [16. С. 34]. Незначительность этого числа подтверждается на областном уровне таким источником, как отчёты колхозов и совхозов. В этих отчётах в первой половине 1970-х гг. появились графы соответственно «Число колхозных дворов, переселённых из мелких населённых пунктов в благоустроенные посёлки» и «Число семей рабочих и служащих совхоза, переселённых из мелких населённых пунктов в благоустроенные поселки». Просмотр большого количества таких отчётов из числа сохранившихся в Государственном архиве Томской области показал, что в их подавляющем большинстве эта графа не была заполнена. Только по трём хозяйствам имеются данные: в колхозе «Гигант» (с. Каргала Шегарского района) в 1975 г. переселили 23 двора и в 1976 г. – 25 дворов, в совхозе «Елгайский» (с. Елгай Кожевниковского района) в 1977 г. переселили одну семью, в Опытно-производственном хозяйстве (ОПХ) им. Б.Н. Сидоренко (с. Богашёво Томского района) в 1977 г. переселили пять семей [17. Л. 27; 18. Л. 15; 19. Л. 42; 20. Л. 2].

Причинами провала реализации планов сселения и районных планировок в целом современники называли недостатки организационного плана и дефицит финансирования. Это нашло отражение в научной и публицистической литературе тех лет, а также в делопроизводственной документации. В Томской области на организационные недостатки обратили внимание ещё в 1960-е гг. В частности, проектная организация «Сибгипросельхозстрой», проверяя в 1968 г. реализацию проекта районной планировки Молчановского района Томской области, отмечала, что «было бы правильно, если бы райисполком и районное производственное управление сельского хозяйства, получив проект районной планировки, разработали конкретные мероприятия по её реализации и довели их до каждого хозяйства. Этой работы проведено не было» [21. С. 29]. Намного позже, в 1986 г. проектировщики той же проектной организации в пояснительной записке к очередной районной планировке, анализируя реализацию предшествующих работ, дословно повто-

ряли эту мысль и продолжали: «В определённой степени на это повлияло и то, что районные и областные плановые органы слабо ориентировали пятилетнее и текущее планирование на реализацию предложений схем районной планировки, мало использовали материалы схем при разработке планов социально-экономического развития районов, притом закрытый характер материалов районных планировок затруднял их использование» [22. Т. 1. Л. 5].

Материалы районных планировок не всегда учитывались при планировании на местах. Изначально районная планировка была призвана решать два комплекса задач планировки сельскохозяйственных районов: 1) определение специализации, объёмов и территориальной организации сельскохозяйственного производства, потребность в рабочей силе; 2) реконструкция системы сельского расселения [23. С. 237–238]. Между тем в производственном отчёте Томской землеустроительной экспедиции за 1968 г. говорится о том, что составленные ими проекты землеустройства увязывались с материалами районных планировок в основном по количеству отделений, по населённым пунктам. Специализация хозяйств, объём производства продукции растениеводства, животноводства и другие показатели, как правило, имели расхождение с материалами районных планировок и увязывались с существующими уже в области материалами специализации и перспективными планами на 1970, 1975, 1980 гг. [24. Л. 8]. Это, несомненно, затрудняло реализацию районных планировок как комплексного документа, планирующего взаимосвязанное преобразование сельских территорий. На протяжении 1970-х гг. ситуация с этим вопросом в стране не изменилась. В начале 1980-х гг. в литературе отмечалось, что «документов законодательного характера, определяющих статус районных планировок, в нашей стране нет, что весьма усложняет дело с её практическим внедрением» [25. С. 193]. Также указывалось, что в регионах не было детально разработанных планов поэтапной (по пятилеткам) реализации преобразовательных мероприятий, заложенных в районных планировках [26. С. 208].

В материалах проведённой в 1969 г. проверки реализации районных планировок Асиновского и Молчановского районов Томской области отмечалось, что организованного сселения из-за недостатка финансовых ресурсов проводилось намного меньше, чем было запланировано [21. С. 25]. Такая картина была повсеместно типичной. Так, Г.В. Йоффе в конце 1970-х гг. писал: «Главным образом по причине нехватки капиталовложений спускавшиеся на места в 1970-е гг. планы по сселению неперспективных деревень выполнялись не более чем на 25–40%» [27. С. 185].

В подобной ситуации решающую роль в изменении сельского расселения Томской области в 1970-е гг. играла миграция сельского населения. Ежегодно 22–25 тыс. человек выбывали из сельской местности Томской области в городские населённые пункты (75% от общего числа мигрирующих) и в сельские населённые пункты других регионов страны (25%). Кроме того, 4,5–6 тыс. человек переезжали в пределах сельской местности области. В то же время в сельскую местность Томской области ежегодно прибывало 20–21 тыс. человек [28. 70–71 об.; 29. Л. 4–5 об., 10–11 об., 31–32 об., 46–47 об.; 30. Л. 10–11 об., 33–34 об., 48–48 об., 61–62 об., 66–67 об., 69–70 об.]. Миграция сельского населения приводила к уменьшению его численности, к его перераспределению в пределах сельской местности области, к поляризации расселения, при которой население концентрировалось в одних местах и исчезало в других. Причиной миграции становилось то, что деревни, обозначенные как неперспективные, существовали под этим ярлыком довольно долго. Они теряли одно за другим учреждения и услуги, обеспечивавшие их жизнедеятельность, рабочие места: в них закрывались школы, фельдшерские пункты, отменялись автобусные маршруты, закрывались или перевозились на центральные усадьбы фермы. Это вынуждало людей к самостоятельному переезду.

Негативный эффект миграции населения из села вызывал обеспокоенность власти и общественности, вынуждал изучать её, разрабатывать меры по её оптимизации и ограничению [31–33]. Большую роль в этом сыграла группа социологов-экономистов из Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР (ИЭОПП СО АН СССР) (г. Новосибирск) во главе с Т.И. Заславской. В ходе социологических обследований поселенческой сети Западной Сибири в 1967, 1972 и 1977 гг. они изучали причины и структуру миграции сельского населения, состав и количество сельских мигрантов, влияние миграции на социально-демографическую и экономическую жизнь деревни, а также осуществили типологию и классификацию сельских населённых пунктов. Были выявлены зависимости между уровнем миграции сельского населения и уровнем развития экономики и социальной инфраструктуры на селе. Особое внимание было уделено исследованию социально-психологической составляющей миграции с целью определения тех элементов механизма миграции, на которые можно воздействовать, чтобы перейти от существовавших на тот момент в стране миграционных потоков к желаемым [34, 35]. По итогам исследования они утверждали, что «результаты миграции населения можно изменить, регулируя условия жизни в разных типах сельских посёлков и, кроме того, сселяя жителей мелких посёлков в крупные благоустроенные сёла» [35. С. 14]. В 1970-е гг. имела место попытка усилить сселение, чтобы сконцентрировать остатки сельского населения в небольшом количестве населённых пунктов. В частности, сселение было одним из основных положений программы развития Нечерноземья, принятой в 1974 г. в связи с Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР (20 марта 1974 г.) «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР» [36. С. 120–135].

Несоответствие реальных миграционных процессов и практики преобразования сельского расселения замыслам и предписаниям власти в 1970-е гг. предполагалось нивелировать посредством дальнейшего раз-

вития теории преобразования сельского расселения. В середине десятилетия были созданы теории единой системы расселения (ЕСР), групповых систем населённых мест (ГСНМ), опорного каркаса расселения (ОКР), которые предусматривали концентрацию сельской поселенческой сети путём определения и застройки перспективных, развивающихся населённых пунктов и сселения жителей мелких деревень. Также следовало сформировать местные системообразующие центры кустового, районного и межрайонного уровней, которые должны были стать центрами обслуживания прилегающей сельской местности за счёт расположения в них ряда культурно-бытовых учреждений. Третьим элементом было развитие дорожной сети, связывающей деревни с центрами обслуживания [37–39]. На основе этих теорий в первой половине 1970-х гг. Центральным научно-исследовательским и проектным институтом градостроительства (ЦНИИПградостроительства) на основе разработанной Советом по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР Генеральной схемы развития и размещения производительных сил СССР была разработана Генеральная схема расселения на территории СССР [40. С. 33]. В ней говорилось о необходимости создания условий расселения, благоприятствующих существенному повышению уровня культурно-бытового обслуживания и благоустройства сельских поселений, о сближении условий жизни в городах и сельских населённых пунктах. Были выделены 62 крупные групповые системы расселения, 169 средних и 323 мелкие [40. С. 32; 41. Л. 4–5]. В Генеральной схеме расселения было выделено три этапа:

1. 1970–1975 гг.: строительство экспериментальных посёлков, завершение формирования опорной сети населённых пунктов, развитие системы культурно-бытового обслуживания, осуществление районной планировки, застройки и благоустройства основных населённых пунктов, развитие транспортной сети и средств связи.

2. 1975–1980 гг.: утверждение новой системы расселения, где должно быть преодолено различие между городом и деревней, завершение ликвидации неперспективных населённых пунктов, преобразование сельских поселений в посёлки городского типа, в том числе по уровню благоустройства.

3. До 2000 г.: полное стираное различий между городом и деревней [42. С. 210].

Явный крен в углубление теории сельского расселения в 1970-е гг. был следствием отсутствия ожидаемого эффекта от практики реализации расселенческой политики.

На преобразование сельского расселения в 1970-е гг. всё большее корректирующее воздействие стала оказывать очередная «генеральная линия партии и правительства», суть которой заключалась в концентрации и специализации сельскохозяйственного производства, переводе его на индустриальную основу. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР (1971 г.) «О развитии производства продуктов животноводства на промышленной основе» определило переход на производство сельскохозяйственной продукции современными промышленными методами – путём создания крупных животноводческих и птицеводческих комплексов. XXV съезд КПСС (май 1976 г.) принял Постановление «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции». Также съездом была подчёркнута важность и необходимость решения проблем экономического районирования и размещения производительных сил [25. С. 299]. Это предопределяло ещё большую концентрацию сельской поселенческой сети.

Серьёзные изменения в области сельскохозяйственной политики вызвали необходимость создания новой районной планировки Томской области. В 1978 г. в переписке с Госстроем РСФСР заместитель председателя Томского облисполкома А.И. Демчук отмечал, что разработанный в 1970 г. на основе районных планировок административных районов проект районной планировки Томской области является чисто сельскохозяйственным, некомплексным и не даёт перспектив развития области. Из-за этого вопросы сельхозпроизводства (особенно пригородных районов) не были увязаны с перспективой развития промышленности и ростом численности населения г. Томска. Особенно отмечалось, что этот проект не учитывал необходимость специализации животноводства, строительства крупных комплексов на промышленной основе. А.И. Демчук информировал Госстрой РСФСР о том, что проектный институт «Гипрогор» (Москва) в тот момент вёл разработку комплексной схемы областной районной планировки [43. Л. 240].

В 1978–1979 гг. разработка «Схемы районной планировки Томской области» была завершена. Основная работа была проделана институтом «Гипрогор», а раздел «Сельское хозяйство» был выполнен на субподрядных началах Уральским государственным институтом по проектированию сельскохозяйственного строительства «Уралгипросельхозстрой». В этом разделе содержатся анализ сложившейся сельской поселенческой сети Томской области и проектные решения по её преобразованию. Схема была составлена на расчётный срок до 2000 г. с выделением первой (до 1985 г.) и второй (до 1990 г.) очереди [15. С. 1, 53].

Согласно схеме на 1 января 1977 г. в Томской области оставалось 763 сельских населённых пункта. Из них 604 (почти 80%) имели численность населения до 300 человек, и поэтому авторы проекта отнесли их к «категории поселений, не имеющих оптимальных условий для дальнейшего развития с позиции градостроительства». В них проживал 31% сельского населения. Основная часть сельских жителей (69%) была сконцентрирована в 159 сельских населённых пунктах, средняя людность которых составляла 1 260 человек [Там же. С. 53]. Отмечалось, что сельское расселение в области было крайне неравномерным, отличалось раздробленностью с преобладанием малолюдных поселений и наличием небольшой группы крупных населённых пунктов, в которых было сконцентрировано почти 70% сельского населения [Там же. С. 57]. Густота сельских населенных пунктов в райо-

нах области была различной. Наибольшая отмечалась в Томском (1,5 пункта на 100 кв. км), Кожевниковском (1,3) и Асиновском (0,9) районах, наименьшая – в Александровском и Верхнекетском (0,05–0,06). В среднем по области она составляла 0,2 сельских населённых пункта на 100 кв. км территории [15. С. 54–55]. Из имевшихся сельских населённых пунктов 551 был связан с сельским хозяйством. Оставшиеся 212 в схеме были отнесены к группе «прочие». В их число вошли лесные, железнодорожные, приисковые и другие поселки.

Несмотря на констатируемую определённую устойчивость сложившегося сельского расселения, документ требовал коренного преобразования поселенческой сети в связи с современными тенденциями развития сельскохозяйственного производства, а именно в связи с переводом его на индустриальную основу. В схеме главной задачей реконструкции сельского расселения называлась активизация развития ограниченного числа перспективных населенных пунктов и сселение мелких неперспективных сельских населённых пунктов [Там же. С. 57–58]. Утверждалось, что к решению поставленных задач существующая система практически подготовлена, так как сеть перспективных поселений обозначена достаточно чётко. Это, прежде всего, посёлки с численностью населения более 500 человек, а также усадьбы колхозов и совхозов, развитие которых диктуется их географическим и экономическим положением в хозяйстве. Отмечалось, что в каждом из 133 хозяйств, существовавших в области на тот момент, должно было остаться по два–три населённых пункта. В конечном итоге в схеме районной планировки 229 сельских населённых пунктов были определены перспективными, 160 – сохраняемыми. Последние считали необходимым сохранить из-за характера территории сельхозпредприятий (разобщённость земельных массивов, залесенность и заболоченность, гидрографические преграды и пр.), в них рекомендовалось не осуществлять крупное строительство, обслуживание сельских жителей следовало осуществлять через центры внутрихозяйственных систем расселения – перспективные населённые пункты. На некоторый период они были необходимы в производственном отношении, но в идеальные представления о поселенческой структуре они не вписывались. 372 сельских населённых пункта намечались к сселению как самые малолюдные деревни, практически не имеющие базы сельскохозяйственного производства, 2 – к слиянию [15. С. 58–59]. Таким образом, если по проекту 1970 г. после сселения «неперспективных» деревень должно было остаться 564 сельских населённых пункта, то по схеме 1978 г. – лишь 389.

Планы преобразования сельского расселения ориентировались также на необходимость организации достойного культурно-бытового обслуживания сельских жителей. Однако исторически сложившаяся разбросанность сельских населённых пунктов и слабая транспортная доступность не позволяли сформировать единую многоступенчатую систему обслуживания. Документ констатирует, что учреждения соцкультбыта в сельской местности были очень мелкие, многие сельские населённые пункты были вовсе лишены этих учреждений, а капитальные вложения при строительстве распылялись [15. С. 60]. Предполагаемое сселение должно было способствовать созданию многоступенчатой системы обслуживания с выделением учреждений повседневного, периодического и эпизодического использования [Там же. С. 61]. Большинство перспективных сельских населённых пунктов, определённых в схеме как центры внутрихозяйственных систем сельского расселения, были отнесены к центрам обслуживания первой ступени. В них предписывалось размещать учреждения повседневного спроса, т.е. те, которыми жители групповой внутрихозяйственной системы пользуются ежедневно или не реже одного раза в десять дней. Они должны были располагаться в получасовой транспортной доступности для всех жителей. Через центры первой ступени планировалось осуществлять культурно-бытовое обслуживание сельских населённых пунктов ограниченного развития. Центрами второй ступени были определены райцентры. В них располагались учреждения периодического посещения, которые посещали не реже одного раза в месяц. Их транспортная доступность должна была составлять час-полтора [15. С. 61–62]. Третья ступень – города, крупные населённые пункты, в которых следовало размещать учреждения эпизодического использования.

В схеме районной планировки Томской области (1978 г.), а также в ряде изданий того периода содержались ещё более масштабные выкладки в сфере расселенческой политики, особенно в части формирования в Томской области групповых систем населённых мест (ГСНМ) различного ранга. Предусматривалось создание следующих групповых систем населённых мест:

1. Крупная система с центром в г. Томске. Радиус обслуживания – 120 км. Эта система должна была охватить такие центры, как г. Асино, п. Первомайский, рабочий посёлок Самусь, Моряковский Затон и 195 сельских, лесных и прочих населённых пунктов. Город Томск, в свою очередь, был определён лишь как один из периферийных городов в Кузбасском микрорегионе Новосибирской региональной системы расселения [44. С. 5].

2. Средняя групповая система с центром в г. Нижневартовске. Радиус обслуживания – 80 км. В эту систему должны были войти г. Стрежевой и 10 прочих населённых пунктов Томской области.

3. Малая групповая система с центром в г. Колпашево. Радиус обслуживания – 40 км. В границы этой системы должны были войти посёлок Тогур, а также ещё 50 сельских населённых пунктов. Про г. Колпашево в схеме было сказано, что хотя он и является крупнейшим населённым пунктом центральной зоны области, но при существующем уровне экономического развития и слабых транспортных связях не способен как выполнять роль центра зоны, так и образовать в зоне групповую систему расселения [15. С. 12–15, 53–55].

Особое внимание уделялось планированию расселения на севере области. Эта территория развивалась преимущественно на добывающих отраслях – нефте- и газодобыче. Расселение на этих территориях плани-

ровалось в виде г. Стрежевого, который должен был обслуживать Стрежевской и Васюганский нефтяные районы, и г. Пудино – Нюрольский нефтяной район, а также вахтенных посёлков. Проектировщикам было очевидно, что эти групповые системы населённых мест охватывают далеко не всю территорию Томской области. Вне формирующихся групповых систем оставались несколько населённых пунктов, расположенных обособленно: город Пудино, рабочий посёлок Каргасок, посёлок Белый Яр. В отношении таких ситуаций в обзоре, посвященном Генеральной схеме расселения на территории СССР, изданном в 1980 г., говорилось, что не все районы сельской местности в перспективе могут быть охвачены малыми групповыми системами населённых мест из-за отсутствия в них городских поселений, низкой плотности сельского населения, большой удалённости поселений друг от друга. Наиболее целесообразными путями улучшения условий проживания сельского населения в этих районах были названы организация обслуживания населения передвижными средствами, организация транспорта, обеспечивающего доступ к городам – центрам систем населенных мест, создание в перспективе малых городов [45. С. 21]. Предложений было много, но ни одно из них в Томской области реализовано не было.

К 1980 г. в теории и практике расселенческой политики обнаружилось серьёзное торможение. Прежде всего, отсутствовал значимый эффект в виде повышения производительности труда. С 1975 г. в общественном сознании стали доминировать в отношении судеб малых деревень гуманистические настроения. Бюрократические подходы испытывали давление, исходившее от писателей-деревенщиков. Периодический перевод проблем расселенческой политики во всё новые стадии теоретической разработки оправдывал пассивность колхозно-совхозного начальства в деле сселения «неперспективных» деревень. Всё это нашло отражение в выпущенном в 1980 г. циркуляре Госгражданстроя СССР «Об устранении недостатков в проектах районной планировки в части расселения в сельской местности», отменившем выделение неперспективных сельских населённых пунктов [46. С. 22].

Между тем отказ от одиозного термина «неперспективная деревня» не подвергал сомнению саму идею планирования сельского расселения. Экономическая и общественно-политическая обстановка рубежа 1970–1980-х гг. побуждала власть предпринимать управленческие манёвры с целью нивелирования продовольственных трудностей в стране. Отказ от термина был своеобразным прикрытием утрирования роли планирования сельского расселения в деле обеспечения продовольственной безопасности страны.

Произошедший на предыдущих этапах перевод изначально политической задачи преобразования сельского расселения – задачи раскрестьянивания – в экономическую – преобразование сельской поселенческой сети как основы высокоэффективного сельскохозяйственного производства – успехом не увенчался. К концу 1970-х гг. осуществлённые преобразования сельской поселенческой сети области так и не привели к росту сельскохозяйственного производства, как, впрочем, и в целом районные планировки эффективным инструментом его развития так и не стали.

Продолженная в 1970-е гг. большая работа по теоретической разработке вопроса преобразования сельского расселения не нашла соответствующего практического воплощения. Перманентное совершенствование районных планировок превратилось в самоцель, в своеобразную индустрию, обеспечивающую работой идеологов и практиков преобразования сельского расселения. Демагогия по поводу урбанистических перспектив развития деревни привела к имитации работы по реализации расселенческой политики на уровне смычки районного и колхозно-совхозного начальства. А тот факт, что в 1970-е гг. деревни исчезали, был результатом в массе своей не целенаправленных усилий по реализации предписаний районных планировок, а следствием деградации деревень вообще и так называемых неперспективных деревень в особенности, ибо в отношении последних неблагоприятные факторы создавались ещё и искусственно с уровней, объемлющих усилия колхозно-совхозного начальства.

Что касается сельских жителей, трудно говорить о том, что в 1970-е гг. ими были наработаны качественно новые адаптационные практики. Итогом многочисленных преобразований на селе в 1960-х гг. стала полная дезориентация крестьян, которая по логике должна была смениться новой организацией сельских тружеников [47. С. 370]. Однако этого не произошло, а сельские жители, утратив навыки артельного самоуправления, сумели самосохраниться лишь в качестве пассивных объектов управления. Власть, взяв сельских тружеников под прямое директивное управление, заполучила все издержки, присущие несамообеспечивающимся сообществам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Орлов Д.С.* Сельское хозяйство Томской области во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг.: от мартовского пленума ЦК КПСС 1965 г. к Продовольственной программе 1982 г. Бийск : АГАО, Институт истории СО РАН, ГУТО ЦДНИ, 2014. 279 с.
2. *Государственный* архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-829. Оп. 3. Д. 703.
3. *Текущий* архив Департамента архитектуры, строительства и дорожного комплекса Администрации Томской области. Проект районной планировки сельскохозяйственных районов Томской области. 1970 г.
4. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 478.
5. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 568.
6. *Беленький В.Р., Кранц Л.А.* Сельские посёлки в единой системе расселения. М. : Знание, 1975. 64 с.
7. *Центр* документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 4602.
8. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4605.
9. *Ходжаев Д.Г., Вишнякова В.С., Глабина Н.К.* Эффективность расселения: проблемы и суждения. М. : Мысль, 1983. 276 с.
10. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 3. Д. 514.
11. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 7. Д. 4999.

12. *Численность* населения по каждому населённому пункту Томской области по итогам ежегодного учёта и Всесоюзных переписей населения за период с 1959 по 1989 г. Томск : Томское областное управление статистики, 1990. 95 с.
13. ЦДНИ ТО. Ф. 5399. Оп. 1. Д. 47.
14. ЦДНИ ТО. Ф. 252. Оп. 3. Д. 5.
15. *Текущий* архив Департамента архитектуры, строительства и дорожного комплекса Администрации Томской области. Схема районной планировки Томской области. 1978 г.
16. *Хорев Б.С.* Реконструкция сельского расселения: новый этап научно-технической политики // Вопросы географии. М. : Мысль, 1988. Сб. 132 : Современное село: пути развития. С. 34–52.
17. ГАТО. Ф. Р-1390. Оп. 3. Д. 756.
18. ГАТО. Ф. Р-1390. Оп. 3. Д. 857.
19. ГАТО. Ф. Р-1390. Оп. 3. Д. 955.
20. ГАТО. Ф. Р-1390. Оп. 3. Д. 946.
21. *Текущий* архив администрации Муниципального образования «Асиновский район» (г. Асино Томской области). Результаты проверки реализации проектов районной планировки Асиновского и Молчановского районов (1969 г.). 72 с.
22. *Текущий* архив Департамента архитектуры, строительства и дорожного комплекса Администрации Томской области. Проект районной планировки Асиновской группы районов Томской области. Пояснительная записка к группе районов. 1986 г.
23. *Перцик Е.Н.* Районная планировка (географический аспект). М. : Мысль, 1973. 263 с.
24. ГАТО. Ф. Р-1692. Оп. 1. Д. 190.
25. *Хорев Б.С.* Территориальная организация общества (актуальные проблемы регионального управления и планирования в СССР). М. : Мысль, 1981. 320 с.
26. *Проблемы* расселения в СССР : социально-демографический анализ сети поселений и задачи управления / под. ред. Б.С. Хорева. М. : Статистика, 1980. 255 с.
27. *Иоффе Г.В.* Управление расселением: возможности и ограничения // Методы изучения расселения. М. : Институт географии Академии наук СССР, 1987. С. 181–196.
28. ГАТО. Ф. Р-1085. Оп. 3. Д. 228.
29. ГАТО. Ф. Р-1085. Оп. 3. Д. 263.
30. ГАТО. Ф. Р-1085. Оп. 3. Д. 547.
31. *Миграционная* подвижность населения в СССР / под. ред. Б.С. Хорева. М. : Статистика, 1974. 159 с.
32. *Староверов В.И.* Социально-демографические проблемы деревни. Методология, методика, опыт анализа миграции сельского населения. М. : Наука, 1975. 285 с.
33. *Хорев Б.С., Чапек В.Н.* Проблемы изучения миграции населения : статистико-географические очерки. М. : Мысль, 1978. 253 с.
34. *Миграция* сельского населения / отв. ред. Т.И. Заславская. М. : Мысль, 1970. 348 с.
35. *Заславская Т.И.* О целях и методах планирования миграции сельского населения в города : доклад на VII Международный социологический конгресс. (Варна, сентябрь 1970). Новосибирск : Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, 1970. 20 с.
36. *Решения* партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 36. М. : Изд-во полит. лит., 1976. 552 с.
37. *Беленький В.Р.* Проблема агроиндустриальных поселений (расселение в районах размещения территориальных аграрно-промышленных комплексов). М. : Мысль, 1979. 183 с.
38. *Пивоваров Ю.Л.* Современная урбанизация. Основные тенденции расселения. М. : Статистика, 1976. 191 с.
39. *Кочетков А.В., Листенгурт Ф.М.* Расселение в СССР (проблемы и решения). М. : Знание, 1981. 48 с.
40. *Браде И., Перцик Е.Н., Питерский Д.С.* Районная планировка и разработка схем расселения: опыт и перспективы. М. : Международные отношения, 2000. 136 с.
41. *Белоусов В.Н.* Генеральная схема расселения на территории СССР. М. : ЦНТИ по гражданскому строительству и литературе, 1977. 11 с.
42. *Мазур Л.Н.* Сельское расселение на Среднем Урале в XX веке: направления и варианты трансформации поселенческой сети : дис. … д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2006. 480 с.
43. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 899.
44. *Неустроев К.Ф.* Формирование систем группового расселения на территории Сибири (обзорная информация). М. : ЦНТИ по гражданскому строительству и архитектуре, 1979. 49 с.
45. *Листенгурт Ф.М., Сипунова Е.В.* Генеральная схема расселения на территории СССР (обзорная информация). М. : Экономика, 1980. 46 с.
46. *Хорев Б.С.* Кто же назвал деревню «неперспективной»? // Сельская новь. 1990. № 3 (291). С. 21–22.
47. *Скотт Дж.* Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М. : Университетская книга, 2005. 576 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 апреля 2015 г.

THE PRACTICE OF DESIGNING AND TRANSFORMATION OF RURAL POPULATION DISTRIBUTION OF TOMSK OBLAST IN THE 1970S

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 165–174. DOI: 10.17223/15617793/401/25

Usoltseva Olga V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: usolzeva@list.ru

Keywords: rural population distribution in 1970s; Tomsk Oblast; resettlement; district layout; population settlement group system.

By the 1970s, Tomsk Oblast had planned quantitative and qualitative parameters of an organized bigger settlement network. In the 1970s, the reorganization of the rural settlement network became a priority of the agricultural policy. The Project of District Layout of Agricultural Areas of the Tomsk Oblast was developed at the end of the 1960s and approved in 1971. According to it, the number of settlements in the Oblast had to be reduced from 1,107 to 588. In the 1970s, some scientific and journalistic reflection arose concerning the transformations of the rural settlement network that were reduced in the minds of the reformers mainly to the resettlement of the “unpromising” villages. It particularly results in calls for caution in resettlement planning and conducting. However, despite the repeated failures in the implementation of these reforms, the government declared political will and administrative determination to follow the chosen way. The part of people who moved in a planned manner from unpromising villages to perspective ones was insignificant. In the 1970s, the migration of rural population played a decisive role in changing of the rural population distribution in Tomsk Oblast. Migration led to a reduction of the rural population of the Oblast, to its redistribution within the rural areas, to the polarization of the population distribution. The negative effect of large-scale population migration from the village caused concern of the authorities and the public, forced to study it, to develop measures for its optimization and limitation. Further

development of the theory of rural settlement transformation was intensified. It resulted in the development of the theories of a unified settlement system, a population settlement group system, a settlement pattern framework. The District Planning Scheme of Tomsk Oblast (1978), as well as a number of publications of that period, names three group systems of population settlement (with centers in Tomsk, in Kolpashevo and in Nizhnevartovsk), parts of which were to be the rural settlements of Tomsk Oblast. However, it was obvious that the lack of city settlements, the low-density of rural population, remoteness of settlements from each other led to the fact that group systems could not cover all the territory of Tomsk Oblast. In the 1970s, the transformation of the rural population distribution began to be increasingly corrected by the undertaken concentration and specialization of agricultural production. Resettlement following manufacturing was to become even more concentrated. Thus, according to The District Planning Scheme of Tomsk Oblast (1978) only 389 villages were to be preserved. Great work conducted in these years on the theoretical development of the transformation of rural population distribution did not find an appropriate practical implementation. By the end of the 1970s, the reorganization of rural settlement network had not led to an increase in agricultural production. At that time, villagers could preserve themselves only by becoming passive objects of control. Therefore, the authorities, taking them under direct policy management, acquired all the expenses inherent to the degrading village.

REFERENCES

1. Orlov, D.S. (2014) *Sel'skoe khozyaystvo Tomskoy oblasti vo vtoroy polovine 1960-kh – nachale 1980-kh gg.: ot martovskogo plenuma TsK KPSS 1965 g. k Prodovol'stvennoy programme 1982 g.* [Agriculture of Tomsk Oblast in the second half of the 1960s – early 1980s: from the March Plenum in 1965 to the Food Program in 1982]. Biysk: AGAO, Institute of History, SB RAS, Guto TSDNI.
2. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 3. File 703. (In Russian).
3. The Current Archive of the Department of Architecture, Building and Road Complex of Tomsk Oblast Administration. (1970) *Proekt rayonnoy planirovki sel'skokhozyaystvennykh rayonov Tomskoy oblasti* [The draft of the district planning of agricultural districts of Tomsk Oblast].
4. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 1. File 478. (In Russian).
5. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 1. File 568. (In Russian).
6. Belen'kiy, V.R. & Krants, L.A. (1975) *Sel'skie poselki v edinoy sisteme rasseleniya* [Rural settlements in the unified system of settlement]. Moscow: Znanie.
7. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 4602. (In Russian).
8. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 4605. (In Russian).
9. Khodzhaev, D.G., Vishnyakova, V.S. & Glabina, N.K. (1983) *Effektivnost' rasseleniya: problemy i suzhdeniya* [The effectiveness of the settlement: problems and judgments]. Moscow: Mysl'.
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 3. File 514. (In Russian).
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 7. File 4999. (In Russian).
12. Tomsk Regional Administration of Statistics. (1990) *Chislennost' naseleniya po kazhdomu naselennomu punktu Tomskoy oblasti po itogam ezhegodnogo ucheta i Vsesoyuznykh perepisey naseleniya za period s 1959 po 1989 gg.* [The population of every settlement of Tomsk Oblast in the annual account and in the All-Union censuses in the period from 1959 to 1989]. Tomsk: Tomskoe oblastnoe upravlenie statistiki.
13. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 5399. List 1. File 47. (In Russian).
14. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 252. List 3. File 5. (In Russian).
15. The Current Archive of the Department of Architecture, Building and Road Complex of Tomsk Oblast Administration. (1978) *Skhema rayonnoy planirovki Tomskoy oblasti* [The scheme of district planning of Tomsk Oblast].
16. Khorev, B.S. (1988) Rekonstruktsiya sel'skogo rasseleniya: novyy etap nauchno-tekhnicheskoy politiki [Reconstruction of rural resettlement: a new stage of scientific and technical policy]. *Voprosy geografii*. 132. pp. 34–52.
17. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1390. List 3. File 756. (In Russian).
18. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1390. List 3. File 857. (In Russian).
19. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1390. List 3. File 955. (In Russian).
20. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1390. List 3. File 946. (In Russian).
21. The Current Archive of the Administration of Asino District (Asino, Tomsk Oblast). (1969) *Rezul'taty proverki realizatsii proektov rayonnoy planirovki Asinovskogo i Molchanovskogo rayonov* [The results of inspection of projects of district planning in Asino and Molchanovsky Districts].
22. The Current Archive of the Department of Architecture, Building and Road Complex of Tomsk Oblast Administration. (1986) *Proekt rayonnoy planirovki Asinovskoy gruppy rayonov Tomskoy oblasti. Poyasnitel'naya zapiska k gruppe rayonov* [The draft of district planning of the Asino group of districts of Tomsk Oblast. An explanatory note to the group of districts].
23. Pertsik, E.N. (1973) *Rayonnaya planirovka (geograficheskiy aspekt)* [District planning (geographical aspect)]. Moscow: Mysl'.
24. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1692. List 1. File 190. (In Russian).
25. Khorev, B.S. (1981) *Territorial'naya organizatsiya obshchestva: (aktual'nye problemy regional'nogo upravleniya i planirovaniya v SSSR)* [Territorial organization of society (problems of regional management and planning in the Soviet Union)]. Moscow: Mysl'.
26. Khorev, B.S. (ed.) (1980) *Problemy rasseleniya v SSSR: sotsial'no-demograficheskiy analiz seti poseleniy i zadachi upravleniya* [Problems of settlement in the Soviet Union: the socio-demographic analysis of the network of settlements and management tasks]. Moscow: Statistika.
27. Ioffe, G.V. (1987) Upravlenie rasseleniem: vozmozhnosti i ogranicheniya [Management of resettlement: the possibilities and limitations]. In: Lappo, G.M. & Shuper, V.A. (eds) *Metody izucheniya rasseleniya* [Methods of studying resettlement]. Moscow: Institute of Geography, USSR AS.
28. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1085. List 3. File 228. (In Russian).
29. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1085. List 3. File 263. (In Russian).
30. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1085. List 3. File 547. (In Russian).
31. Khorev, B.S. (ed.) (1974) *Migratsionnaya podvizhnost' naseleniya v SSSR* [Migration mobility of the population in the USSR]. Moscow: Statistika.
32. Staroverov, V.I. (1975) *Sotsial'no-demograficheskie problemy derevni. Metodologiya, metodika, opyt analiza migratsii sel'skogo naseleniya* [Socio-demographic problems of the village. Methodology, technique, experience in analyzing the migration of the rural population]. Moscow: Nauka.
33. Khorev, B.S. & Chapek, V.N. (1978) *Problemy izucheniya migratsii naseleniya: statistiko-geograficheskie ocherki* [Problems of studying migration: statistical and geographical essays]. Moscow: Mysl'.
34. Zaslavskaya, T.I. (ed.) (1970) *Migratsiya sel'skogo naseleniya* [The migration of the rural population]. Moscow: Mysl'.
35. Zaslavskaya, T.I. (1970) *O tselyakh i metodakh planirovaniya migratsii sel'skogo naseleniya v goroda* [On the purposes and methods of planning the migration of rural population to the cities]. A report on the VII International Congress of Sociology. Varna. September 1970. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering, SB USSR AS.
36. Anon. (1976) *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam* [The decisions of the party and the government on economic issues]. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury.

37. Belen'kiy, V.R. (1979) *Problema agroindustrial'nykh poseleniy (rasselenie v rayonakh razmeshcheniya territorial'nykh agrarno-promyshlennykh kompleksov)* [The problem of agroindustrial settlements (settlement in areas with regional agro-industrial complexes)]. Moscow: Mysl'.
38. Pivovarov, Yu.L. (1976) *Sovremennaya urbanizatsiya. Osnovnye tendentsii rasseleniya* [Modern urbanization. Main trends of settlement]. Moscow: Statistika.
39. Kochetkov, A.V. & Listengurt, F.M. (1981) *Rasselenie v SSSR (problemy i resheniya)* [Settling in the USSR (problems and solutions)]. Moscow: Znanie.
40. Brade, I., Pertsik, E.N. & Piterskiy, D.S. (2000) Rayonnaya planirovka i razrabotka skhem rasseleniya: opyt i perspektivy [District planning and development of settlement schemes: experience and prospects]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
41. Belousov, V.N. (1977) *General'naya skhema rasseleniya na territorii SSSR* [General scheme of settlement in the territory of the USSR]. Moscow: TsNTI po grazhdanskomu stroitel'stvu i literature.
42. Mazur, L.N. (2006) *Sel'skoe rasselenie na Srednem Urale v XX veke: napravleniya i varianty transformatsii poselencheskoy seti* [Rural settlement in the Middle Urals in the twentieth century: trends and options for the transformation of the settlement network]. History Dr. Diss. Ekaterinburg.
43. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 1. File 899. (In Russian).
44. Neustroev, K.F. (1979) *Formirovanie sistem gruppovogo rasseleniya na territorii Sibiri (obzornaya informatsiya)* [Formation of systems of group resettlement in Siberia (an overview)]. Moscow: TsNTI po grazhdanskomu stroitel'stvu i arkhitekture.
45. Listengurt, F.M. & Sipunova, E.V. (1980) *General'naya skhema rasseleniya na territorii SSSR (obzornaya informatsiya)* [General scheme of settlement in the territory of the Soviet Union (an overview)]. Moscow: Ekonomika.
46. Khorev, B.S. (1990) Kto zhe nazval derevnyu "neperspektivnoy"? [Who called the village "unpromising"?]. *Sel'skaya nov'*. 3(291). pp. 21–22.
47. Scott, J. (2005) *Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniya usloviy chelovecheskoy zhizni* [Good intentions of the state. Why and how failed projects to improve the conditions of human life]. Moscow: Universitetskaya kniga.

Received: 13 April 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 175–180. DOI: 10.17223/15617793/401/26

УДК 94: 271.2 (571.1/.5+477)

О.А. Фефелова

ВЫСШИЕ ИЕРАРХИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ – ВЫПУСКНИКИ КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ В СИБИРИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Представлены различные мнения о действиях высших иерархов – выпускников Киевской академии в Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Так ли действительно они были жестки и чужеродны в сравнении с их российскими предшественниками и современниками? Или же их деятельность вполне соответствовала государственной политике? Автор статьи, анализируя материалы историографии, по-новому трактуя источники, старается дать объективную характеристику личностей и деятельности преосвященных.

Ключевые слова: история Сибири; Русская православная церковь; Киево-Могилянская академия; митрополиты; архиепископы.

В первой половине XVIII в. все митрополиты Тобольские и Сибирские были выпускниками Киевской академии. Эта практика существовала со времен Петра I. Согласно одной точке зрения, для церковной политики царя было характерно стремление к полному обновлению епископата Русской православной церкви. Из архиереев была сформирована группа – особый «кадровый резерв» петровской церковной политики, который перемещался из епархии в епархию, постепенно заполняя вакантные стратегические для государства кафедры. В Сибири архиереи-выпускники Киево-Могилянской академии осуществляли христианизацию и русификацию местного населения [1. С. 45].

Приверженцы другой точки зрения обвиняют Петра I в «малороссизации» Русской православной церкви, называя петровскую реформу прямой «украинизацией» церковных школ. Якобы на протяжении всего XVIII в. сохранялось противостояние между великороссским и малороссийским духовенством. Исследования последних лет вносят коррективы в традиционные оценки и стереотипы восприятия. Можно писать о приблизительном паритете роли малороссиян и великороссов в церковной жизни. Обе когорты не представляли реальных сообществ, каждая из действующих внутрицерковных группировок была полиэтничной, что, по мнению С.С. Лукашовой, не отменяло осознания этнических различий, например, в случае обострения отношений выходцы из Киевской митрополии повсеместно обзывались «черкасами» [Там же. С. 47].

С.М. Соловьёв, исследуя образованность в России в первые семь лет царствования Елизаветы Петровны (1741–1748 гг.), писал о том, что для обучения духовенства «...необходимым средством был признан вызов ученых монахов из Малороссии на архиерейские кафедры в Великой России. Необходимость продолжалась и после Петра Великого; но мы видели темную сторону этого явления; на архиереев смотрели враждебно, как на чужих, втершихся и оттеснивших великороссиян; их упрекали, что они благоприятствуют только своим, наполняют значительнейшие места малороссиянами же. Неудовольствие было сильное и простиралось не только на лица, но и на дело, для которого были призваны лица, на школы. <…> Например, Архангельский архиерей Варсонофий говорил о большой, хорошо выстроенной школе: “Чего ради такая не по здешней епархии школа построена? Да и школам в здешней скудной епархии быть не надлежит; к школам охоту имели бывшие здесь архиереи-черкасишки, ни к чему негодницы”. Экзаменатора Венедикта Галецкого Синод велел произвести в архимандриты в Антониев-Сийский монастырь; но Варсонофий из ненависти к нему, как малороссиянину, не произвел его в архимандриты и пищу давал очень скудную, напитков ничего не давал и в келью к себе редко допускал. Галецкий, не вынесши такого обращения, уехал, а Варсонофий обрадовался и говорил: “Слава богу, черкашенина отсюда избыли!”» [2].

С.С. Лукашова делает важное уточнение: в имеющихся источниках наименование «черкасы» несет отчетливо оскорбительный оттенок, но, согласно исследованиям А.И. Папкова, к середине XVII в. «черкасами» в официальных российских документах именовали уже всех жителей Украины [1. С. 56].

А.И. Папков пишет об эволюции термина «черкасы». Если в XVI в. он возник для обозначения украинских казаков, то к середине XVII в. «черкасами» в официальных российских документах именовали уже всех жителей Украины. По его мнению, данное замечание справедливо в отношении пограничной территории Российского царства и Речи Посполитой вплоть до середины XVII в. Показательно, что при проведении ревизий в XVIII в. потомки украинских переселенцев в Россию первой половины XVII в. записывались как «подданные черкасы», а потомки переехавших на русские земли после 1654 г. – как «подданные малороссияне». Он предполагает, что, вероятно, «существует определенная связь между встречающейся в источниках терминологией и заинтересованностью Российского государства в заселении своего порубежья не столько крестьянами, сколько военнослужилыми людьми» [3. С. 102–103].

В 1869 г. А.И. Сулоцкий писал, что при митрополите Филофее (Лещинском) были приехавшие с ним из Малороссии духовные лица и ссыльные малороссияне, «которых тогда в Сибири обыкновенно называли Черкасами» [4. С. 154]. В данном случае, по-видимому, указание на «ссыльных Малороссиян» не охватывает все варианты использования понятия «черкасы».

Попав на сибирскую кафедру, высшие иерархи, выпускники Киевской академии, как правило, сталки-

вались с обвинениями в насилии по отношению к церковнослужителям, пастве, излишней требовательности к представителям государственной власти на местах, резких возражениях против секуляризации церковного землевладения. Так ли действительно они были жестки и чужеродны в сравнении с их российскими предшественниками и современниками? Или же их деятельность вполне соответствует «государственной программе» освоения новых территорий?

В XVIII в. в Сибирь были назначены пятнадцать высших церковных иерархов. Четырнадцать из них являлись выпускниками Киево-Могилянской академии. Восемь архиереев в XIX–XX вв. причислены к лику святых Русской православной церковью. Наиболее почитаемые среди них в Сибири – св. Иоанн Тобольский (Максимович) и св. Иннокентий Иркутский (Кульчицкий).

Принято считать, что Павел (Конюскевич) был последним митрополитом Тобольским и Сибирским (1758–1768), выпускником Киево-Могилянской академии. В действительности сохранились источники, согласно которым Варлаам (Петров-Лавровский) обучался в Киевской академии латинскому языку и преподаваемым в ней наукам, с выслушиванием философии и богословия. По пострижении в монашество в 1750 г. в Киево-Печерской лавре упражнялся в ней и в училищном братском монастыре в сказывании проповедей [5. С. 221–222]. Из сохранившейся в канцелярии Св. Правительствующего Синода справки ясно, что «Варлаам, архиепископ Тобольский и Сибирский по спискам за 1801 год значится природою из духовных <…> чрез 12 лет находился сперва в Киево-Печерской Лавре проповедником, потом в разных монастырях настоятелем; во епископа Тобольского посвящен в 1768 г., архиепископом в 1792 г.» [6. Л. 3].

Но сколь различны оценки личности и деятельности Павла (Конюскевича) и Варлаама (Петрова-Лаврского)! Н.Н. Покровский писал: «Митрополит Павел Конюскевич был одним из самых ярких и стойких представителей украинского церковного направления в Сибири. Немало общих черт роднит его с Антонием Стаховским, Арсением Мацеевичем, Сильвестром Гловатским. Подобно им, он считал себя пастырем строгим, но справедливым, всячески заботился о духовном образовании, ревностно отстаивал независимость и экономические права церкви от наступления государства. Но даже в ряду тобольских митрополитов-украинцев он выделяется яростным фанатизмом и жестокостью» [7. С. 252]. Став тобольским митрополитом, он не заботился о служебной карьере, о мнении начальства. Варлаам же, «раболепный епископ», «менее всего помышлявший о собственном мнении по этому (отношение к расколу. – *О.Ф.*), как и по любому, впрочем, вопросу…» [Там же. С. 349].

Георгий (Ящуржинский), архиепископ Тобольский и Сибирский, в 1845–1852 гг. в сибирской историографии традиционно подается выпускником Киевской академии. А.И. Сулоцкий писал о нем, что «сам происходил из Малороссии… сам учился, в конце прошедшаго столетия, в Киевской академии… следовательно, лучше других мог знать дух и правила людей старого времени, лучше понимал иное, перешедшее некогда из Малороссии в Великороссиию и Сибирь» [4. С. 156]. Замечание А.И. Сулоцкого ценно, особенно потому, что в опубликованных Н.И. Петровым и Ф.И. Титовым в начале XX в. документах Киевской академии Георгий (Ящуржинский) не значится ни среди поступивших детей духовенства, ни среди окончивших полный курс.

Из пяти иркутских епископов в XVIII в. только Вениамин (Багрянский) не был выпускником Киево-Могилянской академии, но также имел европейское образование. Вениамин (в мире – Василий) родился в Москве, был сыном священника, обучался в Московской академии. Из философского класса как «в понятии остроумный и в памяти превосходный» в 1766 г. отправлен в Голландию в Лейденский университет. По возвращении в Россию на экзамене в особой комиссии был удостоен степени магистра. В декабре 1789 г. хиротонисан в епископа Иркутского [8. Л. 64], в город новый владыка прибыл только в марте 1790 г. В Иркутске архиерей почти десять лет являлся ректором и преподавателем духовной семинарии. В завещании, которое он написал в 1812 г. за два года до смерти, Вениамин велел служителям Иркутской духовной консистории: «Все книги по каталогу, каменелости и штуфы сколько оных есть отдать в семинарию» [9. Л. 181]. В реестре книг, составленном в консистории, более половины – это издания на латинском и французском языках.

Символично, что Вениамин в 1801 г. выступил инициатором прославления первого иркутского епископа Иннокентия (Кульчицкого). С 1800 г. Св. Синод рассматривал «обстоятельства о найденном в Иркутском Вознесенском монастыре нетленном теле» Иннокентия (Кульчицкого) [10]. В конце 1804 г. состоялась канонизация известного миссионера, ставшая важным событием не только в жизни Иркутской епархии, но и всей православной церкви в Сибири [11. С. 29].

По мнению Я.Д. Исаевича, Киев и Левобережье сыграли важную роль в распространении в России системы богословского просвещения, ориентированного на западные образцы. В частности, в Киевской академии получили образование 21 из 23 ректоров Московской академии, 95 из 125 её профессоров, очень много учителей духовных семинарий России, от Вологды до Тобольска. Но с середины XVIII в., несмотря на частные усовершенствования, Киево-Могилянская академия начала все больше отставать от требований своего времени, а предложенные тогда проекты основания университета в Киеве или Батурине не были поддержаны российским правительством [12. С.118].

Подтверждением этого может служить история жизни Амвросия (Келембета), архиепископа Тобольского и Сибирского в 1806–1822 гг. В сочинениях часто приводятся сведения о разногласиях, которые возникли между Амвросием, когда он был ректором Воронежской семинарии, и преподавателем протоиереем Евгением (Болховитиновым), будущим Киевским митрополитом (1822–1837), известным церков-

ным историком. Келембет был объектом его колкостей и едких замечаний. Причиной этого, по-видимому, была разница в возрасте и в образовании, полученном сослуживцами. Болховитинову было 26 лет, он учился в Московской духовной академии, слушал лекции в Московском университете, владел древними языками и все более актуальным к началу XIX в. французским. Келембету было 48 лет. В старости, представляя свой послужной список, Амвросий написал, что обучался в «бывшей Киевской академии – с 1761 г. грамматике, поэзии, риторике, философии и богословию, притом еврейскому, греческому и немецкому, и польскому языкам» [13. Л. 2]. Он владел ученостью, воспроизводил систему образования, которая, конечно, казалась устаревшей «современному» молодому священнику. Тем не менее в дальнейшем, Евгений (Болховитинов) оказывал помощь своему «несовременному» коллеге и способствовал его переводу из епархии в епархию, в том числе и в Тобольскую.

В обновленной версии истории Киево-Могилянской академии З.И. Хижняк утверждала, что воспитанники академии ехали в школы России, покидая родную землю, не только подчиняясь указам официальных царских инстанций. Подчас и добровольно к коллегам, которые там работали, глубоко осознавая необходимость своей просветительской миссии [14. С. 159].

Насколько позволяют судить источники, в XVIII в., никто из иерархов, назначенных в Сибирь, не имел искреннего побуждения служить в далеком и суровом крае. Получив указание ехать из Чернигова в Москву, а затем в Тобольск, Иоанн (Максимович) так описал прощание с родиной, близкими, паствой:

«Не токмо знаемии сродници по плоти,
Премногие жители и доброхоти,
Аки мертва плакаху, не чающе зрети
И прочее беседи со мною имети» [15. Л. 1 об.].

Некоторым удавалось избежать дальнего путешествия, как, например, Никодиму (Сребницкому). Арсению (Мацеевичу) же опять пришлось следовать в Сибирь. Вот как он объяснял задержку в пути: «Всепресветлейшая, державнейшая, великая Государыня Императрица Елисавет Петровна, самодержица Всероссийская, Всемилостивейшая Государыня мати, продолжение пути моего от царствующего Санкт-Питербурга до Тоболска случися, не от инного чего, токмо от слабаго здоровия моего, которое мне от тягчайшаго летнаго путешествия причинися и каковые жестокие трудности претерпех <…> и получа малую отраду от немощи, прибыл за помощью Божиею в Тоболск. <…> Тогда осмотревшися о всем, о чем надлежит до Вашего высокоматерняго милоссердия всепокорнейше предлагать буду, и в чем требование мое будет и польза церкви стол здешней бедной епархии» [16. Л. 3–3 об.]. Для тех, кому пришлось жить здесь, это было неизбежное послушание:

«Мое дел о творити все послушание,
Царско слово содержу, яко предание
Самаго Небеснаго Царя и Владыки» [15. Л. 8].

В первой половине XIX в. среди иерархов-выпускников Киевской академии самой «остросюжетной» и трагичной стала судьба иркутского архиепископа Иринея (Нестеровича), который якобы «…подвергся расстройству умственных способностей, удален был от управления епархиею и заключен в монастырь по назначению Синода» [17. Л. 25].

Пожалуй, единственным свидетельством благополучной «прижизненной» адаптации выпускника Киевской академии служат воспоминания протоиерея Тобольского кафедрального собора Петра Андреевича Фелицына, бывшего при Амвросии (Келембете) ключарем Тобольского кафедрального собора и членом Тобольской духовной консистории. Листы, подписанные рукой П.А. Фелицына, часто встречаются среди документов консистории первой половины XIX в. Он вспоминал о том, что к знакомым в Россию архиепископ иногда писал, что «за Уралом нашел он народ по сердцу своему и все его пастырские предприятия и дела идут согласно его желаниям» [18. Л. 32 об.].

Первые сибирские биографы Келембета – Н.А. Абрамов и А.И. Сулоцкий – имели возможность общаться с П.А. Фелицыным лично. Его рассказы основаны на сведениях, полученных им от племянника Амвросия, Алексея Фомича Келембета.

Алексей Фомич сопровождал Амвросия во время его служения в российских епархиях. Его рукой написаны многие документы в фонде консистории. А.И. Сулоцкий писал о том, что племянник был единственным родным человеком, с которым преосвященный мог поделиться сокровенным. Но Алексей Фомич, по мнению А.И. Сулоцкого, злоупотреблял этим доверием и в тайне от архиепископа скопил большое состояние, которым, однако, воспользоваться не успел. Он скоропостижно скончался, имущество, вывезенное им на Украину, пропало: «…меха, меховые шубы, суконное платье и пр. и пр., оказались истлевшими, испорченными молью. <…> В карманах и бумажниках Алексея Фомича оказалось на несколько сот рублей ассигнаций, но ассигнациям в те годы (около 1824 г.) будто бы была перемена, следовательно погибли и деньги» [Там же. Л. 35].

Случилось это потому, что разгневанный Амвросий запретил разбирать имущество, вывезенное племянником из Тобольска, со словами: «нехай (пусть) погибает неправедно нажитое, нехай все предается тлению, иначе – пожалуй – оно иному из родственников моих и его (племянника) послужит во вред» [Там же. Л. 34 об.].

Так это было или иначе, но Алексей Фомич Келембет долгие годы сопровождал архипастыря и разделил с ним все тяготы жизни вдали от родины. Вот, например, прошение Алексея Фомича Келембета с просьбой о переводе его из Оренбургской консистории в Тобольскую: «Великому Господину Высокопреосвященнейшему Амвросию Архиепископу Тобольскому и Сибирскому Оренбургской Консистории от Коллежскаго Регистратора Алексея Келембета Всенижайшее Прошение.

Служа в Оренбургской Консистории с 1800 г. до ныне без прерывно, возимел я желание продолжить службу в Тобольской Консистории; Для того и прошу ваше Высокопреосвященство, о определении меня в

штат оной Тобольской Консистории, учинить милостивую Архипастырскую резолюцию Августа дня 1806 года. К сему прошению Коллежский Регистратор Алексей Келембет руку приложил». В верхней части листа надпись, по-видимому, рукой Амвросия (Келембета): «1806 года Августа 8 дня. Проситель определяется впредь до разсмотрения вакансий канцеляристов» [19. Л. 1а].

Сохранилось распоряжение, написанное Амвросием в связи с повышением племянника по гражданской службе: «Указ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссийского в Святейшем Правительствующем Синоде сего 1807 года апреля в 10-й день состоявшийся о произведении Коллежских Регистраторов Алексия Келембета и Ивана Некрасова в Губернские Секретари Алексию Келембету объявить и привесть к присяге, и учинив у него за повышение тем чином и за патент надлежащий вычесть отослать оной куда следует; а о Некрасове сообщить в то место, в ведении которого он ныне состоит с прописанием сего указа для исполнения. Амвросий Архиепископ Тобольский Мая 8 дня 1807 года» [20. Л. 7].

В течение XVIII в. сформировалась общероссийская модель поведения центральной власти в отношении высшего духовенства. Одновременно с декларируемым монархами предпочтением выходцам из Малороссии, существовали эффективные механизмы сдерживания и установления равенства сил между противоборствующими внутрицерковными группировками, которые возникали не из-за расхождений в богословии, а для борьбы за власть. Малороссийские архиереи не составляли в них единой консолидированной оппозиции великорусским коллегам [1. С. 51].

Вместе с тем, по мнению С.С. Лукашевой, «…роль малороссийского духовенства в Русской православной церкви XVIII в. сложно переоценить. Вхождение Киевской митрополии в состав Московского патриархата было несопоставимо с присоединением новых земель к России, например, на востоке страны <…> потому что по древности православия и уровню богословия Киев сразу становился как минимум одним из важнейших центров православия в стране [Там же. С. 52]. И по распоряжению высшей государственной власти выпускники Киевской академии ехали в эти присоединенные земли на востоке страны.

В Сибири в модели поведения центральной власти в отношении церкви и населения была своя специфика. Н.Н. Покровский, исследуя взаимоотношения сибирских мирских организаций и аппарата духовной и светской власти на грани XVII и XVIII столетий, писал о том, что сибирская церковь в это время еще выполняла важные для государства функции, связанные с христианизацией и освоением нового края, внешними сношениями, имела политическое значение [21. С. 379].

«Со временем успехи бюрократизации управления, усиление абсолютистской централизации… борьба за превращение церкви в покорный идеологический механизм царской власти усиливала тенденцию правительства поддерживать» местную администрацию в конфликтах с сибирскими иерархами [Там же. С. 380].

Дело о митрополичьих десятильниках (1697–1698 гг.), «возникшее по инициативе самих сибиряков, жестоко пострадавших от разнузданных злоупотреблений духовных судей», разбиралось, когда сибирским митрополитом был Игнатий (Римский-Корсаков), противник «украинской культуры», «латинствующих», «украинских барочных новшеств» [Там же. С. 378].

Злоключения митрополита Павла (Конюскевича), представителя «украинского церковного направления» случились в правление Екатерины II. В «Антидоте», который был написан «если не своеручно Екатериною, то по прямому ея указанию, с ея слов и под ея диктовку» [22. С. 463], о митрополите Павле можно прочесть, что он «был бы довольно хорошим человеком, если бы не набрался изуверства в Польских католических училищах» [Там же. С. 347]. Но в обоих случаях светские власти получили «хорошие возможности выступить в благородной роли ревнителей общего блага подданных и одновременно приструнить слишком независимых церковников» [21. С. 380].

История высших иерархов Русской православной церкви в Сибири – выпускников Киевской академии явилась отражением политики государственной власти, суть которой была в демонстрации преимуществ великорусской карьеры и, временами, в предоставлении режима особого благоприятствования малороссийскому духовенству. В итоге выпускники Киевской академии были интегрированы в Русскую православную церковь. В XVIII – первой половине XIX в. шел длительный процесс формирования общеимперского самосознания, которое вытесняло этническое.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лукашова С.С.* Русская православная церковь и киевское православие в XVIII в. // Конфессиональная ситуация на Украине: история и современность : сб. ст. М. : Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2011. С. 36–57.
2. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Том 22. Глава 5. Продолжение царствования императрицы Елисаветы Петровны. Образованность в России в первые семь лет царствования Елисаветы. 1741–1748 гг. URL: http://russiahistory.ru, свободный (дата обращения: 11.06.2014).
3. *Папков А.И.* Содержание терминов «черкасы» и «люди литовские», использовавшихся в российском делопроизводстве XVII века // Белоруссия и Украина: история и культура / Институт славяноведения. М. : Тезаурус, 2011. Вып. 4. С. 83–113.
4. *Сулоцкий А.И.* Семинарский театр в старину в Тобольске // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Повременное издание под заведыванием О.М. Бодянского. М. : В Университетской типографии на Страстном бульваре, 1870. Апрель – июнь. Кн. 2. С. 153–157.
5. *Терновский Ф.А.* Очерки из истории Киевской епархии в XVIII столетии, на основании документов синодального архива // Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Издано под ред. В.С. Иконникова. Киев : В Университетской типографии, 1879. Кн. 1: 1873–1877 гг. С. 181–223.
6. *Российский* государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 84 (1803 г.). Д. 37.
7. *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск : Наука, 1974. 392 с.

8. *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 102. Оп. 1. Д. 432.
9. РГИА. Ф. 796. Оп. 95 (1814 г.). Д. 771.
10. РГИА. Ф. 796. Оп. 81 (1800 г.). Д. 729.
11. *Чернышова Н.К.* Почитание святителя Иннокентия Иркутского в духовной культуре России: книжная и рукописная традиция (1805–1919 гг.) / Сиб. отд-ние Рос. акад. наук; Учр. Рос. акад. наук Гос. публ. научн.-техн. б-ка. Новосибирск, 2009. 536 с.
12. *Ісаєвич Я.Д.* Релігійне життя і культурне-освітній рух в Україні: друга половина XVI – перша половина XVIII ст. // Католицизм в России и Православие в Польще (XI–XX вв.). Варшава, 1997. С. 108–123.
13. РГИА. Ф. 796. Оп. 103 (1822 г.). Д. 541.
14. *Хижняк З.І., Маньківський В.К.* Історія Києво-Могилянської академії. Київ : Вид. дім «КМ Академія», 2003. 184 с.
15. ОР РНБ. Q. IV.375.
16. *Российский* государственный архив древних актов. Ф. 18. Оп. 1 (1741–1763 гг.). Д. 92.
17. РГИА. Ф. 796. Оп. 112 (1831 г.). Д. 99Б.
18. *Государственное* бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее – ГБУТО ГА в г. Тобольске). Ф. И144. Оп. 1. Д. 49.
19. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 6. Д. 908.
20. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И156. Оп. 6. Д. 911.
21. *Покровский Н.Н.* Сибирское дело о десятильниках // Покровский Н.Н. Российская власть и общество: XVII–XVIII вв. Новосибирск: Наука, 2005. С. 375–413 (Серия «СО РАН. Избранные труды» / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории).
22. *Антидот* или (противоядие). Полемическое сочинение государыни императрицы Екатерины Второй, перевод с французского подлинника. Разбор дурной, великолепно напечатанной книги под заглавием: «Путешествие в Сибирь по приглашению Короля в 1761 г., содержащее в себе нравы, обычаи русских и теперешнее состояние этой Державы; географическое описание и нивелировку дороги от Парижа до Тобольска; …Господина аббата Шаппа д' Отероша, из Королевской Академии наук // Осмнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартеневым (издателем «Русского архива»). М. : Типография т. Рис, 1869. Кн. 4. С. 225–463.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 апреля 2015 г.

THE HIGHEST HIERARCHS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH: GRADUATES OF THE KIEV ACADEMY IN SIBERIA IN THE 18TH AND IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURIES

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 175–180. DOI: 10.17223/15617793/401/26

Fefelova Oksana A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: oks-fefelova@yandex.ru

Keywords: history of Siberia; Russian Orthodox Church; Kyiv-Mohyla Academy; metropolitans; archbishops.

The article represents the variety of opinions on the activity of the highest hierarchs, graduates of the Kiev Academy, in Siberia in the 18th and in the first half of the 19th century. The incorporation of Siberia into the Moscow State was not just the increase of the territory of the country, but also the time of penetration of the Russian Orthodox Church into the lands of the pagans, Muslims and Buddhists. The Orthodox clergymen aimed not only at converting the non-Russians into Christianity, but also at maintaining Christian values and morals among the Slavic population. It was especially important to preserve the unity and the structure of the Orthodox clergy. The ideas of the graduates of the Kyiv-Mohyla Academy regarding the structure of the clergy life and the interaction between the lay and the clerical powers were formed in the society which for a number of centuries developed as the Polish-Lithuanian state and adapted to the realities of the Russian Empire. Coming to the Siberian stand they, as a rule, were accused of excessive violence to other clergymen and to the congregation, of excessive claims to the local representatives of the government, of excessive opposition to the secularization of the church lands. Were they really so much violent and alien in comparison with their Russian predecessors and contemporaries? Or was, on the contrary, their activity quite in correspondence with the state policy? Recent studies make adjustments to traditional assessment and stereotypes. One can write about the approximate parity of the role of the Little Russians and the Russians in church life. Both cohorts did not represent real communities, each of the existing church-based groups was multiethnic, which did not repeal the awareness of ethnic differences. Linguistic and cultural specificity of the Little Russians was determined by the peculiarities of speech, the details of biographies and relative-client ties. The history of the hierarchs of the Russian Orthodox Church in Siberia, graduates of the Kiev Academy, is a reflection of the policy of state power, the essence of which was to demonstrate the advantages of a great career and, at times, provision of special favor to Ruthenian clergy. As a result, graduates of the Kiev Academy were integrated into the Russian Orthodox Church. The 18th and the first half of the 19th century was a long process of formation of the Empire's identity, which superseded the ethnic one. The author of the article analyzes the historical material, gives a new interpretation to the sources and tries to give objective characteristics of the personalities of the top hierarchs, graduates of the Kiev Academy in Siberia, and of their activity.

REFERENCES

1. Lukashova, S.S. (2011) Russkaya pravoslavnaya tserkov' i kievskoe pravoslavie v XVIII v. [The Russian Orthodox Church and the Kiev Orthodoxy in the 18th century]. In: Snezhkova, I.A. (ed.) *Konfessional'naya situatsiya na Ukraine: istoriya i sovremennost'*[Confessional situation in Ukraine: Past and Present]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, RAS.
2. Solovyov, S.M. (n.d.) *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia since the Ancient Times]. V. 22. Ch. 5. [Online]. Available from: http://russiahistory.ru. (Accessed: 11 June 2014).
3. Papkov, A.I. (2011) Soderzhanie terminov "cherkasy" i "lyudi litovskie", ispol'zovavshikhsya v rossiyskom deloproizvodstve XVII veka [The content of the terms "Cherkasy" and "Lithuanian people", used in the Russian paperwork in the 17th century]. In: Florya, B.N.(ed.) *Belorussiya i Ukraina: istoriya i kul'tura* [Belarus and Ukraine: History and Culture]. Is. 4. Moscow: Tezaurus.
4. Sulotskiy, A.I. (1870) Seminarskiy teatr v starinu v Tobol'ske [The seminary theatre in Tobolsk in the past]. In: Bodyanskiy, O.M. (ed.) *Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom universitete* [Readings at the Imperial Society of History and Antiquities of Russia at the Moscow University]. April–June. Book 2. Moscow: V Universitetskoy tipografii na Strastnom bul'vare. pp. 153–157.
5. Ternovskiy, F.A. (1879) Ocherki iz istorii Kievskoy eparkhii v XVIII stoletii, na osnovanii dokumentov sinodal'nogo arkhiva [Essays on the history of the Diocese of Kyiv in the 18th century, on the basis of archive documents of the Synod]. In: Ikonnikov, V.S. (ed.) *Chteniya v istoricheskom obshchestve Nestora Letopistsa* [Readings in the Historical Society of Nestor the Chronicler]. Book 1: 1873–1877. Kiev: V Universitetskoy tipografii.
6. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 796. List 84 (1803). File 37. (In Russian).

7. Pokrovskiy, N.N. (1974) *Antifeodal'nyy protest uralo-sibirskikh krest'yan-staroobryadtsev v XVIII v.* [Anti-feudal protest of the Ural-Siberian peasant Old Believers in the 18th century]. Novosibirsk: Nauka.
8. Manuscript Department of the Russian National Library (OR RNB). Fund 102. List 1. File 432. (In Russian).
9. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 796. List 95 (1814). File 771. (In Russian).
10. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 796. List 81 (1800). File 729. (In Russian).
11. Chernyshova, N.K. (2009) *Pochitanie svyatitelya Innokentiya Irkutskogo v dukhovnoy kul'ture Rossii: knizhnaya i rukopisnaya traditsiya (1805–1919 gg.)* [The veneration of St. Innocent of Irkutsk in the spiritual culture of Russia: book and manuscript tradition (1805–1919)]. Novosibirsk: GPNTB SO RAN.
12. Isaevich, Ya.D. (1997) Religiyne zhittya i kul'turne-osvitniy rukh v Ukraïni: druga polovina XVI – persha polovina XVIII st. [Religious life and cultural and educational movement in Ukraine: the second half of the 16th – first half of the 18th centuries]. In: *Katolitsizm v Rossii i Pravoslavie v Pol'shche (XI–XX vv.)* [Catholicism in Russia and Orthodoxy in Poland (19th–20th centuries)]. Warsaw. (In Ukrainian).
13. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 796. List 103 (1822). File 541. (In Russian).
14. Khizhnyak, Z.I. & Man'kivs'kiy, V.K. (2003) *Istoriya Kievo-Mogilyans'koï akademiï* [History of the Kyiv-Mohyla Academy]. Kyiv: KM Akademiya. (In Ukrainian).
15. Manuscript Department of the Russian National Library (OR RNB). Q. IV.375. (In Russian).
16. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 18. List 1 (1741–1763). File 92. (In Russian).
17. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 796. List 112 (1831 g.). File 99B. (In Russian).
18. State Archive in Tobolsk. Fund I144. List 1. File 49. (In Russian).
19. State Archive in Tobolsk. Fund I156. List 6. File 908. (In Russian).
20. State Archive in Tobolsk. Fund I156. List 6. File 911. (In Russian).
21. Pokrovskiy, N.N. (2005) Sibirskoe delo o desyatil'nikakh [A Siberian case of Desyatilniki]. In: Pokrovskiy, N.N. *Rossiyskaya vlast' i obshchestvo: XVII–XVIII vv.* [The Russian government and society: the 17th–18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
22. Catherine II. (1869) Antidot ili (protivoyadie). Polemicheskoe sochinenie gosudaryni imperatritsy Ekateriny Vtoroy, perevod s frantsuzskogo podlinnika. Razbor durnoy, velikolepno napechatannoy knigi pod zaglaviem: "Puteshestvie v Sibir' po priglasheniyu Korolya v 1761 g., soderzhashchee v sebe nravy, obychai russkikh i tepereshnee sostoyanie etoy Derzhavy; geograficheskoe opisanie i nivelirovku dorogi ot Parizha do Tobol'ska"; …Gospodina abbata Shappa d' Oterosha, iz Korolevskoy Akademii nauk [Antidote. A polemic essay of Empress Catherine II, a translation from the French original. Analysis of a bad, beautifully printed book entitled Journey to Siberia at the Invitation of the King in 1761, Containing the Manners, Customs of Russians and the Present State of the Country; a Geographical Description and Leveling of the Road from Paris to Tobolsk by Abbe Chappe d'Auteroche from the Royal Academy of Sciences]. In: Bartenev, P. *Osmnadtsatyy vek. Istoricheskiy sbornik* [The 18th century. A historical collection]. Book 4. Moscow: Tipografiya t. Ris.

Received: 15 April 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 181–189. DOI: 10.17223/15617793/401/27

УДК 930.85(51) + 2(075) + 233

А.В. Филькина, К.Н. Филькин

ИСТОРИЯ ДВИЖЕНИЯ «ХАРЕ КРИШНА» В США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ ВЕБЕРА–ТРЕЛЬЧА

Рассматривается история движения «Харе Кришна» в США и Великобритании; два разных варианта интерпретации истории данного религиозного движения, причем оба варианта интерпретации опираются на концепт «секты-церкви» М. Вебера и Э. Трельча. Однако в первом варианте (Э.Б. Рочфорд) стадия «церкви» понимается как стадия фактического распада религиозного движения, поскольку его члены переориентируются на социальный успех и ассимиляцию в окружающее общество, тогда как второй вариант (М. Грессетт, К. Кетола и К. Нотт) интерпретации стадии «церкви» – описание ее как этапа взросления, характеризующегося установлением открытости и диалога с окружающим миром.

Ключевые слова: ИСККОН; движение Харе Кришна; историография; история новых религиозных движений.

Тема новых религиозных движений очень интересна тем, что история их возникновения, как и последующего развития, исчезновения или трансформации, разворачивается непосредственно перед глазами современных исследователей религии, которые получили возможность не только воочию наблюдать процессы, которые в случае с иными религиозными течениями либо происходили в отдаленном прошлом, либо растягивались на очень значительные промежутки времени, но и формулировать различные теории относительно принципов функционирования и развития религиозных движений, одновременно имея возможность убеждаться в справедливости или несправедливости некоторых своих теоретических обобщений и гипотез.

Пожалуй, самой известной теорией, описывающей траекторию развития религиозных движений, остается классическая концепция «секты-церкви» М. Вебера и Э. Трельча [1. С. 335], в соответствии с которой «секта» – религиозная группа, объединившаяся вокруг харизматического лидера и фанатически настроенная в отношении той религиозной практики, которой она следует, и в отношении исключительности той истины, которую она несет миру, со временем трансформируется в «деноминацию» и «церковь» – более институционализированное и бюрократизированное объединение, ориентированное на диалог с окружающим миром. Несмотря на то что эта концепция бессчетное множество раз подвергалась критике за ее узость, жесткую привязку к локальному (европейскому) историческому и культурному контексту, лаконичная схема, лежащая в основе этой теории, угадывается во многих современных интерпретациях функционирования религиозных движений – по крайней мере, в качестве отправной точки.

Движение «Харе Кришна», о котором пойдет речь в данной статье, – одно из тех новых религиозных движений, которые появились в Америке и Европе в 1960-е гг. на волне явления контркультуры. Его история была достаточно яркой: став более чем узнаваемым в 1960-е гг. за экзотический внешний вид своих последователей и довольно агрессивный стиль проповеди, пройдя через череду скандалов, связанных с действиями некоторых лидеров движения и структурными явлениями в рамках всей организации в целом, на данный момент ИСККОН (ISKCON, «Международное общество сознания Кришны», называемое также движение «Харе Кришна»), занял определенную социальную, культурную и религиозную нишу в Западном обществе, а в отношении того, какую именно, мнения исследователей расходятся. Исследования разных аспектов ИСККОН (по большей части социологические) начались в Америке уже в начале 1970-х гг. На тот момент ИСККОН анализировался главным образом в рамках концепции секуляризации и «нового религиозного сознания» Р. Старка, П. Бергера и Р. Беллы – как некоторая альтернативная форма религиозности, в которую вылились поиски контркультурной молодежью некоего «сообщества» в мире кризиса ценностей, кризиса традиционных религиозных форм, в секуляризованном, бюрократизированном и рационализированном социокультурном окружении [2. С. 97]. Классическими работами этого периода, опубликованными в середине 1980-х гг., стали такие монографии, как «Мой сладостный Господь: Движение Харе Кришна» Ким Нотт [3], «Темный Господь: образы культа и “Харе Кришна” в Америке» Ларри Шина [4], «“Харе Кришна” в Америке» Эдмунда Бёрка Рочфорда [5], «“Харе Кришна” в Индии» Чарльза Брукса [6].

На данный момент история ИСККОН насчитывает около 50 лет в США и Европе, а в социологической литературе имеют место довольно разнообразные трактовки, описывающие траекторию его развития. В этих трактовках можно найти переплетения различных социологических концепций, в том числе концепции секуляризации и теории рационального выбора, но они также опираются в той или иной степени и на классическую схему Вебера и Трельча. В нашей статье мы остановимся на двух различных – и даже диаметрально противоположных – трактовках истории и современного состояния ИСККОН, а также на тех исторических фактах, на которых авторы этих концепций строят свою аргументацию. В обеих этих трактовках ИСККОН рассматривается как движение, прошедшее описанный Вебером путь развития от «секты» до «деноминации» [7. С. 200] или церкви [8]. Но в первой концепции, которая лежит в основе работ Эдмунда Бёрка Рочфорда, эта стадия деноминации характеризуется фактически полной ассимиляцией в окружающую социальную и культурную среду и утратой изначальной уникальности и самобытности, тогда как во второй концепции, в качестве авторов которой в статье приводятся Майкл Дж. Грессетт,

Ким Нотт и Киммо Кетола, стадия церкви или деноминации предполагает отказ от замкнутости и радикализма в пользу ориентированности на диалог с окружающим миром при сохранении исходной специфики.

История, которую невозможно опустить. Любая исследовательская работа о движении «Харе Кришна» начинается с обязательной исторической справки, которая здесь также будет приведена в сокращенном виде.

История ИСККОН началась в 1965 г., когда уже почти 70-летний индус, Абхай Чаранавинда Бхактиведанта Свами (1896–1977), приехал из Индии в Нью-Йорк с намерением распространять на Западе «сознание Кришны», религию Шри Чайтаньи, бенгальского святого XVI в., учившего экстатической преданности богу Кришне.

Причиной, по которой Прабхупада (как его позднее стали называть последователи) приехал проповедовать в Америку, был наказ его учителя в вайшнавизме – Бхактисиддханты Сарасвати. Движение вайшнавизма изначально было ориентировано на широкую проповедь (в отличие от многих других вариантов индуизма), в результате чего он широко распространился по территории современных Индии (в основном, штаты Западная Бенгалия, Орисса, Манипур, Ассам) и Бангладеш. Первые проповедники бенгальского вайшнавизма приехали на Запад еще в начале XX в.: Прамананда Бхарати в 1900-е гг. в США и Бхакти Хридая Бон Свами в 1930-е гг. в Англию и Германию [9. С. 51], но их деятельность серьезного практического результата на Западе не достигла.

В 1960-х гг. лекции Прабхупады и религиозная практика вайшнавизма приобрели неожиданную популярность в среде западной контркультурной молодежи, возможно, благодаря тому, что основным посылом контркультуры был отказ от «материализма» предыдущего поколения, в том числе христианства, тогда как всё восточное и особенно индийское воспринималось как «антиматериалистическое». В 1966 г. была юридически зарегистрирована организация ИСККОН, и уже в середине 1970-х гг. движение насчитывало несколько тысяч последователей и более сотни храмов и сельскохозяйственных общин по всему миру. В 1970 г. Прабхупада учредил Руководящий совет, ДжиБиСи (GBC, Governing Body Commission), который стал основным коллегиальным управленческим органом ИСККОН.

Импортировав вайшнавизм в среду американской молодежи, Прабхупада инициировал своего рода социальный эксперимент. Вслед за «Гаудия-матхом» организацией Бхактисиддханты Сарасвати, ориентированной на храмовый образ жизни, в ИСККОН был сделан большой акцент на стандарт «*брахмачари*» – монашество, послушничество. Американским студентам, многие из которых вышли из движения контркультуры, был предложен достаточно жесткий стандарт поведения, соответствовавший максимальной степени участия в религиозной жизни и в религиозной миссии: проповеди через «санкиртану» – коллективное пение мантр в общественных местах, сопровождающееся проповедью, четыре регулирующих принципа (соблюдение целибата; вегетарианство; запрет финансовых махинаций и азартных игр; запрет употребления наркотиков, алкоголя и табака), жизнь при храмах или в сельскохозяйственных общинах. Причем такая модель поведения была принята с большим энтузиазмом. Погруженность и полная вовлеченность в жизнь движения стали для многих пришедших в ИСККОН молодых людей определяющим принципом, по крайней мере, на 5–10 лет. Образованное «новое религиозное движение» было выстроено по принципу околохрамовых общин, в которых живущие при храме последователи движения занимаются индивидуальной (чтение молитв на четках) и общей (поклонение Божествам, коллективное пение мантры, лекции по священным книгам) религиозной практикой. Основным стержнем жизни последователей движения стало служение богу Кришне, а основной формой реализации этого служения – распространение религиозной литературы – в то время это были книги основателя движения, в том числе его комментированные переводы классических индуистских священных текстов, важных для вайшнавизма. Энтузиазм, на котором держалась такая достаточно аскетичная храмовая жизнь, был основан на глубокой привязанности к лидеру движения Прабхупаде и вере в проповедуемое им послание. В такой классической форме, которую ассоциируют с культом, ИСККОН просуществовал относительно недолго – примерно до середины 1970-х гг. Также в середине 1970-х, на волне своего ошеломительного роста, организация была подвергнута жесткой критике и преследованию со стороны так называемого антикультового движения. А после смерти Прабхупады в 1977 г. ИСККОН вступил в полосу серьезных внутренних кризисов, на которых мы остановимся далее.

Первая концепция: через внутренние кризисы к ассимиляции и индуизации. Пожалуй, одной из наиболее ярких, целостных и информативных монографий по ИСККОН в Америке является работа Э.Б. Рочфорда «Трансформация Харе Кришна», опубликованная в 2007 г. Эдмунд Бёрк Рочфорд, профессор социологии и религии в Миддлбэрри Колледже, США, более 30 лет занимался социологическими исследования движения «Харе Кришна» на Западе, периодически публикуя статьи по различным социальным моментам функционирования движения. Итоги этих исследований он обобщил в данную монографию, в которой отразил ключевые моменты, приведшие к изменениям в структуре и организации ИСККОН. Рочфорд отталкивается от определения Р. Старком религиозных движений как социальных проектов, чьей основной целью является создание, сохранение и поддержка религиозных верований среди определенного сообщества индивидов. Основной характеристикой новых религиозных движений, как подчеркивает Рочфорд, опираясь на Р. Старка, Дж. Гордона-Мелтона и др., является их «оппозиционность», противопоставление себя окружающему обществу. Эта оппозиционность провоцирует ответные движения сопротивления со стороны общества или со стороны правительства. Соответственно, когда

противопоставление себя миру уменьшается и происходит «притирка», «выравнивание» движения, это означает, что оно отказывается от своих изначальных целей изменения общества в соответствии со своими религиозными принципами, а следовательно, оказывается на пути к «старению» и трансформации в религиозную организацию (или полному исчезновению). Другими словами, в рамках теории секуляризации превращение «секты» в «церковь» тождественно ее обезличиванию, утрате смыслового стержня и даже в каком-то смысле «умиранию». В частности, трансформация ИСККОН, по мнению Рочфорда, – это переход от базирующейся на храмово-общинном образе жизни в рамках строгой иерархической системы власти религиозной группы к «приходской», т.е. ориентированной на семьи прихожан, чье участие в движении сводится к посещению храма раз в неделю или реже, по праздником и избирательному следованию принципам, религиозной организации, т.е. фактической ассимиляции (или ре-ассимиляции) последователей движения в среднеклассовую западную культуру [7. С. 7].

Помимо продолжительного включенного наблюдения, формальных и неформальных интервью (в том числе 47 транскрибированных интервью представителей «второго поколения» – детей последователей движения первой волны), проводившихся с членами движения на протяжении длительного периода, эмпирическим материалом для монографии Рочфорда стали три исследования, последовательно проведенные автором в 1990-х гг.: опрос 268 членов движения «первого поколения ИСККОН», анкетирование 87 представителей второго поколения и массовый опрос членов движения разной степени включенности (556 респондентов). Такое сочетание качественных и количественных данных, а также детально описанная методологическая основа исследований позволили исследователям охарактеризовать данную монографию как «работу, базирующуюся на весьма солидных данных» [10], а также как «блестящую книгу, автор которой совершенно определенно знает, о чем он говорит» [11]. В целом можно отметить довольно живую реакцию на данную книгу – доступно не менее девяти рецензий в научных изданиях.

Трансформация, о которой идет речь в названии монографии Рочфорда, в первую очередь касается появления второго поколения ИСККОН – детей «первого поколения» движения «Харе Кришна» и ситуации, сопровождавшей развитие их отношений с ИСККОН и внешним миром, во многом поспособствовавшей значительному коллапсу изначальной структуры ИСККОН.

Рочфорд описывает, каким образом ИСККОН, будучи изначально ориентированным на «индивидуальное духовное развитие членов движения через служение Кришне и миссии лидера движения – Прабхупады», повел достаточно негативную политику в отношении семьи, супружеских и родительских связей. Семья в 1970–1980-е гг. часто интерпретировалась проповедниками ИСККОН (прежде всего, санньяси, т.е. монахами) как институт, привязывающий человека к материальной жизни, мешающий его духовному развитию и осознанию себя душой (что, по мнению Рочфорда, не является уникальным явлением, поскольку многие новорелигиозные общины в целом на первых этапах своего становления склонны были воспринимать семейные узы как конкурирующие в плане прочности и значимости с общинными связями и авторитетом решений общины, поэтому можно найти различные исторические примеры трансформации семейных отношений в разных религиозных общинах – от полного целибата до промискуитета). Соответственно, вступление в семейные отношения воспринималось как определенное понижение статуса для мужчин, некоторое «падение», что большинство последователей старались нивелировать, максимальным образом сохраняя свой образ жизни до брака – жизнь при храме, определенные обязанности, участие в распространении книг – и уделяя минимум внимания супругам и детям. Деньги на поддержание семей (как и неженатых преданных) выделялись из общих доходов лидерами храмов.

Как идеологические, так и экономические соображения, которыми руководствовались лидеры ИСККОН, привели к созданию, по описанию Рочфорда, изолированных школ для детей по типу интерната – гурукул, создававшихся в общинах для того, чтобы дети могли получать «духовное образование», а родители не прекращать распространение книг – основная форма проповеди и также базовый источник финансового благополучия движения в 1970–1980-е гг. Рочфорд приводит данные, в соответствии с которыми доходы от распространения печатной продукции – книг Прабхупады, журналов – доходил в 1974–1978 гг. до 13 млн долл. в год [7. С. 63]. Изоляция детских школ, которые обособленно располагались на территориях отдельных сельскохозяйственных общин, небрежное отношение к педагогическому составу и общее невнимание лидеров движения к этому проекту привели ко множественным случаям физического, психологического и даже сексуального насилия в гурукулах со стороны педагогов, которыми оказывались фактически случайные люди. В 2000 г. в Далласе был подан и выигран иск от 44 юношей и девушек руководству ИСККОН, заявивших о том, как они подверглись между 1970–1980 гг. сексуальному, эмоциональному, ментальному и физическому насилию и эксплуатации. Эту непростую тему Рочфорд раскрывает в первой главе, где описывает биографию одного из бывших гурукульцев (учащиеся гурукул), а также в главе «Насилие над детьми» [Там же. С. 74–97].

1980-е гг. стали очень тяжелым временем для ИСККОН, периодом, когда достигли пика определенные внутренние проблемы. С одной стороны, ИСККОН стал объектом весьма агрессивных нападок со стороны американского антикультистского движения, с другой стороны, события внутри ИСККОН давали достаточно оснований для этих нападок. Наиболее заметными «черными пятнами» в тот период существования ИСККОН стали история с лидером общины Нью-Вриндаван (детальный анализ этого факта Рочфорд дает в статье «Почти Небеса: лидирование,

упадок и трансформация Нью-Вриндавана» [12]), а также насилие в гурукулах.

Эко-община Нью-Вриндаван была основана в 1968 г. В начале 1980-х гг. община стала популярным туристическим местом, в ней постоянно проживали более 300 человек, а посещали около 300 тысяч туристов в год. Однако бесконтрольное стремление лидера общины Киртанананды Свами к финансовому успеху в итоге привело к краху общины. Киртанананда отошел от следования философским и этическим принципам ИСККОН и в 1987 г. был исключен из организации. Также спустя год от ИСККОН была отделена вся община, многие проживавшие уехали. В 1990-х гг. Киртанананда Свами был арестован и приговорен к 20 годам по обвинению в рэкете и заговоре с целью убийства двоих критиковавших его деятельность учеников. В 1998 г. община Нью-Вриндаван, уже без крамольного экс-лидера, была обратно включена в состав ИСККОН.

Всплывшая в 1980-х гг. информация о насилии в гурукулах, точных данных по которой нет (от 20 до 75% мальчиков подверглись сексуальному насилию со стороны преподавателей или старших учеников [7. С. 86]), а также финансовый кризис, разразившийся в ИСККОН в связи с резким падением доходов от продажи религиозной литературы, привели к резкому изменению организационной структуры ИСККОН. Большая часть семейных кришнаитов уходят из храмов, ищут работу вне ИСККОН и забирают детей из гурукул, переводя их в общественные школы. Эти внешние действия сопровождаются внутренним кризисом доверия институтам власти в ИСККОН со стороны рядовых членов движения. Что касается детей, то в отдельных главах книги Рочфорд анализирует стратегии, которыми пользовались дети, воспитывавшиеся в гурукулах при адаптации к публичным школам, – «замыкание» и наиболее распространенная – полная ассимиляция в американскую подростковую культуру, сопровождавшаяся сокрытием причастности к «кришнаитам». Таким образом, большинство второго поколения ИСККОН, по мнению Рочфорда, не только не стали преемниками религиозных взглядов своих родителей, но, пройдя через жестокие кризисы идентичности, отошли от движения. Отдельные попытки бывших гурукульцев объединиться и осмыслить свой опыт в рамках ИСККОН, организовав конференции и гурукульскую газету, обычно не находили понимания у административных лидеров (опасавшихся, по-видимому, скандалов), что сделало интеграцию в движении между разными поколениями фактически невыполнимой.

Еще одной формой реакции на «кризис легитимности» власти ИСККОН в Америке (помимо обособления семейных кришнаитов) стало появление в рамках организации движения, которое условно можно назвать «движением за равноправие женщин». Наряду с «антисемейной» политикой после смерти Прабхупады лидеры и проповедники в ИСККОН стали придерживаться активного патриархального направления в интерпретации гендерных вопросов. В частности, женщины, о которых проповедники отзывались как о «менее разумных», «подобно детям, требующих защиты» и одновременно «разжигающих вожделение и сбивающих с духовного пути», постепенно вытеснялись в 1980-х гг. с административных позиций, сложилась политика недопущения женщин к чтению лекций, служению в храме и т.д., фактически единственная роль, которая отводилась женщинам, заключалась в выполнении распоряжений авторитета – мужа. Политика гендерного неравенства, как это демонстрирует Рочфорд, была тем более массовой и основательной, поскольку прямым образом вытекала из содержащихся в книгах наставлений Прабхупады, не оставляя женщинам пространства для формулирования протеста. Тем не менее кризис ИСККОН середины 1980-х гг. инициировал попытки со стороны отдельных учениц Прабхупады начать «движение сопротивления» патриархату в опоре на «каноны поведения» гуру, поскольку Прабхупада, несмотря на высказывания в своих книгах, которые можно счесть сексистскими, сам не проводил политику гендерной дискриминации в отношении своих учеников, нивелируя гендерные различия категоризацией своих учениц как *вайшнави* (а не просто женщины). Очевидно, подобное движение сопротивления «мужскому авторитету» встретило сопротивление со стороны многих ортодоксальных последователей движения, что вылилось в форму как открытого протеста, так и латентного пренебрежения в отношении действий образованного в 1998 г. «Международного женского министерства» в ИСККОН.

Массовый исход из ИСККОН семей, испытавших кризис недоверия к руководству и ощутивших необходимость к материальному обеспечению своих детей и супругов, привел в 1980-х гг. к ощутимой убыли количества последователей. Причем, как описывает это Рочфорд [7. С. 161–181], зачастую бывшие члены движения разрывали отношения не с религиозной традицией, а именно с ИСККОН как религиозной организацией, считая, что именно лидеры ИСККОН – как ДжиБиСи, так и лидеры храмов – показали полную несостоятельность, негибкость, пренебрежение к интересам отдельных людей (и в частности домохозяев) в пользу укрепления своей власти и сохранения высоких доходов за счет санкиртаны. Таким образом, оставаясь последователями вайшнавизма и признавая авторитет гуру-основателя и даже продолжая выполнять в некотором объеме религиозную практику и соблюдать религиозные принципы, бывшие члены ИСККОН в поисках новой идентичности либо организовывали другие общины с параллельной структурой управления (например, община Нью-Рамана-рети во Флориде), либо примыкали к другим гуру в вайшнавской традиции (например, в 1980–1990-х гг. активную проповедь в США начали Бхакти Ракшака Шридхара Дева-Госвами и Бхактиведанта Нараяна Госвами), либо переходили на автономное существование, иногда сохраняя общение между несколькими семьями вне каких-либо религиозных организаций. Одновременно с этим оттоком последователей из ИСККОН он подвергся внутренним атакам со стороны определенных религиозных субкультур, в частности так называемого движения «ритвиков», критиковавших ДжиБиСи и ставивших под сомнение их леги-

тимность и уполномоченность руководить движением Прабхупады.

Рочфорд приводит данные [13], в соответствии с которыми к 2000 г. в 45 общинах ИСККОН в США осталось всего около 750–800 преданных (для сравнения, в 1980 г. одна только община в Лос-Анджелесе насчитывала 400 взрослых человек) [7. С. 179]. ИСККОН под массовым воздействием активной антикультистской кампании 1980-х гг. и вышеупомянутых внутренних проблем фактически стоял перед угрозой полной аннигиляции. Тем не менее, в отличие от некоторых других движений, чье развитие шло по той же траектории, у ИСККОН оказался еще один экономический и социальный ресурс, который, с одной стороны, уберег движение от исчезновения, но с другой стороны, стал еще одним фактором, приведшим к радикальной его трансформации в весьма специфическом ключе. Этим ресурсом, который Рочфорд описывает в главе «Индусы и индуизация», стали многочисленные общины индийских эмигрантов в Америке. Индусы, как более обеспеченные представители интеллектуальных профессий, так и простые рабочие из более низких каст, после эмиграции столкнулись с проблемами конструирования и реконструкции национальной идентичности, и одним из наиболее значимых аспектов их национальной идентичности стала религиозность. Храмы ИСККОН в 1970-х гг. были единственными индуистскими храмами в США, что привлекло к ним местные индийские общины. Изначально лидеры ИСККОН уделяли индусам мало внимания, поскольку основатель движения Прабхупада старался дистанцировать свое движение от индуизма как такового, ориентируя его на проповедническую миссию в среде западного населения. Тем не менее постепенно пожертвования индусов стали основным экономическим ресурсом, поддерживающим функционирование храмов и некоторых программ (например, праздников). В 2005 г. президент одного из самых больших храмов ИСККОН в США констатировал, что 95% пожертвований в храм поступают от индусов и только около 5% – от западных преданных. Кроме того, отождествление с «индуистскими храмами на Западе» позволило ИСККОН избавиться от навешенной антикультистами стигмы «вредоносного культа» и примкнуть к так называемым традиционным религиям.

Доминирующее спонсорство сделало индуистские общины влиятельной силой и в организационных вопросах, что привело к появлению определенных противоречий в реализации целей организации. Дело в том, что, по данным Рочфорда, только незначительная часть индусов приняла принципы и философию вайшнавского движения бхакти в интерпретации Прабхупады. Большая часть индусов-эмигрантов принадлежала к самым различным религиозным направлениям и привыкла к практике поклонения божествам в храмах, следовательно, во-первых, они стали воспринимать храмы ИСККОН просто как место, где организовано поклонение Божествам и где можно собраться на «воскресный пир» или отметить индуистские праздники, не вникая в нюансы данной линии вайшнавизма, а во-вторых, некоторые аспекты религиозной практики ИСККОН оказались для них абсолютно чуждыми – например, специфические киртаны с энергичными плясками в алтарной или активная проповедь, особенно через распространение книг. В качестве основных спонсоров они стали определять внутреннюю политику движения в противовес его изначальным религиозным и социальным установкам, что и привело к тому, что Рочфорд назвал «индуизацией» ИСККОН.

Итак, история американского ИСККОН, по мнению Рочфорда, это пример того, как «радикальный проект, продвигающий изменение мира, умирает, когда ослабевает подпитывавшее и культивировавшее его социальное окружение» [7. С. 216]. После оттока домохозяев из движения и превращения их в «членов движения на неполный день» – «part-timemembers», прихожан, которые в очень ограниченном виде следуют религиозной практике, в отличие от членов движения на полный день – «full-timemembers», работающих во внешнем обществе и приспособившихся к его ценностям, после того, как гурукульцы пошли в публичные школы и стали подстраиваться под внешнее окружение, ИСККОН, переживая внутренние кризисы, был вынужден приспособиться под окружающий мир. Например, отказавшись от традиционалистской гендерной модели под влиянием внутреннего «женского движения» и от активной проповеди – потому что в ней не заинтересованы основные настоящие спонсоры – индийские общины и т.д. Само содержание деятельности движения переориентировалось на потребности домохозяев, и в нем стали доминировать такие формы, как семинары, программы, частные и групповые консультации на темы прикладного характера, как то: «успешный брак», «воспитание детей» и т.д. Чаще всего эти программы приурочены к фестивалям, которые стали формой активного, но весьма краткосрочного проявления религиозной идентичности. Таким образом, ИСККОН, как считает Рочфорд, перестал быть радикальным оппозиционным религиозным движением, несущим свое специфическое послание миру, и пошел по пути ассимиляции с ценностями окружающего общества.

Вторая концепция: от секты к деноминации и церкви. Ряд современных исследователей рассматривает – с различными вариациями – историю движения «Харе Кришна» как более-менее жизнеспособный проект по трансплантации традиционалистского индуистского религиозного направления на почву западной социокультурной среды, сопровождавшийся в социальном плане образованием американской секты, позже трансформировавшийся в деноминацию или церковь.

Исследователь, считающий, что схема развития ИСККОН на Западе полностью укладывается в схему перехода от радикальной секты к церкви, – это Майкл Грессетт, для которого трансформация ИСККОН стала темой Ph.D. диссертации, которую он защитил в 2009 г. в Университете Флориды [8]. Свое ключевое эмпирическое исследование Грессетт провел в Нью-Рамана-рети, одной из наиболее успешных, с точки зрения адаптации к окружающему сообществу, общин ИСККОН, расположенной в Северной Флориде. Любопытно, что случай с Нью-Рамана-рети Рочфорд счи-

тает скорее нетипичным, тогда как Грессетт интерпретирует данную общину как квинтэссенцию процессов, происходящих в Западном ИСККОН в целом.

Община Нью-Рамана-рети образовалась в 1980-е гг., в момент пика вышеупомянутого внутреннего кризиса движения, связанного одновременно с кризисом легитимности лидеров и массовым оттоком семейных домохозяев из храмов, не способных о них заботиться. Земли в Северной Флориде были относительно недорогими, поэтому многие обзаведшиеся семьей кришнаиты восприняли переезд во Флориду и покупку там земли как возможность остаться в движении в роли домохозяев. С самого начала у общины возник конфликт с лидером местного храма, придерживавшимся классического авторитарного стиля управления, поскольку община выстроила собственный институт администрации по демократическому принципу, альтернативный системе руководства местным храмом. Таким образом, Нью-Рамана-рети изначально была обособлена от ИСККОН в целом и от деструктивных процессов, происходивших в американском ИСККОН в 1970–1980-е гг., хотя все же формально не выходила из движения. Значимым аспектом привлекательности Нью-Рамана-рети стала ее территориальная близость к таким образовательным учреждениям, как местный колледж и Университет Флориды, а также созданная общественная школа Нью-Рамана-рети, которые могли удовлетворить заботу последователей движения «Харе Кришна» об образовании своих детей.

Ключевыми особенностями функционирования общины в Нью-Рамана-рети к 2000-м гг., на которые обращает внимание Грессетт, стали:

1. Гибкость в соблюдении религиозных действий и принципов при сохранении самоидентичности с движением Прабхупады. Доминирующее большинство домохозяев в Нью-Рамана-рети, а также «второе поколение» неофициально пришли к выводу о том, что заданный Прабхупадой стандарт религиозной практики был слишком строгим, и хотя он соответствовал цели распространения движения на Западе, он не подходил как универсальный стандарт для домохозяев (только как идеал, которому добровольно могут следовать избравшие монашеский путь личности – и Грессет приводит такие примеры). Философия вайшнавизма дает пространство для различных интерпретаций социальной роли «преданного», поэтому, по мнению Грессета, которое совпадает с мнением представителей «второго поколения» членов ИСККОН в Нью-Рамана-рети, можно придерживаться вайшнавизма, не будучи при этом «фанатиком»; некоторые аспекты философии, впитываемые с детства, оказались для «второго поколения» в большей степени органичными, чем для их родителей.

2. Полная ассимилированность «второго поколения» в американскую молодежную школьную и студенческую среду при сохранении определенных культурных и социальных паттернов движения в том числе вегетарианство, знакомство и принятие философии, некоторые религиозные практики (посещение храма). В отличие от кризисов интеграции, описанных Рочфордом и упомянутых выше, второе поколение последователей движения «Харе Кришна» в Нью-Рамана-рети не испытывало отрыва от окружающей среды, возможно, благодаря тому, что в местных школах их изначально оказалось достаточно много, а также потому, что они учились в данной местности с ранних лет. Что касается гурукульцев, то, по наблюдениям Грессета, многие сохранили сильную связь друг с другом – например, судя по статистике браков, гурукульцы предпочитают жениться и выходить замуж за «своих». При этом они, как правило, принимают философию вайшнавизма, на которой выросли, но зачастую негативно относятся к лидерам ИСККОН, а также к опыту своих родителей, которые, по их мнению, были кем-то вроде наломавших дров фанатиков. Гурукульцы проводят собственные съезды и фестивали, например ежегодные фестивали «Kuli Mela». И хотя зачастую они чувствуют свою связь с движением, многие не придерживаются основных принципов, сформулированных Прабхупадой (за исключением вегетарианства, которое крайне распространено), и занимаются религиозной практикой в весьма свободном варианте.

3. Экономическая независимость жителей общины, ориентация в основном на какие-либо бизнес-проекты, а не на сельскохозяйственную деятельность. Вообще можно отметить, что Прабхупада ориентировал своих последователей на создание сельскохозяйственных общин с полным самообеспечением по типу индийской деревни – с выращиванием и производством всех необходимых продуктов, использованием в качестве основной тягловой силы быков, заведением коровников, но реализация этого замысла в полной мере натолкнулась на значительные проблемы.

4. «Приходской» принцип функционирования, близкое общение малыми группами при более-менее регулярном посещении храма.

5. Открытость, на периферии и в рамках общины могут проживать люди различного вероисповедания и образа жизни, не становясь объектами «обращения в правильную веру».

6. Индусы являются частью общины, но храм поддерживается за счет пожертвования западных преданных. Отношения между индусами и американцами в общине «двунаправленные»: от индийских членов ИСККОН американскими заимствуются некоторые культурные практики, в том числе принципы семейного образа жизни в рамках религиозной традиции, одновременно индусы перенимают некоторые социальные паттерны западных преданных, в частности такой принцип взаимодействия с храмами, к которому вернулись американские «преданные», посещение храма по воскресеньям.

Таким образом, по мнению Грессета, очевидными являются признаки того, что движение «Харе Кришна» из культа как чуждого, замкнутого и негативно воспринимаемого внешним социальным окружением образования трансформируется в церковь – более открытое, состоящее из последователей, принадлежащих к данной вере «по рождению», с менее жесткой вовлеченностью в религиозные практики и нашедшее определенную культурную нишу в окружающем обществе.

Еще один исследователь, Ким Нотт, британский социолог, анализируя изменения в стилях внутренней и внешней коммуникации в ИСККОН в Великобритании, также приходит к выводу о трансформации движения из замкнутого и «мироотрицающего» в более открытое, ориентированное на внешний, в том числе межрелигиозный диалог [14]. В Великобритании движение «Харе Кришна» появилось в 1970-х гг., когда три семейные пары «преданных» приехали по просьбе Прабхупады проповедовать в Лондон. Они обратили на себя внимание «The Beatles», выпустив на их студии совместную пластинку с пением мантры, что если и не привлекло к ним сразу большое количество последователей, то, по крайней мере, сделало узнаваемыми. Один из членов Битлз, Джордж Харрисон, приобрел поместье и подарил его Прабхупаде и ИСККОН в 1973 г. Община была названа «Бхактиведанта Мэнор», и на данный момент на ее территории действуют экоферма, колледж, начальная школа, магазин, кафе и проект по кормлению бездомных. В те же 1970-е гг. был открыт храм в Лондоне. Деятельность последователей движения на тот момент носила классический для раннего ИСККОН, несколько навязчивый характер: санкиртана (распространение книг и газет), харинамы, воскресные пиры и масштабные фестивали.

Параллельно набирал силу процесс антикультистской кампании против ИСККОН, сопровождавшийся также негативными репортажами на телевидении (например, ролик, показанный BBC в 1980 г.), изображавшими ИСККОН «промывающим мозги» «чуждым и опасным культом». Несмотря на то что в Великобритании история ИСККОН не включала в себя инцидентов криминального характера (в отличие от американского варианта развития событий), на протяжении 1980-х гг. публичный имидж движения оставался негативным, поскольку британское общество воспринимало кришнаитов как враждебный вызов своему традиционному укладу.

Параллельно в организации, как отмечает К. Нотт, происходила внутренняя трансформация: ориентация на храмовый, общинный образ жизни сменилась отъездом из храма последователей, обзаводившихся семьями (которые, тем не менее, не переставали идентифицировать себя с «преданными»). В 1980-е гг. ИСККОН становится в Британии организацией приходского типа, причем это касается как европейских последователей, так и членов местной индуистской общины, с которой устанавливается прочный контакт. Именно развитие отношений с индийскими эмигрантами, поддержка с их стороны повлияли на изменение имиджа ИСККОН в Великобритании с образа «опасной секты» на ветвь «традиционного индуизма». Организованный индийской молодежью марш протеста в Лондоне в 1994 г, активное лобби парламента в 1980-х гг. со стороны общины индийских эмигрантов привели к тому, что в 1996 г. движение «Харе Кришна» выиграло инициированный местным правительством иск и получило формальное право на проведение публичных религиозных служб в Бхактиведанта Мэноре. К. Нотт также обращает внимание, на то, что в 1980–1990-е гг. происходит не только налаживание контактов с местными индусами, но еще и рост внутренних образовательных программ и проектов, а также коррелирующий с этим явлением процесс конструирования ИСККОН активной позиции в межрелигиозном диалоге, стремление участвовать в межконфессиональных конференциях с целью не только непосредственно проповеди, но и установления взаимопонимания, партнерских отношений, рассмотрения некоторых общих философских вопросов с разных сторон. В частности, в 1990-е гг. состоялись три крупные межрелигиозные конференции, в том числе с христианскими теологами. ИСККОН также создает публичные образовательные программы в Бхактиведанта Мэноре для учителей и учеников общеобразовательных школ и других образовательных заведений, в рамках которых знакомит их с индийской религией, историей и культурой. Таким образом, по мнению К. Нотт, публичная активность ИСККОН привела к тому, что взаимодействие кришнаитов с индуистской общиной оказалось двунаправленным, обоюдным, так что отчасти можно говорить не столько о «индуизации» ИСККОН, сколько об «искконизации» индуизма в Великобритании [14. С. 160].

С некоторой натяжкой к исследователям, придерживающимся той точки зрения, что ИСККОН находится на стадии трансформации секты в деноминацию, можно отнести Киммо Кетола, финского исследователя, защитившего докторскую диссертацию на тему «Индийский гуру и его западные ученики» [15]. К. Кетола является также автором монографии «Основатель “Харе Кришна” глазами преданных: когнитивное исследование религиозной харизмы» [16] и ряда статей, посвященных ИСККОН и роли Прабхупады. Для анализа ИСККОН он использует специфическую терминологию Харви Уайтхауса [17], который выделяет два основных типа религиозных движений (следуя классической все той же парадигме Вебера о «рутинизации харизмы»), т.е. о двух стадиях в становлении религиозных движений: изначальное объединение верующих с интенсивными религиозными воззрениями вокруг некоего харизматического лидера и последующая формализация и институализация движения после смерти лидера, предполагающая ослабевание интенсивности религиозной практики.

Х. Уайтхаус выделяет социальные и психологические характеристики двух типов сообществ, которые он именует образной формой религиозности (the imagistic mode of religiosity; аналог Веберовского объединения возле харизматического лидера), характеризующихся в социальном плане интенсивной групповой связью, достигаемой в небольших размеров общинах, эгалитарной структурой власти и гетерогенными верованиями и «доктринальной формой религиозности» (the doctrinal mode of religiosity), соответствующей стадии рутинизированной харизмы по Веберу, отличающихся менее интенсивной социальной связью, но большим размером сообществ, более централизованной структурой власти и более однообразными системами верований. По Уайтхаусу, эти два типа сообщества связаны с психологическими переменными, наиболее значимой из которых выступает

память. Эпизодическая память – репрезентация лично пережитых событий, участия в экстатических ритуалах – в большей степени задействована в «образных» сообществах, тогда как в доктринальной модели, где в основном реализуются часто выполняемые ритуалы, вызывающие меньшее возбуждение, которые в основном кодируются в семантической памяти, преобладают логически интегрированные доктринальные схемы, моральные наставления, риторика проповедей и т.д.

Давая детальное описание структуры и наполнения ритуалов в ИСККОН (дневного цикла, годового – праздников, публичного – санкиртаны и ритуалов перехода (обряды инициации и т.д.)), Кетола утверждает, что ИСККОН – это не образное, а доктринальное религиозное объединение, поскольку использует строго регламентированную Прабхупадой, транслировавшим в деталях канон бенгальского вайшнавизма, структуру религиозных ритуалов, унифицирующую в том числе не только религиозную практику, но и допустимые проявления эмоций в рамках ритуалов. Кроме того, центральным стержнем для движения, по мнению Кетола, выступают не личные переживания, задействующие эпизодическую память, а постоянно актуализируемые посредством лекций основные верования – таким образом приводится в действие семантическая память. Именно традиционализм и даже фундаментализм ИСККОН является его определяющей чертой, по мнению Кетола, объединяя его по вытекающим отсюда социальным и психологическим характеристикам с возрожденческим движением в рамках вайшнавского индуизма (доктринальное движение), а значит, с «доктринальным» сообществом или «сообществом стадии рутинизированной харизмы».

Таким образом, три вышеупомянутых исследователя видят современную фазу развития ИСККОН скорее в том, что ИСККОН не ассимилировался в окружающее социокультурное пространство на Западе, что предполагает размывание его изначального религиозного и культурного посыла, а адаптировался к нему, пройдя сквозь кризисы внешней и внутренней легитимации, что и позволяет Грессету определять его в настоящее время скорее как «церковь». В дополнение можно отметить, что индуизация, описанная Рочфордом как растворение американского новорелигиозного движения в культуре и ценностях индийских эмигрантов, трактуется некоторыми другими исследователями в рамках более широкого контекста – концепции «транснационального сообщества». Концепция транснационального сообщества предполагает, что процессы коммуникаци между американцами и другими этносами – эмигрантами, носителями национальных религий, в американском обществе влияют одновременно и на религию в США, и на религию той страны, из которой происходят эмигранты. В частности, Тревис Ванде Берг и Фред Книсс [18] рассматривают взаимоотношения между американским ИСККОН и индийскими эмигрантскими общинами как более «двусторонние»: поскольку если ИСККОН воспользовался взаимоотношениями с индусами в плане экономической поддержки, легитимации своего положения и в плане заимствования многих культурных паттернов семейного поведения или моделей управления, то и американские индусы посредством ИСККОН пересматривали и упрочивали собственную национальную и религиозную идентичность, в чем-то трансформируя или актуализируя ее.

Общая канва социальных изменений, происходивших с американским и европейским ИСККОН, следующая: от довольно радикального нового религиозного движения, в котором последователи живут при храмах, ведут весьма аскетичный, общинного типа образ жизни и посвящают свою жизнь проповеди, как они ее понимают, к модели религиозного движения, состоящего из работающих домохозяев, приходящих в храм только в воскресенье или по праздникам, гораздо менее интенсивно вовлеченных в религиозную практику. Остается открытым достаточно интересный вопрос о том, является ли подобная трансформация ослабеванием и угасанием религиозного движения, его растворением в социально-культурном пространстве окружающего общества или переходом в новую форму существования, при которой религиозная идентичность сохраняется, но становится более гибкой, пластичной, особенно у второго и третьего поколений последователей движения, т.е. форму, близкую к тому, что Вебер подразумевал под «церковью». Как мы увидели, аргументы есть как в пользу первого утверждения, так и в пользу второго, и выбор теоретической перспективы в данном случае неизбежно включает в себя сложные и комплексные вопросы о том, что составляет суть любого нового религиозного движения; является ли эскапизм и антагонизм по отношению к окружающему миру (мироотрицающая позиция) обязательным условием его самобытности; становится ли переход на стадию диалога с окружающим миром признаком слабости или, наоборот, конструктивной адаптации при сохранении своей самобытности. Очевидно, что все эти вопросы остаются открытыми.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Религиоведение* : учеб. пособие / под ред. М.М. Шахнович. СПб. : Питер, 2008. 432 с.
2. *Robbins T., Anthony D., Richardson J.* Theory and Research on Today's 'New Religions' // Sociological Analysis. 1978. Vol. 39, № 2. P. 95–122.
3. *Knott K.* My Sweet Lord: The Hare Krishna Movement. Wellingborough, UK : Aquarian, 1986.
4. *Shinn L.D.* The Dark Lord: Cult Images and the Hare Krishnas in America. Philadelphia : Westminster, 1987.
5. *Rochford E.B.Jr.* Hare Krishna in America. New Brunswick, NJ : Rutgers University Press, 1985.
6. *Brooks C.R.* The Hare Krishnas in India. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1989.
7. *Rochford E.B.Jr.* Hare Krishna Transformed. New York : New York University Press, 2007. 284 p.
8. *Gressett M.J.* From Krishna Cult to American Church: The Dialectical Quest for Spiritual Dwelling in the Modern Krishna Movement in the West : Ph.D. diss. University of Florida, 2009.
9. *Broo M.* As good as God: the guru in Gaudiya Vaisnavism. Åbo : Åbo Akademi University Press, 2003.
10. *Richardson J.T.* Review on 'Hare Krishna Transformed' by E. Burke Rochford // International Journal for the Study of New Religions. 2012. № 3.1. P. 129–132.

11. *Barker E.* Review on 'Hare Krishna Transformed' by E. Burke Rochford // Contemporary Sociology. 2008. Vol. 37, № 4. P. 345–346.
12. *Rochford E.B.Jr., Bailey K.* Almost Heaven: Leadership, Decline, and the Transformation of New Vrindaban // Nova Religio. 2006. № 9 (3). P. 6–23.
13. *Squarcini F., Fizzotti E.* Hare Krishna. Salt Lake City, UT : Signature Books, 2004.
14. *Knott K.* In Every Town and Village: Adaptive Strategies in the Communication of Krishna Consciousness in the UK, the First Thirty Years // Social Compass. 2000. № 47. P. 153–167.
15. *Ketola K.* An Indian Guru and His Western Disciples: Representation and Communication of Charisma in the Hare Krishna Movement : Ph.D. diss. University of Helsinki, 2002.
16. *Ketola K.* The Founder of the Hare Krishnas as Seen by Devotees: A Cognitive Study of Religious Charisma. Leiden : Brill, 2008. P. xiii, 234.
17. *Whitehouse H.* Modes of religiosity: Towards a cognitive explanation of the sociopolitical dynamics of religion // Method & Theory in the Study of Religion. 2008. № 14 (3-4). P. 293–315.
18. *Vande Berg T., Kniss F.* ISKCON and Immigrants: The Rise, Decline, and Rise Again of a New Religious Movement // The Sociological Quarterly. 2008. Vol. 49, № 1. P. 79–104.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 июня 2015 г.

THE HISTORY OF THE HARE KRISHNA MOVEMENT IN THE USA AND GREAT BRITAIN IN TERMS OF THE WEBER–TROELTSCH CONCEPTION

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 181–189. DOI: 10.17223/15617793/401/27
Filkina Alexandra V. Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alexandra.filkina.tspu@gmail.com
Filkin Konstantin N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: indology@eml.ru
Keywords: ISKCON; Hare Krishna Movement; historiography; history of New Religious Movements.

This article deals with the history of the Hare Krishna Movement in the USA and Great Britain. It demonstrates how the history of this religious movement could be shaped in two different ways by different researchers. Using the Weberian concept of sect-to-church transformation, we can figure out the stage of "church" as a phase of extinction (destruction) of the religious movement as far as its members re-orient on the social success and assimilation into the main society – or as a phase of matureness, openness and dialogue with the outer world. Therefore, there are two main sect-to-church concepts relating to ISKCON. The first reflects the point of view of Rochford, the most famous researcher of the Hare Krishna Movement in the USA. Rochford accounts the modern ISKCON as a religious organization on its way to a complete "Hinduization" and dissolving in the main social milieu, which is accompanied with the loss of its specific religious message. The article overviews his findings based on the 1976–2010 research, where the changes that the Hare Krishna movement in the USA has undergone in the recent four decades are revealed. Among them the collapse of the financial basis of the Movement in the 1980s, the issue of child abuse in the schools of the Movement, the changing role of women in the Movement, the process of change in how families are viewed, the development of a congregational approach to its organization, and the Hinduization of the Movement are documented. The main point of Rochford's analysis of the recent situation with ISKCON is that ISKCON is an example of the decline and the failure of a religious organization which survived only due to the Indian-Hindu immigrants' support. The second concept, supported by Michael Gresset, Kimmo Ketola and Kim Knott, states that ISKCON successfully found its niche in the modern world with maintaining its original religious content. Among arguments of the researches discussed in the article, there are Gresset's data about the circumstances in the North-American Hare Krishna community in Florida (New Ramana Reti) and Knott's report about the social development of the London community (Bhaktivedanta Manor). Both the concepts are based on the same historical facts from ISKCON history, but, once more, while the first one interprets it as a failure, the second one focuses on the constructive aspects of its recent being. It is quite interesting, because one could question the core of the concept of the Weberian sect-to-church transformation.

REFERENCES

1. Shakhnovich, M.M. (ed.) (2008) *Religiovedenie* [Religious Studies]. St. Petersburg: Piter.
2. Robbins, T., Anthony, D. & Richardson, J. (1978) Theory and Research on Today's 'New Religions'. *Sociological Analysis*. 39:2. pp. 95–122.
3. Knott, K. (1986) *My Sweet Lord: The Hare Krishna Movement*. Wellingborough, UK: Aquarian.
4. Shinn, L.D. (1987) *The Dark Lord: Cult Images and the Hare Krishnas in America*. Philadelphia: Westminster.
5. Rochford, E.B.Jr. (1985) *Hare Krishna in America*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
6. Brooks, C.R. (1989) *The Hare Krishnas in India*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
7. Rochford, E.B.Jr. (2007) *Hare Krishna Transformed*. New York: New York University Press.
8. Gressett, M.J. (2009) *From Krishna Cult to American Church: The Dialectical Quest for Spiritual Dwelling in the Modern Krishna Movement in the West*: PhD Diss. University of Florida.
9. Broo, M. (2003) *As good as God: the guru in Gaudiya Vaisnavism*. Åbo: Åbo Akademi University Press.
10. Richardson, J.T. (2012) Review on 'Hare Krishna Transformed' by E. Burke Rochford. *International Journal for the Study of New Religions*. 3.1. pp. 129–132.
11. Barker, E. (2008) Review on 'Hare Krishna Transformed' by E. Burke Rochford. *Contemporary Sociology*. 37:4. pp. 345–346.
12. Rochford, E.B.Jr. & Bailey, K. (2006) Almost Heaven: Leadership, Decline, and the Transformation of New Vrindaban. *Nova Religio*. 9(3). pp. 6–23. DOI: 10.1525/nr.2006.9
13. Squarcini, F. & Fizzotti, E. (2004) *Hare Krishna*. Salt Lake City, UT: Signature Books.
14. Knott, K. (2000) In Every Town and Village: Adaptive Strategies in the Communication of Krishna Consciousness in the UK, the First Thirty Years. *Social Compass*. 47. pp. 153–167. DOI: 10.1177/003776800047002002
15. Ketola, K. (2002) *An Indian Guru and His Western Disciples: Representation and Communication of Charisma in the Hare Krishna Movement*: Ph.D. Diss. University of Helsinki.
16. Ketola, K. (2008) *The Founder of the Hare Krishnas as Seen by Devotees: A Cognitive Study of Religious Charisma*. Leiden: Brill.
17. Whitehouse, H. (2008) Modes of religiosity: Towards a cognitive explanation of the sociopolitical dynamics of religion. *Method & Theory in the Study of Religion*. 14 (3-4). pp. 293–315. DOI: 10.1163/157006802320909738
18. Vande Berg, T. & Kniss, F. (2008) ISKCON and Immigrants: The Rise, Decline, and Rise Again of a New Religious Movement. *The Sociological Quarterly*. 49:1. pp. 79–104. DOI: 10.1111/j.1533-8525.2007.00107.x

Received: 30 June 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 190–195. DOI: 10.17223/15617793/401/28

УДК 628.1(571.16)“1941/1945”

О.А. Черемных

ГОРОДСКОЕ ВОДОСНАБЖЕНИЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рассматривается вопрос водоснабжения городов Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Во все времена система водоснабжения представляет собой базовую отрасль. В годы войны она была переведена в категорию особо важных объектов, так как от ее бесперебойного функционирования во многом зависела эффективность работы предприятий, выпускавших продукцию для фронта. Исследуются проблемы, которые были характерны для водохозяйственного комплекса в военное время. Делается вывод о том, что работа систем водоснабжения была подчинена оборонным нуждам, что привело к невозможности удовлетворения потребности населения в чистой воде, соответствующей санитарным нормам.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Западная Сибирь; водоснабжение городов.

Для бесперебойного функционирования предприятий оборонной промышленности и обеспечения нормальных условий проживания населения, значительно увеличившегося в результате эвакуации и трудовых мобилизаций, необходима была развитая система водоснабжения и водоотведения. Это стало одной из основных проблем для городов Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны.

В г. Кемерово 7-километровый водовод в комплексе с водоочистными сооружениями был запущен еще в 1934 г. Изначально эксплуатацией систем водоснабжения занимались строительные конторы, «Водсвет» и другие службы, имевшие штат по 15–20 чел. Воду отпускали по талонам из водоразборных будок, ее подвозом занимались частные коновозчики [1. С. 22]. Однако все изменилось в годы войны. Приняв и разместив у себя первую волну эвакуированных с запада людей и предприятий, в Кемерове почувствовали, как увеличилась нагрузка на все коммунальные системы. Уже 10 января 1942 г. на заседании исполком Кемеровского горсовета принял решение о реконструкции очистных сооружений и водопроводных сетей города [2. С. 44].

В Томске городской водопровод, построенный в 1904 г., давал лишь 9,5–10 тыс. куб. м воды в сутки, обеспечивая водой для питья, технических и противопожарных целей незначительную часть города [3. Л. 7]. Было подсчитано, что к концу третьего квартала 1942 г. г. Томску требовалось ежесуточно 34 тыс. куб. м воды, а водопровод по своей мощности мог подавать в сеть только 8 тыс. куб. м воды в сутки [4. Л. 35]. В одном из решений горисполкома в сентябре 1943 г. говорилось: «В связи с возросшей потребностью в воде подшипникового завода гарнизонная прачечная, инфекционная больница, тюрьма, баня № 2 остались без воды» [5. Л. 73]. Что же касается жителей города, то средний расход воды на одного томича в 1942 г. составлял 17 л, тогда как минимальная санитарная норма равнялась 45 л в сутки [6. С. 294].

Строительство водопровода и канализации в Новосибирске началось в 1926 г. В 1928 г. состоялся пуск в эксплуатацию первой очереди водопроводных сооружений с пропускной способностью в 5 тыс. куб. м воды в сутки и канализационных сооружений в 0,8 тыс. куб. м в сутки. В 1938 г. пропускная способность водопровода увеличилась до 22 тыс. куб. м и канализации – до 4 тыс. куб. м в сутки [7. Л. 19]. Накануне войны исполком городского Совета депутатов трудящихся Новосибирска отмечал очень плохое состояние водопроводно-канализационного хозяйства города, совершенно не удовлетворяющего потребности населения и промышленности. С началом войны водопровод Новосибирска был переведен в категорию особо важных объектов наравне с предприятиями, выпускавшими продукцию для фронта. Это была вполне обоснованная мера, потому что без устойчивого водоснабжения невозможно было обеспечить никакое производство [8. С. 62–63]. К концу 1941 г. система водопровода города составляла 22 тыс. куб. м воды в сутки [9. Л. 1].

На протяжении 1942 г. в Новосибирской области коммунальные водопроводы имели пять городов: Новосибирск, Кемерово, Куйбышево, Сталинск, Томск. Водосети имелись в Барабинске, Ленинск-Кузнецке, Татарске, Тайге. В Искитиме существовал ведомственный водопровод, Колпашево и Черепаново находились на колодезном водоснабжении [10. Л. 1]. Общее протяжение водопроводной сети по области на 1 января 1943 г. составляло 230,9 км. Число домовых вводов – 2 438. План подачи воды в сеть водопроводами за 1942 г. был выполнен на 98,4%. Из пяти водопроводов три (Новосибирский, Кемеровский, Сталинский) перевыполнили планы подачи воды [Там же. Л. 7].

Фактический тариф за 1 куб. м в Новосибирске составил 52,8 коп., в Кемерове – 60,7 коп., в Томске – 71,4 коп., в Тайге – 83 коп., в Татарске – 99,6 коп., в Барабинске – 29,7 коп. В среднем по области – 55,9 коп. [Там же. Л. 15].

Из годового технико-эксплуатационного отчета по водопроводу Новосибирска за 1942 г. следовало, что система водопровода была механической. Производительность водопровода на январь 1943 г. составляла 22 тыс. куб. м воды в сутки. Общее протяжение водовода – 7,5 км, число уличных водоразборов – 70. За 1942 г. было подано в сеть 10 240 158 куб. м воды. Отпущено воды всем потребителям за год – 9 837 654 куб. м, в том числе населению на питьевые и хозяйственные нужды – 2 697 695, коммунально-бытовым предприятиям и учреждениям (столовым, школам, больницам, баням, прачечным и пр.) – 2 370 433, промышленности, железнодорожному транспорту, водному транспорту, на строительство – 3 610 049, прочим потребителям – 1 159 477 куб. м. Утечка и неучтенный расход воды за год составили

402 504 куб. м. За год было очищено 10 240 158 куб. м воды [11. Л. 3]. В этом же году суточная производительность новосибирского горводопровода была доведена до 28 тыс. куб. м (при проектной мощности в 22 тыс.), но это не решило проблему, о чем свидетельствуют письма в новосибирский «Водоканалтрест». Например: «Положение с водой в аэропорту создалось исключительно напряженное. Авиагарнизон и новостроящийся поселок не имеют воды. Весь приход воды за ночное время (днем его совершенно нет) меньше расхода за день. Четыре часа, которые обещает завод № 69 не брать воду, от 0 до 2 часов и с 4 до 6 часов, ни в коем случае не удовлетворяет потребность воды» [12. Л. 9], или «Решение областного исполкома об увеличении подачи воды заводу № 153 до 4 тыс. куб. м осталось невыполненным. Причина этого невыполнения заключается в огромном росте водопотребления города в результате резкого увеличения численности населения, пуска в эксплуатацию новых предприятий, организации госпиталей с большим расходом воды, удлинения времени работы бань и увеличения потребностей в воде вокзала и Военведа» [13. Л. 14].

Неудовлетворительно работал в 1942 г. Томский водопровод. Из-за ветхого оборудования наблюдались частые аварии. Кроме Томского водопровода план подачи воды в сеть не был выполнен по всем водосетям. Невыполнение объяснялось частыми авариями на ведомственных водопроводах, в результате чего коммунальные водосети не получили плановое количество воды. Утечка и неучтенные расходы воды по Новосибирской области составляли 5,6% к поданной воде в сеть. Наименьший процент утечки и неучтенных расходов дали Кемеровский и Сталинский водопроводы [10. Л. 7].

В целом в городах Западной Сибири в 1942 г. наблюдалось большое количество перебоев в водоснабжении. Самыми распространенными причинами были следующие: перегрузка, сбои в электроснабжении, морозы, отсутствие квалифицированной рабочей силы. Так, из-за малоснежной зимы в марте 1942 г. в Новосибирске произошло массовое замерзание водопроводных ответвлений, в том числе и к водобудкам. «Водоканалтрест» не успевал своевременно отогревать замерзшие линии [12. Л. 11]. Управляющий новосибирского «Водоканалтреста» писал в мае 1942 г. в горисполком о том, что участились случаи аварийного прекращения питания электроэнергией насосных станций 1-го и 2-го подъемов горводопровода. Помимо уменьшения подачи воды городу выключение тока без предупреждения с остановкой агрегатов на полном ходу влекло за собой появление в сети гидравлических ударов, разрушающих трубы и стыковые соединения [10. Л. 17]. Всего же в первом полугодии 1942 г. по этой причине было 23 остановки, из них 22 без предупреждения. Простои из-за отсутствия электроэнергии составили 11 часов 27 минут [14. Л. 4].

На водонасосной станции Томска также зачастую наблюдались перебои из-за отсутствия электроэнергии. Без света работать на паровых котлах было довольно опасно, так как не было видно манометров. Сменных частей для быстрого ремонта машин не имелось, поэтому приходилось сначала останавливать машины, а затем изготавливалась деталь. Кроме того, в томском «Водоканалтресте» было недостаточно квалифицированных работников. Из имевшихся тружеников многие пришли из мест заключения, поэтому наблюдались проблемы с дисциплиной [15. Л. 2].

Между тем для ликвидации аварий требовались в больших количествач человеческие ресурсы и определенные финансовые затраты. Из объяснений к производственно-финансовым показателям за 1-е полугодие 1942 г. новосибирского «Водоканалтреста»: «В первом полугодии 1942 г. было на сети 10 аварий, на ликвидацию которых затрачено 2 255 человекочасов» [14. Л. 4].

Несмотря на это, были случаи, когда работники, задействованные в ликвидации аварии, премировались. Так, коллектив кемеровского «Водоканалтреста» в январе 1944 г. за 33 часа ликвидировал аварию водопроводной тупиковой линии, идущей на хлебозавод, в трудных зимних условиях, на глубине до трех с половиной метров. В связи с этим управляющему «Водоканалтреста» было разрешено израсходовать 1 500 руб. на премирование отличившихся в ликвидации аварии рабочих [16. Л. 34].

Проблемой являлась очистка воды. В январе 1942 г. представитель Новосибирского облздравотдела профессор Кошкин дал заключение о санитарном состоянии городского водопровода Томска. В заключении говорилось, что насосно-фильтровальная станция (НФС) водопровода была расположена на правом берегу р. Томи, выше города у границы его селитебной части. Забор воды производился из реки. Насосно-фильтровальная станция (постройки 1905 г.) оборудована устаревшими и изношенными в значительной степени установками. Несмотря на напряженную работу станции, количество подаваемой воды в 2–2,5 раза превышает проектную мощность станции и достигает 10–12 тыс. куб. м в сутки, однако город все равно страдает от недостатка воды. Санитарное состояние помещений насосно-фильтровальной станции неудовлетворительное, машинное отделение, помещение для фильтров и др. содержатся грязно; все сотрудники водопровода имеют доступ в любое помещение. Обработка воды на водоочистной станции проводится плохо [17. Л. 1]. Вода фактически не подвергалась очистке: хлорировалась, но не фильтровалась, так как пропускная способность фильтров составляла 3–4 тыс. куб. м в сутки, а станция давала потребителю 8–9 тыс. куб. м в сутки [Там же. Л. 17].

Круглосуточный химический контроль производства, бактериологический анализ и неполный химический анализ воды вел на протяжении военного времени штат лаборатории НФС Новосибирска. Цель – установление контроля качества воды. В отчете за 1942 г. говорилось, что на основании данных химического и бактериологического анализов вода в город подавалась стандартного качества. Стандарт по всем показателям был выдержан, по некоторым даже превышен, как, например: цветность, количество колоний, коли-титр, исключение составляла прозрачность, где стандарт был снижен. В основном причиной этого, помимо перегруженности отстойников и фильтров, являлось отсутствие коагулянта [18. Л. 9].

В связи с тем что не хватало хлора и каогулянтов, приходилось искать упрощенные технологии очистки воды с производством реагентов на месте. В качестве коагулянта использовалось сернокислое железо, получаемое методом обработки металлической стружки серной кислотой. Также на месте производились дезинфицирующие вещества, в частности гипохлорит натрия, получаемый на основе электролиза поваренной соли [8. С. 62].

Возникали проблемы и с охраной водозаборных сооружений. Так, в июле 1943 г. Кемеровский горисполком отмечал, что «Водоканалтрест» не имел людей для охраны даже основных водопроводных сооружений (заборные сооружения НФС, напорный резервуар и т.д.), охрана не была военизирована и не могла обеспечить невозможность проникновения посторонних лиц на территорию станции. Содержание зон санитарной охраны также не отвечало даже минимальным санитарным нормам и не обеспечивало водозаборные сооружения от попадания загрязненной воды. Выше до забора на расстоянии от 0,5 до 1 км по левому и правому берегу были организованы три стойла городского и колхозного скота. В одном километре выше водозабора колхоз «Оборона страны» на берегу организовал свинарник. На территории НФС в непосредственной близости располагалась конюшня [19. Л. 153].

В 1943 г. в Новосибирской области водопроводы имелись лишь в трех городах: Новосибирске, Куйбышево, Томске. В Барабинске, Татарске имелись только водосети, получающие воду от железнодорожных водопроводов (таблица). Такое снижение в показателях произошло из-за выделения из состава Новосибирской области Кемеровской области, в целом же положение с водопроводами не изменилось.

Полезный отпуск воды потребителям Новосибирской области за первое полугодие 1943 г. по городам [10. Л. 39]

Город	План подачи воды в сеть на первое полугодие 1943 г., тыс. куб. м	Фактически подано воды в сеть за первое полугодие 1943 г., тыс. куб. м	% выполнения плана
Новосибирск	5203	5152,6	99
Барабинск	52,5	41,5	79
Куйбышево	28,8	20,5	71,1
Татарск	70	49,8	71,1
Томск	1 710	1 533,9	89,7
Итого	7 064,3	6 798,3	96,2

Из таблицы видно, что за первое полугодие 1943 г. план не был выполнен по всем городам. В целом по области годовой план подачи воды в сеть был выполнен на 45,2%, полугодовой – на 95,3%. В сравнении с первым полугодием 1942 г. в сеть было подано воды на 691 тыс. куб. м, или на 10,6%, больше. По полезному отпуску воды годовой план области был выполнен на 45,3%, полугодовой – на 96,2%. Против фактического отпуска воды потребителям в 1-м полугодии 1942 г. в 1943 г. было дано воды больше на 9,4%, или на 589 тыс. куб. м [10. Л. 39].

Отпуск воды на коммунально-бытовые нужды населению, предприятиям и учреждениям составлял в 1943 г. 46,2% к общему отпуску воды потребителям, остальные 53,8% использовались для промышленности, строительства и железнодорожного транспорта. Утечка воды и неучтенный ее расход составили по области 5,2%. Наибольший процент утечки (21,5%) имела Татарская водосеть, 10% – Барабинская, где точный учет утечки воды не велся, а водомеры отсутствовали [10. Л. 39].

За первое полугодие 1943 г. на водопроводе г. Новосибирска произошли 33 аварии на сети и 5 аварий в г. Томске, причиной которых явилось выбитие стыков из-за выключения электроэнергии без предупреждения [Там же]. Помимо этого, на закрытом партсобрании томского горкомхоза еще в январе 1943 г. говорилось о невыполнении постановления горкома «О ликвидации аварии на 3-й нитке водовода». Причина этого состояла в том, что Военстрой не выделил рабочих, а «Водоканалтрест» своих рабочих для такой работы не имел. Кроме того, проблемы имелись и на четвертом агрегате, где вышел из строя мотор. Констатировалось, что недостаток в квалифицированной рабочей силе отражается на работе водонасосной станции [15. Л. 2]. Лопнувшая зимой 1942–1943 гг. 3-я нитка водопровода была всё же отремонтирована к осени 1944 г. На нее были поставлены компенсаторы температурного расширения. На водонасосной станции к октябрю 1944 г. был проведен капитальный ремонт одного парового котла и одной паровой машины. Произведены полный ремонт и смена фундамента электроагрегатов 1-го, установка 3-го электрофицированного агрегата 2-го подъема. Однако работы были выполнены не полностью. К октябрю оставалось множество «недоделок»: не закончен ремонт двух паровых машины и одного котла. Не закончены засыпка траншеи 3-й нитки водопровода, утепление станции, ремонт водоразборных будок и др. [20. Л. 60]. Средства, выделенные на ремонт (203,9 тыс. руб.), были освоены лишь на 68,9% (141,5 тыс. руб.). В совокупности с высокой аварийностью это привело к тому, что Томск в 1943 г. недовыполнил план на 10,5% [10. Л. 39].

Большое недовыполнение плана подачи воды в сеть за 1943 г. имели также водопровод Куйбышево – 28,4%, водосети Барабинска – 13%, Татарска – 16,5%. Последние напрямую зависели в получении воды от железной дороги [Там же].

В 1944 г. ситуация с водоснабжением кардинально не изменилась. Водопроводы, водосети, водобудки Новосибирской области план подачи воды в сеть в 1-м полугодии 1944 г. выполнили на 90,4% от годового плана. План полугодия по отпуску воды потребителям был выполнен на 86,3%, что составило к годовому плану 42%. Несмотря на то что подача воды в сеть в сравнении с предыдущим годом увеличилась, полезный отпуск воды потребителям в сравнении с 1-м полугодием 1943 г. составил только 97,7%, т.е. потребители получили воды на 37 тыс. куб. м меньше, чем в первом полугодии 1943 г. [21. Л. 67]. Например, в Куйбышево подано воды в сеть в 1944 г. 36,3 тыс. куб. м (по плану – 56 тыс. куб. м), в Татарске – 144 тыс. куб. м (по плану – 136 тыс. куб. м). Из общего числа отпущено воды на хозяйственно-бытовые нужды населению в Куйбышево – 2,4 тыс. куб. м (по плану – 10 тыс. куб. м), в Татарске – 61 тыс. куб. м (по плану – 21,8 тыс. куб. м). Отпускная цена за 1 куб. м воды в Куйбышево в 1944 г. составила 103,8 к., в Татарске –

88,5 к. [22. Л. 3]. В Барабинске фактически за 1-е полугодие 1944 г. было подано воды в сеть 10 тыс. куб. м, что составило лишь 26,6% от полугодового плана (по плану – 37,6 тыс. куб. м). При этом следует отметить, что в Барабинске и Татарске фактически коммунальные водопроводы отсутствовали. В Барабинске имелись две водобудки, а в Татарске – сеть. Оба города получали воду от железнодорожных водопроводов по договорам в определенном количестве. Снижение подачи воды железнодорожным водопроводом была одной из основных причин невыполнения плана по отпуску воды потребителям [Там же. Л. 68].

Резко ухудшил свою работу в 1-м квартале 1944 г. Томский водопровод. Наблюдались большие простои агрегатов из-за неподачи электроэнергии и отсутствия топлива. Кроме того, произошло большое число аварий на сети, которое дошло до 17 за полугодие, тогда как за весь 1943 г. их было 19. Только в июне 1944 г. аварий было 10. Как результат этих аварий, Томский водопровод допустил утечку воды из сети вдвое, т.е. вместо плановых 10% она составила 20,6%. Всего же за 1-е полугодие 1944 г. Томск выполнил план по подаче воды в сеть на 91,8% и отпустил потребителям 1 515,9 тыс. куб. м воды [21. Л. 68].

В Кемерово в 1944 г. при суточной потребности 14 тыс. куб. м город получал через водопровод и местные водоисточники 11 тыс., т.е. суточный дефицит составлял 3 тыс. куб. м [23. Л. 189]. По состоянию на 1 января 1945 г. в Кемеровской области имелся один механический водопровод в г. Кемерово. Число всех уличных водоразборов (будок, колонок, кранов) составило 97, в том числе в Кемерове – 18, в Сталинске – 47, в Ленинск-Кузнецке – 26, в Тайге – 4. Число домовых вводов – 641, в том числе в Кемерове – 196, в Сталинске – 435, в Ленинск-Кузнецке – 8, в Тайге – 2. Источниками водоснабжения служили: в Кемерове – р. Томь, в Сталинске – р. Томь, грунтовые воды, в Ленинск-Кузнецке – р. Иня, в Тайге – р. Яя [24. Л. 2].

В Анжеро-Судженске к середине 1944 г. на одного человека в день приходилось около 20 литров воды. В основном город снабжался из городского водопровода. Забор воды осуществлялся из р. Яя, где были расположены все очистные и насосные установки. Всего в среднем в город подавалось 4 500 куб. м воды в сутки. Больше половины этой воды расходовалось на промышленные цели (3 000 куб. м), остаток шел на нужды населения (1 500 куб. м) [23. Л. 201].

В Ленинск-Кузнецке ежесуточная потребность воды составляла 12 тыс. куб. м, а Ленинск-Кузнецк имел 7,5 тыс. куб. м, недоставало 2,5 тыс. куб. м. В целом же по городам Кузнецкого бассейна удовлетворенность в потребности воды на 1944 г. составила 60% [Там же. Л. 237].

Несмотря на дефицит воды, который испытывали предприятия и население, план подачи воды в сеть по Кемеровской области был выполнен в 1944 г. в среднем на 101% (в сеть было подано 6784 тыс. куб. м) [24. Л. 43].

Процент утечки в 1944 г. превысил установленный план по Кемеровской области и возрос с 6,5 до 7%, особенно по г. Тайга, где не был поставлен водомер на главной магистрали, по которой подавалась вода в город и подача устанавливалась по договорной сумме. На недоучет воды, отпускаемой населению, повлияли также недостаток водомеров, отсутствие контрольных станций и талонов на отпуск из водоразборных будок [Там же].

Проблему водоснабжения в годы войны пытались решить различными способами: строительство дополнительных водозаборов и артезианских скважин, оборудование водоразборных будок и пр. Например, в Томске киевским отделением «Промстройпроект» велись работы по проектированию расширения водопровода. Заказчиком в данном случае выступал Водоканалтрест. Однако работы велись медленно. Из протокола заседания бюро Томского горкома ВКП(б) следовало, что на 15 декабря 1941 г. выполненные работы не превышали 30%. Проектные работы не были оформлены договорами. Затраты на проектирование не сопровождались реальным финансированием [25. Л. 106].

Помимо этого, еще в декабре 1941 г. было принято решение о дополнительном водоснабжении города за счет использования подземных вод. Однако работы проходили медленно. Основной задержкой являлось недостаточное количество бурильного оборудования у «Водстроя», ведущего эти работы [Там же. Л. 108].

В 1-м квартале 1942 г. в Томске уже была начата вынужденная децентрализация водоснабжения со строительством на предприятиях собственных водозаборов из подземных источников. В 1942 г. водоканал работал прежде всего на предприятия оборонного значения, госпитали, военные учреждения – училища и военкоматы. К 1943 г. ситуация с водой стала улучшаться за счет пуска в эксплуатацию четырех водозаборов мощностью 12 тыс. куб. м в сутки, 18 артезианских скважин мощностью 4 900 куб. м в сутки, была построена насосная станция при электростанции общей мощностью 18,3 тыс. куб. м в сутки. Кроме того, децентрализованное водоснабжение промышленных предприятий давало в сумме около 20 тыс. куб. м в сутки. Разрыв между потребностью и подачей воды сократился до 7 тыс. куб. м. Однако обеспечение населения водой оставалось неудовлетворительным. На одного человека приходилось 17 л воды в сутки при санитарной норме в 45 л. В 1944 г. продолжался перевод водонасосной станции на электросиловое оборудование, так как паровое оборудование не могло использоваться в полной мере из-за недостатка топлива. В целом подача воды во время войны в Томске увеличилась кратно по сравнению с довоенным периодом [26. С. 135].

В Новосибирске на заводе им. Кагановича был построен промводопровод протяженностью 600 м и началась прокладка второй ветки промводопровода до мясокомбината. В работах принимало участие население. Земляные работы были начаты 15 октября 1944 г. По данным газеты «Советская Сибирь», в первый день копать траншеи вышли 350 чел., через три дня – уже 566, 22 октября – 1 543 чел. [27]. Помимо этого, к лету 1942 г. был пущен в эксплуатацию промводопровод Жиркомбината с подачей свыше 1 тыс. куб. м воды в сутки. Был установлен новый агрегат на насосной станции завода 153. С установкой агрегата подача воды заводу увеличилась с 3,5 до 6 тыс. куб. м в сутки [12. Л. 18].

В годы войны проводились работы по строительству водопровода в Заельцовском районе г. Новосибирска. Вот что писали об этом в газете «Советская Сибирь» в ноябре 1944 г.: «Люди разных профессий – рабочие, учителя, школьники, домохозяйки, возглавляемые уличными комитетами, строят водопровод в своем Заельцовском районе. Каждому учреждению, заводу, фабрике отведен свой участок» [27].

В 1943 г. началось строительство второй нитки водопровода в Кемерово. В 1944 г. была принята широкая программа по строительству объектов водопровода и канализации [2. Л. 44]. Проблема водоснабжения существовала на протяжении всего военного времени. Многие крупные предприятия обязаны были строить свои водозаборы. Это было сложно. Технических средств, простейших механизмов просто не хватало. Огромные объемы работ производились вручную, с помощью лопат, ломов и других подручных средств. Положение осложнялось еще и тем, что многие специалисты и сотрудники были призваны в действующую армию и на смену им пришли женщины и подростки, не обладающие нужными профессиональными навыками. Все же ситуация улучшалась, подача воды заводам увеличивалась.

Конечно, в годы войны органы власти и коммунальные службы в первую очередь решали вопросы обеспечения водой оборонных предприятий и гражданских социально значимых объектов. Для нужд населения существовали колодцы, колонки и водоразборные будки, однако они не могли удовлетворить возрастающие потребности в воде. Так, в Томске раздаточные колонки маломощного городского водопровода включались только на несколько часов в сутки, поэтому жители города брали воду летом из Ушайки и Томи, а зимой таяли снег [28. С. 110].

Помимо этого, имелись случаи, когда работники водопроводных будок, имея воду, не отпускали ее трудящимся, объясняя это тем, что они не знали, что в этот момент есть вода. Так, будка на ул. Герцена в Томске 20 января 1943 г. имела воду, но не отпускала ее населению [15. Л. 2]. Зачастую же вода в будках действительно отсутствовала.

Проблему нехватки водоразборных будок и колодцев неоднократно обсуждал и Новосибирский горкомхоз. В июне 1943 г. отмечалось, что имеющееся количество водоразборных будок и колодцев в Заельцовском районе Новосибирска не обеспечивало нормального водоснабжения трудящихся этого района. Особенно тяжелое положение с водоснабжением наблюдалось в устье р. Ельцовки и на Сухарной улице. На этом же заседании было принято решение о приведении существующих в Заельцовском районе водоразборных будок в надлежащий порядок и обеспечении круглосуточной бесперебойной их работы [29. Л. 63].

В Кемерове по состоянию на июль 1944 г. имелось 70 колодцев для снабжения населения водой. Как заявил заведующий облздравотделом Кемерово на четвертой сессии областного совета депутатов трудящихся, колодцы подвергались ежедневной обработке хлором [23. Л. 238].

Таким образом, имеющаяся в городах Западной Сибири система водоснабжения не могла удовлетворить существующие потребности. Это происходило потому, что Водоканал работал, как и все производства, прежде всего на оборонные нужды. Вода шла по большей части на военные заводы, в госпитали, в военные учреждения – училища и военкоматы [30. С. 92]. Это привело к фактическому отсутствию в бытовой жизни населения очищенной воды, соответствующей санитарным нормам, и явилось немаловажным фактором, способствующим распространению вирусных заболеваний и эпидемиологическому неблагополучию в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жилищно-коммунальное* хозяйство Кемеровской области: 60 лет истории : сборник. Томск : ГалаПресс, 2002. 237 с.
2. *Зайцева И.С., Зайцева Н.А.* История развития водоснабжения и водоотведения : учеб. пособие. Кемерово : Кузбасский ГТУ им. Т.Ф. Горбачева, 2011. 91 с.
3. *Государственный* архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 855.
4. *Центр* документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО) Ф. 80. Оп. 3. Д. 173.
5. ГАТО. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 821.
6. *Дмитриенко Н.М.* Томск: история города от основания до наших дней. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 462 с.
7. *Государственный* архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. П-4. Оп. 8. Д. 13.
8. *Живая* вода большого города. Водопровод Новосибирска на рубеже столетий (XIX–XX–XXI вв.). Новосибирск : Сибирская горница, 2003. 480 с.
9. *Новосибирский* городской государственный архив (далее – НГГА). Ф. 331. Оп. 1. Д. 166.
10. ГАНО. Ф. Р-1365. Оп. 1. Д. 24а.
11. НГГА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 170.
12. НГГА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 48.
13. НГГА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 169.
14. НГГА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 172.
15. ЦДНИ ТО. Ф. 1379. Оп. 3. Д. 12.
16. *Государственный* архив Кемеровской области (далее – ГАКО). Ф. Р-18. Оп. 5. Д. 19.
17. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 130.
18. НГГА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 47.
19. ГАКО. Ф. Р-18. Оп. 5. Д. 18а.
20. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 216.
21. ГАНО. Ф. Р-1365. Оп. 1. Д. 30а.
22. ГАНО. Ф. Р-1365. Оп. 1. Д. 32.
23. ГАКО. Ф. Р-790. Оп. 1. Д. 19.
24. ГАКО. Ф. Р-277. Оп. 1. Д. 1.
25. ЦДНИ ТО. Ф. 80. Оп. 3. Д. 6.
26. *Очерки* истории водоснабжения и водоотведения (теоретический, практический и социокультурный аспекты) / под ред. В.П. Бойко. Томск : Изд-во ТГАСУ, 2014. 164 с.
27. *Советская* Сибирь. 1944. 3 нояб.

28. *Яковлев Я.А.* Рассказы о томском электротранспорте. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1999. 455 с.
29. НГГА. Ф. 331. Оп. 1. Д. 173.
30. *От чистого* истока: век томского водопровода / под ред. А.Ф. Порядина, В.П. Зиновьева. Томск : ГалаПресс, 2005. 301 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 сентября 2015 г.

URBAN WATER SUPPLY IN WESTERN SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 190–195. DOI: 10.17223/15617793/401/28

Cheremnykh Olga A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: olqga375@sibmail.com

Keywords: Great Patriotic War; Western Siberia; urban water supply.

The article is concerned with urban water supply in Western Siberia during the Great Patriotic War. It was necessary to have a well-developed water supply and sewerage system for seamless operation of defense plants, and to provide good living conditions of population, whose size increased in consequence of evacuations and labor mobilization. It became one of the main problems for cities and towns in Western Siberia during the Great Patriotic War. Water supply systems in big cities of Western Siberia were constructed before the War and did not get over the water load in the time of war. This was because of the increase of water use, the growth of urban population, putting in operation of new plants and hospitals with big water consumption. Generally, a big number of water supply shortage occurred during the continuance of the war in cities of Western Siberia. The most common cause was overloading, electricity failures, frost and shortage of skilled workforce. Meanwhile, skilled workforce and financial expenses were required to reconstruct the water supply system. The problem also was water purifying, because there was lack of chlorine and coagulants. Consequently, it was necessary to look for a simplified technology of water purifying with production of chemicals locally. The problem with the water supply could be solved during the War by various means: repair of outdated equipment, building of additional water intakes and drilling of artesian wells, rigging of water-supply points, etc. The problem with the water supply was urgent over the time of the War. A lot of big plants had to build their own water-intakes. It was hard enough. There was a lack of technical equipment and of simple machines. A large amount of work was done by hand with spades, crowbars and others expedient means. The situation got complicated, because many professionals were called up for military service and instead of them women and teenagers without skills had to do the work. But the situation got better and water distribution to plants increased. Obviously, authorities and community services tried to solve the problem with the water supply by defense enterprises and socially significant facilities. There were wells, water columns, water intake stations for civilian population, but all the means could not satisfy increased requirements. Consequently, the water supply system in cities of Western Siberia could not meet the requirements. It happened because the water and wastewater treatment plant worked for defense needs like other plants. Most part of the water went to military plants, hospitals, military institutions: military schools and military enlistment offices. It led to the absence of purified water, which conformed to the safe standards for drinking water, for the population and fostered the spread of virus diseases and epidemiological problems in broad terms.

REFERENCES

1. Kalitskaya, T.I. & Nemirovich-Danchenko, P.M. (eds) (2002) *Zhilishchno-kommunal'noe khozyaystvo Kemerovskoy oblasti: 60 let istorii* [Housing and communal services in Kemerovo Oblast: 60 years of history]. Tomsk: GalaPress.
2. Zaytseva, I.S. & Zaytseva, N.A. (2011) *Istoriya razvitiya vodosnabzheniya i vodootvedeniya* [The history of the development of water supply and disposal]. Kemerovo: Kuzbass State Technical University.
3. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-430. List 1. File 855. (In Russian).
4. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 173. (In Russian).
5. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-430. List 1. File 821. (In Russian).
6. Dmitrienko, N.M. (2004) *Tomsk: istoriya goroda ot osnovaniya do nashikh dney* [Tomsk city's history from the foundation to the present day]. Tomsk: Tomsk State University.
7. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-4. List 8. File 13. (In Russian).
8. Shchukin, M.N. (ed.) (2003) *Zhivaya voda bol'shogo goroda. Vodoprovod Novosibirska na rubezhe stoletiy (XIX–XX–XXI vv.)* [The living water of the city. Water in Novosibirsk at the turn of centuries (19th–20th–21st centuries)]. Novosibirsk: Sibirskaya gornitsa.
9. Novosibirsk State City Archive (NGGA). Fund 331. List 1. File 166. (In Russian).
10. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1365. List 1. File 24a. (In Russian).
11. Novosibirsk State City Archive (NGGA). Fund 331. List 1. File 170. (In Russian).
12. Novosibirsk State City Archive (NGGA). Fund 616. List 1. File 48. (In Russian).
13. Novosibirsk State City Archive (NGGA). Fund 331. List 1. File 169. (In Russian).
14. Novosibirsk State City Archive (NGGA). Fund 331. List 1. File 172. (In Russian).
15. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1379. List 3. File 12. (In Russian).
16. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-18. List 5. File 19. (In Russian).
17. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 130. (In Russian).
18. Novosibirsk State City Archive (NGGA). Fund 616. List 1. File 47. (In Russian).
19. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-18. List 5. File 18a. (In Russian).
20. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 216. (In Russian).
21. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1365. List 1. File 30a. (In Russian).
22. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1365. List 1. File 32. (In Russian).
23. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-790. List 1. File 19. (In Russian).
24. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-277. List 1. File 1. (In Russian).
25. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 80. List 3. File 6. (In Russian).
26. Boyko, V.P. (ed.) (2014) *Ocherki istorii vodosnabzheniya i vodootvedeniya (teoreticheskiy, prakticheskiy i sotsiokul'turnyy aspekty)* [Essays on the history of water supply and disposal (theoretical, practical and socio-cultural aspects)]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.
27. *Sovetskaya Sibir'*. (1944) 3 November.
28. Yakovlev, Ya.A. (1999) *Rasskazy o tomskom elektrotransporte* [Stories about Tomsk electric transport]. Tomsk: Tomsk State University.
29. Novosibirsk State City Archive (NGGA). Fund 331. List 1. File 173. (In Russian).
30. Poryadin, A.F. & Zinov'ev, V.P. (eds) (2005) *Ot chistogo istoka: vek tomskogo vodoprovoda* [From a pure source: the age of the Tomsk water supply]. Tomsk: GalaPress.

Received: 06 September 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 196–206. DOI: 10.17223/15617793/401/29

УДК 94 (571.1)

М.К. Чуркин, Б.С. Токмурзаев

ПЕРСПЕКТИВЫ АГРАРНОГО ОСВОЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ СТЕПНОГО КРАЯ В КОЛОНИЗАЦИОННЫХ ПЛАНАХ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Рост масштабов аграрной колонизации в связи с переселенческим движением стимулировал обсуждение вопроса о перспективах освоения территорий Степного края во властном сегменте общественно-политического дискурса. В имперской системе координат распространение на отдалённых окраинах земледельческих практик являлось закономерным продолжением военной колонизации. В то же время в пределах степных областей Западной Сибири процессы аграрной колонизации развивались в условиях сложного и многоцветного этнического и конфессионального фона. Вследствие такого положения вещей проблема перспектив аграрной колонизации региона вызывала неоднозначную реакцию участников дискурса – представителей высшей центральной и региональной бюрократии. В ходе дискурса произошло оформление прогрессивного и сдержанного подходов к оценке аграрных перспектив Степного края, что во многом определило модели инкорпорации региона в общеимперский конструкт.

Ключевые слова: аграрная колонизация; Степной край; имперский дискурс; акторы власти.

В российском имперском дискурсе проблема колонизации южных степных областей Западной Сибири приобрела выраженную актуальность в начале XIX в. Именно в этот период Степной край, как географическое и геополитическое пространство, начинает рассматриваться представителями власти и общества в качестве важного связующего элемента между Россией и Востоком, объекта столкновения экономических и политических интересов различных государств. В этой связи представляется важным выявление факторов и условий материализации государственного интереса к слабоосвоенным в земледельческом отношении территориям, что находило проявление в отдельных высказываниях, программах и проектной деятельности акторов власти, направленных на постепенную интеграцию степных пространств в имперский конструкт.

Рассматриваемый нами период, с точки зрения становления основ властного сегмента общественно-политического дискурса, значительно выдвигается за границы заявленных хронологических параметров статьи. Во многом это связано с тем, что именно в начале XIX в. стартует постепенное распространение пределов русских владений вглубь киргизских степей, сопровождаемое, во-первых, попытками ассимиляции автохтонного населения с русским казачеством, а во-вторых – мерами по увеличению численного состава Сибирского казачьего войска, рассматриваемого властями в качестве базиса гражданственности в границах степных районов. Степные области Западной Сибири всё чаще оказываются в ракурсе большой имперской политики. Административно-территориальные преобразования в масштабах всей Сибири, составлявшие важную часть программы реформ М.М. Сперанского, выделение Западно-Сибирского генерал-губернаторства с включением в него Акмолинской и Семипалатинской областей, последующая в 1840-х гг. реформа государственной деревни графа П.Д. Киселёва, стимулирующая переселенческое движение, попытки упорядочения политической и уголовной ссылки, активизация правительственной деятельности в Казахстане и Средней Азии – вот далеко не полный перечень мероприятий, демонстрирующих эскалацию геополитического и экономического интереса центра к отдалённой окраине.

По справедливому замечанию авторского коллектива монографии «Сибирь в составе Российской империи», «империя, включая в свой состав ту или иную территорию на востоке, начинала, прежде всего, её властное освоение, интеграцию в имперское политико-административное пространство, последовательно используя окраины как военно-экономический плацдарм для дальнейшего имперского расширения. В зависимости от политических и экономических перспектив перемещались в сибирском пространстве и военно-административные центры… важным был не только процесс формирования внешних и внутренних границ, но и “оцентровывание” новой территории» [1. С. 20].

В этом смысле процесс «присвоения» отдалённых территорий в традициях государственного подхода, содержание которого можно определить метафорой «Московия на Востоке» [2. С. 118–260], сочетался с региональной спецификой: географической отдалённостью окраин, полиэтническим и поликонфессиональным составом населения и т.д. Именно региональная специфика и определяла ключевые позиции и основные расхождения в подходах по принципиальным вопросам колонизации степных районов Западной Сибири.

В продолжение XIX в. представления центральной и региональной власти в отношении сибирских автохтонов, сохраняя в целом свою охранительную направленность, отличались важными изменениями, существо которых определялось ходом и логикой колонизации. Естественным фоном, при котором эти изменения происходили, являлся количественный рост славянского населения вследствие миграций, сохранявшейся пенитенциарной и ссыльно-каторжной практики, естественного прироста населения. Фактор сокращения доходов от добычи «мягкой рухляди» приводил к смене хозяйственных приоритетов государства и в конечном итоге к переориентации регионального народно-хозяйственного комплекса на другие отрасли. Если в горных районах Сибири в эпицентре внимания государственных структур оказывалась горнодобывающая промышленность, то в степных

областях ставка делалась прежде всего на организацию и распространение земледелия.

Показательно, что с завершением реформационных мероприятий М.М. Сперанского, учреждением Западно-Сибирского генерал-губернаторства и созданием генерал-губернаторского корпуса тема земледельческой колонизации с «оглядкой» на урегулирование «инородческого» вопроса становится одной из центральных в масштабах властного аспекта общественно-политического дискурса. По сути дела, предметом обсуждения становятся две проблемы: необходимость и способы колонизации степных областей и влияние аграрного освоения региона на коренное население и кочевое хозяйство.

Хорошо известно, что вопрос о распространении земледелия в степных областях, привлечение к его развитию коренного населения, не говоря уже о возможностях расширения практик переселенческого движения, вызывал определённые опасения среди высшей бюрократии края, что находило отражение в частой смене программных установок представителей сибирской администрации. Так, в период генерал-губернаторства П.М. Капцевича (1822–1827) программные декларации о преобразованиях в управлении казахскими степями и распространении хлебопашества среди сибирских казаков и казахского населения остались лишь благими намерениями. Кроме того, современники неоднократно отмечали факты административно-принудительного подхода к организации хлебопашества в степных областях в этот период: «…в каком именно редуте, форпосте или крепости, сколько десятин должно быть засеяно овсом или рожью; каким числом лошадей и орудий, и в какое время произвести все работы…» [3. С. 9]. Генерал-губернатор П.Д. Горчаков (1836–1850), напротив, полагал, что развитие хлебопашества у казахов является политически вредным. В записке об упразднении Омской области в 1838 г. он указывал, что земледелие дало бы казахам свой хлеб и тем самым «расторгнуло бы главнейшую цепь зависимости их от России, прочностию своею далеко превосходящую прочие способы нашего над ними владычества» [4. С. 508]. Именно в период губернаторства П.Д. Горчакова, отмеченный реформами государственной деревни в России и, как следствие, ростом крестьянских переселений, впервые на уровне высшей региональной бюрократии были озвучены опасения в связи с эскалацией миграционного движения в степные районы.

Лишь начиная с правления Г.Х. Гасфорда (1851–1860) и А.О. Дюгамеля (1861–1866) наметились некоторые сдвиги в отношении высшей власти к перспективам аграрной колонизации степных областей, что объяснялось как появлением новых тенденций в государственной колонизационной политике империи, так и их практическими результатами, непосредственно коснувшимися степных местностей Западной Сибири. Опыт, приобретённый имперской властью в процессе реализации закона 1843 г. (распространение на Сибирь «Правил об общем порядке переселения казённых крестьян»), продемонстрировал власти масштаб возможностей решения вопроса о крестьянском малоземелье в центре страны. С 1838 по 1855 г. в Западную Сибирь прошло более 90 тыс. переселенцев [5. С. 56]. Однако власти, предоставляя льготы малоземельному крестьянству, втягивавшемуся в переселенческий процесс, оказались не готовы к дальнейшему росту миграционных потоков и организации контроля за переселенческим движением. Всё это моментально нашло отражение во властном сегменте дискурса. Так, чиновник по особым поручениям МГИ Н.Я. Смирнов обеспокоенно писал, что «переселение крестьян в Сибирь при значительных затратах пользы правительству не принесёт. Переселенцы будут сыты, но нищи, от них обнищают и сибиряки. Хлеб потеряет свою цену, чем заплатят крестьяне подать, на что купят вина?» [6. Л. 115]. Влиятельный чиновник Министерства императорского двора Е.К. Мейендорф полагал, что «новые наши приобретения на востоке отнимают у нас и время, и силы замечательных деятелей, в которых, конечно, у нас нет излишества; предполагая даже, что мы успеем устроить благосостояние всех наших новых поселений, мы этим только будем споспешествовать их отделению от метрополии, как учит история всех колоний» [7. С. 36].

Тем не менее неуклонно происходящий рост аграрных переселений и масштабов крестьянской колонизации постепенно видоизменял тональность и усложнял содержание властного дискурса, поскольку новая ситуация, сопровождавшаяся притоком русских мигрантов, вполне корреспондировала с моделью «собственнической» позиции власти в отношении коренных народов и традиционных практик русификации окраин. Не случайно именно в 1850–1860-х гг. усилиями местной сибирской администрации происходит активизация русской имперской политики во вновь приобретённых казахских землях. По инициативе Г.Х. Гасфорда для удобства в управлении Сибирско-Киргизской степью были образованы две новые области: Сибирских киргизов и Семипалатинская с областными правлениями в Омске и Семипалатинске; в 1859–1861 гг. преобразовано Сибирское казачье войско, в 1850-х на Иртыше стало развиваться пароходство. И.Ф. Бабков, размышляя о времени генерал-губернаторства А.О. Дюгамеля, отмечал, что «несмотря на его [Дюгамеля] миролюбивую политику, ни при одном генерал-губернаторе Западной Сибири не было сделано столько земельных приобретений, сколько при нём» [8. С. 340].

Симптоматично, что продвижение русского государства в направлении Степного края, выразившееся в военных приобретениях, сосуществовало с изрядной долей скепсиса в отношении распространения здесь земледелия. Достаточно сказать, что, например, А.О. Дюгамель, будучи знатоком восточного вопроса, заявлял: «Несмотря на то что встречаются самые благоприятные условия и роскошные пастбища, эта степь не годится для земледелия и всегда будет населена исключительно кочевым племенем» [9. С. 12]. В 1873 г. Акмолинский губернатор В.С. Цытович, в ответ на рассуждения во всеподданнейшем отчёте о необходимости «соединить в развитии в кочевом населении русской цивилизации и просвещения» по-

средством реализации «возможности соприкосновения киргизских зимовых стойбищ с оседлыми поселениями», получил от генерал-губернатора А.П. Хрущёва резолюцию: «Утопия» [10. Л. 309].

Следует отметить, что дискурс, связанный с определением возможностей колонизации степных территорий Западной Сибири, развивался в условиях своеобразного фона, исторического контекста, в рамках которого естественный рост переселенческого движения остановить было уже невозможно. Значительный прилив крестьянского населения в степную часть Западной Сибири существенно способствовал «слому» исключительно консервативно-запретительных подходов к аграрной колонизации Степного края во второй половине XIX в. Косвенно этому содействовал наметившийся в 1850–1860-х гг. процесс усиления взаимодействия центральной власти с высшей региональной бюрократией по вопросу о перспективах и способах интеграции коренного населения в состав российского социума. 17 апреля 1852 г. под председательством князя А.И. Чернышёва учреждён II Сибирский комитет, деятельность которого проявлялась в наиболее рельефном сотрудничестве.

Включение в состав созданного учреждения министров императорского двора, внутренних дел, юстиции, финансов, иностранных дел и т.п. придало комитету широкие полномочия и предоставило определённые преимущества в деле реализации государственнического подхода к решению сибирских вопросов, в том числе затрагивающих и колонизацию степных областей Западной Сибири.

Одной из важнейших задач II Сибирского комитета являлось выстраивание приоритетов в осуществлении окраинной политики. В этой деятельности центральное место занимал вопрос, касающийся «Сибирского учреждения» М.М. Сперанского и, в частности, «Устава об управлении инородцев» [1. С. 107–111]. В первой части работы комитета наблюдалось стремление поднять авторитет и значимость высшей губернской аристократии. С этой целью комитет стремился свести к минимуму общение министерств с губернскими учреждениями, минуя собственно генерал-губернаторскую власть. Несмотря на половинчатость многих решений, II Сибирскому комитету удалось расширить круг полномочий генерал-губернаторской власти, значительно сузив поле правомочий местных властей, традиционно саботировавших вопросы о крестьянских переселениях в Степной край и распространении здесь земледельческих практик. В плане систематизации отношений русского и инородческого населения, а также фиксации основ аборигенной политики, в процессе работы II Сибирского комитета отчётливо наблюдалось стремление не только сохранить, но и активнее реализовывать принципы, провозглашённые М.М. Сперанским. В свете проблемы аграрной колонизации региона это было чрезвычайно важным, поскольку формы организации управления инородческими улусами тесно соприкасались с целями и задачами имперской политики на окраинах страны. В результате в ходе работы II Сибирского комитета его участникам удалось отстоять генеральное направление «Устава об управлении инородцев», предполагавшего перспективную интеграцию народов Азиатской России в социально-экономическую структуру российского государства. Важным тактическим ориентиром в практическом содействии реализации «Устава» в новых исторических условиях колонизации стал принцип «соответствия учреждения духу и судьбам народа» [11. С. 398]. При этом система управления кочевым и бродячим населением, с одной стороны, учитывала особый образ жизни инородцев, с другой – их родоплеменное устройство было приведено в соответствие со схемой крестьянской волостной организации и волостного сельского самоуправления.

Таким образом, к середине 1870-х гг. в основном была подготовлена почва для принятия практических решений в области аграрного вопроа, применительно к степным местностям колонизуемого региона. По сути дела, впервые Степной край Западной Сибири, становится плацдармом реализации имперских проектов по его «правильной» колонизации с акцентом на аграрное освоение.

Характерно, что и во властном дискурсе периода по вопросам аграрной колонизации Степного края оказались запечатлены модели сотрудничества региональной и центральной бюрократии, а также большая свобода высших региональных чиновников в принятии текущих решений, некоторая независимость от центра, что выражалось в активном привлечении к практической работе представителей научного сообщества региона.

Отправной точкой, определившей активизацию властного формата общественно-политического дискурса, связанного с проблемами аграрного освоения края и решением инородческого вопроса на новом этапе, можно считать представленный по случаю вступления в должность генерал-губернатора Западной Сибири Всеподданейший отчёт Н.Г. Казнакова, в котором тот отмечал, что «положение степных областей требует особого внимания. Со времени принятия киргизами русского подданства, успехи, сделанные ими в гражданственности, ничтожны... Доколе киргизы будут одиноко совершать в пустынных пространствах огромные орбиты своих кочёвок, вдали от русского населения, они останутся верноподданными лишь по названию...» [12. Л. 232]. И далее: «Осторожно, по возможности без стеснения кочевников, водворение среди киргизских степей русского оседлого населения представляется единственным средством, могущим смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа» [Там же. Л. 232–232 об.]. Привлечённый Н.Г. Казанаковым к решению «степного вопроса» старший чиновник особых поручений и в будущем видный член ЗСОИРГО Н.Н. Балакшин писал: «Особенно выгодно было бы водворить русских поселенцев на северном склоне Акмолинской и Семипалатинской областей. Эта обширная местность, заключая в себе много удобств для хлебопашества, притом без орошения полей, представляет вместе с северною частью Оренбургского края естественное продолжение сибирской земле-

дельческой полосы [12. Л. 561], с расширением которой Сибирь наиболее сплотилась бы с восточной окраиной Европейской России. Осторожное водворение русских в означенной местности с течением времени уравновесило бы преобладающий в ней киргизско-мусульманский элемент и не только не вызывало бы никакого кризиса в пастушьем быту киргизов, напротив, послужило бы, по мнению моему, к их же обеспечению в экономическом отношении, усиливая производство в степях и способствуя развитию торгового движения. Но чтобы русские поселения действительно возникали сообразно объясненной цели, необходимо размещать их в обдуманном систематическом порядке» [Там же. Л. 558–561].

Обращает на себя внимание тот факт, что в записке Н.Н. Балакшина содержится важное положение, отражающее изменение во взглядах чиновничества, непосредственно включенного в решение вопроса об аграрной колонизации степной части Западной Сибири, в связи с жизнедеятельностью кочевого хозяйства. По определению исследователей А.В. Ремнёва и Н.Г. Суворовой, Балакшин в означенном документе репрезентировал не только цивилизаторский взгляд на кочевое хозяйство, но и представил вариант его «народнической» интерпретации [5. С. 126]. Так, у Н.Н. Балакшина читаем: «При таком порядке заселения степей (имеется в виду организация небольшого числа дворов, расположенных на расстоянии нескольких десятков верст один от другого, что позволило бы установить сообщение между степными городами) постепенно образовались бы земледельческие полосы, которые разделяли бы собою сплошное киргизское кочевье на отдельные пространства. В этих пространствах киргизы могли бы беспрепятственно продолжать свой кочевой образ жизни, а желающие между ними обратиться к земледелию имели бы доступ к водворению по соседству с русскими поселениями или же распахивали бы поля около своих зимовок. Таким образом, киргизы присматривались бы к условиям оседлого быта, сближались бы с русскими и перестали бы оставаться чуждым России племенем» [12. Л. 561–562].

Тем самым Н.Н. Балакшин, будучи представителем властных структур, озвучил расхожий в либерально-публицистическом дискурсе «гуманный» вариант развития русского землепашества в степи без ограничения интересов кочевников, что в значительной степени сблизило официальный и либеральный сегменты дискурса по вопросам аграрной колонизации степных пространств с учётом инородческого фактора. В изысканиях Н.Н. Балакшина, нашедших предметное выражение в его научной монографии «О киргизах и вообще подвластных России мусульманах» (СПб., 1887), это сближение обозначилось ещё отчётливее в идее о «взрослении киргизского населения» при посредничестве организации в степи русских крестьянских посёлков. По данному поводу Н.Н. Балакшин констатировал, что государство, не допуская в степь русских переселенцев и стимулируя процессы седентаризации кочевников, фактически открывает шлюзы для создания «заповедного для русских киргизско-мусульманского государства» [13. Л. 38]. В данной связи стоит сказать и о том, что аргументация чиновника относительно катастрофической перспективы образования «киргизско-мусульманского» государства в преддверии очередной Русско-турецкой войны не могла быть не услышана представителями высшей административной бюрократии, тем более что Н.Н. Балакшин, говоря о мерах «сопровождения» аграрной колонизации степи, регулярно прибегает к понятной и общепринятой в текущий момент риторике: «ради защиты Христа от мусульманского изуверства», «водворение русских поселенцев в степных областях… уравновесило бы в степях мусульманский элемент русскою народностью» [12. Л. 652–652 об.].

Проекты, ориентированные на ускорение «взросления киргизского населения» и воплощение в жизнь «гуманного» варианта распространения земледелия в границах кочевых владений, дискурсивно отражены в отчётах и переписке губернаторского корпуса Степного края Западной Сибири. Акмолинский губернатор генерал-майор В.С. Цытович в отчёте генерал-губернатору Западной Сибири предлагал ввести в степных районах полуоседлый образ жизни: «Запретить киргизам кочевать, – писал он, – значит уничтожить их скотоводство, т.е. главный и единственный источник благосостояния. В отдаленном будущем, может быть, они откажутся от кочевания, но это возможно будет только тогда, когда они найдут другой более верный и более обильный источник для поддержания своего благосостояния. Чтобы привести их к этому источнику, необходимо постепенно, но настойчиво знакомить их с выгодами оседлой жизни, земледелием и промыслом. Для этого необходимо прибегнуть к переходному состоянию киргиз от кочевого образа жизни к оседлому» [13. Л. 104]. Развивая свою мысль, В.С. Цытович заключал: «Она может состоять в том, чтобы зимовки каждого аула соединять в одно или несколько селений, которые будут состоять из домов русской постройки и расположатся по утвержденным планам. Летом часть киргизов будут кочевать, а другая часть – оставаться в селениях и заниматься хлебопашеством; зимою же одни будут находиться при табунах, а другие останутся в деревнях и будут заниматься промышленностью и сельскими работами» [Там же. Л. 104 об.]. Показательно здесь, что рассуждения о мерах, направленных на постепенную трансформацию кочевых номадических обществ в оседлые земледельческие, Цытович сопроводил следующим пожеланием: «Так как киргизы очень дорожат наградами и разными знаками отличия, то для более успешного развития оседлости и хлебопашества между ними следует прибегнуть к системе поощрения и наград» [Там же. Л. 123].

Следует отметить, что в чиновном дискурсе 1880–1890-х гг. мотив «взросления киргизского населения» теряет своё напряжение и идеологическую актуальность, что во многом было обусловлено систематизацией переселенческого движения в степные районы, действием законодательства, ликвидацией традиционных потестарно-патриархальных институтов, рас-

пространением территориальной, судебной и налоговой системы по российскому образцу. В имперском сознании постепенно осуществлялась фиксация представлений о казахском обществе как о «своём», что находило отражение и во властном дискурсе. В данном отношении в отчётах представителей региональной бюрократии можно встретить определённую двойственность. Так, Акмолинский губернатор Ливенцов вполне в духе «цивилизаторской» риторики пишет: «Между киргизами южных уездов издавна ведется хлебопашество примитивным способом, с водворением же крестьян из южных губерний Европейской России, хорошо знакомых с ведением степного земледельческого хозяйства, киргизы начали усваивать лучшие способы земледелия и увеличивать свои запашки» [14. Л. 242]. «Кочевое киргизское население, – продолжает губернатор, – представляет почти нетронутую почву для образовательного влияния западно-европейской культуры. По историческим причинам киргизы долгое время находились в ближайшей связи с более образованными азиатцами: татарами, бухарцами, сартами и др. магометанами, стремившимися подвести их духовно-нравственный мир, хотя внешним образом, под непонятные им догмы мусульманства» [Там же. Л. 242 об.]. Здесь же мы обнаруживаем совсем другой подход, в основе которого – признание экономического и культурного равноденствия и паритета русского и коренного населения: «Подобно другим степным областям Туранской низменности, Акмолинская область по племенному составу населения, хозяйственно-экономическому и общественно-гражданскому быту его представляет взаимодействие двух культур: русской оседло-земледельческой и туземной, киргизской кочевно-скотоводческой. При наблюдении интересов той и другой стороны внимание областной администрации обращено на разрешение главного вопроса – обоюдного соглашения этих интересов в целях общего благосостояния» [Там же. Л. 239]. Сближение властного и либерального сегментов общественно-политического дискурса по инородческому вопросу можно обнаружить и в следующих рассуждениях: «Что полезнее: или киргизы, которые снабжают не только свои местные, но и русские рынки предметами несомненно полезными и даже более – необходимыми?.. Если возможно было собрать статистические данные о том, сколько доставляется киргизами на рынки, за пределы местного края, предметов необходимости и пользы, если бы можно было вычислить, насколько такая доставка удешевляет предметы фабричной обработки, потребляемые всей Россией, тогда бы читатель увидел, что так называемые дикари-киргизы далеко не бесполезны для нас, чтобы не сказать более, и что поэтому задаваться фальшивой задачей обрусения киргизов, в смысле отнятия у них земли в пользу хлебопашцев, не следует, ибо это поведет к полному обеднению киргизов, к тому положению, при котором киргизы или укочуют за пределы России, или же обратятся в жалких нищих, никуда не годных пролетариев. Будет время, когда киргизы обрусеют сами собой, путем воспитания и постепенного развития» [15. С. 136]. Одним из важнейших вопросов, являвшихся в стартовый период аграрной колонизации Степного края составной частью дискурса власти, был вопрос о месте, роли и значении казачьего элемента в освоении региона. Вполне естественно, что применительно к имперским планам аграрной колонизации степных областей проблема обустройства в регионе военно-служилого населения оценивалась в тесной связи с пониманием и урегулированием инородческого вопроса, а также мерами по устройству переселенцев – выходцев из европейской части страны.

Известно, что заселение окраинного региона в XIX в., осуществлялось по традиционным лекалам – за счёт военно-служилого элемента, преимущественно лиц казачьего сословия. Соображения защиты южных границ и охраны территорий от набегов кочевников приводили к постоянному увеличению в крае казачьего войска, достигшего к 1801 г., по утверждению Остафьева 6 000 душ м.п. [16. С. 5]. Сложившийся перекос в пользу военного контингента в правящих кругах понимался двояко. С одной стороны, сложившаяся практика являлась удобной и понятной для местного чиновничества, поддерживаемого в отдельные годы генерал-губернаторской властью (Западно-Сибирской до 1882 г., далее Степным генерал-губернатором). С другой стороны, опыт казачьей колонизации, а также практические меры по ограничению земледелия среди переходящих к оседлому образу жизни кочевников наглядно демонстрировали бесперспективность подобных действий. В оценках содержания и результатов казачьей колонизации в дискурсе акторов власти присутствовали не только сходство, но и существенные несовпадения и разногласия.

Масштабы «казачье-инородческого» дискурса, по нашему мнению, были заданы в 1850–1860-х гг., когда тема русско-киргизских отношений впервые была озвучена обер-квартирмейстером корпусного штаба в г. Омске генералом И.Ф. Бабковым. Размышляя над историей этих взаимоотношений, он писал: «Не подлежит сомнению, что казаки эксплуатируют киргизов, у которых они к тому же заняли и лучшие места в степи для своих поселений и тем до некоторой степени стеснили кочевников, которым по образу жизни действительно необходимы для их стад обширные пастбища. Но, со своей стороны, и киргизы, несмотря на то что этих пастбищ, по сравнению с количеством имеемого у киргиз скота, оказывалось весьма достаточно, распространяли свои кочевья за пределы собственно киргизской степи, переходя со своими стадами в приграничные местности Томской губернии… Вообще при всех своих столкновениях с казаками киргизы вовсе не разыгрывали роль каких-то жертв казачьего насилия, как многие полагают, а при каждом удобном случае старались мстить казакам…» [8. С. 37].

Широкий дискурс о перспективах казачьей колонизации в Степном крае получил наполнение к 1865 г. в связи с деятельностью Степной комиссии, пришедшей к выводу о бесперспективности казачьей колонизации внутри степи и выдвинувшей тезис об использовании свободной земледельческой и промысловой

колонизации, направленной на закрепление в регионе русской оседлости [5. С. 188]. В данном отношении казахская степь имела реальные шансы трансформироваться во внутреннюю окраину империи, однако военные действия, развернувшиеся в казахской степи как реакция на реформы 1868 г., поколебали представления административной бюрократии о смирении казахов. В результате вопрос о сохранении военных укреплений в Степном крае и казачества как военного сословия, призванного сочетать служилые функции с земледельческим трудом, продолжал оставаться злободневным.

Вместе с тем, по мере ослабления военной угрозы и прироста переселенческого контингента, уже во второй половине 1870-х гг. во властном дискурсе всё отчётливее раздаются критические комментарии по поводу казачьей колонизации. Так, во Всеподданейшем отчёте военного губернатора Акмолинской области за 1877 г. говорилось: «В прежнее время, когда для сохранения спокойствия между киргизами, необходимо было прибегать к особым исключительным мерам, казачьи поселения были существенно необходимы. В настоящее время эта необходимость миновала и степь нуждается в поселениях земледельческих. Казаки же по роду своей службы не могут систематически заниматься земледелием, поэтому они и не могут приносить краю той пользы, какую можно было бы ожидать от земледельческих поселений. Поэтому вопрос о заведении в степи русских поселений становится неотложным» [17. Л. 234].

Сочленение общественных настроений и представлений относительно потенциала казачьей колонизации с представлениями о данном явлении во властном дискурсе достаточно ярко подтверждается общим негативным оценочным фоном. Авторы раздела издания «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 18. Киргизский край», общественно-политические деятели А.Н. Седельников, А.Н. Букейханов и С.Д. Чадов категорически заявляли: «Покорив край, русские не могли перейти к культурной работе потому, что первоначальное завоевание совершалось исключительно с целью обогащения и первые завоеватели не были подготовлены к культурной роли... они выбрали другой, более лёгкий способ наживы – грабёж покорённого инородца и расхищение природных богатств» [18. С. 170]. Тот же настрой, демонстрировал в 1875 г. будущий генерал-губернатор Западной Сибири генерал-адъютант Н.Г. Казнаков, докладывая Государю: «Сопредельные с ними [казахами] по линии казаки по малочисленности своей не принесли делу обрусения киргизов ощутительной пользы, но сами научились поголовно киргизскому наречию и переняли некоторые, впрочем безвредные, привычки кочевого народа» [16. С. 7]. Куда более категоричным в своих оценках казачьей колонизации оказался войсковой старшина Ф. Усов: «Проезжавшие по казачьей линии туристы, наблюдатели и ученые выносили впечатление о крайней бездеятельности, праздности, апатии и лени станичных жителей, особенно мужчин. Нелюбовь к неустанному труду объясняется нелюбовью к хлебопашеству» [Там же. С. 7–8]. Показательно, что Ф. Усов, будучи адептом казачьей колонизации Степного края Западной Сибири, признавал факт несостоятельности земледельческих усилий лиц казачьего звания. По мнению Ф. Усова, регулярная военная служба и правительственный кошт приучили сибирских казаков к беззаботности в связи с удовлетворением собственных жизненных потребностей, а военные экспедиции в степь с целью экспроприаций кочевников развили привычку к лёгкой наживе и праздности [19. С. 264].

Генерал И.Ф. Бабков, уже в бытность свою председателем ЗСОИРГО, пересмотрев отчасти собственные взгляды на казачий сегмент в аграрной колонизации края, свидетельствовал, что «подобные переселенцы, обеспеченные на первое время продовольствием от казны, с самого начала приучаются к лености и мало заботятся о хлебопашестве» [16. С. 7].

В практической плоскости акцент на казачьем заселении казахской степи, принявшем, по выражению В.А. Остафьева, «искусственно-принудительный» характер [Там же] и вполне удовлетворявшем военным целям, не способствовал экономическому развитию региона. Более того, все усилия сибирской администрации превратить казака в земледельца и хозяина успехом не увенчались. Согласно статистическим сведениям количество семей, не занимавшихся земледелием, в среднем по Сибирскому казачьему войску достигало 30%, а в отдельных станицах 48% [Там же]. Таким образом, становилось ясно, что преобладание казачьего элемента в колонизации степных районов Западной Сибири не только не способствовало распространению земледелия, но и отрицательным образом воздействовало как на культурный облик коренного населения, так и на казачество, которое стремительно теряло продуктивность в качестве культуртрегера и проводника земледельческих практик в Сибири.

Именно критическое отношение к результатам казачьей колонизации, вследствие которой потенциал казачества как земледельческого актора был поставлен под сомнение, утвердившееся в представлениях и риторике центральной и региональной бюрократии, способствовало изменению содержания дискурса по вопросу о путях и средствах аграрной колонизации Степного края, а ссылки на неэффективность казачьей колонизации и инородческого землепользования становились важным действующим аргументом в практической деятельности. Н.Г. Казнаков, уже в бытность свою генерал-губернатором, сознавая вполне, что казачий элемент в деле колонизации не имеет никакого культурного влияния, во Всеподданнейшем отчете поднял вопрос о необходимости заселения степных областей русскими переселенцами-крестьянами, причем писал, что «осторожное, без стеснения кочевого населения водворение внутри степей оседлого населения, частое общение русского населения с киргизами и наглядный пример более удобной жизни представляют единственное средство, могущее смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа» [Там же. С. 12].

О важности и полемичности самой проблемы в 1888 г. докладывал во Всеподданейшем отчёте Акмо-

линский губернатор генерал-майор М.А. Ливенцов: «С увеличением в области оседлого населения не может не стесняться простор киргизских степей и традиционное скотоводство кочевников не имеет уже прежних размеров. При зависимости скотоводческого промысла от изменчивых условий степной природы (сплошной неурожай трав, гололедица, бураны и пр.) главное занятие кочевников не представляет прочно обеспеченного источника народного богатства и продовольствия, а потому вопрос о развитии земледельческой культуры в степи является вопросом времени и особенно разностороннего обсуждения» [14. Л. 241 об.].

По сути дела, отдельные высказывания представителей высшей региональной бюрократии, в частности заявление М.А. Ливенцова о дискуссионном характере вопроса о распространении земледельческой культуры в степных районах Западной Сибири, наглядно демонстрируют знаковые изменения в расстановке акцентов дискурса, в котором происходит своеобразная рокировка основных субъектов колонизации (казак, киргиз, русский переселенец), по степени значимости, с точки зрения властных структур. И здесь мы обнаруживаем наметившееся сближение либерально-публицистического и властного сегментов общественно-политического дискурса, помещавших переселенческие практики в центр обсуждения. Так, научные эксперты, представленные по большей части приверженцами народнических настроений и интересов, утверждали, что «крестьянская колонизация степи принесла уже ту культурную пользу, что разобщила киргиза-номада от казака, влиявшего на него крайне деморализующим образом, и познакомила его с более симпатичным оседлым населением и оседлой жизнью, и самая главная польза колонизации степи не казаками с стратегическими целями, а крестьянами» [5. С. 193]. Всё это оказалось в полной мере созвучно и властному дискурсу: представитель Главного управления землеустройства и земледелия Г.Ф. Чиркин, посетив Семиречье, громогласно заявил о необходимости и неизбежности поощрения крестьянской колонизации: «Крестьянская колонизация должна быть поставлена выше казачьей…» [20. С. 103]. В.А. Остафьев, суммируя полемическую общность участников дискурса, констатировал, что данный взгляд на колонизацию степных областей встретил поддержку и симпатию в высших петербургских сферах, что в конечном итоге привело к образованию при Главном управлении комиссии, призванной выработать положение о порядке колонизации степи и образовании поселений на киргизских землях [16. С. 8].

В то же время стоит отметить, что по мере интенсификации переселенческого движения в Степной край и возникновения прикладных проблем, связанных с обустройством миграционного контингента, во властном дискурсе, в особенности регионального уровня, обнаруживались существенные оппозиции, охватившие сферы инордческого и казачьего землепользования, а также обустройства в степных районах мигрантов из европейской части страны.

В частности, в печатных изданиях того времени автор статьи «Переселенческий вопрос в Западной Сибири», назвавший себя Очевидцем, рассказывает следующее: «Первые переселенцы появились в Акмолинской области при губернаторе Цытовиче и генерал-губернаторе Казнакове, именно в 1876 г. Цытович не был приверженцем заселения степных областей крестьянами, и если допустить переселенцев на киргизские земли, то сделать это в ограниченном размере, так сказать для пробы – именно для испытания как отношений, которые должны установиться между киргизами и крестьянами, так и того, насколько крестьянское заселение будет полезно для края. Заступивший на место Цытовича губернатор Ливенцов был решительным противником поселения крестьян в области, выходя из точки зрения интересов киргизского населения» [16. С. 9]. Этот различный взгляд в воззрениях генерал-губернаторов и местной администрации, по мнению В.Остафьева, загубил и затормозил дело колонизации степи, начатое Казнаковым [Там же].

Обращаясь непосредственно к дискурсу, запечатлевшему мнения высшей региональной и местной власти, действительно легко обнаружить определённые несходства.

Так, в отчёте М.А. Ливенцова читаем следующее: «Вопрос о колонизации киргизской степи в принципе еще не решенный и никаким законодательным положением не регламентирован, и потому для прекращения беспорядочного переселения русских крестьян в Степной край по распоряжению г. Главного Начальника края с 15-го марта отчетного года для устройства самовольно прибывших до 15-го марта переселенцев была командирована особая комиссия с поручением собрать сведения о всех переселенцах в области и определить пункты для оседлых поселений, представить соображения об окончательном образовании таких поселений в Акмолинской области с тем главным условием, чтобы наделение российских переселенцев землей производилось без стеснения кочевого населения в землепользовании» [14. Л. 241].

Точка зрения Н.Г. Казнакова была озвучена им также в документе отчётной категории: «Что касается хлебопашества в киргизской степи, то мне кажется, желательно было бы усилить его настолько, чтобы оно соответствовало по меньшей мере местной потребности киргизов в хлебе. Иначе они должны будут постоянно покупать его вне пределов обитаемых ими областей и оставаться в зависимости от урожаев в соседних губерниях. Кроме того, распространение хлебопашества между киргизами побудит их сократить свои отдаленные перекочевки, что значительно облегчит управление ими, крепкие к земле, они дорожили бы своим полевым хозяйством и не пытались бы удалятся со своими стадами за пределы обитаемых ими областей, если бы, по примеру прежних лет, между ними возникли какие-либо волнения, которые тем скорее могли быть усмиряемы...» [21. Л. 342 об.].

В заочной полемике Западно-Сибирского генерал-губернатора и губернатора Акмолинской области, по сути дела, обозначились два варианта репрезентации способов аграрной колонизации региона, определённые В.А. Остафьевым как два течения в административной политике: прогрессивное, представленное

высшей региональной администрацией, и сдержанное, адептами которого выступали чиновники на местах [16. С. 9]. Сдержанная позиция местной администрации, а в данном случае речь идёт о позиции губернатора области, наиболее интенсивно вовлечённой в земледельческое освоение, была понятной, поскольку наплыв переселенцев неизбежно способствовал нарастанию конфликтности в отношениях между всеми категориями населения края. Сторонники сдержанной позиции, в числе которых преобладали представители местной администрации, решения об увеличении переселенческого движения в Азиатскую Россию воспринимали, как правило, резко негативно, ввиду того что были непосредственно знакомы с особенностями хозяйства кочевников и отлично понимали, что «переселение, вследствие столкновения с интересами аборигенов колонизационных районов, ведет к возникновению аграрного вопроса и в Азии, правда не в такой острой форме, как в Европейской России, но тем не менее болезненно переживаемого местным населением» [22. С. 19–52].

Симптоматично, что «сдержанный» подход к реализации проекта аграрной колонизации Степного края дискурсивно был зафиксирован и в решении особой комиссии от 6 февраля 1888 г., пришедшей к заключению о том, что колонизация Акмолинской и Семипалатинской областей желательна, но при соблюдении трех условий: 1) согласования её с распоряжениями правительства «о переселениях из внутренних губерний»; 2) если окажется, что оседлые русские поселения в степи представляют залог к дальнейшему преуспеванию; 3) если водворение таких переселений не отразится вредно «на благосостоянии кочевников» [23. Л 38 об.]. Попытки «сдерживания» аграрной колонизации не противоречили имперскому вектору организации управления и хозяйственной жизни в пределах отдалённых окраин. Один из выводов, указанных в записке, составленной после поездки Столыпина и Кривошеина в Сибирь и Поволжье в 1910 г., обращал внимание на потребность «продолжать непрерывное заселение киргизской степи русскими переселенцами как путем предварительного землеустройства киргиз, желающих перейти к оседлости, так и путем изъятий земельных излишков у киргиз, не получивших оседлого устройства и облегчением аренды киргизских земель переселенцами: от широкого прилива в степь русских переселенцев выигрывают и переселенцы, и киргизы, и самая степь, и русская государственность» [24. С. 129].

Логика местной администрации в организации колонизационного процесса наиболее наглядно выразилась как раз в действиях губернатора М.А. Ливенцова, который в ответ на просьбу 272 крестьянских семей разместить их на избранных участках отказал, мотивируя тем, что переселенцами были выбраны лучшие места, входящие в круг инородческих кочевий и расположенные в значительном удалении от тракта, что выведет крестьян из поля зрения местной администрации [16. С. 10–11]. Подобная точка зрения крайние формы приобрела в начале 1880-х гг., когда генерал-губернатор Степного края Колпаковский категорично заявил, что Акмолинская область не может быть заселена русскими поселенцами, потому что здесь нет пригодных для аграрного освоения земель, а если и есть, то они целиком и полностью принадлежат киргизам, хорошо приспособленным к местным условиям [16. С. 11].

Показательно, что отражённый в дискурсе «конфликт администраций» привёл к временному приостановлению официальной колонизации свободных земель Акмолинской и Семипалатинской областей, сопровождаемому целым рядом предписаний, строжайше запрещающих «вторжения в пределы края бродячих масс переселенцев» [Там же. С. 12].

Определённое влияние на содержание и интонацию властного дискурса по исследуемому вопросу оказывал фактор сословной замкнутости казачества, что само по себе являлось препятствием к свободному ходу аграрной колонизации и фиксировалось чиновниками на местах: «Территория казачьих поселений недоступна для пришлого, не казачьего элемента: это собственность сословная, на ней можно поселиться под двумя непременными условиями: требуются согласие общества и перечисление в казачье сословие, но такое жительство имеет характер временный и не сопряжено с участием общественном казачьем управлении, с правами на известные даровые паи в казачьей земле, – словом, живущий на казачьей земле, хотя бы и постоянно, но только не казак, не пользуется правами “казачьей гражданственности” как совершенно чуждый, пришлый элемент, стоящий вне казачьей организации. Ввиду этого, а также и ограниченности казачьей территории, последняя – для переселения крестьян, так сказать, закрыта. Остаются казенные земли, заселенные киргизами» [15. С. 128].

Развивая этот тезис, Г.Е. Катанаев, находившийся в должности начальника казачьего отделения штаба Западно-Сибирского военного округа, с изрядной долей симпатии подчёркивал, что в быту казак сам «полукиргиз» и потому более привычен казаху, чем крестьянин или мещанин, ещё не спевшиеся с киргизами и не понимающие друг друга [5. С. 197]. Не случайно, что с увеличением переселенческого контингента и, как следствие, обострением поземельных отношений центральное место во властном дискурсе всё чаще стал занимать вопрос о культурных совпадениях и противоречиях основных групп населения края. Чиновники, представляющие различные уровни административной власти, неоднократно фиксировали «чужеродность» пришлого переселенческого элемента, подчёркивая, в противовес, наличие культурного сходства у казачества с коренным населением. На вопрос Г.Е. Катанаева о распространении среди казачества бытовых привычек и использования инородческого наречия, один из казаков уверенно парировал, что «по-киргизски нельзя нам не говорить, потому что с киргизским языком можно всю степь изойти... русский язык не киргизский, ему скоро не выучишься…» [25. С. 23].

В русском крестьянском сознании всегда была жива память о владении землёй и праве ею безраздельно распоряжаться. Очевидцы и непосредственные участники переселенческого дела в степных районах отме-

чали, что «переселенческая масса смотрит на вольные киргизские земли как на свою собственность, омытую кровью дедов, а потому немудрено, что новосёлы относятся к киргизам как к пасынкам» [26. С. 173].

Подобного рода настроения вызывали серьёзные опасения у администрации и фиксировались на делопроизводственном уровне властного дискурса. Рапорты уездных начальников военному губернатору под грифом «совершенно секретно» содержат частые упоминания о вероятности прямого столкновения крестьян и казахов: «Из происходивших и подслушанных разговоров я заключил, что как киргизы в степи, так и татары г. Омска очень враждебно относятся к русским, что ясно из того, что по отношению к русским слышатся угрозы…» [27. Л. 1]; «Киргизы Омской волости и уезда: Байбатыр Кулабаев, Дюсет Тыстай Джузюмовы и киргизы, фамилии которых не знают, но в лицо узнают, и вообще киргизы, которые живут около поселка, угрожают, что когда большинство из них, т.е. крестьян, заберут в солдаты, то киргизы разорят и сожгут поселки, а все население перебьют» [Там же. Л. 7]; «За последние дни с разных сторон уезда идут самые разнообразные слухи о намерениях и злоумышлениях киргиз. Почти во всем уезде слышатся от крестьян жалобы, что киргизы собираются по уходу запасных нижних чинов причинить оседлому населению большой вред. “Пусть только уйдут солдаты… мы вытопчем лошадьми крестьян, оскорбим их баб”, при этом добавляют, что «когда-нибудь и наша возьмет» [Там же. Л. 9]; «Кииминский волостной старшина рапортом от 16 июля 1900 г. за № 2049 донес мне, что казачка поселка Имантавского Залиха Абдул Тагиева Сулейменова, проживающая в селении Самарском, заявила ему, что какой-то киргиз, называвший себя из рода Таракты, предупреждал ее как мусульманку, чтобы он выехала из селения, так как все русские будут вырезаны. Подобного рода заявления, по донесению волостного старшины, поступали к нему уже несколько раз. Кроме того, слухи, что киргизы будто бы подготовляют противоправительственное движение, упорно носятся среди русского населения уезда» [27. Л. 23].

Представитель местной власти, петропавловский полицмейстер, в рапорте по ситуации в регионе излагал: «Киргизы, недовольные тем, что при заселении края крестьянами из Европейской России часть занимаемых ими прежде земель отошла под русские поселки, якобы стали в настоящее время во многих местах высказывать довольно открыто, что с уходом казаков в Китай на войну они, киргизы, силою возьмут эти места обратно, причем якобы высказывали крестьянам угрозы, что если последние не отдадут занятых под их поселки земель добровольно, то они, киргизы, крестьян перережут, а сами поселки выжгут» [Там же. Л. 32].

Таким образом, вопрос о перспективах аграрной колонизации Степного края Западной Сибири с различной степенью интенсивности был вовлечён во властный сегмент общественно-политического дискурса и решался с точки зрения имперских задач, в числе которых продолжительное время доминирующей являлась идея военного «присвоения» региона. Вместе с тем динамичный рост переселенческого движения в степные районы постепенно видоизменял тональность и содержание дискурса, настраивая отдельных представителей высшей региональной бюрократии на признание эффективности земледельческих практик. В результате на рубеже XIX–XX вв. окончательно оформились два подхода к оценке возможных вариантов аграрной колонизации региона: прогрессивное и сдержанное, в системе координат которых центральные и региональные власти пытались обнаружить оптимальные пути инкорпорации региона в общеимперский конструкт.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сибирь* в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнёв. М. : Новое литературное обозрение, 2007.
2. *Осокин Г.М.* Московия на Востоке // Русский разлив. «Арабески истории». М. : ДИ Дик Танаис, 1996. Т. 2.
3. *Ремнёв А.В.* Западно-Сибирские генерал-губернаторы первой половины XIX в. (биографические очерки) // Страницы исторического прошлого Омска (XIX – начало XX в.) : краеведческий сборник / под ред. А.П. Толочко. Омск, 1994.
4. *Бриген А. Ф.* Письма. Исторические сочинения. Иркутск : Вост.-Сиб. книж. изд-во, 1986.
5. *Ремнёв А.В., Суворова Н.Г.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск : Наука, 2013.
6. *Государственный* исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 2071.
7. *Политико-экономический* комитет при Императорском Русском географическом обществе. Собр. 1 апреля 1861 г.) // Век. 1861. № 22.
8. *Бабков И.Ф.* Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. СПб., 1912.
9. *Автобиография* А.О. Дюгамеля // Русский архив. 1885. № 7. С. 12.
10. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11285.
11. *Об управлении* инородцев : Высочайше утвержденный Устав 22.07.1822 г. // ПСЗРИ. Собр. I. Т. XXXVIII. № 29126. СПб., 1830.
12. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13315.
13. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 7. Д. 11587. Т. 1.
14. *Центральный* государственный архив республики Казахстан (далее – ЦГА РК). Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 395.
15. *Очевидец.* Переселенческий вопрос в Западной Сибири // Наблюдатель. 1891. № 8. 1 авг.
16. *Остафьев В.* Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. Омск, 1877.
17. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 9. Д. 15380.
18. *Седельников А.Н., Букейханов А.Н., Чадов С.Д.* Исторические судьбы Киргизского края и культурные его успехи // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1903. Т. 18: Киргизский край.
19. *Краснов Н.* Народонаселённость и территории казаков Европы и Азиатской России // Военный сборник. 1878. № 4.
20. *Чиркин Г.Ф.* Положение переселенческого дела в Семиречье. СПб., [б./г.].
21. ГИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13334.
22. *Шкапский О.* Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области // Вопросы колонизации. 1907. № 1.
23. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Кн. 1. Д. 4230.
24. *Поездка* в Сибирь и Поволжье : записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. СПб. : Тип. Суворина, 1911.

25. *Катанаев Г.Е.* Хлебопашество в Бельагачской безводной степи Алтайского горного округа // Записки ЗСОИРГО. 1893. Кн. XV. Вып. II.
26. *Чуркин М.К.* Взаимоотношения переселенцев и старожилов Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. в природно-географическом, социально-психологическом, этнопсихологическом аспектах : дис. … канд. ист. наук. Омск, 2000.
27. ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Кн. 2. Д. 3722.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 июня 2015 г.

PROSPECTS OF THE AGRARIAN TERRITORY DEVELOPMENT OF THE STEPPE REGION IN THE COLONIZATION PLANS OF THE RUSSIAN POWER IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 196–206. DOI: 10.17223/15617793/401/29
Churkin Mikhail K. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: proffchurkin@yandex.ru
Tokmurzaev Bakyt S. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: nat.proff.om@yandex.ru
Keywords: agrarian colonization; steppe region; imperial discourse; power factor.

In the given article the authors focused their attention on discussing the prospects of agrarian colonization of the steppe region of Western Siberia in the power segment of the social and political discourse in the second half of the 19th – early 20th centuries. During this period the steppe region, as a geographical and geopolitical space, began to be considered by the authorities and society as an important bridge between Russia and the East, an object of conflict of economic and political interests of different states. In this context, it is important to identify the factors and conditions of the embodiment of public interest in relation to the poorly developed agricultural area, which found expression in individual statements, programs and project activities of power factors aimed at the gradual integration of the steppes into the empire. Obviously, the process of "appropriation" of the remote area in the tradition of the government approach combined with the regional specificity: geographically distant suburbs, multi-ethnic and multi-religious composition of the population, etc. This regional specificity identified the key positions and differences in the approaches to the strategic issues of colonization of the West Siberian steppe regions. During the 19th century, the visions of the central and regional authorities in regard to the Siberian autochthons in general preserved their guarding activities and were characterized by important changes determined by the course and the logic of colonization. The quantitative growth of the Slavic population due to migration, existing penitentiary and exile hard labor practices, natural population growth were a natural background in which these changes took place. The reduction of income from mining the "soft stuff" led to a change of state economic priorities and, eventually, to the reorientation of the regional national economy on other sectors. The discourse associated with the determination of the possible colonization of the West Siberian steppe areas developed in a certain historical context, in which the natural growth of migration movement was impossible to stop. A significant wave of the peasant population in the steppes of Western Siberia contributed significantly to the "breakdown" of an extremely conservative and restrictive approach to the agrarian colonization of the steppes in the second half of the 19th century. By the mid-1870s, the ground for making practical decisions in the field of the agrarian question concerning the steppe zone of the colonized region was mainly prepared. In fact, for the first time the steppe region of Western Siberia became a basis for the implementation of the imperial projects for its "right", with a focus on agricultural development, colonization. Thus, the question about the prospects of the agrarian colonization of the West Siberian steppe regions with varying degrees of intensity was involved in the power segment of the social and political discourse and solved in terms of the imperial problems, among which was a long dominating idea of the military "appropriation" of the region. However, the dynamic growth of the resettlement movement in the steppe regions gradually modified the tone and content of the discourse, sensitizing individual regional representatives of the higher bureaucracy for recognition of the efficiency of agricultural practices. As a result, at the turn of the 19th and 20th centuries, two approaches to the evaluation of options for the agrarian colonization of the region, progressive and restrained, finally took shape. In the system of their coordinates, the central and regional governments found best ways of incorporating the region into the empire-wide construct.

REFERENCES

1. Dameshek, L.M. & Remnev, A.V. (eds) (2007) *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia in the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Osokin, G.M. (1996) Moskoviya na Vostoke [Muscovy in the East]. In: Kurkchi, A.I. (ed.) *Russkiy razliv. "Arabeski istorii"* [Russian flow. "Arabesques of history"]. V. 2. Moscow: DI Dik Tanais.
3. Remnev, A.V. (1994) Zapadno-Sibirskie general-gubernatory pervoy poloviny XIX v. (biograficheskie ocherki) [West Siberian governors-general of the first half of the 19th century (biographical sketches)]. In: Tolochko, A.P. (ed.) *Stranitsy istoricheskogo proshlogo Omska (XIX – nachalo XX vv.): kraevedcheskiy sbornik* [Pages of the past of Omsk (19th – early 20th centuries): a collection of local history]. Omsk: Omsk State Univeristy.
4. Brigen, A.F. (1986) *Pis'ma. Istoricheskie sochineniya* [Letters. Historical writings]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
5. Remnev, A.V. & Suvorova, N.G. (2013) *Kolonizatsiya Aziatskoy Rossii: imperskie i natsional'nye stsenarii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [The colonization of Asian Russia: Imperial and national scenario, the second half of the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Nauka.
6. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 2. File 2071. (In Russian).
7. Anon. (1861) Politiko-ekonomicheskiy komitet pri Imperatorskom Russkom geograficheskom obshchestve. Sobr. 1 aprelya 1861 g.) [The Political and Economic Committee of the Imperial Russian Geographical Society. Meeting of April 1, 1861]. *Vek*. 22.
8. Babkov, I.F. (1912) *Vospominaniya o moey sluzhbe v Zapadnoy Sibiri* [Memories of my service in Western Siberia]. St. Petersburg: Tipografiya V.F. Kirshbauma.
9. Dyugamel', A.O. (1885) Avtobiografiya [Autobiography]. *Russkiy arkhiv*. 7.
10. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 7. File 11285. (In Russian).
11. Russian Empire. (1830) Ob upravlenii inorodtsev: Vysochayshe utverzhdennyy Ustav 22.07.1822 g. [The imperially approved Charter of 22 July 1822]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. V. XXXVIII. No. 29126. St. Petersburg: V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.
12. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 8. File 13315. (In Russian).
13. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 7. File 11587. T. 1. (In Russian).
14. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 64. List 1. Kn. 1. File 395. (In Russian).
15. Anon. (1891) Ochevidets. Pereselencheskiy vopros v Zapadnoy Sibiri [Witness. The resettlement issue in Western Siberia]. *Nablyudatel'*. 8. 1 August.

16. Ostaf'ev, V. (1895) Kolonizatsiya stepnykh oblastey v svyazi s voprosom o kochevom khozyaystve [Colonization of the steppe regions in connection with the issue of nomadic economy]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela russkogo geograficheskogo obshchestva*. XVIII:II.
17. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 9. File 15380. (In Russian).
18. Sedel'nikov, A.N., Bukeykhanov, A.N. & Chadov, S.D. (1903) Istoricheskie sud'by Kirgizskogo kraya i kul'turnye ego uspekhi [Historical fate of the Kyrgyz region and its cultural achievements]. In: Semenov, V.P. (ed.) *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva* [Russia. A complete geographic description of our homeland]. V. 18. St. Petersburg: izdanie A.F.Devriena.
19. Krasnov, N. (1878) Narodonaselennost' i territorii kazakov Evropy i Aziatskoy Rossii [Population and the Cossack territories of Europe and the Asian part of Russia]. *Voennyy sbornik*. 4.
20. Chirkin, G.F. (1908) *Polozhenie pereselencheskogo dela v Semirech'e* [The resettlement issue in Semirechensk]. St. Petersburg.
21. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 3. List 8. File 13334. (In Russian).
22. Shkapskiy, O. (1907) Pereselentsy i agrarnyy vopros v Semirechenskoy oblasti [Resettlers and the agrarian question in Semirechensk area]. *Voprosy kolonizatsii*. 1.
23. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 64. List 1. Kn. 1. File 4230. (In Russian).
24. Stolypin, P.A. & Krivoshein, A.V. (1911) *Poezdka v Sibir' i Povolzh'e: zapiska P.A. Stolypina i A.V. Krivosheina* [A trip to Siberia and the Volga region: a note by P.A. Stolypin and A.V. Krivoshein]. St. Petersburg: Tip. Suvorina.
25. Katanaev, G.E. (1893) Khlebopashestvo v Bel'agachskoy bezvodnoy stepi Altayskogo gornogo okruga [Arable farming in the Bel-Agach waterless steppe of the Altai Mining District]. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela russkogo geograficheskogo obshchestva*. XV:II.
26. Churkin, M.K. (2000) Vzaimootnosheniya pereselentsev i starozhilov Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. v prirodno-geograficheskom, sotsial'no-psikhologicheskom, etnopsikhologicheskom aspektakh [Relations between resettlers and old-timers in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries in the natural-geographic, socio-psychological and ethno-psychological aspects]. History Cand. Diss. Omsk.
27. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 369. List 1. Kn. 2. File 3722. (In Russian).

Received: 09 June 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 207–215. DOI: 10.17223/15617793/401/30

УДК 94(4)

С.А. Шерстюков

ДЖИХАД «MADE IN GERMANY»: ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СПОРЫ ОБ ИСЛАМЕ

Рассматривается дискуссия европейских ориенталистов об исламе, обострившаяся на рубеже XIX–XX вв. и особенно после начала Первой мировой войны, когда Германская империя в союзе с Османской империей предприняла попытку, названную голландским исламоведом Х.С. Хюргронье джихад «made in Germany», – использовать ислам в качестве инструмента в борьбе с ее противниками. Автор пытается ответить на вопрос о том, как соотносится участие немецких ориенталистов в инструментализации ислама с высказанными Э. Саидом идеями об отношениях между Востоком и Западом и месте в них европейского ориентализма.

Ключевые слова: ислам; джихад; панисламизм; ориентализм; инструментализация; империя.

«Ислам и война» – так назывался доклад [2], с которым 8 декабря 1915 г., в разгар Первой мировой войны, выступил немецкий теолог и миссионер Д. Рихтер перед аудиторией большого зала дворца искусств в Берлине. Его сообщение слушали не только ведущие немецкие ориенталисты, но и находившийся с «чрезвычайной миссией» в Берлине тунисский шейх Салах аш-Шариф. С началом Первой мировой войны, особенно после вступления в войну Османской империи и провозглашения сначала турецким султаном, а затем шейх-уль-исламом[1] джихада ее противникам, споры вокруг ислама, развернувшиеся на рубеже XIX–XX вв. на страницах прессы и в академических кругах, вышли на новый виток. Эти споры не ограничивались пределами Европы – самое активное участие в них принимали представители национальных движений стран мусульманского Востока.

В объявлении джихада султаном Мехмедом V, носившим также титул халифа[2], не было ничего необычного; удивление многих вызывало то, что одним из инициаторов и организаторов «священной войны» мусульман выступила империя Гогенцоллернов.

Упомянутая дискуссия по «исламскому вопросу» представляет интерес не только потому, что высвечивает определенный комплекс представлений и стереотипов восприятия ислама, произраставших на почве европоцентризма, но и потому, что дает возможность проследить степень подвижности данных стереотипов и то, в какой мере и когда они становились предметом рефлексии ориенталистов.

Другим аспектом этой же темы является соотношение знания и власти, характер взаимосвязи европейского ориентализма и колониализма, иными словами, комплекс тех вопросов, которые полемически заострил (а, по сути, и сформулировал) Эдвард Саид. Насколько события, связанные с участием немецких ориенталистов в инструментализации ислама в годы Первой мировой войны, подтверждают высказанные Э. Саидом идеи? На этот счет существуют разные мнения. Как заметил немецкий востоковед Готфрид Хаген, на первый взгляд кажется, что в данном случае представлены все три структурных элемента ориентализма в понимании Эдварда Саида: академическая традиция изучения и описания Востока; стиль мышления, основывающийся на проведении онтологического и гносеологического различия между Востоком и, в большинстве случаев, Западом; западный стиль доминирования и реструктуризации Востока [3. P. 145]. Однако, по мнению Хагена, не только немецкие колониальные дискурсы не были едиными, но и, что подтверждает ряд исследований, мусульманские народы (в частности турки и иранцы) не являлись просто объектом западной репрезентации, но играли активную роль в их взаимоотношениях с Европой [3]. Более того, американский исследователь Усама Макдиси в своей работе «Османский ориентализм» показал, что Османская империя допускала отношение к части собственного населения, особенно в арабских провинциях, сравнимое с отношением европейского ориентализма к восточным народам [Там же. P. 146].

На существование двух подходов к соотношению знания и власти при анализе колониальной и постколониальной истории обратил внимание и американский исследователь Стивен Хоу. Сторонники одного из них, отмечал он, «делают акцент не просто на центральной роли, могуществе и целенаправленности колониальных дискурсов (или идеологий: эти два понятия обескураживающе часто используют как синонимы), но и на способности колониализма самому создавать то, что он якобы обнаруживает в колонизованных обществах. Сомневающиеся в таком подходе и рассматривающие колониальное знание как нейтральную “информацию” или же совместный продукт колонизированных и колонизирующих отрицают то, что ориентализм в саидовском смысле представлял собой согласованную систему мышления, и подчеркивают слабость колониальной власти и степень самостоятельности, сохраняемой колонизованными» [4. С. 34].

Дискуссия об ориентализме, в свою очередь, является только частью более широкой и в последнее время активно исследуемой проблемы взаимного восприятия.

В разгоревшейся дискуссии об исламе и исламской политике великих держав в разных контекстах обсуждались отношения и противоречия между модерном и традицией, религией и национализмом – вопросы, которые по прошествии ста лет не потеряли актуальность.

Европейские ориенталисты, с надеждой и тревогой следившие за процессами, происходившими в мусульманском мире во второй половине XIX – начале XX в., пытались дать свою интерпретацию исламской религиозной традиции, оказавшейся в состоянии кризиса и переживавшей сложный процесс трансформации, получивший название «мусульманская реформация».

Хотя предпринятую Берлином и Стамбулом попытку инструментализации религии в политических целях трудно назвать успешной, нельзя отрицать то, что мобилизация ресурсов в ходе ее осуществления не осталась без последствий. К примеру, американский исследователь Герман Бурке полагает, что в Марокко германо-турецкая поддержка антифранцузского сопротивления в годы Первой мировой войны привела к расширению политического горизонта и появлению новых форм политической организации сельского населения страны [5. P. 463]. Другой исследователь Вольфганг Шванитц даже приходит к выводу о том, что осуществленная Берлином «джихадизация» ислама в годы Первой мировой войны открыла дорогу современному исламизму: «Хотя джихад был и прежде, – полагает он, – но это не был современный политизированный и «избирательный» джихад…» [6. S. 43–44].

Нарастающий интерес к исламу в европейском обществе в начале XX в. отчасти напоминает современную ситуацию как бы «нового открытия» Европой ислама. Неожиданно для самих себя европейцы обнаружили ислам не в соседнем регионе, к нестабильности которого уже привыкли, а в собственном доме. Этот факт размывает фундамент современной европейской идентичности и одновременно является мощным стимулом для поиска и формирования новой.

Европа и ислам: между описанием и управлением

К началу XX в. Европа накопила значительный массив знаний об исламе. На протяжении нескольких веков европейско-христианский мир находился в «искрящемся контакте» с миром мусульманским. Завоевание мусульманами Пиренейского полуострова, Реконкиста, крестовые походы, Венская битва (1683 г.), колониальная экспансия европейских держав представляли собой не только яркие эпизоды во взаимоотношениях двух цивилизаций, но и «осевые точки», определившие – или, по крайней мере, серьезно повлиявшие – на историческую динамику обоих «миров».

Взаимоотношения с мусульманским «Другим» стали важной составляющей европейского самопознания и самоидентификации. Как полагает норвежский специалист по международным отношениям Ивэр Нойманн, «Турок» оставался главным «Другим» для европейской системы государств на протяжении всей ее истории [7. С. 71]. Неоднократные всплески мусульманской агрессии против Европы – с VII по X в., а затем с XIV по XVIII (неважно, была ли агрессия реальной или вымышленной), – по мнению итальянского исследователя Ф. Кардини, способствовали рождению самой Европы [8. С. 11].

Несомненно, существует соблазн представить историю взаимоотношений разных государств и народов, принадлежавших к мусульманскому и христианскому мирам, как непрерывное противостояние, вылившееся в череду бесконечных войн и конфликтов. С какого-то времени мусульмане и христиане так и начали смотреть на историю их взаимоотношений. Так, эмир Абд аль-Кадир, долго и успешно противостоявший французской колониальной власти в Алжире, в 1839 г., обращаясь к французскому королю, писал: «С основания ислама мусульмане и христиане находились в состоянии войны. Веками она была священной обязанностью обеих сект; но христиане пренебрегли своей религией и кончили тем, что стали рассматривать войну как обычное средство мирского возвышения. Для истинного же мусульманина война продолжает оставаться священным долгом» [9. С. 58–59].

Однако, во-первых, далеко не все подобные войны воспринимались их участниками как религиозное противостояние мусульман и христиан, и, во-вторых, контакты христианских и мусульманских акторов никогда не ограничивались войнами (в ходе которых также происходило расширение знаний сторон друг о друге и культурный обмен), но включали в себя целый спектр взаимодействий и взаимовлияний – политико-идеологических, торговых, культурных, языковых, научных. Взаимодействие религий оказалось гораздо сложнее, чем просто лобовое столкновение [10]. Так, давно уже обращается внимание на ту роль, которую сыграл для Европы арабо-мусульманский мир в качестве хранителя и транслятора культурных и философских достижений античного мира.

Тем не менее к началу колониальных завоеваний европейских держав мусульманский Восток, по целому ряду причин оказавшийся в состоянии глубокого кризиса и стагнации, уже не воспринимался европейцами как источник знаний и высокой культуры. Комплекс представлений об исламе и мусульманах в Европе, часть из которых сложились задолго до начала колониальной эпохи, а часть – в ходе и в результате колониальных завоеваний, являлся неоднородным, но в целом базировался на отношении превосходства и включал «сквозные» темы и понятия, подразумевавшие культурную отсталость и косность мусульманского мира, его неспособность к культурному прогрессу.

Как заметил голландский исламовед Рууд Петерс, западные авторы изображали ислам в качестве примитивной и отсталой религии, как препятствие на пути развития науки, учение о предопределении, объясняя фатализм мусульман, учение о священной войне – их фанатизм и воинственность [11. P. 92].

В формировании этих представлений участвовали не только ученые-ориенталисты, для которых изучение Востока стало профессией и смыслом жизни, но и люди, так или иначе соприкасавшиеся с восточными народами, – военные и чиновники, путешественники, литераторы, политики, дипломаты, миссионеры.

Большая часть земель, на которых проживали мусульмане, к началу XX в. превратилась в колонии крупнейших европейских держав либо (как Османская империя) оказалась в зависимости от них. Европейские державы, приобретшие колонии с преобладающим мусульманским населением, стояли перед двуединой задачей – обеспечения лояльности своих подданных и осуществления цивилизаторской миссии, которая и служила во многих случаях самооправданием их экспансии. Успех и того и другого напрямую зависел от степени эффективности политики имперских структур в отношении ислама. Независимо от того, была ли это Британская, Российская или

Французская империя, пишет немецкий исследователь Юрген Остерхаммель, религиозная политика относилась к неизбежным долгосрочным задачам колониального государства [12. S. 923].

Антиколониальные выступления мусульман, в ходе которых ислам и его институты играли определяющую роль, движение мусульманских реформаторов, пытавшихся актуализировать мусульманскую традицию, появление и распространение идеологии панисламизма, ставшего в глазах европейцев зримым и грозным символом «пробуждения» мусульманского Востока, – все это вызывало тревогу в европейских столицах.

Источником нарастающего беспокойства во многих европейских столицах являлись также претензии султана Абдул Хамида II на покровительство над всеми мусульманами мира и наметившееся сближение Германской и Османской империй, происходившее на фоне распространяющейся туркофилии в немецком обществе и «флирта» Берлина с исламом. С появлением «германского фактора» споры об исламе, и до этого носившие не только теоретический характер, в еще большей мере начали проецироваться на практическую политику европейских держав. В центре этих споров находились вопросы, над которыми в Средние века размышляли и вели диспуты улемы и факихи: кто может объявлять джихад и в каких случаях это необходимо делать, кем должен избираться халиф и как далеко простирается его власть. На рубеже XIX–XX вв. эти споры уже не являлись прерогативой мусульманских интеллектуалов. Среди причин подобной перемены – неразделенность религии и политики в исламе, осознание того, что направление и исход этих споров непосредственным образом повлияют на положение европейских империй, а также «неясность судьбы» Османской империи. Существовал явный диссонанс между положением Османской империи как «больного человека Европы» и ее возрастающим влиянием (действительным или кажущимся) на мусульман в разных уголках мусульманского мира. Объективно этому содействовало то обстоятельство, что вплоть до рубежа XIX–XX вв. религиозная самоидентификация в мусульманском обществе превалировала над этнической [13. С. 56].

В ходе споров о панисламизме как идеологии и политическом движении одни указывали на его внутреннюю противоречивость и эфемерность, другие – на крепнущие связи между мусульманами в разных странах и попытки Османской империи определять вектор политических движений мусульман далеко за ее пределами. И те и другие были по-своему правы.

Как заметил современный исследователь Якоб Ландау, «понятие единой мусульманской общины с духовным и политическим лидером во главе было важнейшей частью панисламизма в конце XIX в., достигнуть этого единства, однако, было не легко из-за напряженных отношений как в рамках панисламистского движения – между религиозными консерваторами и реформаторами, турками и арабами, шиитами и суннитами, так и за его пределами – между панисламизмом и пантюркизмом, поддерживаемым многими османскими реформаторами» [14].

Хотя в отношении панисламизма существовал широкий спектр мнений, в Лондоне, Париже, Санкт-Петербурге и Берлине склонны были скорее переоценивать, чем недооценивать его силу и потенциал.

К примеру, на состоявшемся в ноябре 1906 г. заседании центрального азиатского общества в Лондоне, в котором приняли участие видные британские ученые и политики, а также мусульманские интеллектуалы, в частности мусульманский индийский мыслитель Амир Али, собравшиеся пришли к выводу о том, что султан Абдул Хамид II подтвердил свою духовную власть во всем мусульманском мире, на которую он претендовал как наследник мусульманского халифата, и порекомендовали, чтобы британская политика «не имела цели поддержания антагонизма в отношении Турции, но, напротив, была готова уважать и даже поддержать и светскую и духовную власть Султана до тех пор, пока она не используется во враждебных Британской империи целях» [15. P. 274].

Европейские державы, выступавшие в роли покровителей христианских народов Османской империи и не раз использовавшие религию для защиты и продвижения своих интересов на Балканах и Ближнем Востоке, в конце XIX – начале XX в. неожиданно для самих себя встали перед необходимостью оградить своих мусульманских подданных от панисламистских притязаний сначала Абдул-Хамида II, а затем и младотурок.

Макс фон Оппенгейм и джихад как «новое оружие»

Как известно, Первая мировая война привела к крушению четырех континентальных империй. Российский историк А. Миллер полагает, что эти империи рухнули не в силу исчерпанности ими ресурса развития и неспособности найти ответ на вызовы новой эпохи, а вследствие того, что «соперничество (империй в годы Первой мировой войны. – *С.Ш.*) разрушило прежние конвенциональные ограничения, которых империи, разделившие Речь Посполитую, придерживались в вопросе об использовании карты национализма в борьбе друг с другом» [16. С. 8].

Первая мировая война сняла прежние ограничения не только в использовании национализма, но и религии как политического инструмента в противостоянии империй.

Предпринятая Германской империей в годы Первой мировой войны попытка «революционизации» мусульманского мира демонстрирует новое качество политики европейских держав в отношении ислама.

Человеком, предложившим план «революционизации» ислама, стал немецкий археолог и дипломат Макс фон Оппенгейм.

Родившийся в семье кельнского банкира Оппенгейм с детства грезил Востоком. Изучив в ходе долгих путешествий Арабский Восток, Оппенгейм смог, после некоторых затруднений, обусловленных его еврейским происхождением, попасть на службу в германский МИД [17. S. 138–141]. С 1896 по 1910 г. он занимал пост временного атташе немецкого генераль-

ного консульства в Каире. Энергичная деятельность Оппенгейма, выражавшаяся в поездках по Ближнему Востоку, встречах с арабскими и турецкими лидерами (в том числе с Абдул Хамидом II), составлении бесконечных записок и докладов для МИД, вызывала раздражение британцев, прозвавших его «шпионом кайзера». Позднее этого человека будут называть «отцом священной войны» («Abu Jihad») и «немецким Лоуренсом» («deutschen Lawrense») [18] – прозвищами сколь яркими, столь и сомнительными.

Не вполне ясно, какую роль сыграл Оппенгейм в ходе поездки Вильгельма II по Ближнему Востоку в октябре 1898 г. Существует версия, что именно ему принадлежит авторство приобретшей широкую известность речи кайзера у гробницы Саладина, в которой он объявил себя другом султана и трехсот миллионов мусульман, живущих на земле. Но именно в ходе этой поездки Вильгельм II ознакомился с запиской Оппенгейма, в которой тот обращал внимание на возможность использования ислама в политически целях [19].

После начала Первой мировой войны Оппенгейм в октябре 1914 г. составил «Записку о революционизировании исламских областей наших врагов». План Оппенгейма, преследовавший цель осложнить жизнь противникам Германской империи путем «революционизации» британской Индии, французской Северной Африки и российского Кавказа и Средней Азии, носил глобальный характер и предполагал участие – хотя и разной степени – в «священной войне» мусульман от Восточной Африки до Китая.

Оппенгейм пространно описал, выходя, как он сам признался, за рамки его компетенции [20. S. 122], его видение возможностей, способов и последствий «революционизации» мусульманского мира.

Определяющую роль в осуществлении предложенного им плана должна была сыграть Османская империя. «Главным условием революционизации мусульманских областей наших противников, – отмечалось в записке, – является осознанная организация интенсивного участия в ней турок под знаменем султана-халифа» [Там же. S. 121]. Оппенгейм обсуждал даже возможность создания «нового мусульманского Тройственного союза», в который должны были войти Турция, Персия и Афганистан [Там же. S. 144].

Записка Оппенгейма в целом была проникнута духом оптимизма. «С немногими людьми и относительно незначительными средствами, – отмечал он, – можно достичь огромных результатов, которые равнялись бы победам в больших битвах» [Там же. S. 161].

Замысел немецкого дипломата состоял в том, чтобы придать «священной войне» «отсталой» Османской империи качественно новый характер путем экспертной, финансовой, военно-пропагандистской и логистической помощи со стороны Германской империи.

Оппенгейм назвал ислам «важнейшим оружием Германии в борьбе, которую навязала ей Англия» [Там же. S. 159]. Следует заметить, что метафора «ислама как оружия» часто и с разными целями применялась европейскими политиками, учеными, журналистами в развернувшейся дискуссии об исламе и исламской политике великих держав.

Оппенгейм, несмотря на свой оптимизм, не мог не обратить внимание на угрозы и риски, проистекаемые из реализации его стратегии. В частности, он задумывался о том, как управлять джихадом и как ввести его в определенные границы. «Этот призыв (к “священной войне”. – *С.Ш.*), – писал Оппенгейм, – нужно направлять не в целом против неверных (язычников), а против соответствующих чуждых господ, чтобы не поставить под удар другие нации и предотвратить, в частности, в Индии напряжение между индусами и мусульманами» [20. S. 123]. В рамках принятого дискурса инициаторы джихада одновременно рассчитывали на «фанатизм» мусульман и на рационализм и избирательность джихада.

Характерно, что амбициозный план «революционизации» мусульманского мира предложил человек, не связанный жесткой корпоративной этикой и модусом поведения и в этом смысле являвшийся маргиналом – Оппенгейм не был кадровым дипломатом и не принадлежал к академической среде.

Авторство идеи использования ислама в политических целях не принадлежит Оппенгейму, однако именно он стал создателем плана, привлекавшего внимание своим масштабом и кажущейся легкостью в осуществлении. Идеи, выраженные Оппенгеймом, оказались созвучными настроениям части военно-бюрократической элиты Германской империи и не вызвали неприятия у большинства немецких ориенталистов. Более того, последние использовали свои профессиональные знания и опыт для инструментализации амбициозного, но все же уязвимого с практической точки зрения плана Оппенгейма.

Джихад «сделано в Германии» и спор двух ориенталистов

Усилия Германской империи по «джихадизации» мусульманского мира и участие в них немецких ориенталистов не могли не вызвать реакции в европейской академической среде.

Знаковой характер имела дискуссия, разгоревшаяся в 1915 г. между двумя мэтрами европейской ориенталистики – голландским исламоведом Христианом Снук Хюргронье и одним из основателей немецкого исламоведения, главным редактором выходившего в Берлине журнала «Мир ислама» Карлом Генрихом Бекером.

Голландский исламовед выступил с обличением исламской политики Германии, метко названной им джихад «made in Germany». Попытки Германской империи использовать ислам в борьбе с ее противниками направлены, по его мнению, на возрождение «умирающего средневекового фанатизма мусульманского мира». Хюргронье назвал этот проект Германии «интеллектуальным оружием» особого рода, охарактеризовав его как «позор для человечества и катастрофу для Турции» [21].

Хюргронье сомневался в праве Османской империи объявлять «священную войну» и ставил под вопрос ее претензии на роль лидера мусульманского мира. Он находил смешным то обстоятельство, что

Османская империя, узурпировавшая, по его утверждению, титул халифа, зависимая от европейских держав и представляющая не более пяти процентов мусульман мира, именует своего султана «заместителем Посланника Аллаха и Верховным повелителем правоверных» [21].

Апеллируя к мусульманской традиции, он указывал на парадоксальность, с точки зрения мусульманского права, объявленного турецким султаном джихада, предполагавшего участие Османской империи в войне на стороне одних христианских держав против других христианских держав. По его мнению, назвать войну между кафирами[3] джихадом для хорошего мусульманина либо кощунственно, либо смешно [Там же].

Признавая трудности пересмотра средневековых доктрин джихада и халифата, установленных исламом в форме вечных законов, Хюргронье, тем не менее, полагал, что в мусульманских странах, оказавшихся в прямой или непрямой (как Османская империя) зависимости от европейских стран, происходят изменения, в положительном векторе которых он не сомневался. Для Хюргронье, как и для других ориенталистов, преобразование общества, конституирующим стержнем которого является ислам, – лишь вопрос времени.

Вместе с тем идеи панисламизма, ставшие одной из концептуальных основ внешней политики Османской империи, характеризовались голландским ученым как попытка «реанимации умершего халифата» [21]. И хотя он признавал, что неудовлетворенность мусульман может выражаться в мечте о халифате, тем не менее, полагал, что панисламизм потерял свою власть над разумными приверженцами ислама [Там же].

Хюргронье поставил вопрос об ответственности европейских стран за «оживление» идей халифата и джихада в Османской империи, так как европейские государственные деятели, по его мнению, оказали определенную поддержку панисламизму, «ошибочно принимая халифат за своего рода мусульманское папство» и, более того, «все время подталкивали Турцию к джихаду» [Там же].

В оценках Хюргронье присутствовала амбивалентность: с одной стороны, он акцентировал внимание на том, что усилия турок и немцев организовать джихад носят постановочный, карикатурный характер и не могут восприниматься всерьез мусульманами даже в Османской империи, с другой – выражал опасения и даже страх перед возрождением опасных, по его мнению, тенденций в исламе.

Хюргронье упрекал своих коллег – немецких исламоведов, принимавших непосредственное участие в инструментализации ислама, не только в нарушении научной этики, но и в измене собственным взглядам, приводя их критические замечания о панисламизме, халифате и перспективах ислама в целом, высказанные до начала Первой мировой войны. В частности, он процитировал Бекера, заявлявшего перед войной, что солидарность ислама – фантом, в отличие от солидарности белой расы [21].

По мнению Хюргронье, немецкие исламоведы также попали под влияние «джихад-сумасшествия», которым были охвачены немецкие политики [Там же].

Бекер не мог не ответить на публичный и довольно резкий выпад Хюргронье. Поскольку тот обвинил своих немецких коллег в ренегатстве, Бекер выступил со встречным обвинением. Он сфокусировал внимание на том, что Хюргронье фактически принадлежал к немецкоязычному академическому кругу, и поэтому немцы, полагал Бекер, вправе были рассчитывать на понимание трудного положения Германии, а его критику Германии, отвечающую интересам ее противников – Франции и Великобритании, – расценили как «удар в спину» [22. S. 282]. Тем самым Бекер фактически поставил под сомнение существование наднационального научного этоса. В то же время он полагал, что спор между ним и Хюргронье носит не научный, а политический характер, а позиция голландца, по его мнению, свидетельствует о том, «что и самые большие нейтральные ученые становятся жертвами политического фанатизма» [Там же. S. 303].

Другой аспект, который не остался незамеченным Бекером, заключался в том, что Хюргронье критиковал «исламскую политику» Германии не просто как ученый, но как защитник колониальных интересов Голландии.

По понятным причинам Бекер попытался найти приемлемый ответ на главное обвинение своего оппонента, состоявшего в том, что Германия разжигает «средневековую религиозную ненависть». Он выбрал нестандартную форму защиты – не посредством отрицания обвинения, а через введение его в другой контекст. По мнению Бекера, сам характер войны оправдывает применение подобных средств, а используемые противниками Германии современные средства войны ничем не лучше этого.

«Мы не в стране чудес из пацифистской утопии Берты фон Зуттнер и товарищей, – писал Бекер, – но в суровой реальности ведем борьбу за наше национальное существование против мира врагов. И действительно ли средневековая религиозная ненависть настолько хуже организованного убийства войны, осады экономической войны и моря лжи, в котором нас пытаются утопить наши враги?» [Там же].

Немецкий исламовед напомнил о том, что европейские державы уже давно использовали религию в своей политике в отношении Османской империи. «Кто первым применил религиозный рычаг для развала Турции?» [Там же. S. 291] – задавался вопросом Бекер.

Привлечение Британской и Французской империями солдат-мусульман из собственных колоний также не ускользнуло от внимания Бекера: «Если против нас используют мусульманских цветных (“Farbige”), почему мы не можем делать то же самое с помощью нашего союзника…» [Там же. S. 300]. Бекер разделял мусульман по расовому принципу и в ответ на обвинение Хюргронье в том, что Германия сделает Турцию своим протекторатом, заметил, «что нельзя колонизировать в течение длительного времени народы, подобные туркам и арабам в стиле “негров” (“der Neger”)» [Там же. S. 302].

Бекер представил и свое понимание джихада. Он согласился со своим голландским коллегой в том, что этот джихад отличается от всех предыдущих, но если

для голландского ученого данное утверждение стало поводом для признания джихада не «легитимным», то для Бекера – как раз наоборот. По его мнению, современный джихад – это только старая форма, наполненная новым содержанием: «Это просыпающиеся нации, это азиатство, которое все еще наследует формулу общей религии, но наполняет ее уже совершенно другими понятиями – свободы и самоопределения» [22. S. 298]. Таким образом, Бекер одновременно утверждает и старую (не отрицая обвинений в том, что Германия разжигает «религиозный фанатизм») и новую природу джихада.

Парируя упреки своего коллеги и оппонента, Бекер обыгрывал стереотипы, сложившиеся в отношении ислама, в частности стереотип о неподвижности, косности ислама. «Разве это не ислам постоянно обвиняют в окаменении, – задавался вопросом Бекер, – и, как только он начинает адаптироваться к задачам времени, в этом сразу видят нарушение установлений шариата?» [Там же. S. 293].

Бекер, оппонируя Хюргронье, высказал мысль о том, что панисламизм – это плод модерна, а не традиции, и, что еще более важно, существует скорее в умах европейцев, чем в реальности: «Панисламизм в его современной форме – дитя коммуникаций и прессы. В Европе сложилось неверное представление о его значении. Правительства и пресса десятилетиями рисовали пугало «священной войны», успехи Абд аль-Кадира и Махди из Хартума приучили мир европейцев испытывать оживленный ужас перед властью ислама» [Там же. S. 291].

Таким образом, Бекер, как и Хюргронье, находил не вполне адекватным восприятие ислама европейским обществом, которое могло быть использовано для воздействия на европейские державы. Бекер рассматривал обращение к джихаду Энвера-паши и других руководителей Турции и желание Германской империи разыграть эту карту как сознательную игру на страхе европейских держав. Это свидетельствует о том, что попытка младотурецкого правительства использовать ислам в борьбе с противниками Османской империи основывалась на интернализации западных ориенталистских идей, на «оттоманском ориентализме», что усложняет наши представления об отношении европейских держав с мусульманскими странами [3. P. 149].

Как и Хюргронье, Бекер признавал постановочность джихада, но для него это не было аргументом против его применения. Тем более что он делал важную оговорку, вновь утверждая двойственную природу джихада: «И все же объявление джихада на Востоке – это вовсе не театральное, а очень реальное и только из тонкого знания закона объяснимое намерение» [22. S. 292].

Рассуждая о возможных масштабах священной войны и ее возможных последствиях, Бекер приходит к выводу о том, что и то и другое будет иметь ограниченный характер. По его мнению, не нужно беспокоиться о том, что «деревья вырастут до неба»: «Турция, несомненно, знает международный контекст и препятствия, существующие в психике чужих мусульман, для необузданного развития кровожадного фанатизма – порицаемого, впрочем, и шариатом – в колониях великих держав» [22. S. 299].

Бекер, как видим, описывал и Османскую империю, и ислам в двух ракурсах – традиционном и современном, используя для этого старый и новый лексикон.

Несмотря на то что во взглядах на допустимость использования ислама в политических целях Бекер и Хюргронье расходились кардинально, в целом в их видении ислама больше общего, чем различий. Хюргронье почти не сомневался в том, что ислам будет меняться (в нужном Европе направлении), для этого необходима только долгая работа по распространению образования и европейской культуры. Пафос критики исламской политики Германской империи со стороны Хюргронье состоял в том, что она, стремясь подорвать позиции своих конкурентов, взяла курс на традиционализацию ислама, бросая тем самым вызов идеям европейского Просвещения и европейской культуры.

Бекер, не отрицая глубоких изменений, произошедших с исламом и Османской империей, полагал, что последняя, став современным государством, сохранит вместе с тем свой мусульманский облик. «Будущее Турции, – писал он, – это исламское государство, но исламское государство европейской окраски, т.е. с равноправием христианских граждан. Халифат в старом смысле окончательно погребен; будущее принадлежит новому халифату, появление которого в сто раз вероятнее, чем возникновение нейтральной Османской империи…» [Там же. S. 303].

В подходах обоих исследователей к исламу заметен европоцентристский акцент на роли европейского воздействия на ислам и на европейском восприятии ислама, проявившийся, в частности, в интерпретации панисламизма – как феномена, порожденного Европой и отраженного в европейском зеркале. Однако Бекер не сводил природу панисламизма к этому, признавая, что у ислама, также как у Османской империи, своя траектория развития.

Джихад: за и против

В обсуждении исламской политики Германской империи ключевым являлся вопрос о том, выгодна ли для нее мобилизация ислама в тактическом и стратегическом плане. Немецкий арабист Мартин Хартманн[4], который в период Первой мировой войны сотрудничал с германским МИД (в частности, с «Бюро восточных новостей»[5]), в записке «Некоторые мысли к организации исламского дела» от 26 мая 1915 г. поставил под сомнение курс на поддержку ислама. «Здоровая исламская политика (Германской империи. – *С.А.*), – писал он, – не может иметь задачи поднимать “религиозную жизнь” мусульман» [23]. По его мнению, приоритетными направлениями для Германии в мусульманском мире должно стать развитие экономики и культуры и смягчение, а не подчеркивание религиозных различий, которое в конечном итоге может ударить бумерангом по интересам Германии и по ее претензиям стать мировой державой [Там же].

Схожие опасения высказывал упомянутый в начале статьи теолог и миссионер Д. Рихтер. Посвятивший большую часть своего доклада обоснованию необходимости союза Берлина и Стамбула и опоры Германской империи на ислам, он, тем не менее, в заключении констатировал, что у этой политики есть не только положительная сторона. Заметив, что «в течение прошлых столетий джихад был обоюдоострым мечом ислама против христианского мира», он задался вопросом: «не легко ли будет джихаду перерodиться в кровавую безжалостную партизанскую войну», которая станет угрозой для христиан Турции, так же как для христиан всех восточных церквей? [2. S. 140]. Это предостережение представляется запоздалым, учитывая что к моменту, когда оно произносилось – декабрь 1915 г., в Османской империи уже проходили массовые убийства христиан.

Другое обстоятельство, которое следовало учитывать, по мнению Рихтера, состояло в том, что «джихад приведет к усилению исламского религиозного сознания» [Там же]. И хотя он делал оговорку, что «религия – это объединяющее звено движения, целью которого является независимость ислама от англичан» [Там же], ему, как и другим немецким специалистам, участвовавшим в инструментализации ислама, трудно было избавиться от опасения опалиться огнем, который они хотели направить в сторону противников Германской империи.

Итак, ислам стал одной из констант европейской политики и европейского общественного сознания, по крайней мере, к рубежу XIX–XX вв. Недостаточность знаний об этой религии в европейском обществе, а также стереотипность этого знания, значительный интерес к происходящим изменениям на мусульманском Востоке и нарастающее соперничество европейских держав открывали простор для самых разных оценок и интерпретаций ислама.

Попытки экстраполировать знания, полученные в результате осмысления европейской христианской традиции, на исламскую почву подчас скорее искажали, чем проясняли предмет изучения.

Европеизация и колониализм, нарождающиеся национализмы, имперская политика и взаимоотношения империй – в дискуссиях по этим и целому ряду других проблем исламская тематика занимала центральное положение.

С одной стороны, в дискуссиях и при выработке практической политики в отношении мусульманского Востока были востребованы знания европейских ориенталистов. С другой – у них не было и не могло быть монополии на репрезентацию ислама в публичном пространстве. Многим из них приходилось делать сложный выбор между политической вовлеченностью и научной беспристрастностью. Часть из них сознательно стремилась дистанцироваться от злободневных политических проблем, связанных с исламом, другие, как Мартин Хартманн или Карл Бекер, напротив, считали, что изучение ислама не должно ограничиваться средневековыми штудиями.

В подходах европейских ориенталистов к Османской империи и исламу причудливо переплетались элементы модерна и архаики, признание наличия в мусульманском движении антиколониальной, освободительной составляющей и в то же время опасения столкнуться с обновленным и, возможно, усилившимся исламом. Приходит ли национализм на смену исламу, либо ислам наполняется националистическим содержанием (как полагал Бекер), на эти вопросы трудно было, как, впрочем, и сегодня, найти удовлетворительные ответы.

С началом Первой мировой войны европейские ориенталисты оказались в еще более сложном положении. В условиях войны пространство спора сузилось, а его накал вырос. Сама дискуссия вокруг ислама окончательно стала важной частью пропагандистского противостояния. В то же время в развернувшихся спорах предпринимались попытки осмысления и критической оценки отражения ислама в зеркале европейского общественного мнения, что видно на примере дискуссии Бекера и Хюргронье.

В европейской традиции восприятия и описания ислама, по крайнее мере со времени колониальных завоеваний, присутствовала конструктивистская составляющая, предполагающая не только допустимость, но и необходимость воздействия на ислам извне и изнутри при одновременном признании трудности и опасности этого процесса. Бекер и Хюргронье, несмотря на их антагонизм, в сущности, расходились не в том, следует ли воздействовать на ислам, а в векторе этого воздействия.

В ходе Первой мировой войны немецкие ориенталисты получили уникальную возможность применить и проверить на практике свои обширные познания в отношении мусульманского Востока. Правда, довольно скоро выяснилось, что академические знания об исламе, так же как и блестящее владение классическим арабским языком, малопригодны для пропагандистского воздействия на традиционные слои мусульманского Востока [24].

Предпринятая в годы Первой мировой войны попытка немецких военных, дипломатов и значительной части ориенталистов использовать ислам как инструмент в противостоянии противникам Германской империи, на первый взгляд, укладывается в описываемую Э. Саидом парадигму отношений между Востоком и Западом и места в них европейского ориентализма. Однако возложить основную ответственность за эту политику на немецких ориенталистов, или, шире, на немецкую сторону, значило бы серьезно упростить ситуацию. Само сотрудничество немцев с турецкими и арабскими националистами в годы Первой мировой войны вряд ли исчерпывающе может быть описано в категориях доминирования и подчинения или инициирования и исполнения.

Противопоставление Востока и Запада, пафос преобразования Востока, признание западного доминирования чем-то само собой разумеющимся – все это признаки не только ориенталистского дискурса. Более того, стремление к доминированию, уверенность в превосходстве собственной культуры (религии) и противопоставление ее другой присущи не только европейскому, но и в не меньшей степени мусульман-

скому мировидению. Именно в силу этой уверенности западное превосходство и обусловленное им доминирование воспринимается мусульманским социумом так болезненно [25. С. 132].

Наиболее дальновидные сторонники инструментализации ислама с немецкой стороны видели, какие опасности таятся за рациональной попыткой сыграть на религиозных чувствах мусульман, вступив таким образом на зыбкую почву иррационального. «“Отодвижение” рациональности стало козырной картой исламистов и главной причиной их популярности» [26. С. 444], – полагает российский исламовед А. Малашенко. Не делая далеко идущих выводов, все же отметим, что между германо-турецкой инструментализацией ислама в годы Первой мировой войны и действиями современных исламистов прослеживаются определенные параллели.

В годы Первой мировой войны Германская империя направила значительные ресурсы на мобилизацию ислама. В XX в. еще не раз различные силы будут стремиться использовать ислам как инструмент в политической борьбе, но, как показал уже опыт Первой мировой войны, стремление к манипуляции религией часто приводит к результатам, далеким от планируемых.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Шейх-уль-ислам (араб. – старейшина ислама) – почетный титул мусульманских теологов и законоведов. В Османской империи этот титул применялся к муфтию Константинополя. Основная функция шейх-уль-ислама состояла в том, чтобы давать фетву, которой он освещал решения султана по политическим и социальным вопросам [1. С. 289].

[2] Халиф (араб. – заместитель) – глава мусульманской общины, замещающий посланника Аллаха.

[3] Кафи́р (араб. الكافر) – неверующий, иноверец.

[4] Мартин Хартманн (1851–1918) – немецкий арабист и исламовед, основатель немецкого общества исламоведения (Deutsche Gesellschaft für Islamkunde) и журнала «Мир ислама» (Die Welt des Islams).

[5] Структура, созданная в рамках германского МИД для ведения немецкой пропаганды, и прежде всего пропаганды идей джихада, в странах Востока. Ее первым руководителем являлся барон Макс фон Оппенгейм.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ислам*: Энциклопедический словарь. М., 1991.
2. *Vortrag* des Herrn Prof. D. Dr. Richter: «Der Krieg und der Islam» // Die Welt des Islams. 1915. Bd III, Heft 2. S. 134–139.
3. *Hagen G.* German Heralds of Holy War: Orientalists and Applied Oriental Studies // Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East, 2004.
4. *Xoy C.* Запад и все остальные // Ab Imperio. 2011. № 1.
5. *Burke E.* Moroccan resistance, pan-islam and German war strategy, 1914–1918 // Francia. 1975. Bd. 3.
6. *Schwanitz Wolfgang G.* Max von Oppenheim und der Heilige Krieg. Zwei Denkschriften zur Revolutionierung islamischer Gebiete 1914 und 1940 // Sozial.Geschichte. 2004. № 19 (3).
7. *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.
8. *Кардини Ф.* Европа и ислам: история непонимания. СПб., 2007.
9. *Оганисьян Ю.* Абд-аль-Кадир. М., 1968.
10. *Алексеев И.* За советскую власть, за шариат! URL: http://www.gazeta.ru/science/2011/06/20_a_3668461.shtml
11. *Peters R.* Islam en imperialism // De Arabische uitdaging: Europa oog in oog met een nieuwe realiteit. Red. P. Aarts en B. van Heijningen. Rotterdam, 1982.
12. *Osterhammel J.* Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München, 2009.
13. *Курныкин О.Ю.* Русско-турецкие войны XVIII – начала XX в. и российские мусульмане // Война и мир в истории Европы : сб. науч. ст. пам. проф. Е.П. Глушанина. Барнаул, 2007.
14. *Gossman L.* The Passion of Max von Oppenheim. Archaeology and Intrigue in the Middle East from Wilhelm II to Hitler (Cambridge: Open Book, 2013). URL: http://www.openbookpublishers.com/htmlreader/TPOMVO/chapter04.html
15. *Caesar E.* Farah Great Britain, Germany and the Ottoman Caliphate // Islam (Zeitschrift für Geschichte und Kultur des Islamischen Orients). 1989. № 66.2. S. 274.
16. *Миллер А.И.* Империя и современный мир – некоторые парадоксы и заблуждения // Политическая наука. 2004. № 3. С. 8.
17. *Studt J.-D.* Max von Oppenheim und der Nahe Osten – Lebenstraum oder politische Intrige? // Asien Afrika Lateinamerika. 1999. Vol. 27. S. 138–141.
18. *Kröger M.* Max von Oppenheim im Auswärtigen Dienst, Lecture. Historische Gesellschaft of the Deutsche Bank [June, 2010]. URL: http://www.bankgeschichte.de/de/docs/Vortrag_Kroeger.pdf
19. *Schwanitz W.G.* German-Kuwaiti Relations: From Their Beginnings to the Reunification of Germany // Meria Journal The Middle East Review of International Affairs. March, 2009. Vol. 13, № 1. URL: http://www.gloria-center.org/meria/2009/03/schwanitz.html#author
20. *Tim Epkenhans* / Max von Oppenheim Geld darf keine Rolle spielen: II. Teil, Das Dokument // Archivum Ottomanicum. 2001. № 19.
21. *Hurgronje C.* Snouck The Holy War, «Made in Germany». New York; London, 1915. URL: http://en.wikisource.org/wiki/The_Holy_War,_Made_in_Germany
22. *Becker C.H.* Die Kriegsdiskussion über den Heiligen Krieg (1915) // Vom Werden und Wesen der Islamischen Welt: Islamstudien, Zweiter Band, 1932.
23. *Einige* Gedanken zur Behandlung der islamischen Angelegenheit // BundesarchivP. AA. FC 62322.
24. *Heine P.* El Dschihad (Al-Ǧihād) – eine deutsche Propagandazeitung im 1. Weltkrieg // Die Welt des Islams. 1980. XX, 3-4. S. 197–199.
25. *Малашенко А.* Исламская альтернатива и исламский проект. М., 2006.
26. *Малашенко А.* Исламисты хлопают дверью? // Кепель Ж. Джихад: экспансия и закат исламизма. М., 2004.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 июня 2015 г.

JIHAD “MADE IN GERMANY”: THE FIRST WORLD WAR AND THE CONTROVERSY ABOUT ISLAM

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 207–215. DOI: 10.17223/15617793/401/30

Sherstyukov Sergey A. Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: shers-serg@yandex.ru

Keywords: Islam; jihad; Pan-Islamism; orientalism; instrumentalization; empire.

The article discusses views of European orientalists on Islam and Islamic policy of the Great Powers in the First World War. The object of analysis is, in particular, the problem of the relation of knowledge and power, the nature of the relationship of European orientalism and colonialism, in other words, the complex of the questions formulated by Edward Said in his *Orientalism*. During the First World War, the German Empire in alliance with the Ottoman Empire made an attempt, that Dutch Islamic researcher Christiaan Snouck Hurgronje called Jihad "made in Germany", to use Islam as a tool in the fight against its opponents. The efforts of the German Empire for "revolutionizing" the Muslim world and German orientalists' participation in it could not but cause reactions in the European academic community. A symbolic character had a discussion that occurred in 1915 between the two masters of European orientalism, Dutch Islamic researcher Christiaan Snouck Hurgronje and founding member of the German Islamic Studies Carl Heinrich Becker. This discussion is of interest not only because it highlights a certain set of attitudes and stereotypes of Islam that grew in the soil of Eurocentrism, but also because it makes it possible to track the change of these stereotypes and to what extent and when they became the subject of orientalists' reflection. The interest in the topic is large enough, as evidenced by the ongoing debate in the scientific literature on orientalism. This article is a response to this debate, yet another attempt to answer the questions formulated by Said. On the one hand, the discussions and the formulation of a practical policy towards the countries of the Muslim East required the knowledge of European orientalists. On the other, they did not have and could not have a monopoly on the representation of Islam. Many of them had to make difficult choices between political involvement and scientific impartiality. With the outbreak of World War I, European orientalists were in an even more precarious position. In the conditions of war the space of dispute narrowed, and its intensity grew. Discussion round Islam finally became an important part of propaganda confrontation. At the same time, the unfolding debate attempted comprehension and critical assessment of Islam reflected in the mirror of European public opinion, as is illustrated by the discussion of Becker and Hurgronje. The attempt of the German military and diplomats and of a considerable part of orientalists made in the years of World War I to use Islam as a tool in the opposition to opponents of the German empire at first sight is within the paradigm of the relations between the East and the West described by E. Said and place of European orientalism in them. However, to confer the main responsibility for this policy on German orientalists, or, broader, on the German party would mean to seriously simplify the situation. Cooperation of Germans with the Turkish and Arab nationalists in the years of World War I can hardly be more exhaustively described in categories of domination and submission or initiation and execution.

REFERENCES

1. Prozorov, S.M. (ed.) (1991) *Islam: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Islam: An encyclopedic dictionary]. Moscow: Nauka.
2. Prof. D. Dr. Richter. (1915) Der Krieg und der Islam [The War and Islam]. *Die Welt des Islams*. III:2. pp. 134–139.
3. Hagen, G. (2004) German Heralds of Holy War: Orientalists and Applied Oriental Studies. *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East. 24(2). pp. 145–162. DOI: 10.1215/1089201X-24-2-145*
4. Howe, S. (2011) Zapad i vse ostal'nye [The West and the rest]. *Ab Imperio*. 1.
5. Burke, E. (1975) Moroccan resistance, pan-islam and German war strategy, 1914–1918. *Francia*. 3.
6. Schwanitz, W.G. (2004) Max von Oppenheim und der Heilige Krieg. Zwei Denkschriften zur Revolutionierung islamischer Gebiete 1914 und 1940 [Max von Oppenheim and the Holy War. Two memoranda to revolutionize Islamic areas in 1914 and 1940]. *Sozial.Geschichte*. 19 (3).
7. Neumann, I. (2004) *Ispol'zovanie "Drugogo": Obrazy Vostoka v formirovanii evropeyskikh identichnostey* [The use of the "Other": Images of the East in the formation of European identities]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
8. Cardini, F. (2007) *Evropa i islam: istoriya neponimaniya* [Europe and Islam: The history of a misunderstanding]. St. Petersburg: Aleksandriya.
9. Oganis'yan, Yu. (1968) *Abd-al'-Kadir* [Abd al-Qadir]. Moscow: Molodaya gvardiya.
10. Alekseev, I. (2011) *Za sovetskuyu vlast', za shariat!* [For Soviet power, for the Sharia!]. [Online]. Available from: http://www.gazeta.ru/science/2011/06/20_a_3668461.shtml.
11. Peters, R. (1982) Islam en imperialism [Islam and imperialism]. In: Aarts, P. & Heijningen, B. van. (eds) *De Arabische uitdaging: Europa oog in oog met een nieuwe realiteit* [The Arab challenge: Europe face to face with a new reality]. Rotterdam.
12. Osterhammel, J. (2009) *Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts* [The transformation of the world. A history of the 19th century]. München.
13. Kurnykin, O.Yu. (2007) Russko-turetskie voyny XVIII – nachala XX v. i rossiyskie musul'mane [The Russian-Turkish wars of the 18th – early 20th centuries and Russian Muslims]. In: Chernyshov, Yu.G. (ed.) *Voyna i mir v istorii Evropy: sbornik nauchnykh statey pamyati professora E.P. Glushanina* [War and peace in European history: a collection of scientific articles in memory of Professor E.P. Glushanin]. Barnaul: Altai State Univeristy.
14. Gossman, L. (2013) *The Passion of Max von Oppenheim. Archaeology and Intrigue in the Middle East from Wilhelm II to Hitler*. Cambridge: Open Book. [Online]. Available from: http://www.openbookpublishers.com/htmlreader/TPOMVO/chapter04.html.
15. Farah, C.E. (1989) Great Britain, Germany and the Ottoman Caliphate. *Islam (Zeitschrift für Geschichte und Kultur des Islamischen Orients)*. 66.2.
16. Miller, A.I. (2004) Imperiya i sovremennyy mir – nekotorye paradoksy i zabluzhdeniya [Empire and the modern world: some paradoxes and misconceptions]. *Politicheskaya nauka*. 3.
17. Studt, J.-D. (1999) Max von Oppenheim und der Nahe Osten – Lebenstraum oder politische Intrige? [Max von Oppenheim and the Middle East: a lifelong dream or a political intrigue?]. *Asien Afrika Lateinamerika*. 27. pp. 138–141.
18. Kröger, M. (2010) *Max von Oppenheim im Auswärtigen Dienst, Lecture. Historische Gesellschaft of the Deutsche Bank* [Max von Oppenheim in the Foreign Service, Lecture. Historical Society of the German Bank]. [Online]. Available from: http://www.bankgeschichte.de/de/docs/Vortrag_Kroeger.pdf.
19. Schwanitz, W.G. (2009) German-Kuwaiti Relations: From Their Beginnings to the Reunification of Germany. *The Middle East Review of International Affairs*. 13:1. [Online]. Available from: http://www.gloria-center.org/meria/2009/03/schwanitz.html#author.
20. Epkenhans, T. (2001) Max von Oppenheim Geld darf keine Rolle spielen: II. Teil, Das Dokument [Max von Oppenheim. Money may play a role]. *Archivum Ottomanicum*. 19.
21. Hurgronje, C.S. (1915) *The Holy War, "Made in Germany"*. New York; London. [Online]. Available from: http://en.wikisource.org/wiki/The_Holy_War,_Made_in_Germany.
22. Becker, C.H. (1932) Die Kriegsdiskussion über den Heiligen Krieg (1915) [The war debate about the Holy War (1915)]. *Vom Werden und Wesen der Islamischen Welt: Islamstudien*. V. 2.
23. Einige Gedanken zur Behandlung der islamischen Angelegenheit [Some thoughts for the treatment of Islamic matter]. Bundesarchiv [Federal Archives]. AA. FC 62322.
24. Heine, P. (1980) El Dschihad (Al-Ǧihād) – eine deutsche Propagandazeitung im 1. Weltkrieg [El Jihad (Al-Ǧihād) – a German propaganda newspaper in WW1]. *Die Welt des Islams*. XX:3–4. pp. 197–199.
25. Malashenko, A. (2006) *Islamskaya al'ternativa i islamskiy proekt* [The Islamic alternative and the Islamist project]. Moscow: Ves' mir.
26. Malashenko, A. (2004) Islamisty khlopayut dver'yu? [Islamists slam the door?]. In: Kepel, G. *Dzhikhad: ekspansiya i zakat islamizma* [Jihad: Islamic expansion and the sunset]. Moscow: Ladomir.

Received: 24 June 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 216–221. DOI: 10.17223/15617793/401/31

ПРАВО

УДК 343.121

О.В. Желева

НЕДОПУСТИМОСТЬ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ КАК ОДНА ИЗ ОБЯЗАННОСТЕЙ ОБВИНЯЕМОГО

Рассматриваются основные подходы к регулированию поведения обвиняемого в уголовном процессе. Указывается, что данный участник уголовного судопроизводства может злоупотреблять своими правами, т.е. использовать их в противоречии с назначением, тем самым причиняя вред другим субъектам. Обосновывается, что одним из способов предупреждения такого поведения обвиняемого может стать закрепление в УПК РФ обязанности «не злоупотреблять правом» и механизма, обеспечивающего ее исполнение.

Ключевые слова: обязанности обвиняемого; злоупотребление правом; принципы уголовного судопроизводства; принцип добросовестности; недопустимость злоупотребления правом.

Процессуальный статус участников уголовного судопроизводства характеризуется совокупностью принадлежащих им прав и возложенных на них обязанностей. Эти две составляющие взаимообусловлены и не могут существовать отдельно друг от друга, поскольку права определяют меру свободы личности, а обязанности указывают границы этой свободы и возлагают на лицо определенную ответственность.

Каждый из участников уголовного судопроизводства выполняет конкретную уголовно-процессуальную функцию, обладает собственными интересами и потребностями, что объясняет наличие разного объема их прав и обязанностей, отсюда и способы законодательного закрепления процессуального статуса субъектов различны. При этом правовое положение обвиняемого имеет особую специфику. Как лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, применяются меры принудительного характера, обвиняемый в целях реализации функции защиты наделен широким кругом прав, перечень которых закреплен в ч. 4 ст. 47 УПК РФ и является открытым.

Что касается обязанностей, то в юридической науке не сложилось единого мнения относительно их объема. Как следствие, можно выделить две основные позиции по указанному вопросу. Согласно первой обвиняемый как участник уголовного судопроизводства, отстаивающий свои интересы, имеет только права и свободен от каких-либо обязанностей [1. С. 156]. Сторонники данной точки зрения утверждают, что обязанности необходимо определить лишь в отношении должностных лиц, поскольку они ответственны за производство по уголовному делу. В соответствии со второй позицией процессуальный статус обвиняемого определяется не только правами, но и обязанностями, которые должны быть четко регламентированы в законодательстве [2. С. 28]. По мнению ее представителей, такой подход способствует укреплению стабильности уголовно-процессуальных отношений и реализации назначения уголовного судопроизводства. Помимо оказываемого влияния на ход уголовного процесса, регламентация в нормативных источниках юридических обязанностей обвиняемого служит одной из гарантий от произвола в ограничении его субъективных прав со стороны должностных лиц, которые вправе требовать от других участников уголовного судопроизводства поступать определенным образом.

Отсутствие единомыслия относительно круга и содержания обязанностей обвиняемого определило существование нескольких подходов к способам их закрепления в законодательстве различных государств. В соответствии с первым перечень обязанностей данного участника уголовного судопроизводства сосредоточен в одной статье и является исчерпывающим (ч. 8 ст. 91 УПК Азербайджанской Республики; ч. 3, 4 ст. 42 УПК Кыргызской Республики; ч. 5 с. 66 УПК Республики Молдова и др.). Указанные нормы содержат требования являться по вызову органа, ведущего расследования или судебной инстанции; будучи взятым под стражу, подвергаться личному обыску; подвергаться врачебному осмотру, дактилоскопированию, запечатлению, освидетельствованию, экспертизе, изъятию образцов биологического происхождения (крови, выделений человеческого организма); подчиняться законным распоряжениям представителя органа уголовного преследования и председательствующего в судебном заседании.

Согласно второму подходу обязанностям обвиняемого не посвящена отдельная статья, однако они упоминаются в нормах, регламентирующих, в частности, порядок проведения следственных действий и применения мер уголовно-процессуального принуждения (УПК Республики Казахстан, УПК Республики Беларусь, УПК Федеративной Республики Германия (ФРГ), УПК Швейцарии и др.). Такой подход к определению правового положения обвиняемого использован и в УПК РФ.

Анализ его норм позволяет сформулировать следующие обязанности обвиняемого: не скрываться от дознания, предварительного следствия или суда; не продолжать заниматься преступной деятельностью; не угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, не уничтожать доказательства и не препятствовать производству по уголовному делу каким-либо иным путем (ч. 2 ст. 97 УПК РФ); являть-

ся в установленный срок по вызову органов, осуществляющих предварительное расследование, или в суд (п. 1 ст. 102 УПК РФ); не отлучаться с места жительства или временного нахождения без разрешения следователя (п. 2 ст. 102 УПК РФ); не препятствовать установлению объективной истины по делу путем совершения различных незаконных действий (п. 3 ст. 102 УПК РФ); не противодействовать отобранию у него образцов, необходимых для сравнительного анализа (ст. 202 УПК РФ); подчиниться постановлению следователя о производстве освидетельствования (ч. 1 ст. 179 УПК РФ); претерпевать предусмотренные в законе меры процессуального принуждения (ст. 91, 92, 97, 100, 102-117 УПК РФ); присутствовать в судебном заседании или при производстве процессуальных действий, если участие в таковых признано обязательным законом или органами, осуществляющими уголовное преследование, или судом (ч. 1 ст. 247 УПК РФ); соблюдать порядок в зале судебного заседания и выполнять законные распоряжения производящих расследование органов и должностных лиц, обеспечивающие порядок производства процессуальных действий (ч.1 ст. 258 УПК РФ).

В указанную совокупность обязанностей некоторые авторы также включают требования «не заниматься преступной деятельностью» [3. С. 150], «не выходить из гражданства» [4. С. 125].

Как можно заметить, различные подходы законодателя к формулированию требований, предъявляемых к должному поведению обвиняемого, существенно не повлияли на их объем, однако могут создать некоторые трудности в правоприменительной деятельности. Так, при отсутствии единого перечня обязанностей поведение обвиняемого фактически не содержит конкретных пределов, что может вызвать произвол как со стороны обвиняемого, который «решает, что вовсе не обладает обязанностями» [5. С. 9] и может совершать любые действия в свою защиту, так и со стороны государственных органов и должностных лиц, оценивающих такой подход законодателя как возможность установления в интересах расследования любых обязанностей для лица, в отношении которого ведется уголовное преследование.

Необходимость законодательного закрепления и ограничения круга обязанностей обвиняемого обусловлена следующим. Во-первых, обвиняемый – это то лицо, вопрос об уголовной ответственности которого надлежит разрешить компетентным органам. Во-вторых, данный участник уголовного судопроизводства является одним из носителей функции защиты, поэтому он не может привлекаться в процесс для оказания содействия органам, осуществляющим уголовное преследование, и суду. Отсюда следует, что обвиняемый не обязан изобличать себя самого в совершении преступления или доказывать свою невиновность путем представления соответствующих доказательств. В то же время существует публичный интерес, суть которого заключается в решении задач уголовного судопроизводства, достижении истины по делу. Реализация данного интереса возможна, если свобода участников уголовного судопроизводства по использованию своих правовых возможностей будет законодательно ограничена для достижения социально полезного, необходимого результата. В-третьих, обязанности обвиняемого должны носить негативный характер, поскольку их содержание составляет воздержание от совершения действий, нарушающих правовые предписания, а также права и интересы других участников, общества и государства.

Обязательность установления соответствия поведения обвиняемого не только с его личными интересами, но и общественными, а также интересами остальных участников уголовного судопроизводства, объясняется тем, что обвиняемый, используя любые не запрещенные УПК РФ средства и способы защиты от предъявленного обвинения, может создать препятствия для реализации прав или полномочий других субъектов, тем самым затруднив ход расследования или доступ к судебному разбирательству. Отсюда возникает необходимость установления обязанности, содержанием которой станет представление о пределах осуществления правовых возможностей обвиняемого. В доктрине она получила наименование «недопустимость злоупотребления правами» [6. С. 349].

В юридической науке отсутствует общепризнанное определение «злоупотребление правом». Вместе с тем выделены основные признаки данного феномена, характеризующие его как правовое явление [7. С. 33–36]. К ним относятся осуществление конкретного субъективного права в противоречии с его назначением, а также причинение вреда в процессе такой реализации права другим участникам правоотношений. Отмечается, что злоупотребление связано не с содержанием права, а с механизмом его реализации. Целями такого поведения лица могут являться: улучшение своего процессуального положения; желание затянуть судебное разбирательство, прекратить уголовное преследование и др. При злоупотреблении правом не происходит нарушения определенных правовых запретов, однако это не является поводом считать такое деяние участника уголовного судопроизводства правомерным, поскольку в результате нарушается принцип недопустимости злоупотребления правом, закрепленный в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ.

Данное конституционное положение предполагает, что реализация субъективных прав участником любых правоотношений, в том числе уголовно-процессуальных, имеет определенные пределы и ограничена соблюдением прав и законных интересов других лиц. Требование не злоупотреблять предоставленными правами нередко рассматривается в совокупности с обязанностью добросовестного их использования.

Между тем существует несколько точек зрения относительно соотношения указанных правовых категорий. Согласно первой недопустимость злоупотребления правом совпадает по содержанию с его добросовестным использованием и обозначает точное соблюдение всеми субъектами правовых предписаний, а также разумное, заботливое, осмотрительное осуществление лицом своих правовых возможностей [8. С. 88]. В соответствии со второй точкой зрения ука-

занные правовые требования к поведению лица представляют собой две самостоятельные обязанности [9. С. 58]. Данная позиция основана на суждении, что злоупотребление правом является противоправным поведением, поэтому нарушение запрета на его совершение всегда влечет за собой применение к лицу мер ответственности. К субъектам, которые осуществляли свои права недобросовестно, такие меры воздействия не применяются, поскольку считается, что это требование несет рекомендательный характер. Сторонники третьей точки зрения считают, что недопустимость злоупотребления субъективными правами включает в себя запрет недобросовестного, неразумного или безнравственного осуществления прав [10. С. 199]. В данном случае требование добросовестности, понимаемое как честное выполнение всех обязанностей, у́же по содержанию, нежели второе сравниваемое правовое явление.

Наиболее убедительной представляется точка зрения, в соответствии с которой недопустимость злоупотребления правом является составляющей обязанности добросовестного поведения [11. С. 28]. Действительно, требование добросовестности заключается в запрете поступать ненадлежащим образом, а, значит, такое поведение включает в себя и совершение правонарушения, и злоупотребление своими субъективными правами. При этом предполагается, что участник правоотношений осознает характер своих действий и их последствия, отразившиеся на процессе реализации прав иных участвующих субъектов. Таким образом, «недопустимость злоупотребления правом» является составным элементом более широкого понятия «добросовестность».

Особенности требования недопустимости злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве заключаются в следующем. Во-первых, это общая, первоначальная обязанность всех участников уголовно-процессуальных отношений, в том числе и обвиняемого. В уголовном судопроизводстве свобода личности в осуществлении своих прав должна быть поставлена под контроль государства и государственных органов, поскольку поведение лица, который руководствуется собственными интересами, не всегда согласуется с общественными, публичными интересами, а порой может нарушать свободы иных участников. Между тем в законодательстве невозможно установить все запреты на совершение действий субъектов, которые содержат опасность причинения вреда правам и законным интересам других лиц, общества и государства. В связи с этим право свободного выбора поведения лица, в том числе обвиняемого, должно иметь определенные границы, в рамках которых его господство будет безусловным [12. С. 173]. В некоторых случаях данные пределы конкретизируются в рамках прав определенного участника уголовного процесса применимо к стадиям, процессуальным действиям либо находят отражение при регламентации деятельности властных субъектов, гарантирующих реализацию прав и законных интересов частных лиц в уголовном судопроизводстве. Однако обязанность «не злоупотреблять правами» представляется более универсальным регулятором, не требующим уточнения относительно стадий процесса, категории и обстоятельств того или иного уголовного дела.

Во-вторых, благодаря выполнению участниками уголовного процесса обязанности недопустимости злоупотребления правом обеспечивается защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, т.е. достигается назначение уголовного судопроизводства.

В-третьих, данная обязанность находится в тесной взаимосвязи с такими принципами уголовного процесса, как обеспечение справедливого судебного разбирательства, равноправия граждан в уголовном судопроизводстве (ст. 244 УПК РФ), охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ). Это обусловлено тем, что результатом злоупотребления правом является нарушение баланса интересов за счет создания препятствий в реализации прав одними участниками уголовного процесса и получении преимуществ другими.

Необходимо отметить, что в силу принципа состязательности (ст. 15 УПК РФ) предполагается, что каждый субъект не только обладает равными правами, но и должен обеспечиваться равными возможностями для их осуществления. Однако при злоупотреблении можно наблюдать отклонения от данного принципа, проявляющиеся в следующем. Один из участников, злоупотребивший правами, использует все средства и способы их реализации и тем самым удовлетворяет свои интересы; другой – не только не может осуществить свои правовые возможности за счет наступивших неблагоприятных последствий, но и не способен воздействовать на лицо, допустившее злоупотребление. Таким образом, при сложившейся ситуации первый субъект использует право как средство противодействия установлению истины по делу и причинения вреда интересам другого так, что они оказываются в неравном положении. Это свидетельствует, в том числе, и о нарушении принципа состязательности.

Представляется, что для обеспечения надлежащего исполнения обязанностей требуется их нормативное закрепление, в том числе применительно и к уголовно-процессуальной деятельности. Между тем категория «недопустимость злоупотребления правом» установлена только в тексте Конституции РФ. Основной Закон государства не содержит конкретных юридических предписаний по реализации данной обязанности, что вызывает трудности в правоприменительной деятельности, а следовательно, требует внесения изменений в законодательство.

Феномен злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве относительно недавно стал объектом научных исследований, в которых отмечается, что данная категория носит оценочный характер, и определение факта существования указанного явления зависит от усмотрения суда, который устанавливает наличие или отсутствие признаков злоупотребления в поведении лица. В уголовно-процессуальном

законодательстве не сформулированы понятие злоупотребления правом, критерии его распознания в действиях (бездействии) субъекта, меры воздействия, которые должны применяться к лицам, допустившим злоупотребление. Отсутствует и общее требование недопустимости поступать определенным образом. Это вызывает трудности в практической деятельности судов, которые фактически вынуждены устранять данные пробелы права в ходе судебного разбирательства. При этом особого регулирования требует поведение обвиняемого, способного злоупотребить своими правами в процессе использования любых незапрещенных УПК РФ средств и способов защиты собственных интересов, в результате причиняя вред правам и интересам других субъектов, общества, государства и даже действуя в противоречии со своей изначальной целью – защиты от уголовного преследования. Средствами предупреждения возникновения такой ситуации могли бы явиться соответствующие законодательные положения, устанавливающие запрет на злоупотребление правом и меры реагирования на его совершение. Так, О.И. Андреева предлагает следующую формулировку данного требования: «не допускаются действия физических и юридических лиц, осуществляемые исключительно с целью причинения вреда другому лицу, а также злоупотребление правом в иной форме» [2. С. 11].

Предложение о закреплении в уголовно-процессуальном законодательстве обязанности не злоупотреблять своими правами высказывается и в зарубежной литературе. Так, немецкие ученые считают, что использование любого права является допустимым только до тех пор, пока им не злоупотребляют, поэтому требуется закрепить объем и границы осуществления правовых возможностей лиц путем установления соответствующей обязанности, подобно гражданскому законодательству (§242 ГК ФРГ) [13. С. 87]. Следует отметить, что вступивший в силу 1 января 2011 г. УПК Швейцарии смог в своих положениях воплотить данную идею и установил в ст. 3 запрет злоупотребления субъективными правами участниками уголовного судопроизводства в качестве составного элемента принципа добросовестности. Следствием закрепления такого требования стало признание противозаконным любого не соответствующего процессу осуществления прав, влекущее за собой ограничение на их использование и применение мер ответственности.

Представляется, что обязанность не злоупотреблять правами должна быть предусмотрена и в УПК РФ. Значение нормативного закрепления данного требования будет заключаться в выполнении следующих функций. Во-первых, превентивной, предотвращающей будущие злоупотребления со стороны лиц, уже их допустивших, и со стороны иных участников процесса. Во-вторых, регулятивной, посредством которой осуществляется регламентация уголовно-процессуальных правоотношений, конкретизируются процессуальные права субъектов уголовного судопроизводства путем установления пределов их осуществления.

Вместе с тем установления лишь общей обязанности «не злоупотреблять правами» недостаточно. В УПК РФ должен быть также предусмотрен соответствующий механизм, обеспечивающий ее исполнение. Данный механизм будет представлять собой систему юридических средств, позволяющих обеспечить реализацию указанной обязанности и преодолеть препятствия для удовлетворения интересов участниками уголовного судопроизводства, возникшие в результате злоупотребления правом. Эффективность механизма правового регулирования зависит не только от того, насколько четко определены их цели регулирования, подобраны средства для их достижения, какие нормативные требования предусмотрены для субъектов, но и от того, служат ли предусмотренные меры средством предупреждения социально неприемлемого поведения, в качестве которого выступает злоупотребление правом.

В первую очередь, необходимо закрепить критерии, правила, по которым поведение участника уголовного судопроизводства, в том числе обвиняемого, расценивается как злоупотребительное. Данное нормативное установление будет являться средством недопущения произвольного ограничения субъективных прав лица как определенной меры свободы его действий.

Ввиду того что под обязанностью понимается мера должного единственно возможного поведения, обеспечиваемого органами государственной власти с помощью принуждения [14. С. 240], то за неисполнение указанного обязательства должны быть предусмотрены меры ответственности. В случае злоупотребления правом они могут быть связаны с ограничением или лишением возможности осуществления той правовой возможности, посредством которой было совершено злоупотребление. Однако при применении перечисленных мер воздействия, связанных и с принуждением, необходимо исходить из конституционных положений, устанавливающих, что честь, достоинство, жизнь и здоровье являются неотъемлемыми высшими ценностями и не могут быть нарушены. Субъектом применения мер ответственности является государство в лице его органов и должностных лиц. Именно они обязаны не только нарушать права частных лиц, но и гарантировать их реализацию посредством надлежащего выполнения ими своих полномочий. Между тем указанные властные субъекты не должны обладать абсолютной свободой и по своему усмотрению ограничивать права других участников процесса, возлагать на них обязанности; даже в рамках предоставленных им полномочий речь может идти только об «ограниченном усмотрении». Следует согласиться с Т.В. Трубниковой, что каждый раз в случае злоупотребления правом «необходимо оценивать соотношение между возможным вредом, причиняемым поведением участника, и последствиями вмешательства государства в его поведение с точки зрения обеспечения права данного участника на судебную защиту» [15. С. 74]. Принимая это во внимание, стоит не только закрепить полномочия должностных лиц, корреспондирующие

соответствующим правам других субъектов уголовного процесса, в том числе и обвиняемого, но и определить пределы свободы их реализации.

Кроме того, поскольку наличие обязанности «не злоупотреблять правом» тесно связано с пределами осуществления прав, необходимо предусмотреть и механизм их реализации, включающий в себя следующие элементы: 1) определение целевого содержания предоставленных правомочий; 2) установление допустимых способов осуществления прав; 3) определение объема и продолжительности ограничения прав обвиняемого, допустившего злоупотребление, на основе принципов целесообразности, а также соразмерности совершенных действий и наступивших неблагоприятных последствий для других участников в ходе уголовного процесса; 4) закрепление процедуры охраны и защиты прав, в том числе предоставление возможности обжаловать ограничение в суд; 5) установление ответственности за нарушение прав как для частных лиц, которые допустили злоупотребление, так и для государственных органов, незаконно ограничивших или лишивших возможности участников уголовного судопроизводства использовать свои права; 6) указание на порядок восстановления нарушенных прав и компенсации причиненного вреда.

На основе вышеизложенного можно прийти к выводу о том, что нормы УПК РФ, посвященные процессуальному статусу обвиняемого, следует дополнить единым перечнем обязанностей, которые способствуют обеспечению нормального хода расследования, но при этом не ущемляют его процессуальных прав как субъекта правоотношений, в том числе его права на защиту. Среди обязанностей необходимо предусмотреть и требование о недопустимости злоупотребления правом, что определит пределы осуществления правовых возможностей и оптимизирует механизм правового регулирования, предупреждающий возможность злоупотребления правом со стороны обвиняемого.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Советский* уголовный процесс / под ред. Д.С. Карева. М. : Горюриздат, 1956. 416 с.
2. *Андреева О.И.* Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Томск, 2007. 48 с.
3. *Стремовский В.А.* Участники предварительного следствия в советском уголовном процессе. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1966. 260 с.
4. *Рыжаков А.П.* Обвиняемый: понятие, права и обязанности. М. : Дело и Сервис, 2013. 176 с.
5. *Кожевников Л.Л.* Обязанности обвиняемого: понятие, виды, проблемы правовой регламентации и обеспечения условий надлежащего выполнения : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2003. 22 с.
6. *Баев О.Я.* «Злоупотребление правом» как уголовно-процессуальная категория // Вестник Воронежского государственного университета: Сер. Право. 2013. № 2. С. 336–349.
7. *Рябцева Е.В.* Злоупотребление в уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2014. 144 с.
8. *Бармина О.Н.* Злоупотребление в праве. Как обеспечить добросовестное использование прав? // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 4 (1). С. 86–90.
9. *Гаджиев Г.А.* Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами // Государство и право. 2002. № 7. С. 54–62.
10. *Малиновский А.А.* Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2009. 59 с.
11. *Даровских С.М., Даровских О.И.* Принцип недопустимости злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 43. С. 28–32.
12. *Андреева О.И.* Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса : дис. … д-ра юрид. наук. Томск, 2007. 440 с.
13. *Вернер Бойльке*. Уголовно-процессуальное право ФРГ : учеб. Красноярск : РУМЦ ЮО, 2004. 352 с.
14. *Морозова Л.А.* Теория государства и права : учеб. М. : Юрист, 2002. 414 с.
15. *Трубникова Т.В.* Злоупотребление правом в уголовном процессе: критерии и пределы вмешательства со стороны государства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 3 (17). С. 65–78.

Статья представлена научной редакцией «Право» 11 декабря 2015 г.

INADMISSIBILITY OF ABUSE OF RIGHT AS ONE OF THE DEFENDANT'S OBLIGATIONS

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 216–221. DOI: 10.17223/15617793/401/31

Zheleva Olga V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zheleva.olga@gmail.com

Keywords: obligations of defendant; abuse of right; principles of criminal proceedings; principle of good faith; inadmissibility of abuse of right.

The procedural status of the defendant consists of two elements: rights and obligations. The existence of both is interdependent since rights determine the degree of personal freedom but obligations set the limits for this freedom. Being a criminal trial participant who is prosecuted and against whom compulsory measures are taken, the defendant has a wide range of rights. There are different positions in legal science relating to the volume of obligations. According to the first position, a defendant has only rights, but according to the second one he has some obligations the range of which shall be strictly limited. The existence of these two positions has resulted in the emergence of several approaches to the ways of entrenching them in legislation of different countries. The author stresses that no separate article in Russian criminal legislation is devoted to the obligations of a defendant but some fundamental ones have been formulated on the basis of analysis of literature and norms of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. A defendant can use any legal means and ways to defend him-/herself, but cannot realize the delegated rights in contravention of their purpose. To prevent such a behavior, it is necessary to set a separate obligation "not to abuse the right". The present article gives the correlation between the above obligation and the requirement for the defendant to behave in good faith. There are several viewpoints on this subject. The first is that these categories are identical. The second is that they are different. The third is that the obligation to behave in good faith is broader and involves the requirement "not to abuse the right". Anyway, not to abuse the right is an obligation

of the defendant. The need for legislative entrenchment of this requirement has been stipulated by the nature of criminal procedure, the purpose to guarantee a fair trial, procedural equality, protection of rights and freedoms of citizens in criminal procedure and adversariality of parties to a trial. The significance of the obligation not to abuse the right can be explained by its preventive and regulative functions. There should be a corresponding mechanism for its realization. The author enumerates the basic elements of such a mechanism and states that their cumulative entrenchment will prevent the abuse of right by the defendant.

REFERENCES

1. Karev, D.S. (ed.) (1956) *Sovetskiy ugolovnyy protsess* [The Soviet criminal trial]. Moscow: Goryurizdat.
2. Andreeva, O.I. (2007) *Kontseptual'nye osnovy sootnosheniya prav i obyazannostey gosudarstva i lichnosti v ugolovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii i ikh ispol'zovanie dlya pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti po rasporyazheniyu predmetom ugolovnogo protsessa* [The conceptual basis of the ratio of rights and obligations of the state and the individual in a criminal trial of the Russian Federation and their use for the legal regulation of the order of the subject of criminal proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. Tomsk.
3. Stremovskiy, V.A. (1966) *Uchastniki predvaritel'nogo sledstviya v sovetskom ugolovnom protsesse* [Participants of the preliminary investigation in the Soviet criminal trial]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
4. Ryzhakov, A.P. (2013) *Obvinyaemyy: ponyatie, prava i obyazannosti* [The accused: the concept, rights and responsibilities]. Moscow: Delo i Servis.
5. Kozhevnikov, L.L. (2003) *Obyazannosti obvinyaemogo: ponyatie, vidy, problemy pravovoy reglamentatsii i obespecheniya usloviy nadlezhashchego vypolneniya* [Duties of the accused: the concept, types, problems of legal regulation and proper implementation ensuring]. Abstract of Law Cand. Diss. Samara.
6. Baev, O.Ya. (2013) "Zloupotreblenie pravom" kak ugolovno-protsessual'naya kategoriya ["Abuse of right" as a criminal procedure category]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta: Seriya "Pravo"*. 2. pp. 336–349.
7. Ryabtseva, E.V. (2014) *Zloupotreblenie v ugolovnom sudoproizvodstve* [Abuse in the criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform. 144 pp.
8. Barmina, O.N. (2013) The abusing of the law. How to provide the good use of the rights? *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 4 (1). pp. 86–90. (In Russian).
9. Gadzhiev, G.A. (2002) Konstitutsionnye printsipy dobrosovestnosti i nedopustimosti zloupotrebleniya sub"ektivnymi pravami [Constitutional principles of fairness and non-abuse of subjective rights]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 7. pp. 54–62.
10. Malinovskiy, A.A. (2009) *Zloupotreblenie sub"ektivnym pravom kak yuridicheskiy fenomen* [Abuse of subjective right as a legal phenomenon]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
11. Darovskikh, S.M. & Darovskikh, O.I. (2012) Res judicata of law abuse in criminal procedure. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Bulletin of the South Ural state university. Series: Law*. 43. pp. 28–32. (In Russian).
12. Andreeva, O.I. (2007) *Kontseptual'nye osnovy sootnosheniya prav i obyazannostey gosudarstva i lichnosti v ugolovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii i ikh ispol'zovanie dlya pravovogo regulirovaniya deyatel'nosti po rasporyazheniyu predmetom ugolovnogo protsessa* [The conceptual basis of the ratio of rights and obligations of the state and the individual in a criminal trial of the Russian Federation and their use for the legal regulation of the order of the subject of criminal proceedings]. Law Dr. Diss. Tomsk.
13. Boylke, W. (2004) *Ugolovno-protsessual'noe pravo FRG* [Criminal Procedural Law in the Federal Republic of Germany]. Krasnoyarsk: RUMTs YuO.
14. Morozova, L.A. (2002) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Yurist.
15. Trubnikova, T.V. (2015) Abuse of right in criminal proceeding: criteria and state interference limits. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 3 (17). pp. 65–78. (In Russian).

Received: 11 December 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 222–227. DOI: 10.17223/15617793/401/32

УДК 343.533

И.В. Лозинский

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ОХРАНЯЮЩЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ИЛИ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ?

В представленной статье автор анализирует точки зрения учёных о нормах, составляющих Главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации. На основании проведённого анализа автором определяются направления совершенствования отечественного уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности.
Ключевые слова: Уголовный кодекс Российской Федерации; преступления в сфере экономической деятельности; криминализация; декриминализация.

Несмотря на постоянно вносимые законодателем изменения в Уголовный кодекс РФ, охраняющие общественные отношения в сфере экономической деятельности, нормы, составляющие его Главу 22, по-прежнему являются в большинстве своём практически неприменимыми. По мнению некоторых учёных, обозначенная ситуация обусловлена рядом проблем, наиболее важные из которых – бланкетность норм, составляющих указанную Главу, их пробельность, многословность формулировок диспозиций отдельных из них, а также использование в них законодателем нечётко определённых терминов и понятий [1. С. 40].

Согласно точке зрения Л.Д. Гаухмана трудности применения бланкетных уголовно-правовых норм обусловлены тем, что в них имеют место ссылки на нормы иных отраслей права (применительно к настоящему исследованию – гражданского, банковского, предпринимательского, финансового), при этом в последние законодателем также вносятся серьёзные поправки, что и порождает обозначенную проблему [Там же. С. 41]. Одновременно возникает и следующая проблема – пробельность норм, составляющих Главу 22 Уголовного кодекса РФ.

На наш взгляд, пример обозначенной пробельности – норма, устанавливающая уголовную ответственность за совершение незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ). В рассматриваемой норме уголовным законом заимствованный из Гражданского кодекса РФ термин «предпринимательская деятельность» оказался введённым в уголовно-правовое понятие. Таким образом, оказался нарушенным такой принцип криминализации деяний, как принцип согласованности норм уголовного закона с положениями охраняемых отраслей права [2. С. 174]. В результате применение указанной нормы на практике, по сути, оказывается невозможным. То же, по нашему мнению, следует отметить и о ситуации с практическим применением ст. 172 УК РФ, устанавливающей ответственность за совершение незаконной банковской деятельности. Проанализировав диспозиции указанных уголовно-правовых запретов, возможно сделать вывод, что целью совершения запрещаемых ими деяний является незаконное извлечение прибыли, представляющее собой общественную опасность. Таким образом, в рассматриваемой ситуации необходимо вместо словосочетаний «незаконное предпринимательство», «незаконная банковская деятельность» использовать словосочетание «незаконное извлечение прибыли». Различие между указанными понятиями очевидно, поскольку извлечение прибыли возможно как законными, так и незаконными способами. Законный способ – извлечение прибыли, соответствующее всем условиям, предусмотренным в ст. 2 Гражданского кодекса РФ. Одновременно возможно извлечение прибыли и незаконным способом, например без регистрации лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность [2. С. 177].

Таким образом, для правильного решения обозначенной проблемы законодателю следует установить уголовную ответственность именно за «незаконное извлечение дохода в крупном (особо крупном) размере». В предлагаемой законодательной конструкции для правоприменителя важен именно результат – извлечение лицом дохода как в крупном, так и в особо крупном размере. Представляется, что обозначенная конструкция ввиду её немногословности окажется более понятной для правоприменителя.

Ранее отмечалось и о многословности формулировок диспозиций отдельных из норм, составляющих Главу 22 Уголовного кодекса РФ. В частности, диспозиция ст. 185-5 УК РФ содержит 244 слова, включая предлоги. По мнению Л.Д. Гаухмана, уяснение содержания указанной диспозиции и применение данной нормы на практике для правоприменителя «весьма сложно» [1. С. 43]. Одновременно, по его мнению, данная проблема имеет место и в формулировках диспозиций ст. 172.1 УК РФ, ч. 1 ст. 185.3 УК РФ [Там же]. Таким образом, при применении на практике указанных норм также может возникнуть обозначенная ранее проблема.

На наш взгляд, обозначенная проблема возникнет при применении на практике и иных норм, составляющих Главу 22 Уголовного кодекса РФ. Нами ранее отмечалось, что указанные нормы, большинство из которых представляют собой новеллы, в значительной мере являются несовершенными. Данное несовершенство, по нашему мнению, состоит в том, что законодатель при формулировании рассматриваемых уголовно-правовых норм, несмотря на многословность формулировок их диспозиций, чётко не выделил отдельные элементы составов преступлений, ответственность за совершение которых установлена обозначенными нормами. В частности, оказалась «размытой» объективная сторона этих преступлений,

благодаря чему стало возможным прекращение уголовного преследования лиц, виновных в их совершении. Указанный недостаток является характерной чертой всех без исключения уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение преступлений рассматриваемой группы. Одновременно несовершенство обозначенных норм состоит, по нашему мнению, и в том, что в диспозициях большинства из них некоторые элементы оказались определёнными либо недостаточно точно, либо совсем неопределёнными. Например, отсутствие определения «тяжких последствий» в диспозиции ст. 183 УК РФ приводит к прекращению многих уголовных дел, возбуждённых по данной статье, поскольку указанные последствия определяются практическими работниками по собственному усмотрению, что и способствует их прекращению [2. С. 169]. По мнению учёных, обозначенное усмотрение может перерасти и в произвол [3. С. 93].

Таким образом, для эффективного применения указанной нормы на практике, а также во избежание произвольного толкования содержания её диспозиции правоприменителем, в диспозиции ст. 183 УК РФ законодателю необходимо дать толкование «тяжкие последствия». На наш взгляд, обозначенное толкование следует выделить как отдельное Примечание к рассматриваемой статье.

Одновременно как недостаток уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение преступлений в сфере экономической деятельности, следует рассматривать и то, что при практическом применении отдельных из них правоприменителю зачастую сложно определить, кого следует считать субъектом этих преступлений. Особенно это имеет отношение к ст. 186 УК РФ, устанавливающей ответственность за фальшивомонетничество. Несмотря на внесение в её редакцию в 2009 г. поправок, у правоприменителя по-прежнему возникают затруднения при установлении лиц, виновных в изготовлении либо сбыте поддельных денег или ценных бумаг. Это же отмечалось и практическими работниками в ходе проведённого анкетирования. П.С. Яни справедливо отмечено, что если лицо, не изготавливавшее поддельные деньги, продаёт их другому лицу, то содеянное следует квалифицировать как оконченное фальшивомонетничество, поскольку рассматриваемое деяние включает в себя и хранение в целях сбыта, а в указанной форме фальшивомонетничество лицом окончено [4. С. 24]. Таким образом, П.С. Яни предлагается вполне обоснованное решение обозначенной проблемы. Необходимо отметить, что аналогичные предложения были высказаны и практическими работниками в ходе их анкетирования. Представляется, что обозначенные предложения будут приняты во внимание законодателем при дальнейшем реформировании ст. 186 УК РФ.

Рассмотренные ситуации представляют собой результат не только многословности формулировок диспозиций уголовно-правовых норм, охраняющих общественные отношения в сфере экономической деятельности, но и использования законодателем в них нечётко определённых терминов и понятий [1. С. 40]. Пример – нормы, устанавливающие уголовную ответственность за совершение преступлений в сфере кредитования (ст. 176–177 УК РФ). В диспозиции ст. 176, устанавливающей ответственность за незаконное получение кредита, законодателем оказалось нечётко раскрыто понятие «кредит» [5. С. 56]. Обозначенное понятие в нормах иных отраслей права (гражданского, бюджетного, налогового) имеет достаточно широкое толкование. Только Гражданским кодексом РФ предусмотрено несколько видов кредитов – кредитный договор (ст. 819 ГК РФ), договор товарного кредита (ст. 822 ГК РФ) и коммерческий кредит (ст. 823 ГК РФ). Одновременно указанное понятие предусмотрено и ст. 93-2 Бюджетного кодекса РФ – бюджетный кредит, ст. 66–67 Налогового кодекса РФ – инвестиционнный налоговый кредит, Федеральным законом РФ от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» – потребительский кредит (заём).

Согласно точке зрения А.Н. Ляскало рассматриваемое понятие означает только банковский, товарный, коммерческий, бюджетный и инвестиционный налоговый кредит [5. С. 56]. В данной ситуации потребительский кредит оказывается вне зоны действия ст. 176 УК РФ. Таким образом, имеет место серьёзный законодательный пробел. Как законодательный пробел следует рассматривать и отсутствие в диспозиции рассматриваемой нормы определения такого её элемента, как «льготные условия кредитования» [2. С. 157]. Одновременно законодатель не раскрыл и такие элементы указанной диспозиции, как «хозяйственное положение» и «финансовое состояние» заёмщика. По мнению учёных, данные понятия вызывают у правоприменителя наибольшие затруднения, поскольку они не раскрываются в действующем законодательстве [5. С. 59]. Таким образом, возможно произвольное толкование рассматриваемых понятий как сотрудниками банков, так и сотрудниками правоохранительных органов. Об опасности указанного толкования нами уже отмечалось в ходе настоящего исследования.

На наш взгляд, можно выделить следующие направления решения обозначенной проблемы. Одно из указанных направлений должно представлять собой реформирование законодателем диспозиции ст. 176 УК РФ. В процессе данного реформирования законодатель будет обязан в диспозиции рассматриваемой нормы подробно раскрыть все указанные ранее её элементы, вызывающие затруднения у правоприменителя. Представляется, что в обозначенной ситуации следует ввести Примечание к ст. 176 УК РФ, в котором будет раскрыто содержание «кредита», «хозяйственного положения заёмщика», «финансового состояния заёмщика», а также «льготных условий кредитования». В результате возможно «оживление» рассматриваемой уголовно-правовой нормы.

В качестве следующего направления, по нашему мнению, возможно рассматривать и декриминализацию незаконного получения кредита. Проанализировав ст. 176 УК РФ, возможен вывод о наличии некоторого сходства диспозиции ч. 1 её с диспозицией ч. 1 ст. 159.1 УК РФ, которой установлена ответственность за совершение мошенничества в сфере кредито-

вания. На наш взгляд, ч. 1 ст. 159.1 УК РФ, в отличие от ч. 1 ст. 176 УК РФ, имеет более «широкую» зону действия, в результате чего неизбежна и конкуренция между ними. Представляется, что для правильного решения обозначенной проблемы необходимо проведение мониторинга применения на практике ст. 176 УК РФ.

Достаточно «сложной» является и ст. 177 УК РФ, устанавливающая ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. Указанная сложность, по мнению учёных, заключается в установлении признака злостности обозначенного уклонения [6. С. 44]. В теории уголовного права данный признак характеризует субъективную сторону рассматриваемого преступления. Таким образом, указанный элемент оказался «размытым», что свидетельствует о наличии серьёзного законодательного пробела и не способствует эффективной охране уголовным законом как прав, так и законных интересов кредиторов от недобросовестных заёмщиков. Вследствие этого рассмотрение судом дел, возбуждённых по ст. 177 УК РФ, часто оканчивается вынесением оправдательного приговора [6. С. 45].

Таким образом, возникает необходимость реформирования действующего уголовного законодательства в части охраны прав и законных интересов кредиторов. Для принятия правильного законодательного решения, как и в предыдущей ситуации, необходимо проведение мониторинга ст. 177 УК РФ.

Кроме рассмотренных, в Главе 22 УК РФ имеют место и иные законодательные пробелы. В юридической литературе отмечено, что «существует настоятельная необходимость признания корпоративных отношений в качестве одного из объектов уголовно-правовой охраны» [7. С. 39]. Как показывает практика, существующих уголовно-правовых запретов (ст. 170.1, 285.3 УК РФ) явно недостаточно для эффективной уголовно-правовой охраны обозначенных отношений. Совершаемые руководством коммерческих структур преступления в сфере корпоративных отношений часто приводят к их банкротству, а следовательно, и к массовым сокращениям сотрудников, задержкам в выплате заработной платы, а также к уклонениям от уплаты налогов [Там же. С. 38]. Таким образом, тяжкие последствия совершения указанных преступлений «налицо». Введение «отдельных» уголовно-правовых запретов, по мнению Т.В. Семёнова, необходимо для более эффективной борьбы с обозначенными преступлениями [Там же. С. 39].

Одновременно можно выделить и иные законодательные пробелы, существующие в рассматриваемой Главе УК РФ. Пример – введённая в 2011 г. в Уголовный кодекс РФ ст. 173-1, устанавливающая ответственность за незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица. Несмотря на её новизну, рассматриваемую норму невозможно охарактеризовать как совершенную с точки зрения чёткости и ясности языка уголовного закона [8. С. 24]. В частности, ею не установлена уголовная ответственность за такое достаточно распространённое в практике создания фирм через подставных лиц действие, как внесение изменений в учредительные документы либо ЕГРЮЛ. Одновременно, как отмечает Ф. Багаутдинов, рассматриваемой новеллой уголовная ответственность предусмотрена за незаконное образование только юридического лица, что представляет собой серьёзный законодательный пробел, поскольку индивидуальный предприниматель, не являющийся юридическим лицом, также занимается указанной противозаконной деятельностью [Там же]. С целью устранения обозначенного пробела данным автором обоснованно предлагается в диспозиции ст. 173-1 УК РФ предусмотреть уголовную ответственность и за незаконное создание индивидуальных предпринимателей. Также им вполне обоснованно предлагается как дополнение диспозиции указанной уголовно-правовой нормы элементами «а равно представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, недостоверных данных, сведений, документов», «те же деяния, которые привели к неуплате налогов», так и исключение из обозначенной диспозиции элемента «путём введения в заблуждение» [Там же. С. 25]. Представляется, что в результате внесения законодателем указанных предложений в диспозицию ст. 173-1 УК РФ у правоприменителя не возникнут затруднения, связанные с толкованием некоторых элементов обозначенной диспозиции.

Наряду с наличием рассмотренных ранее законодательных пробелов Глава 22 УК РФ оказалась, на наш взгляд, «перегруженной» и нормами, являющимися специальными по отношению к нормам, устанавливающим уголовную ответственность за деяния, не посягающими на отношения в сфере экономической деятельности. По нашему мнению, в качестве примера следует привести уголовно-правовую норму, устанавливающую ответственность за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (ст. 180 УК РФ). В результате анализа рассматриваемой нормы возможно сделать вывод, что она представляет собой специальную норму по отношению к ст. 146 УК РФ, которая устанавливает ответственность за нарушение авторских и смежных прав, поскольку товарный знак является интеллектуальной собственностью, аналогичной произведению литературы или искусства. По нашему мнению, не исключается декриминализация деяния, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 180 УК РФ, с одновременным внесением соответствующих изменений в диспозицию ст. 146 УК РФ.

Кроме этого, не исключается декриминализация и иных деяний, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами, составляющими рассматриваемую Главу. В частности, в юридической литературе отмечается возможность декриминализации незаконного оборота драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга (ст. 191 УК РФ) [9. С. 129]. Обозначенное предложение, с одной стороны, является обоснованным, поскольку указанное деяние представляет собой преступление против порядка управления [2. С. 56]. С другой – в результате предлагаемой декриминализации возможно появление серьёзного законодательного пробела. Для правильного решения обозначенной проблемы, как и в рассмот-

ренном ранее примере, следует «перевести» обозначенный уголовно-правовой запрет в Главу 32 Уголовного кодекса РФ – «Преступления против порядка управления», что позволит «освободить» Главу 22 указанного Кодекса от норм, устанавливающих ответственность за деяния, не посягающие на отношения в сфере экономической деятельности. Одновременно, по нашему мнению, не исключена декриминализация и иных деяний, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами, составляющими обозначенную Главу. Для правильного решения данной проблемы необходимо проведение мониторинга уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности.

Следует отметить, что в июне – июле 2015 г. нормы Главы 22 УК РФ снова подверглись значительным изменениям.

Согласно Федеральному закону РФ от 8 июня 2015 г. № 153-ФЗ изменениям подверглась ст. 187 УК. В новой её редакции обозначенная норма законодателем озаглавлена «Неправомерный оборот средств платежей». В указанной редакции ею устанавливается уголовная ответственность за «изготовление, приобретение, хранение, транспортировку в целях использования или сбыта, а равно сбыт поддельных платёжных карт, распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты, а также электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приёма, выдачи, перевода денежных средств». В ранее действовавшей редакции ст. 187 УК РФ была озаглавлена «Изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчётных карт и иных платёжных документов» и предусматривала ответственность только за изготовление либо сбыт указанных платёжных документов. Таким образом, в новой редакции рассматриваемой нормы законодателем подробно раскрывается понятие «иные платёжные документы». В результате имеет место «расширение» действия ст. 187 УК РФ. Представляется, что в результате указанного «расширения» окажется устранённым значительный пробел в уголовном законодательстве, поскольку в предыдущей редакции данной нормы понятие «иные платёжные документы» толковалось правоприменителями произвольно, по собственному усмотрению, что противоречило принципу законности, о котором отмечено в ст. 3 Уголовного кодекса РФ.

Согласно Федеральному закону РФ от 29 июня 2015 г. № 193-ФЗ изменениям подверглись санкции, установленные законодателем за совершение преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 183 УК РФ. В результате внесения указанных изменений оказались, по сравнению с установленными ранее, существенно увеличены размеры штрафов, о которых отмечается в ч. 1–3 рассматриваемой нормы. Таким образом, имеет место частичное «ужесточение» уголовного наказания, предусмотренного за совершение данного преступления. На наш взгляд, обозначенное «ужесточение» вполне обоснованно, поскольку, согласно мнения опрошенных нами судей Томска, Кемерова и Новосибирска, увеличение размеров денежных штрафов за совершение преступлений рассматриваемой группы является более эффективной мерой по сравнению с увеличением сроков лишения свободы, предусмотренных за их совершение.

Согласно Федеральному закону РФ от 13 июля 2015 г. № 228-ФЗ Глава 22 Уголовного кодекса РФ вновь подверглась внесению в неё серьёзных изменений и дополнений. В частности, законодатель внёс значительные изменения в ст. 170 УК РФ. В результате их внесения имеет место «расширение» действия обозначенной нормы, поскольку в предыдущей её редакции уголовная ответственность предусматривалась лишь за «регистрацию незаконных сделок с землёй», в то время как новая редакция ст. 170 УК РФ предусматривает ответственность за «регистрацию незаконных сделок с недвижимым имуществом». Согласно ст. 130 Гражданского кодекса РФ под «недвижимым имуществом» понимаются не только земля, земельные участки, но и здания, сооружения. Таким образом, внесение указанных изменений направлено на совершенствование уголовного законодательства в сфере борьбы с различными противоправными сделками в целом с недвижимостью, а не только с одним из её видов.

Одновременно на основании указанного Федерального закона были внесены изменения и в санкции, установленные за совершение рассматриваемого преступления. Аналогично предыдущей в данной ситуации также существенно увеличены размеры денежных штрафов, что, по нашему мнению, является обоснованным и применительно к ст. 170 Уголовного кодекса РФ.

Кроме этого, согласно обозначенному Федеральному закону Глава 22 УК РФ была дополнена ст. 170-2, устанавливающей ответственность за «внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории». Указанная новелла, как следует из её названия, направлена на борьбу с искажением данных учёта земельных участков. Представляется, что с введением её в Уголовный кодекс РФ окажется устранённым серьёзный законодательный пробел, препятствовавший эффективному противодействию злоупотреблениям, имеющим место при учёте земельных участков.

Несмотря на внесение рассмотренных выше поправок в отечественное уголовное законодательство, охраняющее общественные отношения в сфере экономической деятельности, проблема его совершенствования оказалась фактически нерешённой. В частности, по-прежнему являются несовершенными нормы, устанавливающие уголовную ответственность за создание фирм-«однодневок». О негативных последствиях данного несовершенства отмечено ранее. Однако обозначенная проблема законодателем в процессе внесения им рассмотренных в ходе настоящего исследования поправок не была принята во внимание. На наш взгляд, указанные поправки следует оценивать как «стихийные» и необоснованные с точки зрения практических работников. Пример – декриминализация в 2011 г. контрабанды с последующей кри-

минализацией её уже в 2014 г. То же, по нашему мнению, следует отметить и о поправках, внесённых законодателем в марте 2015 г. в ст. 178 УК РФ, устанавливающую ответственность за ограничение конкуренции, результатом которых стал серьёзный пробел в уголовном законодательстве, охраняющем общественные отношения в сфере экономической деятельности. Обозначенную ситуацию следует рассматривать как парадоксальную, также необоснованную ни учёными, ни практическими работниками.

Таким образом, возникает необходимость дальнейшего совершенствования отечественного уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности. Для наиболее правильного решения указанной проблемы в юридической литературе предлагается принять Концепцию уголовно-правовой политики Российской Федерации, «опережающая модель которой обеспечит комплекс необходимых мер противодействия преступности» [9. С. 130]. Обозначенное предложение актуально и в сфере борьбы с преступлениями рассматриваемой группы. Следует отметить, что совершенствование уголовного законодательства, направленного на борьбу с данными преступлениями, часто характеризуется как «запоздалое».

В качестве примера, на наш взгляд, следует привести деятельность законодателя по совершенствованию «антиотмывочных» норм УК РФ – ст. 174–174.1. О необходимости их совершенствования нами отмечалось ранее [2. С. 170]. Несмотря на это, законодателем они достаточно длительное время не принимались во внимание. И только недавно было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путём», в котором в значительном объёме отражены указанные ранее предложения. Рассмотренный пример не является единичным. С целью избежания наступления обозначенных негативных последствий необходимо постоянное проведение мониторинга как действующего уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности, так и криминогенной ситуации в данной сфере. В юридической литературе справедливо отмечено, что диспозиции некоторых норм, составляющих Главу 22 Уголовного кодекса РФ, по своему концептуальному содержанию с момента вступления указанного Кодекса в законную силу так и остались неизменными, в то время как нормативно-правовые акты, относящиеся к регулятивным отраслям права, не один раз подвергались изменениям [1. С. 41]. Пример – ст.191 УК РФ, устанавливающая ответственность за незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга. Диспозиция обозначенной нормы сформулирована законодателем ещё в 1996 (!) г., когда в России драгоценные металлы в любом их виде и состоянии, за исключением ювелирных и других бытовых изделий, а также лома таких изделий, и природные драгоценные камни, за исключением ювелирных и иных бытовых изделий из этих камней и лома таких изделий, относились к валютным ценностям, и валютные операции – сделки с ними – законодателем были запрещены [9. С. 131]. На основании этого в Уголовный кодекс РФ были введены как указанная норма, так и ст. 192 «Нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней», которыми и предусматривалась ответственность за совершение обозначенных сделок [Там же].

В настоящее время, согласно Федеральному закону РФ от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», драгоценные металлы, природные драгоценные камни или жемчуг не являются валютными ценностями. В обозначенной ситуации, по нашему мнению, не исключена и декриминализация деяния, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 192 УК РФ. О необходимости данной декриминализации отмечалось и судьями Томска, Кемерова и Новосибирска в процессе их анкетирования. Одновременно не исключается и декриминализация иных деяний, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами, составляющими Главу 22 УК РФ. Для правильного определения круга указанных деяний необходимо постоянное проведение мониторинга криминогенной ситуации в рассматриваемой сфере. Кроме того, посредством проведения обозначенного мониторинга возможно и правильное определение круга деяний, за совершение которых необходимо установить уголовную ответственность. В ходе настоящего исследования нами рассматривались предложения учёных по установлению уголовной ответственности за совершение некоторых деяний [7. С. 39]. Представляется, что в целях ликвидации пробелов в уголовном законодательстве, охраняющем общественные отношения в сфере экономической деятельности, возможна криминализация и иных деяний. Следует отметить, что решение проблемы совершенствования уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в рассматриваемой сфере, посредством исключительно криминализации всё новых и новых деяний способно привести к серьёзной «перегрузке» его, что имеет место в настоящее время.

Обозначенный способ в юридической литературе справедливо был подвергнут критике Л.Д. Гаухманом [1. С. 43]. По его мнению, избыточная криминализация деяний, в том числе и в исследуемой сфере, лишь порождает затруднения у правоприменителя [Там же]. Аналогичное мнение высказывалось ранее и нами [2. С. 180]. Одновременно «расширение» уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности способно привести и к таким негативным последствиям, как «уход» значительной части субъектов, осуществляющих данную деятельность, в сферу «теневой экономики». В результате значительно сократятся поступления налоговых платежей в бюджет. Также в рассматриваемой ситуации возникает опасность и «подавления» конкурентов посредством уголовно-правового воздействия. Таким образом, в настоящее время основным направлением совершен-

ствования отечественного уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности, должна рассматриваться декриминализация деяний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гаухман Л., Журавлёв М.* Законотворческие проблемы Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовное право. 2015. № 1. С. 40–43.
2. *Лозинский И.В.* Проблемы реализации принципов криминализации и положений законодательной техники применительно к нормам Главы 22 УК РФ : дис. … канд. юрид. наук. Томск, 2010. 231 с.
3. *Рарог А.И., Грачёва Ю.В.* Законодательная техника как средство ограничения судейского усмотрения // Государство и право. 2002. № 11. С. 93–100.
4. *Яни П.* Вопросы квалификации фальшивомонетничества // Законность. 2015. № 2. С. 20–24.
5. *Ляскало А.Н.* Толкование бланкетных признаков ст. 176 УК РФ // Уголовное право. 2014. № 6. С. 56–64.
6. *Ляскало А.Н.* К вопросу о «злостности» уклонения от погашения кредиторской задолженности // Законодательство. 2015. № 1. С. 44–52.
7. *Семёнов Т.В.* Охрана корпоративных отношений средствами уголовного закона // Право и экономика. 2014. № 11. С. 35–40.
8. *Багаутдинов Ф., Мирзанурова Н.* Создание фирм через подставных лиц // Законность. 2015. № 6. С. 24–26.
9. *Батурин К.Е.* О декриминализации незаконного оборота драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга // Закон и право. 2015. № 6. С. 129–131.

Статья представлена научной редакцией «Право» 4 ноября 2015 г.

THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LEGISLATION OF THE RF FOR THE PROTECTION OF SOCIAL RELATIONS IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY: CRIMINALIZATION OR DECRIMINALIZATION?

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 222–227. DOI: 10.17223/15617793/401/32

Lozinsky Igor V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lozin@mail.tsu.ru

Keywords: Criminal Code of the RF; crimes in sphere of economic activity; criminalization; decriminalization.

Although there have been constant changes and amendments into Chapter 22 of the Criminal Code of the RF, the legal rules protecting the social relations in the sphere of economic activity are not practically applied for the most part. This situation, in the scientists' view, can be explained by the following problems: blanket rules that have legal deficiency, verbalized dispositions, an imprecise definition of legal terms and concepts used by the legislator. The examples of this kind are Articles 171, 172, 172.1, 185.3, 185.5 of the CC of the RF. It is not a single fact. The legislator has not emphasized separate formal elements of crime within the rules formulation included into Chapter 22 of the CC of the RF. In particular, actus reus turned out to be vague and it resulted in abatement of a suit with the parties guilty of these crimes. This deficiency is a characteristic feature of the major criminal rules that establish the responsibility for an offence in the sphere of economic activity. Some elements in the dispositions of the rules were neither distinctly defined nor definite at all. One of the examples is the absence of a statutory definition for 'aggravated consequences' in the disposition of Article 183 of the Criminal Code of the RF. Furthermore, the lack of criminal rules can be seen in their practical application when difficulties arise in determining a subject of crimes prohibited by these rules. Article 186 of the Criminal Code of the RF which establishes the responsibility for counterfeiting serves as an example. Chapter 22 of the CC of the RF has heavy legislative deficiency as well. Particularly, there are no rules protecting corporate relations. The importance of these legal rules acceptance has been observed by theorists. Besides, it should be noted that Article 173.1 of the CC of the RF with legislative lacks that establishes the responsibility for illegal formation, reorganization of a legal entity must be under consideration. The proposal about its improvement has been put forward by theorists. Despite aforementioned problems, in the result of amendments into the Criminal Code of the RF in June–July 2015, other legal rules of Chapter 22 were subject to changes. For instance, under the Federal Law of 8 June 2015 No 153-FZ Article 187 of the CC of the RF was exposed to amendments. Moreover, due to the Federal Law of 29 June 2015 No. 193-FZ, changes were made only into the sanctions of Article 183 of the CC of the RF. In accordance with the Federal Law of 13 July 2015 No. 228-FZ, Article 170 of the CC of the RF was also changed. On the basis of this law, Chapter 22 of the CC of the RF was supplemented with Article 170-2 that implies responsibility for 'deliberately false information in the measuring plan, the technical plan, the inspection report, the surveying project of land or the map of a territory'. In this case, the legislator, within the chapter improvement, paid close attention to criminalization of acts, which in theorists' view is considered erroneous. At present, the principal way for the legislative change to be taken into account is decriminalization of acts.

REFERENCES

1. Gaukhman, L. & Zhuravlev, M. (2015) Law-Making Problems in the Criminal Code of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 40–43. (In Russian).
2. Lozinskiy, I.V. (2010) *Problemy realizatsii printsipov kriminalizatsii i polozheniy zakonodatel'noy tekhniki primenitel'no k normam Glavy 22 UK RF* [Problems of implementation of the principles of criminalization and provisions of legislative technique in relation to the rules of Chapter 22 of the RF Criminal Code]. Law Cand. Diss. Tomsk.
3. Rarog, A.I. & Gracheva, Yu.V. (2002) Zakonodatel'naya tekhnika kak sredstvo ogranicheniya sudeyskogo usmotreniya [Legislative technique as a means of limiting judicial discretion]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 11. pp. 93–100.
4. Yani, P. (2015) The Issues of Classification of Counterfeiting. *Zakonnost'*. 2. pp. 20–24. (In Russian).
5. Lyaskalo, A.N. (2014) Interpretation of Blanket Elements of Article 176 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo*. 6. pp. 56–64. (In Russian).
6. Lyaskalo, A.N. (2015) K voprosu o "zlostnosti" ukloneniya ot pogasheniya kreditorskoy zadolzhennosti [On the question of "malice" of evasion of payment of accounts payable]. *Zakonodatel'stvo*. 1. pp. 44–52.
7. Semenov, T.V. (2014) Okhrana korporativnykh otnosheniy sredstvami ugolovnogo zakona [Protection of corporate relations by means of criminal law]. *Pravo i ekonomika*. 11. pp. 35–40.
8. Bagautdinov, F. & Mirzanurova, N. (2015) Setting Up Firms through Front Parties. *Zakonnost'*. 6. pp. 24–26. (In Russian).
9. Baturin, K.E. (2015) O dekriminalizatsii nezakonnogo oborota dragotsennykh metallov, prirodnykh dragotsennykh kamney ili zhemchuga [On the decriminalization of illicit trafficking of precious metals, natural precious stones or pearls]. *Zakon i pravo*. 6. pp. 129–131.

Received: 04 November 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 228–232. DOI: 10.17223/15617793/401/33

УДК 343.1

А.А. Лукьянова

К ВОПРОСУ О РЕГЛАМЕНТАЦИИ ИНСТИТУТА ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Рассматривается вопрос теоретической регламентации института личности в уголовном процессе. На основе анализа действующего законодательства, существующих теоретических подходов, правовой позиции Конституционного Суда РФ автор приходит к выводу о необходимости урегулирования положения личности в уголовном судопроизводстве. Определены основные черты данного института права, в который интегрирует составные элементы и механизмы.

Ключевые слова: институт личности в уголовном процессе; свобода личности; правовое положение личности; участник уголовно-процессуальных правоотношений.

Сложившаяся правовая позиция Конституционного Суда РФ, а также теоретические подходы науки уголовного процесса свидетельствуют о существовании проблемы разграничения процессуального статуса и фактического положения личности на этапах уголовного судопроизводства. Так, еще не обладая определенным процессуальным статусом, человек уже может претерпевать ограничения, например как «заподозренный» на этапе доследственной проверки. Фактически правовое положение лица подпадает под статус подозреваемого, хотя юридически это невозможно. В другом случае человек может фактически обладать таким правовым статусом, гипотетически с комплексом прав и обязанностей, который нельзя определить ни одним из перечисленных в УПК РФ участников уголовного судопроизводства, например заявитель в дежурной части либо лицо, чьи законные интересы были затронуты процессом отправления правосудия.

Полагаем, что вовлечение лица в сферу уголовного судопроизводства в теории уголовного процесса образует самостоятельный правовой институт – институт личности в уголовном процессе, основанный на правовой позиции о фактическом положении лица, который гораздо объемнее обозначенного УПК РФ круга участников уголовного судопроизводства. При этом, говоря о необходимости регламентации данного института права, следует понимать первоначально в общем смысле установление определенного способа регулирования в теории уголовно-процессуального права, а в дальнейшем и правовой регламентации с практической реализацией обозначенных положений.

В подтверждение возможности существования и функционирования института личности в уголовном процессе обратимся к утверждению профессора С.В. Якушева, который указывал, что обоснование правового института следует искать в особенностях его предмета [1. С. 61–67]. Именно общественные отношения, возникающие в ходе вовлечения лица в процесс уголовного судопроизводства, являются основополагающим материальным признаком этого института права. Для определения обособленности указанных общественных отношений вернемся к позиции Конституционного Суда РФ, которая указывает на приоритет фактического положения личности в уголовном судопроизводстве над обретаемым процессуальным статусом. В Постановлении № 11-П от 27.06.2000 г. по делу В.И. Маслова (в контексте обеспечения права на защиту) указано на необходимость учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование. При этом факт осуществления обвинительной деятельности может подтверждать проведение в отношении лица следственных действий, иных мер, предпринимаемых в целях его изобличения или свидетельствующих о наличии подозрения. Указанная позиция дублируется в Определении № 851-О-О от 20.11.2008 г. по жалобе О.Г. Усанова, в Определении № 1309-О от 05.06.2014 г. по жалобе С.В. Майоровой (в контексте обеспечения права на защиту при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного по истечении сроков давности). Так, обеспечение права на защиту должно исходить из наличия определенных сущностных признаков, характеризующих фактическое положение лица, в том числе положение фактического подозреваемого или подозреваемого в широком конституционно-правовом смысле.

«Человек, его права и свободы...» – категория высшей ценности, провозглашенная действующей Конституцией РФ (ст. 2). Понятие «личность» используется применительно к охране достоинства (ст. 21), а также в контексте свободы и личной неприкосновенности (ст. 22). В этимологическом смысле понятия «человек» и «личность» имеют сходные значения, но всё же разнонаправленные существенные признаки. Так, в толковании В.И. Даля «человека» определяют разум, словесная речь, воля, нравственные понятия и совесть, как каждого из людей [2]. «Личность» к тому же обладает активной составляющей. Данное понятие является объектом исследования многих гуманитарных наук, но в разных плоскостях и направлениях.

Философски через осознание собственного «Я» человек стремится к сохранению и возвышению достоинства личности. Психологически ею движут характер и мотивация. Личность формируется в процессе социализации и индувидуализации, в результате чего субъект обучается принимать решения и нести за них ответственность. Характерной чертой автономии «Я» является свобода личности, когда на основе осознания потребностей и необходимостей (морального или общественного долга) человек осуществляет социально значимые действия.

Б. Спиноза утверждал: «Я называю свободной такую вещь, которая существует и действует из одной только необходимости своей природы; принудительным я называю то, что чем-нибудь детерминируется к

существованию и к действованию тем или другим определённым образом. Я полагаю свободу не в свободном решении (decretum), но в свободной необходимости (libera necessitas)» [3. С. 591].

О противоречиях и двуединстве понимания свободы говорил Н.А. Бердяев: «Человек обязан уважать и соблюдать свободу другого человека, а не только свою...» [4].

Личность в юриспруденции – субъект правоотношений, наделенный комплексом прав и обязанностей, исполнение и защита которых гарантированы государством. Феномен личности и ее свободы в уголовном процессе также является предметом неоднозначным и многогранным. Л.Д. Воеводин среди признаков личности применительно к конституционному статусу выделял свободу выбора линии поведения и ответственность, т.е. способность сознательно, по своей воле, предвидя последствия своих действий, избирать вид и меру собственного поведения. Именно свобода и ответственность в совокупности первоначально определяют и очерчивают границы, пределы, рамки осуществления конституционных прав [5. С. 243].

Н.В. Витрук предложил структурную модель правового положения личности, которая включает в себя правовой статус личности (права, обязанности и законные интересы), гражданство и правосубъектность, а также юридические гарантии [6. С. 23–32]. В число юридических гарантий профессор включил меры юридической ответственности и государственно-правового принуждения, что является бесспорным, так как указанные элементы – гарант функционирования правового статуса, инструмент механизма обеспечения, который существует параллельно правовому положению личности.

М.С. Строгович разграничивал понятия «субъект уголовно-процессуальных отношений» и «субъект уголовно-процессуальной деятельности», последнее из которых отождествлял с категорией «участники уголовного процесса». По его мнению, основным признаком определения лица как «субъекта деятельности» является «отстаивание в процессе определенного интереса», а в целом само участие таких лиц образует производство по уголовному делу. В свою очередь свидетель и эксперт, не являясь «субъектами уголовно-процессуальной деятельности», относятся к более объемной по своему смыслу категории «субъекты уголовно-процессуальных отношений» [7. С. 203–206].

Личность в уголовном процессе персонифицирует сферу взаимодействия людей, связанную с судопроизводством, правоотношения, которые являются первым и неотъемлемым структурным элементом исследуемого нами института. Человек, не обладающий специальным правовым статусом в обычной жизни, наделяется им в момент соприкосновения с уголовно-процессуальной деятельностью. При этом мы говорим о понимании правового статуса в широком смысле, а не с позиции участников судопроизводства.

Правовая оболочка личности в уголовном судопроизводстве включает в себя права и обязанности, декларированные международным правом, на конституционном уровне, а также специально предусмотренные нормами уголовно-процессуального права. Следовательно, первой характерной чертой института личности в уголовном процессе является специализированная система норм, регулирующих правоотношения в сфере судопроизводства. В свою очередь, совокупность прав и обязанностей, а также система правовых норм, которая регламентирует правовую оболочку личности на разных уровнях, являются структурными элементами исследуемого правового института.

Уголовно-процессуальное значение личности неразрывно связано с фактом привлечения лица к процессу судопроизводства, что является второй характерной чертой интересующей нас категории. Лицо привлекается в качестве участника или потенциального участника. Разъясним полагаемую нами разницу между этими понятиями. Полноценным участником лицо становится после постановки (путем разъяснения) его в конкретный процессуальный статус, с набором прав и обязанностей, а также возможности их реализации и защиты. Например, после подписания свидетелем части протокола допроса, касающейся его прав и обязанностей, после разъяснения понятым их прав и обязанностей и подписания ими соответствующей графы протокола следственного действия. Потенциальным участником уголовного процесса является, например, лицо, вызванное на допрос в качестве свидетеля. С одной стороны, юридически лицо приобретает процессуальный статус свидетеля в момент вызова на допрос, что установлено ч. 1 ст. 56 УПК РФ. С другой стороны, ст. 188 УПК РФ, регулирующая порядок вызова на допрос через вручение повестки, не содержит требований о разъяснении в повестке процессуального статуса лица, но оговаривает возможность применения мер принуждения в случае неявки [8]. Фактически «свидетель», не обретая в полной мере процессуального статуса (ему не разъяснены его права и обязанности), наделяется ответственностью за неявку на допрос. На наш взгляд, личность в уголовном судопроизводстве – субъект, наделенный комплексом прав и обязанностей вследствие вовлечения в уголовно-процессуальную деятельность (добровольно или по принуждению) в качестве участника или потенциального участника уголовного процесса.

Кроме правового комплекса, предусмотренного основными международными актами [9], Конституцией РФ, законодательством РФ и уголовно-процессуальными нормами, институт личности в уголовном процессе включает в себя требования уголовно-процессуальной дееспособности и деликтоспособности субъекта. Без достижения физиологического возраста, а также уровня психического развития лицо не может осуществлять свои права и обязанности, а также нести за них ответственность. О наличии уголовно-процессуальных требований к дееспособности и деликтоспособности говорит существование норм, регулирующих производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, о применении принудительных мер медицинского характера, а также порядок проведения следственных действий с участием несовершеннолетних. Данный признак специальной уголовно-процессуальной дееспособности и де-

ликтоспособности обозначим третьей характерной чертой института личности в уголовном процессе.

П.И. Люблинский говорил о существовании теории свободы личности как абсолютного права, согласно которой любое применение принуждения государством как средства обеспечения независимо от признания необходимости является насилием и беззаконием сильного. В противовес данной теории абсолютной свободы ученый предложил принцип положительной оценки личности и государства [10. С. 4–7]. Именно оценка цели применения принуждения в совокупности с оценкой значения личности через гарантии уважения к социальным мотивам деятельности и ограждения от произвола и является прообразом механизма обеспечения и ограничения прав и свобод уголовно-процессуальной личности. Идею гарантий прав личности при применении процессуального принуждения обосновывал и И.Л. Петрухин, мотивируя свою позицию невозможностью ведения борьбы с преступностью путем подавления личности обвиняемого, лишения права на защиту, а также при помощи разного рода ухищрений для получения признания [11. С. 7].

Свобода личности как основополагающий принцип уголовно-процессуальной деятельности, на наш взгляд, является четвертой самостоятельной характерной чертой исследуемого нами правового института. Об особом механизме обеспечения реализации свободы личности говорит и позиция О.И. Андреевой о том, что в уголовном судопроизводстве невозможно вести речь о самоограничении, а свобода человека в выборе вариантов поведения, в осуществлении прав должна быть поставлена под контроль государства и государственных органов [12. С. 128–129].

Эффективным гарантом реализации субъективных прав и обязанностей личности является механизм обеспечения и ограничения прав и свобод, который существует и функционирует параллельно институту личности в уголовном процессе. О механизме обеспечения, реализации и защиты прав человека при применении мер процессуального принуждения говорит В.Ю. Мельников, называя его создание одной из основных задач оптимизации уголовного процесса [13. С. 23].

Консолидируя нормы международного права, Конституция РФ выступает гарантом признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина со стороны государства (ст. 2), что близко понятию В.Ю. Мельникова об уголовно-процессуальном «механизме обеспечения, реализации и защиты прав человека». Вместе с провозглашением основных прав и свобод, среди которых право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22), Конституция РФ устанавливает требования судебной защиты нарушенных прав (ст. 46), право на квалифицированную юридическую помощь, в том числе на бесплатную помощь адвоката с момента задержания (ст. 48), а также условия ограничения прав федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Такое положение в очередной раз подтверждает существование баланса правовых статусов разных категорий лиц как субъектов правоотношений, в которых государство выступает справедливым регулятором. Поэтому государственная воля, выраженная в процессуальных обязанностях, должна, безусловно, претворяться в жизнь, независимо от того, содержат обязанности определенные правоограничения или нет [14. С. 7].

Нормы действующего УПК РФ уже в принципах уголовного судопроизводства оговаривают порядок действия механизма обеспечения прав и свобод личности. Неприкосновенность личности, обязанность разъяснения процессуального статуса и обеспечения возможности его реализации, применение мер безопасности, прав на обжалование действий и процессуальных решений, а также право на возмещение вреда, причиненного в результате нарушения прав и свобод, – вот гаранты обеспечения и защиты личности в уголовном процессе. В ходе анализа норм УПК РФ делаем вывод о том, что в нем прослеживается триединство механизма обеспечения, реализации и защиты прав человека. Так, раздел II закрепляет процессуальные статусы участников уголовного процесса с перечнем основных прав и обязанностей. Обеспечение прав человека при применении к нему мер процессуального принуждения должно включать в себя информирование лица [13. С. 15]. Поэтому обязанность ознакомления и обеспечения возможности осуществления этих прав в соответствии со ст. 11 УПК РФ возложена на лиц, уполномоченных осуществлять судопроизводство. Обжалование процессуальных действий и решений, регламентированное гл. 16 УПК РФ, является средством защиты прав, свобод и законных интересов личности в уголовном процессе.

Формула экономного применения мер процессуального принуждения в понимании Нижегородской школы процессуалистов заключается в том, что законные интересы граждан, вовлеченных или вовлекаемых в уголовное судопроизводство, не должны ущемляться ни на йоту больше, чем это необходимо для достижения цели уголовного процесса или защиты законных интересов других участников судопроизводства. В то же время, если принципу обеспечения законных интересов личностей дать слишком большую волю, аблосютизировать его, то по большинству уголовных дел достижение цели уголовного процесса станет невозможным [15. С. 58–59].

Позиция профессора В.Т. Томина является неоспоримой, так как законное и эффективное функционирование системы уголовного судопроизводства возможно именно посредством урегулированного соотношения обеспечения прав, свобод и законных интересов личности с принуждением и ограничением в целом. Нарушение и без того хрупкого равновесия влечет за собой, с одной стороны, нарушение прав, свобод и законных интересов, что противоречит самому назначению уголовного судопроизводства, а с другой стороны, нарушение принципа законности влечет за собой признание недопустимыми полученных доказательств, а также возникновение права на возмещение вреда лица, незаконно подвергнутого мерам процессуального принуждения.

О проблеме соразмерности обеспечения прав, свобод и законных интересов личности и полномочий государства говорит и О.И. Андреева, которая в своих суждениях близка к позиции профессора В.Т. Томина. Для государственных органов, которые взяли на себя защиту прав, свобод и законных интересов, не должны устанавливаться чрезмерные обязанности, так как это препятствует эффективному осуществлению уголовно-процессуальной деятельности, нарушает свободу поведения носителя обязанности и правоприменителя [16. С. 123–124].

Юридическая ответственность личности в уголовном процессе также является структурным элементом исследуемого нами правового института и тесно взаимосвязана с такой характерной чертой, как уголовно-процессуальная деликтоспособность. Именно у личности, способной нести ответственность за совершенные уголовно-процессуальные проступки, указанная юридическая ответственность и наступает. Возможность применения процессуальной ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности за совершение процессуальных нарушений является давним объектом научных дискуссий, в том числе в контексте процессуального принуждения [17. С. 65].

Таким образом, институт личности в уголовном процессе является самостоятельным правовым институтом, которому присущи следующие смыслообразующие характерные черты:

– специализированная система правового регулирования, основанная на нормах международного права, Конституции РФ и уголовно-процессуального законодательства;

– личность в уголовном судопроизводстве – субъект, вовлеченный в уголовно-процессуальную деятельность (добровольно или по принуждению) в качестве участника или потенциального участника судопроизводства;

– вовлечение лица в уголовное судопроизводство образует обособленные общественные отношения, что является материальным признаком института личности в уголовном процессе;

– личность в уголовном процессе обладает специальной уголовно-процессуальной дееспособностью и деликтоспособностью;

– свобода личности является основополагающим принципом всей уголовно-процессуальной деятельности.

Институт личности в уголовном процессе по существу – динамичная система, состоящая из взаимодействующих структурных элементов, а именно:

– основополагающие уголовно-процессуальные отношения, участником которых является личность в уголовном процессе;

– нормы права на разных уровнях, закрепляющие правовой статус личности и регламентирующие ее участие в уголовном судопроизводстве;

– правовая оболочка, т.е. комплекс прав и обязанностей, которыми обладает и руководствуется уголовно-процессуальная личность при осуществлении своих законных интересов в уголовно-процессуальных отношениях;

– уголовно-процессуальная правоспособность личности для участия в судопроизводстве;

– юридическая ответственность личности за совершение процессуальных нарушений.

Механизм обеспечения и ограничения прав и свобод личности функционирует отдельно и параллельно институту личности в уголовном процессе и является гарантом полноценного существования указанного правового института.

В заключение следует указать меткое, по-нашему мнению, суждение профессора В.М. Корнукова о том, что современное законодательное оформление положения личности в уголовном процессе не безукоризненно, но достаточно близко к тому, чтобы не только исключить произвол в отношении лиц, принимающих участие в уголовно-процессуальной деятельности, но и обеспечить им возможность реальной защиты и отстаивания своих интересов [18. С. 61–62].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Якушев С.В.* О понятии правового института // Правоведение. 1970. С. 61–67.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2001. Т. 4. URL: http://slovardalya.ru/description/chelovek/42926
3. *Спиноза Б.* Избранные произведения : в 2 т. М., 1957. Т. 2. 727 с.
4. *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. М. : Республика, 1994. URL: http://vehi.net/berdyaev/sudbache/02.html
5. *Воеводин Л.Д.* Юридический статус личности в России : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М-Норма, 1997. 304 с.
6. *Витрук Н.В.* Общая теория правового положения личности. М. : Норма, 2008. 448 с.
7. *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. 468 с.
8. *Уголовно-процессуальный* кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ. URL: http://base.consultant.ru
9. *Основные* международные акты о правах человека. URL: http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar
10. *Люблинский П.И.* Свобода личности в уголовном процессе: Меры, обеспечивающие неуклонение обвиняемого от правосудия. СПб. : Сенаторская типография, 1906. 701 с.
11. *Петрухин И.Л.* Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. М. : Наука, 1989. 256 с.
12. *Андреева О.И.* К вопросу о способах правового регулирования в российском уголовном процессе // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/2. С. 125–132.
13. *Мельников В.Ю.* Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2014. 68 с.
14. *Кутуев Э.К.* Принуждение в уголовном процессе. Теоретические и организационно-правовые проблемы. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 112 с.
15. *Уголовный* процесс России. Проблемные лекции : учеб. пособие (для студентов высших юридических учебных заведений) / науч. ред. В.Т. Томин, А.П. Попов и И.А. Зинченко. Пятигорск : РИА-КМВ, 2014. 412 с.
16. *Андреева О.И.* Установление процессуальных обязанностей и запретов на осуществление определенной деятельности как гарантия ограничения свободы поведения должностных лиц государственных органов в уголовном судопроизводстве // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 121–125.

17. *Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д.* Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. 252 с.
18. *Корнуков В.М.* Обеспечение прав личности в российском уголовном процессе: былое, настоящее, думы // Вектор науки ТГУ. Сер. Юридические науки. 2014. № 2. С. 60–64.

Статья представлена научной редакцией «Право» 22 ноября 2015 г.

ON THE REGULATION OF THE INSTITUTE OF A PERSON IN THE CRIMINAL PROCEEDING

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 228–232. DOI: 10.17223/15617793/401/33

Lukyanova Alina A. Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: lok_doc@mail.ru

Keywords: institute of person in criminal proceeding; personal liberty; legal status of person; participant of criminal procedural relations.

The current legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation, theoretical approaches of the science of the criminal proceeding testify to the existence of the problem of separation of the procedural status and the actual situation of the person at the stages of the criminal proceeding. The author's opinion is that the person's involvement in the criminal proceeding forms an independent legal institution in the theory of the criminal proceeding: the institute of a person in the criminal proceeding, based on the legal position on the actual state of a person which is broader than the circle of participants in the criminal proceeding denoted by the Russian Federation Code of Criminal Procedure. The institute of a person in the criminal proceeding is an independent legal institution which has the following sense-making characteristic features: - a specialized system of legal regulation based on the norms of international law, the Constitution of the Russian Federation and criminal procedural legislation; - a person in the criminal proceeding is an entity involved in criminal procedural activity (voluntarily or forced) as a participant or potential participant of the proceeding; - person's involvement in the criminal proceeding forms separate public relations, which is the material basis of the institute of a person in the criminal proceeding; - a person in the criminal proceeding has a special criminal procedural capacity and delictual dispositive capacity; - personal liberty is a fundamental principle of the criminal procedural activity. The institute of a person in the criminal proceeding is a dynamic system consisting of interacting structural elements, namely: - fundamental criminal procedural relations whose participant is a person in the criminal proceeding; - legal rules at different levels that establish the legal status of persons and regulate their participation in the criminal proceeding; - a legal framework, i.e. a complex of rights and duties a criminal procedural person possesses and follows in the exercise of his/her legitimate interests in the criminal procedure relations; - a criminal procedural legal capacity of a person to participate in the proceeding; - person's legal responsibility for committing procedural violations. The mechanism for providing and restricting the rights and freedoms of a person is separate and parallel to the institute of a person in the criminal proceeding and is the guarantor of the full existence of the specified legal institution.

REFERENCES

1. Yakushev, S.V. (1970) O ponyatii pravovogo instituta [On the concept of the legal institution]. *Pravovedenie*. 6. pp. 61–67.
2. Dahl, V.I. (2001) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 v.]. V. 4. Moscow: OLMA-PRESS. [Online]. Available from: http://slovardalya.ru/description/ chelovek/42926.
3. Spinoza, B. (1957) *Izbrannye proizvedeniya: v 2 t.* [Selected Works: in 2 v.]. V. 2. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
4. Berdyaev, N.A. (1994) *Filosofiya svobodnogo dukha* [The philosophy of free spirit]. Moscow: Respublika. [Online]. Available from: http://vehi.net/berdyaev/sudbache/02.html.
5. Voevodin, L.D. (1997) *Yuridicheskiy status lichnosti v Rossii* [The legal status of the individual in Russia]. Moscow: INFRA-M-Norma.
6. Vitruk, N.V. (2008) *Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti* [The general theory of the legal status of the individual]. Moscow: Norma.
7. Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa* [The course of the Soviet criminal trial]. V. 1. Moscow: Nauka.
8. Russian Federation. (2001) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks RF ot 18.12.2001 № 174-FZ* [The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ]. [Online]. Available from: http://base.consultant.ru.
9. Garant.ru. (n.d.) *Osnovnye mezhdunarodnye akty o pravakh cheloveka* [Key international acts on human rights]. [Online]. Available from: http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar.
10. Lyublinskiy, P.I. (1906) *Svoboda lichnosti v ugolovnom protsesse: Mery, obespechivayushchie neuklonenie obvinyaemogo ot pravosudiya* [The freedom of the individual in criminal proceedings: Measures for non-avoiding justice by the accused]. St. Petersburg: Senatorskaya tipografiya.
11. Petrukhin, I.L. (1989) *Neprikosnovennost' lichnosti i prinuzhdenie v ugolovnom protsesse* [Personal integrity and coercion in criminal proceedings]. Moscow: Nauka.
12. Andreeva, O.I. (2014) On the problem of legal regulation methods in Russian criminal law. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Samara State University*. 11/2. pp. 125–132. (In Russian).
13. Mel'nikov, V.Yu. (2014) *Obespechenie i zashchita prav cheloveka pri primenenii mer protsessual'nogo prinuzhdeniya v dosudebnom proizvodstve* [The promotion and protection of human rights in the application of coercive procedural measures in the pre-trial proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
14. Kutuev, E.K. (2010) *Prinuzhdenie v ugolovnom protsesse. Teoreticheskie i organizatsionno-pravovye problemy* [Coercion in criminal proceedings. Theoretical and organizational-legal problems]. Moscow: YuNITI-DANA.
15. Tomin, V.T., Popov, A.P. & Zinchenko, I.A. (eds) (2014) *Ugolovnyy protsess Rossii. Problemnye lektsii* [Criminal proceedings in Russia. Problem-setting lectures]. Pyatigorsk: RIA-KMV.
16. Andreeva, O.I. (2012) The ascertainment of procedural liabilities and injunctions on the exercising of certain activity as a safeguard of restricting the freedom of conduct of state officials in criminal court procedure. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 357. pp. 121–125. (In Russian).
17. Alekseev, N.S., Daev, V.G. & Kokorev, L.D. (1980) *Ocherk razvitiya nauki sovetskogo ugolovnogo protsessa* [Essay on the sevelopment of the science of the Soviet criminal trial]. Voronezh: Voronezh State University.
18. Kornukov, V.M. (2014) Obespechenie prav lichnosti v rossiyskom ugolovnom protsesse: byloe, nastoyashchee, dumy [Ensuring the rights of the individual in the Russian criminal trial: former, present, thoughts]. *Vektor nauki TGU. Seriya: Yuridicheskie nauki*. 2. pp. 60–64.

Received: 22 November 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 233–238. DOI: 10.17223/15617793/401/34

УДК 43.237

Л.М. Прозументов

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в. ОБ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ ГРУППАХ

Приводится анализ норм, относящихся к институту соучастия в преступлении, содержащихся в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уложении 1903 г., законодательстве советского периода. Подробно анализируется как само понятие соучастия в преступлении, так и формы соучастия, которые были закреплены в законодательных актах рассматриваемого периода, но больше внимание уделяется такой форме соучастия, как организованная группа.

Ключевые слова: уголовное законодательство; преступление; соучастие; умысел; предварительный сговор.

Соучастие давно известно российскому уголовному законодательству. Однако наиболее точно и юридически совершенно определение соучастия было дано только в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Так, ст. 13–17 Уложения устанавливали ответственность за соучастие в преступлении, выделяя два вида совместного участия двух и более лиц в совершении преступления: совершение преступления несколькими лицами по предварительному согласию или без него. В первом случае (ст. 15) были указаны следующие виды соучастников: зачинщики, сообщники, подстрекатели, пособники. Во втором случае (ст. 14) были выделены лишь главные виновные и участники, причем участие в совершении преступления могло быть как непосредственным, т.е. выражаться в совместном совершении преступления, так и опосредованным, которое предполагало, например, доставку средств для совершения преступления или устранение препятствий для его совершения.

Наличие предварительного сговора рассматривалось как обстоятельство, отягчающее вину и, соответственно, усиливающее уголовное наказание.

Под общей рубрикой о соучастии в Уложении содержались нормы, рассматривавшие случаи прикосновенности к преступлению: попустительство (ст. 16), заранее не обещанное укрывательство (укрывательство заранее обещанное было отнесено к пособничеству – ст. 15), недонесение (ст. 17). Последнее наказывалось лишь в случаях, когда закон обязывал довести до сведения правительства о готовившемся или совершенном преступлении (см., например, ст. 265, 271, 274 Уложения).

Нормы, устанавливавшие различия соучастия на два вида, относились к первому разделу Уложения, именуемому «О преступлении, поступках и наказаниях вообще».

Вместе с тем в Особенной части Уложения 1845 г. содержались нормы, предусматривавшие такие виды совместной преступной деятельности, которые находились за рамками института соучастия.

Так, ст. 271 предусматривала ответственность «за бунт против власти верховной», под которым понималось восстание скопом и заговором. В Уложении отсутствовало определение понятия «скоп», однако было очевидным, что под ним имелось в виду совершение преступления большой по численности группы лиц (от нескольких сотен до нескольких тысяч человек), называемой толпой. Совершение преступления толпой рассматривалось в качестве более опасного, чем совершение преступления в одиночку или в соучастии, предусмотренном ст. 13–17 Уложения. Это объяснялось тем, что индивиды в толпе приобретают сознание своей численности и особой силы, что облегчает рост низменных и насильственных стремлений. Наблюдая, что другие стремятся к тому же, «отдельный человек уже не стыдится того, чего стыдился бы, будь один; пример других ободряет его, дает в его глазах известную санкцию намеченному поступку. Падает или даже исчезает чувство ответственности, устраняется опасение, что другие осудят, ведь и они стремятся к тому же» [1. С. 159].

Статья 271 Уложения была очень похожа на ст. 19 и 20 гл. II Соборного уложения и статьи 19, 37 Артикула воинского. Она предусматривала ответственность за многие деяния, рассматривавшиеся как тяжкие государственные преступления, – восстание против государя, заговор, намерение свергнуть его с престола и др. Так же как и Свод законов (ст. 223 тома XV), под бунтом против власти Уложение понимало восстание скопом, подготовленное тайно и сопряженное с насильственными действиями. Виновными признавались как те, кто стоял во главе организации заговора, так и принимавшие в нем участие, оказавшие помощь заговорщикам в любой форме, а также те, кто не донес о заговоре. Обязательным условием для привлечения всех этих лиц к ответственности являлось знание ими цели действий: «…заговор против государя и государства, а равно умысел ниспровергнуть правительство во всем государстве или в некоторой его части, или же переменить образ правления, или установленный законом порядок наследия престола». В дальнейшем «скоп» как форма совместной преступной деятельности был помещен в Общую часть Уложения после соучастия.

Статьи 347–353 Уложения предусматривали ответственность за создание и участие в разного рода тайных обществах. В соответствии с положениями, сформулированными в этих статьях, наказанию подлежали как лица, являющиеся основателями и руководителями (начальниками) тайных обществ, члены таких обществ, имевшие представление о целях деятельности последних, так и лица, знавшие о таких обществах и не сообщившие о них правительству при наличии возможности сообщить об этом. В соответствии со ст. 347 наиболее строгому наказанию подвергались лица, при-

знанные основателями или начальниками тайных обществ, а также члены таких обществ.

Необходимость усиления борьбы с тайными обществами привела к принятию в марте 1867 г. нового закона о тайных обществах, который, с одной стороны, более четко, а с другой стороны, более широко сформулировал ответственность за создание обществ, имевших не только политический, но и социальный характер. Была установлена ответственность для обществ, дозволенных правительством, но уклонившихся от обозначенной в разрешении цели. Репрессиям подлежали все, как указывалось в законе, преследующие вредную для государственного благоустройства и общественной нравственности цель сборища, собрания, сходбища, товарищества, кружки, артели и т.п. В дальнейшем, в Уложении 1903 г., ответственность за создание тайных обществ, имеющих политический характер, была предусмотрена в гл. 3 «О бунте против верховной власти и о преступных деяниях против священной основы императора и членов императорского дома» и в гл. 5 «О смуте».

В результате изменений и дополнений, которые вносились в Уложение 1845 г., само Уложение менялось и в Особенной части появилась норма, предусматривавшая уголовную ответственность за создание шайки и вступление в нее.

В соответствии с Уложением шайка являлась формой совместной преступной деятельности по предварительному сговору. И хотя понятие «шайка» в самом законе не раскрывалось, но из его смысла можно было заключить, что под таковой понималось преступное сообщество, созданное несколькими лицами для совершения какого-либо рода преступлений вообще или для совершения какого-либо конкретного преступления.

Шайка представляла собой тайную форму совместной преступной деятельности, обязательным признаком которой являлся предварительный сговор, т.е. для признания наличия шайки необходимо было установить существование предварительного соглашения между несколькими лицами на совершение противозаконного и безнравственного деяния, запрещенного Уложением под угрозой наказания.

Известный русский ученый Н.С. Таганцев полагал, что для понятия шайки необходимо наличие известного числа сообщников, «по крайней мере трех», но обоснование такого утверждения о необходимости наличия в шайке как минимум трех лиц им не приводилось. Позднее, в 1902 г., Н.С. Таганцев в своих лекциях по уголовному праву писал, что шайка предполагает соглашение хотя бы двух лиц [2. С. 336].

Отличительным признаком шайки первого вида являлось наличие сговора на совершение нескольких преступлений, конкретно неопределенных. Во втором случае было возможно наличие уговора на совершение и одного преступления, но обязательным условием являлось наличие того обстоятельства, что шайка создается для совершения конкретного преступления и ее участники соорганизуются между собой исключительно для достижения каждому из них точно известного преступного результата.

В соответствии со смыслом рассматриваемого уголовного закона шайка представляла собой преступное сообщество людей, объединившихся для совершения ими ряда преступлений известного рода, чем такое сообщество занималось в качестве промысла, без определения конкретных случаев преступных посягательств. Например, шайки, созданные для совершения разбойных нападений, грабежей, зажигательства, изготовления фальшивых монет (ст. 924, 1633, 1639 Уложения) или же для совершения исключительно одного или нескольких преступных посягательств, предмет которых заранее был определен, например шайка, созданная для совершения поджога чужого леса (ч. 2 ст. 1613 Уложения).

Из смысла постановлений Уложения о наказаниях следует, что состав шайки образуется из ее основателей, руководителей, пособников, укрывателей и иных лиц, вступивших в шайку. В связи с этим следует отметить, что такой состав участников мог иметь место в обоих вышеупомянутых видах шаек, поскольку в законе не было указано, что известный состав либо организация составляют исключительную принадлежность или обязательное условие какого-либо одного из двух названных выше сообществ.

Различия выделенных видов шаек состояли в том, что в первом случае имел место сговор на совершение неопределенных преступлений, что являлось преступным ремеслом соучастников, во втором же случае предмет преступного посягательства был известен соучастникам и шайка создавалась ими непосредственно в целях совершения заранее оговоренных преступлений.

Анализ содержащихся в Уложении норм позволяет говорить о том, что при совершении преступлений шайкой не являлось обязательным условием выполнение объективной стороны состава преступления всеми участниками сообщества. Преступление непосредственно могло быть совершено даже одним из участников, но при условии, что виновный в его совершении исполнитель являлся членом шайки и преступление, которое он непосредственно совершил, планировалось и остальными участниками. Поэтому уголовно-правовое воздействие распространялось на всех членов шайки. Из этого следует, что анализируемое Уложение предполагало установление уголовной ответственности лиц, хотя непосредственно и не принимавших участие в учинении преступного деяния, но определенным образом имевших к нему отношение, что обусловливало наступление преступного результата. В данном случае речь идет о соучастии с разделением ролей (ст. 1645).

Дальнейшим шагом в развитии российского уголовного законодательства об организованных группах явилось утверждение 22 марта 1903 г. Николаем II Уголовного уложения.

Уголовное уложение существенно отличалось от предшествующего Уложения. Прежде всего своей краткостью – всего 687 статей (вместо 2 304). Общая часть Уголовного уложения включала 72 статьи, размещенные в восьми отделениях, которые регламентировали понятие преступления, категоризацию уголов-

ных деяний, виды наказаний, действие уголовного закона в пространстве, снижение и замену наказания, обстоятельства, усиливающие и устраняющие наказуемость.

В Уголовном уложении не просто предусматривалась уголовная ответственность за создание организованной группы и вступление в нее (под которой понималась шайка), но и впервые в отечественном уголовном праве давалось определение понятия «шайка». Под шайкой понималось сообщество, созданное для учинения нескольких преступлений или проступков безотносительно к их определенности или неопределенности. Шайка в соответствии с Уголовным уложением противопоставлялась преступному сообществу, которое создавалось для учинения отдельного тяжкого преступления или проступка (ст. 52).

Очевидно, что произошло изменение законодательного подхода к пониманию организованной преступной группы – шайки, по сравнению с предшествовавшим законодательством.

Отличительной чертой нового подхода являлось то, что в соответствии с Уголовным уложением шайкой можно было признавать только такую группу лиц, которая сорганизовалась для совершения нескольких преступлений независимо от того, оговорены ли были конкретно эти преступления участниками заранее или нет.

Как отмечалось выше, ранее действовавшее законодательство признавало шайкой группу лиц, составленную для совершения даже одного преступления, но заранее оговоренного соучастниками. Н.С. Таганцев относительно такого подхода полагал, что понятие шайки, созданной для совершения единичного преступления, трудно отличить от обыкновенного соглашения на совершение преступления [2. С. 132]. Можно по-разному относиться к мнению великого русского ученого, однако нельзя не видеть его стремление к поиску реальных признаков, характерных для организованных преступных групп, каковыми, без сомнения, являлись шайки.

Задача, которая стояла перед исследователями и законодателем о разграничении простого предварительного соглашения на совершение преступления и шайки, а следовательно, и установление обоснованных пределов и оснований уголовной ответственности соучастников, в Уголовном уложении 1903 г. была известным образом решена.

Именно такое решение проблемы разведения двух обозначенных выше понятий легло в основу дальнейшего развития уголовно-правовых исследований как института соучастия вообще, так и его форм (и, в частности, такой формы, как организованная группа).

Развитие советского уголовного законодательства происходило достаточно активно. Это обусловливалось, в первую очередь, динамичным развитием Советского государства и его основных институтов, в том числе и политических.

В период проведения Октябрьской революции (1917–1918 гг.) источниками уголовного права служили обращения к населению правительства, постановления съезда Советов, декреты, наказы местных Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, инструкции Наркомюста, а также судебная практика. Так, нормы о соучастии в преступлении содержались в декретах 1918 г. о взяточничестве, спекуляции, набатном звоне.

В течение нескольких месяцев после революции декретами о суде № 1 от 24 ноября 1917 г. и № 2 от 7 марта 1918 г. разрешалось применение судами дореволюционного уголовного законодательства, если оно не отменялось революцией и не противоречило революционной совести.

Декрет о суде № 3 от 3 ноября 1918 г. уже не содержал положения об использовании законов свергнутых правительств.

Отправной точкой развития советского уголовного права является принятие 12 декабря 1919 г. Народным Комиссариатом юстиции постановления, именуемого «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР». Начала содержали лишь общие нормы уголовного права и являлись основой постановлений и декретов государственных органов, определявших уголовно-наказуемые деяния и устанавливавших уголовную ответственность.

«Руководящие начала...» содержали раздел, посвященный соучастию в преступлении, где в ст. 21 определялось, что «за деяния, совершенные сообща группой лиц (шайкой, бандой, толпой), устанавливается уголовная ответственность как исполнителей, так и других соучастников, которыми признавались подстрекатели и пособники. Статьи 22–24 определяли, кто является соответственно исполнителем, подстрекателем, пособником.

Под группой лиц понималась шайка, банда или толпа, однако определений этих понятий в «Руководящих началах» не было.

В законе отсутствовали какие-либо указания на отличительные черты упомянутых групповых образований. В ст. 21 «Руководящих начал» указывалось на признаки, характерные для всех проявлений соучастия. Это, во-первых, количественный признак, который усматривается в указании закона о группе лиц, предполагающей наличие по меньшей мере двух субъектов, но непосредственное указание на количественный состав группы отсутствовало.

Основополагающим признаком группы, будь то шайка, банда или толпа, «Руководящие начала» определяли совершение преступления сообща. Этот признак, именуемый в настоящее время совместностью, был впервые упомянут в ст. 51 Уголовного уложения 1903 г.

Отметим, что в «Положении о революционных военных трибуналах», утвержденных декретом ВЦИК от 20 ноября 1919 г. (как видно, до утверждения «Руководящих начал» по уголовному праву), в ст. 4, где определялась подсудность военных трибуналов, упоминается о совершении некоторых преступлений шайкой. Речь идет о таких преступлениях, как мародерство, посягательство на жизнь человека, изнасилование, разбой, грабеж, поджог, подделка документов и денежных знаков. Военный трибунал рассматривал

дела об этих преступлениях, учиненных военнослужащими и военнопленными, при условии, если они были совершены шайкой. Анализ данной процессуальной нормы позволяет сделать вывод о том, что для признания наличия шайки требовалось установить существование предварительного сговора на совершение преступления, поскольку шайка именно для этого и объединяется, что предполагает возникновение договоренности до начала выполнения объективной стороны конкретного состава преступления.

Существование такой формы соучастия, как группа лиц по предварительному сговору, можно подтвердить указанием «Руководящих начал» на наличие соучастника в преступлении, именуемого подстрекателем, которым считалось лицо, склонявшее к совершению преступления.

Других положений уголовного закона о необходимости существования предварительного сговора для признания шайки или банды на тот период не имелось. О других признаках шайки или банды в послереволюционном законодательстве России не упоминалось. В рассматриваемый период в стране преследовались создание и деятельность контрреволюционных организаций, но кроме цели, других признаков этих групповых образований постановления и декреты советских органов государственной власти не определяли.

Уже в июне 1920 г. вопрос о разработке Уголовного кодекса был внесен на рассмотрение Всероссийского съезда деятелей юстиции. Было разработано несколько вариантов официальных проектов Уголовного кодекса. Проекты УК обсуждались в январе 1922 г. на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции, в котором принимали участие 5 500 делегатов.

На пленарном заседании ВЦИК 23 мая 1922 г. в результате постатейного обсуждения проекта было одобрено большинство замечаний к нему и внесены новые поправки, а уже 1 июня 1922 г. УК РСФСР вошел в силу. Это был самый краткий из всех известных мировой истории уголовного права кодекс: всего 218 статей.

Институту соучастия в преступлении были посвящены ст. 15 и 16 Уголовного кодекса, которые носили общий характер, поскольку в них отсутствовало определение понятия «соучастие» и ничего не говорилось о его формах. Содержалось лишь указание на то, что за преступление наказываются как исполнители, так подстрекатели и пособники, а также определялось, кто является таковыми.

В Особенной части УК РСФСР 1922 г. были нормы, предусматривающие ответственность за совершение преступлений шайкой, бандой, однако их легального определения не содержалось. Так, из ст. 76 УК следовало, что бандой является вооруженная шайка, за организацию и участие в которой, а также за организуемые ею преступления устанавливается уголовная ответственность. А единственным легальным признаком банды является ее вооруженность.

Анализ норм Особенной части УК позволяет вычленить хотя прямо в законе и не указанную, но им предполагаемую фигуру организатора или их определенного числа. Например, в ст. 76 УК устанавливалась ответственность за организацию банд, что предполагало возможность наличия лица, выполнявшего преступные организационные функции. В этой же статье говорилось и об ином участии в банде, т.е. предполагалось наличие функционального деления ролей соучастников в совершении преступления, что указывало на более высокую степень организации преступной деятельности в банде по сравнению с другими формами соучастия в преступлении. Это подтверждается и тем, что в ч. 2 ст. 76 УК отдельно выделялась такая форма совместной преступной деятельности, как отношение к деятельности банд в виде пособничества последним, их укрывательство в целом, а также отдельных участников, а равно и сокрытие добытого преступным путем и следов преступления.

Все эти положения в полной мере относились и к шайке, за одним изъятием, в шайке отсутствовал признак вооруженности.

Совершение преступления бандой или шайкой в отдельных случаях являлось квалифицирующим обстоятельством и влекло усиление уголовной ответственности. Например, ч. 2 ст. 183 УК устанавливала уголовную ответственность за грабеж, совершенный группой лиц (шайкой), ч. 2 ст. 184-2 УК называла разбой, совершенный группой лиц, бандитизмом и устанавливала повышенную уголовную ответственность по сравнению с простым разбоем.

После принятия Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. республиканские Уголовные кодексы подлежали привидению в соответствие с ними.

УК РСФСР признал себя преемником первого советского УК 1922 г., поэтому назывался Уголовным кодексом РСФСР в редакции 1926 г. Кодекс был принят второй сессией ВЦИК 12-го созыва и введен в действие 1 января 1927 г.

Уголовный кодекс по примеру УК 1922 г. в своих нормах о соучастии в преступлении не давал его легального определения, указывая в ст. 17 лишь на то, что за совершение преступления одинаково несут ответственность как исполнители, так и их соучастники – подстрекатели и пособники.

В Особенной части УК РСФСР содержались нормы, реализация которых предполагала известные уже формы соучастия: шайка и банда.

В ст. 58-11 УК устанавливалась уголовная ответственность за всякого рода организованную деятельность, направленную на подготовку или совершение государственных преступлений, а равно и за участие в организации, образованной для подготовки и совершения одного из преступлений против государства. Анализ этой нормы позволяет вычленить возможную фигуру организатора, который отличается от иных участников тем, что обусловливает существование определенной преступной организованной группы. Термин «организованная деятельность» позволяет полагать, что таковая усиливает, по мнению законодателя, общественную опасность преступления, совершенного подобного рода организацией.

В соответствии со ст. 58-11 меры социальной защиты (т.е. наказание) применялись к лицам, органи-

зующим и участвующим в таких организациях независимо от того, совершено ли ими было какое-либо государственное преступление. Положения ст. 58-11 носили специальный характер и распространялись только на преступления против государства.

Уголовный кодекс 1926 г. оперировал и таким термином, как бандитизм. А ст. 59-3 определяла, что таковым признается организация вооруженных банд и участие в них и организуемых ими нападениях на советские и частные учреждения или отдельных граждан, остановках поездов и разрушениях железнодорожных путей или иных средств сообщения и связи.

Признаки банды, кроме вооруженности, не определялись, и о них можно было судить, лишь предполагая их наличие, основываясь на анализе правовой нормы.

Безусловно, что для банды был важен и количественный признак, т.е. наличие определенного состава участников и их функциональное различие. Это положение вытекает из того, что в ст. 59-3 УК 1926 г. разделялись понятия организации банд и участие в них. Для банды была характерна специальная цель – совершение нападений на граждан и организации и совершение преступлений, посягающих на нормальное функционирование транспорта и связи.

Умышленный характер деятельности соучастников в законе не был обозначен в качестве необходимого признака, поскольку, как уже говорилось выше, понятие соучастия в УК 1926 г. вообще отсутствовало. О необходимости наличия у участников банды прямого умысла свидетельствовало лишь то обстоятельство, что вооруженная организация создавалась со специальной целью, что предполагало осознание этой цели всеми участниками. Представляется, что содействие каким-либо образом банде по неосторожности не должно было вести к установлению уголовной ответственности за бандитизм.

Уголовное законодательство 1930-х гг. относится к наиболее мрачным периодам российской истории. Именно оно как наиболее репрессивное из всех правовых средств стало использоваться в нормотворческой и правоприменительной деятельности как орудие массовых репрессий. Уголовная политика стала базироваться на глубоко ошибочной сталинской концепции усиления классовой борьбы по мере строительства социализма.

18-й Пленум Верховного Суда СССР от 2 января 1928 г. внес свою лепту в беззаконие. Он разъяснил, что под контрреволюционными действиями надо понимать действия, «когда совершивший их хотя и не ставил прямо контрреволюционной цели, однако сознательно допускал их наступление или должен был предвидеть общественно опасный характер последствий своих действий» [3. С. 90].

В результате таких «рекомендаций» высшего судебного органа страны Уголовно-кассационная коллегия Верховного Суда РСФСР вынуждена была в отчете отметить многочисленные случаи незаконного осуждения за контрреволюционные преступления не «классово враждебных элементов», а бедняков и середняков, совершивших бытовые преступления, преступления против порядка управления и хозяйственные преступления [4. С. 8].

В результате тотального террора, граничащего с геноцидом, жертвами уголовной репрессии в тот период времени стали миллионы людей. По уточненным данным, установленным коллегией КГБ СССР 13 марта 1990 г., с 1930-х по 1953 г. было осуждено за контрреволюционные преступления судебными и внесудебными органами 3,7 млн человек, из них 790 тыс. расстреляны [5].

4 июня 1947 г. Президиумом Верховного Совета СССР было издано два Указа: 1) «Об усилении охраны личной собственности граждан» и 2) «Об уголовной ответственности за хищение государственного или общественного имущества».

Первый указ в ч. 2 ст. 2 устанавливал уголовную ответственность за кражу, совершенную воровской шайкой, при этом определение воровской шайки отсутствовало.

Анализируя уголовное законодательство того времени, можно предположить, что шайка представляла собой форму соучастия в преступлении. Соответственно, ей были присущи все признаки соучастия, которые в УК РСФСР 1926 г. не определялись, но установить их, используя метод логического толкования закона, возможно.

В отличие от банды, воровская шайка не обладала признаком вооруженности, но сходство этих двух форм соучастия состояло в наличии специальных целей, которые не были идентичны.

Термин «воровская шайка» прямо предполагал цель, для которой она создавалась, – это совершение исключительно краж.

В ч. 2 ст. 2 Указа устанавливалась уголовная ответственность за разбой при ряде квалифицирующих обстоятельств, и одним из них являлось совершение разбоя шайкой. В статье не указывались конкретные цели, для достижения которых создавалась шайка.

Таким образом, можно говорить о том, что уголовное законодательство рассматриваемого периода предполагало наличие шаек вообще, но уголовная ответственность за их создание, организацию и руководство ими непосредственно не устанавливалась. Совершение преступления шайкой являлось квалифицирующим обстоятельством. Отметим, что в п. «в» ч. 2 ст. 47 УК 1926 г. в качестве отягчающих обстоятельств было указано совершение преступления группой или бандой. В этой связи возникает вопрос о соотношении понятий «группа» и «шайка». Ответ на него содержится в ст. 2 Указа «Об уголовной ответственности за хищение государственного или общественного имущества», где устанавливалось более строгое наказание за хищение государственного имущества, совершенного организованной группой (шайкой). Такая формулировка прямо указывала, что шайка есть разновидность группы, но в отличие от простой преступной группы, о которой говорилось в п. «в» ч. 2 ст. 47 УК 1926 г., шайка обладала дополнительной характеристикой – наличием организованности.

Что законодатель понимал под организованной группой – неизвестно, поскольку никаких дефиниций в УК 1926 г. в Указах от 4 июня 1947 г. не содержа-

лось. Однако в теории уголовного права того времени велись дискуссии по вопросу определения понятий шайки и организованной группы.

Таким образом, можно говорить, что на законодательном уровне уже были заложены основы разделения простой преступной группы и организованной преступной группы.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. не устанавливал уголовную ответственность за создание шайки и участие в ней. Но в ст. 16 содержалось положение, в соответствии с которым если то или иное деяние прямо не предусматривалось кодексом, то основания и пределы ответственности за него определялись применительно к тем статьям кодекса, которые предусматривали сходные по роду преступления. Другими словами, УК 1926 г. допускал аналогию закона. В этой связи отметим, что создание и участие в организованной преступной группе (шайке) по своей сути было сходно с бандитизмом, за который устанавливалась уголовная ответственность в ст. 59-3 УК, за исключением признака вооруженности, который был обязательным только для банды.

Используя положения ст. 16 УК, возможно было, не противореча закону, привлекать к уголовной ответственности организаторов и иных участников организованных преступных групп.

В 1958 г. были приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР, на основе которых в 1969 г. был принят УК РСФСР, действовавший, как известно, до 1 января 1997 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Познышев С.В.* Учебник уголовного права. М., 1923. С. 159.
2. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. I–II. М., 1994. С. 336.
3. *Справочник* по вопросам судебной практики. М., 1937. С. 90.
4. *Сборник* постановлений и определений Верховного Суда СССР. М., 1940. С. 8.
5. *Правительственный* вестник. 1990. № 7.

Статья представлена научной редакцией «Право» 21 сентября 2015 г.

RUSSIA'S CRIMINAL LEGISLATION OF THE 19TH – FIRST HALF OF THE 20TH CENTURIES ON ORGANIZED CRIMINAL GROUPS

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 233–238. DOI: 10.17223/15617793/401/34

Prozumentov Lev M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krim_tsu@mail.ru

Keywords: criminal legislation; crime; complicity; intent; preliminary collusion.

Russian criminal law has long been aware of complicity. However, a more concrete and legally perfect definition of complicity was described in the Penal Code and Criminal Correction Act of 1845. The Penal Code describes two types of collaborative commitment of a crime: the crime was committed by several people with prior agreement or without it. A prior agreement to commit a crime was seen as the basis for increasing the severity of the guilt and, thus, increasing the criminal penalty. Certain standards described in the special part of the Penal Code of 1845 are analyzed as well. This part takes into account certain joint criminal activity that occurred outside the frames of the institution of complicity, but, at the same time, assumes responsibility for the criminal acts of several people: revolt en masse, conspiracy, organization of secret societies, and so on. The author devotes special attention to the norm that establishes responsibility for organization of gangs and gang crimes, considering this form of participation in crimes to be the essence of modern organized groups. Through this precise lens the author analyzed gangs as a form of joint criminal activity described in the wording of the Criminal Law of 1903. The author notes that the development of the Soviet criminal law happened quite actively. In this context he analyzed documents having to do with the early years of Soviet rule and noticed that, ignoring their large quantity, the starting point of the development of the Soviet criminal law and the institution of complicity are the "Guiding Principles of Criminal Law in the RSFSR" of December 12th, 1919. This document is then analyzed quite extensively. The law analyzes the institutional norms of joint criminal activity described in the Criminal Code of the RSFSR of 1922, the Criminal Code of the RSFSR of 1926, and other such documents that in one way or the next touch upon this topic, whether it is joint criminal activity in general or participation in criminal activity as part of an organized group.

REFERENCES

1. Poznyshev, S.V. (1923) *Uchebnik ugolovnogo prava* [Textbook of Criminal Law]. Moscow: Yurid. izd-vo Narkomyusta.
2. Tagantsev, N.S. (1994) *Russkoe ugolovnoe pravo. Lektsii. Chast' obshchaya* [Russian criminal law. Lectures. The General Part]. V. I–II. Moscow: Nauka.
3. Askarkhanov, S.S. & Iodkovskiy, A.N. (1937) *Spravochnik po voprosam sudebnoy praktiki* [Handbook on Jurisprudence]. Moscow: Yurizdat.
4. Anon. (1940) *Sbornik postanovleniy i opredeleniy Verkhovnogo Suda SSSR* [Collection of resolutions and rulings of the USSR Supreme Court]. Moscow: Yurizdat.
5. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1990) 7.

Received: 21 September 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 239–243. DOI: 10.17223/15617793/401/35

УДК 347.9

Т.И. Суздальцева

СУБЪЕКТЫ ПРАВА НА КОМПЕНСАЦИЮ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СУДОПРОИЗВОДСТВО В РАЗУМНЫЙ СРОК ИЛИ ПРАВА НА ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНОГО АКТА В РАЗУМНЫЙ СРОК

Анализируются субъекты права на компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок. На основании анализа действующих норм ГПК РФ и АПК РФ автор определяет субъектов права на компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок. Кроме того, исследуется правовое положение такого субъекта компенсационного права, как прокурор.

Ключевые слова: субъекты компенсационного права; заинтересованное лицо; прокурор.

Особого внимания заслуживает анализ субъектов права на компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок (далее – субъекты права на компенсацию за нарушение разумных сроков).

Возникает вопрос, все ли субъекты гражданского процессуального отношения являются носителями права на компенсацию за нарушение разумных сроков?

Представляется, что юрисдикционные органы и их должностные лица, а также орган, организация или должностное лицо, на которые возложены обязанности по исполнению судебного акта, как участники гражданского процессуального отношения не являются носителями такого права по следующим причинам.

Во-первых, указанные субъекты обладают государственно-властными правомочиями по отношению к иным субъектам гражданского процессуального отношения.

Во-вторых, государством на них возложена обязанность по осуществлению судопроизводства в разумный срок и исполнению судебных актов, предусматривающих обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, в разумный срок.

Таким образом, юрисдикционные органы и их должностные лица, а также судебные приставы-исполнители – обязанные субъекты по отношению к иным участникам гражданского процессуального отношения, являющимся носителями субъективного права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок.

При этом из содержания ч. 1 ст. 257 Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ), ч. 3 ст. 222.8 АПК РФ и положений ч. 6 ст. 1, ч. 9 ст. 3 Федерального закона РФ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» от 30.04.2010 № 68-ФЗ (далее – Закон № 68-ФЗ) [1] следует, что указанные выше лица не являются ответчиками по делам компенсационного производства. Так, орган, организация или должностное лицо, на которые возложены обязанности по исполнению судебного постановления, являются только заинтересованными лицами, которых судья обязан определить в качестве таковых при подготовке дела к судебному разбирательству. А лица, осуществляющие судопроизводство, не являются ни ответчиками, ни заинтересованными лицами по данной категории дел.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что юрисдикционные органы и их должностные лица, а также судебные приставы-исполнители как участники гражданского процессуального отношения не являются субъектами права на компенсацию за нарушение разумных сроков.

При этом юрисдикционные органы и их должностные лица, не принимавшие участие в рассмотрении конкретного дела, по которому заявлено требование о присуждении компенсации в связи с нарушением разумных сроков судопроизводства, являются субъектами компенсационного производства как носители властных правомочий по отношению к иным лицам, участвующим при рассмотрении данной категории дел.

Далее обратимся к другой группе субъектов гражданского процессуального отношения, не обладающих государственно-властными правомочиями в судебном процессе, которые определены в ст. 34 ГПК РФ, ст. 40 АПК РФ.

Так, истцы по делам искового производства, заявители по делам приказного, особого производства, по делам, возникающим из публичных правоотношений, по делам о несостоятельности (банкротстве) как лица, инициировавшие возбуждение производства по делу в суде, обладают субъективным правом, гарантированным государством, на осуществление судопроизводства в разумный срок. Следовательно, данные лица являются субъектами права на компенсацию за нарушение разумных сроков судопроизводства в случае нарушения такого субъективного права.

Что касается другой стороны искового производства – ответчика как лица, являющегося носителем какой-либо обязанности по отношению к истцу, инициировавшему процесс, то представляется, что он, будучи не всегда заинтересованным в рассмотрении дела в разумный срок[1], все-таки является субъектом права на компенсацию за нарушение разумных сроков судопроизводства, поскольку наличие обязанности по отношению к истцу является спорным фактом, подлежащим доказыванию, а потому лицо, считающее себя добросовестным участником гражданских правоотношений, заинтересовано в скорейшем рассмотрении дела для возврата себе доброго имени.

Поскольку другой стороне приказного производства – должнику в соответствии со ст. 129 ГПК РФ гарантировано право отмены судебного приказа на основании поданного им заявления, он также признается субъектом права на компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

Полагаем, что заинтересованные лица по делам о несостоятельности (банкротстве) (должник, кредиторы) также имеют право на осуществление судопроизводства в разумный срок, а соответственно, являются субъектами права на компенсацию за нарушение разумных сроков судопроизводства.

В особом (бесспорном) производстве к лицам, участвующим в деле, помимо заявителя также относятся и другие заинтересованные лица (ч. 2 ст. 263 ГПК РФ).

Хотелось бы обратить внимание на то, что, как правило, дела особого производства и, в частности, дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение (гл. 28, ст. 264–268 ГПК РФ), рассматриваются в отсутствие заинтересованных лиц, надлежащим образом извещенных о времени и месте рассмотрения дела[2].

Данное обстоятельство объясняется бесспорным характером особого производства.

Вместе с тем заинтересованные лица по делам особого производства являются субъектами права на компенсацию за нарушение разумных сроков судопроизводства, поскольку при рассмотрении дела не исключено возникновение спора о праве между заявителем и заинтересованным лицом.

Наличие спора о праве также не исключено при рассмотрении дела по существу в порядке публичного судопроизводства. В связи с этим заинтересованные лица по делам, возникающим из публичных правоотношений, являются субъектами права на компенсацию за нарушение разумных сроков судопроизводства.

Третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора (ст. 42 ГПК РФ, ст. 50 АПК РФ), и третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора (ст. 43 ГПК РФ, ст. 51 АПК РФ), в силу своего правового статуса относятся к субъектам права на компенсацию за нарушение разумных судопроизводства по следующим причинам.

Так, цель вступления указанных выше лиц в процесс, инициированный другими лицами, обусловлена защитой, принадлежащих им субъективных прав или законных интересов, противоположных правам и интересам сторон (истца, ответчика).

В связи с этим третьим лицам, заявляющим (не заявляющим) самостоятельные требования на предмет спора, принадлежит субъективное право на осуществление судопроизводства в разумный срок, в случае нарушения которого данные лица предполагаются субъектами права на компенсацию.

Из анализа ст. 34 ГПК РФ, ст. 40 АПК во взаимосвязи с положениями 45–47 ГПК РФ, ст. 52, 53 АПК РФ следует, что к лицам, участвующим в деле, относятся также прокурор, государственные органы, органы местного самоуправления, организации или граждане, обращающиеся от своего имени в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц по их просьбе, либо в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, либо в защиту публичных интересов.

Названные лица инициируют гражданский либо арбитражный процесс, т.е. являются процессуальными истцами.

Такие лица, реализующие свое право на обращение в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц по их просьбе, либо в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, либо в защиту публичных интересов, не являются субъектами права на компенсацию за нарушение разумных сроков, поскольку их процессуальные действия направлены на защиту не своих субъективных прав и законных интересов и они обладают в данном случае только процессуальным интересом.

Другую категорию субъектов гражданского процессуального отношения, которые не обладают государственно-властными правомочиями в судебном процессе – лиц, содействующих правосудию, нельзя отнести к субъектам права на компенсацию за нарушение разумных сроков по следующим причинам.

Исходя из содержания ч. 2 ст. 9, ч. 1 ст. 55, ст. 69, 70, 80, 162, ч. 3 ст. 188 ГПК РФ, ч. 2 ст. 12, ст. 55–57, ч. 2 ст. 64, ст. 86 АПК РФ, ст. 59 Федерального закона РФ «Об исполнительном производстве» от 02.10.2007 № 229-ФЗ [2], к таким лицам относятся: свидетель, эксперт, специалист, переводчик, понятой, которые не обращаются в суд за защитой какого-либо субъективного права (законного интереса), а привлекаются судом в случае необходимости для полного и всестороннего разрешения конкретного дела, что исключает юридическую заинтересованность в исходе дела как материально-правового, так и процессуального характера.

Таким образом, свидетель, эксперт, специалист, переводчик, понятой не относятся к числу лиц, которым государство в лице уполномоченных органов гарантирует осуществление судопроизводства или исполнение судебного акта в разумные сроки. В связи с этим данные лица не обладают и не могут обладать субъективным правом на компенсацию за нарушение разумных сроков.

Анализ изложенного выше позволяет сделать вывод о том, что к субъектам права на компенсацию за нарушение разумных сроков относятся:

1) истцы и ответчики по делам искового производства;

2) взыскатель и должник по делам приказного производства;

3) заявители и заинтересованные лица по делам особого производства;

4) заявители и заинтересованные лица по делам, возникающим из публичных правоотношений;

5) заявители и заинтересованные лица по делам о несостоятельности (банкротстве);

6) третьи лица, заявляющие (не заявляющие) самостоятельные требования на предмет спора.

Иными словами, это лица, обладающие материально-правовым (личным) интересом в исходе дела.

В ч. 1. ст. 1 Закона № 68-ФЗ [1] определен перечень субъектов, уполномоченных на обращение в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение разумных сроков.

На страницах юридической печати высказываются следующие мнения.

Л.А. Грось считает, что в ч. 1 ст. 1 Закона № 68-ФЗ [1] неполно указаны лица, которые могут обратиться с соответствующим заявлением [3. С. 3].

А.Н. Борисов полагает, что в ч. 1 ст. 1 Закона № 68-ФЗ [1] подразумеваются также заявители по делам особого производства и по делам, возникающим из публичных правоотношений [4. С. 5–6].

В действительности заинтересованному лицу в порядке, установленном законодательством об арбитражном судопроизводстве, предоставлено право на обращение в суд с требованием о присуждении ему компенсации за нарушение разумных сроков (ч. 1 ст. 4, ч. 1 ст. 222.1 АПК РФ).

Вместе с тем действующим законодательством о гражданском судопроизводстве заинтересованному лицу такого права не предоставлено (ч. 1 ст. 3 ГПК РФ в редакции ФЗ от 08.03.2015 № 23-ФЗ). При этом ч. 1 ст. 3 ГПК РФ (в ранее действующей редакции ФЗ от 30.04.2010) предусматривала право заинтересованного лица на обращение в суд с требованием о присуждении ему компенсации за нарушение разумных сроков.

Необходимо отметить, что с 15.09.2015 г. вступил в законную силу КАС РФ, в связи с этим с 15.09.2015 г. утратила силу глава 22.1 ГПК РФ «Производство по рассмотрению заявлений о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок». Приведенная выше категория дел отнесена к административному судопроизводству и регулируется гл. 26 КАС РФ «Производство по административным делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (ст. 250–261).

Из содержания ч. 1 ст. 250 КАС РФ следует, что любое лицо, полагающее, что государственным органом, органом местного самоуправления, иным органом, организацией, должностным лицом нарушено его право на судопроизводство в разумный срок или право на исполнение судебного акта в разумный срок, имеет право на подачу административного искового заявления о присуждении компенсации за нарушение такого права.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» от 23.12.2010 № 30 № 64 (далее – Постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 30/64) [5] разъяснено право заявителей по делам особого производства и по делам, возникающим из публичных правоотношений, на подачу заявления о присуждении компенсации (п. 4).

При этом остается открытым вопрос, какие именно другие заинтересованные лица в случаях прямого предписания закона уполномочены на обращение в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение разумных сроков?

Ответ на поставленный вопрос содержится в ст. 45–47 ГПК РФ, ст. 52, 53АПК РФ, которые предусматривают право прокурора, государственных органов, органов местного самоуправления, организаций или граждан на обращение от своего имени в суд с целью защиты чужих прав и интересов.

Из разъяснений, содержащихся в п. 6 Постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 30/64 [5], следует, что согласно ч. 1 ст. 45 ГПК РФ прокурор вправе обратиться в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок в защиту интересов гражданина, который относится к числу лиц, имеющих право требовать присуждения компенсации.

Приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском процессе» от 26.04.2012 № 181 на прокурора, предъявившего иск (заявление) в интересах гражданина, возложена обязанность по принятию мер к обеспечению эффективной защиты нарушенного права указанного гражданина на судопроизводство в разумный срок посредством обращения при наличии к тому оснований к председателю соответствующего суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела, а также в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок (п. 5) [6].

Следовательно, речь идет об инициативной форме участия прокурора [7. С. 205] при рассмотрении дел компенсационного производства. При этом в приказе Генерального прокурора от 26.04.2012 № 181 [6] обращается внимание на обязанность прокурора, предъявившего иск (заявление) в интересах гражданина, по принятию мер к обеспечению эффективной защиты только нарушенного права гражданина на судопроизводство в разумный срок, но отсутствует указание на принятие мер к обеспечению эффективной защиты нарушенного права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Таким образом, законодатель отводит прокурору как субъекту компенсационного права усеченно-пассивную роль.

Однако представляется, что прокурор как орган надзора за исполнением законов, в том числе Закона № 68-ФЗ [1] на территории Российской Федерации, должен реагировать на выявленные им нарушения, причем независимо от формы своего участия в рассмотрении дела.

В связи с этим считаем необходимым создание внутри судебной системы каждого субъекта Российской Федерации органа, осуществляющего контроль за соблюдением судами общей юрисдикции, арбитражными судами разумных сроков судопроизводства и исполнения судебных актов. Указанный орган предлагаем именовать следующим образом: «Кон-

трольный судебный орган по осуществлению судопроизводства и исполнения судебных актов в разумные сроки». Данный орган должен находиться в подчинении Верховного Суда РФ.

В состав этого органа должно войти 7 человек, из которых: 3 судьи, замещающие должности председателей районного (городского) суда; 1 судья, замещающий должность председателя арбитражного суда; 1 судья, замещающий должность председателя суда субъекта (суд республики, областной, суд автономной области и автономного округа); 2 судьи, замещающих должности заместителя председателя суда субъектов (суд республики, областной, суд автономной области и автономного округа).

Задача данного органа будет заключаться в принятии соответствующих мер по пресечению нарушений права на судопроизводство в разумный срок.

Названный орган при поступлении обращения от прокурора должен провести проверку и принять соответствующие меры реагирования (в виде проведения служебной проверки) в отношении должностного лица, действия которого повлекли нарушения права на судопроизводство в разумный срок. Председатель Верховного Суда РФ в обязательном порядке должен быть уведомлен о данном факте.

При анализе правового положения такого субъекта компенсационного права, как прокурора, обращает на себя внимание то, что с даты вступления в силу (04.05.2010 г.) Закона № 68-ФЗ [1] по 31.05.2015 г. в Томский областной суд и Московский областной суд от прокурора, действующего в защиту интересов гражданина, не поступало заявлений о присуждении компенсации за нарушение разумных сроков[3].

Данное обстоятельство свидетельствуют либо о пассивном участии прокурора в обеспечении эффективной защиты нарушенного права гражданина на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, либо о соблюдении судами разумных сроков судопроизводства и отсутствии нарушений права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Что касается государственных органов, органов местного самоуправления, вступающих в уже инициированный другими лицами гражданский процесс для дачи заключения по делу, то они в отличие от прокурора органами реагирования на нарушения законности не являются.

В связи с чем данные лица не обладают правом подачи заявления о присуждении компенсации за нарушение разумных сроков.

Итак, субъектами компенсационного права являются лица, обладающие правом подачи заявления о присуждении компенсации за нарушение разумных сроков, в целях возбуждения компенсационного производства по установлению факта нарушения права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного постановления в разумный срок и получения компенсации за нарушение данных прав.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Например, ответчик по гражданскому делу по иску о взыскании с него суммы задолженности по кредитному договору, об обращении взыскания на заложенное имущество, может препятствовать своевременному рассмотрению дела с целью оттягивания возврата задолженности на более длительный срок.

[2] Изучены дела районных судов г. Томска за период 2007–2015 гг.

[3] Такие данные получены при обозрении автором практики Томского областного суда и Московского областного суда по компенсационным делам.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Собрание* законодательства Российской Федерации. 2010. № 18. Ст. 2144.
2. *Собрание* законодательства Российской Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.
3. *Грось Л.А.* О Федеральных законах, принятых с целью обеспечить реализацию права на судопроизводство в разумный срок // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 9. С. 2–6.
4. *Борисов А.Н.* Комментарий к ФЗ от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Юстицинформ. 2011.
5. *Российская* газета. 2011. 14 янв. № 5381.
6. *Законность.* 2012. № 6.
7. *Осокина Г.Л.* Гражданский процесс. Общая часть. М. : Юристъ, 2003. 669 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 11 декабря 2015 г.

HOLDERS OF THE RIGHT TO COMPENSATION FOR VIOLATION OF THE RIGHT TO A FAIR TRIAL WITHIN A REASONABLE TIME OR THE RIGHT TO EXECUTE A JUDICIAL ACT WITHIN A REASONABLE TIME

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 239–243. DOI: 10.17223/15617793/401/35

Suzdaltseva Tatyana I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: suzdalceva_tatya@mail.ru

Keywords: holders of right to compensation; interested party; prosecutor.

This paper analyzes the holders of the right to compensation for violation of the right to a fair trial within a reasonable time or the right to execute a judicial act within a reasonable time. Based on the applicable laws, it considers the question of whether all parties to the civil procedural relations are the holders of the right to compensation for violation of the right to a fair trial within a reasonable time or the right to execute a judicial act within a reasonable time. In this context, the author determines the following holders of the right to compensation for violation of the right to a fair trial within a reasonable time or the right to execute a judicial act within a reasonable time: 1) plaintiffs and defendants in adversary proceedings; 2) creditors and debtors in writ proceedings; 3) claimants and interested parties in special proceedings; 4) claimants and interested parties in proceedings arising from public legal relations;

5) claimants and interested parties in special insolvency / bankruptcy proceedings; 6) third parties filing / not filing their own, separate claims for the subject of the dispute. In other words, these are persons with a substantive (personal) interest in the outcome of the case. Persons entitled to apply to a court for compensation for violation of the right to a fair trial within a reasonable time or the right to execute a judicial act are listed in Part 1, Article 1 of the RF Federal Law No. 68-FZ of April 30, 2010 "On the Compensation for Violation of the Right to a Fair Trial within a Reasonable Time or the Right to Execute a Judicial Act within a Reasonable Time"; Part 1, Article 4 and Part 1, Article 222.1 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation; Part 1, Article 250 of the Administrative Court Proceedings Code of the Russian Federation. Taking into account the applicable regulations of the Civil Procedural Code and the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation, the author attempts to determine other interested parties who are authorized to apply to a court for compensation for violation of the right to a fair trial within a reasonable time or the right to execute a judicial act in case of direct legal provisions. The author analyzes the legal status of the prosecutor as a holder of the right to compensation. The judicial practice demonstrates either a passive role of the prosecutor in enforcing effective protection of a violated citizen's right to a fair trial within a reasonable time or the right to execute a judicial act within a reasonable time, or compliance with the requirements for a reasonable time of a trial by a court and non-violation of the right to execute a judicial act aimed at recovering funds from budgets of the budgetary system of the Russian Federation. On the basis of the foregoing, the author proposes to establish, within the judicial system of each federal subject of the Russian Federation, a special body to monitor compliance with the requirements for a reasonable time of a trial by courts of general jurisdiction and arbitration courts, as well as for execution of judicial acts aimed at recovering funds from budgets of the budgetary system of the Russian Federation. In addition, the author formulates the concept "holders of the right to compensation".

REFERENCES

1. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. (2010) 18. Art. 2144.
2. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. (2007) 41. Art. 4849.
3. Gros', L.A. (2010) On federal laws adopted for the purposes of securing realization of the right to judicial proceeding within a reasonable time period. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess – Arbitrazh and Civil Procedure*. 9. pp. 2–6. (In Russian).
4. Borisov, A.N. (2011) *Kommentariy k FZ ot 30.04.2010 № 68-FZ "O kompensatsii za narushenie prava na sudoproizvodstvo v razumnyy srok ili prava na ispolnenie sudebnogo akta v razumnyy srok"* [Commentary to the Federal Law of 30.04.2010 No. 68-FZ "On the compensation for the violation of the right to trial within a reasonable time, or right in the performance of a judicial act within a reasonable time"]. Yustitsinoform.
5. *Rossiyskaya gazeta*. (2011) 14 January. 5381.
6. *Zakonnost'*. (2012) 6.
7. Osokina, G.L. (2003) *Grazhdanskiy protsess. Obshchaya chast'* [Civil Trial. The General Part]. Moscow: Yurist".

Received: 11 December 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 244–248. DOI: 10.17223/15617793/401/36

УДК 340.131

С.А. Татаринов

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЕ ПОСТАНОВЛЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И АКТОВ СУДОВ ОБЩЕЙ И АРБИТРАЖНОЙ ЮРИСДИКЦИИ

Анализируется юридическая природа итоговых решений Конституционного Суда Российской Федерации как органа судебной власти, а также в качестве высшего органа государственной власти, позволяющая их отграничить от актов судов общей и арбитражной юрисдикции. Рассматриваются особенности механизма действия постановлений Конституционного Суда РФ, оказывающие правоустанавливающее и нормативно-доктринальное влияние на сферу правотворчества и судебную правоприменительную практику.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации; нормоконтроль; постановления Конституционного Суда Российской Федерации; судебный конституционный контроль; постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации; официальное толкование Конституции Российской Федерации; виды конституционного судопроизводства; правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации.

Согласно ч. 2 ст. 71 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд по итогам рассмотрения и разрешения дел о нормоконтроле, конституционно-правовых споров о компетенции, официального толкования Конституции РФ, отнесенные к его юрисдикции в ходе отправления конституционного правосудия, выносит итоговые решения в форме постановлений [1]. Выступая в качестве разновидности судебных актов, постановлениям Конституционного Суда РФ присущи все общие признаки, свойственные решениям других органов судебной власти: 1) служат способом разрешения возникшего правового конфликта, защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, обеспечения стабильности российской правовой системы и правопорядка; 2) фиксируют конечный результат судебной деятельности по разбирательству конкретного юридического дела; 3) это официальные процессуальные акты-документы, выражающие государственную волю и принимаемые от имени Российской Федерации; 4) устанавливают юридические факты и конкретные правоотношения; 5) содержат государственно-властные предписания, с которыми законодательство связывает совершение конкретных юридических действий, возникновение, изменение и прекращение материальных и процессуальных правоотношений; 6) выносятся в соответствии с материальными нормами права и в рамках установленных Законом юридических процедур; 7) облекаются в определенную правовую форму, имеют свою структуру и содержание; 8) носят общеобязательный характер, распространяются в отношении конкретных субъектов права и применительно к сложившейся определенной правовой ситуации; 9) принимаются и вступают в свою юридическую силу в специальном процессуальном порядке; 10) характеризуются исполнимостью, и их реализация обеспечивается применением мер государственного принуждения.

Вместе с тем, учитывая особый конституционно-правовой статус и функциональное предназначение Конституционного Суда РФ, цели и задачи конституционного судопроизводства, юридические последствия, вызываемые принятием им итоговых решений постановления Конституционного Суда, обладают рядом специфических особенностей, позволяющих их отграничить от актов судов общей и арбитражной юрисдикции.

В первую очередь следует иметь в виду, что деятельность Конституционного Суда РФ по осуществлению судебного конституционного контроля носит преимущественно правоустанавливающий, а не правоприменительной характер, предполагающий юридическую оценку оспариваемых законодательных актов на соответствие положениям Конституции РФ путем издания правовых велений общего характера, направленных на вытеснение нормативных актов из массива российского законодательства, признанных неконституционными и утратившими свою юридическую силу и тем самым оказывающими важное воздействие на сферу правотворчества и в целом на систему российского права. Одновременно вынесение такого рода постановлений Конституционным Судом служит необходимым юридическим основанием или специальной нормой права об отмене уполномоченным органом государственной власти ранее принятых правовых актов либо их отдельных положений и лишь формально юридически закрепляет порядок исключения дефектных нормативных актов из российского права путем использования надлежащих правотворческих процедур органом, являющимся первоначально творцом создания названных актов [2. С. 103–104].

При этом действие постановления Конституционного Суда РФ о признании несоответствующим нормативного акта положениям Конституции РФ подкрепляется свойствами общеобязательности, окончательности, непосредственного действия и непреодолимости, поскольку оно адресовано всем субъектам права, не подлежит обжалованию и пересмотру, не нуждается в подтверждении другими органами публичной власти и не может быть преодолено повторным принятием отмененного акта либо воспроизведением признанных неконституционными его отдельных положений в иных нормативных актах и, следовательно, имеет юридическую силу, превышающую силу дисквалифицированного правового акта, и фактически приравнено к положениям самой Конституции (ч. 2 ст. 79, ч. 2, 3 ст. 87 Федерального конститу-

ционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Его принятое итоговое решение о признании оспариваемого нормативного акта неконституционным и утратившим юридическую силу имеет такой же нормативный характер во времени, пространстве и по кругу лиц, как решение нормотворческого органа, и приобретает так же, как нормативные акты, общее значение, не присущее правоприменительным по своей природе актам судов общей и арбитражной юрисдикции [3].

Помимо этого, постановление Конституционного Суда об объявлении нормативного акта не соответствующим Конституции РФ сохраняет определенное преюдициальное значение для остальных судебных органов в том смысле, что выводы Конституционного Суда о лишении юридической силы акта, признанного неконституционным, становятся своеобразным правопрекращающимся юридическим фактом, который не требует дополнительной аргументации, и они обязаны им руководствоваться при юридической оценке нормативного акта, содержащего аналогичные нормы права в случае возникновения схожей (тождественной) правовой ситуации. Что же касается актов судов общей и арбитражной юрисдикции в сфере осуществления нормоконтроля, то их применение ограничивается проверкой нормативного акта федерального закона или другого нормативного правового акта, обладающего большей юридической силой, кроме Конституции РФ (ч. 1 ст. 253 ГПК РФ, ч. 1 ст. 192 АПК РФ), и признание оспариваемого акта или его части недействующим полностью не предотвращает возможности воспроизведения положений названного акта в иных законодательных актах, имеющих более высокую юридическую силу, либо пересмотра и отмены решений судов общей и арбитражной юрисдикции вышестоящими судебными инстанциями [4, 5]. В частности, вынесение решения Верховного Суда РФ о признании нормативного указа Президента РФ, постановления Правительства РФ, актов органов государственной власти субъектов РФ недействующими не исключает права стороны-заявителя, не согласной с принятым решением Верховного Суда, подать повторно обращение о проверке конституционности акта, признанного противоречащим федеральному закону, в Конституционный Суд РФ, и, следовательно, при вынесении постановления Конституционного Суда в пользу заявителя решение Верховного Суда РФ утрачивает свою юридическую силу, а действие оспариваемого нормативного акта вновь восстанавливается [6. С. 43].

Кроме того, в случаях, если суды общей и арбитражной юрисдикции приходят к выводу о несоответствии проверяемого закона Конституции РФ, подлежащего применению в конкретном деле, и отказывают в его применении, то это не освобождает их от обязанности обратиться с запросом в Конституционный Суд РФ, который правомочен принять соответствующее постановление о признании закона неконституционным, т.е. лишить акт юридической силы и в специальном порядке полностью исключить дальнейшее его применение. Как следствие, возможность использования высшими судами общей и арбитражной юрисдикции процедуры официального опубликования принятых ими решений не может служить достаточной конституционной гарантией утраты силы актов, признанных противоречащими Конституции РФ, поскольку их решения не могут считаться обязательными для иных судов по делам и они правомочны самостоятельно толковать и давать юридическую оценку проверяемых нормативных актов, подлежащих применению в конкретном деле.

Еще одной существенной особенностью действия постановлений Конституционного Суда, в отличие от решений судов общей и арбитражной юрисдикции по делам о нормоконтроле, является то, что в них закрепляются правовые позиции, раскрывающие смысл и содержание Конституции РФ и оспариваемых законодательных актов, либо может даваться новое истолкование нормативных актов, признанных конституционными вопреки неадекватному толкованию, придаваемому в сложившейся судебной правоприменительной практике, которые в дальнейшем продолжают действовать и применяться в неразрывном единстве выявленного Конституционным Судом РФ конституционно-правового смысла, подтверждающего коиституционность нормативно-доктринальных начал интерпретированных положений законодательных актов. Однако в наибольшей степени нормативный характер постановлений Конституционного Суда в сфере нормоконтроля проявляется тогда, когда после признания не соответствующими Конституции РФ нормативных актов он указывает на необходимость восполнения имеющихся пробелов в российском законодательстве, преодоления конституционных коллизий и иногда может конкретизировать содержание законов и устанавливать параметры создания будущих правовых норм. В качестве дополнительных юридических последствий вынесение постановления Конституционного Суда РФ о признании нормативного акта или отдельных его положений неконституционным предусматривает возложение обязанности на уполномоченный правотворческий орган государственной власти совершить конкретные действия об отмене актов, утративших силу, либо внести изменения и дополнения в действующие законодательные акты, а также суды и иные правоприменительные органы скорректировать сложившуюся правоприменительную практику с учетом сформулированных им правовых позиций до момента принятия соответствующего нового нормативного правового акта (ч. 3–5 ст. 79; п. 1–4 ст. 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации») [7. С. 24].

Аналогично в результате разбирательства конституционно-правового спора о компетенции между органами государственной власти Конституционный Суд выносит постановление, подтверждающее или отрицающее полномочие соответствующего государственного органа, и уполномоченный орган государственной власти обязан издать акт либо совершить действие правового характера, послужившее причиной спора о компетенции, и в случае признания кон-

ституционного права издавать акт не входящим в компетенцию издавшего его органа, названный нормативный акт утрачивает свою юридическую силу (ст. 95 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Другой отличительной особенностью природы постановлений Конституционного Суда РФ по делам об официальном толковании Конституции РФ, позволяющей их отграничивать от актов судов общей и арбитражной юрисдикции, является то, что они включают в себя конституционно-правовые установления, способствующие преодолению неопределенности понимания конституционных положений, выходящих за рамки разбирательства конкретного дела и позитивно влияющих на правотворческую и правоприменительную деятельность органов государственной власти РФ и ее субъектов. Будучи объективизированными результатами толкования конституционных норм и принципов, вырабатываемые Конституционным Судом нормативные интерпретационные правоположения, или «квазинормы», становятся официальными обязательными эталонами, стандартами истолкования положений Основного Закона, составляющими конституционно-правовую основу регулирования всего процесса правотворчества в Российской Федерации, в соответствии с которыми должны быть приведены акты действующего законодательства и не могут противоречить принимаемые законы и иные нормативные правовые акты [8. С. 44]. В ходе официального толкования Конституции РФ Конституционный Суд РФ на практике нередко идет дальше простого уяснения и разъяснения конституционных положений, а в ряде случаев он де-факто занимается судебным правотворчеством в поисках права либо преобразования Конституции без изменения ее текста путем адекватного истолкования «буквы и духа» Основного Закона в целях восполнения имеющихся пробелов в конституционно-правовом регулировании общественных отношений и обеспечения верховенства Конституции РФ, прямого непосредственного действия ее норм [9. С. 206; 10. С. 12].

Одновременно сформулированные Конституционным Судом прецеденты толкования оказывают корректирующее нормативное воздействие на правоприменительную деятельность судов общей и арбитражной юрисдикции, призванную применять конституционные положения в интерпретации, даваемой в его постановлениях об официальном толковании Конституции РФ, и пересмотреть ранее вынесенные решения, расходящиеся с истолкованными Конституционным Судом РФ конституционными нормами [11. С. 326].

Напротив, юридическая сила постановлений Пленума Верховного Суда РФ, содержащих официальные разъяснения по вопросам судебной практики, не тождественна постановлениям Конституционного Суда РФ об официальном толковании Конституции РФ, так как названные акты носят подзаконный характер и не распространяются на сферу правотворчества, общеобязательны для исполнения только для нижестоящих судов, конкретизируют и уточняют содержание предписаний применяемых судами правовых норм и не могут выходить за рамки подлинного смысла и содержания истолкованных ими норм права [12. С. 143].

В частности, согласно постановлению Конституционного Суда от 21 января 2010 г. № 1-П дача абстрактного толкования юридических норм Высшим Арбитражным Судом РФ выступает результатом обобщения накопленного опыта применения арбитражными судами норм права и направлена на обеспечение единообразного понимания и применения судами арбитражной юрисдикции правовых норм путем принятия соответствующих нормативных велений, вносящих необходимые коррективы в судебную арбитражную практику, однако они не должны устанавливать новые нормы права, противоречащие конституционно-правовому смыслу интерпретированных Конституционным Судом РФ конституционных положений, наделенного исключительным правом проверять конституционность оспариваемых законодательных актов, в том числе с учетом смысла, придаваемого им официальным и иным видом толкования, или обыкновений сложившейся правоприменительной практики в деятельности высших судебных инстанций Российской Федерации (ч. 2 ст. 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации») [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Федеральный* конституционный закон от 21 июля 1994 г. №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
2. *Витрук Н.В.* Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс : учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма; Инфра-М, 2012. 592 с.
3. *Постановление* Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 г. № 19-П по делу о толковании отдельных положений ст. 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 1998. № 25. Ст. 3004.
4. *Арбитражный* процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
6. *Жилин Г.* Значение решений Конституционного Суда Российской Федерации для практики рассмотрения дел другими судами // Юридическая природа актов конституционных судов Республики Болгарии и Российской Федерации. Круглый стол болгарских и российских юристов, состоявшийся на юридическом факультете Софийского университета им. Св. Климента Охридского 26–29. XI. 2003 г. София, 2004. С. 41–47.
7. *Кокотов А.Н.* Насущные вопросы регулирования деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2012. № 2. С. 20–27.
8. *Волкова Н.С., Хабриева Т.Я.* Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и парламент. М. : Норма, 2005. 176 с.
9. *Авакьян С.А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. М. : Рос. юрид. дом, 1997. 512 с.

10. *Голубицкая С.Г.* Правотворчество в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Право: теория и практика. 2002. № 7. С. 8–12.
11. *Федеральный* конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Комментарий / отв. ред. Н.В. Витрук, Л.В. Лазарев, Б.С. Эбзеев. М. : Юрид. лит., 1996. 352 с.
12. *Тарасова В.В.* Акты судебного толкования правовых норм. Юридическая природа и классификация / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 2002. С. 138–146.
13. *Постановление* Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2010 г. № 1-П по делу о проверке конституционности положений ч. 4 ст. 170, п. 1 ст. 311 и ч. 1 ст. 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение “Берег”, открытых акционерных обществ “Завод”, “Карболит”, “Микропровод” и “Научно-производственное предприятие “Респиратор”» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 6. Ст. 699.

Статья представлена научной редакцией «Право» 15 октября 2015 г.

ON THE PROBLEM OF THE LEGAL EFFECT OF JUDGMENTS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND DECISIONS OF COURTS OF GENERAL AND ARBITRAL JURISDICTION

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 244–248. DOI: 10.17223/15617793/401/36

Tatarinov Sergey A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: cafedra206@mail.ru

Keywords: the Constitutional Court of the Russian Federation; regulatory norms; judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation; judicial constitutional control; resolutions of the Supreme Court of the Russian Federation; official interpretation of the Constitution of the Russian Federation; types of constitutional proceedings; legal views of the Constitutional Court of the Russian Federation.

The author considers debatable theoretical and practical questions of the nature of final decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, taking into consideration particular aspects of its constitutional status as a judicial authority and as the highest state authority, which allows to distinguish it from decisions of the courts of general jurisdiction and arbitral jurisdiction. Regarding particular aspects of judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation as a variety of judicial acts, the author notes that they have all general characteristics which are appropriate to the decisions of a judicial authority, which is a result of the content of its jurisdictional activity over the review and decision of definite cases and rendering of legal acts. However, following the specific character of the constitutional status and functional assignation of the Constitutional Court of the Russian Federation as the highest state authority over constitutional judicial control which has a constitutive character, it is necessary to point out particular qualities of the judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation. These qualities distinguish the nature of these judgments from decisions of the courts of general jurisdiction and arbitral jurisdiction. Primarily, it is essential to consider such important characteristics, appropriate to the judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation, as the generally binding character of these decisions, its direct effect, finality, irreducibility, the highest legal effect, standardization; they operate in time and space, according to the personal scope of application, as legal acts. Moreover, a particular legal quality of the judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation is prejudicial character, which all courts should follow during the valuation of the constitutionality of the applied act, having similar legal norms in case of an identical legal situation. Another specific feature of judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation over the cases of regulatory norms are legal consequences. It means that adjudgement of a legal act unconstitutional deprives this act of its legal effect and eliminates the possibility of its application. Another distinguishing feature of the nature of judgments of the Constitutional Court of the Russian Federation is consolidation of legal elements which reveal the notion and the content of the Constitution of the Russian Federation and constitutional legislature. In particular, these legal statements can contain new interpretation of legal acts, admitted as relevant to the Constitution; consequently, other courts should apply it according to statements of legal acts explained by the Constitutional Court of the Russian Federation.

REFERENCES

1. Russian Federation. (1994) Federal’nyy konstitutsionnyy zakon ot 21 iyulya 1994 g. № 1-FKZ “O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii” [The Federal Constitutional Law of July 21, 1994 No.1-FKZ “On the Constitutional Court of the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatel’stva RF*. 13. Art. 1447.
2. Vitruk, N.V. (2012) *Konstitutsionnoe pravosudie. Sudebno-konstitutsionnoe pravo i protsess* [Constitutional Justice. Judicial and constitutional law and process]. 4th ed. Moscow: Norma; Infra-M.
3. Russian Federation. (1998) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 16 iyunya 1998 g. № 19-P po delu o tolkovanii otdel’nykh polozheniy st. 125, 126 i 127 Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation on June 16, 1998 No. 19-P in the case of the interpretation of certain provisions of Art. 125, 126 and 127 of the Constitution of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel’stva RF*. 25. Art. 3004.
4. Russian Federation. (2002) Arbitrazhnyy protsessual’nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 24 iyulya 2002 g. № 95-FZ [The Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 No. 95-FZ]. *Sobranie zakonodatel’stva RF*. 30. Art. 3012.
5. Russian Federation. (2002) Grazhdanskiy protsessual’nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 14 noyabrya 2002 g. № 138-FZ [The Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ]. *Sobranie zakonodatel’stva RF*. 46. Art. 4532.
6. Zhilin, G. (2004) [The meaning of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation for the practice of cases in other courts]. *Yuridicheskaya priroda aktov konstitutsionnykh sudov Respubliki Bolgarii i Rossiyskoy Federatsii* [The legal nature of the Constitutional Courts of the Republic of Bulgaria and the Russian Federation]. Roundtable of the Bulgarian and Russian lawyers, held at the Faculty of Sofia University. 26–29 November 2003. Sofia. pp. 41–47. (In Russian).
7. Kokotov, A.N. (2012) Current questions of regulation of the Constitutional Court of the Russian Federation activity. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Russian Juridical Journal*. 2. pp. 20–27. (In Russian).
8. Volkova, N.S. & Khabrieva, T.Ya. (2005) *Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii i parlament* [The legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Parliament]. Moscow: Norma.
9. Avak’yan, S.A. (1997) *Konstitutsiya Rossii: priroda, evolyutsiya, sovremennost’* [The Constitution of Russia: the nature, evolution and modernity]. Moscow: Ros. yurid. dom.
10. Golubitskaya, S.G. (2002) Pravotvorchestvo v deyatel’nosti Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [Legislating in the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Pravo: teoriya i praktika*. 7. pp. 8–12.

11. Vitruk, N.V. Lazarev, L.V. & Ebzeev, B.S. (eds) (1996) *Federal'nyy konstitutsionnyy zakon "O Konstitutsionnom Sude Rossiyskoy Federatsii". Kommentariy* [The Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation". A Commentary]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
12. Tarasova, V.V. (2002) *Akty sudebnogo tolkovaniya pravovykh norm. Yuridicheskaya priroda i klassifikatsiya* [Acts of judicial interpretation of legal norms. The legal nature and classification]. Saratov: Saratov State Law Academy.
13. Russian Federation. (2010) Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 21 yanvarya 2010 g. № 1-P po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy ch. 4 st. 170, p. 1 st. 311 i ch. 1 st. 312 Arbitrazhnogo protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhalobami zakrytogo aktsionernogo obshchestva "Proizvodstvennoe ob"edinenie "Bereg", otkrytykh aktsionernykh obshchestv "Zavod", "Karbolit", "Mikroprovod" i "Nauchno-proizvodstvennoe predpriyatie "Respirator" [The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 21 January 2010 No. 1 in the case concerning the constitutionality of the provisions of Part 4 of Art. 170, Para. 1 of Art. 311 and Part 1 of Art. 312 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of the Bereg Production Association, CJSC; Zavod, Karbolit, Mikroprovod and Respirator Research and Production Enterprise OJSCs]. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* 6. Art. 699.

Received: 15 October 2015

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 249–253. DOI: 10.17223/15617793/401/37

УДК 343.7

А.В. Черноусова

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УНИЧТОЖЕНИЕ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЕ ИМУЩЕСТВА ПО УГОЛОВНОМУ УЛОЖЕНИЮ 1903 г.

Дан ретроспективный анализ системы преступлений, предусматривающих ответственность за повреждение имущества по Уголовному Уложению 1903 г. Автор исследует различные подходы и воззрения выдающихся юристов XIX в. в области уголовного права на спорные положения проекта Уложения 1903 г. Автор обосновывает свою позицию по некоторым проблемным вопросам проекта Уголовного Уложения 1903 г.

Ключевые слова: уничтожение; повреждение; общественная опасность; Уголовное Уложение 1903 г.

Уголовное Уложение 1903 г. являлось последним кодифицированным уголовно-правовым актом Российской империи. Его создание было вызвано государственно-правовыми преобразованиями второй половины XIX в. (отменой крепостного права, проведением судебной, земской реформ), несоответствием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. складывающимся социально-экономическим условиям, его архаичной структурой, многостатейностью, казуистичностью, существованием нескольких источников уголовного права. Уголовное Уложение разрабатывалось на протяжении 20 лет такими выдающимися юристами, как Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, Н.А. Неклюдов, Э.Я. Нольде и др. 22 марта 1903 г. Уголовное Уложение было утверждено Николаем II. Однако в законную силу вступили лишь 13 из 37 глав Уголовного Уложения.

Нормы, предусматривающие ответственность за повреждение имущества, содержались в Уложении в гл. 30 «О повреждении имущества, путей сообщения, предостерегательных, граничных и тому подобных знаков или иных предметов». В этой главе были объединены нормы, предусматривавшие ответственность, по сути, за неодинаковые по юридической природе преступления. Так, помимо установления ответственности за «простое умышленное повреждение», в ней содержались нормы, предусматривающие ответственность за общеопасные виды повреждения (повреждение железнодорожных сооружений, парохода, морского судна, повреждение взрывом, потоплением и т.д.). В этой же главе предусматривалась ответственность за повреждение публичных памятников, предметов науки или искусства (ст. 550), церкви или христианского молитвенного дома (ст. 553), чужих документов и корреспонденции (ст. 552), служащих для общего или правительственного пользования телеграфа, телефона или для частного пользования тех же предметов значительной ценности (ст. 556) и др.

Следует также отметить, что объективная сторона преступлений, предусмотренных гл. 30, имела разную обрисовку. В одних случаях повреждение имущества законодатель отнес к способу совершения другого преступления, в других оно определялось как результат противоправных действий, которые были обозначены в диспозициях этих статей. Так, в ч. 11 ст. 550 предусматривалась ответственность за перемещение предостерегательного знака, заведомо поставленного для ограждения личной собственности, за сокрытие и присвоение документов или корреспонденции (ст. 552). Статьи 559, 567 устанавливали ответственность за нарушение безопасности железнодорожного движения или судоходства или постановления для безопасности железнодорожного движения или судоходства, нарушение вышеуказанных правил неверной подачей по неосторожности знака служащего для безопасности железнодорожного судоходства или постановления для безопасности железнодорожного движения или судоходства. Статья 560 предусматривала наказание за употребление или допущение употребления заведомо негодного или недостаточного количества материала или заведомое неисполнение или допущение неисполнения технических правил или непринятие мер, необходимых для поддержания железной дороги или подвижного состава парохода или морского судна в безопасном для движения состоянии, если это деяние нарушало безопасность железнодорожного движения или судоходства.

Следует отметить, что понятия «истребление» и «повреждение», которыми оперировало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в Уложении 1903 г. были заменены понятием «повреждение». По мнению составителей Уложения 1903 г., это не означало, что противоправные действия, повлекшие истребление имущества, оставались ненаказуемыми. Так, в соответствии с объяснениями Редакционной комиссии с внешней стороны «повреждение означает всякое действие, которое причиняет истребление вещи в полном составе или в части» [1. С. 747].

В отличие от Уложения 1845 г., наказуемость простого умышленного повреждения имущества устанавливалась в зависимости от величины причиненного ущерба. Так, если величина ущерба составляла пятьсот рублей, то виновный наказывался арестом на срок не свыше трех месяцев или денежной пенею не свыше трехсот рублей. В ряд составов, предусмотренных гл. 30, был введен признак «маловажности», который существенно снижал ответственность за повреждение. Особое присутствие департаментов Государственного Совета разъяснило, что «маловажным» следует считать такое повреждение, которое не причинило важного имущественного ущерба потерпевшему [2. С. 753]. При этом «маловажность» повреждения не устанавливалась в качестве какого-то определенного денежного критерия, а определялась в каждом кон-

кретном случае в зависимости от конкретных обстоятельств дела [1. С. 753].

Предметом преступлений, предусмотренных гл. 30 Уложения, было имущество, которое относилось как к частному, так и государственному имуществу. В этой главе в качестве предмета преступлений были выделены объекты общего пользования или представляющие важное экономическое значение (ст. 549–554) [2. С. 88]. К предмету повреждения имущества Уложение 1903 г. относило имущество чужое для виновного; в некоторых случаях предметом повреждения могло быть собственное имущество виновного. Собственность виновного признавалась предметом повреждения, когда ее уничтожение могло повлечь какую-либо опасность для имущества других лиц. Так, в ч. 4 ст. 562 Уложения указывалось, что «виновный подлежит ответственности, если он повреждал свою собственность путем поджога, взрыва или потоплением и это заведомо грозило опасностью распространения пожара, взрыва или потопления здания, суда, церкви христианского или молитвенного дома» или когда «заражение собственного скота служило средством заражения чужого скота» (ст. 550).

В подавляющем большинстве случаев повреждение считалось оконченным с момента причинения вреда имуществу другого лица, выражавшегося в уничтожении или порче имущества. По мнению составителей Уголовного Уложения, для повреждения вещи было необходимо такое изменение, которым умалялась имущественная сфера другого лица, имеющего на ту вещь право собственности; другими словами, вещь как имущество считалась поврежденной тогда лишь, когда она навсегда или временно перестала удовлетворять тому или иному значению, для которого она служила [1. С. 754]. Они полагали, что уголовно-юридическое понятие повреждения характеризуется как существом самой вещи, так и ее назначением [Там же]. А потому составители Уложения относили к повреждению вещи случаи выпуска птицы из клетки, бросание вещи в море и т.д. [3. С. 195].

В некоторых случаях повреждение считалось оконченным с момента наступления специально предусмотренных в законе последствий. Так, преступление было оконченным, если повреждение «причинило остановку действия водопроводного, газопроводного, нефтепроводного снаряда, служащего для общего пользования или снаряда, который приводил в действие чужой завод или фабрику или грозило личной безопасности или целости имущества» (ст. 551), вызвало «наводнение или остановку в сообщениях или если таким повреждением причинена опасность для жизни человека» (ст. 557), «грозило опасностью распространения пожара» (ст. 562). Надо сказать, что Уложение предусматривало ответственность как за оконченное повреждение имущества, так и за неоконченное.

В Уложении 1903 г. была закреплена норма, предусматривающая возможность освобождения от уголовной ответственности, если при совершении неосторожных деяний, предусмотренных ст. 565–568, самим виновным или по его указанию будет устранена причиненная его деянием опасность либо когда при начавшемся пожаре, взрыве или утоплении ликвидирована опасность.

Нельзя не заметить, что в гл. 30 Уложения законодатель достаточно немногословно определял субъективную сторону умышленного повреждения имущества как правило, он указывал, что деяния могли совершаться «умышленно», «заведомо». Однако в некоторых случаях законодатель давал детальную обрисовку субъективной стороны преступлений. Так, в ч. 4 ст. 555 говорилось, что деяние совершается «с целью противодействия тушения пожара или спасания погибающих», в ч. 5 ст. 558 – «с целью причинить крушение железнодорожного поезда, парохода или морского судна». Обрисовывая субъективную сторону неосторожного повреждения имущества, законодатель говорил, что деяние могло признаваться неосторожным только тогда, когда такая форма вины была специально предусмотрена в самой статье.

К субъекту преступлений, предусмотренных гл. 30, Уложение относило физическое вменяемое лицо, которое могло понимать и осознавать способность своих действий, достигшее возраста 10 лет. За преступления, влекущие ответственность за нарушение правил безопасности, ответственность могли нести только лица, специально указанные в диспозициях статей. Так, по ст. 558 к ответственности привлекались лица «состоящие на службе железнодорожной, на пароходе или морском судне, а равно строители или подрядчики по железнодорожным сооружениям или по сооружению пароходов или морских судов», «служащие для безопасности дорожного движения и судоходства» (ст. 559), «строитель железной дороги, парохода или морского судна, член правления или управления железной дорогой» (ст. 560) и др.

В статьях 562, 563 Уголовного Уложения 1903 г. устанавливалась ответственность за повреждение такими общеопасными способами, как поджог, взрыв, затопление. В статье 562 в качестве предметов преступления обозначались объекты как недвижимого (чужие леса, огороды, сады), так и движимого имущества (дрова, товары и т.д.), а также предметы, которые обладают большой разрушительной силой и представляют опасность для общества («взрывчатые вещества или легко воспламеняющиеся вещества или взрывчатые снаряды»). Статья 563 признавала предметами преступления имущество, которое имело важнейшее научно-культурное значение: недвижимое имущество, церковь или христианский молитвенный дом, публичные библиотеки или иные государственные или общественные хранилища предметов науки искусств и культуры, в которых находились люди и создавалась опасность причинения вреда в связи с повреждением. В статье 564 предусматривалась уголовная ответственность за приготовление или участие в сообществе, образованном для учинения повреждения железной дороги, подвижного состава или знака, установленного для безопасности дорожного движения с целью причинить крушение железнодорожного поезда; повреждение парохода или морского судна с целью причинить крушение парохода или морского судна.

Подытоживая сказанное, нельзя не отметить, что Уложение 1903 г. отличалось новизной систематизации преступных деяний, составляющих повреждение имущества, компановки статей, предусматривающих ответственность за «простое» и «общеопасное» повреждение имущества; конкретикой, логичностью и детальностью при изложении основных признаков составов преступлений; более совершенной юридической техникой изложения уголовно-правовых запретов.

В то же время нельзя не сказать, что не все решения составителей Уголовного Уложения 1903 г. получили поддержку в российской уголовно-правовой науке тех лет.

Одним из таких решений стало решение разработчиков Уголовного Уложения 1903 г. объединить в одну главу разнообъектные преступления. Редакционная комиссия объясняла это следующими доводами: 1) представить для судей наиболее полную систему о наказуемости повреждений различных видов имущества, которые в дальнейшем будет способствовать правильному выбору и применению нормы при квалификации преступлений, связанных с повреждением; 2) закрепить в правилах нового уголовного уложения систему действующего законодательства, исторически сложившуюся и принятую в новейших иностранных законодательствах, таких как Франция и Бельгия, которая представляется составителями Уголовного Уложения наиболее удачной, поскольку таким образом в уголовном законодательстве группируются все положения, которые выделяют из повреждения другие виды, которые имеют особо важное значение по свойству поврежденного предмета, средствам повреждения, характеру посягательства, в том числе и опасности его для неопределенного множества людей; 3) нецелесообразность выделения в уголовном уложении такой группы преступлений, как «общеопасные», которая включала бы в себя противоправные деяния, «соединенные с опасностью каких бы то не было благ, как личных так и имущественных неопределенного множества лиц» [4. С. 5].

Составители Уголовного Уложения утверждали, что отсутствует необходимость выделения главы об «общеопасных преступлениях», поскольку название заголовка не имеет никакого влияния на определение состава наказуемых деяний. Они полагали, что отсутствует всякое значение для выделение такой главы, так как эта рубрика будет вводить в заблуждение судебную практику, а законодательная власть вынуждена ограничивать до крайних пределов создаваемое им понятие.

Авторы Уложения 1903 г. считали, что признак общеопасности представляется достаточно неопределенным, поскольку если законодатель признает уголовно наказуемыми только те деяния, которые представляют опасность для всего общества, то в главу «Общеопасные преступления» следовало бы отнести все противоправные деяния, ответственность за которые предусмотрены в Уголовном Уложении.

Кроме того, стремление объединить все общеопасные деяния, которые представляют непосредственную опасность и причиняют вред благам неопределенного числа лиц, разрушит логичность и последовательность системы Кодекса [4. С. 8].

С данной позицией не соглашался Д. Тальберг, который указывал, что «стройность системы кодекса может только выиграть от выделения в особую рубрику тех преступных действий, которые не могут быть отнесены ни к преступлениям имущественным, ни к преступлениям против личности, если эти преступные действия и размещаются по разным отделам кодекса» [5. С. 491]. Д. Тальберг возражал против доводов Редакционной комиссии относительно того, что признак «общеопасности» представляется достаточно неопределенным. По его мнению, общеопасность, например, в повреждении железных дорог и т.д. «нельзя понимать, как это делает Редакционная комиссия, в смысле опасности действия для всего общества, а как действие, которое угрожает неопределенному множеству лиц» [Там же].

Выражал свое несогласие с составителями Уголовного Уложения и Редакционный комитет уголовного отделения Юридического общества Санкт-Петербургского университета, который в своих замечаниях отмечал, что общеопасные повреждения имущества следует отнести в самостоятельный отдел общеопасных преступных деяний. По его мнению, поджог, который упоминается в гл. 30 Уложения, является «типичным представителем так называемых общеопасных посягательств, который прежде всего при истреблении предметов причиняет вред не имущественному благосостоянию, а жизни и здоровью людей, их личным наиболее ценным благам» [6. С. 56]. Это положение относилось также к другим общеопасным повреждениям: повреждение телеграфа, железнодорожных путей, шлюза и т.д. Именно поэтому редакционный комитет указывал, что общеопасные преступные деяния должны занимать самостоятельное положение, образовывая особый отдел. Поскольку деяния должны группироваться по их внутренней связи и преобладающим характеристическим признакам, а не только исходя из соображений практического удобства при изложении Кодекса, при котором все виды повреждения находятся в одной главе независимо от их особенностей [Там же. С. 58].

Другим решением составителей Уложения 1903 г., вызвавшим критику в уголовно-правовой литературе, было решение о замене понятий «истребление» и «повреждение» понятием «повреждение». Как уже отмечалось, по мнению составителей Уголовного Уложения, в частности Н.С. Таганцева, повреждение и истребление представляют собой деяния, имеющие совершенно одинаковый характер и значение. Введение двух терминов в заголовок может породить мысль, будто бы закон желает создать два отдельных и различных уголовно-юридических понятия, что представлялось бы нежелательным [1. С. 754]. И.Я. Фойницкий указывал, что «использование в множестве норм различных выражений, обозначающих повреждающую имущество деятельность, нарушает единство конструкций (как это было в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.) и поэтому более правильным решением является закреп-

ление общим выражением «повреждение имущества» группы преступлений, которые направлены на причинение имущественного ущерба. ...Так как в мире физическом, к области которого должны принадлежать все имущества, могущие быть предметом повреждения, ни одна вещь не уничтожается, материя не пропадает, а лишь трансформируется» [3. С. 196].

Объединение понятий «повреждение» и «уничтожение» понятием «повреждение» поддерживалось и в публицистике тех лет. В редакционной статье журнала «Вестник Европы» говорилось, «что не стоит ждать каких-либо отрицательных последствий от распространительного толкования слова “повреждение”. Наказуемость меньшего зла сама собою предполагает наказуемость большего (конечно, однородного); ни один судья не усомнится применить закон, карающий повреждение имущества, к случаям совершенного истребления имущества, если последнее не предусмотрено законом» [7. С. 829].

С этими доводами не соглашался Киевский юридический факультет (Санкт-Петербургский университет). Так, в замечаниях на проект Уложения 1903 г. Киевский юридический факультет указывал, что повреждению дается чрезвычайно широкое и потому неправильное определение. Кроме того, подчеркивалось «что лишь повреждено, еще не истреблено: повреждение и истребление означают различные явления» [8. С. 7]. Аналогичного мнения придерживался Д. Тальберг, который отметил, что повреждением не может быть признано действие, причиняющее истребление вещи в целом ее составе, а также то, что истребление может быть в некотором случае повреждением вещи [5. С. 490].

Подобного мнения придерживался и Редакционный комитет уголовного отделения Санкт-Петербургского университета, который обратил внимание, что в иностранном законодательстве не встречается одно выражение «повреждение», параллельно с ним ставятся другие более определенные понятия или оно поясняется описательным образом – сделать вещь негодной, изъять из обладания. Стремление же разработчиков Уголовного Уложения к краткости при определении преступных деяний, по мнению Редакционного комитета, не должно было влиять на точность и ясность при их изложении. Поэтому ученые Санкт-Петербургского университета предлагали добавить в наименовании главы к слову «повреждение» слова «истребление» или «разрушение» или пояснить его описательным способом [6. С. 58].

Однако эти замечания не были приняты во внимание ни составителями проекта Уголовного Уложения 1903 г., ни законодателем. Законодатель счел возможным оперировать в тексте закона обобщающим термином «повреждение». Он оставил без изменения и структуру гл. 30. В объяснительной записке к Уголовному Уложению это объяснялось «желательностью и необходимостью представить суду возможно полную систему наказуемости деяний, облегчить ему справки с законом и тем самым обеспечить, возможно, правильное применение последнего к отдельным случаям судебной практики» [4. С. 6]. Как видим, официальная инстанция приняла решение составителей Проекта из соображений практического удобства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Таганцев Н.С.* Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. С мотивами, извлечениями из объяснительной записки редакционной комиссии, представлениями Мин. Юстиции в Государственный совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. СПб. : Государственная типография, 1904. 1127 с.
2. *Евангулов Г.Г.* Уголовное Уложение 1903 (высочайше утвержденное 22 марта 1903 г.): текст закона с очерком основных положений и существенных отличий его от действующего законодательства и с алфавитным предметным указателем. СПб. : Право, 1903. 400 с.
3. *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. 5-е изд. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1907. 441 с.
4. *Уголовное* Уложение. Объяснения к проекту Редакционной комиссии. Том VII. Главы 28–34. СПб., 1895. 645 с.
5. *Тальберг Д.* Повреждение имущества по проекту нового уложения // Юридический вестник. 1886. № 11. С. 487–501.
6. *Замечания* Редакционного комитета Уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества на проект Особенной части Уголовного Уложения II Посягательства имущественные // Санкт-Петербург. Типография правительствующего сената. 1880. 204 с.
7. *Внутреннее* обозрение // Вестник Европы. 1889. Т. 1. С. 825–845.
8. *Замечания* на проект Уголовного Уложения (имущественные посягательства). Мнение юрид. фак-та св. Владимира. Киев, 1887. 52 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 21 сентября 2015 г.

CRIMINAL LIABILITY FOR DESTRUCTION OR DAMAGE OF PROPERTY ACCORDING TO THE CRIMINAL CODE OF 1903

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 249–253. DOI: 10.17223/15617793/401/37

Chernousova Anastasia V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nastya-chernousova@yandex.ru

Keywords: destruction; damage; public danger; Criminal Code of 1903.

In this article, the author considers Chapter 30 of the Criminal Code of 1903 which provides liability for damage of property. It is noted that this chapter contains crimes different in their legal nature. According to the Criminal Code of 1903, damage of property was divided into ordinary and socially dangerous. It could be a method of committing the crime or a result of the illegal act. The author analyzes the constitutive and qualifying characteristics of crimes aimed at damaging property, as well as changes and amendments to norms that establish liability for damage of property according to the Criminal Code of 1903 in comparison with former legal acts. For example, punishment for ordinary deliberate demolition and damage of property was different depending on the value of the inflicted damage; a number of crimes had insignificant features. This article contains fundamental opinions of outstanding lawyers of the 19th century on the system of crimes that provided liability for damage of property according to the Criminal Code of 1903. The author makes a distinction between the notions “demolition” and “damage”. She comes to a conclusion that demolition

and damage of property are independent and different actions in their content, that is why there is no point in uniting these notions into one general notion "damage", which was made by the authors of the Criminal Code of 1903. The decision of the compilers of the Criminal Code of 1903 to combine 30 crimes with different objects into one chapter could be explained by a practical aspect; it helped to make a right choice and to apply norms in case of determination of property damage. In addition, it could be explained by the adoption of the system of crimes of criminal legislation of foreign countries, where one chapter contained all types of damage which had a high value in terms of the nature of the damaged subject, means of damage, character of offence; and by the uselessness to evolve the group of socially dangerous crimes. The authors of the Criminal Code of 1903 insisted that there was no necessity to evolve a chapter about "socially dangerous crimes", because the heading did not have any influence on crime definition. They thought that it was not important to create this chapter, because this part could mislead the judicial practice, the legislator was forced to limit this notion. The authors of the Criminal Code regarded that the effort to unite all socially dangerous crimes could destroy the logical nature and consistency of the Code system.

REFERENCES

1. Tagantsev, N.S. (1904) *Ugolovnoe Ulozhenie 22 marta 1903 g. s motivami, izvlecheniyami iz ob"yasnitel'noy zapiski redaktsionnoy komissii, predstavleniyami Min. Yustitsii v Gosudarstvennyy sovet i zhurnalov – osobogo soveshchaniya, osobogo prisutstviya departamentov i obshchego sobraniya Gosudarstvennogo Soveta* [Criminal Law of March 22, 1903 with the motifs, excerpts from the explanatory memorandum of the Drafting Committee, representations of the Ministry of Justice to the State Council and of journals: a special meeting, the special presence of departments and the general meeting of the State Council]. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya.
2. Evangulov, G.G. (1903) *Ugolovnoe Ulozhenie 1903 (vysochayshe utverzhdennoe 22 marta 1903 g.): tekst zakona s ocherkom osnovnykh polozheniy i sushchestvennykh otlichiy ego ot deystvuyushchego zakonodatel'stva i s alfavitnym predmetnym ukazatelem* [Criminal Law of 1903 (imperially approved on March 22, 1903): the text of the law with an outline of the main provisions and significant differences from the existing legislation, and with the alphabetical index]. St. Petersburg: Pravo.
3. Foynitskiy, I.Ya. (1907) *Kurs ugolovnogo prava. Chast' osobennaya. Posyagatel'stva lichnye i imushchestvennye* [The course of the criminal law. The special part. Personal and property infringement]. 5th ed. St. Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.
4. Anon. (1895) *Ugolovnoe Ulozhenie. Ob"yasneniya k proektu Redaktsionnoy komissii* [Criminal Law. Explanations to the project of the Drafting Committee]. V. VII. Ch. 28–34. St. Petersburg: V gosud. tipografii.
5. Tal'berg, D. (1886) Povrezhdenie imushchestva po proektu novogo ulozheniya [Damage of property by the new draft Code]. *Yuridicheskiy vestnik*. 11. pp. 487–501.
6. Drafting Committee of the Criminal Branch of St. Petersburg Law Society. (1880) *Zamechaniya Redaktsionnogo komiteta Ugolovnogo otdeleniya Sankt-Peterburgskogo yuridicheskogo obshchestva na proekt Osobennoy chasti Ugolovnogo Ulozheniya II Posyagatel'stva imushchestvennye* [Remarks of the Drafting Committee of the Criminal Branch of St. Petersburg Law Society on the project of the Special Part of the Criminal Law Code II, Property Infringement]. St. Peterburg: Tipografiya pravitel'stvuyushchego senata.
7. Anon. (1889) Vnutrennee obozrenie [Review of Home Affairs]. *Vestnik Evropy*. 1. pp. 825–845.
8. Law Faculty of St. Vladimir. (1887) *Zamechaniya na proekt Ugolovnogo Ulozheniya (imushchestvennye posyagatel'stva). Mnenie yurid. fak-ta sv. Vladimira* [Comments on the draft Criminal Law (property infringement). Opinion of the Law Faculty of St. Vladimir]. Kiev: Tip. I.N. Kushnereva i K.

Received: 21 September 2015

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБСЕМЕТОВ Марат – канд. ист. наук, генеральный директор Национального архива Республики Казахстан (г. Астана, Казахстан). E-mail: keden-kz@mail.ru

АНТОНОВА Татьяна Григорьевна – ст. преподаватель кафедры английской филологии, аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: tatgran@sibmail.com

БАРАНОВА Анастасия Викторовна – ст. преподаватель кафедры иностранных языков Томского политехнического университета; аспирант кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета. E-mail: baranskikh@yandex.ru

БЕЛГОРОДСКАЯ Людмила Вениаминовна – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: blv.kr@yandex.ru

БЕЛИКОВА Ольга Борисовна – канд. ист. наук, зав. проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. E-mail: bob@mail.tsu.ru

ВОРОНЕЦ Мария Владимировна – ст. лаборант кафедры общего и русского языкознания Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул). E-mail: Voronets10.02.01@gmail.com

ГАЛЬКОВА Алёна Вадимовна – аспирант кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета. E-mail: kalosagahtos@gmail.com.

ГНЮСОВА Ирина Фёдоровна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Томского государственного университета. E-mail: irbor2004@mail.ru

ЕМЕЛЬЯНОВ Евгений Павлович – мл. науч. сотр. сектора методологии и историографии Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург). E-mail: sverdlovsk89@mail.ru

ЕМЕЛЬЯНОВА Анна Вячеславовна – соискатель кафедры архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: annet1986@list.ru

ЖЕЛЕВА Ольга Викторовна – аспирант кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: zheleva.olga@gmail.com

КАНАДЗАВА Томоо – аспирант отдела взаимосвязей русской и зарубежных литератур Института русской литературы Российской академии наук (г. Санкт-Петербург). E-mail: tm.tamij@gmail.com

КУДРЯШЕВ Вячеслав Николаевич – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: kvn18011962@yandex.ru

КУХТЕНКОВА Анастасия Анатольевна – аспирант кафедры современного русского языка Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: kuhtenkovaanastasiya@mail.ru

ЛЕКАРЕНКО Оксана Геннадьевна – д-р ист. наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: olekarenko@gmail.com

ЛИТВИНОВА Ольга Геннадьевна – ст. преподаватель кафедры реставрации и реконструкции архитектурного наследия Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: litvinovaolga1982@gmail.com

ЛОЗИНСКИЙ Игорь Владиславович – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Томского государственного университета. E-mail: lozin@mail.tsu.ru

ЛУКОВ Евгений Викторович – канд. ист. наук, доцент кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: lev74@mail2000.ru

ЛУКЬЯНОВА Алина Александровна – адъюнкт кафедры уголовного процесса Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: lok_doc@mail.ru

ЛЯПКОВА Анна Алексеевна – ст. преподаватель кафедры библиотечно-информационной деятельности Томского государственного университета. E-mail: anna_lyapkova@rambler.ru

МАЖИНСКИЙ Станислав Витальевич – преподаватель кафедры востоковедения Томского государственного университета. E-mail: mazhinsky@yandex.ru

МИКЛАШЕВСКИЙ Алексей Алексеевич – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: armanster31@gmail.com

ОГУДОВ Сергей Александрович – искусствовед отдела биофильмографии и международных связей Госфильмофонда России (г. Москва). E-mail: ogudovs@mail.ru

ПОНОМАРЕВА Анастасия Александровна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики преподавания литературы Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: anastasiya.ponomareva.92@inbox.ru

ПОНОМАРЁВА Светлана Альбертовна – аспирант кафедры всеобщей истории Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: vadjima72@gmail.com

ПРОЗУМЕНТОВ Лев Михайлович – д-р юрид. наук профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Томского государственного университета. E-mail: krim_tsu@mail.ru

РАГОЗИН Дмитрий Валерьевич – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры истории и регионоведения Томского политехнического университета. E-mail: rddragozi28@gmail.com

СИМОНОВА Марина Владимировна – аспирант кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: simonova_marina42rus@mail.ru

СУЗДАЛЬЦЕВА Татьяна Игоревна – соискатель кафедры гражданского процесса Томского государственного университета. E-mail: suzdalceva_tatya@mail.ru

ТАТАРИНОВ Сергей Александрович – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного и международного права Томского государственного университета. E-mail: cafedra206@mail.ru

ТОКМУРЗАЕВ Бакыт Салманович – аспирант кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета. E-mail: nat.proff.om@yandex.ru

УСОЛЬЦЕВА Ольга Васильевна – соискатель кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: usolzeva@list.ru

ФЕФЕЛОВА Оксана Анатольевна – канд. ист. наук, соискатель кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: oks-fefelova@yandex.ru

ФИЛЬКИН Константин Николаевич – соискатель кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета. E-mail: indology@eml.ru

ФИЛЬКИНА Александра Витальевна – канд. социол. наук, доцент кафедры философии и социальных наук Томского государственного педагогического университета. E-mail: alexandra.filkina.tspu@gmail.com

ЧЕРЕМНЫХ Ольга Алексеевна – аспирант кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: olqga375@sibmail.com

ЧЕРНОУСОВА Анастасия Владимировна – аспирант кафедры уголовного права Томского государственного университета. E-mail: nastya-chernousova@yandex.ru

ЧУРКИН Михаил Константинович – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета. E-mail: proffchurkin@yandex.ru

ШЕРСТЮКОВ Сергей Андреевич – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры востоковедения Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: shers-serg@yandex.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

2015 № 401 Декабрь

Главный редактор (председатель научно-редакционного совета)
Э.В. Галажинский
Ответственный редактор выпуска
Д.А. Катунин

ФИЛОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ. ПРАВО

Печатная версия журнала
зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала
зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).
Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу
http:// www.journals.tsu.ru/vestnik

Адрес редакционного совета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»
Телефон 8+(382-2)–52-96-67

Подписано к печати 20 декабря 2015 г.
Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 29,8. Тираж 250 экз. Заказ № 1569.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Полькина
Корректор Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки – Л.Д. Кривцова
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2015 г. было выпущено 389 номеров. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/ vestnik

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from the authors or authors' institution.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет», редакция журнала «Вестник ТГУ».
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Editorial Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Dmitry Katunin
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru